

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2018. № 433. Август**

- ФИЛОЛОГИЯ • PHILOLOGY
- ИСТОРИЯ • HISTORY
- ПЕДАГОГИКА • PEDAGOGICS
- ПРАВО • LAW

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2018. № 433. August**

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТИ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижков, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сушченко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekayev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Кузнецова Е.В. Трансформация философско-религиозного дискурса модернизма в поэзии	
И. Северянина	5
Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Иронический модус повествования в современном экзистенциалистском романе	13
Машанло Т.Е. Влияние уровня владения изучаемым языком на показатели процесса чтения иностранных текстов русско-китайскими и китайско-русскими билингвами	22
Павлович К.К. Античная традиция и искусство пластики в пейзажах «Фрегата “Паллада”»	
И.А. Гончарова	31
Степаненко А.А., Резанова З.И. Экспрессивность как маркер гендерных различий компьютерной коммуникации (к проблеме автоматической гендерной атрибуции текста)	38
Трофимова О.В., Полухина Я.П., Цзин Тун. Нарццательная лексика как объект перевода и комментария в китайских изданиях «Капитанской дочки» А.С. Пушкина	47

ИСТОРИЯ

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX в.	59
Ипполитов В.А., Слезин А.А. Апогей коллективизации: роль комсомола	64
Килин А.П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей	70
Крестьянников Е.А. «Свободная профессия» П.В. Вологодского: адвокатские траектории томского юриста	78
Никифорова Э.А. К истории движения студенческих строительных отрядов Томской области в 1960-е гг.	87
Прищепа Е.В. К вопросу о генезисе жилища «тура» у хакасов	90
Прокуряков Б.В. Кадровое обеспечение Сургутского речного порта в 1965–1975 гг.	99
Фам К.Н., Фаерман А.В. Домашние алтари в современном Вьетнаме	104
Чердансева Р.Г., Моисеенко А.Д. Руководители кафедры физического воспитания Томского государственного университета. Вклад А.Я. Кузнецова, Н.Н. Биязи и Б.С. Ганжи в развитие физической культуры	111
Шульц Э.Э. Кто голосовал за НСДАП? К проблеме социальной базы национал-социалистов в Веймарской республике	116
Шушарина М.В. Итоги индустриального развития Австралии	122

ПЕДАГОГИКА

Баранова Е.А., Бредихина Ю.П., Кабачкова А.В., Калинникова Ю.Г., Пашков В.К. Современные подходы к роботизированной механотерапии с элементами биоуправления и телемедицины для восстановления утраченных двигательных функций	127
Гаврилова М.Н., Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А. Связь качества образовательной среды дошкольного учреждения и психического развития ребенка: теоретический обзор.....	135
Дудина М.Н. Современный студент в самооценке «забота о себе»: результаты эмпирического исследования	146
Овсянникова Л.Ю. Педагогические закономерности и принципы формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях цифровой трансформации процессов в образовании и здравоохранении	152

CONTENTS

PHILOLOGY

Kuznetsova E.V. Transformation of the philosophical and religious discourse of modernism in the poetry of Igor Severyanin	5
Lushnikova G.I., Osadchaya T.Yu. The ironic mode in the modern existential novel	13
Mashanlo T.E. The effect of L2 proficiency on the eye movement measures during L2 reading in Russian-Chinese and Chinese-Russian late bilinguals	22
Pavlovich K.K. The ancient tradition and the art of plastics in the depiction of landscapes in <i>The Frigate “Pallada”</i> by Ivan Goncharov	31
Stepanenko A.A., Rezanova Z.I. Expressiveness as a marker of gender differences in computer communication (the problem of automatic gender attribution of the text)	38
Trofimova O.V., Polukhina Ya.P., Jing Tong. Common nouns as an object of translation and commentary in the Chinese editions of Pushkin’s <i>The Captain’s Daughter</i>	47

HISTORY

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Russian outskirts in the imperial administration model of the 19th century	59
Ippolitov V.A., Slezin A.A. The apotheosis of the collectivization campaign: the role of Komsomol	64
Kilin A.P. Autobiographical data in the personal record of a citizen who has applied for the restoration of electoral rights deprived for trading	70
Krestyannikov E.A. The “liberal profession” of Pyotr Vologodsky: advocate trajectories of the Tomsk lawyer	78
Nikiforova E.A. On the history of the movement of Tomsk Oblast student construction teams in the 1960s	87
Prishchepa Ye.V. On the genesis of the Khakass dwelling “tura”	90
Proskuryakov B.V. Staff composition of the Surgut River Port in 1965–1975	99
Pham K.N., Faerman A.V. Home altars in modern Vietnam	104
Cherdantseva R.G., Moiseenko A.D. Heads of the Department of Physical Education of Tomsk State University. The contribution of Andrey Ya. Kuznetsov, Nikolay N. Biyazi and Boris S. Ganzha to the development of physical culture	111
Shults E.E. Who voted for NSDAP?: On the problem of the social base of National Socialists in the Weimar Republic	116
Shusharina M.V. The results of the industrial development of Australia	122

PEDAGOGICS

Baranova E.A., Bredikhina Yu.P., Kabachkova A.V., Kalinnikova Yu.G., Pashkov V.K. Modern approaches to robotic mechanotherapy with elements of bio-management and telemedicine for the restoration of lost motor functions	127
Gavrilova M.N., Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A. Connection between the classroom quality of a pre-school institution and children’s outcomes: a theoretic overview	135
Dudina M.N. A modern student in the self-evaluation “caring for oneself”: results of an empirical research	146
Ovyanitskaya L.Yu. Pedagogical regularities and principles of health professionals’ information competence formation in the conditions of digital transformation of processes in education and healthcare	152

Цигулева О.В., Малкова И.Ю. Реформирование
негосударственного сектора образования в контексте
человеческого капитала в Российской Федерации 158

ПРАВО

Агашев Д.В. Отношения по обязательному социальному страхованию как объект «скрытой конкуренции» права социального обеспечения и трудового права	164
Ахмедшина Н.В. Анализ социальных и психологических теорий причинности серийной преступности	171
Корнакова С.В., Щербакова И.А. Гарантии независимости, обеспечивающие статус судьи в Российской Федерации	180
Кравец И.А. Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства	186
Плаксина Т.А. Практика назначения наказания за особо тяжкие преступления против жизни в Российской Федерации: состояние и тенденции.....	199
Плехова В.И. Вынужденная неопределенность норм уголовного права и (или) некорректное закрепление, толкование их признаков (на примере ст. 138.1 УК РФ)	207
Прозументов Л.М., Карелин Д.В. О некоторых изменениях уголовного антикоррупционного законодательства	216
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220

Tsiguleva O.V., Malkova I.Yu. Reforming the non-state
education sector in the context of human capital
in the Russian Federation 158

LAW

Agashev D.V. Compulsory social insurance relationships as the object of “latent competition” of social security law and labour law	164
Akhmedshina N.V. Analysis of social and psychological theories of the causality of serial crimes	171
Kornakova S.V., Shcherbakova I.A. Guarantees of independence ensuring the status of a judge in the Russian Federation	180
Kravets I.A. Constitutional representation: problems of public political representation identification and improvement	186
Plaksina T.A. The practice of imposing punishment for especially grave crimes against life in the Russian Federation: status and trends	199
Plokhova V.I. The forced ambiguity of criminal law norms and (or) incorrect consolidation, interpretation of their features (based on Article 138.1 of the RF Criminal Code)	207
Prozumentov L.M., Karelin D.V. On some changes in the criminal anti-corruption legislation	216
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	220

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

E.B. Кузнецова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА МОДЕРНИЗМА В ПОЭЗИИ И. СЕВЕРЯНИНА

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Анализируются некоторые примеры работы И. Северянина с языковыми клише и штампами мистико-религиозной прозы и поэзии Серебряного века. Ирония и утрирование преобразуют чужеродный языковой материал и делают его пригодным для создания новых парадоксально-эпатажных произведений. Поэтика символизма трансформируется Северянином в поэтику постсимволизма путем шаржирования, заострения и скрытого пародирования. Тем самым преодолевается символизм как художественный метод. Взамен утверждаются иное мировидение и пародийно-игровая стилистика художественного текста.

Ключевые слова: И. Северянин; символизм; постсимволизм; ирония; пародия; религиозно-философский дискурс.

В русской поэзии Серебряного века символизм породил особый вид философской и мистико-религиозной поэзии. Ее возникновение было обусловлено некоторыми чертами культурной и социальной жизни эпохи. Представители интеллигенции вели поиски новых религиозных учений на основе традиционного христианства, испытывая потребность в обновлении духовной жизни общества (учение Мережковских о церкви Третьего Завета, толстовство и др.). Усиливается внимание к верованиям иных народов (буддизм, язычество, учения Древнего Востока), увлечение спиритизмом и другими мистическими практиками. Как никогда на поэзию оказывают влияние западноевропейская философия (Кант, Шопенгауэр, Ницше) и русская религиозная философия, прежде всего, идеи Вл. Соловьева.

Д. Мережковский писал в самом начале эпохи модернизма: «Наше время должно определить двумя противоположными чертами: это время самого крайнего материализма и вместе с тем страстных *идеальных* порывов духа» [1. С. 42]. По мнению А.Ф. Лосева, «символисты хотели понимать как реальное то, что является сверхприродным, сверхчувственным, сверхъестественным, небесным, занебесным или, по крайней мере, философской конструкцией» [2. С. 164]. Устремленность русских поэтов рубежа XIX–XX вв. к постижению трансцендентного привела к созданию особого стиля внутри литературного языка эпохи, способного, по мнению символистов, передать мистический опыт постижения иной реальности, духовного запредельного бытия. Этот поэтический язык отличался повышенной фонетической музыкальностью и мелодичностью стиха, ассонансами, повторами, действующими как заклинание, но, главное, особым набором лексики с абстрактными значениями слов, «в семантике которых заложена идея неясного, недостижимого, лежащего за пределами обыденности» [3. С. 12], вкраплением библеизмов, старославянизмов или экзотических топонимов, названий богов и мифических героев, научных философских терминов. В своем крайнем проявлении стихотворения или критическая проза, написанные подобным языком, с

трудом воспринимались неподготовленным читателем и напоминали тексты на иностранном языке.

Характерные словесные формулы «идеальных порывов духа», повторяясь из текста в текст, из произведения в произведение, составили в итоге модернистский мистико-религиозный дискурс, т.е. *особый способ писания и говорения о Боге, религиозных и трансцендентальных проблемах*. Основными темами и узловыми лексемами-концептами мистико-религиозной и философской поэзии символизма были: Бог и Дьявол, Христос и Антихрист, Отец и Сын, Крест, Голгофа, Дух и Плоть («бездна Духа» и «бездна Плоти»), жизнь и смерть, трансцендентное бытие, Апокалипсис и Царство Божие на земле, София Премудрость Божия, Вечная Женственность, Богочеловек и Человекобог и т.д.

В качестве примера подобного типа мышления и говорения можно привести пассаж Д. Мережковского из его статьи о М. Горьком, в котором он стремится в привычных для себя формулах выразить скрытую религиозность пролетарского писателя, воспринятую им, по мнению критика, от бабушки: «В догматической христианской Троице – Отец, Сын и Дух; а в бабушкиной, как будто не христианской, «еретической», – Отец, Сын и Мать. Неоткрытый, неисповеданный, неисполненный лик Духа – в лице Земли-Матери. Отец – в Первом Завете, Сын – во втором; не в последнем ли, Третьем, – Дух? Явление Духа – Святая плоть, Святая Земля, Вечное материнство, Вечная Женственность (курсив мой. – Е.К.)» [4. С. 308]. Мы видим насыщенность этого текста характерными библеизмами и словами-сигналами русской религиозной философии: «Троица», «Отец», «Сын», «Дух», «Завет», «Святая плоть», «Вечная женственность», с помощью которых автор пытается выразить некие универсальные закономерности.

Довольно быстро религиозно-философский дискурс как особый художественный язык становится сам по себе предметом рефлексии и привлекает внимание критиков и подражателей. Уже на рубеже 1910-х гг. иронично описал эту тенденцию в современной ему лирике И. Анненский: «Есть, однако, в России поэты,

для которых *философичность* стала как бы интегральной частью их существа. Поэзию их нельзя назвать, конечно, их *философией*. Это не *философская* поэзия Сюлли Приодома (курсив автора. – Е.К.). Атмосфера, в которой рождаются искры этой поэзии, необходимая творчеству таких поэтов, – густо насыщена мистическим туманом: в нем носятся частицы теософического кокса, этого буржуазнейшего из Антисмеринов, в ней можно открыть, пожалуй, и пар от хлыстовского радио, – сквозь нее мелькнет отсыревшая страница Шопенгауэра, желтая обложка “Света Азии”, – Заратустра бредил в этом тумане Апокалипсисом» [5. С. 291]. Очевидно, что Анненский утрированно отражает определенное явление – увлеченность мистикой и проповедью религиозного обновления уводит поэзию в сторону от ее прямой задачи: лирического самовыражения внутреннего мира личности.

Несмотря на всю серьезность поднимаемых проблем (постижение Бога, земное и небесное бытие, возможный Конец света), подобная поэзия и проза в силу необычности своего стиля быстро стали объектом пародирования. Такие авторы, как Ирма и В. Буренин, высмеивают туманный мистицизм декадентов, А. Измайлов – публицистику Д. Мережковского, пропитанную духом религиозной проповеди. Одну из самых остроумных пародий на философский дискурс символизма написал Е. Венский, взяв за основу творчество Н. Минского:

Я интеллектом в царстве грезы...
Я рефлексирую в саду
Над книгой **Боруха Спинозы**
И цели жизни не найду.
Вокруг все полно **пансихизма**.
Мэоны прыгают в траве.
Императив эвдемонизма
Стучит **перцепцией** в главе.
Душа в пространстве **трансцендентном**
Полна **потенций** и проблем.
И я в желанье **имманентном**
A priori три дули съем.
Наш дворник, с видом элефanta,
Гармоньей мой терзает слух.
Но я, как выученик **Канта**,
Свой высоко поставлю дух [6. С. 157].

Е. Венский иронизирует над стремлением Минского вносить в поэтическую речь сложные научные термины, рассуждать над философскими проблемами и вопросами. В пародии находят отражения такие веяния эпохи, как теории пансихизма и мэонизма, создателем последней был сам Минский, а также учения философов Спинозы и Канта. Но не сама сущность этих учений подвергается пародийному заострению и шаржированию, а тот стиль или способ письма, который они порождают и который является чуждым художественному языку литературы. Комизм в приведенной пародии достигается за счет контраста высокого и бытового, человеческого и абстрактного. Устремленный к постижению трансцендентного, «рефлексирующий в саду» и ищащий цель жизни «выученик Канта» терпит раздражающие звуки гармони дворни-

ка, который «груб и полн детерминизма», а также съедает «три дули» «в желанье имманентном», т.е. чувствуя простой голод. Как это часто бывает, стихотворение Е. Венского метит не только в Минского. Имена философов Спинозы и Канта повторяются в статьях Д. Мережковского («Мистическое движение нашего века», «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и др.) в контексте рассуждений о необходимости мистического проникновения в запредельное, в царство духа. Наряду с Минским, Мережковский также представлял собой в русской поэзии Серебряного века тип поэта-мыслителя, увлеченного религиозной проблематикой.

Северянин не остался в стороне ни от духовных, ни от пародийных исканий своего времени. Рассмотрим ряд стихотворений поэта, в которых можно проследить иронически обыгранные отзвуки философских дискуссий и новых религиозных учений эпохи модернизма. Некоторые его тексты создаются за счет вплетения в поэтическую ткань лексических обрывков мистико-символистского дискурса, расхожих литературных клише. Антитеза «Христос–Антихрист», напряженное ожидание Апокалипсиса, религиозная философия В. Соловьева, Д. Мережковского, Вяч. Иванова, А. Белого и других теоретиков модернизма причудливо предломляются Северянином в «Поэзее не для печати» 1913 г., которая сопровождается посвящением Ф. Сологубу:

Остритесь, ядовые иглы!
Плетись, изысканный **тернец**!
Мы зирить **Антихриста** достигли,
Свой **оголгофили** конец.

Грядет иллюзно опобеден,
Как некогда **Христос**, Протест,
И он исстраждал, чахл и бледен
Жених незачатых невест...

Наш эшафот – не в **Палестине**
У плодоструйных жирных вод,
А в **отелесенной пустыне**
В столице Культыры эшафот.

Moderne-**Голгофа** измельчала:
Не **три креста**, а миллиард,
Но там и здесь – одно начало,
Одно заданье и азарт.

Мы, двойственные изначально,
Растерянно даем вопрос:
«Антихрист у Христа опальный, –
Не псевдонимный ли Христос?» [7. С. 528].

Стихотворение практически оправдало свое название и было опубликовано только тогда, когда поэт был уже в эмиграции, а от прежней литературной жизни России не осталось и следа. По своему лексическому составу этот текст представляет собой нарочито обессмысливший набор философско-религиозных штампов: тернец, Христос, Антихрист, Голгофа, Палестина, Жених, крест, пустыня. Важ-

нейшие для философско-религиозного направления русского символизма концепты, по сути, десемантизируютя и из них выстраиваются абсурдно-противоречивые утверждения. Но тем не менее все стихотворение поразительно напоминает некоторые произведения символистов, разделявших мистико-религиозные искания своего времени. Для сравнения приведем отрывки из статьи А. Белого «Священные цвета», в которой он рассуждает о религиозных основах символизма как метода не только искусства, но и познания (мировоззрения) вообще, постоянно вплетая в собственный текст имена Канта, Ницше, Заратустры (Зороастра), пророка Даниила, Вл. Соловьева, апостола Петра, Христа, Сатаны и т.д.: «Вспоминаешь Ницше: «Пустыня растет: горе тому, в ком таятся пустыни – и что-то омерзительное охватывает сердце. <...> Не в силу ли предшествующей страданию стадии горения Сатанаил у богомилов – старший брат Христа? <...> Крест, воздвигнутый на Голгофе, весь покрытый каплями крови, и венец ароматных, нетленных и белых мистических роз! <...> В религии Зороастра идеи отождествлены с девятью ангельскими начальами. <...> Чувства по Шопенгаузеру, суть деятельности воли. <...> Всякий символ в последней широте явит образ Жениха и Невесты» [8. С. 122–129]. Приведенные цитаты из статьи Белого являются характерным примером символистского религиозно-философского дискурса, особого способа изложения своих мыслей, при котором свободное «припомнинание» поэтом идей Ницше, Шопенгаузера, Мережковского, апостолов и т.д. превращается в изложение его собственных взглядов. С точки зрения лексического состава перед нами схожий с набором Северянина из приведенной поэзы перечень имен Священной истории, устойчивых выражений и библейзмов. Но цели поэтов совершенно разные. Белый перерабатывает чужую философию для создания собственной, а Северянин уже играет словесными идиомами, популярными в литературной среде эпохи, практически игнорируя сложные идеологемы, стоящие за ними. Цель его игры – парадоксальное столкновение и, по сути, обнуление любых теорий ради достижения художественного воздействия на читателя: удивление, эпатаж, недоумение. Но помимо этого, разрушая чужую идейно-стилистическую систему, он утверждает свое мировоззрение: земное, «посюстроннее».

Содержание стихотворения «Поэза не для печати» затуманено лексическими экспериментами, но можно различить в его строках иронию над апокалиптическими настроениями эпохи: «Мы зрить Антихриста достигли / Свой оголгофили конец». В последнем четверостишии звучат отголоски дискуссий о двойственности человека, состоящего из плоти и духа (синтез «правды плоти» и «правды духа» особенно активно проповедовал Мережковский), а последнее двустишие представляет собой пример религиозного парадокса о единстве Христа и Антихриста. Появление самих этих лексем в тексте Северянина актуализировано, скорее всего, еще и называнием популярной романной трилогии Мережковского «Христос и Антихрист». Ирония поэта-эгофутуриста отдаленно перекликается с иронией драмы А. Блока «Балаганчик», высмеивающей чаяния московских мистиков начала XX в.

Таким образом, «Поэза не для печати» является по техническим приемам (утрирование, гротеск, парадокс, лексико-стилистическое смешение, ироническое заострение), скрытой пародией, доводящей до абсурда проповеднический пафос, но направленной не только на идеальное содержание мистико-религиозного течения русского символизма, сколько на его лексический арсенал. Но помимо пародийной интенции в тексте присутствует и другая: эксперимент с языком эпохи ради создания поэзии нового типа. Многие характерные клише, которые обыгрывает поэт, получают иное звучание с помощью при соединения новых слов, создания неологизмов: не просто Голгофа, а «Modern-Голгофа», а также «оголгофили». Поэтому можно взглянуть на это произведение как на попытку создания коллажного поэтического текста из чужеродного по своему происхождению словесного арсенала. При этом ключевые лексемы религиозно-философского дискурса, освобождаясь от сакрального смысла, становятся чистым материалом, пригодным для комбинирования любых новых текстов.

Упоминание трех крестов и Голгофы может быть аллюзией и на мистико-религиозное стихотворение Вяч. Иванова «Крест зла» 1904 г. (как и на другие подобные произведения): «Сказания простого / Как смысл вместят уста? / Вблизи креста Христова / Стояли два креста. / Как изрекут, о братья, / Уста соблазна весть? / И Грех – алтарь распятия, / И Зла Голгофа есть!» [9. С. 131]. Смысл стихотворения Вяч. Иванова столь же абстрактен и затемнен как и в поэзии Северянина, трудноуловим за изощренной вязью слов. Еще один пример объективации и нового использования религиозно-философского дискурса рубежа веков представлен в стихотворении «Шампанский полонез» 1912 г., вошедшем в знаменитый «Громокипящий кубок»:

Шампанское, в лилии журчащее искристо,
Вино, упоенное бокалом цветка.
Я славлю восторженно **Христа и Антихриста**
Душой, обожженной восторгом глотка!

Голубку и ястреба! Рейхстаг и Бастилию!
Кокотку и схимника! Порывность и сон!
В шампанского лилию! Шампанского в лилию!
В морях Дисгармонии – маяк Унисон! [10. С. 47]

Упоминая «Христа и Антихриста», Северянин недвусмысленно метит в Мережковского, чья романная трилогия с подобным названием была широко известна. Но он не пародирует стиль его стихотворений, содержание романа или его самого как личность с определенными манерами, характером, привычками. Весьма остроумно поэт обыгрывает сам способ мышления, свойственный ему, а именно стремление все сводить к простым антитезам, бинарным оппозициям. И Северянин приводит целый каскад пародийных антитез: «голубка и ястреб», «Рейхстаг и Бастилия», «кокотка и схимник», «порывность и сон». В этом тексте, с одной стороны, можно увидеть также иронию над любовью всех

символистов к контрастам и оксюморонам, высмеянную еще в пародиях Вл. Соловьева: «Призрак льдины огнедышащей / В ярком сумраке погас» [11. С. 99]. Но с другой стороны, Северянин сам экспроприирует и активно использует символистский принцип оппозиций в этом произведении. Особенную «несерьезность» и игривость всему стихотворению «Шампанский полонез» придает указание на то, что восторг воспевания контрастов связан с воздействием алкоголя: под влиянием шампанского все философские проблемы сразу становятся разрешимыми, а противоречия несущественными.

По мнению Н.А. Максимовой, основной художественный прием в данном произведении – «сложение противоположностей», но при этом основные антитезы «не являются по своей первичной функции антонимами», и в стихотворении «возникает ситуативная противоположность слов»: Христос – добро, Антихрист – зло; голубка – кротость, ястреб – агрессия; Рейхстаг – власть и ее защита, Бастилия – власть и ее карательная сила; кокотка – разврат, схимник – аскетизм; порывность – активность, сон – пассивность [12. С. 74]. Можно ли утверждать, что сам поэт выражает в этом произведении какую-то жизненную философию? По мнению Н.А. Максимовой, целью подобной сематической игры является утверждение идеи восторженного «всеприятия» [Там же]. Мнения критиков-современников об этом стихотворении разделились: анонимный автор харьковской газеты «Южный край» счел это произведение отражением юношеского восторженного принятия мира, но большинство рецензентов (А. Измайлов, А. Амфитеатров, Вл. Краухфельд) увидели в стихотворении отголоски аморализма и релятивизма старших декадентов и обвинили поэта в подражании [13. С. 679–680]. На наш взгляд, нельзя исключать, что Северянин, снимая в finale «Шампанского полонеза» мнимые антитезы, не просто копирует эпатажные релятивистские заявления символов в духе знаменитого брюсовского утверждения «Хочу, чтоб всюду плывала / Свободная ладья. / И Господа, и Дьявола / Хочу прославить я» [14. С. 148], а уже иронизирует над самим способом подобного бинарно-прямолинейного мышления. О наличии иронической двусмыслинности в собственном творчестве не раз заявлял сам поэт, например в стихотворении «Двусмысленная слава» звучит обоснование принципа разрешения неразрешимых дилемм с помощью иронического «остранения»:

<...> Неразрешимые дилеммы

Я разрешал, презрев мольбу.
Мои двусмысленные темы –
Двусмысленны по существу.

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, –
Ведь я лирический ироник:
Ирония – вот мой канон [10. С. 142–143].

Н.А. Антонова справедливо утверждает, что противоречие – излюбленная тропоfigура Северянина, и

прибегает он к ней не только для усиления художественной выразительности. Пристрастие к противопоставлениям может быть обусловлено одной глубинной особенностью этого приема – возможностью имплицитно выражать отрицание: «Главное семантическое содержание поэтического противоречия – это отрицание, которое обнаруживается на всех его ярусах, т.е. в семантическом аспекте фигура противоречия как факт языка характеризуется наличием внутреннего отрицания» [15. С. 121]. Таким образом, прибегая к этой фигуре, поэт может, утверждая, отрицать и отрицать, утверждая, говоря «да», подразумевать «нет», создавая тем самым возможность для развертывания иронии и двусмыслинности, направленных на литературный стиль (стили) своей эпохи. «Действительно, ирония, особенно автоирония, или “насмешливый лиризм”, – едва ли не основной нерв поэзии Северянина», – полагают В.Н. Терёхина и Н.И. Шубникова-Гусева [16. С. 634].

Мережковский как важный для автора адресат, представитель иного художественного и философского мышления, прямо именуется и в более позднем стихотворении поэта 1918 г. «Газэлла IX» из сборника «Вервэна»: «А если б Пушкин и к нам пришел?.. / Тогда б он увидел, что Хам пришел. / И Мережковскому бы сказал он: «Да, / Собрат, вы были правы, – “он” там пришел» [7. С. 611]. Под «Хамом» в данном произведении подразумеваются, вероятно, «новые» поэты, кубофутуристы во главе с Маяковским, отвоевавшие в это время читательское внимание, к чему Северянин относился весьма ревниво, возможно, и захватившие власть в России большевики. Перед лицом нашествия этих «новых варваров» символист и «богоискатель» Мережковский оказывается основателем эгофутуризма намного ближе.

Травестирированию мистико-религиозного символистского дискурса как художественному приему Северянин учится, скорее всего, у пародистов 1900-х гг.¹, которые не прошли мимо этого культурного явления. А. Измайлов, например, следующим образом дает представление о стиле Мережковского в одной из пародий сборника «Кривое зеркало», намекая на его монографию «Гоголь и черт» и обыгрывая те же знаковые лексемы, которые мы уже перечисляли: «Волосы встают дыбом, когда мозг осеняет молниеносная мысль, кто – первозданный и страшный – стоит за Хлестаковым. Гоголь становится тайнозрителем, Петербург – Патмосом... Страшно сказать, жутко сказать, но скажу: Хлестаков – это Антихрист. Он “раз управляет департаментом”, – разве это не бранный клич современного прогресса, откуда один шаг до наречения себя Человекобогом? Разве не это написано в книге Даниила?» [19. С. 161]. Мы видим в этом небольшом тексте нагромождение характерных лексем (Патмос, Антихрист, Человекобог, книга Даниила) и нагнетание проповеднического пафоса. Комический эффект достигается за счет помещения библеизмов в иной контекст: смешения с узнаваемыми обрывками расхожих цитат из гоголевского «Ревизора». По словам В.Н. Крылова, «близкую позицию по отношению к Мережковскому занимал Измайлов и в журнальных статьях, говоря, что тот “таскает Бога с

собой по книгам, по газетным фельетонам, по публичным лекциям», занимается “трескотней о Боге”» [20. С. 209].

Не только Северянин или Измайлов отозвались на возникновение внутри русского символизма нового стиля. К. Бальмонт в ряде текстов тоже рефлексирует над мистико-религиозным дискурсом эпохи. Он провозглашает легкость и стихийность в поэтическом творчестве и отрицает философствование и бесконечные прения старших символистов о Боге и религии в послании с говорящим названием «Далеким близким» (1903):

Мне чужды ваши рассуждения:
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».
Я нежный иней охлаждения,
Я ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания:
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».
Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки – помышлением,
Вы так свирепы – на словах,
Я должен быть **стихийным гением**,
Я **весь в себе** – восторг и страх.

Вы разливаете, сливаете,
Не до хода до бытия.
Но никогда вы не узнаете,
Как **безраздельно целен я** [21. С. 614].

Перед нами своеобразная проповедь интуитивного творчества и отказ от превращения поэзии в трактат по религиозно-философским вопросам. При этом главные лексемы («Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог», «тьма», «грех») выделены в тексте как характерное «чужое слово», показатель узнаваемого культурного «жаргона», свойственного определенной социальной группе русской интеллигенции начала XX в. Безусловно, в этом произведении в виде далекого эха нашли свое отражение и дискуссии на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге в 1901–1903 гг. Схожие настроения звучат и в другом стихотворении поэта-декадента, «Проповедникам», но там наглядно не представлен сам дискурс мистико-религиозного течения в русле русского символизма с его непременными «Христом», «Антихристом», «Дьяволом», «Богом», «тьмой», «грехом», которые мы наблюдаем в процитированном стихотворении.

Утверждение «стихийного» и интуитивного творчества мы находим и у Северянина. Он создает стихотворение «Интродукция», в игривой и одновременно восторженной интонации которого и в самом содержании (отказ от умствования в поэзии) звучат отголоски бальмонтовских призывов:

Я – соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, –
Поймут меня, певца весны. <...>

Я – соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так **бессмысленно чудесен**,
Что **Смысл** склонился предо мной! [10. С. 159]

Но разница в позиции поэтов все же есть. Бальмонт отстаивает импрессионистичность поэзии, в которой и так содержится истинная правда о полноте бытия, но не умопостигаемая и не заключенная в философские конструкции. Северянин идет дальше и прославляет уже почти абсурдную, бессмысленную поэзию, точнее поэзию, в которой бессмысленность обретает глубокий философский смысл. Тем самым он во многом предваряет открытия абсурдистов и поэтов-обриутов.

Наряду с усиленным философствованием, отказ от рассудочности был в начале XX в. другим заметным веянием в поэзии, но только противоположным по направленности. К. Чуковский, негодяя, обозначил его следующими словами: «Ratio, Logos – нынче у нас не в фаворе, – дорогу слепым, но веющим озарениям стихийной души. Интуитивное постижение мира, темный звериный нюх, шаманский экстатический бред мудрее вашей бедной рассудочности» [22. С. 450]. Северянина критик в этой же статье также упрекает в том, что он следует за этой модой. Но, по нашему мнению, не следует считать его подражателем декадентов, так как он доводил до предела эту вполне определенную тенденцию в современном ему искусстве. Северянин и утверждает осмысленную бессмысленность, иронизирует над тенденцией провозглашения внераассудочного характера поэзии, точно также как и над стремлением воплотить в лирике религиозно-философские искания и мистические устремления. По крайней мере, он демонстрирует примеры крайнего воплощения этих принципов.

Итог идейным исканиям Серебряного века поэт подводит уже в 1918 г. Он создает саркастическое стихотворение «Конечное ничто», в котором уже не пародирует стиль религиозно-философского дискурса символов, не играет с его формулами, а скорее обнуляет всю мыслительную сферу ушедшей в небытие эпохи:

<...> Простор лазоревых теорий,
И практика – мрачней могил...
Какая ширь была во взоре!
Как стебель рос! и стебель сгнил...

Изнемогли в противоречьях.
Не понимаем ничего.
Все грезим о каких-то встречах –
Но с кем, зачем и для чего? <...>

Грядет Антихрист? Не Христос ли?
Иль оба вместе? Раньше – кто?
Сначала тьма? Не свет ли после?
Иль погрузимся мы в ничто? [7. С. 624–625]

Можно уловить в этом тексте аллюзии на мистическую поэзию Блока и Белого, ожидавших встречи с Софией, Вечной Женственностью, их «лазоревые теории» о

теургическом искусстве, антитезу Христа и Антихриста, прошедшую через творчество Вл. Соловьева, Д. Мережковского, В. Розанова, а также увлечение поэтов и деятелей культуры Серебряного века восточными философскими учениями (К. Бальмонт, Н. Рерих, И. Бунин). Все это представляется Северянину мудрствованием от лукавого, что и подтвердили, с его точки зрения, исторические события двух революций, уничтожившие, как казалось в 1918 г., всю прежнюю культуру.

Конечно, достижения философской мысли и мистико-религиозной поэзии рубежа XIX–XX вв. сохранились, вновь обрели своего читателя и ценность их общеизвестна. Сарказм поэта обусловлен во многом личными причинами и обстоятельствами времени. Процитированный текст проигрывает «Поэзе не для печати» в оригинальности, он уже не создает новое из обломков старого, а просто инвентаризирует идеиные искания ушедшей эпохи. Тем не менее это стихотворение подтверждает, что поэт был в курсе мистико-религиозных исканий своего времени, столь ярко воплотившийся в поэзии, прозе и публицистике ряда представителей Серебряного века. Подобное «остранение» и утрированное обнажение литературных форм целого пласта культурной жизни современности порой небесполезны и дают толчок для ее дальнейшего развития. Приведем проницательное суждение Ю. Тынянова: «Эволюция литературы, в частности поэзии, совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции. Здесь играет свою роль, так сказать учебную, экспериментальную, и подражание, и пародия» [23. С. 293]. Талант Северянина-поэта доэмигрантского периода состоял, на наш взгляд, в том, что он чутко улавливал

венияния времени, обыгрывал то, что уже и в самом деле начинало изживать себя в бесконечных прениях, журнальной полемике, стихотворных перепевах.

Таким образом, для писателей-«богоискателей» и идейно близких к ним авторов за религиозно-философским понятиями (словами-сигналами, символами) стояли важнейшие мировоззренческие представления, но для некоторых современников это были уже просто слова, оторванные от своего идейного содержания. К. Бальмонт в стихотворениях «Далеким близким» и «Проповедникам» совершают одну из первых попыток взглянуть со стороны на религиозно-философский дискурс, отразить его именно как способ мышления и говорения, оперирующий ограниченным набором повторяемых клише. Религиозно-философские формулы у него приобретают легкий иронический оттенок, выявляют свою условность, но полностью не десемантизируются, не становятся материалом для парадоксов и каламбуров. В стихотворениях И. Северянина «Шампанский полонез» и «Поэза не для печати» ирония усиливается, на первый план выходит стилистическая игра с языковыми штампами и клише, происходит трансформация наследия символизма в тексты уже постсимволистские по своей природе. Тем самым преодолеваются символизм как художественный метод, основанный, прежде всего, на многозначности слова-символа, и само умонастроение, породившее религиозно-философские искания и порывы в запредельное. Взамен утверждаются иное мировидение, направленное только на земное бытие, и пародийно-игровая стилистика художественного текста, основанная на ироническом «остранении»².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о взаимосвязях творчества И. Северянина с русской литературной пародией XIX–XX вв. см. в статье Е.В. Кузнецовой: [17, 18].
² К.Г. Исупов одним из первых высказал мысль об особой, усложненной двойным преломлением природе творчества И. Северянина, основанного на игре с «театром жизни» и наследием символизма: «В иронически-игровой поэзии Северянина состоялось самоотрижение декаданса не путем прямого присвоения его ценностей, а в театрализованном (трагическом по существу), остраненно-эстрадном изживании его как особого стиля жизни и стиля поэтического мышления» [24. С. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Критика русского символизма : в 2 т. М. : Олимп; АСТ, 2002. Т. 1. С. 41–62.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1976.
3. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М. : Наука, 1986.
4. Мережковский Д. Не святая Русь (Религия Горького) // Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М. : Книжная палата, 1991. С. 304–314.
5. Анненский И. О современном лиризме // Критика русского символизма : в 2 т. М. : Олимп; АСТ, 2002. Т. 2. С. 267–360.
6. Русская литература в зеркале пародии: Антология. М. : Высш. шк., 1993.
7. Северянин И. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : Альфа-книга, 2014.
8. Белый А. Магия слов // Критика русского символизма : в 2 т. М. : Олимп-АСТ, 2002. Т. 2. С. 173–199.
9. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1976.
10. Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / сост., вступ. ст. и прим. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. М. : Наука, 2004.
11. Соловьев Вл. Избранное: Поэзия; Проза; Письма. М. : Терра-Книжный клуб, 2009.
12. Максимова Н.А. Противоречие как конструктивно-семантический прием в языке поэзии Игоря Северянина // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2006. № 1 (3). С. 72–76.
13. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И.. Примечания // Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / сост., вступ. ст. и прим. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. М. : Наука, 2004. С. 645–802.
14. Брюсов В.Я. Urbi et Orbi. Стихи 1900–1903 гг. М. : Скорпион, 1903.
15. Антонова Н.А. Фигура противоречия как конструктивно-семантический прием (на материале поэзии И. Северянина) // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 121–128.
16. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «Согреет всех мое бессмертье...». О жизни и творчестве Игоря Северянина // Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / сост., вступ. ст. и прим. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. М. : Наука, 2004. С. 601–645.
17. Кузнецова Е.В. Поэтика И. Северянина и литературная пародия начала XX в. // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 1. С. 220–244.

18. Кузнецова Е.В. Поэтика пародийности в доэмигрантском творчестве И. Северянина // *Russian Literature*. 2018. № 95. С. 33–62.
19. Измайлов А. Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа. СПб. : Из-во Ивана Лимбаха, 2002.
20. Крылов В.Н. Критика и критики в зеркале Серебряного века. М. : Флинта; Наука, 2015.
21. Бальмонт К. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Можайск-Терра, 1994. Т. 1.
22. Чуковский К. Футуристы // Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб. : Росток, 2005.
23. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 284–310.
24. Икупов К.Г. Историко-бытовые архетипы в творческом поведении И. Северянина // О Игоре Северянине. Тезисы докл. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец : Череповецкий гос. пединститут им. А.В. Луначарского, 1987. С. 14–18.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 апреля 2018 г.

TRANSFORMATION OF THE PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS DISCOURSE OF MODERNISM IN THE POETRY OF IGOR SEVERYANIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/433/1

Ekaterina V. Kuznetsova, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: katkuz1@mail.ru

Keywords: Igor Severyanin; symbolism; post-symbolism; irony; parody; religious and philosophical discourse.

The aim of the article is to analyze the transformation of symbolism poetics into post-symbolist avant-garde poetics. Philosophical and religious discourse was one of the specific features of Russian symbolism; it reflected the spiritual quest of the era. The aspiration to comprehend the transcendent led to the creation of a special style within the literary language of the epoch. The characteristic verbal formulas of this style, repeating themselves from text to text, eventually formed a modern philosophical and religious discourse: a special way of writing and speaking about God, religious and philosophical problems. Its basic word concepts were: God and the Devil, Christ and Antichrist, Father and Son, the Cross, Calvary, the Spirit and the Flesh, the transcendental Genesis, the Apocalypse and the Kingdom of God on earth, Sophia, the Wisdom of God, the God-Man and the Man-God, etc. Despite the seriousness of the problem, such poetry and prose became the object of reflection, reinterpretation and parody in the 1900s. The material of the study is the works of Konstantin Balmont and Igor Severyanin, which reflected the philosophical and religious discourse of the era. Excerpts from the works of D. Merezhkovsky, A. Bely, Vyach. Ivanov, A. Izmailov, E. Viensky are also used for comparison. Methods of research are comparative, typological and historical-cultural analysis, and the theory of parody. The study revealed that Balmont's poem "Dalyokim blizkim" [To Distant Close Ones] (1903) is one of the first attempts to reflect on the philosophical and religious discourse of symbolism. His key concepts (Christ, the Antichrist, the Devil, God) are objectified; they acquire an ironic touch, but do not lose their meaning. In Severyanin's "Shampanskiy polonez" [Champagne Polonaise], the binary straightforward thinking and addiction to antitheses are shown, which are specific features, for example, for Merezhkovsky's novel trilogy *Christ and Antichrist*. In "Poeza ne dlya pechati" [Poesia not for Publication], the irony and the stylistic game with language stamps are enhanced. They appear in new stylistic contexts, lose meaning, form absurd combinations. Severyanin's "Konechnoe nicho" [The Final Nothing] (1918) sums up the philosophical and religious searches of the era, listing their figurative-ideological and lexical arsenal. The tangible focus on the "second plan", someone else's style, and ironic coloring allow classifying Severyanin's poems as parodies in their mechanism. The main conclusion of the article is that Severyanin distances himself from the legacy of symbolism, discredits it by travesty, exaggeration, hyperbole, grotesque and alogism, and, at the same time, uses its linguistic material to create poetry of a new type. Thus, symbolism as an artistic method and worldview is overcome. In return, a different world-view, aimed only at earthly existence, and the parodying game stylistics of a literary text are approved.

REFERENCES

1. Merezhkovskiy, D. (2002) O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury [On the causes of decline and on the new trends of modern Russian literature]. In: Bogomolov, N.A. *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Olimp; AST.
2. Losev, A.F. (1976) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo.
3. Kozhevnikova, N.A. (1986) *Slovopotreblenie v russkoy poezii nachala XX veka* [Word usage in Russian poetry of the beginning of the twentieth century]. Moscow: Nauka.
4. Merezhkovskiy, D. (1991) *Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis. Selected literary-critical articles]. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 304–314.
5. Annenskiy, I. (2002) O sovremennom lirizme [On contemporary lyricism]. In: Bogomolov, N.A. *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Olimp; AST.
6. Kushlina, O.B. (ed.) (1993) *Russkaya literatura v zerkale parodii: Antologiya* [Russian literature in the mirror of a parody]. Moscow: Vyssh. shk.
7. Severyanin, I. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow: Al'fa-kniga.
8. Bely, A. (2002) *Magiya slov* [The magic of words]. In: Bogomolov, N.A. *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Olimp; AST.
9. Ivanov, V. (1976) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
10. Severyanin, I. (2004) *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskem. Solovey. Klassicheskie rozy* [The Thundering Cup. Pineapples in Champagne. The Nightingale. Classical Roses]. Moscow: Nauka.
11. Solov'ev, V. (2009) *Izbrannoe: Poeziya; Proza; Pis'ma* [Selected works: Poetry; Prose; Letters]. Moscow: Terra-Knizhnyy klub.
12. Maksimova, N.A. (2006) Contradiction as a constructive-semantic device in the poetic language of Igor Severyanin. *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 1 (3). pp. 72–76. (In Russian).
13. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (2004) Primechaniya [Notes]. In: Severyanin, I. *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskem. Solovey. Klassicheskie rozy* [The Thundering Cup. Pineapples in Champagne. The Nightingale. Classical Roses]. Moscow: Nauka.
14. Bryusov, V.Ya. (1903) *Urbi et Orbi. Stikhi 1900–1903 gg.* [Urbi et Orbi. Poems of 1900–1903]. Moscow: Skorpion.
15. Antonova, N.A. (2013) Contradiction Figure of Speech as a Constructive and Semantic Means (the case-study of Igor Severyanin's Poetry). *Vestnik RUDN. Ser. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2. pp. 121–128. (In Russian).

16. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (2004) “Sogreet vsekh moe bessmert’e...”. O zhizni i tvorchestve Igorya Severyanina [“My immortality will warm everyone . . . ”. On the life and work of Igor Severyanin]. In: Severyanin, I. *Gromokipyashchii kubok. Ananasы v shampanskom. Solovey. Klassicheskie rozy* [The Thundering Cup. Pineapples in Champagne. The Nightingale. Classical Roses]. Moscow: Nauka.
17. Kuznetsova, E.V. (2017) The poetics of Igor Severyanin and literary parody at the beginning of the 20th century. *Studia Litterarum*. 2(1). pp. 220–244. (In Russian).
18. Kuznetsova, E.V. (2018) The Poetics of Parody in the Work of Igor’ Severianin Before His Emigration. *Russian Literature*. 95. pp. 33–62. (In Russian). DOI: 10.1016/j.ruslit.2018.01.002
19. Izmaylov, A. (2002) *Krivoe zerkalo: Kniga parodii i sharzha* [A curve mirror: The book of parody and cartoon]. St. Petersburg: Iz-vo Ivana Limbakhha.
20. Krylov, V.N. (2015) *Kritika i kritiki v zerkale Serebryanogo veka* [Criticism and critics in the mirror of the Silver Age]. Moscow: Flinta; Nauka.
21. Bal’mont, K. (1994) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mozhaysk-Terra.
22. Chukovskiy, K. (2005) Futurist [Futurists]. In: Terekhin, V.N. & Shubnikov-Gusev, N.I. (eds) *Igor’ Severyanin. Tsarstvennyy payats* [Severyanin. A regal clown]. St. Petersburg: Rostok.
23. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 284–310.
24. Isupov, K.G. (1987) [Historical and everyday archetypes in the creative behavior of I. Severyanin]. *O Igore Severyanine* [On Igor Severyanin]. Abstracts of the Conference on the 100th anniversary of the birth of Igor Severyanin. Cherepovets: Cherepovets State Pedagogical Institute. pp. 14–18. (In Russian).

Received: 10 April 2018

УДК 82-311.1=111"312".09

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая

ИРОНИЧЕСКИЙ МОДУС ПОВЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОМ РОМАНЕ

Исследованы современные англоязычные романы экзистенциалистской тематики. На материале произведений К. Исиуро, Д. Делилло, Дж. Коу, И. Макьюэна, М. Эмиса и П. Остера показано, что иронический модус является ведущим принципом повествования, который по-разному реализуется в каждом конкретном произведении. Объектом иронии в экзистенциалистском романе становятся важные проблемы современной действительности и сами принципы построения экзистенциалистских романов.

Ключевые слова: экзистенциалистский роман; ирония постмодерна; иронический модус повествования; жанровая модификация; интертекстуальность.

Экзистенциалистские романы, как известно, посвящены проблемам кризиса духовных основ цивилизации, преодоления человеком бессмыслинности, трагизма существования, его одиночества в социуме, т.е. поиску некой гармонии в современном мире. На невозможность обретения гармонии в эпоху экономического и технологического прогресса, на нивелирование личностного и индивидуального *философы-экзистенциалисты* указывали еще в первой половине XX столетия [1]. К середине XX в. кризис больших идей мироустройства привел к представлению о неясности дальнейшего пути развития человечества, к отказу от поисков гармонии. В этой ситуации «процесс разнопланового традиционных форм мироустройства и мировосприятия превращается в самодель: активизация хаоса интерпретируется как монопольный путь к высшей гармонии» [2. С. 36]. Все вышеперечисленное свойственно классическому экзистенциалистскому роману.

В современном экзистенциалистском романе данные черты получают свое развитие, несколько модифицируются, так как происходит перефокусировка акцентов идеино-тематического уровня, используются разные типы повествования и повествователя, появляется тенденция к ризоматической организации текста, создаются парадоксальные хронотопы, меняется общая тональность произведений. В соответствии с постмодернистской направленностью это, как правило, тональность, в которой на первое место выступает ирония, причем практически во всех ее видах и проявлениях: вербальная ирония, ирония ситуации, драматическая ирония. Таким образом, ирония используется и как лингвистический прием, и как сюжетно-композиционная стратегия, и как модальность повествования.

Основные характеристики иронии и иронической картины мира заключаются в том, что она представляет собой одну из форм оценочного и эмоционально окрашенного освоения действительности, имеет статус элемента мировоззрения, который является облагороженным, идеализированным коррелятом действительности, имеющим критическую и одновременно комическую направленность. Ирония трактуется как средство общей образности, предназначенное для выражения превосходства адресанта над адресатом.

В отличие от традиционной картины мира, стремящейся к целостной репрезентации действительности, ироническая картина мира основана на фрагментарной – ценностно-нормативной – интерпретации реальности; ироническая картина формирует критически насмешливое отношение человека к жизненному пространству и его составляющим [3. С. 108–111; 4. С. 168–195].

Анализируя романы современных англоязычных писателей, посвященные экзистенциальной проблематике (романы П. Остера, М. Эмиса, И. Макьюэна, Т. Пинчона, Д. Лоджа, К. Исиуро, Дж. Коу, Д. Делилло и других), можно отметить, что их главное отличие от модернистских произведений данной тематики (романы Г. Джеймса, Э.М. Форстера, В. Вулф и др.) состоит в том, что в них часто преобладает иронический модус повествования. По справедливому замечанию Т.А. Медведевой, «в парадоксальной ситуации, когда гармония выводится за пределы действительности и вместе с тем понимается как художественная сверхзадача художника в мире, ирония становится не только техническим средством разнопланового, но и важнейшей мировоззренческой доминантой» [5. С. 83].

Известно, что авторская стратегия создания произведения выполняет текстообразующую роль. «Активным участником верbalного воплощения и выражения этой стратегии является модус – как эксплицированный, так и имплицитный» [6. С. 13]. Другими словами, «модус является одним из главных организующих начал текста» [Там же. С. 253].

По словам О.Н. Копытова, «модус на пространстве текста имеет синтагматическую природу: он складывается в тексте из модусов высказываний (элементарных модусов), из которых автор создает линии, перспективно ведущие к выражению авторской идеи (идей) о мире и об элементах мира. Последовательности элементарных модусов складываются ... ради некой единой цели, создания автором некоторого приема, способного привести к эффекту восприятия адресатом авторской идеи частично или целиком, в непосредственном чтении текста или его последующем рациональном или интуитивном обдумывании» [Там же. С. 254].

Для современного романа экзистенциальной тематики характерны ироничная презентация и трактовка

серезных тем и проблем, что вписывается в общий характер постмодернизма, где господствует «радикальная ирония» (Ж. Лиотар) или «тотальная ирония» (Р. Барт).

В.О. Пигулевский выделяет следующие особенности иронии постмодерна.

1. Это ирония «скептическая, подрывная по отношению к стереотипам, банальностям и привычкам людей».

2. Это ирония радикальная, которая «есть не что иное как карнавализация – осмеяние, которое осуществляется не ради получения значения, а ради осуществления игры, которая, меняя форму, изменяет и смысл».

3. Это ирония, которая «все ставит под сомнение, включая субъективность, которая имитируется в актах высказывания так, что становится неясным, кто жертва иронии, а кто иронизирующий».

4. Это ирония неопределенная: «Неопределенность – это все виды неясностей, двусмысленностей, недомолво, стремление к молчанию и немыслимому, которое производится в языковых играх», «экзистенциальный смысл неопределенной иронии заключается в том, что человек явно сопротивляется миру трудностей и неустойчивости и готов довольствоваться маленькими радостями жизни».

5. Это ирония имманентная: «Имманентность – безбрежный горизонт культурных текстов, охватывающих реальность, семантически весь архив истории от тайн подсознательного до открытых астрофизики» [1. С. 280].

Перечисленные черты иронии постмодерна можно обнаружить в современных романах экзистенциальной проблематики. Это не случайно, поскольку ирония играет важную роль в философском познании действительности. Здесь уместно привести слова французского философа Вл. Янкелевича, признающего большую значимость иронии: «Ирония вводит в наше знание объемность, выразительность и ступенчатость перспективы» [7. С. 16]. И его риторический вопрос «Не является ли ирония одним из ликов мудрости?» [Там же. С. 22], безусловно, предполагает положительный ответ.

Принимая во внимание тот факт, что «ирония – это скрытая насмешка, взрывная сила которой замаскирована внешне серьезной формой» [8], иронический модус в художественном тексте представляет собой «языковую игру, основанную на чувственно-рассудочном отстранении от объекта, возвышении над ним, соединении несоединимого, новом видении ситуации» [9. С. 129].

Таким образом, можно сказать, что в произведениях современных англоязычных авторов серьезные по форме элементы и образы изображаемой действительности заключают в себе скрытую насмешку автора, поскольку, несмотря на их кажущуюся «правильность», «серьезность», они зачастую представляют собой собственную противоположность: кажущиеся важными и нужными действия героев оказываются бессмысленными и глупыми, поиски смысла жизни оборачиваются пустыми разговорами, стремление понять и услышать ближнего сводится к проецирова-

нию собственных стереотипов, ожиданий и представлений героя на окружающих людей.

Рассмотрим романы таких разноплановых писателей, как К. Исигуро, Д. Делилло, Дж. Коу, И. Макьюэна, М. Эмиса и П. Остера, чтобы продемонстрировать специфику, характеристики и доминирующие функции иронического модуса повествования, господствующего в конкретном произведении.

Роман британского писателя японского происхождения К. Исигуро «Безутешные», написанный в 1995 г. [10], исследователи называют сюрреалистической фантасмагорией [11], исповедально-философским романом [12]. Автор создает иллюзорную, загадочную для читателя реальность, которую большинство литераторов трактуют как сновидение [11], чередование состояний пробуждения и засыпания, состояние между сном и явью [13], другие – как сознание рассказчика, страдающего потерей памяти [12]. Отмечается, что главным лейтмотивом произведения является исследование тонкой грани между воображаемым миром, который существует в сознании и памяти человека, и объективной реальностью. Методом повествования называют представление мира как проекции сознания героя, как игры с пространством и временем, в которые помещены герои, ведущей техникой повествования – вариацию литературного приема «ненадежный рассказчик». Все элементы – жанр, ведущие мотивы, метод и техника повествования – служат прежде всего средствами раскрытия эмоциональной сферы главных героев, а также выражения проблематики романа, в первую очередь, экзистенциальной [11].

Главный герой Исигуро, выдающийся пианист мистер Райдер, в попытках разобраться в своей жизни, в отношениях с близкими людьми, определить свое главное призвание, сталкивается с необходимостью найти баланс между собственными интересами, потребностями, стремлениями и обязательствами, которые накладывает на него общество. Иронический модус повествования позволяет автору представить данный конфликт нетрадиционным способом: герой оказывается в плена бессмысленных событий и бесконечных разговоров о них с разными людьми, при этом он не успевает оказаться в нужном месте в нужное время, не успевает ни сделать, ни сказать то, что действительно важно для него и его близких людей.

Повествование в романе ведется от первого лица, поэтому мы знаем обо всем, что происходит за те несколько дней, которые описаны в романе, только со слов главного героя. Однако постепенно читатель понимает, что вероятно реальность не всегда совпадает с описаниями мистера Райдера (читатель замечает многочисленные нестыковки в повествовании), что он сознательно не упоминает «больные» для него темы. Значительные искажения восприятия главным героем окружающей действительности могли возникнуть как результат его конфликтов с внешним миром, которые ему так и не удалось разрешить за многие годы. Эти внутренние конфликты (и психологические травмы), возможно, были вытеснены из его памяти. Теперь сознание представляет герою картину полного внешнего благополучия, удовлетворённости жизнью и да-

же собственного избранного положения в обществе (герою кажется, что именно он в состоянии решить многочисленные проблемы окружающих его людей, привести мир городка, который он посетил на несколько дней, в гармонию).

На фоне такой картины мира единственным стремлением мистера Райдера остаются создание и поддержание собственной безупречной репутации в глазах всех окружающих его людей, кроме самых близких, поскольку именно на них ему постоянно не хватает времени, энергии, душевных сил. Автор не говорит о внутренних конфликтах героя прямо (однако о них можно догадаться по тому, что главный герой постоянно умалчивает о важных для него темах, например, отношениях с родителями, подругой), позволяя читателю самому определить суть этих конфликтов. Можно предположить, что причиной его душевных метаний являются сожаления о прошлом, об упущеных возможностях, об ошибочном жизненном выборе, чувство вины по отношению, например, к родителям, подруге, сыну.

Бесконечные разговоры о собственных (из разговора в разговор одних и тех же) проблемах на фоне полного непонимания персонажами друг друга; символы и традиции, которые неизвестно что означают, но которым придается огромное значение (например, танец носильщиков, многолетнее отсутствие общения Густава с его дочерью, загадочное строение Заттлера); смешение в повествовании главного героя событий прошлого и настоящего, его «избирательная память», которая на самом деле не «избирает», а избегает действительно важные, волнующие героя темы (о них читатель узнает / догадывается по случайным замечаниям повествователя или прямой речи других персонажей) – все это пронизано авторской иронией по отношению к персонажам. К. Исиgуро иронизирует по поводу любви людей к пустым разговорам, бесконечного обсуждения «важных» мелочей и незначительных событий, обстоятельств чужой жизни, привязанности людей к бессмысленным традициям, ритуалам и символам, одержимости давно потерявшими смысл привычками, приверженности к определённым культурным кодам.

Таким образом, в своем романе К. Исиgуро представляет извечные экзистенциальные вопросы, однако делает это, используя иронический модус повествования. Он использует прием доведения до абсурда известных каждому из нас жизненных ситуаций – сосредоточенность на мелочах и неспособность выйти из замкнутого круга проблем, обязательств, спешки, посмотреть на свою жизнь под другим углом и отбросить все ненужное; неправильное распределение жизненных приоритетов (герой постоянно занимается чужими проблемами, однако он не смог наладить отношения с подругой и сыном, не смог произнести торжественную речь на финальном концерте, ради которого он и приехал в этот город); «моральная слепота» человека, неспособность выйти за рамки собственных устоявшихся представлений и стереотипов; невнимание и неумение принять в расчет потребности и интересы близких людей; безволие, неумение и нежелание преодолеть себя и свои слабости ради ближнего.

В данном произведении преобладает драматическая (по другой терминологии – трагическая) ирония, герой произведения действует, рассуждает по поводу происходящего, но не видит глубины того значения, которую видим мы, читатели. Иронии романа «Безутешные» также присущи такие черты, как неопределенность и имманентность: читатель должен самостоятельно интерпретировать недосказанность и умолчания автора, разгадывать аллюзии и придавать собственный смысл разнообразным событиям, явлениям и символам.

В романе Д. Делилло «Белый шум» (1985) рассматриваются разные социальные и психологические проблемы – место личности в истории, смысл жизни человека в современном обществе, насилие, экология. Ведущей темой, на наш взгляд, является страх смерти. Главный герой буквально одержим этим страхом: он постоянно задает себе вопрос, кто умрет первым, он или его жена, он часто посещает врача и проводит медицинские обследования из страха оказаться смертельно больным, ему кажется, что его преследуют с целью убить, ему мерещится фигура смерти.

Специфика этого романа состоит в том, что здесь налицо существует тесная взаимосвязь серьезного и иронического модусов повествования, причем грань между ними едва различима, глобальные темы и проблемы трактуются то в серьезном, то в ироничном ключе, переходы с одного тона на другой практически не обозначены, что требует от читателя особого внимания.

Так, автор серьезно размышляет о природе и причинах страха смерти, а затем неожиданно переключается на иронию, описывая появление в доме героев романа их пожилого родственника, которого главный герой принял за саму Смерть, пришедшую за ним. И наоборот, ироничное рассуждение двух приятелей о том, что самым лучшим способом победить страх смерти является совершение убийства, приводит к реальной попытке главного героя убить человека.

Герой романа иронизирует по поводу чрезмерного внимания его сына к проблемам экологии, а затем оказывается жертвой экологической катастрофы, что приводит к реальной опасности, грозящей его здоровью и жизни.

На первый взгляд серьезное описание деятельности высшего учебного заведения оборачивается едкой иронией, с которой говорится о кафедре гитлероведения и научных изысканиях ее членов. Как оказалось, идея основания этой кафедры была продиктована желанием ее заведующего победить страх смерти.

И таких переходов в романе немало. Подобный контраст заставляет читателя обратиться к вопросу о значимости человеческой жизни, подумать о том, что делает жизнь человека осмысленной.

Победить страх смерти, по мысли автора, помогает и образ жизни, в центре которого потребление. Автор показывает мир современной Америки как гиперреальность, как мир потребления: все, что окружает человека так или иначе связано с рекламой, потреблением, процессом покупки-продажи, навязыванием определенного стиля поведения и даже мышления; вся информация, предоставляемая средствами массовой

информации, является симулякром, искажающим реальные события до неузнаваемости, часто с целью определенного воздействия на сознание читателя / зрителя / потребителя [14].

Реклама, супермаркеты, торговые центры – все это становится показателем *полноты бытия*, благополучия жизни людей и даже островком стабильности в полном опасностей мире, своеобразной американской стратегией преодоления страха смерти:

It seemed to me that Babette and I, in the mass and variety of our purchases, in the sheer plenitude those crowded bags suggested, the weight and size and number, the familiar package designs and vivid lettering, the giant sizes, the family bargain packs with Day-Glo sale stickers, in the sense of replenishment we felt, the sense of well-being, the security and contentment these products brought to some snug home in our souls – it seemed we had achieved a fullness of being <...> [15. P. 20].

Один из героев романа даже полагает, что именно супермаркет способствует духовному изменению людей, а приобретение товаров может быть своего рода подготовкой к смерти:

Tibetans believe there is a transitional state between death and rebirth. Death is a waiting period, basically. <...> In the meantime the soul restores to itself some of the divinity lost at birth. <...> That's what I think of whenever I come in here. This place recharges us spiritually, it prepares us, it's a gateway or pathway [Ibid. P. 37].

Именно ироничный тон повествования дает возможность автору противопоставить страх смерти, с одной стороны, и бессмысличество существования людей в современном мире – с другой.

Произведение Дж. Коу «Прикосновение любви» (1989) написано на стыке жанров университетского и экзистенциалистского романов. Иронический модус повествования, сатира на жизнь в университете городке используются автором для описания экзистенциального кризиса главного героя, который заканчивается его самоубийством.

Робин Грант пишет диссертацию уже очень долго, поскольку научный руководитель не проявляет заинтересованности в его работе (он показан в исключительно комичном ключе, как рассеянный человек, которому смертельно надоело вести заумные беседы о литературе). Один из друзей Робина выражает сомнение, что он вообще когда-либо напишет работу, говоря о его бездействии, пассивном образе жизни, он иронично замечает: «*Он студент, хуже того, он аспирант. Какой смысл сохранять приличный внешний вид?*» [16. С. 26]. Робин также сочиняет рассказы, но даже не надеется, что их когда-либо опубликуют. Его речи о собственных произведениях полны самоиронии: «...что является их общей чертой, что придает им тематическое единство, – все они, без исключения, не опубликованы» [Там же. С. 135]. Однако самыми важными для него оказываются память о неразделенной любви и переживание непонимания окружающих и собственной отчужденности в университете обществе.

Описание университетской среды, размышления об отношениях научных руководителей и аспирантов написаны в ироничном ключе. Четыре рассказа глав-

ного героя, включенные в текст романа, повествуют о его внутренних переживаниях и крайней ранимости, они также пронизаны иронией по поводу положения дел в университете городке, девальвации культурных ценностей, равнодушного отношения людей друг к другу и даже полного отсутствия общения между ними. Например, в одном из четырех рассказов Робина главный герой Ричард каждый год получает от соседей по общежитию рождественскую открытку следующего содержания: «*Счастливого Рождества всем в 48-й от всех в 49-й*», но он даже не знает, кто именно там живет, и как их зовут. Однажды Ричард узнает, что семья из этой комнаты совершила коллективное самоубийство, оставив записку «*Прощай, жестокий мир, от всех в 49-й*».

Еще одним способом создания эффекта иронии является контраст между протагонистом и антагонистом романа. В качестве антагониста в романе выступает давний друг Робина – Тед. Его карьера успешна, и он счастливо женат на женщине, которую в юности любил Робин. Жизненная позиция, восприятие жизни и эмоциональный настрой этих двух персонажей диаметрально противоположны, подобный контраст также символизирует степень отчужденности человека в обществе. Все ситуации и конфликты, которые для Робина наполнены трагизмом, Тедом воспринимаются как его слабость, неумение адаптироваться к реалиям, нежелание добиваться успеха обычными в данном обществе способами. Обличая таким образом Робина и считая самого себя чутким понимающим человеком (поскольку он четыре года торговал компьютерными программами, иронически замечает автор), Тед разоблачает самого себя, выглядя в глазах внимательного читателя как человек со стереотипным мышлением, который ограничен сферой собственного благополучия и абсолютно глух к интересам и потребностям и даже идеям других людей.

«Возможность вернуться к полноценной и насыщенной жизни через любовь – отсюда и название романа “Прикосновение любви” – придает общей картине произведения трагикомический оттенок» [17. С. 85]. Робин пытается наладить взаимоотношения с аспиранткой из Индии Апарной, которую он ценит за неординарность мышления и независимый характер, однако она слишком сосредоточена на собственных проблемах (она во всем видит расовую дискриминацию по отношению к себе), и это не позволяет ей в нужный момент услышать, понять и помочь Робину. Ирония заключается в том, что, будучи жертвой дискриминации и непонимания, Апарна сама повторяет те же ошибки, она направляет свой гнев против близкого ей человека, отворачивается и уходит от Робина из-за одного нелепого замечания, отказывается от дружбы с ним только потому, что он не принадлежит к ее культуре и не может в полной мере понять ее проблем. Она, вероятно, была его последней надеждой на понимание, поскольку именно во время очередного разговора с Апарной главный герой совершает самоубийство.

На заднем плане повествования постоянно звучат тревожные новости о сложной обстановке в Великобритании и других странах, о конфликтах и неизбеж-

ных жертвах. Тема многочисленных жертв различных конфликтов обсуждается персонажами как что-то повседневное, обыденное, привычное. С помощью скрытой насмешки по поводу такого отношения к трагедиям автор показывает, что люди устали от подобных сообщений и постепенно утрачивают способность сопротивляться и эмоционально откликаться на трагедии, ежедневно происходящие в мире. Итог печален: неспособность откликаться на чужие переживания становится тотальной; люди имеют ряд устоявшихся представлений об окружающей действительности, руководствуются ими во всех сферах своей жизни и уже не способны выйти за их рамки. Вообще все герои романа удивительным образом неспособны услышать и понять проблемы друг друга, они находятся в плена стереотипов о том, что думают и хотят окружающие их люди, при этом даже не пытаются действительно узнать их интересы и мотивы поведения.

Жертвой подобного стереотипного отношения становится и главный герой: его необоснованно обвиняют в аморальном поведении по отношению к ребенку, и прежде чем выясняются обстоятельства дела, общественное мнение уже обвиняет Робина. Иронический эффект достигается за счет контраста между вымышленным преступлением (его вымышленность очевидна для читателя) и суровым наказанием: обвинение выдвигается абсолютно без оснований, только по той причине, что Робин находился на некотором расстоянии от ребенка. Но, как ни парадоксально, все относятся к этому как к само собой разумеющемуся, несмотря на то, что это обвинение постепенно разрушает жизнь главного героя. Отчужденность, отсутствие поддержки, понимания, сострадания, безразличие окружающих приводит главного героя к кризису, а затем и самоубийству.

Таким образом, иронический модус повествования в данном произведении в значительной мере создается за счет контраста трагедийного и комедийного начал, саморазоблачения персонажей в глазах читателя, скрытой насмешки автора по поводу профанации основных принципов деятельности современного университета, что придает экзистенциальной проблематике романа особую выразительность. Специфика данного романа заключается в сочетании эксплицитной иронии и сатиры в описании университетской жизни и имплицитной иронии как способа рассказать об экзистенциальных проблемах главных героев.

Роман британского писателя И. Макьюэна «В скорлупе» (2016) написан от лица нерожденного ребенка, который все еще находится в утробе матери. Рассказчик, однако, довольно умен, развит и даже образован. Сам он это объясняет тем, что умеет и любит внимательно слушать: он слушает радио и телепередачи, аудиокниги, беседы, которые его мать ведет с разными людьми:

How is it that I, not even young, not even born yesterday, could know so much, or know enough to be wrong about so much? I have my sources, I listen. My mother, Trudy, when she isn't with her friend Claude, likes the radio and prefers talk to music. <...> Driven by a self-harming compulsion, I listen closely to analysis and dissent. <...> Also, when my mother and Claude meet, they

occasionally discuss the state of the world, usually in terms of lament, even as they scheme to make it worse. Lodged where I am, nothing to do but grow my body and mind, I take in everything, even the trivia – of which there is much [18. P. 4].

Выбрав такого неординарного рассказчика и такую своеобразную форму повествования, автор создает ряд контрастов, которые позволяют ему презентовать проблематику романа необычным способом. Во-первых, существует контраст между положением ребенка в материнской утробе и высоким уровнем развития его интеллекта, что является для повествователя постоянным источником самоиронии:

I count myself an innocent, unburdened by allegiances and obligations, a free spirit, despite my meagre living room. No one to contradict or reprimand me, no name or previous address, no religion, no debts, no enemies. My appointment diary, if it existed, notes only my forthcoming birthday [Ibid. P. 1–2].

Мир взрослых он также описывает исключительно в ироничном ключе: он критически относится к поведению мамы, дяди и отца, эта критика чаще всего имплицитна:

For Claude is a man who prefers to repeat himself. A man of riffs. On shaking hands with a stranger – I've heard this twice – he'll say, "Claude, as in Debussy." How wrong he is. This is Claude as in property developer who composes nothing, invents nothing. He enjoys a thought, speaks it aloud, then later has it again, and – why not? – says it again. Vibrating the air a second time with this thought is integral to his pleasure [Ibid. P. 5].

Многие события как в семье, так и во всем мире вызывают у него недоумение, поскольку они противоречат здравому смыслу, который присущ сознанию рассказчика; иногда он рисует в своем воображении и иронично комментирует картину происходящего, основываясь на услышанных словах и разнообразных звуках.

Во-вторых, автор создает контраст между всезнанием повествователя о персонаже и невозможностью проникнуть в его сознание: рассказчик-ребенок воспринимает мир глазами матери, однако зная внешние обстоятельства ее жизни, он не может проникнуть в ее мысли, узнать о ее чувствах и переживаниях.

Сюжет романа перекликается с сюжетом трагедии У. Шекспира «Гамлет», не случайно эпиграфом к роману служат строки из этой трагедии. Мать ребенка Труди (краткое от Гертруда) и его дядя Клод (производное от Клавдий) собираются отравить Джона, поэта и отца ребенка, чтобы они могли жить вместе в его доме. Ребенок понимает, что он не может предотвратить убийство его отца, что мир, в котором он скоро родится, несовершен и несправедлив. «Принц датский» – нерожденный ребенок – заключен в скорлупу утробы матери, до и после рождения он обречен жить в обстоятельствах, которые навязаны ему его положением и семьей.

Необычный рассказчик, сюжет и композиция романа, специфичная форма и иронический модус повествования умело используются автором для постановки экзистенциальных проблем. Наблюдения за окружающими людьми и размышления главного ге-

роя о человеческой природе, неспособности человека выйти из своей скорлупы и понять другого, эгоцентризме, отчужденности и одиночестве современного человека отражены в названии-метафоре – «В скорлупе». Жизненные неудачи, серьезные ошибки, нежелание развиваться и совершенствоваться, слабость воли – все это ведет к тому, что человек замыкается в себе, создает вокруг себя «скорлупу», от которой потом сам страдает: он чувствует отчужденность и враждебность к нему всего мира.

Можно сказать, что в определенном смысле И. Макьюэн полемизирует с У. Шекспиром: если у Шекспира в конце пьесы главный герой умирает, то у Макьюэна главный герой появляется на свет. Несмотря ни на что, автор смотрит на современный мир с оптимизмом: для человечества не все потеряно, у человека всегда есть возможность взглянуть на мир и себя самого по-новому, разбить скорлупу и выйти из замкнутого круга отчужденности и страданий.

Таким образом, ирония романа «В скорлупе» содержит в себе многие черты иронии постмодерна: использование интертекстуальных связей для ее выражения, отсутствие маркированности, имплицитность. Эта ирония скептическая: автор критически настроен по отношению к несовершенному миру, стереотипному поведению и мышлению людей.

Роман М. Эмиса «Записки о Рейчел» (1973) посвящен переломному для главного героя моменту перехода к взрослой жизни, моменту, когда происходит превращение подростка во взрослого человека. Повествование ведется от первого лица, главный герой Чарльз, молодой человек, которому исполняется 20 лет, погружен в воспоминания о своей жизни, попытки ее проанализировать, саморефлексию по поводу своего отношения к другим людям и в целом к социуму.

The main thing about me, however, is that I am nineteen years of age, and twenty tomorrow. Twenty, of course, is the real turning point. <...> Twenty may not be the start of maturity, but in all conscience, it's the end of youth. To achieve, at once, dramatic edge and thematic symmetry I elect to place my time of birth on the stroke of midnight. <...> I need to make the transition decorously, officially, and to re-experience the tail-end of my youth. <...> perhaps I'll be able to locate my hamartia and see what kind of grown-up I shall make [19. P. 3–4].

Автор ни разу не упоминает роман Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», однако читатель может обнаружить много общих черт с этим романом: оба произведения объединяет иронический модус повествования как способ показать саморефлексию главного героя по поводу собственного взросления.

Формой произведения выбрана исповедь, исповедальная интонация призвана передать стремление главного героя придать экзистенциальный смысл своим размышлением, переживаниям, описанию происходящих с ним событий, своему стремлению к самопознанию. Размышления о собственной жизни через призму классических литературных образцов полны самоиронии. Эффект иронии усиливается благодаря контрасту между предметом описания – прозаические бытовые и физиологические подробности – и возвы-

шенным поэтическим стилем повествования в духе поэзии английского романика У. Блейка. Автор не случайно выбирает именно ироничный тон повествования, поскольку в этом возрасте человек может подняться до определенного уровня экзистенциальных размышлений, только прочитав значительное количество литературных произведений.

Автор использует сложный прием литературной игры – встраивание описаний хаотичных событий жизни главного героя в классические литературные схемы, что создает иронический эффект. Как замечает О.А. Джумайло, «важным тематическим и конструктивным литературным образцом для Чарльза становится «Песни неведенья и Песни опыта» У. Блейка, вместе, как известно, составляющие поэтический текст с зеркальной композицией» [20. С. 235]. Все свои записи главный герой Чарльз строит по заимствованному у У. Блейка принципу: переосмысление всех событий при переходе человека от неведенья к опыту. Причем опыт воспринимается двадцатилетним героем как познание постепенного распада, тленности всего мира, уязвимости и смертности человека.

Чарльз увлечен литературой и собирается поступить в Оксфорд на специальность «литературный критик», однако изучив литературные произведения, он пока еще не изучил жизнь, поэтому его размышления наполнены литературными штампами. Прием противопоставления реальных проблем, с которыми сталкивается Чарльз, и их описаний с помощью соответствующих случаю обобщенных литературных штампов позволяет писателю реализовать основную интенцию данного романа – по-новому, иронично взглянуть на экзистенциальный опыт становления личности: обретение смысла существования через постепенный отказ от навязываемых в обществе и семье идей и стереотипов.

Если путь каждого человека, вступающего во взрослую жизнь, – это путь избавления от юношеских иллюзий и обретения собственного смысла существования, то путь писателя, литературоведа или просто ценителя литературы – это переход от следования определенным штампам к обретению собственного вкуса, стиля и голоса. В последних строках романа главный герой заправляет ручку чернилами, это символически означает, что его взрослая личная жизнь и профессиональная жизнь филолога началась.

Главной мишенью иронии в романе «Записки о Рейчел» является присущее некоторым молодым людям бездумное следование чужим установкам в обретении экзистенциального опыта в жизни и его воплощения в литературном творчестве.

Американский писатель П. Остер в «Нью-Йоркской трилогии», включающей романы «Стеклянный город» (1985); «Призраки» (1986); «Запертая комната» (1986) использует жанровую форму детектива для повествования об экзистенциальных проблемах: драме одиночества, раздвоении, распаде, нивелировке личности в огромном мегаполисе. Три романа, входящие в трилогию, сюжетно практически не связаны, это законченные произведения, их объединяют «единство авторского взгляда на героев и события, происходящие с ними якобы беспричинно» [21].

С. 113], общая идея о сложности самоидентификации личности и ее роли в современном мире.

Детективные по форме, все три истории представляют собой одну общую историю об экзистенциальном кризисе и постепенном распаде личности персонажей, которые не могут найти себя в ненадежном мире современного мегаполиса. Главные герои всех трех романов трилогии проходят один и тот же путь: на первом этапе они пытаются идентифицировать, осознать себя через другого человека; на втором этапе они становятся зависимыми, а потом и одержимыми другими людьми, становятся их своеобразными двойниками; и, наконец, на последнем этапе они приближаются к неизбежному крушению, сначала кручу индивидуальности, а потом и к физической гибели. Причины трагической неспособности человека сохранить собственную индивидуальность в погоне за призраками остаются «за кадром».

П. Остер использует в трилогии прием метаповествования, обнажения процесса и механизмов написания романа. В разных частях романов трилогии он раскрывает ключевые моменты, связанные с написанием данного произведения: зарождение замысла, последовательность написания отдельных частей, причины появления основных тем, а также выражает свой взгляд на литературное творчество как способ самопознания человека. Например, один из персонажей размышляет о невозможности описания словами кардинально изменившегося мира следующим образом:

For our words no longer correspond to the world. When things were whole, we felt confident that our words could express them. But little by little these things have broken apart, shattered, collapsed into chaos. And yet our words have remained the same. They have not adapted themselves to the new reality. Hence, every time we try to speak of what we see, we speak falsely, distorting the very thing we are trying to represent. It's made a mess of everything [22. Р. 76].

Дискурсивная практика автора предполагает отсутствие повествующего голоса, которому можно было бы доверять. Автор иронически обыгрывает достоверность информации, сообщаемой разными повествователями: в конце каждого романа трилогии читатель надеется на итог, объяснение, развязку событий, однако все, что есть у читателя, – это, во-первых, разрозненные фрагменты романной реальности, напоминающие паззл, который можно соединить, следуя собственной читательской логике; во-вторых, открытый финал каждой истории, позволяющий читателю быть соавтором этого произведения. Повествование напоминает лабиринт, состоящий из бесконечных стеклянных или зеркальных тоннелей, в которых персонажи меняют свою идентичность [21]. Ирония «Нью-Йоркской трилогии» имеет черты неопределенности – это неясности, недомолвки, недостоверность предоставляемой рассказчиками информации, отсутствие не только развязки в каждом из романов трилогии, но и четко выраженной, объединяющей все три романа, разгадки всех тайн.

Ирония автора прослеживается и на уровне композиции. Романы Остера представляют собой постмодернистскую ризому: линейное повествование каждого романа чередуется со вставными историями (иногда вновь всплывающими в других частях трилогии);

интертекстуальность, представленная обращением к классическим сюжетам и мотивам мировой литературы, полемикой с произведениями модернистской литературы, в частности, трилогией С. Беккета, становится одним из структурообразующих элементов сюжета; реальность романов переплетается с вымыслом и симулякрами, маскирующими эту реальность [23]. Автор подвергает насмешке стереотипные принципы построения сюжета детектива.

Ирония П. Остера наиболее ярко проявляется в осмеянии принципов повествования ради игры с читателем. Эта игра прослеживается в следующих элементах текста: ряд ненадежных повествователей, которые являются двойниками и отражениями друг друга, невозможность представить истинное положение вещей; сюжет, позволяющий читателю самостоятельно придумать финал каждой истории и связать все истории воедино; соавторство читателя в сфере определения мотивов и причин поступков персонажей; посвящение читателя в размышления автора о творчестве и процессе написания произведения.

Автор изменяет традиционные принципы написания экзистенциалистских романов: смешивает экзистенциалистский и детективный жанры, иронически переосмысливает каноны и установки обоих жанров, иронически повествует о проблемах, которые традиционно не допускали ироничного к себе отношения. Подобные приемы позволяют автору по-новому воздействовать на читателя, открывая для него новые формы взаимодействия с текстом.

Итак, на основании проведенного анализа можно заключить, что в современном экзистенциалистском романе превалирует иронический модус повествования, который по-разному реализуется в каждом конкретном произведении. В одних романах на первый план выступает тесная взаимосвязь между серьезным и ироничным тоном подачи материала, в других характерным оказывается сочетание эксплицитных и имплицитных форм иронии, при общем преобладании последних. Во всех проанализированных романах встречаются разные типы иронии, что определяет их общий иронический модус. Объектом иронии в экзистенциалистском романе становятся важные проблемы современной действительности и сами принципы построения экзистенциалистских романов. Ироничная непрямолинейная критика разных аспектов жизни оказывается необычайно действенной. По мнению Дж. Лича и М. Шорта, «irony derives much of its force from conventions of politeness and euphemism: the stiletto in a jeweled case is a more discretely effective weapon than the bludgeon» [24. Р. 279] / «ирония берет силу из условностей и эвфемизмов: стилет в драгоценном футляре – более эффективное оружие, чем дубина» [Ibid.] (перевод наш. – Г.Л., Т.О.). Отличительной чертой также является то, что ирония в этих романах сочетается с сатирикой, гротеском, абсурдом.

Как показывает изучение романов К. Исицуро, Д. Делилло, Дж. Коу, И. Макьюэна, М. Эмиса, П. Остера и ряда других авторов, иронический модус повествования определяет специфику современного экзистенциалистского романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Научное издание. Ростов-н/Д : Фолиант, 2002. 418 с.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.
3. Палкевич О.Я. Ироническая картина мира // Материалы V регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. Иркутск : ИГЛУ, 2002. С. 108–111.
4. Палкевич О.Я. Человек ироничный: Ирония как один из эгоцентрических феноменов // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории / под ред. д-ра филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича. М. ; Иркутск : ИГЛУ, 2003. С. 168–195.
5. Медведева Т.А. Трансформация значений иронического при переходе от модерна к постмодерну // Известия ТПУ. 2013. № 6. С. 81–87.
6. Копытов О.Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
7. Янкевич В. Ирония. Прощение [пер. с фр.]. М. : Республика, 2004. 335 с.
8. Ирония // Краткий словарь по эстетике. Режим доступа: <http://esthetiks.ru/ironiya.html> (дата обращения: 8.01.2018).
9. Зинченко Н.С. Ирония как многоаспектный феномен : методологические основы анализа художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3–1 (57). С. 126–130.
10. Ishiguro K. The Unconsoled. N.Y. : Vintage, 1996. 535 p.
11. Лобанов И.Г. Модернистские интенции в творчестве Кадзуо Ишигуро // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 7 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernistskie-intentsii-v-tvorchestve-kadzuo-isiguro> (дата обращения: 8.01.2018).
12. Джумайло О.А. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980–2000 // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 7–45.
13. Стова А.С. Поэтика сновидения в романе К. Ишигуро «Безутешные» // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер. : Філологія. 2014. № 1107. Вип. 70. С. 164–170.
14. Ломакина И.Н. Америка как симулякр (на материале романов Д. Делилло) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2013. № 2. Т. 26 (65). С. 461–466.
15. DeLillo D. White Noise. L. : Picador, 2011. 384 p.
16. Коу Дж. Прикосновение к любви. М. : Эксмо, 2012. 304 с.
17. Коновалов С.М. Роман Дж. Коу «Прикосновение любви» как сатирическая разновидность университетской прозы // Пушкинские чтения. 2013. XVIII. С. 79–86.
18. McEwan E. Nutshell. N.Y. : Nan A. Talese, 2016. 208 p.
19. Amis M. The Rachel Papers. L. : Vintage Classics, 2007. 224 p.
20. Джумайло О.А. Экзистенциальный опыт и границы литературной саморефлексии в романе М. Эмиса «Записки о Рейчел» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 233–238.
21. Карслиева Д.К. Своеобразие традиционной формы в «Нью-Йоркской трилогии» Пола Остера // Вестник ВолГУ. 2011. Сер. 8. Вып. 10. С. 109–114.
22. Auster P. The New York Trilogy. N.Y. : Penguin classics, 2006. 308 p.
23. Карслиева Д.К. Синтез повествовательных форм в «Нью-Йоркской трилогии» Пола Остера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2009. 24 с.
24. Leech G.N., Short M.H. Style in Fiction. N.Y. : Longman, 1994. 402 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 февраля 2018 г.

THE IRONIC MODE IN THE MODERN EXISTENTIALIST NOVEL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 13–21.

DOI: 10.17223/15617793/433/2

Galina I. Lushnikova, Humanities and Education Science (Branch) Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta (Yalta, Russian Federation). E-mail: lushgal@mail.ru

Tat'iana Yu. Osadchaya, Humanities and Education Science (Branch) Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta (Yalta, Russian Federation). E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

Keywords: existentialist novel; irony of postmodernity; ironic narrative mode; genre modification; intertextuality.

The article is devoted to the study of contemporary English-language novels on existential themes. The aim of the work is to determine specific features, types and functions of irony in the works of this genre. The analysis is based on the novels by K. Ishiguro, D. DeLillo, J. Coe, I. McEwan, M. Amis and P. Auster. This choice is due to the fact that the ironic mode is the leading principle in the narrative of these novels. The analysis has led to a number of conclusions. Important problems of nowadays and the very principles of existentialist novels of the past are the object of irony in a modern existentialist novel. In all the analyzed novels, different types of irony are realized differently in each specific work, which is determined by their common ironic mode. The irony in the novel *The Unconsoled* (1995) by K. Ishiguro is mainly dramatic, the protagonist acts and argues about different events in his life, but he either does not see the true meaning of them or ignores it. The irony of this novel is uncertain and immanent. The novel *White Noise* (1985) by D. DeLillo is characterized by a close relationship between the serious and the ironic, the line between them is barely discernible, and the transitions to the ironic tone are hardly represented. Such kind of a narration requires a special irony-aware reading. The ironic mode of narration in the work *A Touch of Love* (1989) by J. Coe is largely created by the means of the contrast between tragedy and comedy which makes the novel more impressive. The main feature of this novel is the combination of explicit irony and satire in description of university life and implicit irony as the way to tell about existential problems of the protagonists. The novel *Nutshell* (2016) by the British writer I. McEwan contains many features of the postmodern irony: it is intertextual and implicit. The novel's irony is skeptical: the author claims that the world is imperfect, people are closed 'in a nutshell' of their stereotypical behavior and thinking. The main target of irony in the novel *The Rachel Papers* (1973) by M. Amis is the quality of some young people to unthinkingly follow other people's beliefs in experiencing existential issues related to the meaning of their life and literary creation. The author uses a complicated method of a literary game – description of chaotic events of the main character's life is embedded in classical literary schemes, which creates an ironic effect. The American writer P. Auster in *The New York Trilogy* (*City of Glass* (1985), *Ghosts* (1986), *The Locked Room* (1986)) uses the genre of detective fiction to narrate about existential issues in human life: the drama of loneliness, decay, leveling of personality in a huge metropolis. The author changes the traditional principles of existentialist novels: he mixes different genre forms and ironically reinterprets their principal characteristics. In general, the undertaken investigation proves the narration in the contemporary existentialist novel to be inherently ironic.

REFERENCES

1. Pigulevskiy, V.O. (2002) *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. Nauchnoe izdanie* [Irony and fiction: from romanticism to postmodernism. A scientific publication]. Rostov-on-Don: Foliant.
2. Lipovetskiy, M.N. (1997) *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism (Essays on historical poetics)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
3. Palkevich, O.Ya. (2002) Ironicheskaya kartina mira [The ironic picture of the world]. In: *Materialy V regional'nogo nauchnogo seminara po problemam sistematiki yazyka i rechevoy deyatel'nosti* [Proceedings of the V regional scientific seminar on the problems of the systematics of language and speech activity]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 108–111.
4. Palkevich, O.Ya. (2003) Chelovek ironichnyy: Ironiya kak odin iz egotsentricheskikh fenomenov [The ironic person: Irony as one of the egocentric phenomena]. In: Malinovich, Yu.M. (ed.) *Antropologicheskaya lingvistika. Kontsepty. Kategorii* [Anthropological linguistics. Concepts. Categories] Moscow; Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.
5. Medvedeva, T.A. (2013) Transformatsiya znacheniy ironicheskogo pri perekhode ot moderny k postmodernu [Transformation of the meanings of the ironic in the transition from modernity to postmodernity]. *Izvestiya TPU – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 6. pp. 81–87.
6. Kopytov, O.N. (2012) *Modus na prostranstve teksta* [Modus in the text space]. Khabarovsk: Izd-vo KhGIK.
7. Yankelevich, V. (2004) *Ironiya. Proshchenie* [Irony. Forgiveness]. Translated from French. Moscow: Respublika.
8. Esthetiks.ru. (n.d.) *Ironiya* [Irony]. [Online] Available from: <http://esthetiks.ru/ironiya.html>. (Accessed: 8.01.2018).
9. Zinchenko, N.S. (2016) Irony as a multi-aspect phenomenon: the methodological foundations of literary discourse analysis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3–1 (57). pp. 126–130. (In Russian).
10. Ishiguro, K. (1996) *The Unconsoled*. N.Y.: Vintage.
11. Lobanov, I.G. (2012) Modernist intentions in Kazuo Ishiguro's fiction. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Education and Psychology*. 7 (15). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernistskie-intentsii-v-tvorchestve-kadzuo-isiguro>. (Accessed: 8.01.2018). (In Russian).
12. Dzhumaylo, O.A. (2007) Za granitsami igry: angliyskiy postmodernistskiy roman. 1980–2000 [Beyond the boundaries of the game: the English postmodern novel. 1980–2000]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 7–45.
13. Stovba, A.S. (2014) Poetika snovideniya v romane K. Isiguro “Bezuteshnye” [The poetics of the dream in K. Isiguro's novel “The Unconsoled”]. *Visnik Kharkiv'skogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Ser.: Filologiya*. 1107(70). pp. 164–170.
14. Lomakina, I.N. (2013) America as Simulacrum (Based on Don DeLillo's Novels). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 2:26(65). pp. 461–466. (In Russian).
15. DeLillo, D. (2011) *White Noise*. Leningrad: Picador.
16. Coe, J. (2012) *Prikosnenie k lyubvi* [A Touch of Love]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
17. Konovalov, S.M. (2013) Roman D. Kou “Prikosnenie lyubvi” kak satiricheskaya raznovidnost' universitetskoy prozy [J. Coe's “A Touch of Love” as a satirical version of university prose]. *Pushkinskie chteniya*. XVIII. pp. 79–86.
18. McEwan, E. (2016) *Nutshell*. N.Y.: Nan A. Talese.
19. Amis, M. (2007) *The Rachel Papers*. Leningrad: Vintage Classics.
20. Dzhumaylo, O.A. (2012) Existential Experience and the Limits of Literary Self-reflexivity in Martin Amis's Novel “The Rachel Papers”. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. pp. 233–238. (In Russian).
21. Karslieva, D.K. (2011) The peculiarity of the traditional form in Paul Auster's “The New York Trilogy”. *Vestnik VolGU. Ser. 8 – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*. 10. pp. 109–114. (In Russian).
22. Auster, P. (2006) *The New York Trilogy*. N.Y.: Penguin classics.
23. Karslieva, D.K. (2009) *Sintez povestvovatel'nykh form v “N'yu-Yorskoy trilogii” Pola Ostera* [Synthesis of narrative forms in “The New York Trilogy” by Paul Auster]. Abstract of Philology Cand. Dis. Voronezh.
24. Leech, G.N. & Short, M.H. (1994) *Style in Fiction*. N.Y.: Longman.

Received: 10 February 2018

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ИЗУЧАЕМЫМ ЯЗЫКОМ НА ПОКАЗАТЕЛИ ПРОЦЕССА ЧТЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ТЕКСТОВ РУССКО-КИТАЙСКИМИ И КИТАЙСКО-РУССКИМИ БИЛИНГВАМИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер индивидуального плана работ 1.8901.2017/9.10.

Представлены результаты исследования с использованием метода регистрации движений глаз, направленного на выявление влияния уровня владения L2 на показатели процесса чтения у русско-китайских и китайско-русских учебных билингвов. У русских студентов при чтении на китайском продолжительность фиксаций и частота регрессий продемонстрировали тенденцию на понижение с повышением уровня владения L2, длина саккад осталась неизменной у респондентов всех уровней. У китайских респондентов не было обнаружено зависимости значений показателей чтения от уровня владения L2. Это может быть связано со значительным опытом использования алфавитных систем письменности китайскими респондентами.

Ключевые слова: движения глаз; билингвизм; китайский язык; русский язык; чтение.

Введение. Исследования процесса чтения уже долгое время представляют интерес для лингвистов и психологов. Огромную роль в изучении данного процесса играют окулографические методы, т.е. методы регистрации движений глаз. Первые исследования процесса чтения с применением данных методов имели место почти полтора столетия назад, однако на настоящий момент большая их часть была посвящена процессу чтения на языках, использующих алфавитные системы письменности. Языкам, использующим другие системы, уделяется значительно меньше внимания.

Основополагающим различием между системами письменности является способ кодирования единиц языка на письме. Так, алфавитные системы устанавливают соотношение между графемой на письме и фонемой в языке, слоговые системы – между графемой и слогом, логографические – между графемой и морфемой (которая может совпадать с целым словом). Наименьшей единицей в алфавитных системах письменности в таком случае является буква или сочетание букв, в логографических – иероглиф.

Алфавитные системы конкретных языков могут различаться по способу реализации системы письменности в конкретном языке, т.е. орфографии. Так, например, и русский, и английский являются алфавитными системами, но различаются на уровне орфографий. Орфографии могут различаться по степени прозрачности, т.е. регулярности соотношения между графемами и фонемами: высокой степенью прозрачности отличается, например, финская орфография. Подобные орфографии также называются неглубокими и характеризуются строгим соответствием между звуками и буквами, которыми они кодируются. При чтении таких орфографий читатель не испытывает никаких проблем в извлечении звуковой составляющей слова из его написания. Русская орфография также отличается относительно высокой степенью прозрачности. Регулярность русской орфографии обусловливается соблюдением слогового принципа русской графики – признак мягкости / твёрдости у согласного отражается при помощи последующей гласной буквы, что в свою очередь приводит к сокращению необходимого количества символов в алфави-

те [1]. Примером глубокой орфографии может послужить английская орфография, в которой с одним сочетанием букв на письме могут соотноситься несколько произношений. Наиболее известен, наверное, пример сочетания букв «ough», имеющий до десяти различных произношений. Регулярность соответствий, без сомнения, влияет на характер чтения текстов в различных орфографиях. В орфографиях с относительно регулярным соотношением графем и фонем читатель может прибегать к стратегии «озвучивания» слова, в то время как в глубоких орфографиях читатель чаще обращается к слову напрямую в обход графемно-фонемного декодирования [2. С. 19].

Китайская письменность, являясь логографической, устанавливает соответствие между графемами и морфемами (которые почти всегда также являются слогами и реже – целыми словами). У каждого иероглифа имеется собственное произношение, некоторые иероглифы также могут соотноситься с несколькими прочтениями. Китайский язык характеризуется высоким уровнем омонимии, даже с учётом тонов это приводит к тому, что у один и тот же слог может иметь несколько способов записи в зависимости от значения, например, слог *xiàng* соотносится со следующими иероглифами: 项 ‘затылок’, 象 ‘слон’, 向 ‘к’, 像 ‘быть похожим’ и др.

Требует уточнения расхожее мнение, что китайские иероглифы напрямую кодируют значение в обход фонетического уровня. Действительно, если изначально китайская письменность являлась письменностью пиктографической, т.е. напрямую соотносящей изображение объекта с объектом, то на сегодняшний день не более двух процентов китайских иероглифов представляют собой пиктограммы. За многотысячелетнюю историю внешний вид иероглифов претерпел значительные изменения. Около 80% современных китайских иероглифов представляют собой фондоидеограммы, содержащие в своём составе как минимум два элемента – фонетический и семантический радикал. Фонетический радикал представляет собой структурный элемент иероглифа, указывающий на его произношение, семантический радикал указывает на то, к какой категории относится иероглиф. Тем не

менее фонетический радикал не может являться надёжным указателем на произношение конкретного иероглифа; зачастую производный иероглиф отличается от него тоном, совпадает только рифмой, а иногда и вовсе имеет другое произношение. Семантический радикал также не может служить надёжным индикатором значения всего иероглифа. В самых надёжных случаях он может указывать на принадлежность иероглифа к какой-либо категории [3]. Например, все иероглифы, содержащие семантический радикал 鸟 *niǎo*, ‘птица’, служат для обозначения какой-либо птицы (鸡 *jī* – ‘петух’, 鸭 *yā* – ‘утка’, 鸩 *juān* – ‘кукушка’ и т.д.). В других случаях иероглиф может иметь значение, никак не связанное со значением семантического радикала, например ключ 扌 *éř*, ‘ухо’ встречается как в иероглифах, имеющих связь с данным значением, например 闻 *wén*, ‘нюхать’, так и в иероглифах, в которых такая связь не прослеживается – 职 *zhí*, ‘профессия’.

Наконец, необходимо отметить две характерные особенности китайской системы письменности, связанные с её визуальными характеристиками. Во-первых, все иероглифы на письме имеют одинаковую ширину и фиксированную максимальную высоту, равную ширине. Так, иероглиф – 一 *yī*, ‘один’, состоящий из одной черты, занимает в тексте столько же места, сколько и иероглиф 藏 *cáng*, ‘прятаться’, содержащий 17 черт. Таким образом, китайский текст представляет собой сочетание иероглифов различной визуальной сложности. Во-вторых, в китайском тексте границы слов не обозначены пробелами. Незначительные пробелы присутствуют между иероглифами, т.е. на границах морфем, но не слов.

В процессе чтения у читателя создаётся впечатление, что его глаза находятся в постоянном движении. Тем не менее большую часть времени глаза находятся в относительно неподвижном состоянии – эти промежутки времени называются фиксациями. Именно во время фиксаций читатель извлекает наибольшую часть информации из текста. Переход между фиксациями осуществляется быстрыми, скачкообразными движениями, называемыми саккадами. Извлечение информации во время саккад не представляется возможным, в силу того что изображение, попадающее на сетчатку глаз, оказывается слишком размытым [4. С. 373].

Для алфавитных систем письменности средняя продолжительность фиксаций находится в пределах от 200 до 250 мс в зависимости от содержания текста. Средняя длина прогрессивных саккад при чтении составляет 8–9 знаков и является постоянной независимо от размера шрифта; предпочтительное конечное положение саккады при первой фиксации на слове приходится, как правило, на промежуток между началом и серединой слова. Частота регрессивных саккад составляет от 10 до 25% от общего количества саккад. Не все слова при чтении фиксируются в фoveальном зрении: значимые слова фиксируются в 85% случаев, а вспомогательные – в 35%. Наконец, диапазон восприятия – участок текста, из которого читатель извлекает информацию в процессе чтения, – составляет примерно 20 знаков – 3–4 знака слева от точки фиксации, 14–15 знаков справа от точки фиксации [4. С. 375–380].

Первые исследования процесса чтения иероглифической письменности датируются 20-ми гг. XX в. В тот период преимущественным направлением письма для китайского языка еще было письмо сверху вниз. Исследование, проведённое Майлзом и Шенем, показало, что носители языка показывали лучшие показатели при вертикальном чтении, чем при горизонтальном [5]. В скромом времени интерес к исследованию процесса чтения китайской письменности угас. Лишь через 50 лет научное сообщество снова обратило свои взоры на эту систему письменности. Возрождение интереса к китайской письменности обусловлено тем, что она в своём основании имеет ряд существенных отличий от алфавитных систем письменности. Тем не менее, сравнивая процессы чтения в двух системах письменности, можно отметить некоторые существенные сходства. Так, в рамках исследования Ф. Суня установлено, что средний темп чтения на китайском языке составил 580 иероглифов в минуту, что в пересчёте на слова даёт темп, сопоставимый с темпом при чтении на английском языке (386 и 382 слова в минуту соответственно) [6. С. 193]. Средняя продолжительность фиксаций также не находит существенных различий в двух системах письменности: в среднем читатель тратит 230–265 мс на одно китайское слово [6. С. 200; 7. С. 214].

По-видимому, не отличается и частота регрессий: при чтении предложений на понимание, частота регрессий составляет около 15%. Тем не менее между сравниваемыми системами существуют и различия, обусловленные большей информационной плотностью китайского текста, в котором один знак на письме соотносится с целой морфемой. Так, диапазон восприятия носителей китайского языка оказывается уже двадцатизнакового диапазона носителей английского языка. В среднем носитель китайского языка воспринимает один иероглиф слева от точки фиксации и до 3–4 иероглифов справа от точки фиксации. Короче оказывается и средняя длина саккад: в среднем при чтении на китайском носитель передвигается вперёд по тексту на 2–3,2 знака [6. С. 193; 7. С. 213; 8. С. 7].

Стоит также отметить тот факт, что читатель китайского текста гораздо более чувствителен к изменениям в размере шрифта. Значительное увеличение шрифта приводит к сокращению длины саккад [9. С. 489]. Также имеются противоречивые данные относительно предпочтительного конечной позиции саккады. Различные исследования свидетельствуют о трёх возможных стратегиях выбора конечной позиции саккад. Согласно первой точке зрения, читатели направляют свой взгляд случайным образом, фиксируясь как на иероглифах, так и на промежутках между ними [7. С. 213]. Согласно другой точке зрения, у читателей просматривается тенденция к выбору центра слова в качестве предпочтительной конечной позиции саккады [10]. Наконец, третья точка зрения сводится к тому, что читатели используют информацию о свойствах зафиксированного в настоящий момент слова для принятия решения о том, куда направить следующую саккаду [11. С. 1154].

Представляет интерес трёхязычное исследование С. Ливерседжа и др. [8]. Авторы исследовали чтение англо-, финно- и китаеязычных монолингвов, которые

читали 8 коротких текстов, составленных при помощи множественного обратного перевода. Таким образом авторы получили возможность контролировать содержание текста и сконцентрироваться на межъязыковых различиях в процессе чтения. Было установлено, что финские респонденты делали больше фиксаций на слове, чем читатели китайских текстов. По-видимому, это вызвано большей средней длиной финского слова. В то же время средняя продолжительность фиксаций для финского языка оказалась ниже, чем для китайского. Длина саккад также оказалась зависимой от средней длины слова в языке: самые короткие саккады наблюдались в китайском языке, самые длинные – в финском. Во всех трёх приведённых характеристиках английские респонденты показывали значения, находящиеся между двумя группами. Несмотря на различия в характеристиках, участники показали одинаковый уровень понимания текстов на всех трех языках, общая продолжительность чтения текстов также оказалась независимой от языка текстов. Всё это может свидетельствовать о том, что читатели различных систем письменности прикладывают одинаковые усилия для когнитивной обработки языкового материала, – эти усилия, однако, оказываются по-разному перераспределены в пределах предложения в разных языках.

Все приведенные выше показатели касаются ситуации монолингвального чтения. Исследования процесса чтения у билингвов относительно молоды и также в основном сконцентрированы на изучении языков, использующих алфавитные системы письменности. В ситуации такого билингвизма читатель может опираться на опыт, приобретённый им во время усвоения родного языка, ему нужно только приспособиться к отличной от его родного языка орографии. Так, исследование на примере голландско-английских билингвов показало, что билингвы с высоким уровнем владения английским языком делают больше фиксаций (20%), прибегают к более коротким саккадам (12%), а также реже пропускают слова (4,6%) при чтении на втором языке [12].

Но что происходит, когда читатель сталкивается не просто с иной орографией, но с иной системой письменности? В 1986 г. Эверсон провел исследование, в котором показатели чтения китайского текста англоязычными начинающими и продолжающими студентами сравнивались с аналогичными показателями чтения тех же текстов носителями языка [13]. М. Эверсон обнаружил значительные отличия в показателях чтения у начинающих и продвинутых студентов. Начинающие студенты чаще и дольше фиксировались на словах, а также имели больший процент регressiveных саккад, чем носители языка. Продолжающие студенты продемонстрировали прогресс по всем показателям кроме средней продолжительности фиксаций. Автор объясняет это явление тем, что начинающим читателям необходимо сделать большее количество фиксаций на иероглифе, для того, чтобы его распознать, однако вполне вероятно, что читатели-билингвы достаточно рано достигают минимально возможного значения продолжительности фиксации, что в свою очередь мешает им достичнуть того уровня автоматизма, который свойственен носителям китайского языка.

Исследования процесса чтения в двух системах письменности по-прежнему остаются сравнительно редкими. В связи с этим в рамках данного исследования была поставлена задача выявить основные показатели чтения у учебных билингвов, сталкивающихся с системой письменности, построенной на иных принципах кодирования фонологической информации, и определить, каким образом показатели чтения зависят от уровня владения вторым языком.

Основная гипотеза данного исследования заключается в следующем: испытуемые, набравшие более высокий балл в тесте на определение уровня навыка чтения, покажут лучшие показатели чтения, т.е. показатели, приближающиеся к показателям носителей языка. Подобный результат будет свидетельствовать о том, что с течением времени искусственные билингвы способны адаптироваться к чтению текстов, записанных при помощи другой системы письменности. Данная гипотеза проверялась экспериментально с применением окулографического оборудования.

Участники. В эксперименте приняли участие 59 респондентов: 31 русско-китайских билингв в возрасте от 18 до 26 лет и 28 китайско-русских билингвов в возрасте от 20 до 27 лет. Родным языком всех респондентов был либо русский, либо китайский. Все респонденты также сообщили о знании английского языка. Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрения. Они не знали о цели эксперимента и приняли в нём участие добровольно и безвозмездно.

Материал. Материалом для эксперимента послужили 50 текстов «Теста по русскому языку как иностранному» (ТРКИ) [14–16] и «Теста на определение уровня китайского языка» (HSK, Hánuy Shuǐpíng Kǎoshì) [17, 18]. Тексты на каждом языке (по 25 текстов) были разбиты на две группы: 13 простых текстов (ТРКИ-I, HSK4), соответствующих уровню B1 по Европейской системе уровней владения иностранным языком (Common European Framework of Reference for Languages) [19], в том числе по одному пробному тексту, не учитываемому в анализе, и 12 сложных текстов (ТРКИ-II, HSK5), соответствующих уровню B2. Тексты также были сбалансированы по количеству слов: в среднем русские тексты низкого уровня сложности содержали 83 слова ($SD = 10,62$), аналогичные китайские тексты – 133,58 иероглифов ($SD = 11,97$), тексты высокого уровня сложности содержали 98,58 слова ($SD = 9,53$) и 167,33 иероглифа ($SD = 20,71$) соответственно.

Материалом для тестов на определение уровня владения языком послужили учебные тексты ТРКИ [14–16, 20–22] и HSK [17, 18, 23, 24] уровней A2–C1. Каждый тест состоял из текстов четырёх уровней сложности и 26 вопросов.

Для оценки языкового опыта билингвов использовалась Анкета опыта и знания языков (LEAP-Q) на русском и китайском языках для русскоязычных и китаязычных билингвов соответственно [25].

Оборудование. Эксперимент был создан при помощи программного обеспечения SMI Experiment Center 3.7. Для показа стимулов использовался 22-дюймовый ЖК-монитор Dell с частотой обновления картинки 60 Гц и разрешением 1680×1050 пикселей.

Русские стимулы были набраны моноширинным шрифтом Courier New (24 кегля), размер одной буквы составлял 26 пикселей в ширину, или $0,65^\circ$ визуального угла. Китайские стимулы были набраны шрифтом SimSun (20 кегель), размер одного иероглифа составил 35 пикселей в ширину, или $0,87^\circ$ визуального угла. Все стимулы представляли собой текст, набранный черным цветом на белом фоне. Расстояние между строчками составило 137 пикселей. Во время эксперимента испытуемые сидели на расстоянии 65 см от дисплея. В течение всего эксперимента расстояние до дисплея было фиксированным благодаря использованию стойки для фиксации головы. Запись движений глаз осуществлялась при помощи прибора для слежения за движениями глаз SMI Red 500 и программного обеспечения SMI iViewX 2.7, запись осуществлялась в бинокулярном режиме с частотой записи 500 Гц.

Процедура. Исследование проходило в два этапа. Этапы проходили в разные дни и промежуток между ними не составлял больше месяца. На первом этапе испытуемым предлагалось пройти тестирование, позволяющее оценить уровень владения иностранным языком, а также заполнить Анкеты опыта и знания языков. Данный этап испытуемых проходили в группах от 3 до 10 человек. Продолжительность данного этапа составила от 30 до 60 минут.

Во время второго этапа испытуемые по одному проходили эксперимент в тихой хорошо освещенной комнате. Перед заходом в комнату испытуемые получали инструкцию о том, что им необходимо будет внимательно прочитать тексты на двух языках, также сообщалось, что после каждого текста на экране будут появляться вопросы, направленные на оценивание понимания. После этого начиналась подготовка к эксперименту. Участники усаживались по центру монитора на расстоянии 65 см от дисплея.

Перед началом эксперимента испытуемым предлагалось ознакомиться с инструкцией к эксперименту. Все инструкции были написаны на русском языке, однако если у участника возникали вопросы по поводу процедуры эксперимента, он мог получить необходимые уточнения на китайском языке. С целью осуществления контрбалансировки одна половина респондентов начинала эксперимент с чтения китайских текстов, другая – с чтения русских текстов. Каждый языковой блок был разбит на 9 подблоков: 1 тестовый подблок с 1 текстом низкого уровня сложности и 8 экспериментальных подблоков с текстами разных уровней сложности. Порядок появления стимулов был рандомизирован таким образом, чтобы не допустить возможность появления четырех текстов одного уровня сложности подряд. Девятиточечная процедура калибровки проходила перед началом каждого подблока, после чего проходила процедура валидации калибровки, в которой принимались значения с ошибкой, не превышающей 1° визуального угла. После успешной процедуры калибровки на экране появлялся фиксационный крест и текст, сообщающий респонденту, что для появления стимула ему необходимо зафиксировать взгляд на кресте. Фиксационный крест был расположен таким образом, чтобы первый символ последующего стимула находился на 5 пикс-

лей правее центра фиксационного креста. На фиксационном кресте была расположена триггерная зона, срабатывавшая после 700 мс непрерывной фиксации. По окончании чтения текста испытуемый отвечал на два вопроса по содержанию текста. Каждый вопрос представлял собой утверждение о том, о чём в тексте говорилось напрямую, и подразумевал ответ «да» или «нет». Вопросы были составлены таким образом, что одна половина ответов была утвердительной, другая – отрицательной. После ответа на вопросы перед испытуемым снова появлялся экран с фиксационным крестом. После каждого трёх текстов у испытуемых была возможность взять перерыв. Между двумя блоками испытуемым также предлагалось отдохнуть в течение пяти минут. Все тексты на китайском языке умещались на одной странице. Русские тексты умещались на двух четырёх страницах, переход к предыдущим страницам был невозможен. Общая продолжительность второго этапа составила от 40 минут до 1 часа 30 минут.

Анализ данных. Для предварительной обработки и анализа данных использовалось программное обеспечение SMI BeGaze 3.7 и интегрированная среда разработки RStudio [26] для языка R [27], в том числе пакеты tidyverse [28], lme4 [29]. Сырые данные импортировались в программное обеспечение SMI BeGaze 3.7, после чего осуществлялась их обработка при помощи встроенного алгоритма обнаружения событий в режиме «High Speed Event Detection» с минимальной продолжительностью фиксаций 100 мс. После этого все стимулы подверглись визуальному осмотру – из анализа исключались стимулы, содержащие серьезные огражи: смешанные фиксации, отсутствующие саккады, саккады, выходящие за пределы экрана. Далее данные импортировались в программную среду RStudio языка R для дальнейшей обработки. Для анализа использовались только данные с коэффициентом отслеживания (tracking ratio), превышающим 80%. Из анализа также были исключены тексты, в ответах на которые читатели допустили ошибки. Таким образом, для анализа показателей чтения на китайском языке остались доступны данные 518 текстов (277 текстов, прочитанных носителями языка, 241 – русскими билингвами), для анализа показателей чтения на русском языке – 692 (460 носителями языка, 232 – китайскими билингвами). Из анализа были исключены саккады с вертикальным отклонением, превышающим 68,5 пикселей (т.е. половину межстрочного интервала) и все значения, отличающиеся от среднего на три стандартных отклонения. После этого данные каждого наблюдения были усреднены. Для анализа данных чтения на иностранном языке использовался метод смешанных линейных моделей, реализованный в языке R при помощи пакета lme4. В качестве случайных эффектов в моделях использовались идентификаторы текстов и респондентов.

Результаты. Предварительные описание данных без учёта уровня владения вторым языком представлено в статье [30]. Данные по основным показателям чтения для русских студентов представлены по курсам. Это связано с тем, что уровень владения вторым языком, определявшийся тестом, плохо коррелировал с языковым опытом студентов; однако не вызывает сомнения тот факт, что студенты пятого курса владе-

ют вторым языком лучше, чем студенты второго курса, поэтому представляется необходимым рассмотреть данные для студентов различных курсов по отдельности. Более дробное представление группы китайских респондентов, однако не представляется возможным в связи с тем, что все носители китайского языка изучали русский язык до приезда в Россию в существенно различающихся условиях.

Результаты чтения простых текстов на китайском языке представлены в табл. 1. В этой и последующих таблицах принят ряд условных сокращений: КУ – количество участников, КТ – количество текстов, КБТ – количество баллов за текст, ПФ – средняя продолжительность фиксаций, ДПС – средняя длина прогрессивных саккад, ДРС – средняя длина регрессивных саккад, ЧР – частота регрессий.

Показатели чтения простых китайских текстов

	КУ	КТ	КБТ	ПФ (мс)	ДПС (знаков)	ДРС (знаков)	ЧР
Носители	22	132	–	195,68 (20,91)	3,21 (1,17)	3,13 (2,35)	24
1-й курс	5	13	11–15	476,57 (105,35)	1,05 (0,38)	2,51 (1,37)	32
2-й курс	5	22	43–60	334,07 (64,68)	1,18 (0,46)	2,47 (1,32)	29
3-й курс	4	24	42–57	398,37 (99,23)	1,14 (0,53)	2,75 (2,03)	27
4-й курс	9	55	41–62	330,63 (63,57)	1,12 (0,4)	2,37 (1,42)	25
5-й курс	6	29	42–56	365,09 (84,96)	1,08 (0,57)	3,31 (1,99)	24

Самое значительное снижение продолжительности фиксаций зафиксировано при переходе с 1-го (476 мс) на 2-й курс (334 мс). В целом у студентов 2–5-х курсов наблюдаются схожие показатели продолжительности фиксаций (331–398 мс), сильно уступающие показателям носителей языка (196 мс). У носителей китайского языка средняя длина регрессивных саккад (3,13 знаков) оказалась несколько короче длины прогрессивных саккад (3,21 знака), напротив, у русских респондентов средняя длина

регрессивных саккад (от 2,37 до 3,31 знака) оказалась существенно больше длины прогрессивных саккад (1,05–1,18 знака). У русскоязычных студентов наблюдается тенденция к снижению частоты регрессий с увеличением языкового опыта – с 32% для студентов 1-го курса до 24 % для студентов 5-го курса, достигших таким образом показателей носителей языка.

Результаты чтения сложных текстов на китайском языке представлены в табл. 2.

Показатели чтения сложных китайских текстов

	КУ	КТ	КБТ	ПФ (мс)	ДПС (знаков)	ДРС (знаков)	ЧР
Носители	22	145	–	193,22 (19,54)	3,22 (1,18)	3,17 (2,45)	24
1-й курс	5	4	11–15	–	–	–	–
2-й курс	5	14	43–60	355,12 (57,61)	1,08 (0,31)	2,20 (0,74)	31
3-й курс	4	21	42–57	431,68 (142,44)	1,11 (0,64)	3,26 (1,84)	24
4-й курс	9	45	41–62	348,15 (61,41)	1,11 (0,32)	2,74 (1,59)	28
5-й курс	6	14	42–56	394,63 (92,83)	0,9 (0,29)	2,71 (1,32)	24

При чтении сложных текстов на китайском языке средняя продолжительность фиксаций у носителей языка оказалась аналогичной той же, что и при чтении простых текстов, – 193 мс. У студентов 2–5-х курсов средняя продолжительность фиксаций оказалась несколько выше при чтении сложных текстов, чем при чтении простых текстов, и находилась в пределах от 348 мс для студентов 4-го курса до 432 мс для студентов 3-го курса. Средняя длина прогрессивных саккад у носителей языка осталась на том же уровне, что и при чтении простых текстов (0,9–1,11 знака), однако у сту-

дентов 5-го курса средняя длина прогрессивных саккад оказалась незначительно ниже, чем при чтении простых текстов. Средняя длина регрессивных саккад у всех студентов осталась на том же уровне, что и при чтении простых текстов, – от 2,2 знаков до 3,26 знаков. Как и в случае чтения простых текстов, у студентов пятого курса зафиксирована частота регрессий, аналогичная показателям носителей языка.

Результаты чтения простых и сложных текстов на русском языке представлены в табл. 3 и 4 соответственно.

Показатели чтения простых русских текстов

	КУ	КТ	КБТ	ПФ (мс)	ДПС (знаков)	ДРС (знаков)	ЧР
Носители	31	231	–	195,59 (20,61)	7,26 (1,27)	4,92 (1,85)	23
Китайцы	25	122	36–64	243,49 (24,69)	5,61 (0,99)	4,11 (1,29)	30

Средняя продолжительность фиксаций у китайских студентов (243 мс) оказалась несколько выше

значений, зафиксированных у носителей языка (196 мс).

Аналогичные результаты обнаруживаются и в показателях саккад: средняя длина прогрессивных (5,61 знака) и регressiveных саккад (4,11 знака) у китайских участников оказывается несколько ниже аналогичных

значений у носителей языка (7,26 и 4,92 знака соответственно). Частота регрессий у китайских респондентов (30 %) также оказывается несколько выше значений носителей языка (23%).

Таблица 4
Показатели чтения сложных русских текстов

	КУ	КТ	КБТ	ПФ (мс)	ДПС (знаков)	ДРС (знаков)	ЧР
Носители	31	229	—	191,4 (19,89)	7,53 (1,26)	4,65 (1,52)	22
Китайцы	25	110	36–64	244 (22,23)	5,52 (0,95)	4,02 (1,22)	29

В отличие от ситуации русско-китайского чтения текста сложность текстов не оказала существенного влияния на показатели чтения у билингвов. Так, средняя продолжительность фиксаций при чтении сложных текстов (244 мс) у билингвов осталась на том же уровне, что и при чтении простых текстов (243 мс). Средняя длина прогрессивных (5,52 знака) и регressiveных (4,02 знака) саккад также остались на прежнем уровне (5,61 и 4,11 знака соответственно). Пока-

затели частоты регрессий также не претерпели изменений (29 %) по сравнению с ситуацией чтения простых текстов (30 %).

Дополнительно был проведен статистический анализ зависимости значений показателей чтения от результатов предварительного тестирования с использованием метода смешанных линейных моделей. На рис. 1 и 2 представлены графики эффекта количества баллов за тест на различные показатели чтения.

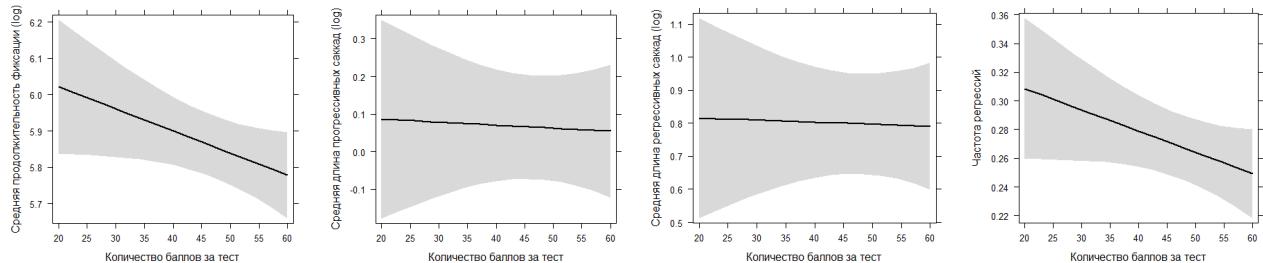

Рис. 1. Графики эффекта количества баллов за тест на различные показатели чтения при билингвальном чтении на китайском языке (слева направо: средняя продолжительность фиксаций, средняя длина прогрессивных саккад, средняя длина регressiveных саккад, частота регрессий)

При чтении текстов на китайском языке для средней продолжительности фиксаций ($\chi^2 = 3,923$, $df = 1$, $p = 0,051$) и частоты регрессий ($\chi^2 = 3,206$, $df = 1$, $p = 0,073$) эффект количества баллов за тест приблизился к статистической значимости. Эффект количе-

ства баллов за тест на длину прогрессивных ($\chi^2 = 0,04$, $df = 1$, $p = 0,85$) и регressiveных ($\chi^2 = 0,016$, $df = 1$, $p = 0,9$) саккад не оказался статистически значимым. Фактор сложности текстов не оказался значимым ни для одного из показателей чтения.

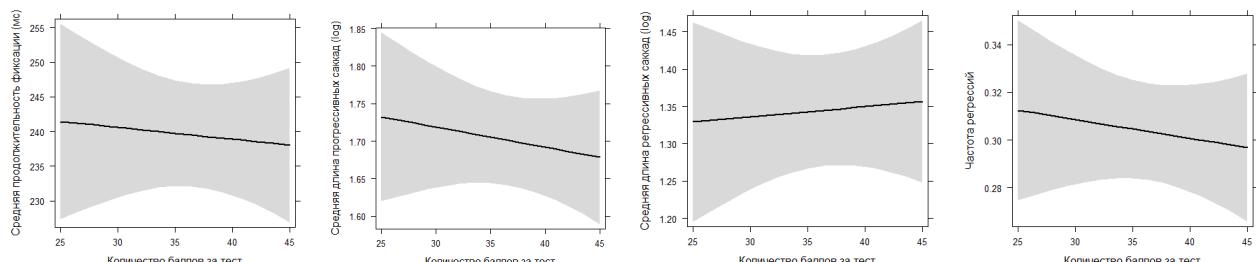

Рис. 2. Графики эффекта количества баллов за тест на различные показатели чтения при билингвальном чтении на русском языке (слева направо: средняя продолжительность фиксаций, средняя длина прогрессивных саккад, средняя длина регressiveных саккад, частота регрессий)

При чтении на русском языке ни один из эффектов не оказался статистически значимым: средняя продолжительность фиксаций ($\chi^2 = 0,11$, $df = 1$, $p = 0,74$), средняя длина прогрессивных саккад ($\chi^2 = 0,43$, $df = 1$, $p = 0,51$), средняя длина регressiveных саккад ($\chi^2 = 0,08$, $df = 1$, $p = 0,78$), частота регрессий ($\chi^2 = 0,31$, $df = 1$, $p = 0,58$). Как и при чтении текстов на китайском языке, фактор сложности текстов не оказался значимым ни для одного из показателей чтения.

Обсуждение. Таким образом, в результате проведенного экспериментального исследования, были выявлены следующие особенности процесса чтения китайских текстов русскими студентами.

Самая высокая продолжительность фиксаций оказалась у студентов 1-го курса. Это свидетельствует о том, что студенты 1-го курса испытывают значительные затруднения с обработкой информации, извлекаемой из китайских текстов. Результаты данного экс-

перимента, однако, не позволяют судить, на каком этапе обработки проявляются наибольшие затруднения. Стоит отметить, что резкое изменение продолжительности фиксаций отмечается только при переходе с первого на 2-й курс. Интересным также представляется тот факт, что ни для одной группы студентов средняя продолжительность фиксаций не оказалась ниже 300 мс – барьера, отмеченного М. Эверсоном в своём исследовании [13. С. 83]. Необходимо также отметить неизменную длину прогрессивных саккад, в три раза уступающую показателям носителей языка. Регрессивные саккады оказались в 2–3 раза длиннее прогрессивных саккад – интересный результат, не наблюдаемый в исследованиях монолингвального чтения. Чем обусловливается необходимость таких длинных регрессивных саккад, остаётся непонятным. Наконец, в показателе частоты регрессий просматривается тенденция к снижению с увеличением языкового опыта студентов. У более низкой частоты регрессий может иметься два объяснения: с одной стороны, снижение частоты регрессий может свидетельствовать о повышении эффективности когнитивной обработки текстового материала билингвом, с другой стороны, это может свидетельствовать о снижении количества ошибочно направленных саккад с увеличением опыта чтения в логографической системе письменности. Второй вариант, однако, представляется маловероятным, учитывая тот факт, что длина в первую очередь прогрессивных саккад у обучающихся остаётся на одном уровне в течение всего периода обучения.

Для китайских студентов, читавших русские тексты, была характерна низкая средняя продолжительность фиксаций, свидетельствующая об отсутствии трудностей с обработкой языковых стимулов на иностранном языке. Средняя длина прогрессивных саккад оказалась несколько ниже, чем у носителей языка, однако не в той степени, которая была зафиксирована у носителей русского языка при чтении на китайском. Регрессивные саккады оказались короче прогрессивных – аналогично результатам носителей языка. Наконец, стоит отметить относительно высокую частоту регрессий у носителей китайского – при чтении на русском они возвращались назад в текст почти так же часто, как начинающие русские студенты при чтении на китайском.

В заключение сопоставим результаты китайско-русского и русско-китайского чтения. В целом китайские участники показали результаты, приближающиеся к результатам носителей русского языка: показатели средней продолжительности фиксаций, средней длины прогрессивных и регрессивных саккад оказались ненамного ниже аналогичных показателей у но-

сителей языка. Однако чтений текстов китайской письменности представило значительные затруднения для русских студентов: это выразилось в неизменной длине прогрессивных саккад, высокой средней продолжительности фиксаций даже у студентов-старшекурсников, а также в характере регрессивных саккад, значительно превосходящих прогрессивные саккады по длине.

Представляется, что у засвидетельствованных явлений имеется несколько объяснений. Во-первых, входной уровень русского языка у китайских респондентов оказался значительно выше, чем уровень китайского у русских респондентов. Китайские респонденты изучали русский ещё до приезда в Россию, у многих имеется длительный опыт изучения русского языка – 11 респондентов отметили, что изучали русский в течение 5 лет и более. Таким образом, не представлялось возможным определить показатели чтения для студентов, только начавших изучать русский язык.

Во-вторых, все китайские респонденты указали знание английского – языка, использующего алфавитную систему письменности. Для русских участников знание английского не должно в значительной степени влиять на процесс чтения на китайском языке – оба языка используют алфавитную систему письменности и различаются только орфографиями. Наконец, для обучения детей иероглифической письменности в китайских школах используется фонетический алфавит пиньинь. Всё это приводит к тому, что у взрослых китайцев имеется обширный опыт использования алфавитных систем письменности. Аналогичный опыт отсутствует у носителей русского языка – все иностранные языки, которые они изучали до поступления в университет, используют для письма алфавитные системы письменности.

В перспективах исследования представляется необходимым проследить динамику процесса адаптации к логографической системе письменности у русских студентов, только начинающих изучать китайский язык. Как показало текущее исследование, наибольшие различия в показателях чтения наблюдаются при переходе с первого курса на второй. Лонгитюдное исследование студентов, только начинающих изучать китайский язык, позволило бы проследить динамику изменений с большей точностью. Аналогичное исследование с китайскими участниками представляется мало возможным, в силу того что носители китайского сталкиваются с алфавитными системами письменности уже в раннем возрасте – на том этапе, когда их навык чтения на родном языке является ещё не до конца сформированным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. М. : Просвещение, 1976.
2. Perfetti C.A. et al. Reading in two writing systems: Accommodation and assimilation of the brain's reading network // Bilingualism: Language and Cognition. 2007. Т. 10, № 2. P. 131–146.
3. Chen M.J., Weekes B.S. Effects of semantic radicals on Chinese character categorization and character decision // Chinese Journal of Psychology. 2004. Vol. 46. P. 179–195.
4. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // Psychological bulletin. 1998. Vol. 124, № 3. P. 372–422.
5. Shen E. An analysis of eye movements in the reading of Chinese // Journal of experimental psychology. 1927. № 10 (2). С. 158.
6. Sun F., Feng D. Eye movements in reading Chinese and English text // Reading Chinese script: A cognitive analysis. 1999. P. 189–206.

7. Yang H.M., McConkie G.W. Reading Chinese: Some basic eye-movement characteristics // Reading Chinese script: A cognitive analysis. 1999. P. 207–222.
8. Liversedge S.P. et al. Universality in eye movements and reading: A trilingual investigation // Cognition. 2016. Vol. 147. P. 1–20.
9. Shu H. et al. Font size modulates saccade-target selection in Chinese reading // Attention, Perception, & Psychophysics. 2011. Vol. 73, №. 2. P. 482–490.
10. Yan M. et al. Flexible saccade-target selection in Chinese reading // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2010. Vol. 63, №. 4. P. 705–725.
11. Li X., Liu P., Rayner K. Eye movement guidance in Chinese reading: Is there a preferred viewing location? // Vision Research. 2011. Vol. 51, №. 10. P. 1146–1156.
12. Cop U. et al. Presenting GECO: An eyetracking corpus of monolingual and bilingual sentence reading // Behavior research methods. 2017. Vol. 49, №. 2. P. 602–615.
13. Everson M.E. The effect of word-unit spacing upon the reading strategies of native and non-native readers of Chinese: An eye-tracking study : дис. The Ohio State University, 1986.
14. Аверьянова Г.Н. и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение. М. ; СПб. : Златоуст, 1999. 112 с.
15. Захарова А.И. Учебно-тренировочные тексты по русскому языку как иностранному. СПб. : Златоуст, 2010. 108 с.
16. Андрюшина Н.П. и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Второй вариант. М. ; СПб. : Златоуст, ЦМО МГУ, 2011.
17. Hanban/Confucius Institute Headquarters Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 4 / Hanban/Confucius Institute Headquarters. Beijing : The Commercial Press, 2009. 75 p.
18. Hanban/Confucius Institute Headquarters Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 3 / Hanban/Confucius Institute Headquarters. Beijing : The Commercial Press, 2009. 48 p.
19. Council of Europe the Common European Framework of Reference for Languages : Learning, Teaching, Assessment / Council of Europe // Council of Europe. 2001. P. 1–273.
20. Аверьянова Г.Н. и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. М. ; СПб. : Златоуст, 1999. 112 с.
21. Аверьянова Г.Н. [и др.]. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение. М. ; СПб. : Златоуст, 1999. 112 с.
22. Антонова В.Е. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. М. ; СПб. : Златоуст, 2007. 48 с.
23. Hanban/Confucius Institute Headquarters Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 2 // Hanban/Confucius Institute Headquarters. Beijing : The Commercial Press, 2009. 47 p.
24. Hanban/Confucius Institute Headquarters Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 5 // Hanban/Confucius Institute Headquarters. Beijing : The Commercial Press, 2009. 75 p.
25. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2007. Vol. 50, №. 4. P. 940–967.
26. Team R.S. et al. RStudio: integrated development for R // RStudio, Inc. Boston, MA. URL: <http://www.rstudio.com>.
27. Team R.C.R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria, 2016, 2017.
28. Wickham H. Tidyverse: Easily install and load 'tidyverse' packages // R package version. 2017. Vol. 1, №. 1.
29. Bates D. et al. Package 'lme4' // R foundation for statistical computing. Vienna, 2014. Vol. 12.
30. Машанло Т.Е., Резанова З.И. Межкультурная письменная коммуникация: чтение текстов алфавитной и логографической систем письменности билингвами // Русин. 2018. № 1 (51). С. 299–311.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 апреля 2018 г.

THE EFFECT OF L2 PROFICIENCY ON THE EYE MOVEMENT MEASURES DURING L2 READING IN RUSSIAN-CHINESE AND CHINESE-RUSSIAN LATE BILINGUALS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 22–30.

DOI: 10.17223/15617793/433/3

Timur E. Mashanlo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mashanlote@gmail.com
Keywords: eye movements; bilingualism; Chinese; Russian; reading.

In order to investigate how L2 learners adapt to reading in a different writing system the author set up an eye-tracking experiment in which participants with varying degrees of proficiency read texts in L2. 31 Russian-Chinese late bilinguals, 28 Chinese-Russian late bilinguals, all students of Tomsk State University, participated in the experiment. Prior to conducting the experiment, participants were administered proficiency assessment tests comprised of four reading tasks taken from standardised HSK and TORFL proficiency tests. During the experiment, participants read 25 texts in both Chinese and Russian while their eye movements were recorded using an SMI Red 500 eye-tracking system with a sampling rate of 500 Hz. The resulting data were analysed using linear mixed models realised in R language through lme4 package. Proficiency was entered as a fixed factor, participant and stimulus indices were entered as random factors. Russian first year students had longer fixations (~480 ms) than their more experienced counterparts (330–400 ms) when reading Chinese; students also made fewer regressions as their proficiency in L2 increased (32 % and 24 % for the first- and the fifth-year students respectively). Both of those measures approached significance: average fixation duration ($\chi^2 = 3.82$, df = 1, $p = 0.051$), regression rate ($\chi^2 = 3.21$, df = 1, $p = 0.073$). Saccade length measures remained consistent across participants of all proficiency levels: 0.9–1.2 character spaces for progressive, 2.2–3.2 character spaces for regressive saccades. Interestingly, regressive saccades were two to three times longer than progressive saccades for all Russian participants. Chinese students showed no signs of change in their eye movements measures associated with an increase in L2 proficiency: fixation durations (240 ms), regression rate (30 %), progressive saccade length (5.6 characters), regressive saccade length (4.1 characters). The lack of change in the eye movements of the Chinese students can be attributed to their life-long exposure to alphabetic writing systems through the English language and the Chinese phonetic alphabet (Pinyin). Russian students, on the other hand, have no prior exposure to logographic writing systems, and thus need time to adapt to a writing system that is based on a different sound mapping principle.

REFERENCES

1. Ivanova, V.F. (1976) *Sovremenny russkiy jazyk: Grafika i orfografiya* [Modern Russian language: Graphics and spelling]. Moscow: Prosveshchenie.

2. Perfetti, C.A. et al. (2007) Reading in two writing systems: Accommodation and assimilation of the brain's reading network. *Bilingualism: Language and Cognition*. 10(2). pp. 131–146. DOI: 10.1017/S1366728907002891
3. Chen, M.J. & Weekes, B.S. (2004) Effects of semantic radicals on Chinese character categorization and character decision. *Chinese Journal of Psychology*. 46. pp. 179–195.
4. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124(3). pp. 372–422.
5. Shen, E. (1927) An analysis of eye movements in the reading of Chinese. *Journal of Experimental Psychology*. 10 (2). pp. 158–183. DOI: 10.1037/h0075609
6. Sun, F. & Feng, D. (1999) Eye movements in reading Chinese and English text. In: Wang, J. et al. (eds) *Reading Chinese script: A cognitive analysis*. N.Y.: Psychology Press.
7. Yang, H.M. & McConkie, G.W. (1999) Reading Chinese: Some basic eye-movement characteristics. In: Wang, J. et al. (eds) *Reading Chinese script: A cognitive analysis*. N.Y.: Psychology Press.
8. Liversedge, S.P. et al. (2016) Universality in eye movements and reading: A trilingual investigation. *Cognition*. 147. pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.cognition.2015.10.013
9. Shu, H. et al. (2011) Font size modulates saccade-target selection in Chinese reading. *Attention, Perception, & Psychophysics*. 73(2). pp. 482–490.
10. Yan, M. et al. (2010) Flexible saccade-target selection in Chinese reading. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 63(4). pp. 705–725. DOI: 10.1080/17470210903114858
11. Li, X., Liu, P. & Rayner, K. (2011) Eye movement guidance in Chinese reading: Is there a preferred viewing location? *Vision Research*. 51(10). pp. 1146–1156. DOI: 10.1016/j.visres.2011.03.004
12. Cop, U. et al. (2017) Presenting GECO: An eyetracking corpus of monolingual and bilingual sentence reading. *Behavior Research Methods*. 49(2). pp. 602–615. DOI: 10.3758/s13428-016-0734-0
13. Everson, M.E. (1986) *The effect of word-unit spacing upon the reading strategies of native and non-native readers of Chinese: An eye-tracking study*. dis. The Ohio State University.
14. Aver'yanova, G.N. et al. (1999) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroy sertifikatsionnyy uroven'*. Obshchee vladenie [Typical tests in Russian as a foreign language. The second certification level. General knowledge]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust.
15. Zakhарова, А.И. (2010) *Uchebno-trenirovchnye teksty po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Teaching and training texts on Russian as a foreign language]. St. Petersburg: Zlatoust.
16. Andryushina, N.P. et al. (2011) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy sertifikatsionnyy uroven'*. Obshchee vladenie. Vtoroy variant [Typical tests in Russian as a foreign language. The first certification level. General knowledge. The second variant]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust, TsMO MGU.
17. Hanban/Confucius Institute Headquarters. (2009) *Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 4*. Beijing: The Commercial Press.
18. Hanban/Confucius Institute Headquarters. (2009) *Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 3*. Beijing: The Commercial Press.
19. Council of Europe. (2001) *The Common European Framework of Reference for Languages : Learning, Teaching, Assessment*. Council of Europe. pp. 1–273.
20. Aver'yanova, G.N. et al. (1999) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy sertifikatsionnyy uroven'*. Obshchee vladenie [Typical tests in Russian as a foreign language. The first certification level. General knowledge]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust.
21. Aver'yanova, G.N. et al. (1999) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Tretiy sertifikatsionnyy uroven'*. Obshchee vladenie [Typical tests in Russian as a foreign language. The third certification level. General knowledge]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust.
22. Antonova, V.E. (2007) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven'*. Obshchee vladenie [Typical tests in Russian as a foreign language. A basic level. General knowledge]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust.
23. Hanban/Confucius Institute Headquarters. (2009) *Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 2*. Beijing: The Commercial Press.
24. Hanban/Confucius Institute Headquarters. (2009) *Chinese Proficiency Test Syllabus: Level 5*. Beijing: The Commercial Press.
25. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967.
26. RStudio: integrated development for R. RStudio, Inc., Boston, MA. [Online] Available from: <http://www.rstudio.com>.
27. R Core Team. (2016) *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing.
28. Wickham, H. (2017) Tidyverse: Easily install and load ‘tidyverse’ packages. *R package version*. 1(1).
29. Bates, D. et al. (2014) Package ‘lme4’. *R Foundation for Statistical Computing*. 12.
30. Mashanlo, T.E. & Rezanova, Z.I. (2018) Intercultural written communication: bilingual reading of texts written in alphabetic and logographic writing systems. *Rusin*. 1 (51). pp. 299–311. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/19

Received: 30 April 2018

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСКУССТВО ПЛАСТИКИ В ПЕЙЗАЖАХ «ФРЕГАТА „ПАЛЛАДА“» И.А. ГОНЧАРОВА

Рассматривается вопрос о влиянии античной традиции в книге путевых очерков И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“». Приственный интерес Гончарова к древнему искусству отразился в его художественных текстах. Античность стала для писателя универсальной моделью в осмыслиении человека, культуры и природы. К античному искусству восходят идиллический хронотоп, принципы и приемы живописания, роднящие поэтику и эстетику Гончарова с Феокритом и Вергилием. Актуальность статьи обусловлена обращением к морским пейзажам книги, которые рассматриваются в связи с античностью впервые.

Ключевые слова: Гончаров; «Фрегат „Паллада“»; Античность; морской пейзаж; живописание; Вергилий.

Особое место в живописании во «Фрегате „Паллада“» занимает Античность, с присущей ей гармонией, культом красоты и эпичностью. Античность стала для И.А. Гончарова универсальной эстетической системой, получившей воплощение во всем творчестве. По справедливому замечанию Н.А. Тарковской, «Гончаров видел в античности единство человека и природы» [1. С. 46]. Исследователи В.И. и Т.В. Мельник полагают, что «Гончаров... органично, как, может быть, ни один из его современников в русской литературе, усвоил не столько определенный объем знаний об античности, сколько сами принципы античного мышления, античное мировосприятие» [2. С. 26]. Ориентация писателя на Античность связана с литературными пристрастиями, ближайшим окружением и эстетическими задачами создания «тихой», патриархальной провинции.

История изучения Античности в художественных текстах И.А. Гончарова в русском литературоведении представлена несколькими работами [3. С. 1–194]. В конце XIX в. Д.С. Мережковский в критическом очерке «Гончаров» (1890) отметил стремление писателя наполнить мир красотой и гармонией, назвав его «Гомером русской поместьской жизни» [4. С. 598]. В критическом этюде Мережковский одним из первых указал на мощный античный пласт романов Гончарова и на особое античное мировоззрение писателя. Отличительной особенностью Гончарова, роднящей его с Гомером, является подробное описание мелочей, деталей в картине, сообщающих ей пластическую завершенность. По мнению Мережковского, Гончаров близок Гомеру в выборе объекта изображения. Оба автора изображают повседневность в ее неторопливом течении: «Гомер в своих описаниях подолгу останавливался с особенной любовью на прозаических подробностях жизни. Он до мельчайших деталей изображает, как его герои и полубоги едят, пьют, принимают ванну, спят, одеваются. Для Гомера нет некрасивого в жизни. <...> Это же мы встречаем у Гончарова в картинах будничной жизни» [Там же. С. 593].

Важным этапом осмыслиения Античности является время обучения в Московском университете. Природу античной эстетики Гончаров усвоил из лекций профессора Н.И. Надеждина. В его статьях (в частности «О современном направлении изящных искусств» (1833) молодой писатель прежде всего подчеркнул «направ-

ление к всеобщности» [5. С. 125] в современном культурном процессе. В фундаментальном труде Надеждина «О происхождении, природе и судьбе поэзии, называемой романтической» (1830), с которым Гончаров был, безусловно, знаком, излагается мысль о родстве романтической и античной (классической) эстетики в отношении изображения окружающего мира при их очевидных различиях. Н.И. Надеждин пишет об особом «поэтическом духе», который «слагается из двух разных стихий» [Там же. С. 142]. Древнее искусство, по его мнению, было подражанием видимой природе, которая отражала «выпуклость линий, круглоту очертаний, изящество пропорций» [Там же].

Главный пафос статьи сводится к тезису о первообразе классической древности и эстетического совершенства для романтического искусства. Античность, по замечанию автора, подчеркнула «изящество внутреннего мира человеческого духа» [Там же. С. 127] и создала «неизмеримую бездну, беспрестанно волнующую неукротимым вихрем самовластной свободы...» [Там же. С. 196]. Кратко резюмируя романтические отличия от классической эстетики, Надеждин подчеркивает, что «...она (романтическая поэзия. – Прим. авт.) была в отношении к материи – более человеческая; в отношении к организации – более фантастическая; в отношении к выражению – более живописная; в отношении к внешнему строению – более музыкальная» [Там же. С. 199]. Таким образом, Надеждин подводит внимательного читателя к выводу о «тайном синтезе» [Там же. С. 173] древнего и романтического поэтического духа, в котором «классическая поэзия воплощала внутреннюю полноту духа в творениях, сооруженных по образцу видимого мира; а поэзия романтическая как бы подслушивала внутреннюю гармонию самого духа и оглашала ее в произведениях, по образцу ее созданных» [Там же. С. 196].

В воспоминании «В университете»¹, повествующем о юности писателя, начале его творческого пути, особое место отводится древности. Вспоминая о «лучшей поре жизни – молодости – и об ее наилучшей части – университетских годах», Гончаров пишет об изучении греческого языка, который требовался для поступления в университет²: «...тут вдруг понадобился греческий язык! <...> с юношескою энергией можно было – если не покорить вполне эллинскую речь, на что надо положить чуть не целую жизнь» [6. С. 197].

Следующим этапом восприятия античной традиции стало знакомство Гончарова в 1840-х гг. с семьей Майковых. Значение античной темы в произведениях писателя объясняется влиянием личности Н.А. и А.Н. Майковых, истинных знатоков Античности. В письме от 2 марта 1843 г. Гончаров дает оценку антологическому стихотворению друга, относит А.Н. Майкова к «живописующим поэтам»: «В 1-м стихотворении³ Вы поэт живописующий» [Там же. С. 266]. Антологическая лирика поэта, отличающаяся пластичностью формы, чистотой выражения, тематическим разнообразием, оказала влияние на изображение пейзажей «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова.

Античная тема встречается в художественных текстах Гончарова еще до того, как он отправился в путешествие. В 1848 г. Гончаров создает фельетон «Письма столичного друга к провинциальному жениху». «Столичный друг» пишет провинциальному поклоннику античной культуры Василию Васильевичу о нравственных вопросах «порядочных людей общества», подразделяя их на «франтов», «львов» (негативное значение. – Прим. авт.) и «людей хорошего тона». Гончаров создает портрет А. Чельского – «столичного друга», который обращается к античной теме, говоря о связи древних образцов с настоящей жизнью. В отрывке идет речь о связи Античности с сознанием современного человека⁴: «Меня удивляет одно: как, изучив греческие и латинские древности, ты не нашел изящества в жизни древних, или если нашел, как не ставишь его в образец себе и другим, а всё прочее ставишь? Как не постиг ты поэзии богатых одежд древних, их багряниц, роскоши их мраморных бань и купален, утонченных пиршеств, мягких и тонких тканей? Как ты не понял одного из колossalных героев древности – Лукулла, ты, понявший Платона, божественного Омира, пышного Виргилия?» [7. Т. 1. С. 484].

«Сон Обломова» (1849) буквально пронизан античными аллюзиями и образами. В Античности Гончаров видел единство природы и человека, гармонию внутреннего мира с окружающей действительностью. Идиллия, царящая в Обломовке, неторопливое течение жизни, обособленность и уединенность провинциального Эдема напоминают описания «золотого века» [8. С. 6]. Няня маленького Ильи Ильича сравнивается с создателем «Илиады»: «Она с простотой и добродушием Гомера, с тою же животрепещущей верностью подробностей и рельефностью картин влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни» [7. Т. 1. С. 116]. Живописание патриархальной провинции превращается в монументальный образ русского мира.

В книге очерков «Фрегат “Паллада”» Античность входит как универсальная культурная традиция. Гончаровская вселенная, представленная на страницах «Фрегата “Паллада”», строится на противопоставлении разных культур и цивилизаций, которые, несмотря на свою антиномичность, «собираются» в единый образ мира. Именно в отношении к Античности проявилась особенность художественного сознания Гончарова – сочетание гуманизма и историзма.

Античность олицетворяет в очерках Гончарова начало цивилизации, обретение общечеловеческих

ценностей. Природные виды Ликейских островов Гончаров называет идиллией: «...это идиллия, брошенная среди бесконечных вод Тихого океана» [7. Т. 2. С. 253].

Гончаров вспоминает автора пастушьих идиллий Феокрита и сравнивает «идиллическое» существование с Античностью: «Это единственный уцелевший клочок древнего мира, как изображают его Библия и Гомер. Это не дикари, а народ – пастыри, питающиеся от стад своих, патриархальные люди с полным, развитым понятием о религии, об обязанностях человека, о добродетели. Идите сюда поверять описания библейских и одиссеевских местностей, жилищ, гостеприимства, первобытной тишины и простоты жизни» [Там же. С. 497]; «Что это? где мы? среди древних пастушеских народов в золотом веке? Ужели Феокрит в самом деле прав?» [Там же. С. 495].

Древнегреческий поэт Феокрит известен прежде всего тем, что он является создателем нового литературного жанра – буколики (пастушеской песни). Его перу принадлежит более тридцати идиллий (греч. Eidyllion – картинка), описывающих спокойную, добродетельную, патриархальную жизнь. В мире поэта нет места фантазии, его герои приземленные, естественные люди. Красочность описаний заменена на подробное, детализированное изображение. Главными героями Феокрита становятся пастухи, изображенные на фоне природы:

Оба уйдя от товарищей вдаль, одиноко бродили,
Глядя на дикую чащу различного горного леса,
И набрели на источник, журчащий под гладкой скалою,
Полный прозрачною, чистой водой. На дне его кремни,
Как серебро или горный хрусталь отливая, сверкали
Из глубины, а вблизи поднимались высокие сосны,
Тополь сребристый, платан и в мохнатых венцах кипарисы,
Благоухали цветы – услада для пчел волосатых –
Все, что к исходу весны на лугах в изобилии пестреют

[9. С. 147].

По замечанию И.М. Тронского, «в эллинистической литературе описание природы не становится самоцелью, пейзаж интересует поэта лишь в связи с человеком» [10. С. 224]. М.Н. Эпштейн [11. С. 131] выделяет следующие элементы идиллического пейзажа: 1) мягкий ветерок, овеивающий, нежный, доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, прохладный ручеек, уголяющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях.

Схожими поэтическими приемами отмечены идиллические картины Гончарова: «Что за заливцы (курсив наш. – К.П.), уголки, приюты прохлады и лени, образуют узор берегов в проливе! Вон там идет глубоко в холм ущелье, темное, как коридор, лесистое и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозит раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тут маленькая, обстановленная деревьями бухта, сонное затишье, где всегда темно и прохладно, где самый сильный ветер чуть-чуть рябит волны» [7. Т. 2. С. 321].

К Античности восходит идиллический хронотоп, встречающийся в главах, посвященных Ликейским островам. Некоторые пейзажи соотносятся с понятием идиллии по выбранным автором предметам изображения и принципам их создания. Они оказываются тематически и эстетически созвучными картинам французского художника Антуана Ватто (1684–1721), который видел в «идиллическом» патриархальную модель существования человека. Идиллия для Гончарова становится особым состоянием мира, соотносится с умиротворением и покоем. Однако, при очевидном внимании к идиллии как образцу, Гончаров всё же указывает на ее ограниченность в условиях современной жизни: «...увы, прощай, идиллия!» [7. Т. 2. С. 513].

Черты Античности Гончаров распространяет на другие народы, например на «корейское государство», которое «формировалось в эпоху троян, первобытных греков». «Здесь разыгрывались свои “Илиады”, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы. За Гомером дела никогда не станет» [Там же. С. 321].

Образы Античности связаны в сознании Гончарова с понятием героического, высокого, трогательного. Они входят в мир человеческой жизни как «подвиги Гомеровых героев, Аяксы, Ахиллесы и сам Геркулес» [Там же. С. 12] и как «колорит мира, кротости и сладкого труда, и обилия» [Там же. С. 195]. «Кровля пуще всего говорит сердцу путешественника <...> это цепкая поэма, содержание которой – отдых, семья, очаг – все домашние блага. Кто не бывал Улиссом на своем веку и, возвращаясь издалека, не отыскивал глазами Итаки?» [Там же. С. 333].

Гончаров усваивает пушкинскую традицию в отношении к Античности. Он перефразирует строку двустишия А.С. Пушкина, в которой есть прямое указание на Античность⁵. «Прощайте, друзья мои! увижу ли я вас? Дойдут ли когда-нибудь до вас эти строки, которые пишу, точно под шум столетней дубравы, хотя под южным, но еще серым небом, пишу в теплом байковом пальто? Далеко, кажется, уехал я, но чую еще север смущенной душой; до меня еще доносится дыхание его зимы, вижу его колорит на воде и небе. Я как будто близко. Я не вижу ни голубого неба, ни синего моря. Шум, холод и соленые брызги – вот пока моя сфера!» [Там же. С. 84].

В отношении к Античности у Гончарова проявляется свойственное ему диалектическое использование античных образов, помещенных в современный контекст. Они сохраняют монументальность и значимость, но при этом мягкая ирония легко дистанцирует образы, оттеняя их далекий мифологический или исторический смысл. Разыгравшуюся морскую стихию повествователь представляет в виде бушующего великана – мифологического бога Нептуна: «В первый день Пасхи, когда мы обедали у адмирала, вдруг с треском, звоном вылетела из полутортика рама, стекла разбились вдребезги, и кудрявый, седой вал, как сам Нептун, влетел в каюту и разлился по полу. Большая часть выскочила из-за стола, но нас трое усидели. Я одною рукою держал тарелку, а другою стакан с вином. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданного гостя вон» [Там же. С. 115]. Введенное в текст сравнение – «кудрявый,

седой вал, как сам Нептун» – вносит в описание живописность, при этом юмор («пришли матросы и вывели швабрами нежданного гостя») оттеняет мифологический характер образа.

Чтобы подчеркнуть буржуазный, практический дух современной Англии, Гончаров вводит в описание образы «Птолемеевой географии», «Аристотелевой риторики» и «Пиладова подвига», так мало соответствующих духу нового времени. Описывая Лондон, повествователь вспоминает бога торговли, покровителя купцов: «Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая меркуриевым жезлом! (курсив наш. – К.П.)» [Там же. С. 40].

В главе «От Манилы до берегов Сибири», при описании пейзажа, автор-повествователь вспоминает фигуру знаменитого Лаокоона – троянского жреца бога Аполлона – и его сыновей, которые пытаются освободиться от обвивших их змей: «Усталый, сел я на пень у шалашей и смотрел на веселую речку: она вся усажена кустами, тростником и разливается широким бассейном. Вода, как хрусталь, прозрачна. Тут наши матросы мыли белье, развешивая его по лианам. Одно огромное дерево было опутано лианами и походило на великана, который простирает руки вверх, как Лаокоон, стараясь освободиться от сетей, но напрасно» [Там же. С. 585].

Одна из часто повторяющихся античных тем связана с аргонавтами. Гончаров сравнивает экспедицию с путешествием моряков, плывущих за золотым руном: «Я новый аргонавт, стремящийся к безднам, за золотым руном в недоступную Колхиду» [Там же. С. 11].

Военный корабль, на котором плавал Гончаров, назывался «Паллада»⁶. В очерке «Через двадцать лет», давая оценку плаванию и подчеркивая сложность и опасность путешествия, писатель вспоминает античных героев: «Так кончилась эта экспедиция, в которую укладываются вся “Одиссея” и “Энеида” – и ни Эней, с отцом на плечах, ни Одиссей не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты, из которых «иных уж нет, а те далече» [Там же. С. 738].

В научных исследованиях, посвященных изучению образа моря в русской литературе, в частности в работах В.Н. Топорова (об Античности) [14. С. 105–175], Ю.М. Лотмана (о карамзинских «Письмах русского путешественника») [15. С. 669–576], Е.А. Краснощековой (о жанре литературного путешествия) [16. С. 191–206], морская тематика (образ моря, хронотоп, символика) рассматривается как сфера, связанная с философской, этической и эстетической концепцией художника.

Кроме очевидных указаний на Античность (имена, сюжеты) в тексте Гончарова можно обнаружить следование писателя античной традиции в обращении к характерологии путешественника. Море было осмыслено автором-повествователем как категория «пути». Гончаров создал образ странствующего героя, с «блуждающей душой» подобно Одиссею.

На особую роль морского пространства в поиске духовного «Я» указал В.Н. Топоров в книге «Эней – человек судьбы» [14]. Исследователь рассматривает море как дорогу к тайнам личности, стремящейся обрести истину. В книге В.Н. Топорова личность Энея

представлена через категорию «пути», которую автор связывает с нравственным обогащением, познанием самого себя.

Примечательно, что категория пути становится значимой для первой «морской» части «Энеиды». Для выявления значения «пути» автор книги обращается к этимологическому анализу слов «ex-quiro/quaeo». В.Н. Топоров, выявляя отличительные особенности значения слов, подытоживает, что категория «пути» связана с ментальной операцией, которая предполагает определенную стратегию, определенный тип субъекта данной операции. Категория «пути» соотносится с идеями исследования и духовного обогащения.

Принципиальным для В.Н. Топорова становится утверждение, что именно море – тот хронотоп, где человек оказывается в ситуации философствования и «встречи» с собой: «...на зыбкой основе моря, над бездной нельзя выстроить дом и ничего другого, кроме главного и единого на потребу – своей жизни и, следовательно, себя самого. Сам человек и его жизнь, выстроенная в этих обстоятельствах, и образует дом, его замену. Поэтому именно море представляет те крайние условия, ту подлинно диагностическую ситуацию, где может быть открыт-найден, «выстроен» подлинный ответ» [Там же. С. 51].

Эней-мореплаватель сталкивается с теми же опасностями, как и автор-повествователь «Фрегата “Паллада”» Духовный поиск Энея Топоров соотносит с блужданием души: «...идея “блуждания”» уже сублимировалась и, выйдя из сферы эмпирического, выкристаллизовалась как явление духовное. Блуждание человека в нравственном пространстве как бы оттеснило привычную проблему и повседневную практику морских блужданий и стало неким центром человеческого существования, так и осознаваемым если не самим Энеем, то человеком “Энеевой” сути. Что было метафорой чего – морские блуждания – блуждания души или блуждания души – морских блужданий – определить трудно, да, может быть, и не так уж важно: корень и того и другого был общий, и каждое отсыпало друг к другу» [14. С. 105].

Повествователя очерков Гончарова можно отнести к категории «человека Энеевской сути», он, как и герой «Энеиды», своей конечной целью видит прибытие к берегам родины. Море, как водный путь, для Гончарова не был легкой дорогой к заветной цели. Писатель изначально был готов к тяготам и лишениям морского быта. Но как бы не была трудна экспедиция, Гончаров, еще не спустившись

на лоно вод, оценивал путешествие как подарок судьбы, из которого можно извлечь общечеловеческий урок.

Духовное обогащение, внутренний мир героя,озвучный настроению природы, роднит Энея и путешественника Гончарова. Кругосветное плавание оказалось для писателя не только путешествием по новым странам, но прежде всего открытием самого себя, развитием духовного порядка.

Исследование хронотопа моря как пути духовного развития путешественника дает ключ к пониманию философской позиции Гончарова в решении вопросов природы, жизни и смерти, места человека в мире.

Книга путевых очерков, явившаяся результатом кругосветного путешествия, демонстрирует отношение Гончарова к природному миру. Осмысление автором-повествователем вечных вопросов, включение морских картин природы в универсальную модель бытия, указывают на наличие у автора своего, индивидуального «чувствия природы»⁷.

Философия Гончарова связана с античным мировоззрением и литературой, которые «копираются на интуиции живого, одушевленного и разумного космоса» [19. С. 5–38]. Принципы и приемы изображения природного мира определяются у Гончарова представлением о космосе природы как целостном пространстве, наделенном формами существования – движением и покоя. «Философию движения» и «философию покоя» Гончаров находил в «Энеиде» Вергилия.

Гончаров упоминает античного классика в очерках «Через двадцать лет», тексте, открывающем новые подробности плавания «Фрегата». С первых строк в «Энеиде» звучит морская тема: Битвы и муза пою, кто в Италию первым из Трои // – Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским. // Долго его по морям и далеким землям бросала // Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны» [20. С. 3].

Описывая штурм на море, Вергилий создает образ целостного мироздания, представленного эпически широко: «Или же б море с землей и своды высокие неба // В бурном порыве сметут и развеют в воздухе ветры» [Там же. С. 45]; «В пучину рушится небо...» [Там же. С. 26]; «Солнце меж тем совершило свой путь, и ночь опустилась, // Мраком окутав густым небосвод, и землю, и море» [Там же. С. 38]. Пейзажи бушующей морской стихии у Гончарова, как и у Вергилия, отличаются динамикой.

Вергилий «Энеида»	И.А. Гончаров «Фрегат “Паллада”»
Вымолвив так, он обратным концом копья ударяет В бок пустотелой горы, – и ветры уверенным строем Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над сушей. На море вместе напав, до глубокого дна возмущают Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий Африк, вздувая волны и на берег бешено мча их. Крики троянцев слились со скрипом снастей корабельных. Тучи небо и день из очей похищают внезапно, И непроглядная ночь покрывает бурное море. Вторит громам небосвод, и эфир полыхает огнями, Близкая верная смерть отовсюду мужам угрожает» [20. С. 56].	«Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются да стон носится в воздухе. Фрегат взберется на голову волны, дрогнет там на гребне, потом упадет на бок и начинает скользить с горы, спустившись на дно между двух бугров, выпрямится, но только затем, чтобы тяжело перевалиться на другой бок и лезть вновь на холм. Когда он опустится вниз, по сторонам его вздымаются водяные стены» [7. Т. 2. С. 76].

Фрегат в пейзаже Гончарова представлен как движущийся и сопротивляющийся живой организм, взирающийся на волны. Морская стихия олицетворена: «Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают...» [7. Т. 2. С. 76]. Разыгравшуюся морскую пучину повествователь сравнивает с выпущенными на волю зверями. Море и у Вергилия, и у Гончарова наделено силой агрессии, грозящей человеку. Но в том-то и основа эпической моци, что человек оказывается

способным сопротивляться этой силе. Для передачи стихийности моря авторы используют глагольные формы: у Вергилия – «рвутся», «несутся», «покрывают», «полыхает»; у Гончарова – «толкая», «встают», «поднимается», «носится», «упадет», «начинает», «выпрямится», «перевалиться», «опуститься», «вздымаются».

Во «Фрегате “Паллада”», как и у Вергилия, наряду с изображением бурного моря рисуются спокойные, штилевые марины.

Вергилий «Энеида»	И.А. Гончаров «Фрегат “Паллада”»
<p>Место укромное есть, где гавань тихую создал, Берег собою прикрыв, островок: набегая из моря, Здесь разбивается зыбы и расходится легким волнением. С той и с другой стороны стоят утесы; до неба Две скалы поднялись; под отвесной стеной безмолвна Вечно спокойная гладь. Меж трепещущих листьев – поляна, Темная роща ее осеняет пугающей тенью» [20. С. 220].</p>	<p>«Вечер был лунный, море гладко как стекло; шкуна шла под малыми парусами. У выхода из Фальсбея мы простились с Корсаковым надолго и пересели на шлюпку. Фосфорный блеск был так силен в воде, что весла черпали как будто растопленное серебро, в воздухе разливался запах морской влажности. Небо сквозь редкие облака слабо теплилось звездами, затмеваемыми лунным блеском. Половина залива ярко освещалась луной, другая таялась в тени» [7. Т. 2. С. 221].</p>

У Вергилия пейзаж вмещает в себя широкое пространство: берег, утесы, скалы, роща. Автором рисуется умиротворенная картина морской глади: «Здесь разбивается зыбы и расходится легким волнением» [20. С. 220].

Гончаров описывает лунный вечер, прозрачное море, которое сравнивает со стеклом. Пейзаж наполнен серебристым сиянием морской глади и светом звезд, которые затмеваются лунным сиянием. Морской пейзаж композиционно делится на две части: светлая и темная сторона лунного освещения. Штиль на море представлен авторами как гармонизирующее, спокойное состояние моря и человека.

Тихие морские картины позволяют говорить о «философии покоя»⁸ И.А. Гончарова. Тишина рождает ощущение вечной гармонии, слитости человека с природой: «Я целое утро не сходил с юта. Мне хотелось познакомиться с океаном. Я уже от поэтов знал, что он «безбрежен, мрачен, угром, беспределен, неизмерим и неукротим», а учитель географии сказал некогда, что он просто – Атлантический. Теперь я жадно вглядывался в его физиономию, как

вглядываются в человека, которого знали по портрету. Мне хотелось поверить портрет с подлинными чертами лежавшего передо мной великана, во власть которого я отдавался на долгое время» [7. Т. 2. С. 71]. «Философия покоя» в истоках связана с античной эстетикой. Античность была для Гончарова фундаментом реальности, что отличало его от романтиков. Романтики, взяв у Античности идею целостности и красоты мира, поставили акцент на двоемирье, лишив современного человека чувства единства с природой.

Подробная детализация, унаследованная Гончаровым у античных авторов, стала важнейшим способом эпического изображения природного мира. Таким образом, Гончаров относит природу к идеальному, к модели существования всего материального мира, в котором сочетаются обыкновенное, но в то же время прекрасное, гармоничное и стихийное, пугающее и манящее. Русский писатель ориентировался на традиции Античности в изображении природы, в которой видел неразрушимую связь с человеком, идиллию и красоту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», № 4 за 1887 г., под названием «Из университетских воспоминаний». Писались в 60-е гг., во время бурного обсуждения изменений университетского устава.

² На вступительном экзамене Гончаров переводил отрывок из «Анабазиса» Ксенофonta.

³ Речь идет о раннем стихотворении «Колизей», которое не было напечатано.

⁴ Исследователи творчества Гончарова Т.В. Мельник и В.И. Мельник, комментируя «Письма...», указывают на связь далекого прошлого с современностью: «В древности, по мнению романиста, уже можно отыскать семена всех сторон современной жизни» [3. С. 54].

⁵ «Слышь умолкнувший звук божественной эллинской речи / Старца великого тень чую смущенной душой» [12. С. 325].

⁶ «Дочь Зевса, родившаяся из его головы после того, как он проглотил свою первую жену Метиду, т.е. мудрость, и, следовательно, не имевшая матери, – богиня мудрости, искусств и наук, поэзии и рукоделия, покровительница государств, городов и земледелия. Она считалась и богиней войны, изобретательницей флейты. Она была особенной покровительницей г. Афин, который в честь ее и получил свое название. Священными животными Афины считались сова, змея, петух, и ей же была посвящена маслина. Главные праздники в ее честь назывались Панафинеями» [13. С. 74].

⁷ Впервые данный термин использовал А. Гумбольдт в работе «Космос» [17. С. 41]. В русской литературе «чувство природы» впервые употребляется В.В. Измайловым в «Путешествии в полуденную Россию»: «Не есть ли это чувство любви «чувству природы?» [18. С. 14].

⁸ «Философия покоя» становится способом создания пейзажей солнной Обломовки, Малиновки и провинциальных городов в трилогии И.А. Гончарова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарковская Н.А. Диалог античных и христианских мотивов в романе И.А. Гончарова “Обрыв”: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Конструма, 2006. 181 с.
2. Мельник В.П., Мельник Т.В. И.А. Гончаров в контексте европейской литературы. Ульяновск, 1995. 193 с.

3. Мельник В.И., Мельник Т.В. Гончаров и античность. Ульяновск: Ульянов. гос. техн. ун-т, 1995. 194 с.
4. Мережковский Д.С. Гончаров // Труд. 1890. № 24. С. 593–598.
5. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 125–199.
6. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1954. Т. 8. 522 с.
7. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. 746 с.
8. Ляпушкина Е.И. Русская идиллия XIX века и роман Гончарова «Обломов», СПб., 1996. 147 с.
9. Грабарь-Пассек М.Е. Хрестоматия по античной литературе: в 2 т. Т. 1. Греческая литература. М.: Просвещение, 1965. 679 с.
10. Тронский И.М. История античной литературы: учеб. для филол. спец. уч-тов. Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с.
11. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзаж, образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.
12. Пушкин А.С. Собрание сочинений: 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 782 с.
13. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1894. 206 с.
14. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы (к «средиземноморской» персонологии). М., 1993. 203 с.
15. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л., 1984. 606 с.
16. Краснощекова Е. «Сентиментальное путешествие». Проблематика жанра (Лоренс Стерн и Н.М. Карамзин) // Философский век. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Опыт философской и культурной компаративистики. СПб., 2002. С. 191–206.
17. Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания. М., 1862–1863. 410 с.
18. Измайлова В.В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1800. Ч. I. 235 с.
19. Лосев А. Платон: Очерк жизни и творчества // Платон. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 278 с.
20. Вергилий. Собрание сочинений. Изд-во Биографический институт «Студия Биографика» / под ред. Ф. Петровского; пер. Ошерова. СПб., 1994. 478 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2018 г.

THE ANCIENT TRADITION AND THE ART OF PLASTICS IN THE DEPICTION OF LANDSCAPES IN *THE FRIGATE “PALLADA” BY IVAN GONCHAROV*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 31–37.

DOI: 10.17223/15617793/433/4

Kristina K. Pavlovich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Keywords: Goncharov; *The Frigate “Pallada”*; antiquity; seascape; depiction; Virgil.

The article studies the influence of Antiquity on Goncharov's style of writing in one of his works, *The Frigate “Pallada”*. In his youth, Goncharov read the classics such as Homer, Virgil and Tacitus, and he remained interested in Antiquity throughout different stages of his career (from the times of poetic experiments to the times of the novel trilogy). In his early works, one can often find references to the motives, themes and images of Antiquity. A special role in Goncharov's interest in Antiquity belonged to A.N. Maikov. Focus on Antiquity gave his poetry the festiveness of the spirit, the plasticity of the form, philosophy, the accuracy of real details and symbolic meaning. Ancient world perception, rooting in universal values, and pure art were close and necessary for the Russian writer when he was working with a volumetric material gathered during the round-the-world voyage. The chapters on the tropics are related to the idyll through the selected objects of description and the manner in which they are depicted. In connection with this theme, the author-narrator gives the name of the Greek poet Theocritus, the author of numerous shepherd's idylls, close to the descriptions of the Lycian islands and their picturesque landscapes. Throughout the book of essays, Goncharov mentions the images of ancient heroes and gods such as Achilles, Hector, Apollo and Neptune. The dialectical approach of the writer to the comprehension of the verbal ancient culture is manifested, on the one hand, in the special attention and respectful attitude to it, on the other, in the ironic manner related to the limitations of ancient culture within the framework of modern reality. Special attention should be paid to the character of the traveler in the essays. The sea chronotope influences the philosophical comprehension of what has been seen and experienced. The author-narrator interprets the sea as a “path”. It is moral lessons and spiritual renewal that bring together the image of Goncharov's traveler with the protagonist of Virgil's *The Aeneid*. Goncharov's natural philosophy is largely based on the ancient world view and literature. Thus, the painting of the pictures of the sea (turbulent and calm) is consonant with the descriptions of the elements by Virgil, with the philosophy of calmness. The epic manner and the appeal to detail connect Goncharov with the aesthetics and poetics of ancient authors who perceived the world through the prism of beauty and harmony. Synthesis as an important artistic and methodological method Goncharov used in connection with the landscape is manifested in the appeal to different cultural traditions, including the ancient aesthetics and literature, which is the basis for both romanticism and the movement of art towards realism.

REFERENCES

1. Tarkovskaya, N.A. (2006) *Dialog antichnykh i khristianskikh motivov v romane I.A. Goncharova “Obryv”* [Dialogue of ancient and Christian motifs in I.A. Goncharov's “The Precipice”]. Philology Cand. Dis. Kostroma.
2. Mel'nik, V.P. & Mel'nik, T.V. (1995) *I.A. Goncharov v kontekste evropeyskoy literatury* [I.A. Goncharov in the context of European literature]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
3. Mel'nik, V.I. & Mel'nik, T.V. (1995) *Goncharov i antichnost'* [Goncharov and Antiquity]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1890) Goncharov. *Trud.* 24. pp. 593–598. (In Russian).
5. Nadezhdin, N.I. (1972) *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 125–199.
6. Goncharov, I.A. (1954) *Sobranie sochineniy: v 8 vols.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Goslitizdat.
7. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. St. Petersburg: Nauka.
8. Lyapushkina, E.I. (1996) *Russkaya idilliya XIX veka i roman Goncharova “Obломов”* [Russian idyll of the 19th century and Goncharov's “Oblo-mov”]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Grabar'-Passek, M.E. (1965) *Khrestomatiya po antichnoy literatury: v 2 t.* [An anthology of ancient literature: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie.
10. Tronskiy, I.M. (1946) *Istoriya antichnoy literatury* [History of ancient literature]. Leningrad: Uchpedgiz.
11. Epshteyn, M.N. (1990) *“Priroda, mir, taynik v selennoy...”*: *Sistema peyzazhey, obrazov v russkoj poezii* [“Nature, the world, a cache of the universe . . .”: a system of landscapes and images in Russian poetry]. Moscow: Vyssh. shk.

12. Pushkin, A.S. (1959) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.
13. Korsh, M. (1894) *Kratkiy slovar' mifologii i drevnostey* [A brief dictionary of mythology and antiquities]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
14. Toporov, V.N. (1993) *Eney – chelovek sud'by (k "sredizemnomorskoy" personologii)* [Aeneas, a man of destiny (on the "Mediterranean" personology)]. Moscow: Radiks.
15. Karamzin, N.M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.
16. Krasnoshchekova, E. (2002) "Sentimental'noe puteshestvie". Problematika zhannya (Lorens Stern i N.M. Karamzin) ["A Sentimental Journey through France and Italy". The problems of the genre (Lawrence Stern and N.M. Karamzin)]. In: Artem'eva, T.V. & Mikeshin, M.I. (eds) *Filosof'skiy vek. Rossiya i Britaniya v epokhu Prosvetshcheniya. Opyt filosof'skoy i kul'turnoy komparativistiki* [A philosophical century. Russia and Britain in the Age of Enlightenment. Experience of philosophical and cultural comparative studies]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey.
17. Humboldt, A. (1862–1863) *Kosmos. Opyt fizicheskogo miroopisaniya* [Cosmos. Experience in the physical world description]. Moscow: tip. A. Semena.
18. Izmaylov, V.V. (1800) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu. V pis'makh, izdanniykh Vladimirom Izmaylovym* [A journey to the midday Russia. In the letters published by Vladimir Izmailov]. Pt. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya u Ridigera i Klaudiya.
19. Losev, A. (1998) Plutarkh: Ocherk zhizni i tvorchestva [Plutarch: An Outline of Life and Creativity]. In: Plutarch. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya. Traktaty i dialogi* [Comparative biographies. Treatises and dialogues]. Translated from Old Greek. Moscow: RIPOL KLASSIK.
20. Virgil. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Translated from Latin. St. Petersburg: Biograficheskiy institut "Studia biografika".

Received: 29 June 2018

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК МАРКЕР ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ АТРИБУЦИИ ТЕКСТА)

Приведены результаты исследования гендерных различий в текстах компьютерно опосредованной коммуникации с использованием лингвистических и статистических методов анализа. В качестве маркеров гендерных различий изучаются лексемы, выражающие различные виды семантики экспрессивности: единицы, содержащие 1) компоненты рациональной и эмоциональной оценки; 2) компоненты интенсивности проявления признака; 3) морфемные маркеры эмоционально-экспрессивной окрашенности, единицы; 4) графическое маркирование выражения эмоционального отношения. При налении сочетания маркеров экспрессивности, лексема включается не в одну группу.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация; гендерная атрибуция текста; экспрессивность; эмоциональность текста; статистический анализ.

Введение

Гендерная лингвистика – направление, интенсивно развивающееся в настоящее время в российской лингвистике, включающее широкий спектр частных проблем. Наиболее противопоставленными, на наш взгляд, аспектами анализа общей проблемы проявления гендерных различий в языке являются исследования способов маркирования гендерных различий в структурах языка и различий в структуре коммуникативной деятельности, как следствие, в текстах, порождаемых мужчинами и женщинами. В первом направлении, прежде всего, обособляются изучение грамматического маркирования гендерных различий, например обсуждаются вопросы своеобразия категории рода в структурах разных языков (см., например, [1–4]), и выявление маркирования гендерных стереотипов в лексике, фразеологии различных языков [5–7]. В совокупности исследований речевой деятельности в гендерном аспекте противопоставляется изучение особенностей речи (текста), стратегий и тактик их развертывания, своеобразие использования единиц различных уровней языковой системы в текстах, порождаемых мужчинами и женщинами [8–10], и особенности восприятия и ассоциирования мужчинами и женщинами языковых единиц и текстов разного типа [11–14]. Очевидно, что при решении данных проблем лингвист неизбежно вступает в проблемное поле ряда смежных гуманитарных наук – социологии, культурологии, психологии, когнитивистики.

К настоящему времени в исследованиях особенностей речевой коммуникации и порождаемых в данных процессах текстов получены заслуживающие внимание данные о типах различий, противопоставляющих речь мужчин и женщин: различия касаются характера использования языковых единиц разных языковых уровней [8–10, 15–17], что, как правило, связывается авторами проведенных ранее исследований с различным самопозиционированием мужчин и женщин в коммуникации, реже – с когнитивными особенностями мужчин и женщин.

При исследовании особенностей текстов, порождаемых мужчинами и женщинами, в качестве яркого отличительного свойства определяется их повышенная экспрессивность, проявляющаяся в различии ис-

пользования языковых разнородных средств выражения экспрессивности.

Вместе с тем уже на ранних этапах развития гендерной лингвистики было отмечено, что гендерное речевое позиционирование не может осуществляться изолированно, вне других социальных ролей, представленных в тех или иных речевых практиках [18]. Различие гендерных ролей может актуализироваться или подавляться в сочетании с другими социальными ролевыми позициями говорящих, отражающимися в менах коммуникативных ролей. Вследствие этого проблема гендерно обусловленных различий в коммуникации не может решаться вне проблемы дискурсивно и жанрово обусловленных вариаций коммуникативной деятельности.

В настоящее время в русистике исследования гендерно маркированных различий в коммуникации ведутся на материале различных дискурсов: художественного, рекламного, публицистического, политического [19–22]. Активно вовлекаются в аналитические работы этой направленности и различные жанры компьютерно опосредованной коммуникации [17, 23], что мотивировано не только потребностью в разрешении ранее обозначенной научно значимой теоретической проблемы, но и наличием определенного pragматического социального заказа, потребностью в определении авторства текста, автор которого намеренно скрывается, в том числе и в криминалистической практике [24, 25].

В данном и других случаях решения практически ориентированных задач в последнее время необычайно остро актуализируется задача автоматической гендерной атрибуции текстов (см., например, [26, 27], а также обзор в [28]). Необходимо отметить, что во всех случаях при сравнении мужских и женских текстов речь идет о преобладании единиц определенного типа в тексте, а не абсолютном отсутствии / наличии единиц какого-либо конкретного типа. Вследствие этого возникает проблема доказательности выводов о преобладании единиц какого-либо типа, использование которых противопоставляет речь мужчин и женщин. Это актуализирует проблему использования методов статистического анализа как способа проверки релевантности выводов, сделанных с использованием лингвистических методов анализа. Достоверность

выводов о характере использования каких-либо единиц в речи в качестве маркеров типологических различий в настоящее время проверяется в системах автоматической обработки текстов, в методах проверки лингвистических гипотез с опорой на статистические методы анализа, методы математического моделирования.

Все сказанное ранее определяет, на наш взгляд, актуальность обращения к выявлению маркеров гендерных различий в социально актуальных современных дискурсах и определение степени надежности использования определенного типа маркеров в системах автоматической обработки текстов.

Постановка задачи, материал и методы

В статье с опорой на выработанные в гендерной лингвистике данные о повышенной экспрессивности женской речи, о наличии различий в характере эмоциональности мужчин и женщин, обнаруживаемых в коммуникации, мы анализируем различные типы экспрессивных единиц в качестве маркеров различий мужской и женской коммуникации, сравнивая силу маркирующих различий эмоциональности как pragматической и семантической категорий.

Основная задача, результаты разрешения которой представлены в статье, – определение диагностирующей силы лексических маркеров эмоциональности и экспрессивности текста в системе автоматической гендерной атрибуции текста.

Данная задача решается на материале текстов компьютерной коммуникации, текстов персональных страниц социальной сети «ВКонтакте». Выбор материала исследования мотивируется следующим. Как было отмечено ранее, в настоящее время в виртуальной коммуникации Интернета содержатся электронные аналоги практически всех типов текстов «реальной коммуникации», и в то же время Интернет – это пространство формирования новых дискурсивных и жанровых форм общения, в наиболее непосредственной форме сочетающих черты первичных форм устной речи – личностное обыденное общение, протекающие в онлайн форме, и черты, характерные для письменной речи, к чему следует отнести, прежде всего, ее фактуру – систему письменных, визуально воспринимаемых знаков [29–31]. К таким жанровым формам следует, на наш взгляд, отнести тексты персональных страниц социальной сети «ВКонтакте», которые интерпретируются нами как принадлежащие к сфере естественной письменной речи в концепции Н.Б. Лебедевой [30], как одна из жанровых форм личностно-ориентированных бытовых дискурсов в противопоставлении институциональным и личностно-ориентированным бытийным [32]. К характерным чертам личностно-ориентированных бытовых дискурсов, значимым при анализе текстов персональных страниц «ВКонтакте», относим то, что в них, с одной стороны, «говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира», с другой стороны, «этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной

субъективностью» [32. С. 5–6]. Социальная сеть «ВКонтакте» исследователями в жанровом аспекте интерпретируется как гипержанр, персональная страница – как наджанровое макрообразование, включающая жанры «канкета», «статус», «записи на стене», «личные сообщения», «обсуждения», «комментарии» [33. С. 24], «типичными стилевыми чертами» которых «являются эмоциональность, субъективность и имитация разговорной спонтанности при помощи экспрессивно-окрашенной лексики, разговорного синтаксиса, звукового письма, эмотиконов и экспрессивной пунктуации» [Там же. С. 23]. Важно, что тексты данных жанровых форм порождаются спонтанно, в естественных условиях.

В предшествующем исследовании тексты были отобраны для анализа после порождения речи, протекающей в естественных условиях¹. Конкретным материалом исследования послужили 19 диалогов компьютерной коммуникации, корпус текстов был собран в рамках учебной практики студентов отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета Томского государственного университета. Объем каждого диалога составил 150–200 Кб, 4 000 слов. В целом объем проанализированных текстов составляет 120 страниц, 80 300 слов.

Метод

При решении поставленной задачи мы опирались на сочетание лингвистического и математического анализа текста.

На первом этапе после предварительной технической обработки текстов применялись собственно лингвистические методы контекстуального анализа лексических единиц, в результате выявлен состав маркеров экспрессивности и эмоциональности текстов.

На втором этапе с помощью приемов статистического анализа была проведена количественная квалификация использования выявленных маркеров в мужских и женских текстах и выявлена степень статистической достоверности (значимости) выявленных количественных различий в использовании данных маркеров, на этой основе была дана оценка диагностирующей силы классов и отдельных единиц при маркировании гендерной специфики.

Охарактеризуем более подробно применение методов и их результаты.

Перед началом анализа исходный материал – диалоги – были разделены на мужские и женские реплики. Все тексты были нормализованы: лексические единицы были приведены к одному стилю, устраниены неинформативные формальные признаки (знаки пунктуации, ссылки и т.п.) и произведена лемматизация (приведение единиц к начальным формам – леммам). Нормализация и лемматизация осуществлялись при помощи языка программирования R (пакет «Quanteda») и интегрированным в него стеммером – «Mystem».

В результате текст был преобразован в список лексических единиц, возведённых к начальным формам. Из данного списка были выделены единицы, которые, по гипотезе авторов исследования, могут

являться маркерами гендерных различий. Как было отмечено, на этом этапе был проведен лингвистический анализ текста для определения признаков семантики и pragматических функций лексических единиц, на основе наличия которых лексемы определяются как потенциальные маркеры гендерных различий коммуникации. При решении данной задачи, основываясь на предшествующих гендерных исследованиях, в качестве маркеров гендерных различий были избраны лексические показатели эмоциональности и экспрессивности. Мы определяем экспрессивность как pragматическую характеристику речи.

В современной российской лингвистике утверждалось мнение о сложности категории экспрессивности, множественности средств ее языкового разнородного выражения (ср., определение данного понятия в одном из наиболее авторитетных источников: совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [34. С. 591]). В данной работе мы анализировали собственно лексические, лексико-деривационные и графические маркеры экспрессивности. Исследователи, работающие в сфере анализа лексической экспрессивности, определяют экспрессивную лексическую единицу как «слово, которое характеризует лицо или действие с качественной или количественной стороны, но в аспекте такого качества или количества, которое переходит в новое качество: хлобыстнуть – не просто выпить, а выпить быстро, мгновенно, может быть с жадностью, без остатка» [35. С. 41] и выделяют в качестве основных элементов экспрессивности образность, интенсивность, эмоциональность и оценочность, стилевую маркированность. Понимая, что экспрессивность коммуникации есть результирующие взаимодействия языковых единиц разных уровней, формирующие разные компоненты коннотативного слоя текста, мы в данной работе ограничились выявлением диагностирующей силы в выражении гендерных различий четырех групп единиц, выражающих значение интенсивности и оценочности. Группы выделяются по характеру pragматического компонента и по способам их маркирования в тексте.

Прагматические компоненты семантики характеризуются как максимально контекстно зависимая величина, поэтому формирование групп маркеров проходило в два этапа. На первом группы выделялись по наличию маркирующего семантического и / или формально-семантического признака.

1. По наличию формально-семантического признака была выделена группа диминутивов – лексем, содержащих морфемные маркеры деривационных диминутивных суффиксов *-очки(a)*, *-еньки(a)*, *-ик*, *-ок*, *-ка(a)*, *-еньки(ий)*, *-енок*, *-еныши* и др., например *погодка*, *тетрадка*, *телефончик*, *пяточек*, *шапочка*, *ягодка* и т.д. Прагматическая направленность диминутивов – выражение синкетичного единства смыслов эмоциональной и рациональной оценки с весьма широким спектром вариирования, от уменьшительно-ласкательного до уничижительного и пренебрежи-

тельного с доминированием положительного ядра и эмоциональности (см., например, [12]). Далее данный класс единиц мы называем «лексемы-диминутивы».

2. Вторую группу составили единицы, содержащие компоненты рациональной и эмоциональной оценки, при этом при формировании группы мы на данном этапе не противопоставляли единицы с положительной и отрицательной оценочностью, например *бесполезный*, *большой*, *бяка*, *гадость*, *дельный*, *дерзкий*, *красавец*, *околоумный*, *опущенный*, *славный*, *урод*, *фигня* и под. Так как при выделении группы в качестве инварианта был избран компонент лексической семантики, в ее состав вошли единицы разных частей речи: например *классно*, *крутко*, *кошмар*, *мощный* и т.д. При формировании единиц данной группы мы в случаях неоднозначности смыслов основывались на данных толковых словарей² и, при необходимости, возвращались к тексту для определения контекстуального значения. Эту группу называем «оценочные лексемы».

3. Третью группу маркеров составили слова, содержащие в структуре экспрессивного макрокомпонента компонент «интенсивность», т.е. актуализирующие в семантике смысл «очень, в большой степени» как актуальный коммуникативный компонент, например *грандиозный*, *бестолочь*, *офиенный*, *адский*, *бредятина*, *крутатецкий*, *опущенный*. Данная актуализация может быть реализована как узульный компонент семантики, не маркированный формально (единица с таким смыслом всегда является синонимом нейтрального в данном отношении элемента) либо маркированный морфологически (*жердина*, *большущий*), графически (*большооооой*), морфологически и графически (*жердиишина*, *большуууущий*) [36]. Эта группа далее обозначается «лексемы-интенсивы».

4. Четвертую группу составили единицы, содержащие графическое маркирование выражения эмоционального отношения – повторение графем, например *этогооо*, *хххххх*, *фууу*, *ужсаас*, *ураа* и т.д. Данную группу обозначаем как лексемы с графическими маркерами.

Как можно видеть, данные группы единиц выделяются нами на основании не взаимоисключающих признаков, т.е. одна лексическая единица может входить в более чем одну группу: оценочных лексем, лексем интенсивов, лексем с графическими маркерами. При необходимости подсчета всего состава маркеров, повторяющиеся лексемы устраивались. Объединение четырех групп маркеров обозначаем «маркеры экспрессивности».

На основе лингвистического анализа были составлены словари для проведения статистического анализа и автоматического анализа текстов.

На втором этапе анализа применялись методы статистического анализа и машинного обучения. Основные задачи, решаемые на данном этапе: 1) составление матрицы частот по выбранным признакам; выявление статистически значимых различий в использовании мужчинами и женщинами единиц выделенных четырех групп лексики (групп маркеров); 2) проведение машинного обучения, т.е. создание системы ав-

томатического, машинного распределения текстов на мужские и женские на основании выявленных статистических различий в использовании лексических маркеров рассматриваемых классов.

Для подсчета частот лексических маркеров по выбранным признакам и их объединения в группы для последующего определения степени статистической значимости выявленных количественных различий в использовании данных маркеров применялась формула веса tf-idf. Суть ее заключается в подсчете веса некоторого слова пропорционально коли-

честву употреблений этого слова в группе текстов и обратно пропорциональному частоте употребления слова в других. Например, если слово *молодец* чаще встречается в женских текстах, а реже в мужских, тогда вес этого слова в женских текстах будет стремиться к 1, а в мужских к 0. Итогом работы алгоритма стала частотная матрица (tf-idf) суммы относительных величин использования лексических единиц мужчинами и женщинами, которые были сгруппированы нами по вышеуказанным признакам. Результаты данного анализа представлены в таблице.

Таблица 1

Фрагмент матрицы сумм весов групп маркеров экспрессивности текста

Текст	Лексемы-интенсивы	Оценочные лексемы	Лексемы-диминутивы	Лексемы с графическими маркерами
dlg1_f.txt	42,77	165,76	31,95	319,89
dlg2_f.txt	0,00	0,84	1,08	3,32
dlg4_f.txt	0,78	6,84	0,60	2,54
dlg3_f.txt	2,84	40,28	6,95	23,91
dlg5_f.txt	56,42	273,64	48,84	58,48
dlg6_f.txt	1,56	23,37	3,24	7,47
dlg7_f.txt	8,62	44,15	10,67	20,49
dlg8_f.txt	7,25	21,31	15,59	28,64
dlg9_f.txt	16,43	57,61	10,84	18,95
dlg10_f.txt	0,00	10,70	0,00	2,89
dlg11_f.txt	7,54	45,32	7,18	64,76
dlg12_f.txt	0,60	4,51	0,00	1,86
dlg12_m.txt	54,93	208,20	41,18	219,61
dlg1_m.txt	0,00	3,27	0,00	2,16
dlg2_m.txt	0,00	5,44	0,00	0,00
dlg3_m.txt	14,16	54,36	5,22	32,11
dlg4_m.txt	51,53	195,96	36,74	51,31
dlg5_m.txt	6,11	23,49	2,51	15,60
dlg6_m.txt	12,52	56,20	10,67	15,06
dlg7_m.txt	7,68	19,74	12,65	29,04
dlg8_m1.txt	10,88	63,89	9,29	12,02
dlg9_m.txt	5,24	16,56	4,02	3,06
dlg10_m2.txt	11,26	85,47	28,31	12,20
dlg11_m2.txt	0,48	4,77	0,00	3,92

Данная матрица является исходным материалом для дальнейшего анализа текстов с применением других формально-количественных методов.

На следующем этапе была подсчитана сумма весов лексических единиц всех групп мужских и женских реплик. Отметим, что при этом мы объединили единицы всех четырех групп маркеров, удалив повторяющиеся лексемы, т.е. лексемы, имеющие более

чем один компонент. Например, текстовая единица *уъсаааас*, входящая в три класса слов с семантикой оценочности, интенсивности, которые содержали графические маркеры интенсивности, в данном подсчете учитывалась один раз. Сумма весов лексических единиц оставила 1 529,3 в женских репликах, а в мужских – 458,8. Результат анализа представлен в диаграмме на рис. 1.

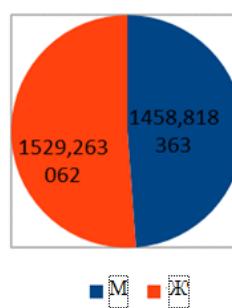

Рис. 1. Соотношение сумм весов экспрессивных единиц в мужских и женских репликах

Как видно из данных диаграммы, мужская и женская речь отличается в количестве используемых

экспрессивных единиц, женские реплики содержат больше экспрессивных и эмоциональных лексиче-

ских единиц (сегмент f на диаграмме), чем мужские (сегмент m). Однако проверка статистической значимости данных различий показала, что выявленный результат не является значимым: анализ на основании критерия Манна – Уитни выявляет уровень значимости $p = 0,72$ ($p > 0,05$), что свидетельствует о случайном характере выявленного распределения.

На следующем этапе исследования были подсчитаны в мужских и женских репликах суммы весов лексических единиц выделенных групп, выявлено преобладание маркеров экспрессивности в женских репликах (наблюдается в трех группах: лексемы-интенсивы, лексемы-диминутивы, оценочные лексемы и отсутствует в группе лексем с графическими маркерами экспрессивности). Однако проверка статистической значимости выявленных количественных различий показала, что только относительно группы единиц-диминутивов уровень значимости составил $p = 0,04$ ($p > 0,05$). В использовании остальных групп лексических единиц в репликах мужчин и женщин

статистическая значимость не была выявлена ($p > 0,05$), а следовательно, все различия случайны.

Так как полученный уровень значимости для лексем-диминутивов близок к пороговому уровню значимости 0,05, мы провели дополнительный статистический анализ сравнения дисперсий критерием Фридмана.

Цель дисперсионного анализа заключалась в проверке гипотезы о равенстве средних значений использования экспрессивов в зависимости от гендерной принадлежности участника коммуникации. Дисперсия характеризует разброс значений относительных частот использования анализируемых групп лексических единиц в текстах, противопоставленных по гендерной принадлежности автора. Результат анализа показан на рис. 2: как можно видеть, дисперсия различает группы лексем, но не различает гендерно противопоставленные тексты (уровень значимости составил 0,88, т.е. значительно больше 0,05).

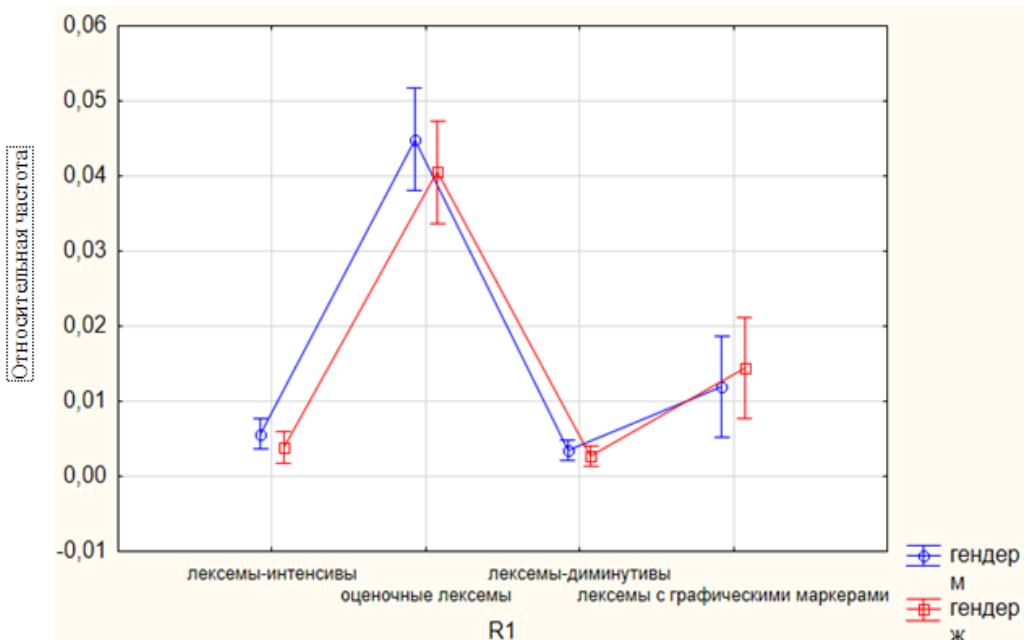

Рис. 2. Дисперсии относительных частот использования групп экспрессивных единиц

Полученные данные явились основанием предположения, что подобный результат вызван различиями внутригрупповых дисперсий: вероятно, частоты использования экспрессивных единиц могут отличаться в каждом диалоге. Чтобы проверить данное утверждение, мы провели дисперсионный анализ одной из групп лексем – лексем с графическими маркерами. Результат анализа представлен на рис. 3.

Как видно из рис. 3, во-первых, для дисперсий характерен большой размах, во-вторых, в то время как дисперсии по всем лексемам словаря с графическими маркерами отличаются, медианы единиц данного словаря почти равны как для мужчин, так и для женщин.

Результат анализа дисперсий по каждому из текстов позволяет сделать предположение о том, что различия в использовании экспрессивов определяются не только гендерной принадлежностью авторов, но и другими признаками коммуникации. Такое предположение коррелирует с идеями гендерной лингвистики о том, что гендер как социокультурная характеристика коммуникантов не может не вступать во взаимодействие с другими социально значимыми ролями коммуникантов [18], а также с классическими положениями теории дискурса о множественности факторов дискурсообразования (см., например, [39. С. 205–210]).

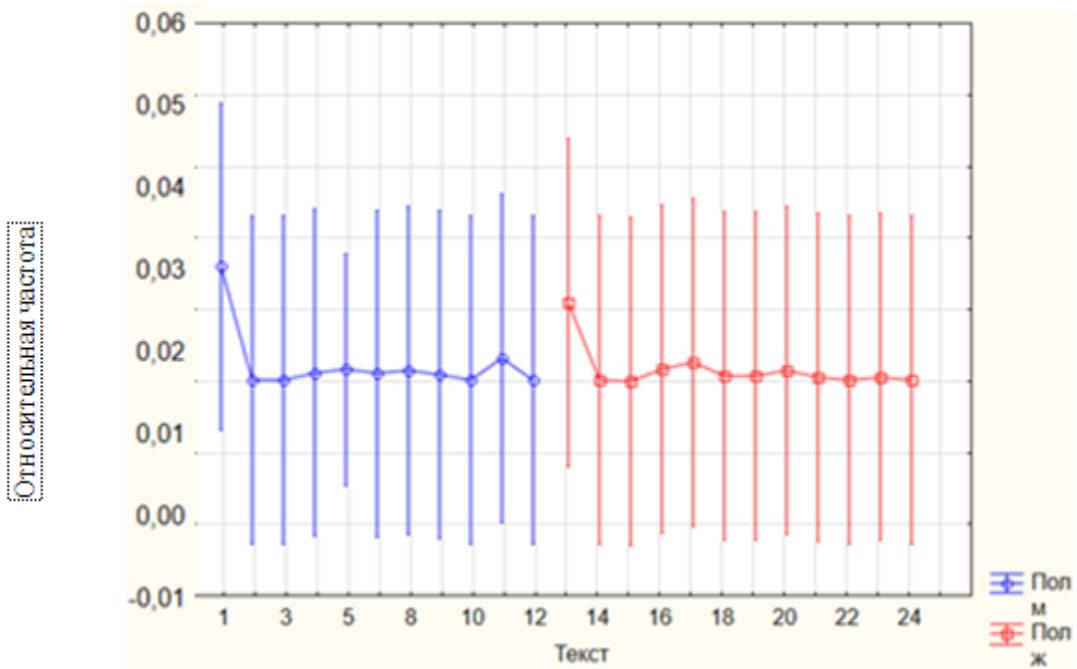

Рис. 3. Дисперсия относительных частот использования лексем с графическими маркерами экспрессивности

Для проверки этой гипотезы мы провели кластерный анализ «Уорда» [40. С. 298]. Под «кластерами» понимаются однородные (сходные) подгруппы, в которых дисперсия минимизирована внутри групп и максимизирована между группами. На вход подавалась матрица экспрессивных лексических единиц с относительными величинами без маркирования класса, результате тексты распределились на два основных кластера. В первом

кластере (*dlg0 f1*, *dlg0 m2*, *dlg2 f2*, *dlg2 m1*) наблюдается превалирование экспрессивных лексических единиц в сравнении со вторым. Что касается второго кластера, то он противопоставляется первому кластеру (за счет максимизации дисперсии между группами) и одновременно распадается на два подкласса, имеющие менее значительные различия в характере использования экспрессивных единиц (рис. 4).

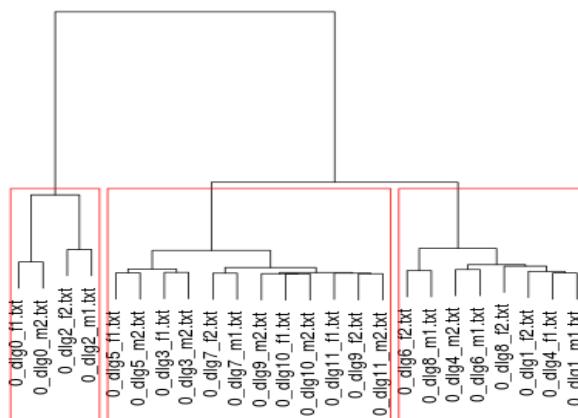

Рис. 4. Кластерная дендрограмма распределения текстов компьютерной коммуникации по признаку использования экспрессивных лексем

Как было отмечено, в первом кластере (*dlg0 f1*, *dlg0 m2*, *dlg2 f2*, *dlg2 m1*) наблюдается преобладание экспрессивных лексических единиц всех четырех классов в сравнении со вторым. Дискурсивный анализ текстов, вошедших в первый класс, выявил, что тексты первого кластера противопоставляются второму по двум дискурсивным признакам – тема коммуникации и личностные отношения коммуникантов. Реплики, вошедшие в первый кластер, при-

надлежат мужчинам и женщинам, имеющим длительный опыт личного общения, темой коммуникации являются по преимуществу межличностные эмоционально наполненные отношения. Так, в диалоге *dlg0* участники коммуникации (*f1* и *m2*), судя по репликам, знают друг друга продолжительное время, имеют общие интересы в спорте и учебе, они обсуждают личные отношения, отношения общих друзей, рассуждают о жизни, совместном времяпрожде-

нии, например, Ж: *Напьешься поди, а мне тебя до- мой тащить?*, М: «*Красава))*).)))). Или реплики из dlg_2: 1) М: «*Идешь завтра гулять?*». Ж: «*Аах, блин я завтра только в часов в 7 освобожусь*». 2) М: «*Скучаю По тебе Скорее бы завтра услышать твой голос*»; Ж: «*Нууу Я тоже скучаю по тебе*»). Объединяющей характеристикой диалогов второго кластера является тема деловых отношений, учебы, не исключающая выражения эмоционального отношения к данным темам, например, типичный диалог: *dlg 1: Ж: «Какими способами? Или как учится?» Аахаа, английский и испанский;)»; М: «*Ого! Испанский охренеть! А почему Испанский?»*». Или *dlg 4: Ж: «A ты не мог бы сфотать свою тем- радь тему и прислать через вк?»; М: «*прости я то- гда не писал мы с сашкой сидели*»).**

Таким образом, сочетание методов лингвистического и статистического анализа позволило нам сделать вывод о том, что различия в использовании экспрессивных единиц в текстах компьютерной коммуникации, противопоставленных по признаку гендерной принадлежности авторов, отмечаются, но не являются статистически значимыми, т.е. признак гендерного противопоставления не обнаруживается как устойчивый и во-произведимый. Применение кластерного анализа позволило выявить взаимодействие гендерного признака авторов коммуникации с другими социально значимыми параметрами компьютерной коммуникации – темой текста, ролевыми и социальными позициями коммуникантов в диалоге, которые оказываются более значимыми факторами, определяющими характер использования экспрессивных единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Извлечение диалогов из социальных сетей осуществлялось с согласия их авторов, которые, в соответствии с нормами регламента Этического комитета междисциплинарных исследований ТГУ (<http://lab.tsu.ru/cognitivestudies/node/14>) и в соответствии с Федеральным законом № 152 РФ «О персональных данных», были проинформированы о целях проводимого исследования и о гарантиях анонимности предоставленных персональных данных, после чего были заполнены «Формы информированного согласия», в структуру которых были включены метаданные участников диалогов: пол, возраст, социальный статус.

² Дискурсивно-жанровая специфика анализируемых текстов обусловила наличие значительного количества просторечной, сленговой, в том числе ненормативной лексики. Для уточнения значения данных единиц наряду со словарем литературного языка [37] мы использовали словарь Т.Г. Никитиной [38].

³ В таблице приведены следующие обозначения: dlg-диалог, цифрами обозначается номер текста, f.txt и m.txt – маркеры гендерной атрибуции авторов текстов. Например, dlg0 – первый диалог, dlg0_f – женские реплики из первого диалога; dlg0_m – мужские реплики первого диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boroditsky L., Schmidt L. A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // Language in mind: Advances in the study of language and thought. 2003. P. 61–79.
2. Kurinski E., Jambor E., Sera M.D. Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers // International Journal of Bilingualism. 2016. Vol. 20, № 1. C. 76–93.
3. Landor R. Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate). Griffith University, Brisbane, 2014. 310 p.
4. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // Русин. 2015. № 3 (41). С. 241–255.
5. Кириллина А.В. Гендерные стереотипы, общение и пол говорящего // Женщина в российском обществе. М., 1999. № 2. С. 27–45.
6. Соловьевна Н.С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
7. Каменева В.А. Гендерно обусловленные стереотипы в публицистическом дискурсе: на материале американской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005.
8. Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Феминолект и маскулиноспект: модусы существования // Пол и его маркировка в речевой деятельности / под ред. Е.Н. Шовгеля. Кривой Рог : МИЦ ЧЯКЦ, 1996. С. 4–18.
9. Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание. РЖ ИИОН РАН, 1984. Сер. 6. С. 116–135.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М. : Наука, 1993. С. 90–136.
11. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских ассоциаций // Пол и его маркировка в речевой деятельности / под ред. Е.Н. Шовгеля. Кривой Рог : МИЦ ЧЯКП, 1996. С. 65–88.
12. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 12–21.
13. Васильева А.В. Особенности когнитивной обработки диминутива мужчинами и женщинами: экспериментальное исследование // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. в 9 ч. / под ред. ст. преп. О.Е. Цыганковой. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. Ч. 8. С. 121–123.
14. Горошко Е.И. Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежностью индивида // Язык: Антропоцен- тризм и прагматика. Москва ; Кривой Рог, 1995. С. 82–91.
15. Котов А.Е. Гендерное своеобразие функционирования дискурсивных элементов в английском и русском языках: экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых устных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.
16. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 19 с.
17. Васильева А.В. Коммуникативно-прагматические аспекты проявления экспрессивности в мужских и женских коротких электронных сообщениях // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 190–195
18. Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
19. Балакина Л.В. Проявление гендерного фактора в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005.
20. Витлицкая Е.В. Лингвистическая презентация гендерных стереотипов в рекламе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
21. Спириюшкина Е.В. Проявление гендерного фактора в немецком языке : На материале публицистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
22. Верзун А.Б. Гендерная агональность политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
23. Захарова Т.Н. Семиотические средства выражения гендеря в тексте на электронном носителе: на материале немецких чатов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 2006.

24. Вул С.М., Горошко Е.И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью : матер. науч.-практ. конф. Минск, 1992. С. 139–141.
25. Ощепкова Е.С. Выявление идентификационных признаков мужской и женской письменной речи при искажении текстов // Теорія та практика експертизи і криміналістики. Харків : Право, 2002. Вип. 2. 221–226.
26. Романов А.С., Мещеряков Р.В. Определение пола автора короткого электронного сообщения // Диалог. 2011. С. 620–626.
27. Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25.
28. Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. Задачи авторской атрибуции текстов в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 24–28.
29. Вавилова Е.Н. Жанровая квалификация виртуального дискурса телеконференций Фидонет : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
30. Алтухова Т.В., Лебедева Н.Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 105–111.
31. Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011.
32. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
33. Алтухова Т.В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52), Т. 3. Филология. С. 21–25.
34. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
35. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 230 с.
36. Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 20 с.
37. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М., СПб. : Наука, 2004. 571 с.
38. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. СПб., 1998. 592 с.
39. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
40. Deza M. Encyclopedia of Distances / Deza M., Deza E. // Springer Dordrecht Heidelberg. London; New York, 2009. 722 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 апреля 2018 г.

EXPRESSIVENESS AS A MARKER OF GENDER DIFFERENCES IN COMPUTER COMMUNICATION (THE PROBLEM OF AUTOMATIC GENDER ATTRIBUTION OF THE TEXT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 38–46.

DOI: 10.17223/15617793/433/5

Andrei A. Stepanenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru; resso@mail.tsu.ru

Keywords: computer communication; gender attribution of text; expressiveness; text emotionality; statistical analysis.

The article solves the problems of gender attribution of the text, which is one of the most intensively developing directions in linguistics. This field of science uses methods of linguistics, logic, mathematics and computer science. The article describes the results of a statistical analysis of the use of expressive lexemes in the texts of computer communication. The purpose of the analysis was to test the hypothesis about the differences in their use depending on the gender of the communicants. The authors investigated the use of lexemes of four expressiveness types as markers of the gender invariant in the text: units containing (1) components of rational and emotional evaluation, (2) components of the feature intensity manifestation; (3) morphemic markers of emotionality and expressiveness, (4) graphic markers of emotionality and expressiveness. The material of the study was 19 dialogues of computer communication. The volume of each dialogue is ~ 150–200 Kb, ~ 4,000 words. In general, the volume of the analyzed texts is 120 pages, 80,300 words. Texts of computer communication were conducted using linguistic and mathematical methods. Methods of linguistic analysis of the text were applied at the first stage after preliminary technical processing of texts. The composition of markers of expressiveness and emotionality of texts was revealed using methods of distributive analysis of lexemes. At the second stage, quantitative qualification of the use of the detected markers in male and female replicas with the help of statistical analysis techniques was made, the statistical significance of the revealed quantitative differences in the use of these markers was revealed, and cluster analysis was carried out. On this basis, the assessment of the diagnostic strength of classes and individual units in marking gender specificities was given. As a result of the study, the authors conclude that there are differences in the use of expressive units in texts of computer communication, which are opposed to the gender of the authors of texts, but these differences are not statistically significant, that is, the sign of gender opposition is not stable and intelligible. The application of cluster analysis made it possible to identify the interaction of the gender sign of the authors of communication with other socially important parameters of computer communication – the topic of the text, the role and social positions of communicants in the dialogue.

REFERENCES

1. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Cambridge: MIT.
2. Kurinski, E., Jambor, E. & Sera, M.D. (2016) Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers. *International Journal of Bilingualism*. 20(1), pp. 76–93. DOI: 10.1177/1367006915576833
3. Landor, R. (2014) *Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects*. Thesis (PhD Doctorate). Brisbane: Griffith University.
4. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2015) The influence of grammatical gender on the bimodal perception of Bulgarian nouns. *Rusin*. 3 (41). pp. 241–255. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/17
5. Kirilina, A.V. (1999) Gendernye stereotipy, obshchenie i pol govoryashchego [Gender stereotypes, communication and gender of the speaker]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2. pp. 27–45.
6. Solov'eva, N.S. (2008) *Dinamika gendernykh stereotipov v angliyskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira: na materiale frazeologii* [Dynamics of gender stereotypes in English and Russian language pictures of the world: on the material of phraseology]. Abstract of Philology Cand. Dis. Volgograd.

7. Kameneva, V.A. (2005) *Genderno obuslovennye stereotypy v publitsisticheskem diskurse: na materiale amerikanskoy pressy* [Gender-related stereotypes in journalistic discourse: on the material of the American press]. Abstract of Philology Cand. Dis. Kemerovo.
8. Bazylev, V.N. & Sorokin, Yu.A. (1996) Feminolekt i maskulinolekt: modusy sushchestvovaniya [Feminolect and masculinolect: modes of existence]. In: Shovgel, E.N. (ed.) *Pol i ego markirovka v rechevoy deyatelnosti* [Gender and its marking in speech activity]. Krivoy Rog: MITs ChYaKTs.
9. Verner, F. (1984) Rechevoe povedenie zhenshchin i muzhchin [Speech behavior of women and men]. *Yazykoznanie. RZh INION RAN. Ser. 6.* pp. 116–135.
10. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1993) Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Russkiy yazyk i ego funktsionirovanie* [Russian language and its functionin]. Moscow: Nauka.
11. Goroshko, E.I. (1996) Osobennosti muzhskikh i zhenskikh assotsiatsiy [Features of male and female associations]. In: Shovgel, E.N. (ed.) *Pol i ego markirovka v rechevoy deyatelnosti* [Gender and its marking in speech activity]. Krivoy Rog: MITs ChYaKTs.
12. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Semantics of diminutive suffixes in the perception of native speakers of the Russian language: influence of contextual and social factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 421. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/2
13. Vasil'eva, A.V. (2015) Osobennosti kognitivnoy obrabotki diminutiva muzhchinami i zhenshchinami: eksperimental'noe issledovanie [Features of cognitive processing of the diminutive by men and women: an experimental study]. In: Tsygankova, O.E. (ed.) *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technologies. Innovations]. In 9 parts. Part 8. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
14. Goroshko, E.I. (1995) Osobennosti vospriyatiya i porozhdeniya teksta, obuslovennye polovoy prinadzhensh'yu individu [Peculiarities of perception and generation of the text conditioned by the individual's gender]. In: Kholod, A.M. (ed.) *Yazyk: antropotsentrizm i pragmatika* [Language: anthropocentrism and pragmatics]. Kiev, Moscow; Krivoy Rog: MITs ChYaKP.
15. Kotov, A.E. (2003) *Gendernoe svoeobrazie funktsionirovaniya diskursivnykh elementov v angliyskom i russkom yazykakh: eksperimental'noe issledovanie na materiale raznostilevyykh ustnykh tekstov* [Gender features of the functioning of discursive elements in English and Russian: an experimental comparative study on the material of oral texts of different styles]. Abstract of Philology Cand. Dis. Pyatigorsk.
16. Antineskul, O.L. (2000) *Gender kak parametr tekstoobrazovaniya* [Gender as a parameter of text formation]. Abstract of Philology Cand. Dis. Perm.
17. Vasil'eva, A.V. (2014) Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty proyavleniya ekspressivnosti v muzhskikh i zhenskikh korotkikh elektronnykh soobshcheniyakh [Communicative and pragmatic aspects of expressivity in male and female short text messages]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science.* 4 (14). pp. 190–195
18. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: the linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.
19. Balakina, L.V. (2005) *Proyavlenie gendernogo faktora v khudozhestvennom tekste* [Manifestation of the gender factor in the literary text]. Abstract of Philology Cand. Dis. Orel.
20. Vitlitskaya, E.V. (2005) *Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotypov v reklame: na materiale angloyazychnykh i russkoyazychnykh tekstov* [Linguistic representation of gender stereotypes in advertising: on the material of English and Russian texts]. Abstract of Philology Cand. Dis. Volgograd.
21. Spir'yushkina, E.V. (2006) *Proyavlenie gendernogo faktora v nemetskom yazyke: Na materiale publitsistiki* [Manifestation of the gender factor in the German language: On the material of journalism]. Abstract of Philology Cand. Dis. Nizhny Novgorod.
22. Verzun, A.B. (2005) *Gendernaya agonial'nost' politicheskogo diskursa* [Gender agonality of political discourse]. Abstract of Philology Cand. Dis. Volgograd.
23. Zakharova, T.N. (2006) *Semioticheskie sredstva vyrazheniya gendera v tekste na elektronnom nositele: na materiale nemetskikh chatov* [Semiotic means of expressing gender in the text on an electronic medium: on the material of German chats]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
24. Vul, S.M. & Goroshko, E.I. (1992) [Court authorship classification diagnostics: establishing the gender of the author of the document]. *Sovremennye dostizheniya nauki i tekhniki v bor'be s prestupnost'yu* [Modern achievements of science and technology in the fight against crime]. Proceedings of the Conference. Minsk: NIIPKK i sudebnykh ekspertiz. pp. 139–141. (In Russian).
25. Oshchepkova, E.S. (2002) Vyavlenie identifikatsionnykh priznakov muzhskoy i zhenskoy pis'mennoy rechi pri iskazhenii tekstov [Determination of identification signs of male and female written speech in distorted texts]. *Teoriya ta praktika ekspertizi i kriminalistiki.* 2. pp. 221–226
26. Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2011) Gender identification of the author of a short message. *Dialog-21.* pp. 620–626. (In Russian).
27. Stepanenko, A.A. (2017) Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 415. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/3
28. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Tasks of author attribution of text in the aspect of gender (on interdisciplinary interaction of linguistics and computer science). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 370. pp. 24–28. (In Russian).
29. Vavilova, E.N. (2001) *Zhanrovaya kvalifikatsiya virtual'nogo diskursa telekonferentsiy Fidonet* [Genre qualification of the virtual discourse of Fidonet teleconferences]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tomsk.
30. Altukhova, T.V. & Lebedeva, N.B. (2012) Virtual communication: a new stage of writing communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University.* 1 (49). pp. 105–111. (In Russian).
31. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremenney mediadiskurs* [Images of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK.
32. Karasik, V.I. (2000) O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (eds) *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [The language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremenia.
33. Altukhova, T.V. (2012) Social computer network VKontakte: genre characterization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University.* 4 (52):3. pp. 21–25. (In Russian).
34. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
35. Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive colloquial vocabulary: problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie.
36. Bel'skaya, E.V. (2002) *Intensivnost' kak kategorija leksikologii (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [Intensity as a category of lexicology (on the material of dialects of the Middle Ob region)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tomsk.
37. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The big academic dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Nauka.
38. Nikitina, T.G. (1998) *Tak govorit molodezh'. Slovar' molodezhnogo slenga* [This is what the youth say. Dictionary of youth slang]. St. Petersburg: Folio-Press.
39. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis.
40. Deza, M. & Deza, E. (2009) *Encyclopedia of Distances*. London; New York: Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

Received: 15 April 2018

НАРИЦАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА И КОММЕНТАРИЯ В КИТАЙСКИХ ИЗДАНИЯХ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А.С. ПУШКИНА

На материале семи китайских изданий романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» 1956–2013 гг. проводится сопоставительный анализ лингвокультурных объектов, выбранных публикаторами и переводчиками для комментирования, содержащихся особенностей комментариев в проекции на русские и китайские словари. Комментарии переводчика (вторичный текст, предназначенный для снятия лакун в межкультурной коммуникации) являются источником необходимых для читателя сведений.

Ключевые слова: перевод художественного текста; комментарий; русский язык; китайский язык; межкультурная коммуникация; А.С. Пушкин.

Введение

«Капитанская дочка» А.С. Пушкина входит в золотой фонд мировой классической литературы. По данным Б.Л. Канделя, до начала 1980-х гг. в переводах и «переделках» роман издан более 490 раз на 44 языках мира, в том числе на языке эсперанто [1].

«Капитанская дочка» [далее КД. – О.Т., Я.П., Ц.Т.] – один из так называемых сильных текстов, т.е. таких, которые «обладают высокой информационной энергией, что обеспечивает их перманентный энергетический обмен и информационный резонанс с другими “сильными” текстами “своей” и “чужих” культур» [2. С. 111]. Как и другие «сильные» тексты, КД «генерирует многочисленные иноязычные и иносистемные (межсемиотические) вторичные тексты и образует обширный центр переводческой аттракции». Произведения А.С. Пушкина относятся к наиболее известным русским атTRACTорам перевода [Там же. С. 113].

Материал исследования

В списке Б.Л. Канделя находим семь изданий перевода КД на китайский язык: первым в 1903 г. под названием «Русская любовная история Смита и Мэри: Сон бабочек среди цветов»¹ был опубликован перевод Цзи И-хоя, являющийся переводом с японского перевода, сделанного с английского перевода; в 1921 г. роман перевел Ань Шоу-го; в 1947 г. – Сюй Син-и; в 1944 г. впервые опубликован перевод Сунь Юня, выдержавший три переиздания (1947, 1949 и 1956 гг.) [4].

В современном Китае имя А.С. Пушкина стоит первым в ряду имен русских писателей (следующие в списке – Л.Н. Толстой и А.П. Чехов), о которых у образованных жителей страны имеется «наиболее полное представление». По данным Н. Тен, за 10 лет (с 1996 по 2006 г.) все издательства Китая опубликовали не менее 90 книг с произведениями А.С. Пушкина [5. С. 163–164]. В их число, скорее всего, вошли переводы КД, опубликованные в 1997 г. (переводчики Цзан Чуаньчжэн и Шао Мин [6]) и в 2000 г. (переводчик Ли Ган [7]). Кроме того, в 1995 г. вышли в свет два издания романа (переводчики Хуан Цзянъянь

[8], а также Фэн Чун и Чжан Хуэй [9]); в 2013 г. – еще два (переводчики Чжилян [10] и Лю Вэньфэй [11]). Все эти издания, наряду с переводом Суня 1956 г., представляют собой источники нашего исследования.

Таким образом, за последние 60 лет в Китае сформировался корпус параллельных переводов (т.е. «множественных повторных переводов одного и того же текста» [12. С. 186]) КД, который является уникальным материалом для решения исследовательских задач, представляющим большую ценность как в сопоставительном, так и в методическом плане.

Из исследуемых в статье семи изданий комментарии, оформленные в виде сносок внизу страницы, присутствуют в шести (в издании перевода 2000 г., выполненного Ли Ганом, текстовых комментариев нет, но в него включено большое количество иллюстраций²). При этом издания различаются списками объектов комментирования: от 46 позиций в издании 2013 г. (переводчик Лю Вэньфэй) до 133 в издании 1956 г. (переводчик Сунь Юн)³.

Комментарии переводчика как объект переводоведения (обзор литературы)

В художественном переводоведении комментарии переводчика становятся объектом многоаспектных исследований. В работах 2006–2017 гг. (например, [13–22]) их авторы ссылаются на признанные основополагающими труды В.Н. Комиссарова, Ю. Найды, А. Нойберта, Г.Д. Томахина и др. Комментарии переводчика, представляющие собой особый вид вторичного текста, предназначенного для снятия лакун в межкультурной коммуникации «посредством введения в текст дополнительной пояснительной информации» [22. С. 39], должны стать источником необходимых для читателя сведений. Наличие комментария в издании рассматривается как составная часть «переводческой метакоммуникации» [23].

В современном переводоведении значимо понятие перевода как интерпретации (ср., например: «Любой перевод есть своего рода комментарий, и потому переводчик не может не прибегать к герменевтическим принципам» [24. С. 3]). Переводчик воспринимается как носитель двух («своей» и «чужой») культур, ибо скорее культура рассматривается как единица перево-

да, чем слово: «Основой культурного переворота стало представление о том, что перевод является пересозданием и что такое пересоздание возможно как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне» [25. С. 37]. Подчеркивается «ключевая роль переводчика в восприятии языковой картины мира текста оригинала и последующей её передачи либо непосредственно в тексте перевода, либо в форме переводческого комментария» [21. С. 241].

Говоря об истоках и развитии переводоведения, С. Басснетт отмечает: «Перевод как литературное творчество существует уже много тысячелетий, но систематическое изучение его в качестве научного предмета началось сравнительно недавно <...> Быстрыми темпами развивается сравнительно молодое переводоведение в Китае, отвечая потребностям в международном общении» [25. С. 31–32], которое имеет выход и в практическую, в том числе учебную, сферу. Так, китайский филолог Чжу Минь, предлагающий, например, рассматривать учебный перевод русской художественной литературы XIX – начала XX в. как методический прием преодоления лингвистических и культурологических трудностей такого общения, в монографии «Инокультурная лексика в художественных произведениях в понимании китайской аудитории» следующим образом формулирует цель исследования: «На примерах отдельных значительных произведений русской художественной литературы⁴ и их учебного перевода дать общие правила объяснения культурных фактов русской действительности, для того чтобы <...> отобрать <...> некоторый состав культурных явлений, неизвестных китайским читателям, дать толкования этих культурных явлений <...>. Изучив значения этих слов и стоящих за ними культурных объектов, китайские учащиеся смогут понимать не только данные, но и другие произведения» [26. С. 7]⁵. Подобные слова, т.е. «языковые единицы, закрепленные за элементами различных культур», в современном художественном переводоведении предлагается именовать, например, «культуронимами» [2]. Мы полагаем, что культуронимы могут в первую очередь входить в число единиц комментирования в переведном тексте.

Таким образом, обращение к рассмотрению комментария переводчика как особого типа текста актуализирует такие проблемы коммуникации, как межъязыковое, «межсемиотическое», межкультурное взаимодействие и культурная трансляция; точность, недостаточность и избыточность комментария; эффективные стратегии перевода, коррелирующие со «степенью переведённости потенциальных единиц перевода» и «способом достижения равенства коммуникативного эффекта в текстах оригинала и перевода (Фененко)» [2. С. 114] и др. См. также отсылку Н.П. Чепель к мнению Ю. Найды в его последних работах: «Культурные расхождения представляют меньше трудностей, чем можно было бы ожидать, особенно если прибегать к помощи примечаний, разъясняющих случаи культурных расхождений, ибо всем понятно, что у других народов могут быть иные традиции» [3. С. 158]. Этим положением определяется цель использования примечаний пере-

водчика, которые отдельными исследователями приравниваются к комментариям.

Объект и цель исследования

Во всех анализируемых переводах (кроме перевода, который осуществил Лю Вэнфэй) первое место занимают комментарии к нарицательным словам, в среднем 38,3%: от 21,7% (в переводе Лю, у которого больше всего (34,8%) комментариев к антропонимам) до 46,3% (в переводе Цзана и Шао). Обратим внимание на отсутствие нарицательных лексем, которые были бы прокомментированы во всех шести имеющих текстовые комментарии изданиях.

Именно нарицательные лексемы, прокомментированные хотя бы в одном переводе, являются объектом настоящего исследования.

Исследуемый материал тематически распределяется по следующим группам: 1) обозначения бытовых реалий (17): *венник, деревня, забор, камзол, полати, сарафан* и др.; 2) устойчивые, терминологические сочетания и термины (18): *атаман, ваше благородие, верста, посаженый отец, Семеновский полк* и др.; 3) слова, связанные с религиозной жизнью (4): *батька⁶, епитимия, кум, обедня*; 4) этнонимы (4): *жисд, казак, калмык, татарский*; 5) названия «профессий» (3): *дядька, стремянный, цирюльник*. Как правило, переводчики выбирают для комментирования слова, называющие бытовые реалии, в большинстве своем лексемы-экзотизмы для китайского читателя, часто являющиеся также историзмами. Наиболее «популярен» *квас* (комментарии в пяти изданиях) [25. С. 168], большая же часть слов отмечена одним комментарием. Кроме издания 1956 г. [4], в прочих редко комментируются слова, значение которых связано с выражением общественных, профессиональных и конфессиональных отношений: в подобных ситуациях переводчики прибегают к эквивалентному переводу, несмотря на значительные различия в российской и китайской лингвокультурах.

Типологию комментариев в сопоставляемых нами переводах⁷ в основном можно вписать в известные типологии⁸, поэтому целью исследования мы считаем рассмотрение комментария в переведном тексте как феномена, зависимого от лингвокультурных компетенций субъектов межкультурной коммуникации (переводчика, издателя) и их представлений об образе читателя-инофона.

Таким образом, «точкой отсчета» в настоящем исследовании стал отбор слова для комментария переводчиком или другим лицом (в том числе издателем), т.е. факт восприятия слова и стоящих за ним смыслов как явно чужих, но, тем не менее, необходимых, по мнению субъекта комментирования, читателю для понимания сути происходящего в романе.

Задачами исследования становятся: рассмотрение особенностей сопоставляемых переводов в ситуации как отсутствия, так и наличия комментария⁹ в проекции на рекомендации двуязычных словарей; оценка содержания переводов и комментариев с учетом русских словарных материалов; формулирование вывода об эффективности избранного переводческого решения.

Словари

В ходе работы мы обращались к следующим двуязычным словарям: для исследования прямых и обратных переводов – к электронному Большому китайско-русскому словарю (БКРС) [30]; для получения представления о корректности, типичности перевода или его индивидуально-авторском характере справлялись с Большим русско-китайским словарем 2001 г. издания (БРКС) [31]. Были использованы «Словарь языка Пушкина» (Словарь Пушкина) [32] и такие исторические словари, близкие ко времени создания оригинального текста, как «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР) [33], «Словарь русского языка XVIII века» (Словарь XVIII в.) [34, 35], «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук» 1847 г. (СЦСиРЯ) [36], а также современные словари времени переводов – «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг. (Словарь Ушакова) [37], «Словарь современного русского литературного языка» 1948–1965 гг. [38], в третьем издании – «Большой академический словарь русского языка» (БАС) [39], «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой 1981–1984 гг. (МАС) [40], «Словарь русского языка» С.И. Ожегова 1981 г. (Словарь Ожегова) [41] и С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой 1999 г. (ТСОШ) [42]. Обращение к русским толковым словарям необходимо нам, в частности, и для того, чтобы выяснить возможные источники толкования слов в современных двуязычных китайских словарях.

Ниже представлено исследование отдельных переводов, комментарии к которым или действительно могут помочь китайскому читателю прояснить культурно чуждую ему ситуацию, представленную в русском тексте, или же (в некоторых случаях) не достигают (с позиций представителей русской лингвокультуры) своей объяснительной цели.

Отдельные результаты исследования

ЦИРЮЛЬНИК

Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава богу, не умничал [43. С. 165].

БРКС содержит толкование слова *цирюльник*, которое хорошо объясняет специфику ситуации, представленной в цитате из КД: <旧 (устар.)> 理发 (стричься) 匠 (образует существительные, обозначающие специалистов по ремеслу) (从前 (раньше) 往往 (часто) 兼用 (двойное использование) 放血 (пускать кровь) 等 (и т.д.) 土法 (местный способ (обработки); простой способ (обработки)) 治病 (лечить) [31. С. 2589].

Рекомендованный словарем перевод理发‘парикмахер, цирюльник’ (далее – «скорее цирюльник») [30] находим в издании 1995 г. [8] и двух позднейших изданиях, относящихся к 2013 г. [10, 11]. Вариант 理发‘парикмахер’ [30] содержится в более ранних изданиях [4, 6, 7, 9]. Переводы одинаковы в своем начале:理发‘стричься’, но различаются конечными иероглифами: «знаменательным» 师 (мастер, техник, специалист, большой умелец, руководитель, начальник); «служебным» 匠 (образует существительные,

обозначающие специалистов по ремеслу) [30]. Носители китайского языка полагают, что иероглиф 师 показывает, что у человека большие общие способности, в то время как посредством иероглифа 匠 подчеркивается признак мастерства, умения в каком-то конкретном ремесле.

Сопоставив эти данные с представлением китайским читателям парикмахера Бопре, обнаруживаем, что переводы слов, называющих полкового цирюльника и парикмахера Бопре, не различаются у шести переводчиков из семи. В изданиях [8, 10, 11] оба «скорее цирюльники» 理发匠; в переводах [4, 7, 9] оба «скорее парикмахеры» 理发师. Только в переводе Цзана Чуаньчженя и Шао Мина полковой цирюльник является «скорее цирюльником» 理发匠, а Бопре – «скорее парикмахером» 理发师 [6].

Слово цирюльник имеет комментарии в трех китайских изданиях:

1. 当时的理髮师往往也执行医生的职务。--- 原注 = В то время парикмахер часто / постоянно исполнял обязанности врача. --- Из оригинала [4. С. 55]. Обратим внимание: в тексте использовано только 理发匠 («скорее цирюльник»), в комментарии 理髮师 ('парикмахер'; еще один вариант перевода), что косвенно подтверждает разное авторство в издании у переводов и комментариев (см. сноску 3).

В двух следующих изданиях и в тексте, и в комментарии использована только форма 理发匠 («скорее цирюльник»). При этом лекарские компетенции в них представлены не посредством имени 医生 ('врач') – названия профессии, как в первом комментарии, а посредством глагола 医治 'лечить, излечивать', что может свидетельствовать именно о дополнительных по отношению к основным обязанностям (востребованных только в отдельных ситуациях) функциях цирюльника, который в полку является в первую очередь брадобреем.

2. 在当时俄国医生奇缺·尤其是在边远地区·一般疾病和外伤都由理发匠用土法 医治 = В то время крайне недоставало русских врачей, особенно в окраинных / отдаленных районах, поэтому «скорее цирюльник» лечил обычные болезни и травмы простым способом [8. С. 45].

3. 理发匠，那时的俄国，医生很少，尤其边远地区，民间一般疾病和外伤都由 理发匠用土法医治 = «Скорее цирюльник», в то время в России было очень мало врачей, особенно в окраинных районах, в народе обычные болезни и травмы ‘скорее цирюльник’ лечил народными средствами [10. С. 38].

Как видим, последние комментарии, в дополнение к переводу, рекомендованному БРКС (и содержащему те же сведения, что и комментарии в [8, 10]), актуализируют историческую ситуацию недостатка врачей в провинциальной России и таким образом косвенно дают китайскому читателю представление о том, что события в романе происходили достаточно далеко от столицы государства – Петербурга.

Ситуация в русских словарях следующая. В САРе 1794 г. слово цирюльник истолковано как ‘ремеслен-

ник, упражняющийся в брадобритии и кровопускании' [33. Т. 6. Стлб. 631] (лексемы *парикмахер* в СА Речет нет, *парик* же толкуется как 'накладные волосы'). То же – в СЦСиРЯ 1847 г.: в деятельности *цирюльника* совмещаются функции 'брадобрея и рудомёта' [36. Т. 4. С. 421]. См.: *брадобрей* – 'то же, что бородобрей' [Там же. Т. 1. С. 79], *бородобрей* – 'цирюльник, бреющий бороды' [Там же. С. 76], *рудомёт* – 'пускающий кровь' [Там же. Т. 4. С. 73]), *парикмахер* – 'волосочесатель' [Там же. Т. 3. С. 160], т.е. 'ремесленник, упражняющийся в убиении волос; парикмахер' (как и *волосочек*) [Там же. Т. 1. С. 155].

В Словаре Пушкина *цирюльник* толкуется как 'парикмахер' [32. Т. 4. С. 903] с приведенной выше иллюстрацией из КД, но к лексеме *парикмахер* толкования в словаре нет. В первой из двух иллюстраций обращаем внимание на функционально значимый фрагмент «...головки, причесанные <...> парикмахерами». Вторая (из КД: «Бонре ... был парикмахером...») не содержит информации о круге обязанностей парикмахера [Там же. Т. 3. С. 292]. Таким образом, разведение функций *парикмахера* и *цирюльника*, представленное в КД, но продемонстрированное только в иллюстративном материале словаря Пушкина, коррелирует со сведениями в словарях конца XVIII – начала XIX в.

Во всех привлеченных к анализу толковых XX в. словарях лексема *цирюльник* отмечена как устаревшая. Словарь Ушакова представляет *цирюльника* как 'парикмахера' [37. Т. 4. Стлб. 1226], в то время как БАС и МАС разводят их функции: так, выполняемые *цирюльником* «некоторые обязанности лекаря» заключались в том, что, в дополнение к обязанностям *парикмахера*, он «производил кровопускание, ставил пиявки и т.д.» [38. Т. 17. С. 705; 40. Т. 4. С. 647]. Обобщение «элементарные приёмы врачевания» находим при толковании лексемы *цирюльник* в Словаре Ожегова и ТСОШ [41. С. 778; 45. С. 876]. Однако то, что цирюльники лечили именно простой народ, может следовать только из одной из цитат-иллюстраций в БАСе [38. Т. 17. С. 705]. Таким образом, БРКС дает перевод слова *цирюльник*, наиболее близкий к толкованию в БАСе.

Сопоставив переводы и комментарии к слову *цирюльник*, во-первых, мы полагаем, что позднейшие переводы как сами по себе, так и «подкрепленные» комментариями, являются более корректными. Во-вторых, в каждом последующем комментарии возрастает объем дополнительных сведений, почерпнутых, вероятно, не из словарных источников, так как специализация лекарской деятельности (*обычные болезни и травмы*), а также использование *народных средств* при толковании анализируемого слова в словарях не отражаются. В-третьих, сопоставляя комментарии, приходим к выводу, что второй и третий комментарии предпочтительнее, чем первый, потому что в них объясняются причины указанного положения дел. Кроме того, в [10] обращено внимание на то, что эта ситуация была «в народе». Следовательно, читатели могут справедливо предположить различия в условиях жизни представителей разных классов российского общества в XVIII в.

ЖИД

Ведь не все же быть жицдов [43. С. 137].

В БРКС, представляющем слово *жицд* как двузначное, обратим внимание на наличие стилистических помет: 1. <口语_(разг.), 猶_{встась}> = еврей; <粗俗_(груб.)
种族主义者_(расист) 蔑视_(пренебрегать, презирать, не уважать) 犹太人_(еврей)
的称呼_{(1) называть, звать; величать, именовать 2) название, наименование, обращение, титул,} 2. <转_(перен.), 骂_(ругать)> 畜生鬼_{(скареда, скряга, скупрдяя), 守财奴}_(скряга, скупец) [31. С. 526]. При этом второе значение можно воспринять как определенное указание на причину презрительного отношения к евреям.

В изданиях видим два варианта перевода, различающихся конечными иероглифами:

1) рекомендованный в [31] перевод **犹太人** с родовой морфемой¹⁰ **人** (иероглиф-морфема в названиях различных национальностей) (в шести изданиях);

2) со стилистически маркированным **佬** (сиффикс со значением "мужчина, человек" (зачастую с оттенком пренебрежения)) в переводе **犹太佬** [7. С. 7].

В трех из шести изданий есть комментарии (во всех – с вариантом **犹太人**):

1. 在帝制时代 犹太人很受歧视 军人往往以犹太人作为消遣 = Во времена Царской России евреи подвергались дискриминации, военные часто били евреев для развлечения [4. С. 11].

2. 当时犹太人很受歧视 军人常殴打他们作乐 = В то время евреи подвергались дискриминации, военные часто били их для развлечения [8. С. 7].

3. 打犹太人 当时犹太人地位低下，军人以殴打他们作为消遣 = Бить евреев, в то время у евреев было очень низкое социальное положение, военные били их для развлечения [10. С. 7].

Сопоставив переводы и комментарии, полагаем, что перевод Ли [7] удачнее прочих, потому что в нем использован иероглиф **佬** передающий оттенок пренебрежения, что позволяет приблизиться к ситуации оригинала и тем самым «устраняет» необходимость комментария. Из других переводов читателю понятно лишь то, что этих людей бьют (а что причина тому – низкое социальное положение, китайский читатель может предположить только из комментария Чжиляня [10], однако это предположение будет ошибочно). Общая же во всех комментариях цель «для развлечения» может быть понятной читателю из контекста романа, но не из словарных, в том числе русских, источников.

В словарях [32, 36] слово не отмечено; в Словаре XVIII в. лексема *жицыды* (*жицдове*) представлена только в прямом (этническом) значении 'евреи, иудеи' [34. Вып. 7. С. 133], в Словаре Пушкина – как в прямом значении 'еврей', так в переносном 'о стяжателе, ростовщике' [32. Т. 1. С. 816]. Стилистические пометы отсутствуют.

В современных словарях слово представлено с «буketом» стилистических помет: *дореволюц.*, *презрят.*; *простореч.*, *бран.* [37. Т. 1. Стлб. 869]; *устар.* и *прост.* (*обычно с оттенком презрят.*); *бранно* [39. Т. 5. С. 646] и т.д. Но только из Словаря Ушакова и БАС русский читатель может узнать, что причинами презрительного отношения являются скопость и ростовщичество (так же как китайский – из ориентированного на БАС русско-китайского словаря 2001 г.).

Два словаря содержат комментарии: Словарь Ушакова – о «ходовом шовинистическом обозначении еврея» [37. Т. 1. Стлб. 869], ТСОШ – о средневековой легенде о вечном жиде Агасфере [42. С. 194].

СЕНИ

Я пошел в сени [и отворил дверь в переднюю] [43. С. 150]. Сени в этом предложении, как и *передняя*, – это часть «деревянного домика», как сказано у Пушкина, в «деревушке, окруженной бревенчатым забором», которая представала перед глазами удивленного Гринева «вместо» Белогорской крепости.

В БРКС, толкование в котором приближено к толкованию в БАСе [39. Т. 13. Стлб. 644], находим толкования слова *сени*, которые при обратном переводе через словарь [30], могут быть представлены как ‘1. Проходная комната, прихожая в крестьянском или (в прошлом) городском доме’, ‘2. Боковое помещение при входе’, которые, собственно, и преобладают в сопоставляемых нами китайских изданиях, а также отмеченные как *устаревшие* оттенок значения и отдельное значение: ‘2. <...> | передняя в господском доме’, ‘3. Тамбур вагона’ [31. С. 2120].

Слово имеет пять вариантов перевода, из них только одно (пятое в списке ниже), представленное в поздних изданиях 1997 и 2013 гг., рекомендуется словарем [31]:

1) 门洞 – см.: 我走进门洞… [4. С. 31], досл.: Я вошел в проход… В словаре [30] двузначное слово 门洞 предлагается переводить на русский язык: ‘1) арочные ворота (арка) [в городской стене]; арочный вход; 2) вход; проход; ворота, техн. дверной проём’ (ср.: 门 1) ворота; двери; калитка) 洞 (1) пещера, грот) – как видим, такой перевод не позволяет читателю однозначно воссоздать в воображении описываемое Пушкиным помещение;

2) 门廊 – см.: 我走进门廊 [9. С. 237], что в соответствии со словарем [30] можно перевести: Я прошел крытое крыльцо / входную галерею, галерею-пандус / пронаос / подъезд…;

3) 过道 – см.: 我走进过道 [7. С. 25], досл.: Я прошел коридор / переход / проход…;

4) 外屋 – см.: 我走进外屋 [8. С. 25; 14], досл.: Я вошел во внешнюю комнату… В словаре [30] 外屋 переводится «внешнее (наружное) помещение (напр. китайского дома); прихожая, передняя; надворная уборная; хлев; сарай»;

5) 穿堂 рекомендуемое в [31] – см.: 我走进穿堂 [6. С. 21; 15], досл.: Я вошел в проходную комнату… Согласно словарю [30], 穿堂 можно перевести как «проходная комната; проход, коридор; сквозной, проходной, вестибюль, прихожая, лобби».

Подобную затруднительную ситуацию с поиском слова, приближенного к адекватному переводу *сеней*, анализирует на материале пушкинского «Станционного смотрителя» китайский филолог Чжу Минь: «В традиционных больших китайских домах, чаще принадлежащих богатым семьям, между дворами 前院 (передний двор) и 后院 (задний двор) помещается так называемая проходная комната – 穿堂 [ср. пятый вариант перевода. – О.Т., Я.П., Ц.Т.]. В этой связи некоторые переводчики решили отождествлять китайскую

проходную с русскими сенями, переводя *сени* на китайский язык как 穿堂 (проходная), в результате чего случается недоразумение, как будто пушкинские герои попали в традиционные китайские дворы. <...> В этом контексте лучше бы переводить *сени* на китайский как 过道屋 (буквально: проходная комната)» [26. С. 127].

Для русских читателей умозрительное воссоздание сеней в доме капитана Миронова в Белогорской крепости тоже может быть затруднительным. По крайней мере словарные материалы дают представление о значительных историко-социальных изменениях в семантике слова. Так, в САР лексема *сени* имеет одно значение ‘отдел строения перед входом в жилые покой’ [33. Т. 5. Стлб. 1062]. Более современный Пушкину словарь СЦСиРЯ добавляет к указанному выше (первому) значению еще три, в структуре которых важное место занимают относительные прилагательные; при этом два из значений на тот момент – уже историзмы (с пометой *стар.*): ‘судейский дом’ и ‘княжеский дворец’. Вторым представлено значение ‘господский дом’ [36. Т. 4. С. 262]. Таким образом, в этом словаре впервые отражена сословно-иерархическая составляющая в семантике лексемы *сени*, отсутствующая и в Словаре Пушкина (см.: ‘помещение между жилой частью дома и крыльцом’ [32. Т. 4. С. 106]).

Словари XX в. представляют слово *сени* как однозначное, но актуализируют диахронические оттенки значения, что отражено в помете *устар.*, как в БАСе (‘прихожая, передняя господского дома’ и ‘тамбур вагона’) [39. Т. 13. Стлб. 644], а также пространственно-временные – в самом толковании слова: «В деревенских избах и в старину в городских домах…» [39. Т. 13. Стлб. 644; 40. Т. 4. С. 77; 41. С. 633; 42. С. 711]. Как видим, динамический аспект оказывается очень важным для функционирования слова *сени*: с течением времени к настоящему дню *сени* остаются только в деревенских избах (что отмечено во всех словарях XX в.): ассоциации с *домами* (*городской*, *господский*, *судейский*), *дворцами* (*княжеский*) и *вагонами* ушли для носителей русского языка в далёкое прошлое.

Анализ вариантов показывает, что перевод, близкий к рекомендуемому Чжу Минем, выбрал Ли [7] (третий вариант в списке). Сопоставление с русскими словарными материалами позволяет предположить, что в толкование русских *сеней* китайским филологом Чжу Минем, а именно: «В деревенских избах и в старинных городских домах между крыльцом и жилой частью дома находится помещение под названием “сени”», – вошли (без ссылки на источник) сведения из МАСа, предваряемые не отмеченным в русских словарях указанием на целесообразность такого построения: «<...> в целях защитить дом от холода и мороза» [26. С. 128]. Собственно, единственный комментарий: 门外的附属建筑物 用以遮挡风雪 = Добавочное сооружение за дверью, чтобы преграждать ветер, мороз, дождь и снег [4. С. 31], – которым сопровождается первый вариант перевода, может внести некоторую ясность в представление о непредсказуемой русской погоде, воображаемой китайским читателем хотя бы по сцене метели в предыдущей главе «Вожа-

тый». Ведь, по словам Чжу Миня, при переводе пушкинских произведений переводчик должен обращать внимание на такие обязательные для художественного текста нюансы, как настроение, «которое создается Пушкиным», и впечатление, «которое содержится в тексте Пушкина» [26. С. 128].

ПЕРЕДНЯЯ

[Я пошел в сени и] отворил дверь в переднюю [43. С. 150]. В романе, как помним, в передней, за которой следовала «чистенькая комната», «старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира»; именно он и сказал Гриневу: «Войди, батюшка...» [43. С. 150]. Единственный комментарий находим в издании 1956 г.: 大门里面的第一个房间用以悬挂衣帽和作为仆人停留的地方 = Первая комната при входе, используемая для хранения шапок или одежды и в качестве места, где находится прислуга [4. С. 31]. Сопоставляя текстовый фрагмент оригинала и комментарий, констатируем, что в комментарии выражены все составляющие значения слова *передняя*, «разбросанные» по пушкинскому тексту.

В монографии Чжу Миня читаем: «В современных городских домах вместо *сеней* у входа помещается *передняя*, которая не вызывает проблем с переводом, так как в современных китайских домах тоже существует подобная часть помещения. Таким образом, для перевода слова *передняя* проще всего использовать китайский эквивалент 门厅 или 前厅» [26. С. 128]. В сопоставляемых изданиях находим два варианта перевода: современный времени перевода 前厅, рекомендованный БРКС и Чжу Минем (в пяти изданиях), а также 前室 (в двух изданиях).

Проверив рекомендации Чжу Миня по словарям [30, 31], находим для версии 门厅 переводы: «1) сени; холл; прихожая; тамбур; 2) караульное помещение (будка, сторожка) у [городских] ворот», которые вряд ли уместны для анализируемого пушкинского предложения (так, *сени* уже были в его начале).

Для версии 前厅, в составе которой иероглифы 前 (передняя сторона (часть)) 厅 (общие комнаты дома, общие покой [дворца]; приемная, гостиная, столовая (также родовое слово)), словари дают такой набор вариантов перевода «прихожая, передняя, приемная, вестибюль; аванзал; передний зал; вестибюль; кулуары». Именно эту версию находим в переводах пяти из семи переводчиков в структуре атрибутивной конструкции 前厅的 «передней комнаты дверь» [6, 8–10]. Препозиция для атрибутива – единственная возможная позиция в китайском языке, в то время как в русском языке атрибутив может оказаться в постпозиции. Следовательно, буквально прочитанное словосочетание «дверь в переднюю» не может быть переведено иначе, как «передней комнаты дверь». В переводе Лю наблюдаем дистантное расположение иероглифа 门 (с реализацией первого из десяти его значений ‘ворота; двери; калитка’), см.: 推门走了前厅 = толкнул дверь и вошёл в передний зал [11. С. 177].

Два переводчика использовали вариант 前 (передняя сторона (часть)) 室 (комната; спальня; камера; палата, зал; кабинет; бюро; отдел) (например, 推开前室的门 [7. С. 25], досл.: толкнул, открывая, передней комнаты дверь) также в структуре

атрибутивной конструкции, но иной по сравнению с предыдущей. В словаре [30] 前室 имеет любопытное для носителей русского языка сочетание значений: «1) передняя, вестибюль; 2) прежняя жена, по первому браку» (в связи с чем, вероятно, в издание [4] и включен комментарий к слову *передняя*).

Обратим внимание на то, что рекомендованный в БРКС вариант перевода, в котором учитывался исторический аспект «3. <旧 (устар.)>仆人 (слуга) 居住 (проживать, жить) 的房间 (комната); <旧 (устар.)>转 (перен.)>仆人 (слуга) 家仆 (слуга, дворовый)» [31. 1436], никем из переводчиков вос требован не был.

Если в САРе существительное *передняя* имеет значение ‘прихожая, первая с приходу горница’ [33. Т. 4. Стлб. 1076] (как и в случае *сеней*, здесь не указывается сословная принадлежность дома), то в СЦСиРЯ это уже ‘первая комната’ плюс ‘2. стар. Приемная комната в царском дворце’, т.е. в структуре толкования снова актуализируется относительное прилагательное (царский). Словарь XVIII в. приводит существительное *передняя* (с вариантом *передня*) в статье с доминантой-прилагательным без особого толкования [35. Вып. 19. С. 62]. Двухзначное в Словаре Пушкина слово не имеет толкований [32. Т. 3. С. 222].

В середине XX в. существительное *передняя* воспринималось носителями языка как многозначное (в БАСе, на который ориентирован в толковании слова *передняя* БРКС [31. С. 1436], – три значения): в языковой картине мира представителей этого поколения еще оставалось воспоминание об отдельных (не составлявших часть квартиры, т.е. личного пространства для жизни хозяев) помещениях для ожидания посетителей, о комнатах для прислуги и о специальных помещениях, где принято было оставлять и хранить уличную одежду, обувь и головные уборы [39. Т. 16. Стлб. 97]. Русские словари конца XX в. фиксируют слово как однозначное, но позволяют сделать о происходящем процессе изменения значения: из ‘нежилой комнаты при входе в квартиру’ [40. Т. 3. С. 455] *передняя* становится ‘нежилым ближайшим к входу помещением в квартире’ [41. С. 444; 42. С. 503], не специализированным на определенных функциях. Обратим внимание: во всех анализируемых словарях в качестве синонима приведена лексема *прихожая*.

В русской языковой картине мира середины и конца XX в. (времени созданиях анализируемых китайских переводов) *передняя* была чем-то внешним (эта сема есть в китайских переводах) или же местом контакта с внешним миром (в том числе его уличных следов), не пропускавшим внутрь не-хозяев (действительно выполнявшим функции караульного помещения – такой элемент значения находим в списке возможных переводов на китайский язык).

ГРОШ

Зурин <...> предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром... [43. С. 137].

В китайских изданиях находим четыре варианта перевода: 1) фонетический перевод 格洛士 (gē luò shì – фонетический эквивалент), который снабжен коммен-

тарием: 俄国古代值半个戈比的铜币 = В старой России медная монета, которая стоит полкопейки [4. С. 12].; 2) 戈比 (копейка) [6, 7, 9]; 3) 铜币 (médnye den'gi, медная монета, медь, медяк; чох) [11]; 4) 小铜币, т.е. третий вариант в сочетании с прилагательным/наречием 小 (маленький; мелкий; небольшой и др.) [8, 10]. Как видим, читатели разных переводов получат разную информацию о стоимости «игры даром»: полкопейки, копейка или что-то неопределенное, но незначительное... Обращение же, например, к словарю Пушкина ('1. Медная монета достоинством в две копейки <...>. 2. Ничтожная сумма денег [только мн. ч.]' [32. Т. 4. С. 563]) и вовсе может запутать ситуацию, если не принимать во внимание то, что описываемые в романе (опубликован в 1836 г.) события происходят в 1770-е гг., и на это важно обратить внимание: в 1838 г. изменилось достоинство монеты от двух копеек к полукопейке.

Эта дата как «водораздел» периодов с 1657 до 1917 гг. указана в толкованиях значения слова в БАСе [39. Т. 4. Стлб. 427–428] и МАСе [40. Т. 1. С. 350], а также в БРКС [31]; в Словаре Ожегова [41. С. 131] и ТСОШ [41. С. 146] заменена на «позднее». В словарях XVIII в., естественно, русский денежный счет равен двум копейкам; в Словаре Ушакова это полкопейки. Второе по Словарю Пушкина значение в словарях XX в. сопровождается пометой *прост.* В словарях [34, 39, 40] находим также сведениях о соотнесении слова с немецким талером, польским злотым и австрийским шиллингом. БРКС ориентирован при толковании слова на МАС: здесь те же четыре значения (включая польские и австрийские деньги) и актуализация 1838 г. [31].

Сопоставляя переводы со словарными данными, видим, что вариант «копейка» (= ‘одна копейка’) как отдельный, самостоятельный вариант словари, в том числе БРКС, не дают. Сочетание 戈比 (копейка) в БРКС находим внутри словарной статьи, при объяснении изменения достоинства монеты: «**俄**国 (Россия; русский: восточный) 货币单位 (денежная единица), 1657–1838 年间 (в течение (таких-то) лет) 等于 (быть равным). **二** 戈比 (копейка), 1838–1917 年间 (в течение (таких-то) лет) 等于 (быть равным). **半** (половина) 戈比 (копейка)» [Там же. С. 388]. Следовательно, второй вариант перевода вряд ли можно считать корректными, если иметь в виду достоинство монеты в одну копейку. Скорее, можно понять, что слово *гроши* в контексте означает ‘очень маленькую сумму’ (такое значение представлено в трех русских толковых словарях и БРКС) или ‘очень низкую цену’ (значение отмечено в четырех словарях), но не называет точную сумму. Тем более что стилистическая помета в этих случаях, как правило, указывает на разговорный характер употребления, что соответствует описанной в романе сцене обучения Гринева игре на бильярде. Четвертый вариант перевода, следовательно, актуализирует оттенок значения ‘мелкая медная монета’, отмеченный в МАСе и БРКС.

Таким образом, комментатор, посчитавший необходимым пояснить фонетический перевод переводчика Суня, и добавивший комментарий, все слова в котором коррелируют со словарными толкованиями лексемы *гроши*, допустил оплошность: не сопоставил время действия пушкинского романа и исторические реалии

функционирования грошей в России, поэтому его комментарий невозможно отнести к разряду точных.

ОБЕДНИЯ

На другой день, возвращаясь от обедни ... [43. С. 174].

В САРе и СЦСиРЯ «простое» (согласно стилистической помете в САР [33. Т. 4. Стлб. 606; 36. Т. 3. С. 41]) слово обедня толкуется через греческий вариант литургия (‘последование священнослужения, в коем совершается тайна св. Евхаристии’ [33. Т. 3. Стлб. 1222–1223; 36. Т. 2. С. 257]). В Словаре Пушкина на литургии нет ни в толковании обедни (‘церковная служба у христиан, совершаемая утром или днём’ [32. Т. 3. С. 18]), ни в отдельной словарной статье.

Как ‘литургия’ слово обедня толкуется в четырех русских словарях XX в. из пяти; в Словаре Ожегова 1981 г. есть толкование литургии – ‘то же, что обедня’ [41. С. 288], но обратного толкования нет. Как ‘церковное’ слово обедня отмечено в Словаре Ушакова [37. Т. 2. Стлб. 624], в прочих словарях стилистические или исторические пометы отсутствуют. В толкованиях слова литургия в русских словарях встречаем: ‘христианское богослужение’ [37. Т. 2. Стлб. 74; 45. С. 329], ‘христианской церкви’ [39. Т. 9. С. 233], как и для слова обедня – ‘у христиан’ в четырех словарях [32, 34, 37, 40]. Только в трех словарях при толковании лексемы обедня находим: ‘у православных’ [39, 41, 42].

Рекомендуемый БРКС перевод слова обедня 日祷: (东正教 (православие) 午前 (до обеда) 做的 (проводимый) 日 (дневной) 祷 (молитва), (天主教的 (католический) 弥撒 (месса, литургия); 日 (дневной) 祷 (молитва) 赞美诗 (псалом) [31. С. 1214]. Здесь же находим стилистически отмеченную как религиозное лексему литургия² с буквальным переводом: 1. <宗·rелигия> 礼拜仪式 (богослужение); (东正教的 (православный) 圣餐仪式 (причастие) (天主教徒 (католик) 称之为 (называется) 弥撒 (месса)); 2. 一组圣歌 (набор псалмов) [31. С. 925]. Как видим, здесь различаются православные и католики.

В китайских изданиях четыре варианта перевода слова обедня:

1) 日祷 [8, 10, 11]. Вариант рекомендован словарем [31]. Словарь [30] сообщает, что такого слова в китайском языке нет, и переводит по иероглифам: 日 (1) солнце, солнечный, 2) день, дневное время; дневной и др.) 祷 (молиться). Читатели переводов Хуана [8] и Лю [11] будут уверены, что обедня – это дневная молитва, а понятие ‘день’ у китайцев относится к периоду примерно до 17 часов, и это не соответствует времени обедни в России. Только Чжилян сопроводил свой перевод 日祷 комментарием, в котором использовал те же иероглифы: 日祷, 东正教徒每日午前所作的祷告 = Обедния, ежедневная молитва православных до полуночи/до обеда [10. С. 49]. Следовательно, этот переводчик, сопроводив текст комментарием, максимально приблизился к содержанию оригинала;

2) 早祷 [4]. В словаре [30] дан перевод на англ. morning prayer ‘утренняя молитва’; переводим по отдельным иероглифам: 早 (утренний) 祷 (молиться). Этот перевод нельзя признать точным;

3) 弥撒 [6, 7]. В БРКС перевод дан для мессы [31]; данный вариант рекомендуется словарем [30]; в результате обратного перевода получаем «месса, обедня». Обратим внимание: в таком переводе используется в первую очередь католическая религиозная терминология, провоцирующая смешение представлений китайцев о католицизме и православии. Этот же вариант 弥撒 представлен в [30] вторым при переводе слова литургия (первый –大祭). Читатели переводов Цзана [6] и Ли [7] могут понять, что обедня не имеет фиксированного времени – лишь временной диапазон;

4) 礼拜 [9]. В словаре [30] слово многозначное: «1) воскресенье; 2) неделя; 3) день недели; 4) богослужение». Используя более широкое понятие «богослужение», к которому легко можно отнести и заутреню, и обедню, и вечерню, переводчик Фэн также не сориентировал читателя во времени.

Выводы

Избрав в качестве объекта анализа шесть нарицательных слов, прокомментированных хотя бы в одном китайском издании «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, и рассмотрев варианты их переводов на материале двуязычных словарей, а также особенности толкования исходных, выбранных А.С. Пушкиным, слов в девяти русских толковых словарях, мы получили значительный объем новой информации.

Во-первых, факт отбора этих шести слов для комментирования позволяет сделать вывод, что их следует включить в состав культуронимов, ибо стоящая за ними лингвокультурная информация характеризует русскую языковую картину мира.

Во-вторых, обращение к словарям свидетельствует, что все анализируемые существительные относятся к достаточно активному стилистически окрашенному пласту русской лексики, в котором продолжают происходить семантические сдвиги. Таким образом, переводчики работали над пушкинским произведением в годы, когда все анализируемые единицы могли быть восприняты ими (с учетом проекции на разные исторические периоды в жизни русского языка) как многозначные слова. Эта ситуация побуждала переводчиков тщательно выбирать тот или иной вариант эквивалентного, буквального или фонетического перевода, а также принимать решение о необходимости комментирования уходящих в прошлое слов.

В-третьих, сопоставление с переводами, представленными в Большом русско-китайском словаре 2001 г. издания (словарные статьи в котором часто содержат историко-культурные комментарии), показывает, что рекомендации словаря (если допустить, что все переводчики пользовались или могли бы воспользоваться этим словарем) по-разному представле-

ны в анализируемых переводах. Так, максимально совпадают (в шести из семи изданий) со словарными переводы слова *жид*; в трех изданиях – переводы слов *гроши*, *обедня* и *цирюльник*; в двух – *сени*. Никто из переводчиков «не воспользовался» представленным в БРКС вариантом-историзмом для перевода существительного *передняя*, но пятеро предложили вариант, совпадающий с первым (из четырех) значением, актуальным в начале XXI в.

Сравнение имеющихся в изданиях комментариев с содержанием толкования слова в двуязычном БРКС позволяет сделать вывод о том, что есть основания выстроить в дальнейшем классификацию комментариев по отношению к этому словарю. Содержание части из них больше, чем в словаре (например, для слов *цирюльник*, *передняя*); меньше (для слова *гроши*), но контекстуально обусловлено (для слова *сени*, *жид*).

В-четвертых, наличие и особенности содержания комментариев могут рассматриваться в качестве параметра, на основании которого можно ставить вопрос о специфике издания как результата коллегиальной деятельности. Так, в издании 1956 г. переводы Суня в половине проанализированных случаев отличаются индивидуальностью (*гроши*, *сени*, *обедня*). И именно не повторяющиеся в других изданиях переводы чаще, чем в прочих изданиях, становятся объектами комментирования, о субъекте которого известно из послесловия, что это не переводчик.

Заключение

Атмосфера исторического романа в первую очередь задается такими историческими этнокультурными деталями, как описание элементов быта, привычек, традиций, принятых в то время обращений. И если стилистическое «настроение», создаваемое Пушкиным, не всегда реально перевести на чужой язык, то впечатление, формируемое точностью описываемых исторических реалий, передать вполне реально. Важную роль в этом играет комментарий переводчика. Но чрезвычайно важна точность комментария – с тем, чтобы у современного китайского читателя, который мало знает о современной российской культуре и почти ничего не знает о культуре эпохи, описываемой в романе Пушкиным, не сложилось, например, впечатление, будто Пугачев и Гринев пребывали проездом в китайской деревне (благодаря, например, ассоциативному ряду, возникающему у китайца при использовании китайского слова 穿堂, отождествляемого с традиционным китайским дворовую). Поэтому, как показало исследование, не всегда подысканный перевод – точный эквивалент лучше перевода, снабженного комментарием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.П. Чепель приводит пример перевода названия «Капитанская дочка» А.С. Пушкина – «Marie, A Story of Russian Love» (пер. М.Н. de Zielinska) как иллюстрацию «третьего вида pragmatische адаптации» по В.Н. Комиссарову: «...переводчик ориентируется на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие. Такого рода адаптация обычно связана с существенным отклонением от исходного сообщения. Например, при переводе названий литературных произведений, телевизионных передач, кинофильмов переводчик нередко стремится сделать такие названия более привычными, понятными для принимающей культуры» [3. С. 162].

² Например, различные портреты Пушкина, его родителей, жены; Пугачева, Карамзина и др.; фотографии лицея и квартиры на Мойке; иллюстрации из различных русских изданий произведений Пушкина, а также фотографии артистов, снимавшихся в экранизациях КД, и мн. др.

³ Из 133 примечаний в китайском издании 1956 г. практически каждое третье (всего 39) снабжено указанием ^{原注} «оригинальное примечание / комментарий из оригинала». В этом списке не только имена исторических деятелей (*Белобородов, Михельсон, Отрепьев и др.*) и исторические события (*бунт 1772 года*), российские реалии (*оба российских ордена*), иноязычные слова в оригинальном написании и транслитерации (*roug être ouitchitel, бруофер*), ссылки на источники цитат (*Княжнин, Сумароков*), но и отдельные нарицательные существительные и субстантивные сочетания (*дядька, недоросль, китайчата халат, епитимья, колодник*). В послесловии к изданию сказано:

«Самый первый вариант перевода Сунь сделан в 1943 с эксперто (по изданию La Capitan filino: Romano / El la rusa trad. M. Sidlovskaia. Berlin: Mosse, Esperanto-Abt., 1927. 172 s. (Bibl. Tutmonda; 15/17).). В 1947 г. этот вариант был издан в «Сборнике переводов» шанхайского издательства «Культурная жизнь». Настоящая книга является окончательным исправленным вариантом (т.е. 1956 г.), сделанным товарищем Би Шэньфу на основе оригинального русского текста. С 1-й по 14-ю главы на основе русского оригинала (то есть: ДетГИЗ, 1951), а «Пропущенная глава» по русскому изданию А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Том 6. (Издательство Академии наук СССР, 1950). Кроме того, он также обращался к английскому переводу, изданному в 1954 г. в Москве (т.е.: The captain's daughter / Transl. from the Russ. by Ivy a. Tatyana Litvinov; Des. by V. Favorsky; Ill. by N. Favorsky. Moscow: Foreign lang. publ. house, 1954. 164 p., ill. (Classics of Russ. lit)).

В романе «Капитанская дочка», выпущенном издательством ДетГИЗ, появились комментарии, которые сделал Д.Д. Благой. Эти комментарии стали основой для переведенных на китайский язык комментариев. Комментарии, изданные на английском языке, также основаны на них. Прочие комментарии, которых не было в первоисточнике, были сделаны Би Шэньфу» [4. С. 184].

⁴ Материалом исследования стали «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина, а также рассказы И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина [30. С. 9].

⁵ Переходя от собственно методических к исследовательским аспектам изучения переводов русской классической литературы (которые являются «материалом для сопоставительной лингвистики» [Там же. С. 15]), актуальность своего подхода автор видит в том, что «сведение в тезаурус» инокультурной лексики позволяет произвести её «системное толкование» [Там же. С. 8].

⁶ Включение слова в данную группу обусловлено его комментарием в качестве элемента пословицы *Кто ни поп, тот батька*. См.: 谚语大意相当于我国的成语“成则为王”。俄国人向来尊称牧师为父亲 = Пословица, общий смысл которой равен смыслу китайского фразеологизма «в случае удачи стану ваном!». Русские всегда вежливо скажут «отец» при обращении к пастору [4. С. 98]; или: 俄国人称神父为父亲 = Русские обращаются к священнику как к отцу [9. С. 288].

В семи анализируемых изданиях фиксируем четыре варианта перевода (свидетельствующих о различии переводческих стратегий и о разных «образах читателя») слова *батька*, которые в электронном Большом китайско-русском словаре переводятся на русский язык: 1) отец; 2) высший слуга Императора, Небесного владыки как отец; 3) духовный отец (священник, ксендз, аббат, пастор); мудрый правитель; 4) князь, король, император, государь, монарх, принц, ван.

⁷ Кроме того, в исследуемом материале объектами комментария являются:

1) русские прецедентные тексты, в том числе фразеологические единицы (см. подробнее [28]), цитаты и пословицы в эпиграфах к главам;

2) факт пропуска главы (как и во всех русских изданиях КД);

3) события российской истории; например, комментарий Хуана: «*Осада Оренбурга войсками Пугачева длилась 6 месяцев*» [8. С. 92];

4) среди имен собственных преимущественно антропонимы – чаще имена персонажей российской истории, например, *Гришка Отрепьев* – этот человек выдавал себя за сына Иван Грозного – Дмитрия. В Москве 11 месяцев был императором» [8. С. 80], а также формы имен персонажей, например, «*Masha* (ма-ша) – это ласковое имя. Ее настоящее имя и отчество – Марья (ма-ли-я) Ивановна (и-фань-но-фу-на). Русские привыкли так называть человека» [Там же. С. 29] (см. подробнее [29]);

5) топонимы, например, «*София*, поселок, который находился от Петербурга на расстоянии в 22 версты. Это также почтовая станция, на которой меняли лошадей, по соседству с Царским Селом, где у царя был загородный дворец» [10. С. 116]. Издание 1956 г. выделяется среди прочих направлением внимания читателя на современную ему экстралингвистическую ситуацию, отражающую советско-китайские отношения: *Симбирск* – «родные места Ленина, сейчас называется Ульяновском» [4. С. 3];

6) иноязычные вкрапления. Так, сохраняющееся оригинальным написание *Schelm* прокомментировано во всех переводах, но, например, у Цзана ошибочно указывается, что это «французский язык; означает: мошенник, злодей» [6. С. 85], в то время как у остальных языком оригинала называется немецкий, с толкованием ‘мошенник’ (например, [11. С. 217]).

⁸ Например, «Примечания, дающие краткий исторический комментарий» или «Примечания, в которых комментируются упомянутые в произведении писатели, литературные термины и понятия», а также «объяснения» или «пояснения» географических названий, научных понятий, реалий иной культуры, неологизмов, каламбуров и переводов с древних и современных языков и др. [23].

⁹ Ср.: «...в рамках традиционной методики перевода (формальными эквивалентами) истолкование старались свести к минимуму, сохраняя, где это возможно, формальные структуры языка оригинала. Опуская шаг анализа, обязательный в методике ДЭ [динамической эквивалентности – О.Т., Я.П., Ц.Т.], истолкования можно во многих случаях избежать» [24. С. 3].

¹⁰ Хотя в словаре [30] и указывается в качестве одного из значений 犹太 ‘еврей’, в коммуникативной практике без 人 в этом значении слово не употребляется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандель Б.Л. Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки. URL: http://librebook.ru/kapitanskaia_dochka/vol1/9 (дата обращения: 25.03.2017).
2. Разумовская В.А. Переводимость культурной информации и стратегии художественного перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 110–121.
3. Чепель Н.П. Основные аспекты межкультурного взаимодействия при переводе // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-pri-perevode#ixzz4ZJ40CSRc> (дата обращения: 21.02.2017).
4. Сунь Юн – Капитанская дочка. (Россия) Пушкин написал. Сунь Юн перевел. Би Шэньфу отредактировал. Пекин : Изд-во народной литературы, 1956 (上尉的女儿. (俄) 普希金著. 孙用译. 毕慎夫校. 北京:人民文学出版社, 1956). 186 с.
5. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М. : Новое литературное обозрение, 2016. 296 с.
6. Цзан Чуаньчжень, Шао Мин – Капитанская дочка. (Россия) Пушкин написал. Цзан Чуаньчжень, Шао Мин перевели. Тяньцзинь : Изд-во «Байхуа вэньни», 1997 (上尉的女儿. (俄) 普希金著. 臼传真 少明译. 天津:百花文艺出版社, 1997). 139 с.
7. Ли Ган – Капитанская дочка. (Россия) Пушкин написал. Ли Ган перевел. Ханчжоу : Изд-во «Чжецзян вэньни», 2000 (上尉的女儿. (俄) 普希金著. 力冈译. 杭州:浙江文艺出版社, 2000). 143 с.
8. Хуан Цзяньянь – Капитанская дочка. (Россия) Пушкин написал. Хуан Цзяньянь перевел. Изд-во «Чанцзян вэньни», 1995 (上尉的女儿. (俄) 普希金著. 黄甲年译. 长江文艺出版社, 1995). 152 с.
9. Фэн Чун, Чжан Хуэй – Капитанская дочка. Пушкин написал. Фэн Чун, Чжан Хуэй перевели. Шанхай : Шанхайское изд-во переводов, 1995 (上尉的女儿. 普希金著. 冯春 张蕙译. 上海:上海译文出版社, 1995). 369 с.

10. Чжилян – Капитанская дочка. (Россия) Пушкин написал. Ван Чжилян перевел. Шанхай : Изд-во Педагогического университета Восточного Китая, 2013 (上尉的女儿. (俄)普希金著. 智量译. 上海:华东师范大学出版社, 2013). 145 с.
11. Лю Вэнъфэй – Художественная проза Пушкина. (Россия) Пушкин написал. Лю Вэнъфэй перевел. Гуйлинь : Изд-во «Лицзян», 2013 (普希金小说选. /(俄罗斯)普希金著. 刘文飞译. 桂林:漓江出版社, 2013). 249 с.
12. Алексеева М.Н. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приёмов // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 89. С. 184–191.
13. Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Барнаул, 2006. URL: <http://www.dissertat.com/content/ontologiya-komentariya-i-ego-rol-v-ponimanii-inoyazychnogo-khudozhestvennogo-teksta#ixzz4bHoxGVA7> (дата обращения: 25.03.2017).
14. Евсеева Т.В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально- pragmaticальные особенности : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. URL: <http://www.dissertat.com/content/perevodnoi-khudozhestvennyi-tekst-s-komentariem-strukturnye-kognitivnye-i-funktionalno-pra#ixzz4Zlottsn0> (дата обращения: 21.02.2017).
15. Алексеева В.Н. Переводческий комментарий в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. I (Гуманистические науки). С. 211–213.
16. Иванкова И.В. Переводческий комментарий как способ интерпретации художественного текста // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 174–176. URL: www.gramota.net/materials/1/2011/5/60.html (дата обращения: 21.09.2016).
17. Гудий К.А. Типология приемов передачи культурно-специфических слов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Вып. № 2. С. 180–184.
18. Разумовская В.А. Информационная неоднозначность художественного текста: неисчерпаемость оригинала и переводная множественность. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-neodnoznachnost-hudozhestvennogo-teksta-neischerpaeomost-originala-i-perevodnaya-mnozhestvennost#ixzz4ZJ17L2tK> (дата обращения: 2.02.2017).
19. Моисеев М.В. Проблема типологии и точности комментария к переводу художественного текста // Вестник Омского университета. Филология. 2014. № 3. С. 132–135.
20. Куршева Н.А. Комментарии переводчиков как основа интерпретации авторских интенций (на примере поэмы Т. Элиота «Четыре квартета») // Вестник Чувашского университета. 2015. Вып. № 2. С. 174–178.
21. Усачева Я.В. Языковая картина мира и подходы к анализу оригинала и перевода художественного произведения // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 241–253.
22. Папулова Ю.К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоznания и педагогики. 2015. № 1 (11). С. 38–45.
23. Кашкин Б.В., Остапенко Д.И. О метакоммуникации переводчика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011 № 2 (027). С. 73–76.
24. Томас Роберт Л. Динамическая эквивалентность: методика перевода или герменевтическая система. URL: <http://propovedi.ru/resource/dynamic-equivalence-method-of-translation/download-pdf> (дата обращения: 22.12.2017).
25. Басснетт С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 31–44.
26. Чжу Минь. Инокультурная лексика в художественных произведениях в понимании китайской аудитории. Харбин: Издательство Хэйлунцзянского университета, 2008 (褚敏. 俄羅斯文学作品中文化词汇的翻译. 哈尔滨:黑龙江大学出版社, 2008) 201 с.
27. Тун Цин. Лексическая вариативность переводов романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на китайский язык // Филологический дискурс. 2016. № 13. С. 165–171.
28. Тун Цин. Фразеологические единицы в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: китайские варианты перевода и комментария // Научный диалог. 2017. № 10. С. 81–97.
29. Трофимова О.В., Полухина Я.П., Тун Цин. Комментирование антропонимов в китайских переводах «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 46–54.
30. БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info>.
31. БРКС – Большой русско-китайский словарь, изд. пересмотр. и доп. Пекин : Изд-во «Шаньху Иньшугуань», 2001 (大俄汉词典/ 黑龙江大学俄语语言文学研究 中心辞书研究所编 -- 修订版 北京 : 商务印书馆, 2001). 2857 с.
32. Словарь Пушкина – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
33. САР – Электронное издание Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (даты обращения: 15.12.2017–06.01.2018).
34. Словари русского языка XVIII века. Л. ; СПб. : Наука, 1985–1992. Вып. 2, 5, 7.
35. Словарь русского языка XVIII века. СПб. : Наука, 2007–2011. Вып. 17, 19.
36. СЦСиРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репринт. изд. : в 2 кн. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
37. Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М. : Терра, 1996. (Печатается по изданию: Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940).
38. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1965. Т. 17. 800 с.
39. БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. К.С. Горбачевича. М.; СПб. : Наука, 2005. Т. 2. 658 с.; 2006. Т. 4. 678 с.; 2006. Т. 5. 632 с.; 2007. Т. 9. 640 с.; 2009. Т. 13. 670 с.; 2011. Т. 16. 632 с.
40. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. третье, стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988.
41. Словарь Ожегова – Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1999. 816 с.
42. ТСОШ – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
43. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М. : Эксмо, 2015. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2018 г.

COMMON NOUNS AS AN OBJECT OF TRANSLATION AND COMMENTARY IN THE CHINESE EDITIONS OF PUSHKIN'S *THE CAPTAIN'S DAUGHTER*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 47–58.

DOI: 10.17223/15617793/433/6

Olga V. Trofimova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: otrofim@rambler.ru

Yana P. Polukhina, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: yanessa7@yandex.ru

Tong Jing, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.jing@yandex.ru

Keywords: translation of a literary text; review; Russian language; Chinese language; intercultural communication; Alexander Pushkin.

The commentary of the translator is seen as a specific type of secondary text destined to serve as an inside look at multicultural communication, while also providing a source of unique recollections for the reader. The article covers the material of seven translated editions of the Chinese language publication of Pushkin's *The Captain's Daughter* carried out between 1956 and 2013. Analysis of the texts elucidates the specific units the publishers and translators selected for a linguistocultural commentary, which shed light upon the more personal commentaries of the translators in the given volumes. The works of Alexander Pushkin represent the most famous Russian translations in a multitude of languages; however, their unique meaning within the context of Russian culture has remained hidden from the modern reader for more than two centuries behind a web of seemingly untranslatable cultural particularities. For this very purpose, linguistic-cultural information in Pushkin's texts is recognized as necessary for translation and commentary to fully elucidate the meaning of the original in the language of the translation. Key cultural phrases, sometimes observed in but a single translation, are analyzed through their explanation and translation in Chinese versions of Pushkin's texts. The content of these commentaries allows for the comparison of all variations of the translation, evolving over the course of a century and changing with the increased cultural interaction. This comparison gives the chance to evaluate the quality of the translation in case of the absence of a commentary from the translator. All possible changes in semantics and style, including the dynamic aspect, are studied through the analysis of two groups of Russian dictionaries: those from the era of the original, and those from the era of the translation. Data from these dictionaries give information about the subtle changes in the nuances of the text that occurred in the lexical meaning or stylistic connotations of the text over the course of two centuries. The study of the materials from the National Corpus of the Russian Language finds moments that illustrate the processes influencing the analysis of linguistic units, and also gives important statistical material about the specific function of these key phrases within the text. The results of the research are interesting not only in their relation to the study of the translation and selection of equivalent lexical phrases to express unique cultural ideas in the translated text, but also in the study of the specificity of explanations given in the Russian dictionaries and their relation to the function of the Russian language in the 18th and 19th centuries.

REFERENCES

1. Kandel', B.L. (n.d.) *Ukazatel' perevodov romana "Kapitanskaya dochka" na inostrannye yazyki* [Index of translations of the novel "The Captain's Daughter" into foreign languages]. [Online] Available from: http://librebook.ru/kapitanskaia_dochka/voll/9. (Accessed: 25.03.2017).
2. Razumovskaya, V.A. (2016) Cultural information translatability and strategies of literary translation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalista – Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Asian Studies. Journalism.* 4. pp. 110–121. (In Russian).
3. Chepel', N.P. (2008) Osnovnye aspekty mezhkul'turnogo vzaimodeystviya pri perevode [The main aspects of intercultural interaction in the translation]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina – Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin.* 20. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-pri-perevode#ixzz4ZJ40CSRc>. (Accessed: 21.02.2017).
4. Sun Yun. (1956) *The Captain's Daughter* (Russia): written by Pushkin; translated by Sun Yun; edited by Bi Shengfu. Beijing: The People's Literature Publishing House. (In Chinese).
5. Ten, N. (2016) *Ot Pushkina do Putina: obraz Rossii v sovremenном Kitae (1991–2010)* [From Pushkin to Putin: the image of Russia in modern China (1991–2010)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Chang Chuanzhen & Shao Ming. (1997) *The Captain's Daughter* (Russia): written by Pushkin; translated by Chang Chuanzhen and Shao Ming. Tianjin: Publishing house "Baihua Wenyi". (In Chinese).
7. Li Gan. (2000) *The Captain's Daughter* (Russia): written by Pushkin; translated by Li Gan. Hangzhou: Publishing House "Zhejiang Wenyi" (In Chinese).
8. Huang Jiangyan. (1995) *The Captain's Daughter* (Russia): written by Pushkin; translated by Huang Jiangyan. Publishing house "Changjiang Wenyi". (In Chinese).
9. Feng Chun & Zhang Hui. (1995) *The Captain's Daughter*: written by Pushkin; translated by Feng Chun and Zhang Hui. Shanghai: Shanghai Publishing House. (In Chinese).
10. Wang Zhilian. (2013) *The Captain's Daughter* (Russia): written by Pushkin; translated by Wang Zhilian. Shanghai: Publishing House of the Pedagogical University of East China. (In Chinese).
11. Liu Wenfei. (2013) Pushkin's artistic prose. (Russia): written by Pushkin; translated by Liu Wenfei. Guilin: Lijiang Publishing House. (In Chinese).
12. Alekseeva, M.N. (2009) O vliyanii vida realiy na vybor perevodcheskikh priemov [On the influence of the kind of realities on the choice of translation techniques]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.* 89. pp. 184–191.
13. Korobeynikova, N.N. (2006) *Ontologiya kommentariya i ego rol' v ponimanii inoyazychnogo khudozhestvennogo teksta* [The ontology of the commentary and its role in the understanding of a foreign language literary text]. Philology Cand. Dis. Barnaul [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/ontologiya-komentariya-i-ego-rol-v-ponimanii-inoyazychnogo-khudozhestvennogo-teksta#ixzz4bHoxGVA7>. (Accessed: 25.03.2017).
14. Evseeva, T.V. (2007) *Perevodnoy khudozhestvennyy tekst s kommentariem: strukturnye, kognitivnye i funktsional'no-pragmatische osobennosti* [Translated literary text with a commentary: structural, cognitive and functional-pragmatic features]. Philology Cand. Dis. Rostov-on-Don. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/perevodnoi-khudozhestvennyi-tekst-s-komentariem-strukturnye-kognitivnye-i-funktsionalno-pra#ixzz4ZIottsn0>. (Accessed: 21.02.2017).
15. Alekseeva, V.N. (2012) Translation Commentary in Fiction. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin.* 4(I). pp. 211–213. (In Russian).
16. Ivankova, I.V. (2011) Perevodcheskiy kommentariy kak sposob interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Translation commentary as a way of interpreting a literary text]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education.* 5 (48). pp. 174–176. [Online] Available from: www.gramota.net/materials/1/2011/5/60.html. (Accessed: 21.09.2016).
17. Gudiy, K.A. (2012) Tipologiya priemov peredachi kul'turno-spetsificheskikh slov [Typology of methods for translating cultural-specific words]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2. pp. 180–184.
18. Razumovskaya, V.A. (2012) *Information ambiguity of literary text: original inexhaustibility and translation multiplicity*. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-neodnoznachnost-hudozhestvennogo-teksta-neischerpaemost-originala-i-perevodnaya-mnozhestvennost#ixzz4ZJ17L2tK>. (Accessed: 2.02.2017). (In Russian).
19. Moiseev, M.V. (2014) The problem of typology and precision of commentary to the translated fiction. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of Omsk University.* 3. pp. 132–135. (In Russian).
20. Kursheva, N.A. (2015) Translators' commentaries as basis for interpretation of the author's intents (in the context of T. Eliot's poem "Four Quatrains"). *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University.* 2. pp. 174–178. (In Russian).

21. Usacheva, Ya.V. (2017) The language worldview and approaches to analyzing the source and the target texts of a literary work. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 3 (42). pp. 241–253. (In Russian).
22. Papulova, Yu.K. (2015) Translation comments as a type of metatext. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 1 (11). pp. 38–45. (In Russian).
23. Kashkin, B.V. & Ostapenko, D.I. (2011) To the question of a translator's metacommunication. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (027). pp. 73–76. (In Russian).
24. Thomas, R.L. (1990) *Dinamicheskaya ekvivalentnost': metodika perevoda ili germenevticheskaya sistema* [Dynamic equivalence: the method of translation or the hermeneutic system]. Translated from English by A. Prokopenko. [Online] Available from: <http://propovedi.ru/resource/dynamic-equivalence-method-of-translation/download-pdf>. (Accessed: 22.12.2017).
25. Bassnett, S. (2016) THE ORIGINS AND DEVELOPMENT OF TRANSLATION STUDIES 1975–2016. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Asian Studies. Journalism*. 4. pp. 31–44. (In Russian).
26. Zhu Min. (2008) *Foreign vocabulary in literary works in the understanding of the Chinese audience*. Harbin: Heilongjiang University Press. (In Chinese).
27. Tong Jing. (2016) Leksicheskaya variativnost' perevodov romana A.S. Pushkina "Kapitanskaya dochka" na kitayskiy yazyk [Lexical variability of the translations of A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter" in Chinese]. *Filologicheskiy diskurs*. 13. pp. 165–171.
28. Tong Jing. (2017) Phraseological Units in "The Captain's Daughter" by Alexander Pushkin: Chinese Translations and Comments. *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 81–97. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-12952017-10-81-97
29. Trofimova, O.V., Polukhina, Ya.P. & Tong Jing. (2017) Commenting anthroponyms in Chinese translations of "The Captain's Daughter" by Alexander Pushkin. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 46–54. (In Russian).
30. *The Big Russian-Chinese Dictionary*. [Online] Available from: <https://bkrs.info>.
31. Shanu Yinshuguan. (2001) *The Big Russian-Chinese Dictionary*. Revised. Beijing: Publishing house "Shanu Yinshuguan".
32. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' Pushkina – Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t*. [Dictionary of Pushkin – Dictionary of the language of Pushkin: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Azbukovnik.
33. *The electronic edition of the Dictionary of the Russian Academy*. (1789–1794). [Online] Available from: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>. (Accessed: 15.12.2017–06.01.2018).
34. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1985–1992) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka, Vyp. 2, 5, 7.
35. Petrova, Z.M. (ed.) (2007–2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Is. 17, 19. St. Petersburg: Nauka.
36. Imperial Academy of Sciences. (2001) *Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavленный Вторым отделением императорской Академии наук* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Reprinted ed.: in 2 books. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
37. Ushakov, D. (ed.) (1996) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Moscow: Terra.
38. Chernyshev, V.I. (ed.) (1965) *Slovar' sovremenennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: USSR AS.
39. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2005–2011) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Big Academic Dictionary of Russian]. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
40. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t*. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz.
41. Ozhegov, S.I. (1999) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Dictionary of Russian: c. 57 000 words]. Moscow: Rus. yaz.
42. Ozhegov, S.I. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
43. Pushkin, A.S. (2015) *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Moscow: Eksmo.

Received: 18 April 2018

ИСТОРИЯ

УДК 94(57)

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

РОССИЙСКИЕ ОКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ XIX в.

Рассматривается эволюция представлений царской администрации о содержании понятия «окраина». Термин «окраина» впервые в административно-управленческой практике в России появляется в конце XVI в. При выработке доктрины окраинной политики правительство руководствовалось тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. В первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. В период конца XIX – начала XX вв. правительство пыталось завершить инкорпорацию окраин в империю. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом, смысле.

Ключевые слова: Россия; империя; окраины; управление; сходства; различия.

Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. Правительства Ивана III и Василия III начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. Именно в этот период российской истории под окраиной стали пониматься земли не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссыпать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие». Инициатива объединения русских земель могла исходить только из центра, которым, по мнению Московских дьяков, бесспорно являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно вырабатывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». В последующий период русской истории XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи. В качестве примера укажем на восток страны, Сибирь, где государство, объявив себя сувереном и собственником земли, вместе с тем стремилось сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пытаясь не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Аналогичные тенденции в правительенной политике можно отметить и

на примере Калмыкии, где с самого начала установления официальных отношений с Россией в правительстве прослеживаются «федеративные принципы».

В первой половине XIX в. в плане разработки модели окраинной политики наибольшее внимание правительства привлекали Кавказ, Финляндия, Польша, Сибирь. При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к таким различным (по уровню экономического развития и другим параметрам) территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Присоединение к составу Российской империи территории с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему. Постоянная борьба в правительенных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики.

Кавказский регион имел для России как экономическое, так и стратегическое значение. Именно поэтому перед российским правительством всталая задача интегрировать край в империю, слить его с Россией в одно целое. Варианты осуществления поставленной цели обсуждались в различных правительенных комитетах и на заседаниях Государственного совета. Если проект 1831 г. предусматривал возможность распространения на окраинные территории империи общероссийской системы управления, то межведомственная комиссия барона Гана в 1837 г. высказалась на этот счет гораздо осторожнее, считая целесообразным «определить в подробности начала управления, наиболее соответствующие для каждой из провинций». Спустя два года министр финансов Н.М. Канкрин вообще выступил против представления о Закавказье как составной части России, предложив

жив рассматривать его как колонию [1. Т. 1. С. 75, 82]. В конечном итоге цель была достигнута в четыре приема: реформами 1801, 1805, 1811 и, наконец, 1840 гг. (реформа барона Гана) [2. № 20007; 3. № 21753; 4. № 24597; 5. № 13368]. Однако «Гановская» система управления не выдержала проверки временем и вскоре «превратилась в груду развалин» [6. С. 307]. Уже спустя два года после ее принятия российское правительство вынуждено было признать полный провал реформы 1840 г.: административная унификация не означала унификации ментальной. В то же время важность завершения инкорпорации окраины обусловила активные действия имперского правительства по поиску оптимального решения стоящих перед ним задач. В рамках реализации последних был предпринят ряд мероприятий, основанных на принципах регионализма. Они нашли свое выражение в принципиально новых административных учреждениях по делам кавказской окраины, основанных в середине 40-х гг. XIX в.: особого Временного VI отделения Собственной Его Императорского Величества (далее – Е.И.В.) канцелярии, Комитета по делам Закавказского края и Кавказского наместничества [7. С. 9].

Правительство Николая I отчетливо понимало, что наличие унифицированной административно-политической системы было явно недостаточным условием для создания единого имперского государства. Основным объединяющим фактором в сложившейся ситуации должна была выступать «облеченный доверием Верховной власти сильная местная центральная власть, с обширными полномочиями и достаточными средствами, чтобы внушить уважение к ее цивилизующей миссии». Именно таким «средством к объединению» должно было стать наместничество [8. С. 5]. Однако имперское правительство отчетливо представляло негативные последствия широких властных полномочий наместника. Петербург видоизменяет систему высшего управления окраиной. Это выражалось в упразднении Временного VI отделения Собственной Е.И.В. канцелярии и переименовании с февраля 1845 г. Комитета по делам Закавказского края в Кавказский комитет, с одновременным существенным расширением функций последнего [9. С. 205].

По замыслу правительства, Комитет должен был в известной степени нивелировать казавшуюся слишком опасной широкую самостоятельность кавказской администрации и не допустить отрыва Кавказа от надзора из центра. Основные усилия всех имперских учреждений на Кавказе были направлены на скорейшее сближение окраины с империей: чтобы «связать с собою этих новых подданных нерасторжимыми узами, чтобы заставить их ... полюбить правительство русского монарха... чтобы, покинув несбыточные мечтания, привязаться к своей новой мачехе, как к родной матери» [6. С. 348]. Таким образом, если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями. Правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений, ее основное

назначение – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, в первую очередь – по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане, – ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них». [10. № 25824]. В Конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически, в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось [11. С. 26]. Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен – 26 февраля 1832 г. – явился в свет «Органический статут», согласно которому Царство являлось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. Фактически это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственные кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации

этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи.

Дальнейшая модернизация системы управления окраинами была продолжена уже в пореформенную эпоху. Буржуазные преобразования 60–70-х гг. XIX в. потребовали существенного обновления всей программы по выстраиванию взаимоотношений центра и периферии. В этой связи остро стали проблемы взаимодействия центральных органов власти (министерства, комитеты и т.д.) с органами управления на местах (наместничества, генерал-губернаторы), определения их компетенции и полномочий, соотношения территориальных и отраслевых функций органов управления. Данный период хронологически совпал с активизацией внешней политики России, особенно на среднеазиатском и дальневосточном направлениях. Однако усилия и мероприятия России на отмеченных векторах внешней политики не могут быть поняты без учета противодействия ей таких государств, как Англия, Франция, США и Япония. Ко всему сказанному следует добавить еще одно обстоятельство – это восстание в Польше 1863 г., ставшее, бесспорно, своеобразной гранью в развитии национальной политики империи. Жесткое подавление восстания и массовые репрессии, обрушившиеся на поляков, стали лишь первой фазой реализации той новой концепции национальной политики государства, которая именно в это время была сформулирована редактором «Московских ведомостей» М.Н. Катковым, вскоре усвоена правительством и несколько позже заложена в идеологию и практику контреформ 80–90-х гг. XIX в. С этого времени стремление к национально-государственной консолидации становится всеобщим, что нашло отражение в трансформации окраинной политики, направленной на всемерное «втягивание» окраин в общероссийскую экономическую, административно-политическую и социокультурную систему. Эта ситуация была в равной степени характерна для всех российских окраин: Кавказа, Финляндии, Польши и Сибири. Эпоха контреформ началась 80-х гг. XIX в. характеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике американского исследователя Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации [12. С. 225]. Кавказ должен был стать рядовой административно-территориальной единицей империи. Наместничество как особая региональная форма управления и Кавказский комитет были ликвидированы. Однако отсутствие сильной власти на Кавказе сказалось негативно на всех сферах общественной жизни края. Его удаленность от Петербурга при фактическом нежелании столичных чиновников заниматься текущими делами подведомственного региона

не способствовала функциональному управлению Кавказом. Дезинтеграция вела к хаосу, грозившему прочности имперской власти. В условиях бурного общественного подъема, вызванного целым комплексом внутренних и внешних факторов, правительство было вынуждено принять решение о восстановлении в 1905 г. Кавказского наместничества.

Политическая благонадежность финнов «защищала» княжество от пристального внимания российского правительства. Подобный «статус-кво» окраины сохранялся вплоть до 1863 г. Эпоха «великих реформ», принесшая Кавказу тотальную унификацию с империей, Финляндии, наоборот, принесла этап очередных расширений привилегий. Это не было широким жестом в знак благодарности имперских властей за верноподданнические настроения на данной окраине. В основе этого лежали стремления Петербурга сохранить таковые, не допустить распространения в Финляндии польских революционных настроений. Ради этого Александр II согласился на созыв в 1863 г. Сейма – главного символа финской автономии и принятие нового Сеймового устава 1869 г., получившего силу основного закона [13. С. 64–65, 74–75; 14. С. 1]. Оба мероприятия символизировали собой начало очередного цикла реформ, укрепивших автономный статус Великого княжества. При этом буржуазные реформы Александра II фактически некоснулись Финляндии. Единственной из числа крупных российских реформ, распространявшихся на эту территорию, была военная реформа, в результате которой Финляндия в 1878 г. получила право на формирование своих национальных войск, комплектовавшихся исключительно из местных уроженцев и подчинявшихся генерал-губернатору [15. С. 61–62]. В результате преобразований финляндская автономия к началу 80-х гг. XIX в. достигает своего пика. Таким образом, Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства. Данное обстоятельство кардинальным образом отличало статус Финляндии от любой другой окраины империи.

После восстания 1863 г. перед имперским правительством встало задача инкорпорации Польши в Россию. При этом, также как и в кавказском регионе, инкорпорация подразумевалась прежде всего политико-административная. Для разработки системы структурной идентификации окраины по общеимперскому образцу 25 февраля 1864 г. был учрежден Комитет по делам Царства Польского [16], в 1874 г. наместническое управление в Польше было заменено генерал-губернаторским.

В 80-х гг. XIX в. в Царстве Польском, в соответствии с общеимперским курсом на стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры, происходила дальнейшая ликвидация остатков автономии. В Польше шла повсеместная русификация, зачастую инициированная представителями местной власти. Подобная политика имела определенный эффект – политическая обстановка в крае стала заметно спокойнее [17. Л. 13–16].

Таким образом, отметим, что окраинная политика российского государства прошла длительный путь развития и эволюции. Она формировалась параллель-

но с государством и была производной от внутриполитических и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительенных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от полной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Подобные подходы к организации системы управления окраинами свидетельствовали о понимании Российской империей различий в экономической жизни, степени заселения и менталитета населения отмеченных территорий. Между тем, система окраинного управления, разрабатываемая для условий пер-

вой половины XIX столетия, во второй половине XIX в. уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям. Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоязычными.

В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эсадэ С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис : Тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. 628 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗРИ-И). СПб., 1830. Т. 28. С. 1042–1044. № 21753.
3. ПСЗРИ-И. СПб., 1830. Т. 31. С. 615–618. № 24597.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (ПСЗРИ-II). СПб., 1840. Т. 15. № 13368. С. 237–261.
5. Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис : Типография канцелярии главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 525 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Коллекция печатных записок. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края.
7. РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Записка статс-секретаря барона Николаи о преобразовании центрального управления на Кавказе. Октябрь 1882 г.
8. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. 452 с.
9. Пасев М. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 575 с.
10. ПСЗРИ-И. СПб., 1830. Т. 33. С. 64–70. № 25824.
11. Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. 199 с.
12. Раев М. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 575 с.
13. Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е годы XIX в. Л. : Наука, 1979. 248 с.
14. Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1863. № 22.
15. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. (пер. с финского). М. : Весь мир, 1998. 384 с.
16. ПСЗРИ-II. СПб., 1866. Т. 41. С. 316–317. № 43924.
17. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 106.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 февраля 2018 г.

RUSSIAN OUTSKIRTS IN THE IMPERIAL ADMINISTRATION MODEL OF THE 19TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 59–63.

DOI: 10.17223/15617793/433/7

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lev.dameshek@gmail.com

Irina L. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

Keywords: Russia; empire; outskirts; management; similarities; differences.

In terms of developing the model of outlying politics, the major part of government's attention was attracted by the Caucasus, Finland, Poland and Siberia in the first half of the 19th century. The authors of the article believe, that the Caucasus region was strategically and economically important for Russia. That is why the Russian government set an objective of integrating this region into the empire. Vicegerency had to become the main unifying factor in this situation. The main efforts of all the imperial institutions in the Caucasus were aimed for an early rapprochement of the empire and the outskirts so that the new subjects could “get attached to their new stepmother as their own mother”. The authors share the view that Finnish outskirts were important for their military-strategic potential: it was a giant defensive line. In order to attract former Swedish subjects to its side, the tsarist government made several concessions: the former Swedish province received the autonomous status of the Grand Duchy of Finland. Being part of the Russian Empire, Finland was completely autonomous – both politically and economically. The polyvariance of the Russian outskirts policy can also be observed in the example of Poland. In December 1815, the Kingdom of Poland received the constitution. In fact, between 1815 and 1830 Poland was an autonomous province of the Russian Empire. However, the Polish uprising of 1830–1831 put an end to the constitution. Actually, the course was adopted to transform the Kingdom of Poland into a Russian province. As for Siberia, the unity of views was manifested only by the understanding of the significance of the resettlement of the serving and agricultural population in the Trans-Ural region as the main means of ensuring Russian military-strategic presence in the East. The au-

thors think that in the first half of the 19th century the government was not able to develop a universal model for managing the outskirts. In fact, the autocracy was compelled to take into account the different geopolitical and economic significance of the outskirts for the destinies of the country. The transformations of the post-reform period required a substantial update of the entire program of building the relationships between the center and the periphery. The counter-reforms of the 1880s and 1890s were reflected in the transformation of the outskirts policy aimed at the all-round “involvement” of the outskirts in the all-Russian economic, administrative, political and socio-cultural system. This situation was equally characterized for all of the Russian outskirts. The policy of ruthless Russification began in the Baltic provinces, in Poland, in the Caucasus, and even in Finland. The outskirts policy of the Russian state passed a long way of evolution and development. On the example of the western and southwestern outskirts – Finland, Poland, and the Caucasus – one can observe the polyvariance of the Russian policy towards outskirt areas so as its sufficient flexibility: from the complete unification with Russia to the receiving of political autonomy.

REFERENCES

1. Esadze, S. (1907) *Istoricheskaya zapiska po upravleniyu Kavkazom* [Historical note on the administration of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis: Tip. “Guttenberg”.
2. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I]. Vol. 26. pp. 781–786. Art. 20007.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I]. Vol. 28. pp. 1042–1044. Art. 21753.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I]. Vol. 31. pp. 615–618. Art. 24597.
5. Russian Empire. (1840) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. Vol. 15. Art. 13368. pp. 237–261.
6. Ivanenko, V.N. (1901) *Grazhdanskoe upravlenie Zakavkaz’em ot prisoedineniya Gruzii do namestnichestva vel. kn. Mikhaila Nikolaevicha. Istoricheskiy ocherk* [The civil administration of the Transcaucasus from the accession of Georgia to the vicegerency of Grand Duke Mikhail Nikolaeivich. A historical essay]. Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnokomanduyushchego grazhdanskoy chasty na Kavkaze.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Collection of printed notes. No. 263. *Istoricheskaya spravka o khode organizatsii grazhdanskogo upravleniya Kavkazskogo kraya* [Historical reference on the progress of civil administration of the Caucasian region].
8. Russian State Historical Archive (RGIA). Collection of printed notes. No. 263. *Zapiska stats-sekretarya barona Nikolai o preobrazovanii tsentral’nogo upravleniya na Kavkaze. Oktyabr’ 1882 g.* [Note by State Secretary Baron Nikolai on the transformation of the central administration in the Caucasus. October 1882].
9. Cherkesov, V.V. (ed.) (2001) *Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii* [Institution of Governor-General and vicegerency in the Russian Empire]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I]. Vol. 33. pp. 64–70. Art. 25824.
11. Studnitskiy, V. (1907) *Pol’sha v politicheskem otnoshenii, ot razdelov do nashikh dney* [Poland in the political sense, from splits to our days]. St. Petersburg: Pushkinskaya Skoropечатня.
12. Raev, M. (1990) *Ponyat’ dorevoljutsionnyu Rossiyu: Gosudarstvo i obshchestvo v Rossiyskoy imperii* [To understand pre-revolutionary Russia: State and society in the Russian Empire]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
13. Suni, L.V. (1979) *Ocherk obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Finlyandii, 50–70-e gody XIX v.* [An outline of the socio-political development of Finland, 1850s–1870s]. Leningrad: Nauka.
14. *Sbornik postanovleniy Velikogo knyazhestva Finlyandskogo* [Collection of resolutions of the Grand Duchy of Finland]. (1863). 22.
15. Jussila, O., Hentiliya, S. & Nevakivi, Yu. (1998) *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–1995* [Political History of Finland. 1809–1995]. Translated from Finnish. Moscow: Ves’ mir.
16. Russian Empire. (1866) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. Vol. 41. pp. 316–317. Art 43924.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 560. List 26. File 106. (In Russian).

Received: 04 February 2018

АПОГЕЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: РОЛЬ КОМСОМОЛА

Раскрывается одна из наименее исследованных страниц истории ВЛКСМ – организации, которой в 2018 г. исполняется 100 лет. Изучена роль членов ВЛКСМ в процессах преобразования сельского хозяйства на рубеже 1929–1930 гг., когда отмечены наиболее высокие темпы коллективизации. Выявлены причины обострения противостояния комсомольцев и крестьян. Показано, что руководство партийных и государственных органов на местах сознательно обостряло не только данное противостояние, но и борьбу с инакомыслящими внутри молодежного союза.

Ключевые слова: крестьянство; коллективизация; комсомол; насилие; протесты; настроения.

В советской историографии, как правило, ошибки комсомольцев в коллективизации оценивались как незначительные. Так, А.Н. Новиков писал, что «некоторые ячейки не поняли диалектического единства задач социалистического соревнования в области колхозного строительства и ленинского принципа добровольности» [1. С. 38]. В исследованиях последних десятилетий доказано, что «перегибы» являлись сознательной, навязанной сверху политикой. Наиболее убедительно на сегодняшний день это показано на материале отдельных регионов [2–5]. Цель данной статьи – выявить общие черты и последствия деятельности комсомольцев на «пике» сплошной коллективизации сельского хозяйства: на рубеже 1929–1930-х гг.

Изучение истории комсомольских организаций, действовавших в этот период, убеждает: идеи классовой борьбы попадали в подготовленную почву. Для молодых людей, выросших в годы войн и революций, было характерно черно-белое восприятие действительности, они верили, что, устранив всех врагов, можно легко построить «светлое будущее». Антикулацкие настроения особенно ярко проявлялись в среде руководящих кадров комсомола. В январе 1930 г. на совещании секретарей окружкомов по вопросу о том, что делать с молодыми кулаками, раздавались голоса: «Убивать их!» [6. Д. 64. Л. 244]. Случалось, что комсомольцы были настроены к кулакам более агрессивно, чем местное партийное руководство. Так, когда секретарь Средне-Волжского крайкома партии М.М. Хатаевич предложил принимать в колхоз лояльных коллективизации кулаков, бюро комсомола всем составом явилось к нему доказывать ошибочность подобной установки. Комсомольцы гордо отмечали: «Мы здорово раскритиковали ошибку т. Хатаевича» [Там же. Л. 255].

Нередко классовыми врагами считали даже комсомольцев, порвавших связи с родственниками, если последние чисились в противниках коллективизации. В ВЛКСМ велась активная борьба с теорией перевоспитания «молодого кулака».

Борьба с правым уклоном и левыми перегибами в самом комсомоле воспринималась как одно из наиболее действенных средств ускорения коллективизации. Правда, зачастую сельские комсомольцы с трудом представляли, чем левый уклон отличается от правого. Подчас в той или иной организации «правыми оппортунистами» объявляли всех неугодных, а в другой ячейке за такие же действия комсомолец мог быть объявлен «левым уклонистом».

Правым уклоном было названо решение комсомольской ячейки Красноярского района Средне-Волжского края о приеме кулаков в колхоз. При этом комсомольцы-«уклонисты» говорили про объявленных кулаками, что они «хорошие люди, добровольно идут и голосуют за колхоз лучше, чем беднота» [6. Д. 64. Л. 197]. В Ивановском районе комсомольская ячейка постановила на закрытом собрании, что «их кулаки разбогатели во время советской власти, поэтому выселять таковых не следует, а наоборот их необходимо вбирать в колхоз» [7. Д. 967. Л. 2]. Таким образом, значительная часть молодежи сочувственно относилась к кулакам. Идеи общинного единства все еще сохранялись в деревне, несмотря на агрессивную политику власти.

В тоже время комсомол принял активное участие в обобществлении семенных фондов. Но при этом не трудно заметить, что руководство ВЛКСМ с самого начала не рассчитывало на сознательность сельских членов союза. Призывая участвовать в кампании, «Комсомольская правда» предупреждала о твердых репрессивных мерах по отношению к комсомольским ячейкам, не обеспечившим сбор и обобществление семян [8].

Отдельные организации, несмотря на трудности, добились успеха в этой работе. Так, комсомольцы Петровско-Кругловского сельского совета все силы бросили на обобществление семенного фонда, работая круглосуточно. В результате к 19 февраля 1930 г. работа была выполнена полностью [7. Д. 976. Л. 9]. В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) комсомольцы обобществили 867 296 пудов семенного материала (по данным 7 округов) [Там же. Л. 8], в Западной Сибири было собрано 1 140 тысяч пудов [9. С. 194].

Нередко комитеты ВЛКСМ подчеркивали необходимость поставить в центр работы сельских комсомольских ячеек вопросы улучшения организации колхозной жизни. Так, в самый разгар коллективизации комитет ВЛКСМ Козловского округа обращал внимание на неудовлетворительное положение внутри большинства колхозов, отмечал низкую производительность труда и слабую дисциплину колхозников, отсталость культурно-бытовой сферы [10. Д. 144. Л. 24]. Неудачи работы на этом направлении обычно объяснялись загруженностью комсомольских организаций. По стране отмечались многочисленные случаи, когда полученные колхозами трактора стояли под открытым небом, в снегу, а комсомольцы на вопрос

об этой бесхозяйственности отвечали: «Как-нибудь это сделаем, сейчас не до машин» [6. Д. 64. Л. 273].

К тому же деревенские комсомольцы не горели особым желанием работать в колхозах. В январе 1930 г. секретарь Сызранского окружкома ВЛКСМ отмечал, что комсомольцы стремятся покинуть село, просят путевки на учебные курсы или командировку в Среднюю Азию или Кавказ [Там же. Л. 207]. В Николаевском округе члены союза активно работали в деле создания колхозов, но ничего не могли сделать в области их внутренней организации [Там же. Л. 250]. Руководство союза сетовало, что комсомольские ячейки занимаются «всем, чем угодно, только не жизнью в колхозах» [Там же. Л. 284].

Все это происходило на фоне ускорения темпов коллективизации. В процессе форсированной коллективизации практически не учитывалась местная социально-экономическая специфика. По свидетельству секретаря областного комитета ВЛКСМ ЦЧО В. Сорокина, уполномоченные по коллективизации, приезжая в деревню, давали директивы организовать колхоз в тот же день [Там же. Д. 66. Л. 144]. Отставание в темпах многими комсомольскими руководителями рассматривалось как правый уклон. Союзные организации соревновались друг с другом в темпах коллективизации. В Калужском округе были работники, которые коллективизировали 7 селений в течение 36 часов. В том же округе комсомольская газета писала: «Тот, кто не понимает, что округ можно полностью коллективизировать в две недели, тот сплошной оппортунист» [7. Д. 81. Л. 77]. В Орловском округе 10 февраля 1930 г. комсомольская ячейка приняла решение «коллективизировать сплошь сельский совет к 15 февраля» [6. Д. 66. Л. 151]. Секретарь Троекуровского райкома комсомола отчитался о росте процента коллективизации с 23 до 50% за 10 дней [10. Д. 151. Л. 93]. Раненбургский райком ВЛКСМ обещал с 7 до 12 февраля уровень коллективизации повысить с 70 до 100% [Там же. Л. 62]. Вместе с тем, руководство комсомола признавало, что в среднем 11% коллективных хозяйств «тут же распадалось» [6. Д. 64. Л. 249].

Подчас в колхозе обобществлялись дома, весь скот, рабочий инвентарь [10. Д. 151. Л. 49]. Некоторые комсомольцы открыто стремились к созданию коммун, объявляемых высшей формой коллективного хозяйства. Северо-Кавказские комсомольцы на собраниях заявляли: «Если вы не переведете устав сельскохозяйственной артели на коммуну, то мы из неё выйдем» [11. Д. 80. Л. 17]. Впрочем, применяя модные слова, комсомольцы нередко внятно объясняли их значение не могли [12]. Во многом объясняемое юношеским максимализмом стремление коммунистической молодежи к созданию коммун подкреплялось директивами партийных организаций [10. Д. 153. Л. 210].

В начале 1930 г. достигла своего апогея «гигантомания». В Ирбитском округе комсомольцы являлись активными создателями громадного колхоза «Гигант», а к 1 мая планировалось превращение всего округа в сельхозкоммуну [11. Д. 82. Л. 68]. В Западной области комсомольцы создали колхоз-гигант на

6000 га [7. Д. 976. Л. 70]. Увлеченные строительством громадных хозяйств комсомольцы давали им имена, начиная с вождей партии, заканчивая председателями окружных комитетов и районными секретарями партии. В Острогожском округе ЦЧО был организован колхоз имени А.В. Косарева, но, несмотря на поиски, окружному так и не удалось его найти [6. Д. 66. Л. 145].

Свидетельством особой роли комсомольцев в их соединении являлось присвоение гигантам имен в честь молодежного союза: колхоз имени Ленинского комсомола в 3 000 га (Вяземский округ), «Ленинский комсомол» в 18 360 га (Курский округ) [7. Д. 976. Л. 2,71]. В ходе создания последнего весь Фатежский район был сплошь коллективизирован, видимо в него механически записывали всех крестьян. Таким образом, неудивительно, что в феврале 1930 г. комсомольцы предлагали превратить Татарскую республику в сплошной колхоз [6. Д. 66. Л. 191]. Фанатичное стремление комсомольцев к высшим формам коллективизации привело к обратному результату – быстрому распаду искусственно созданных громадных коммун.

Одним из следствий обобществления скота стал его массовый убой, к которому оказались причастны и некоторые комсомольцы [10. Д. 171. Л. 66 и др.]. В Усманском районе ЦЧО комсомолец, являвшийся членом правления колхоза, в связи с обобществлением скота, продал своих коров и свиней [13. С. 242]. Ходили слухи о ненужности лошадей в условиях создания машинно-тракторных станций (МТС) («их нужно как можно быстрее сбыть, пока держатся цены» [10. Д. 171. Л. 66]). Сельские комсомольцы в данном случае были солидарны с прагматичной позицией большинства крестьянства.

Ужасает положение во многих насильственно собранных скотоводческих хозяйствах. Так, на Украине в одном колхозе из 100 с лишним свиней в течение двух дней пало 30 голов. На Северном Кавказе комсомольцы не знали, что делать с обобществленным скотом: «Если объединить – то молока даже по кружке не хватит всем, а не объединять – значит способствовать индивидуальному скотоводству» [14. Д. 64. Л. 250].

К 1 марта 1930 г. уровень коллективизации по стране достиг 56%, а отдельные регионы фактически ее завершили: ЦЧО – 81,8%, Башкирия – 81,2%, Татария – 77%, Московская область – 73%, Средне-Волжский край – 56,7% [15. С. 86]. Достижению подобных результатов во многом способствовала деятельность комсомольцев. Всего с осени 1929 г. до весны 1930 г. силами ВЛКСМ ЦЧО было организовано более 900 коллективных хозяйств [16. С. 15]. В Средне-Волжском крае комсомольцы в январе 1930 г. за 10 дней создали 232 колхоза [6. Д. 64. Л. 255]. За тот же срок в Ульяновском округе было организовано 27 колхозов (8,6% всех коллективных хозяйств) [Там же. Л. 211], в Татарской республике – 102 колхоза. По инициативе комсомольцев Западной области было организовано 127 колхозов [7. Д. 976. Л. 71], по данным 41 района Урала – 81 колхоз с 9 780 хозяйствами [17. С. 11].

Любопытно, что, несмотря на наличие громадного количества литературы, посвященной участию

комсомола в колLECTивизации, нет обобщающих данных о количестве колхозов, созданных по инициативе комсомола. Вероятно, это связано с тем, что партийное и комсомольское руководство интересовало, прежде всего, процент колLECTивизации крестьянства. Кроме того, информация с мест часто была противоречива и приукрашивала действительность, а большинство колхозов существовали лишь на бумаге.

В разгар форсированной колLECTивизации комсомольские активисты быстро перемещались по селам и деревням, повсеместно создавая колхозы, часто – при помощи насилия и администрирования. Тем самым у крестьян складывалось преувеличенное впечатление о роли комсомольцев в создании колхозов и раскулачивании. Значительная часть членов союза лишь пассивно участвовала в этих кампаниях.

Тем не менее комсомол, воспринимаемый крестьянством как одна из причастных к власти структур, в общественном сознании прочно ассоциировался с насильственными действиями «сверху». Молодые люди воспринимались крестьянами как проводники ненавистной им политики. Наблюдались многочисленные случаи срыва комсомольских собраний по колхозным вопросам. В Острогожском округе в селе Посреднее были сожжены квартиры активных комсомольцев [13. С. 250].

В Солнцевском районе (Курский округ) активным комсомольцем были подброшены анонимные письма с угрозами. Одно из них гласило:

«Приветствуем смерть Ленина
И не возражаем, что умер» [7. Д. 976. Л. 5].

В Балашовском округе в селе Сергиевка в одной из листовок было написано: «Комсомольцев всех душить – так свободней будем жить» [18. С. 103].

В Татарской республике было (по крайней мере) 5 случаев террористических нападений на комсомольцев. В ЦЧО во время хлебозаготовок 1929 г. были убиты 17 комсомольцев [7. Д. 976. Л. 5], в январе – феврале 1930 г. по неполным данным – 20 комсомольцев [19. С. 53]. В Свердловском округе в первой половине 1930 г. погибло 12 комсомольцев [9. С. 194].

Наибольшей опасности подвергались комсомольцы, являвшиеся представителями местной власти в деревне. В деревне Мишуково (Московская область) был убит председатель сельского совета комсомолец Ветохин [20. С. 249]. В селе Горево (Нижегородский край) был убит секретарь комсомольской ячейки и председатель сельского совета Мансуров. В Нижне-Волжском крае в селе Воробьевка во время заседания правления колхоза выстрелом в окно был убит активный комсомолец Гришин [7. Д. 967. Л. 30].

Любопытно, что подобные действия для некоторых комсомольских активистов стали поводом для успешной оценки своей работы: раз есть убийства, значит активность есть!» [Там же. Д. 1065. Л. 108].

На фоне этих трагедий менее значительными выглядят другие происшествия: избиение комсомольцев в Донецком округе за демонстрацию в пользу колLECTивизации [6. Д. 64. Л. 242], нападение кулаков на комсомольца в селе Кандауровке [21. Д. 93. Л. 5] и т.д. Распространенным явлением были угрозы комсомольским активистам. Так, в Задонском районе крестьяне назы-

вали комсомольцев «грабителями, мерзавцами», угрожали «смыть с лица земли всю ячейку» [7. Д. 976. Л. 13].

Антагонизм между комсомолом и крестьянством только усиливали участвующие в колLECTивизации городские члены союза. Для многих молодых рабочих крестьяне представлялись реакционным консервативным классом, который необходимо радикально переделать. К тому же молодые рабочие приезжали в деревню, зачастую плохо разбираясь в сельском хозяйстве, после до предела формализованных курсов.

Психологическое состояние молодых рабочих, направленных на усиление сил «колLECTивизаторов» деревни, ярко передает письмо письме комсомолки Нелли Бурашковой: «Трудно работать, когда не знаешь крестьянскую обстановку. Мне дали литературу из Козлова, но она мне ни черта не дает. Я тут осаблилась. Иногда на собрании так осерчаешь, что готова встать и наступать всем по шеям. Тут такая скука, глухая деревушка» [22. Д. 315. Л. 84]. Для многих молодых рабочих крестьяне представлялись реакционным консервативным классом, который необходимо радикально переделать.

В свою очередь, даже отношение местных комсомольцев к приезжим 25-тысячникам нередко было негативным. В Сырдарыинском округе местные комсомольцы открыто выступили против московских 25-тысячников [6. Д. 66. Л. 154]. В Вяземском округе члены союза рассуждали: «Рабочие взяли власть в свои руки и живут хорошо, мало этого, на заводе деньги получают, так теперь и в колхоз пошли жалование получать не работая, руководить-то каждый может». Широкое распространение «зависти» к более обеспеченным рабочим выражалось в высказываниях молодых комсомольцев Глиневского района: «Вот посмотришь, как живет рабочий города, и на себя посмотришь, на свои лапти, так и подумаешь, как не было у крестьянина ничего, так и не будет, а рабочий в пальто еще говорит: иди в колхозы» [7. Д. 976. Л. 73]. Для крестьян было характерно восприятие рабочих как привилегированного слоя неких новых «баринов». Было зафиксировано множество случаев, когда 25-тысячники становились объектами террора [22. Д. 316. Л. 286].

Трудности работы в деревне приводили к тому, что в Пензенском округе из 150 посланных в деревню комсомольцев 10 человек сбежали. Уполномоченные объясняли это «позорное» явление тем, что ребята были нетвердые, слабые, испугались трудных условий работы. Сыграли свою роль завышенные требования на местах, когда работники сельских советов встречали комсомольцев со словами: «Ага, ты из Пензы, мы ждем от тебя что-то сверхъестественное» [6. Д. 64. Л. 208]. В Мордовской области наблюдались многочисленные случаи отказов комсомольцев-рабочих ехать в деревню. Мотивы подобного поведения объяснялись просто: «Во-первых моя поездка в деревню необязательна, во-вторых никак не могу договориться с организацией, иначе меня вышибут отсюда» [Там же].

Даже руководящие работники не всегда могли выдержать работу по колLECTивизации. В Курском округе убежал с работы даже секретарь райкома комсомо-

ла. Секретарь Медведенского райкома ВЛКСМ Арефьев, узнав о сплошной коллективизации, подал заявление об освобождении от должности. В том же округе член окружкома Авдеев совершенно отказался от работы по посевной кампании. В Обонянском районе дезертировали два бригадира, посланные окружкомом [7. Д. 976. Л. 8]. Таким образом, неприятие насилиственной политики партии в деревне было характерно и для определенного слоя комсомольских работников среднего звена.

В связи с эскалацией административного произошла и откровенного насилия в процессе коллективизации, ситуация в деревне быстро накалялась. Если в январе 1930 г. число участников организованных массовых выступлений было 214 196, то в феврале уже 1 434 588 человек [23. С. 171].

Комсомольцы в то время воспринимались крестьянством как часть государственной репрессивной машины, поэтому они наряду с партийцами стали объектами нападений крестьян. В Майкопском округе в селах Великое и Вечное крестьяне на собраниях требовали разоружения партийцев и комсомольцев. Позже в этих же селах несколько членов союза были избиты за агитацию по хлебозаготовкам [13. С. 545]. 13 марта 1930 г. в Самарском округе в селе Дергачах в результате попытки комсомольцев снять колокола в церкви произошло крестьянское выступление. Возмущенные жители избили активистов и попытались сбросить одного из комсомольцев в колодец [Там же. С. 311]. В Шепетовском округе в Судиловском районе в ходе массового выступления комсомолец был загнан в реку, где утонул [18. С. 221].

Власть была крайне озабочена взрывоопасной ситуацией в деревне. На местах обучали коммунистов и комсомольцев владеть оружием. В создаваемые вооруженные отряды поголовно зачислялись члены и кандидаты в партию, а комсомольцев полагалось брать только добровольно. Но зачастую, как в годы Гражданской войны, в вооруженные отряды мобилизовывали всех или большинство комсомольцев.

В разгар крестьянских волнений комсомольские активисты были вовлечены в вооруженное противостояние с крестьянством. Факты участия комсомольцев в столкновениях с восставшими встречаются по всей стране. В местечке Алешки Херсонского округа комсомольцы стреляли по крестьянам из пулемета [13. С. 583]. В селе Буденном Белгородского округа при подавлении крестьянского восстания комсомолец застрелил крестьянина, напавшего с топором на местный актив [Там же. С. 265]. Согласно документальным свидетельствам в январе – феврале 1930 г. крестьянские выступления в Северо-Кавказском kraе

подавлялись отрядами ОГПУ и вооруженными членами партии и комсомола [13. С. 292].

К подавлению крестьянских волнений привлекался комсомольский состав военных училищ. Так, 1 февраля 1930 г. во время крестьянского выступления в село Репьевку (Острогожский округ) вошел партийно-комсомольский отряд из состава полковой школы и младшего комсостава в количестве 50 человек, с тремя пулеметами. В ходе столкновений с толпой крестьян курсанты применяли оружие, в результате чего 2 человека были убиты и 2 ранены [Там же. С. 265]. Участие комсомольцев в вооруженных подавлениях крестьянских волнений являлось кульминацией противостояния активистов молодежного союза и крестьянских масс.

Впрочем, члены союза применяли оружие только в крайних случаях. Как правило, комсомольцы пытались уговорами успокоить население. Так, в Средневолжском kraе во время крестьянских волнений в селе Черкасское комсомольцы вились в толпу и своей агитацией успокоили население [Там же. С. 92].

В ЦЧО большинство крестьянских выступлений (в Бобровском, Березовском, Козловском, Лысковском районах) проходили под лозунгами: «Долой колхозы; Да здравствует Советская власть!» [6. Д. 66. Л. 146]. Значительная часть лозунгов носила яркий антикомсомольский характер: «Против комсомольцев, пионеров!» [13. С. 277]. Причинами выступлений чаще всего являлись коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовки и антирелигиозная работа.

Таким образом, противостояние комсомольцев и крестьян стало одной из неотъемлемых черт ситуации, сложившейся к весне 1930 г. Недовольные политикой коллективизации крестьяне открыто направляли свою агрессию против коммунистического союза молодежи. Революционное нетерпение молодых активистов проявлялось в вере в возможность быстрого насилиственного создания нового общества в условиях крестьянской страны. Комсомол выступал против стихийно формирующегося общекрестьянского фронта, стремясь к тому же отомстить за пострадавших товарищес. Руководство партийных и государственных органов на местах сознательно разжигало не только противостояние между крестьянством и комсомолом, но и внутрисоюзную борьбу с «уклонами». Учитывая склонность молодежи к экстремистским действиям, от комсомольцев можно было ожидать резкой эскалации конфликта. В сложившихся условиях только беспрекословная подчиненность комсомола партии (при условии изменения курса внутри самой партии) могла сработать на умиротворение «молодежного авангарда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А.Н. Партийное руководство комсомолом в период подготовки и проведения коллективизации. М. : Высш. шк., 1982. 104 с.
2. Соболева А.Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920–1930-гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 184 с.
3. Никулин Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации (1929–1930 гг.). На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 229 с.
4. Митина Е.А. Государственная молодежная политика в деревне юга Дальневосточного края периода коллективизации (1927–1937 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2008. 244 с.
5. Андриец У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 250–260. URL: http://www.riatr.ru/2016_1.html.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 3.

7. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 23.
8. Батальоны комсомольцев – на семенном фронте // Комсомольская правда. 1930. 16 февр.
9. Курс лекций по истории ВЛКСМ. М. : Изд-во Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, 1976. Т. 1. 375 с.
10. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 379. Оп. 1.
11. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 2.
12. Комсомольская правда. 1930. 5 марта.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.
14. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 33.
15. Ивницкий А.Н. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. : Интерфакс, 1994. 272 с.
16. Алексеев В.А. Участие комсомольской организации ЦЧО в подготовке и проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства (1928–1932) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 22 с.
17. Кузнецова А.М. Комсомол – помощник партии в борьбе за подготовку проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства на Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971. 22 с.
18. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 3. Кн. 1. 864 с
19. Алексеев В.А. Общественно-политическая работа комсомольской организации ЦЧО в деревне в период «великого перелома» // НЭП: экономика, политика. Идеология. Тамбов, 1991. С. 51–54.
20. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М. : Наука, 1972. 360 с.
21. ГАСПИТО. Ф. П – 1214. Оп. 1.
22. ГАСПИТО. Ф. П – 855. Оп. 1.
23. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 февраля 2018 г.

THE APOTHEOSIS OF THE COLLECTIVIZATION CAMPAIGN: THE ROLE OF KOMSOMOL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 64–69.

DOI: 10.17223/15617793/433/8

Vladimir A. Ippolitov, Tambov Regional Public Budgetary Professional Educational Institution the “Instrument-making college” (Tambov, Russian Federation). E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

Anatoly A. Slezin, Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: slezins@mail.ru

Keywords: peasantry; collectivization; Komsomol; violence; protests; moods.

The authors have studied the role of Komsomol in the agricultural reforms during the late 1920s and early 1930s, when the highest rates of collectivization were registered. The source basis of the research includes the documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of Socio-Political History of Tambov Oblast. The majority of the sources are introduced into scientific use for the first time. Komsomol is viewed as a sociocultural phenomenon. The comparison of the documents from different hierarchical levels, from the Central Committee to the primary organization, allowed the authors to impartially analyze Komsomol activities, and identify forms and methods used by Komsomol organizations to stimulate young people's economic and mass work in the countryside in the midst of the collectivization campaign. It is shown that in the period of explosive collectivization campaign Komsomol members became chief Party assistants on economic and administrative issues. The special role of Komsomol members in the establishment of collective farms is testified by the fact that many collective farms were named after the Young Communist League. Komsomol members were responsive to the dispossession doctrine, in many ways this fact is explained by a high percentage of poor peasantry among the Union. Young people tended to perceive the reality “in black and white”; they believed that, after having eliminated the enemies, they can easily build a “glorious future”. Establishing collective farms, some Komsomol members used threats, violence and provocations, that is why peasants started to see them as conductors of a hateful policy. Peasants had to respond to violence: murders, anonymous letters with threats and assaults against Komsomol members were frequent enough. At the same time the documents testify that a considerable number of Komsomol members tended to avoid the immediate struggle with the “class enemy”. The neglect of the Party's and Komsomol committees' resolutions and anti-collectivization agitation prove mass resistance of Komsomol members against the state policy. This leads to a conclusion that Komsomol was not an integrated organization. The Party had to perceive the Young Communist League not only as a subject, but also as an object of the collectivization campaign. Young countrymen, who were not collective farm members and Komsomol members, who manifested sympathy to the dispossessed, were immediately excluded from the Union. According to the Regulations, any Komsomol member was to struggle against any kind of deviations from the Party's “general line”. If previous studies contained many examples of how Komsomol fulfilled the organizational and economic function in the period of collectivization, this study proves that Komsomol was endowed with security and repressive functions. Confrontation of Komsomol members and peasants became one of the integral features of the situation developed by the spring of 1930. According to the authors, considering young people's tendency for extremist actions, sharp escalation of the conflict on the part of Komsomol members was quite probable.

REFERENCES

1. Novikov, A.N. (1982) *Partiynoe rukovodstvo komsomolom v period podgotovki i provedeniya kollektivizatsii* [Party leadership of Komsomol in the period of collectivization preparation and conduct]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Soboleva, A.N. (2014) *Uchastie molodezhi BMASSR v modernizatsionnykh protsessakh 1920–1930-yy gg.* [Participation of young people of the BMASSR in the modernization processes of the 1920s–1930s]. Ulan-Ude: Izd-vo BSC SB RAS.
3. Nikulin, R.L. (2003) *Sotsial'no-politicheskie aspekty deyatel'nosti komsomola na nachal'nom etape sploshnoy kollektivizatsii (1929–1930 gg. Na materialakh Tambovskogo i Kozlovskogo okrugov TsChO)* [Socio-political aspects of the activity of Komsomol at the initial stage of complete collectivization (1929–1930, on the materials of the Tambov and Kozlovsky districts of the Central Chernozem Region)]. History Cand. Dis. Tambov.
4. Mitina, E.A. (2008) *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v derevne yuga Dal'nevostochnogo kraya perioda kollektivizatsii (1927–1937 gg.)* [State youth policy in the village of the south of the Far East in the period of collectivization (1927–1937)]. History Cand. Dis. Khabarovsk.
5. Andriets, U.M. (2016) Komsomol'skie organizatsii kak politicheskiy resurs v kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva Dal'nego Vostoka [Komsomol organizations as a political resource in the collectivization of agriculture in the Far East]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 250–260. [Online] Available from: http://www.riatr.ru/2016_1.html.
6. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 3. (In Russian).

7. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 23. (In Russian).
8. Komsomol'skaya pravda. (1930) Batal'ony komsomol'tsev – na semennoy front [Battalions of Komsomol members to the seed front]. *Komsomol'skaya pravda*. 16 February.
9. Higher Komsomol School. (1976) *Kurs lektsiy po istorii VLKSM* [A course of lectures on the history of Komsomol]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Vyshey komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM.
10. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 379. List 1. (In Russian).
11. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 2. (In Russian).
12. *Komsomol'skaya pravda*. (1930) 5 March.
13. Danilov, V., Manning, R. & Violy, L. (eds) (2000) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
14. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 33. (In Russian).
15. Ivnitskiy, A.N. (1994) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and dekulakization (early 1930s)]. Moscow: Interfaks.
16. Alekseev, V.A. (1969) *Uchastie komsomol'skoy organizatsii TsChO v podgotovke i provedenii sploshnoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva (1928–1932)* [Participation of the Komsomol organization of the Central Chernozem Region in the preparation and conduct of the continuous collectivization of agriculture (1928–1932)]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
17. Kuznetsova, A.M. (1971) *Komsomol – pomoshchnik partii v bor'be za podgotovku provedenie sploshnoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva na Urale* [Komsomol: the party's assistant in the struggle for the preparation of continuous collectivization of agriculture in the Urals]. Abstract of History Cand. Dis. Voronezh.
18. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2001) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD: dokumenty i materialy* [The Soviet village through the eyes of the VChK-OGPU-NKVD: documents and materials]. Vol. 3. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
19. Alekseev, V.A. (1991) *Obshchestvenno-politicheskaya rabota komsomol'skoy organizatsii TsChO v derevne v period "velikogo pereloma"* [Socio-political work of the Komsomol organization of the Central Chernozem Region in the village during the “great change”]. In: Esikov, S.A. (ed.) *NEP: ekonomika, politika. Ideologiya* [NEP: economy, politics. Ideology]. Tambov: TIKhM.
20. Ivnitskiy, N.A. (1972) *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa (1929–1932 gg.)* [Class struggle in the village, and the elimination of the kulaks as a class (1929–1932)]. Moscow: Nauka.
21. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 1214. List 1. (In Russian).
22. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 855. List 1. (In Russian).
23. Viola, L. (2010) *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 15 February 2018

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОГО ДЕЛА ГРАЖДАНИНА, ВОЗБУДИВШЕГО ХОДАТАЙСТВО О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ, ЛИШЕННЫХ ЗА ЗАНЯТИЕ ТОРГОВЛЕЙ

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

Дана характеристика автобиографии в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, которых он был лишен за занятие торговлей, – как базовому и системообразующему элементу не только в материалах дела, но и в процессе восстановления. Поскольку структура и содержание делопроизводственных автобиографий предопределены административными процедурами, в рамках которых они создавались, анализируются специфические черты автобиографий бывших торговцев.

Ключевые слова: Урал; нэп; избирательное право; ограничение избирательных прав; личное дело; автобиография; биографические данные; делопроизводственная автобиография; торговля; делопроизводство.

После октября 1917 г. задачи экономических преобразований были подчинены более значимым целям – удержанию власти, социальному переустройству старого и формированию нового общества. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики являлось внесудебное ограничение в гражданских правах значительной части населения. «Диалектически» сочетая идеологический догматизм и pragmatism в оперативном управлении, большевики, с одной стороны, декларировали демократические принципы, а с другой – подвергали дискриминации значительную часть населения. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» не срабатывал в полной мере, так как, помимо «бывших», ряды маргиналов пополнили новые «неполноправные свободные». Механизм внесудебного лишения избирательных прав (1918–1936 гг.) позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных». Среди представителей последних были как эксплуатировавшие чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, т.е. дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания, поскольку частная торговля в 1921–1931 гг. являлась легальным занятием. Приоритет в изучении этой проблематики в 1990-е гг. принадлежит региональным историкам. Наиболее детальный анализ этой социальной группы на материалах Урала и Сибири был проведен в работах таких исследователей, как Т.И. Славко [1], С.В. Шейхетов [2], Е.В. Демчик [3], что позволило в 2000-е гг. выйти на новый уровень изучения темы, обобщить собранный материал, найти точки соприкосновения отечественной и зарубежной историографии [4].

Процесс лишения избирательных прав регламентировался нормами Конституции РСФСР и инструкциями о выборах в советы [5]. Право избирать и быть избранным частные торговцы утрачивали в силу статьи 69 Конституции РСФСР, а также ряда статей «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов». В частности, на основании ст. 14 п. «б» («лиц, живших или живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся и

занимающих ныне торговлей») и ст. 15 «в» («земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скопкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники-прасолы); «з» (частные торговцы и перекупщики); «г» (предоставляющие товарный или денежный кредит на кабальных условиях); «и» (частные торговые и коммерческие посредники); «п» (члены семей лиц, лишенных избирательных прав <...> в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от лиц, лишенных избирательных прав, и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд)» [6].

Справка финансового отдела о выборке патента на занятие торговлей давала основание для членов избирательных комиссий исключать гражданина из списка избирателей. Отметим внесудебный, административный порядок лишения избирательных прав граждан, что само по себе является нарушением принципа разделения властей, вступает в противоречие с основами правового государства и создает почву для административного произвола. Так, в сельской местности включение человека в список лишенных избирательных прав и, соответственно, исключение из списка избирателей могло производиться на бездокументной основе, когда со слов односельчан или представителей сельсовета человек объявлялся «торговцем» или «кулаком».

При оценке качества юридических процедур необходимо учитывать специфику советского нормотворчества, эффективность правоприменительной практики, а также уровень правосознания населения (рядовых граждан, законодателей и правоприменителей). Была распространена вольная трактовка правовых норм, либо расширительная (в духе революционной законности), либо, в силу низкого уровня образования, вульгарная, допускающая специфическое их прочтение, что приводило к правовым коллизиям. Трагикомичной выглядит ситуация с лишением права голоса глухонемых граждан. В информационной сводке Объединенного государственного политического управления о политическом и экономическом состоянии Ишимского округа Уральской области за октябрь 1924 г. сообщалось: «Необходимо отметить некоторые ненормальности в отношении права лише-

ния голоса и неправильное отстранение, как это случилось в селе Актобан данного [Петуховского. – А.К.] района. Например, лишины права голоса три глухонемых и последних обложили налогом в виде штрафа, накладываемого на всех лишенных права голоса, в сумме 3 руб. 33 коп. [за лишение права быть сельским исполнителем брался дополнительный налог в размере 10 руб., по всей видимости, сумму разбили на троих. – А.К.]. Данный факт кулачество использовало, и ведет агитацию, говоря, что Советская власть не дает никаких прав глухонемым и т.д. (агентурный материал)» [7. Оп. 4. Д. 71. Л. 213].

Расширительное толкование норм права проявлялось и в том, что невозможность участия в выборах в советы была лишь самой незначительной, символической частью тех ограничений, которые накладывались на лишенцев. Наиболее существенными являлись следующие: дискриминация при приеме на работу, при оказании медицинских и образовательных услуг (отказ в их предоставлении); дополнительное налогообложение; отказ в доступе к распределению нормированных продуктов питания и товаров первой необходимости; выселение из муниципальных квартир; ограничения при призывае в армию (лишенцы могли служить только в тыловом ополчении); отказ при приеме в профсоюз (в случае сокращения штатов не члены профсоюза увольнялись в первую очередь). Эти ограничения позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах»¹ как об определенной сословно-классовой группе [8. С. 9].

Включение в списки «лишенцев» происходило оперативно, напротив, процесс восстановления был длителен и сложен. Необходимо было пройти административную процедуру и выполнять целый ряд условий, среди которых был своего рода «карантин», т.е. пятилетний стаж общественно полезного труда после прекращения торговли. Восстановление в избирательных правах напоминало судебную процедуру, пусть и осуществляющую в заочной форме, в рамках которой человек должен был доказать, что лишен избирательных прав незаконно или, если лишение было правомерным, обосновать возможность своего восстановления (доказать лояльность советской власти, подтвердить пятилетний трудовой стаж и т.п.). Можно утверждать, что доминировала презумпция виновности человека. Гражданин был вынужден самостоятельно доказывать свою невиновность. Отправной точкой на этом пути было заявление «лишенца» о восстановлении в правах.

Личные дела «лишенцев» явились основным историческим источником в нашей работе. «В делопроизводстве большую группу с множеством разновидностей составляют документы по личному составу, некоторые из них фактически близки к категории учетных материалов. Эти источники, как правило, сосредоточены в личных делах сотрудников. Кроме личных дел, отражающих прохождение службы и относящихся к кадровой структуре организации, имеются документальные массивы той же разновидности, но созданные для реализации специальных управлеченческих задач» [9. С. 51–52]. В том числе к ним относятся и дела лишенных избирательных прав. По мнению

Ю.А. Русиной, «при всем разнообразии состава документов в этих источниках они характеризуются тем, что социально-демографические сведения о конкретном лице идентичны сведениям в стандартных личных делах» [9. С. 52]. Вопреки этому утверждению, в нашу задачу входит рассмотрение специфических черт и особенностей составления автобиографий, находящихся в личном деле гражданина, лишенного избирательных прав за занятие торговлей. Эта исследовательская задача предполагает проведение источниковедческого исследования делопроизводственных автобиографий «лишенцев».

В своем исследовании мы опирались на информационный массив личных дел «лишенцев», находящихся на хранении в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в составе фонда облисполкома. Мы изучали личные дела граждан, которые уже прошли районный и окружной уровень и чьи заявления были на рассмотрении избирательных комиссий Уральской (1923–1934 гг.) и Свердловской (1933–1936 г.) областей [10. Оп. 6, 7, 8]. Опись фонда является неполной, так как в заголовке единицы хранения указаны только фамилия, имя и отчество человека. Но, как показывает практика, встречаются ошибки в их написании (неточно указана фамилия, изменен пол). В описи отсутствуют даты формирования и окончания дела, не указано количество листов и нет упоминания статьи, на основе которой человек был лишен избирательных прав. В силу этих обстоятельств выявление личных дел «лишенцев», относящихся к определенной социальной группе, затруднено. Это возможно лишь путем сплошной выборки, на которую, по моим сведениям, еще никто не отважился. По алфавиту нами были заказаны около 800 дел, на основе 179 дел были составлены формализованные анкеты [11]. Параллельно выявление личных дел осуществлялось с использованием перекрестных данных. В фондах Екатеринбургского губернского суда (1921–1924 гг.) [12], Свердловского областного суда [13] хранятся судебно-следственные (ряд авторов использует формулировку архивно-следственные) дела, в которых в качестве свидетелей или обвиняемых упоминались частные предприниматели и, соответственно, эти фамилии сопоставлялись с описью личных дел «лишенцев». Это дало еще 98 единиц. Еще один прием не строгой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел), среди которых были обнаружены дела бывших торговцев.

Всего было проанализировано 287 личных дел «лишенцев», из которых подавляющее большинство – торговцы. Ряд дел содержат лишь выписку из протокола заседания Малого бюро облисполкома или справку о передаче дела во ВЦИК. Другие дела, напротив, включают в себя широкий набор документов, порой дублирующих друг друга. Дополнительную информацию о гражданине можно было получить при изучении материалов личных дел его родственников, находившихся на его иждивении и по этой причине лишенных права голоса, которые также ходатайствовали о восстановлении.

Личное дело гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении его в избирательных правах, –

ценный исторический источник, который постоянно привлекает внимание исследователей. Так, работа Е.В. Байды [14] была написана на уральском материале, а коллективная монография В.И. Тихонова, В.С. Тяжельникова и И.Ф. Юшина – на данных по городу Москва [15]. На основе этого источникового массива было защищено большое количество докторских диссертаций, в которых содержится более или менее подробный источниковедческий анализ личного дела. Такие авторы, как Д.В. Валуев [16], Н.М. Морозова [17], М.С. Саламатова [18], В.И. Тихонов [19], по-разному подходят к описанию структуры источника, предлагают собственные принципы классификации документов, входящих в личное дело, с различных позиций оценивают степень их полноты и достоверности. Особый интерес вызывает диссертационное исследование Е.В. Карпышевой [20], так как автор сосредоточил свое внимание на источниковедческом анализе личного дела. Отдельный параграф работы посвящен анализу заявления гражданина и оценке его информационного потенциала [20. С. 99–101]. Е.В. Карпышева не ставила перед собой цель рассмотреть автобиографические данные в качестве самостоятельного объекта исследования, но в работе подняты проблемы достоверности и полноты содержащейся в них информации. Отметим, что, говоря о достоверности источника, автор рассматривает как проблему достоверность сведений, содержащихся в документах, так и вопрос подлинности самих документов.

Предполагалось, что личное дело гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, должно включать в себя комплекс документов, который, с точки зрения членов избирательной комиссии, был необходим и достаточен для вынесения решения.

Дело сформировано в обратной хронологической последовательности и в нем, на листе под номером один, как правило, расположено решение высшей инстанции, содержащее окончательное заключение о восстановлении или отказ в восстановлении. Помимо этого итогового документа в деле содержатся выписки из протоколов избирательных комиссий низшего звена, справки о пересылке дела во ВЦИК, запросы в различные организации с просьбой предоставить необходимые сведения. В деле находится заявление гражданина, а затем следуют документы, подтверждающие или опровергающие изложенные им факты. Это могли быть справки с места работы, учебы или службы в армии, сведения о трудовом стаже, заборные книжки, выписки из послужных списков, справки сельсоветов об имущественном положении и т.п.

В случае отсутствия у гражданина официальных документов, он самостоятельно собирал свидетельские показания односельчан или коллег по работе, тех, с кем служил вместе в армии. Крестьяне, например, оформляли эти данные в виде протоколов сельских сходов. В деле содержатся материалы финансовых органов, в частности, справки о периоде использования патента на занятие торговлей. Финотделы предоставляли также справки о том, что в настоящий момент на имя гражданина патент не выбран и за ним не числятся долги по налогам. Порой в деле содер-

жатся оригиналы патентов на занятие торговлей или ремесленным промыслом, справки об уплате сельхозналога. В отдельную группу можно выделить документы медицинских учреждений: справки о здоровье, медицинские освидетельствования, справки об инвалидности и т.п.

На основе происхождения и по тематическому признаку весь комплекс документов, содержащийся в личном деле, можно подразделить на несколько групп: 1) заявление (жалоба, прошение, обращение) гражданина; 2) сопроводительные документы, собранные и предоставленные самим заявителем, призванные подтвердить изложенные в заявлении факты; 3) материалы избирательной комиссии (решения, выписки из протоколов, запросы в сторонние организации, анкеты); 4) документы сторонних организаций, собранные по инициативе избирательной комиссии (характеристики и рекомендации, финансово-хозяйственные документы, медицинские справки и акты освидетельствования пациента, материалы кадрового делопроизводства, копии записей актов гражданского состояния).

Особый интерес представляют заявления граждан, которые инициировали процедуру восстановления. Порой заявлений в деле было несколько, так как в случае отказа на нижестоящем уровне, при обращении в вышестоящую комиссию писалось новое заявление. Заявление является наиболее информативным и эмоционально окрашенным документом в составе личного дела, содержит прямую речь автора. В этом документе, помимо просьбы о восстановлении, содержатся биографические данные, обоснование своей позиции, указание на материалы, которые прилагаются к заявлению.

Заявление, содержащееся в личном деле «лишенца», является отправной точкой в процессе восстановления, инициированного самим гражданином. Документ мог иметь различные заголовки (заявление, жалоба, обращение), что существенным образом не влияло на его содержание. Структура документа лишь отчасти поддается формализации в связи с тем, что заявление писалось в свободной форме. В нем содержится апелляция к нормам права (Инструкция о выборах, Конституция, иные нормативно-правовые акты). В структуре личного дела это наиболее информативный и развернутый текст, который мог включать в себя различные фрагменты, относящиеся к иным видам документов. Как правило, заявление содержит ссылки на материалы, подтверждающие изложенные факты или прямые цитаты из этих документов.

Заявление всегда отражает личность автора, специфику его стиля и манеры изложения; по сравнению с другими делопроизводственными документами, оно максимально персонифицировано. Анализ заявлений позволяет сделать вывод об использовании широкого спектра авторских стилей и разнообразной эмоциональной палитры, так как автор апеллирует не только к разуму, но и эмоциям своего адресата.

Отметим, что автобиографии в личных делах встречаются крайне редко. Как правило, автобиографические сведения включены в состав заявлений и жалоб гражданина. Всего нами было выявлено десять

автобиографий. Они представляют собой отдельные документы с соответствующим заголовком. Таким образом, содержащиеся в личном деле «лишенца» биографические данные, источником происхождения которых является сам заявитель, можно разделить на две группы. Первая, наиболее многочисленная, – это заявление или жалоба, включающая в себя биографические сведения, вторая, – малочисленная – автобиография в виде отдельного документа, снабженного соответствующим заголовком.

Автобиография – это отдельный документ, представленный в виде развернутого текста, имеющий традиционную структуру и несколько линий повествования. В случае наличия в личном деле автобиографии на нее есть прямое указание в заявлении гражданина. Автобиография в качестве отдельного документа встречается редко и не является массовым источником. Биографические данные, напротив, включены в состав личного заявления, но могут содержаться и в иных документах. Эти сведения более отрывочны и не сбалансированы, они концентрируют внимание адресата на основной сюжетной линии «торговля – лишение избирательных прав». Биографические данные являются обязательным элементом дела, необходимым для вынесения окончательного решения членами избирательной комиссии, служат основным аргументом заявителя в пользу своей позиции, поэтому присутствуют во всех личных делах, которые можно считать «комплектными». В силу широкого распространения они могут быть отнесены к массовым источникам.

Как правило, включение автобиографических данных в текст заявления сопровождалось следующими фразами: «Прошу меня восстановить в избирательных правах, приняв во внимание следующие сведения о моей жизни...»; «Кого я из себя представляю, вкратце изложу свою биографию, подтверждаемую копиями документов при сем приложенных...»; «...Поэтому не содеянное, и не образ проведенный моей жизни не заслуживают, чтобы меня лишать прав избираться, в виду этого изложу свою биографию...».

В автобиографии «лишенца» отчетливо проступает цель ее создания и очевиден набор средств, которые использует автор для ее достижения. Целью написания автобиографии является восстановление в избирательных правах либо на основании, что лишение было незаконным (ошибочным, несправедливым), либо, в случае признания справедливости лишения, представив аргументы в пользу восстановления.

Существенное влияние на структуру документа оказала Инструкция о выборах в советы, в которой говорится о том, кто может, а кто не может быть лишен избирательных прав и каковы основания для восстановления в правах [6]. Эти факты находят свое отражение в автобиографии. Перечень тем задает и анкета «лишенца», которая порой встречается в личном деле. Специальных анкет, рассчитанных на бывших торговцев, в фондах ГАСО мы не встретили. Судя по заголовку, имеющиеся в делах анкеты первоначально предназначались для заполнения бывшими служащими полиции [10. Оп. 6. Д. 1393-а. Л. 11–12].

По всей видимости, тираж был рассчитан неверно и намного превосходил число бывших полицейских,

которые ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах, поэтому анкеты использовались для сбора информации о других категориях «лишенцев».

Проблема авторства автобиографий кажется простой и очевидной, однако это не так. Разумеется, в абсолютном большинстве авторами являлись граждане, которые инициировали процедуру восстановления в избирательных правах. Все автобиографии в виде самостоятельного документа написаны людьми с более высоким уровнем образования и всегда собственноручно. Ряд заявлений, содержащих биографические данные, явно были созданы коллективно или при активном участии третьих лиц. Об этом может свидетельствовать несоответствие почерка, которым написан текст заявления, и характера подписи. Указание в личном деле на низкий образовательный уровень или безграмотность может резко контрастировать с текстом заявления, которое написано грамотно, хорошим почерком и снятой системой аргументации, что косвенно свидетельствует о высоком уровне образования автора текста. Среди «соавторов» могли быть профессиональные помощники, знатоки процедур, которые привносили в заявление собственную систему аргументации, возможно, воспроизводили наиболее удачные шаблоны, на основании которых ранее уже выносились решения в пользу заявителя. В ряде случаев в текстах очевидно влияние родственников, заинтересованных в восстановлении прав главы семьи, поскольку лица, находящиеся на иждивении, также лишались избирательных прав.

Из текста заявления Александры Ивановны Килиной: «Что же касается указанного в справке нелегальной торговли, то действительно таковую продолжала, но лишь в ручной разностке (так в тексте. – А.К.), при обороте 200 руб. в год. При патенте же, годовой оборот не превышал 500 руб. и вот за лукошечную торговлю я лишена права избирательного голоса. В силу чего и лишена всех надежд к существованию, а поэтому полагаю, что учитывая мое бедное положение, старческую дряхлость, к тому же социальное положение, как ранее из рабочей семьи, надеюсь, восстановите меня в праве избирательного голоса <...> За неграмотную Килину, по ее личной просьбе расписуюсь (подпись)» [10. Оп. 6. Д. 3289. Л. 2].

В определенной степени «соавтором» заявителя являлся адресат, так как текст заявления и автобиография были призваны склонить на свою сторону членов избирательной комиссии. Как правило, адресат был персонифицирован только в ситуации, когда заявление направлялось во ВЦИК, тогда указывалось конкретное имя – Михаил Иванович Калинин. В абсолютном большинстве случаев конкретным адресатом являлась комиссия в целом. Мы не располагаем информацией о списочном составе избирательных комиссий и социальном облике ее членов. Однако инструкция о выборах определяла порядок комплектования комиссий, в том числе с использованием классового принципа. «В состав этих комиссий должны быть включены представители рабочих и крестьян, непосредственно связанных с производством или с сельским хозяйством, а также представители национальных меньшинств» [6]. Состав ко-

миссий предполагал «включение» таких механизмов принятия решений, как «революционная законность» и «классовое правосознание». В нашем распоряжении нет протоколов или стенограмм заседаний избирательных комиссий, в которых были бы отражены дискуссии относительно мотивов отказа или, напротив, удовлетворения просьбы о восстановлении, но рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что при вынесении решений члены комиссий ориентировались прежде всего на формальные основания. Это позволяет предположить, что решение принималось по бюрократической схеме, а основная роль отводилась аппарату.

Система построения автобиографии вполне традиционна и в своей основе содержит хронологический принцип. Однако, помимо этого, в тексте можно выделить три проблемных поля или сюжетных линии.

«Историческая линия» построена на описании наиболее значимых исторических событий или периодов: до октября 1917 г., в годы гражданской войны, в период нэпа и на стадии его свертывания. Эта периодизация копировала схему, заданную различными анкетами, которые содержатся в личных делах. Исторические события могли играть весьма существенную роль в жизнеописании конкретного человека, а могли игнорироваться, становились «прозрачными» и «невидимыми» для гражданина.

«Личностная» линия основана на описании жизненного пути заявителя и, собственно, является его биографией. В том или ином сочетании, в различных вариациях, с различной полнотой встречаются упоминания: о месте рождения, социальном происхождении, учебе, семейном положении, службе в армии (царской, белой, красной), плене, работе на предприятии, безработице, болезнях и инвалидности, о переезде в другую местность и т.п.

Наиболее детально описывается «сюжетная линия», в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер), а также факт лишения избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу периодизации положен факт торговли (до торговли, во время торговли и после ее окончания).

Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что «историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, приданье индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями [21. С. 188].

Авторы автобиографий для достижения своих целей могли использовать «оборонительную» или «наступательную» стратегию в отстаивании своей точки зрения. Абсолютное большинство автобиографий написаны с позиции покаяния, признания своей неправоты, ошибочности своего поведения. Торговлю сравнивали не только с «заразой», но и преступлением. Основная задача автора заключалась в том, чтобы показать незначительность факта торговли, ее кратко-временность на фоне продолжительного периода об-

щественно-полезной деятельности. Часть биографий, напротив, написана с осознанием своей правоты и даже значимости торгового посредничества в условиях новой экономической политики. Их авторы апеллируют к легальности этого вида деятельности и к его социально-значимой функции. Таким образом, автобиография рассматривается как средство реабилитации гражданина, что является темой для отдельного исследования.

Обращаясь к биографиям, которые содержатся в личных делах лишенцев, мы имеем дело, по определению Ю.П. Зарецкого, с «делопроизводственной биографией», которая формируется под воздействием внешних формальных требований, создается с конкретной целью (реализация определенных прав гражданина), что и предопределяет ее структуру и содержание [22]. С удовлетворением следует отметить, что внимание к делопроизводственным автобиографиям как историческому источнику в последние годы возросло. В качестве удачного примера приведем работу С.В. Волошиной и А.В. Литвинова, которые на основе анализа автобиографий, сформированных в системе кадрового делопроизводства, приходят к выводу о том, что это «с одной стороны, документ, в котором отражается жизненный путь автора и эпоха написания, с другой – это своеобразный инструмент контроля человека властью» [23].

На примере личных дел «лишенцев» мы более глубоко изучаем проблему делопроизводственных автобиографий как исторического источника. Появляется возможность проанализировать как общие черты, так и специфику этого документа по сравнению с иными автобиографиями. Показательно сравнение автобиографий «лишенцев» с теми, которые создаются как разновидность документа по личному составу в рамках кадрового делопроизводства или формируются в процессе следствия и судопроизводства, входят в состав судебно-следственных дел [24].

Критерии классификации делопроизводственных биографий предопределены административными процедурами (трудоустройство, формирование положительного образа в рамках судебно-следственного дела или дела по восстановлению в избирательных правах). Основанием для классификации автобиографий «лишенцев» может являться принадлежность к той или иной социальной группе, которая, в соответствии с избирательным законодательством, ограничивалась в правах в связи с тем, что советское законодательство связывало как лишение избирательных прав, так и их восстановление с различными обстоятельствами жизни гражданина.

Для делопроизводственных автобиографий характерны следующие общие черты: они формируются в рамках системы делопроизводства, отражающей конкретный управленческий процесс; составляются с четко определенной целью; имеют конкретного адресата; призваны создать положительный образ автора; относительно formalizованы, построены по хронологическому принципу; дополняются комплексом документов, призванных подтвердить факты, изложенные автором; как правило, являются массовым источником.

Автобиография в составе личного дела гражданина, лишенного избирательных прав за занятие торговлей, имеет следующие отличительные черты:

- может быть как самостоятельным документом, так и включенным в состав заявления;
- обязательно содержит факты, которые можно рассматривать как основание для восстановления в избирательных правах;
- не сбалансирована, так как в ней наиболее подробно отражены сюжеты, связанные с занятием торговлей и лишением избирательных прав;
- в ней присутствуют формы умолчания, часть биографических данных скрыта;
- содержит ссылки на нормативно-правовые акты;
- могла составляться с помощью третьего лица;
- присутствует эмоционально окрашенное изложение материала;
- содержит оценочные суждения;
- серия автобиографий, включенных в состав одного дела, позволяет провести сопоставление, проследить эволюцию системы аргументации, которую использует автор на разных этапах рассмотрения дела.

На основе анализа личных дел граждан, возбудивших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей, можно сделать следующие выводы относительно роли автобиографии в структуре личного дела. Автобиографические данные

являются системообразующими как для формирования дела, так и для самой процедуры восстановления в правах. Структура делопроизводственной автобиографии задана не только хронологией (присутствуют также историческая, биографическая и «торговая» сюжетные линии), но и нормативно-правовыми актами, регулирующими процедуры лишения и восстановления в избирательных правах. Адресат был известен, и содержание текста должно было в той или иной мере соответствовать его ожиданиям. Аргументация авторов строится как на рациональных (ссылка на нормативно-правовые акты), так и эмоциональных основаниях (апелляция к чувству справедливости, революционной сознательности, здравому смыслу). По косвенным данным можно сделать вывод о том, что членами избирательной комиссии решение принималось по формальным основаниям. Наличие автобиографии в виде отдельного документа, как правило, демонстрирует социальную зрелость автора, его более высокий образовательный уровень. Автобиографии в виде отдельного документа всегда писались самостоятельно, с более детальным изложением различных сюжетных линий. Отметим, что высокое качество автобиографического материала отнюдь не гарантировало благополучного исхода дела для заявителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем целесообразным помещать его в кавычки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): сб. документов / сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др.; отв. ред. Т.И. Славко, Екатеринбург : УрГУ, 1996. 265 с.
2. Шейхетов С.В. Нэпманы Сибири. // Сибирская заемка. Сибирь Советская. URL: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml> (дата обращения: 11.07.2017)
3. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул, 1998. 240 с.
4. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 456 с.
5. Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е гг.: анализ инструкций о выборах в советы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. статей участников научной конференции «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 95–105.
6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета № 577 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. № 75 от 26.11.1926 г. Отдел первый. С. 885–895.
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Фонд № 4 «Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза».
8. Фишнаторик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванчество в России XX века / [пер. с англ. Л.Ю. Патиной]. М. : РОССПЭН, 2011. 375 с.
9. Русина Ю.А. Источникование новейшей истории России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд № 88-Р «Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».
11. Килин А.П. База данных по теме «Личное дело лишенного избирательных прав за занятие торговлей» // Документ. Архив. История. Современность : сб. матер. Региональной науч.-практич. конф. Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 157–161.
12. ГАСО. Фонд № 138-Р «Екатеринбургский губернский суд (1921–1924 гг.)».
13. ГАСО. Фонд № 148-Р «Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР» Оп. 1 (1921–1934 гг.).
14. Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 86–95.
15. Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998. 256 с.
16. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2003. 275 с.
17. Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 : Саранск, 2005. 233 с.
18. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг. : на матер. Западной Сибири : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2002. 292 с.
19. Тихонов В.И. Личные дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах в 1920–1930 гг., как исторический источник : Опыт компьютерного моделирования комплекса массовых материалов : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1996. 22 с.
20. Карпичева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование : 1918–1936 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009. 295 с.

21. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М. : ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170–220.
22. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся. 26.02.2014 / научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 11.07.2017).
23. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54.
24. Килин А.П. Автобиография в структуре судебно-следственных дел Уральского областного суда (1923–1934 гг.) // Тезисы межд. конф. «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики». М., 01–02.06.2016 гг. М. : ГУ–ВШЭ, 2016. С. 52–54.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2017 г.

AUTOBIOGRAPHICAL DATA IN THE PERSONAL RECORD OF A CITIZEN WHO HAS APPLIED FOR THE RESTORATION OF ELECTORAL RIGHTS DEPRIVED FOR TRADING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 70–77.

DOI: 10.17223/15617793/433/9

Alexey P. Kilin, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Alexey.kilin@urfu.ru

Keywords: Ural; New Economic Policy; electoral right; restriction of electoral rights; personal record; autobiography; biographic data; records; records management autobiography; trade; records management.

The aim of the article is to scrutinise autobiography as part of a ‘lishenets’ [a disenfranchised person] personal record, to identify its specific traits typical of such kind of records management autobiographies. The sources for the research are personal records of citizens who appealed for electoral rights reinstatement after being deprived of such for trading reasons, and legal documents specifying the revocation and reinstatement of electoral rights. Unpublished materials of the Regional Election Commission of Sverdlovsk Regional Executive Committee are stored in Sverdlovsk Oblast State Archive. By using methods of source analysis, the author determines the place and role of autobiography in a ‘lishenets’ personal record. The author draws a conclusion that a citizen’s appeal containing autobiographic details can be attributed to mass sources, while autobiographies as a separate document are not mass documents. The structure and the content of record management autobiographies were predisposed by administrative procedures under which they were created. The structure was determined not only by chronology (historical, biographic or plot lines), but also by legal acts regulating the process of reinstatement. The content of the text was oriented onto the members of the Election Commission and as such had to coordinate with their expectations and class orientation. Applicants’ argumentation of life events was based on both rational and emotional bases (appeal to the sense of justice, revolutionary consciousness and common sense). The following conclusion related to the specification of autobiographies of former merchants can be drawn based on the analysis of the texts. The defining characteristics are: autobiography could be both a separate document and part of an appeal document; it always contained facts that were viewed as the basis for electoral rights reinstatement; it was not balanced as it showed in detail the aspects of life connected with trade and revocation of electoral rights; omissions and partial disclosures were present in the texts; biographies contained links to legal acts and facts supporting the truthfulness of the information presented by the applicant; at times it is evident that the texts had ‘co-authors’ as they could have been written by a third party; autobiographies are written in an emotionally coloured style as sometimes they contained very judgemental statements, which is not typical of records management. Investigating into the meaning of autobiographies in the process of electoral rights reinstatement, the author draws a conclusion that these documents were the core elements both for the formation of a ‘lishenets’ personal record and for the reinstatement procedure itself.

REFERENCES

1. Slavko, T.I. (ed.) (1996) *Sotsial’nyy portret lishentsa (na materialakh Urala): sb. dokumentov* [A social portrait of a lishenets (on the materials of the Urals): documents]. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Sheykheto, S.V. (n.d.) *Nepmany Sibiri* [The NEPMen of Siberia]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml>. (Accessed: 11.07.2017)
3. Demchik, E.V. (1998) *Chastnyy kapital v gorodakh Sibiri v 1920-e gody* [Private capital in the cities of Siberia in the 1920s]. Barnaul: Altai State University.
4. Krasil’nikov, S.A. (ed.) (2007) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir’ (1920–1930-e gody)* [Marginals in the society. Marginals as a society. Siberia (1920s–1930s)]. 2nd ed. Novosibirsk: ID “Sova”.
5. Kilin, A.P. (1997) Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratel’nykh prav v 1920-e gg.: analiz instruktsiy o vyborakh v sovety [Categories of citizens deprived of their voting rights in the 1920s: an analysis of instructions on elections to soviets]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressii na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repression in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980)]. Nizhniy Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.
6. All-Russia Central Executive Committee. (1926) Dekret Vserossiyskogo Tsentral’nogo Ispolnitel’nogo Komiteta № 577 [Decree of the All-Russia Central Executive Committee No. 577]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy raboche-krest’janskogo pravitel’stva RSFSR, izdavaemoe Narodnym Komissariatom Yustitsii*. 75. 26 November 1926. Part 1. pp. 885–895.
7. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). Fund 4 “Sverdlovskiy oblastnoy komitet Kommunisticheskoy partiis Sovetskogo Soyuza” [Sverdlovsk Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union].
8. Fitzpatrick, Sh. (2011) *Sryvayte maski!: Identichnost’ i samozvanchestvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Translated from English by L.Yu. Patina. Moscow: ROSSPEN.
9. Rusina, Yu.A. (2015) *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii* [Source study of the newest history of Russia]. Ekaterinburg: Ural State University.
10. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 88-R. “Ural’skiy oblastnoy ispolnitel’nyy komitet sovetov rabochikh, krest’janskikh i krasnoarmeyskikh deputatov” [Ural Regional Executive Committee of Soviets of Workers’, Peasants’ and Red Army’s Deputies].
11. Kilin, A.P. (2000) [Database on the topic “Personal record of a person deprived of voting rights for trading”]. *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost’* [Document. Archive. History. Modernity]. Proceedings of the Regional Conference. Ekaterinburg. 20–22 April 2000. Pt. 1. Ekaterinburg: [s.n.], pp. 157–161. (In Russian).
12. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 138-R. “Ekaterinburgskiy gubernskiy sud (1921–1924 gg.)” [Ekaterinburg Province Court (1921–1924)].

13. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 148-R “Sverdlovskiy oblastnoy sud Ministerstva yustitsii RSFSR” [Sverdlovsk Regional Court of the Ministry of Justice of the RSFSR]. List 1 (1921–1934).
14. Bayda, E.V. (1997) Sotsial’nyy portret lishennogo izbiratel’nykh prav za zanyatie torgovley [Social portrait of a person deprived of his/her voting rights for trading]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhniy Tagil: Ural State University.
15. Tikhonov, V.I., Tyazhel’nikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel’nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody. Novye arkhivnye materialy i metody obrabotki* [Deprivation of electoral rights in Moscow in 1920s–1930s. New archive materials and processing methods]. Moscow: Izd-vo ob”edineniya “Mosgorarkhiv”.
16. Valuev, D.V. (2003) *Lishentsy v sisteme sotsial’nykh otosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR)* [The lishenets in the system of social relations (1918–1936) (On the materials of the Western region of the RSFSR)]. History Cand. Dis. Bryansk.
17. Morozova, N.M. (2005) *Lishenie izbiratel’nykh prav na territorii Mordovii v 1918–1936 gg.* [Deprivation of electoral rights in the territory of Mordovia in 1918–1936]. History Cand. Dis. Saransk.
18. Salamatova, M.S. (2002) *Lishenie izbiratel’nykh prav kak forma sotsial’no-politicheskoy diskriminatsii v seredine 1920-kh – 1936 gg.: na mater. Zapadnoy Sibiri* [Deprivation of electoral rights as a form of socio-political discrimination in the mid-1920s–1936: on the material of Western Siberia]. History Cand. Dis. Novosibirsk.
19. Tikhonov, V.I. (1996) *Lichnye dela grazhdan, khodataystvovavshikh o vosstanovlenii v izbiratel’nykh pravakh v 1920–1930 gg., kak istoricheskiy istochnik: Opyt komp'yuternogo modelirovaniya kompleksa massovykh materialov* [Personal records of citizens who applied for reinstatement in voting rights in 1920s–1930s as a historical source: The experience of computer simulation of a complex of massive materials]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
20. Karpicheva, E.V. (2009) *Lishenie izbiratel’nykh prav za zanyatie chastnoy torgovley po Tverskomu regionu: istochnikovedcheskoe issledovanie: 1918–1936 gg.* [Deprivation of electoral rights for private trade in the Tver region: a source study: 1918–1936]. History Cand. Dis. Moscow.
21. Savel’eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2005) “Istoricheskaya pamyat”: k voprosu o granitsakh ponyatiya [“Historical memory”: to the question of the boundaries of the concept]. In: Savel’eva, I.M. & Poletaev, A.V. (eds) *Fenomen proshloga* [The phenomenon of the past]. Moscow: HSE.
22. Research Group of Interdisciplinary Autobiography Research, Higher School of Economics. (2014) *Sub”ektivnost’ i identichnost’: avtobiografii sovetskikh trudyashchikhsya* [Subjectivity and identity: autobiographies of Soviet workers]. [Online] Available from: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14>. (Accessed: 11.07.2017).
23. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 1 (10). pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/3
24. Kilin, A.P. (2016) [Autobiography in the structure of the forensic investigation of the Ural Regional Court (1923–1934)]. *Avtobiograficheskie sochineniya v mezhdisciplinarnom issledovatel’skom prostranstve: Lyudi, teksty, praktiki* [Autobiographical essays in the interdisciplinary research: People, texts, practices]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 01–02 July 2016. Moscow: HSE. pp. 52–54. (In Russian).

Received: 22 October 2017

«СВОБОДНАЯ ПРОФЕССИЯ» П.В. ВОЛОГОДСКОГО: АДВОКАТСКИЕ ТРАЕКТОРИИ ТОМСКОГО ЮРИСТА

Рассмотрены участие Петра Васильевича Вологодского в судебных процессах в качестве защитника и обвинителя, а также его вклад в становление организации сословия поверенных; определяется круг интересов и приоритетов сибирского право-власти-практика в адвокатской и правозащитной деятельности. Показано, что будущий премьер-министр правительства Белой России относился к выбранной специальности ответственно и являлся адвокатом высокого уровня, отстаивал автономию присяжной адвокатуры и был активно задействован в ее самоуправлении.

Ключевые слова: П.В. Вологодский; Сибирь; адвокатура; судебные процессы.

Либерализм эпохи Александра II наполнил сферу юстиции началами бессословности, состязательности, устности, гласности процесса, независимости суда и несменяемости судей, права подсудимого на защиту. Тем самым судебная реформа 1864 г. заложила базу для развития правового государства и гражданского общества, в основе которых лежит принцип законности. В обеспечении последней непременно одну из ведущих ролей играют защитники права – адвокаты. В пореформенной России адвокатура, несмотря на быстро сформировавшееся неприятие самодержавием, переживая в свой адрес нападки и испытывая ограничения, деформируясь сама и иногда теряя ориентиры для своего совершенствования, все-таки сумела создать особенную и автономную от политического режима среду. Сословие и / или корпорация – те ключевые понятия, какими в Российской империи обозначали себя присяжные поверенные. Корпоративная организация предполагает отсутствие в той или иной мере внешнего влияния на собственное функционирование, делает ставку на моральную ответственность участников, формирует особенную культуру – модели поведения внутри и за пределами содружеств, разделяемые их членами; она немыслима без лидеров, в нашем случае тех, кто завоевал себе безупречную репутацию и уважение в глазах коллег и общества благодаря своей самодостаточности и высокому профессионализму, реализуемым в судебной и правозащитной деятельности.

Когда в конце XIX в. независимая адвокатура стала создаваться в Сибири, в ее лагере с бременем лидерства сразу оказался П.В. Вологодский, любивший называть свое ремесло «свободной профессией». Об его адвокатской практике вроде бы общеизвестно, однако в исторической литературе она получила фрагментарное отражение, и из работ, в которых говорится об участии Петра Васильевича в отдельных процессах (из последних трудов стоит выделить диссертацию Е.А. Казаковой [1] и монографию М.В. Шиловского [2]), цельного представления о ней читатель не составит. Между тем следов участия выдающегося сибиряка в судебных состязаниях и в организации сословия поверенных сохранилось немало. Изучение, прежде всего, периодической печати¹, отчетной документации негосударственных организаций и материалов делопроизводства, с применением компаративистских методик и микроанализа позволяет реконструировать пути и атмосферу развития профессио-

нальной карьеры томского юриста, выяснить его отношение к своей работе, оценить вклад в общественную эманципацию, а также копилку адвокатских корпоративности, морали и мастерства.

Прочным основанием общественной² и политической активности³ будущего премьер-министра являлись его успешные занятия адвокатурой⁴, начало которым было положено еще до введения в 1897 г. Судебных уставов Александра II в Сибири [13. С. 116]. Он участвовал во многих интересных процессах, ставших резонансными благодаря освещению в прессе. Например, защищал потомственного дворянина, старшего чиновника особых поручений при томском губернаторе П.Ф. Девъена, обвинявшегося в оскорблении полицейского пристава, князя А.С. Оболенского [14], ответственного редактора кратковременно выходившего «Вестника Сибири» И.П. Баева [15], являлся защитником по делу о краже судебных дел из камеры мирового судьи и составлении нескольких подложных ассигновок от имени того же судьи (процесс «привлек многочисленную публику») [16]. Любопытство читающей публики могли вызвать заседания, в которых Петр Васильевич выступал обвинителем. Ярким и даже заслужившим отчета в столичной газете «Право» было дело по обвинению учительницей Греховой в клевете протоиерея И. Беневоленского, осужденного по окончании слушаний [17]. 26 марта 1901 г. в Томском окружном суде рассматривалось сразу четыре дела против редактора «Сибирского вестника» Г.В. Прейсмана «в оклеветании в печати». По двум из них обвинял П.В. Вологодский, и по судебному приговору шеф популярной томской газеты приговаривался к аресту на месяц [18, 19]. Состав клиентуры также свидетельствовал о спросе на услуги адвоката: он являлся поверенным известных в Томске предприятий «Семен Кузьмин и сыновья», «А.Ф. Второв и сыновья», «Евграф Кухтерин и сыновья» [1. С. 61], предъявлял иски от Екатеринбургского отделения Волжско-Камского банка и Екатеринбургского общественного банка [20].

Его таланты как адвоката и защитника народных прав еще больше раскрылись в условиях напряжения Первой русской революции. Поверенному, «пользовавшемуся общественными симпатиями и общественным доверием», в значительных политических процессах сопутствовала удача: ни один из его подзащитных не был приговорен к смертной казни, «ему всегда удавалось смягчить судей» [21]. Известно,

частности, что 26 августа 1905 г. на выездной сессии Омской судебной палаты в Томске был оправдан защищаемый им телеграфист ст. Тайга Л.Ф. Бизюкин, обвинявшийся в распространении прокламаций Томского комитета РСДРП [22. С. 144]. На исходе революции Петр Васильевич защищал трех подсудимых (других троих – В.Н. Анучин, М.Р. Бейлин и М.И. Преловский) в нашумевшем деле о социал-демократическом сообществе, проходившем не где-нибудь, а в военном суде – более строгом, чем общие судебные места. По сообщению корреспондента «Красноярца», поверенным тогда удалось «разрушить в судебном заседании этот громкий процесс, в котором даже военный суд не нашел ничего серьезного» [23]. Вообще, как пишет Е.А. Казакова, П.В. Вологодский «принимал участие, пожалуй, в самых громких политических процессах в Сибири того периода – в процессе томских демонстрантов 1905 г., в деле об экспроприации на томской ветке Сибирской железной дороги, в процессе по делу председателя Совета депутатов рабочих красноярских железнодорожных мастерских...» [1. С. 63].

Находясь в эпицентре событий и являясь в полном смысле слова правозаступником, присяжный поверенный оставил заметный след в анналах знаменитого октябрьского погрома 1905 г. в Томске. 18 октября казаки с применением силы разгоняли томскую молодежь на площади вблизи здания окружного суда, оттуда выбежал он и «обратился к казачьему офицеру, командовавшему этой полусотней казаков, с просьбой прекратить дальнейшее бессмысленное избиение детей, на него напали два казака и начали бить нагайками. Казаки рассекли Вологодскому лицо и сильно его избили» [24. С. 10]. Сам адвокат описывал этот символизировавший драматизм момента эпизод следующим образом: «18 октября учащиеся снова пошли “снимать занятия” в средних учебных заведениях и, когда они на Соляной площади перед зданием коммерческого училища вели переговоры с директором этого училища по поводу их требования о прекращении занятий в этом учебном заведении, на них под непосредственным распоряжением и руководством местного полицмейстера Никольского налетел отряд казаков и с помощью вооруженных солдат и полицейских произвел такое жестокое избиение учащихся и некоторых лиц из публики, пробовавших заступиться за учащихся (особенно пострадал гласный думы и председатель училищной комиссии П.В. Вологодский), что мужчины плакали, а женщины впадали в истерику только при одних рассказах об этой дикой расправе» [25. С. 252].

Дело о томском погроме имело для Петра Васильевича профессиональное продолжение: в августе 1909 г. в Томском окружном суде проходил судебный процесс, широко освещавшийся ведущей местной прессой⁵, в котором подсудимыми являлись 85 человек, а он выступал адвокатом со стороны потерпевших и гражданских истцов. Особенный эффект разбирательству придавало то, что с 20 августа общим защитником для всех обвиняемых стал один из самых знаменитых присяжных поверенных империи, известный националист, член головного совета

правого Союза русского народа П.Ф. Булацель, в своих взглядах резко контрастировавший с остальной русской адвокатурой⁶. Процесс, имевший шанс превратиться в площадку для состязания адвокатских школ, с подачи властей, не желавших накалять обстановку, однако, обернулся мероприятием, в ходе которого председатель суда М.А. Подгорчани-Петрович старался не доводить расследование до выяснения глубинных причин кровавого конфликта (в томском погроме погибло более полусятни томичей). В частности, он пресек попытку П.В. Вологодского выяснить у одного из свидетелей «не было ли ужасное событие 1905 г. результатом попустительства властей» [2. С. 106–110].

Поведение П.Ф. Булацеля также не способствовало честной адвокатской борьбе. Далеко за пределами Томска стали известны его приемы, какие он использовал в заседаниях по тому делу. Так, в начале слушаний 22 августа столичный поверенный, вероятно стремясь накалить страсти и вывести из терпения противоборствующую сторону, зная, что один из защитников – выдающийся сибирский адвокат М.Р. Бейлин⁷ – еврей, целенаправленно разжигал антисемитскую тематику и использовал соответствующую риторику. Председательствующий отказал ему в вызове дополнительных свидетелей, но тогда мастер провокации продолжал требовать все-таки это сделать, поскольку, по его мнению, вызываемые свидетели «были очевидцами того, как сын того жида, который вчера распространялся о том, что погром его разорил, – убил православного рабочего». М.А. Подгорчани-Петрович попросил не применять оскорбительных выражений. На это приезжий поверенный разразился объяснениями, мол, понятие «жид» общеупотребительно и используется в законодательстве. Председателю пришлось еще раз высказать предостережение и услышать в ответ: «Если в Томске ... принято называть жидов евреями, я подчиняюсь. Но ... я лично с тех пор, как у меня был в Петербурге один крупный литературный процесс, когда мне пришлось убедиться, что вся “прогрессивная” печать находится в руках жидов, всех евреев называю жидами, а так называемую “прогрессивную” печать – жидовской» [28].

Вместе с тем судьба тесно связала П.В. Вологодского с судом присяжных. В ходе судебной реформы конца XIX в. Сибирь не получила это учреждение. Ему не было места в регионе, по мнению чиновников, разрабатывавших преобразование, из-за «малой населения края», многочисленности «неблагонадежного ссыльного элемента», а также «инородцев, не знающих русского языка и стоящих на низкой ступени умственного развития» [29. Л. 14 об.]; препятствием служили «воззрения» сибиряков «относительно значения и важности некоторых преступлений»; затруднения вызывало якобы отсутствие «более или менее развитого класса благонадежных людей» [30. Л. 52, 129 об.]. Однако сибирская общественность не отчаявалась, на что имелись основания⁸, и, например, профессор Томского университета Н.Н. Розин подбадривал местную публику мыслями о введении «суда общественной совести» в грядущем: «Будем же питать твердую надежду, что русский народ никогда не уга-

сит этого маяка; будем верить, что свет его скоро падет и в нашу далекую Сибирь» [32. С. 35]!

Ожидавшийся десятилетиями и потому еще более счастливый для сибиряков акт (институт присяжных заседателей вводился в Тобольской и Томской губерниях на основании закона от 10 мая 1909 г. [33; 34. № 31862]) получил высочайшую оценку местной общественности: «вся сибирская пресса единодушно приветствовала это крупное общественное событие» [35], мероприятие местные жители называли даже «великой реформой» и выражали по его поводу самые пылкие верноподданнические чувства [36. Л. 1–32]. П.В. Вологодский также всецело приветствовал долгожданное нововведение, поскольку считал институт присяжных заседателей «лучшей формой для рассмотрения уголовных преступлений» [37]. Ему давалась возможность пролить на родной край частицу того «света», о каком говорил Н.Н. Розин. Он мог участвовать в отправлении правосудия «по-новому» членом коллегии присяжных (его имя включалось в первоначальные списки) [38. С. 333], но представилась еще большая удача защищать подсудимого в первом же сибирском процессе «суда общественной совести». Вместе с М.Р. Бейлиным он выступил защитником по делу Е.П. Карепиной, убившей своего мужа. Выяснилось, что последний в состоянии алкогольного опьянения регулярно избивал жену, в ночь убийства – также малолетних детей, и мужеубийца, как заключила врачебная экспертиза, в состоянии из «разряда патологических аффектов» несколькими ударами топором по голове лишила его жизни. Женщина сознавалась в убийстве, а речи защитников заставили ее рыдать. Присяжными заседателями был вынесен сильно раздражавший российских противников суда присяжных и вызывавший восторг изголодавшихся по свободам сибиряков вердикт – «нет, не виновна», встреченный присутствовавшей публикой аплодисментами [39]. Тут в одночасье разрушился миф о невежестве сибирского населения и «ненормальностях» его мировосприятия. Тот самый первый в Сибири состав заседателей от народа выступил с инициативой снабдить оправданную средствами на жизнь [40], т.е. проявил такие человеколюбие и сострадание, на какие только способны самые нравственные члены общества.

Взгляды Петра Васильевича на адвокатское ремесло, представления о высококлассном поверенном и рефлексия по поводу своего труда реконструируются на основе его речей и текстов. В 1904 г. он опубликовал в «Сибирском вестнике» «Письма с дороги», где содержались переживания и мысли о собственной работе, которые, пожалуй, не требуют комментариев и заслуживают, чтобы их привести полностью: «Но вот я “бросил службу” и посвятил себя “свободной профессии”. И когда после двух лет жизни “свободной профессии”, исполненных, весьма естественно в первое время, разочарований, опасений, надежд, а главное, нервозности, я решил поехать в столицу, чтобы “отдохнуть и освежиться”, – я, человек свободной профессии, почувствовал всю связанность свою свободной профессией. Не подумайте, что с течением времени моя семейная обстановка стеснила меня в

этом отношении материально или нравственно. Нет, с переходом в свободную профессию, мне в семейном отношении открывался еще больший простор, чтобы оставить “кров родимый, дом любимый”. Но я не мог вырваться из своего города, потому что меня задерживали дела. Когда приходится брать на свою обязанность дело, по добровольному соглашению с лицом, к тебе обращаются за этим делом, ты уже связан кровными узами с судьбой этого дела, ты живешь его жизнью, всякие пертурбации его волнуют и тебя, ты уже не можешь с легкостью сердца, без сомнения и тревоги за судьбу этого дела передать его своему заместителю, а часто и лицо, передавшее тебе свое дело, требует, чтобы дело было проведено под непосредственными твоими наблюдением и руководством, а между тем ты не свободен его направлять именно в этот день, неделю, месяц. Ты зависишь от других лиц, от учреждений, в руках которых находится судьба твоего дела. Все это заставляет откладывать поездку день-за-день и, в конце концов, приходится задуманную поездку для данного сезона признать несостоявшейся» [41].

В речи на заседании Томского юридического общества 26 апреля 1903 г., посвященной В.Д. Спасовичу – «патриарху», «цвету» и «королю» русской адвокатуры, «по праву считавшемуся самым заслуженным присяжным поверенным» [42. С. 26, 340; 43. С. 488], Петр Васильевич на образчике последнего определенно обозначил, каким надлежало быть хорошему защитнику в суде, какими дарованиями, навыками и техникой долженствовало обладать, чтобы добиться успеха. П.В. Вологодский тогда рассказывал, как сначала Владимир Данилович, словно завлекая всех присутствовавших, присяжных заседателей и коронных судей в свою хитроумно продуманную игру, выглядел неубедительно («В.Д. не обладает внешней ораторской наружностью. Так что, когда поднимается со скамьи защиты нескладная, неуклюжая фигура В.Д., когда он, заикаясь и переваливаясь, начинает свою речь, в зале среди публики, ожидающей увидеть иную фигуру и услышать иной язык, раздается шепот недоумения. Первые фразы его речи неприятно поражают слух. Кажется, что слово не дается оратору, что оно является на свет в потугах и муках борьбы»), и вдруг наступало резкое перерождение: «Но проходит несколько минут и перед слушателями развертывается дивная художественная поэма, богатая яркими красками, оригинальными картинами, неожиданными сравнениями, поражающая остроумием и силой обобщающего анализа. Слово его отчеканивается и с силой врезывается в память, огромный голос звучит твердо и уверенно. Живая энергичная речь В.Д. однаково сильная в синтезе, никогда не упускающая из виду подсудимого, как брата по человечеству, проникнутая разумным отношением к увлечениям молодого возраста, всегда производила впечатление на присяжных и привлекала особое к себе внимание суда. Если вдумчивость в деле, изучение его во всех мельчайших подробностях, отсутствие напускного пафоса и простота речи, в связи с глубиною и богатством ее содержания, должны служить образцом и примером для лиц, посвящающих себя адвокатуре, то

такой образец дал в самых широких размерах своюю судебной деятельностью В.Д. Спасович» [44].

Судя по признанию, какое заслужил будущий премьер-министр участвуя в судебных процессах, наукой и искусством защиты он владел прекрасно, а будучи активным членом общества, в качестве адвокатского инструментария использовал указания на противоречия тогдашней действительности. Так и случилось по делу протоиерея И. Беневоленского. Само начало обвинительной речи указывало на стремление оратора защищать угнетаемых и склонять на их сторону чинов юстиции: «Гг. судьи! Дело, которое предстоит вашему рассмотрению, является редким в летописях судебных. Редким, прежде всего, по личности подсудимого и потерпевшей. Борцами за честь и достоинства свои выступают силы неравные. С одной стороны, учительница приходского училища маленько уездного городка Сибири, с другой,ственный протоиерей местного собора и благочинный местных церквей...». Далее обвинитель подчеркивал разницу, которая имелась в социальном статусе подсудимого и потерпевшей, и специально остановился на теме высокого общественного значения этого дела [17].

П.В. Вологодский на процессе о томском погроме, в отличие от П.Ф. Булацаля, не был замечен в употреблении нечестных способов. Как следует из речей присяжного поверенного, его не ограничивали сиюминутные и отдельные профессиональные успехи; он мыслил шире и проявлял себя склонным к детальному анализу обстановки и обобщениям, в тот момент оформившимся в яркие политические заявления. На завершающих заседаниях ему пришлось констатировать, что Россия коренным образом изменилась и уже никогда не будет прежней: «Широкая волна новой жизни нахлынула неожиданно на темный и невежественный народ, и безотчетный страх перед новыми явлениями жизни овладел, как всегда в этих случаях, этим людом, а те, кто понимали, что их, старыхластителей жизни...». «Оставьтеластителей жизни, г. Вологодский, и ближе к делу», – здесь в духе всего разбирательства была прервана речь председателем суда [45].

Несомненно, политические убеждения поверенных накладывали серьезный отпечаток на их профессиональную деятельность в суде, но имелась та область – сфера самоуправления, в какой адвокаты всячески стремились культивировать аполитизм. Например, еще в отчете санкт-петербургского совета присяжных поверенных за 1882/1883 гг., т.е. сразу после известного антиправительственного взрыва, фиксировалась такая мысль: «В корпорации присяжных поверенных одновременно и совместно могут действовать люди самых различных и даже противоположных политических убеждений; они одинаково будут служить честию и украшением корпорации, если только добровольно, с умом и талантом будут исполнять свои адвокатские обязанности» [46. С. 9]. В начале XX в. адвокатура бросилась решать новые политические задачи и над ее сплоченностью нависла опасность вплоть до общего разложения всего сословия [26. С. 328–348]; тогда было особенно важно сохранить хладнокровие тем, кто определял его развитие. К по-

следним в Сибири безусловно относился П.В. Вологодский, много сделавший для присяжных поверенных края и управлявший ими через участие в организации и работе омского совета, открывшегося в 1911 г. [47]. Политик, он тем не менее не совершил разрушительных для корпорации действий, а некоторые резолюции руководства западносибирской адвокатуры могут служить подтверждением того, что и не желал вносить никакого политического раскола в адвокатскую среду. Показательно решение вопроса, поставленного перед омским советом одним из помощников присяжного поверенного о своей партийной принадлежности. Совет занял явно аполитичную позицию (доклад по этому делу готовил М.Р. Бейлин), не посчитав нужным обсуждать такие вещи: «Партийные взгляды того или иного члена сословия – дело совершенно личное и не могут дать оснований к каким бы то ни было постановлениям совета» [48. С. 111]. Может благодаря терпимости, не в последнюю очередь формируемой Петром Васильевичем в качестве вожака западносибирской адвокатуры, в крае не замечалось серьезных раздоров, таких как между знаменитыми восточносибирскими адвокатами М.С. Стравинским⁹ и Г.Б. Патушинским¹⁰, «личное столкновение» которых влияло даже на формирование состава совета присяжных округа Иркутской судебной палаты [52].

Будущий премьер-министр был причастен к сози-дательной и направленной на пользу собственного сословия деятельности. Хотя он может быть охладе-вал к совету [47. С. 155], но, за отсутствием пока дру-гих организационных форм совершенствования адвокатуры, не покидал его и держал в голове идею о несомненной полезности заведения, прекрасно усвоив те смыслы о великом призвании этого учреждения, о каком когда-то рассуждал выдающийся российский общественный деятель и адвокат К.К. Арсеньев: «Обычаи и предания образуются только в среде кор-порации, а корпорация немыслима без самоуправле-ния, без органа, который бы служил ее представите-лем. Присяжных поверенных мы видим везде, где введены в действие новые судебные уставы; но со-словие присяжных поверенных является только там, где открыт совет присяжных поверенных» [53. С. 3].

Вероятно, П.В. Вологодский вполне разделял взгляды на нужность корпоративных назиданий и наказаний в интересах улучшения сословия, практиковавшихся адвокатскими самоуправляющимися учреждениями¹¹, иначе не объяснить его активного, правда, с постепенным угасанием, участия в работе омского совета, о чем свидетельствовали отчеты по-следнего. В заседаниях проделывалась работа по рас-смотрению дисциплинарных производств, родствен-ная по духу и технологии участию в судебных про-цессах – приходилось внимательно изучать дело, об-винять и защищать, делая доклад перед жюри заведе-ния, и даже осуществлять настоящие следственные действия. Во второй год деятельности совета (отчет за первый год не публиковал фамилии фигурантов дис-циплинарных расследований) Петр Васильевич яв-лялся докладчиком по десятку дел такого рода из примерно сотни, что даже превышало среднюю

нагрузку (разумеется, если особняком поставить председателя совета омича И.А. Поваренных, который, при наличии семи членов, разобрал почти около половины всех дел) [48. С. 11–121]. На третий год будущий премьер-министр сделал семь докладов, а на четвертый – всего один, причем его имя упоминалось все реже и реже в числе заседавших [54. С. 17–100; 55. С. 16–131].

Не без участия П.В. Вологодского лица «свободной профессии» округа Омской судебной палаты выносили вызывающие независимые решения, вступавшие в противоречие с навязанными самодержавием правилами игры. Так, была подхвачена инициатива советов присяжных поверенных других регионов, вопреки существовавшим нормам вслед за европейскими адвокатами ставших принимать в свои ряды женщин [56, 57]. В Омске также зачислили в число помощников присяжных поверенных окончившую юридический факультет Московского университета Л.П. Рушковскую, и она сделалась первым в Сибири адвокатом женского пола, что с восторгом встретила провинциальная пресса [58, 59]. Но прокурор местной судебной палаты В.В. Едличко¹² потребовал отменить данное постановление [61. Л. 38–50], и девушка была исключена из сословия [62. С. 3]. Тот же вредоносный для адвокатуры чиновник сделал все, чтобы препятствовать омскому совету в открытии томской и омской комиссий помощников присяжных поверенных (ими адвокаты-стажеры пытались компенсировать отсутствие собственной корпоративности и независимости). В конце концов, эти организации, только начавшие существование, 10 февраля 1912 г. были ликвидированы росчерком пера ретивого прокурорского работника [62. С. 3–4; 63. Л. 12–12 об., 17, 19].

Стремление к единению лиц «свободной профессии» вызывалось энергетическими потоками, которыми питались поверенные от общества, желавшего эманципации, избавления от предрассудков, пережитков и неравенства. Адвокатская практика была одним из тех немногих каналов, через который подданным доставлялось понимание справедливости, и такие, как П.В. Вологодский, воспринимались ее прямыми носителями. В результате реноме присяжного поверенного в родном kraе достигло настолько высокой степени безуказненности, что когда революционная волна

смыкала остатки царского режима, сообщество правоведов-практиков региона единодушно выдвинуло его на пост старшего председателя Омской судебной палаты, а он, не без колебаний, согласился на предложенную должность [21, 64]. Августовские 1917 г. проводы Петра Васильевича на новую службу стали значимым событием томской жизни, лишний раз свидетельствуя, насколько важную роль играл этот сибиряк в местных общественных отношениях. Богатый профессиональный опыт удачливого адвоката, идеяность, способность сплотить вокруг себя специалистов, «отбросить формальное отношение к делу» (последняя характеристика принадлежала ректору Томского университета В.В. Сапожникову) [65] и преодолеть границы узкопрофессиональных интересов, апробированные на адвокатском поприще, неуклонное следование принципам судейского единства¹³ сделали его персону понятной для окружающих и весьма авторитетной, сформировали доверительное к нему отношение, обеспечив возможность политического взлета в то время, когда убеждения и нравы многих не отличались устойчивостью.

Глубинный смысл гласного и состязательного судопроизводства – выражение общественного мнения и выработка отношений, характерных для гражданского общества. Следовательно, адвокат во всех своих ипостасях оказывает давление на государство, указывая ему на уравновешенный с социальными потребностями сценарий развития. Но то, не будучи правовым, каким и являлась Российская империя, видело опасность в адвокатуре, которая непременным условием своего существования выбирала автономию и оформлялась в «свободную профессию», саморегулируемую и сплачиваемую на основе сильнейшей корпоративности, определяющей и уровень жизнеспособности всего сословия, и степень успешности отдельного поверенного в частном судебном заседании. Таким образом, П.В. Вологодский – высококлассный юрист и великолепный адвокат – через энергичную адвокатскую практику и активное участие в сословном самоуправлении, посредством реализации себя в любимом ремесле, дающем свободу, своей деятельностью, без сомнения, содействовал избавлению социума от излишеств государственного принуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Периодика составляет не только наиболее весомый источник по теме статьи, но и требующий специального источниковедческого анализа. С одной стороны, газеты уже отобрали для потомков наиболее громкие судебные процессы, изобразили их участников, что, безусловно, удобно историку. С другой стороны, сама специфика адвокатской деятельности, требующей рекламировать собственные успехи (в случае с П.В. Вологодским таких возможностей было предостаточно, поскольку тот имел теснейшую связь с томской прессой как публицист и товарищ редакторов с издателями), заставляет крайне критически относиться к газетной информации. В указанном смысле примером злоупотребления саморекламой является частный поверенный А.А. Жалудский, которого прямо обвиняли в том, что он в своем же «Красноярском вестнике», публикуя многочисленные отчеты о выигранных делах, «расписывал себя во всех цветах радуги» [3].

² Деятельность Петра Васильевича на благо общества была настолько широка и многогранна, что невольно приходится задумываться над вопросом о неисчерпаемости его человеческих сил. Так, за короткий промежуток времени он замечался в качестве члена комиссии Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, занимавшейся осмотром построенных для колоний зданий [4], главы комитета по строительству в Томске «гоголевского» дома [5], и даже руководителя труда об истории Томска [6].

³ Чрезвычайную политическую энергию П.В. Вологодский проявил в годы Первой русской революции. Например, 28–29 августа 1905 г. съезд Сибирского областного союза состоялся именно на его томской квартире, за которой тогда внимательно наблюдала политическая полиция [7. С. 125; 8. С. 163]. Вообще, томские жандармы называли дом Петра Васильевича штабом революционеров [9. С. 20]. Тогда поверенный являлся эсером, партийность после революции определить сложнее. Сам Петр Васильевич не давал на этот вопрос определенных ответов: «Но я никогда не был демагогом, никогда не был узко партийным человеком, не способным подавлять в себе чувства личного огорчения и неприятностей ради общих интересов» [10]. Между тем советская «История Сибири» называла присяжного

поверенного кадетом-«прогрессистом» [11. С. 96]. В конце концов, «историки до сих пор не могут договориться о его партийной принадлежности. Одни зачисляют его в эсеры, другие считают кадетом, самые “проницательные” квалифицируют как полуэсера-полукадета» [12. С. 2].

⁴ Е.А. Казакова заверяет, что П.В. Вологодский выигрывал большинство уголовных дел [1. С. 61]. Безусловно, он был удачливым адвокатом, но вряд ли состояние источниковой базы позволяет современному исследователю провести необходимый для подобных утверждений подсчет.

⁵ Так, самая тиражная за Уралом газета томская «Сибирская жизнь» в своих десяти выпусках подряд, с 18 по 28 августа 1909 г., рассказывала читателям о ходе процесса.

⁶ В ноябре 1904 г. на собраниях, посвященных сорокалетию Судебных уставов Александра II, российская адвокатура в единодушном порыве выступила за принятие резолюции о необходимости коренного изменения государственного строя. Единственный громкий голос против начинания прозвучал именно от П.Ф. Булацаеля, который «категорически опровергал, будто бы при современном режиме вообще немыслимо никакое духовное преусеряние народа и невозможно даже правильное отправление правосудия» [26. С. 328–329].

⁷ Он был широко известен в Сибири. Например, «Красноярец» его характеризовал как «одного из талантливейших томских адвокатов» [27].

⁸ На заседании Государственного совета по поводу судебной реформы в Сибири 6 апреля 1896 г. указывалось: «Развитие сибирского края, за последние годы, идет вперед быстрыми шагами. Поэтому, быть может, в недалеком будущем наступит пора, когда представится возможным устроить суд присяжных, если не в большей части Сибири, то хотя бы в западных ее губерниях. Эти последние и ныне в культурном отношении далеко ушли вперед по сравнению с остальными областями сибирской окраины и потому не могут быть с ними сравниваемы и подводимы под один общий уровень. С наступлением для означенных местностей благоприятного времени восприятию указанной формы суда, Министерство юстиции, надобно надеяться, не преминет сообразить этот вопрос и даст ему надлежащее направление» [31. Л. 190 об.].

⁹ М.С. Стравинский – старейшина адвокатского цеха региона. Как и П.В. Вологодский, вместе с сибирскими присяжными поверенными прошел путь от начала до конца, в годы Гражданской войны также занял важные посты в государственном аппарате антибольшевистского режима. Осенью 1918 г. был назначен членом Сибирского Высшего суда, затем членом Гражданского департамента Правительствующего Сената [49; 50].

¹⁰ Судьбы П.В. Вологодского и Г.Б. Патушинского переплелись теснейшим образом, когда в июле 1918 г. первый стал председателем Совета министров и министром иностранных дел, а второй – министром юстиции Временного Сибирского правительства [51. Л. 19].

¹¹ На этот счет предисловии к своеобразному кодексу чести сословия – «Правилах адвокатской профессии в России», изданному в 1913 г. и возвращему в себя из отчетов советов всевозможные мудрости за годы их существования в стране, – говорилось: «Адвокат, будучи независим, тем не менее должен в каждый момент своей деятельности сознавать, что он не отдельная частица какой-то огромной “совокупности”, имеющей общее с другими адвокатами только однородность заработка, но что он член целого “сословия”, целой “корпорации”, объединяющей всех ее членов, направляющей их и в то же время охраняющей их честь и достоинство. Адвокат в своей деятельности всегда должен помнить, что за ним стоят не отдельные единицы собратьев по профессии, до которых ему может и не быть никакого дела, а стоит целое сословие, как нечто единое, мощное, достоинство которого он должен оберегать; сословия, которое в лице избранных самими адвокатами советов располагает достаточной силой заставить каждого из своих членов руководиться в своей деятельности и поведении не личными только мотивами своего благополучия и соображениями достоинства и чести целого сословия и установленными ими правилами и традициями» [46. С. VII].

¹² Вообще, этот судебный деятель замечался в недоброжелательности к адвокатуре, которая проявилась, в частности, в одном из приездов в Томск. Местные поверенные пришли к нему с приветствием чуть ли не в полном составе (среди них вполне мог быть и П.В. Вологодский), но их ожидал настолько «холодный» прием, что «адвокаты были крайне смущены» и «даже сетовали, что задумали это злополучное представление» [60].

¹³ Уезжая служить в Омск, Петр Васильевич обратился к сотрудникам юстиции Томска: «Я всегда был сторонником солидарности отношений судебной магistrатуры, прокуратуры и адвокатуры. Все мы должны служить одному великому делу – делу правосудия» [64].

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.
2. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г. : хроника, комментарий, интерпретация. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
3. Хроника // Сусанин. 1911. 2 марта.
4. Корреспонденция «Енисея» // Енисей. 1901. 3 июня.
5. Томск, 30 марта // Сибирский вестник. 1902. 30 марта.
6. Сибирские вести // Енисей. 1902. 19 мая.
7. Шиловский М.В. Оформление программы сибирских областников в период революции 1905–1907 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX вв. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Сибирское отделение «Наука», 1986. С. 119–132.
8. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Изд-во «Сова», 2008. 270 с.
9. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 398 с.
10. Сибирская жизнь. 1919. 23 янв.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. : Наука, 1968. Т. 4. 499 с.
12. Шиловский М.В. Первый премьер-министр Сибири. К 130-летию со дня рождения П.В. Вологодского // Сибирская старина. 1993. № 3. С. 2–4.
13. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 113–118.
14. Обзор общественной жизни Сибири // Енисей. 1899. 28 марта.
15. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1907. 21 сент.
16. Сибирский вестник. 1903. 6 апр.
17. Судебные отчеты. Томский окружной суд (От нашего корреспондента). Обвинение священника в клевете // Право. 1902. 1 сент.
18. Судебная хроника. Томский окружной суд (От нашего корреспондента) // Енисей. 1901. 13 апр.
19. Судебная хроника (Окончание) // Енисей. 1901. 15 апр.
20. Судебные отчеты. Томский окружной суд (Признание недействительным акта продажи) // Право. 1909. 11 окт.
21. Сибирская жизнь. 1917. 23 авг.
22. Политические процессы в России. 1901–1917. Ч. 1. 1901–1905 / общ. ред. Л.И. Гольдмана. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 248 с.
23. Корреспонденции // Красноярец. 1907. 1 мая.
24. Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20–23 октября. Томск : Типолитография М.Н. Кононова, 1905. 71 с.
25. В.-дский П. Из хроники освободительного движения в Сибири // Сибирские вопросы. Периодический сборник, издаваемый В.П. Сукачевым под редакцией приват-доцента П.М. Головачева. СПб. : Типография Альтшулерса. 1906. № 2. С. 242–264.

26. История русской адвокатуры. Т. 1. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / сост. С.Н. Гаврилов. М. : Юрист, 1997. 376 с.
27. Красноярец. 1907. 24 окт.
28. К делу о погроме в Томске // Харбин. 1909. 5 сент.
29. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 542. Д. 245.
30. Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ). Ф. 152. Оп. 37. Д. 875.
31. РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 63.
32. О суде присяжных. Публичная лекция, читанная профессором Н.Н. Розиным 24 февраля 1901 г. в пользу пострадавших от неурожая Томской губернии. Томск : Типография П.И. Макушкина, 1901. 35 с.
33. Крестьянников Е.А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отечественная история. 2008. № 4. С. 37–47.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 : [в 33 т.]. СПб. : Гос. тип., 1912. Т. 29.
35. Севостьянов В. О присяжных заседателях // Сибирская жизнь. 1909. 14 нояб.
36. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 264.
37. Вологодский П.К открытию Барнаульского окружного суда // Сибирская жизнь. 1910. 31 окт.
38. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. Новосибирск : Изд-во «Сова», 2005. 696 с.
39. Сибирская жизнь. 1909. 17 нояб.
40. Капитал имени присяжных заседателей Томского окружного суда // Красноярский вестник. 1910. 17 июля.
41. П. В-ий. Обо всем (Письма с дороги). Письмо I // Сибирский вестник. 1904. 2 июля.
42. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. Л. : Лениздат, 1991. 512 с.
43. В.Д. Спасович (Некролог) // Вестник права. 1906. № 10. С. 488–491.
44. Томское юридическое общество // Право. 1903. 8 июня.
45. Сибирская жизнь. 1909. 28 авг.
46. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. член совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марков. М. : Типография О.Л. Сомовой, 1913. 430 с.
47. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.
48. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. С 18 мая 1912 г. по 18 мая 1913 г. Омск : Иртыш, 1914. 133 с.
49. Звягин С.П. Профессиональная и общественно-политическая деятельность иркутского присяжного поверенного М.С. Стравинского в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). С. 186–193.
50. Шахерова С.Л., Вишневский В.Г. Стравинский Мечислав Станиславович // Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. в лицах и документах : Материалы к энциклопедии / сост. В.Г. Вишневский. Иркутск : Издание ОАО «Иркутская областная типография № 1 имени В.М. Посохина», 2004. С. 206–209.
51. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 307.
52. Хроника // Забайкальская новь. 1912. 8 апр.
53. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–74 гг. СПб. : Типография В. Демакова, 1875. 512 с.
54. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск : Иртыш, 1914. 109 с.
55. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. Год четвертый. Омск : Печатное искусство, 1915. 152 с.
56. Крестьянников Е.А. Феминизация адвокатуры и законодательство Российской империи // Адвокатская практика. 2015. № 6. С. 44–49.
57. Albisetti J.C. Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870–1925 // Journal of Social History. 2000. No. 4. P. 825–857.
58. [Из газет] // Сибирская жизнь. 1912. 4 февр.
59. По Сибири // Забайкальская новь. 1912. 21 янв.
60. Корреспонденции // Красноярский вестник. 1912. 18 авг.
61. Государственный архив Омской области. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188.
62. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск : Печатное искусство, 1913. 63 с.
63. РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 203.
64. Сибирская жизнь. 1917. 20 авг.
65. Сибирская жизнь. 1917. 29 авг.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2018 г.

THE “LIBERAL PROFESSION” OF PYOTR VOLOGODSKY: ADVOCATE TRAJECTORIES OF THE TOMSK LAWYER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 78–86.

DOI: 10.17223/15617793/433/10

Evgeniy A. Krestyannikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: Pyotr Vologodsky; Siberia; legal profession; legal proceedings.

The aim of article consists in the study of the route and atmosphere of Pyotr Vologodsky’s professional career development, clarification of his attitude to his work, assessment of his contribution to public emancipation and also to advocate corporationism, morals and craft. Using microhistorical specification and comparative methods, the author considers participation of the Tomsk lawyer in judicial sessions as the defender and the prosecutor in court, in the life of the community of attorneys. The author pays attention to features of Vologodsky’s appearance. The historical sources involved in the research including periodicals, documents of public organizations and materials of archives, and also papers of historians allow to provide insight into the versatile interests of Vologodsky as advocate, into cases in which he participated, into his professional solvency. It is noted that Vologodsky was a participant in the most considerable Siberian lawsuits at the beginning of the 20th century: the case of the Tomsk pogrom in October, 1905; the judicial hearing, first in the history of Siberia, with the participation of jury members; many political processes. The public procedure of legal proceedings that brought the parties together in argument allowed advocates to disclose their own abilities, and was the tool of pressure upon the power and formations of civil society. The future prime minister proved as the supporter of fair judicial competition who was able to win cases using public and political contradictions. At the same time he was noted in community involvement for the legal profession. He did not let rushes of the moment steal up on him and remained apolitical in the corporate commonwealth.

In the Omsk Council of Attorneys, he worked to improve its staff taking part in disciplinary proceedings. Thanks to Vologodsky, the council made decisions independent of the government, in particular, the inclusion of the woman in the estate and the establishment of independent institutions of assistants of attorneys. Vologodsky loved his profession. He made use of the experience of the best Russian lawyers for professional self-improvement and by that he improved other attorneys. It is necessary to recognize his lawyer practice very successful. His success in lawsuits, high qualification, creative activity, beneficial effect on social development allowed Vologodsky to win respect and to get famous, which promoted him to the leading roles after the falling of autocracy.

REFERENCES

1. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* (1863–1920 gg.) [P.V. Vologodsky: personality and socio-political activity (1863–1920)]. History Cand. Dis. Tomsk.
2. Shilovskiy, M.V. (2010) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [The Tomsk pogrom of October 20–22, 1905: chronicle, commentary, interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Susanin. (1911) *Khronika* [The Chronicle]. *Susanin*. 2 March.
4. Enisey. (1901) Korrespondentsiya "Enisey" [Correspondence of "Enisey"]. *Enisey*. 3 June.
5. Sibirskiy vestnik. (1902) Tomsk, 30 marta [Tomsk, 30 March]. *Sibirskiy vestnik*. 30 March.
6. Enisey. (1901) *Sibirskie vesti* [Siberian News]. *Enisey*. 19 May.
7. Shilovskiy, M.V. (1986) Oformlenie programmy sibirskikh oblastnikov v period revolyutsii 1905–1907 gg. [Registration of the program of Siberian regional workers during the revolution of 1905–1907]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Revolyutsionnoe i obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri v konse XIX – nachale XX vv.* [The revolutionary and social movement in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
8. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Izd-vo "Sova".
9. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika* [Social and political life in Tomsk Province in 1880 – February 1917. A chronicle]. Tomsk: Tomsk State University.
10. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) 23 January.
11. Okladnikov, A.P. (ed.) (1986) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from ancient times to our days]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
12. Shilovskiy, M.V. (1993) Pervyy prem'er-ministr Sibiri. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya P.V. Vologodskogo [The first prime minister of Siberia. On the 130th anniversary of the birth of P.V. Vologodsky]. *Sibirskaya starina*. 3. pp. 2–4.
13. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky on the way to the legal profession: the environment, interests and activities of the lawyer at the initial stage of his professional career. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 113–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/17
14. Enisey. (1899) Obzor obshchestvennoy zhizni Sibiri [Overview of the social life of Siberia]. *Enisey*. 28 March.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1907) Tomskaya zhizn' [Life in Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 21 September.
16. *Sibirskiy vestnik*. (1903). 6 April.
17. Pravo. (1902) Sudebnye otchety. Tomskiy okruzhnoy sud (Ot nashego korrespondenta). Obvinenie svyashchennika v klevete [Court reports. Tomsk District Court (From our correspondent). The priest accused of slander]. *Pravo*. 1 September.
18. Enisey. (1901) Sudebnaia khronika. Tomskiy okruzhnoy sud (Ot nashego korrespondenta) [Court chronicle. Tomsk District Court (From our correspondent)]. *Enisey*. 13 April.
19. Enisey. (1901) Sudebnaia khronika (Okonchanie) [Court chronicle (end)]. *Enisey*. 15 April.
20. Pravo. (1909) Sudebnye otchety. Tomskiy okruzhnoy sud (Priznanie nedeystvitel'nym akta prodazhi) [Court reports. Tomsk District Court (Sale act recognized invalid)]. *Pravo*. 11 October.
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1917). 23 August.
22. Gol'dman, I.L. (ed.) (1932) *Politicheskie protsessy v Rossii. 1901–1917* [Political processes in Russia. 1901–1917]. Pt. 1. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politikatorzhan i ssyl'no-posealentsev.
23. Krasnoyarets. (19070) Korrespondentsii [Correspondence]. *Krasnoyarets*. 1 May.
24. Anon. (1905) *Oktabr'skie dni v Tomske. Opisanie krovavykh sobytiy 20–23 oktyabrya* [The October Days in Tomsk. Description of the bloody events of October 20–23]. Tomsk: Tipolitografiya M.N. Kononova.
25. V-dskiy, P. (1906) Iz khroniki osvoboditel'nogo dvizheniya v Sibiri [From the chronicle of the liberation movement in Siberia]. In: *Sibirskie voprosy*. Is. 2. St. Petersburg: Tipografiya Al'tushulera. pp. 242–264.
26. Gavrilov, S.N. (ed.) (1907) *Istoriya russkoy advokatury* [History of the Russian Bar Association]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
27. *Krasnoyarets*. (1907) 24 October.
28. Kharbin. (1909) K delu o pogrome v Tomske [On the case of the pogrom in Tomsk]. *Kharbin*. 5 September.
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 542. File 245. (In Russian).
30. State Archive of Tobolsk (GAT). Fund 152. List 37. File 875. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1149. List 12. File 63. (In Russian).
32. Rozin, N.N. (1901) *O sude prisyazhnykh. Publichnaya leksiya, chitannaya professorom N.N. Rozinym 24 fevralya 1901 g. v pol'zu postradavshikh ot neurozhaya Tomskoy gubernii* [On the trial of jurors. Public lecture read by Professor N.N. Rosin on February 24, 1901 in favor of the victims of the crop failure of Tomsk Province]. Tomsk: Tipografiya P.I. Makushina.
33. Krest'yannikov, E.A. (2008) Sud prisyazhnykh v dorevolyutsionnoy Sibiri [The jury trial in pre-revolutionary Siberia]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 37–47.
34. Russian Empire. (1912) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3: v 33 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3: [in 33 vols]]. Vol. 29. St. Petersburg: Gos. tip.
35. Sevost'yanov, V. (1909) O prisyazhnykh zasedatelyakh [On jury members]. *Sibirskaya zhizn'*. 14 November.
36. State Archive of Tobolsk (GAT). Fund 158. List 2. File 264. (In Russian).
37. Vologodskiy, P. (1910) K otkrytiyu Barnaul'skogo okruzhnogo suda [On the opening of the Barnaul District Court]. *Sibirskaya zhizn'*. 31 okt.
38. Akishin, M.O. & Remnev, A.V. (eds) (2005) *Vlast' v Sibiri: XVI – nachalo XX v.* [Power in Siberia: 16th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Izd-vo "Sova".
39. *Sibirskaya zhizn'*. (1909). 17 November.
40. Krasnoyarskiy vestnik. (1910) Kapital imeni prisyazhnykh zasedateley Tomskogo okruzhnogo suda [The capital of the name of jury members of the Tomsk District Court]. *Krasnoyarskiy vestnik*. 17 July.
41. V-iy, P. (1904) Obo vsem (Pis'ma s dorogi). Pis'mo I [About everything (Letters off the road). Letter I]. *Sibirskiy vestnik*. 2 July.
42. Kazantsev, S.M. (1991) *Sud prisyazhnykh v Rossii: Gromkie ugolovnye protsessy 1864–1917 gg.* [The jury in Russia: Big criminal trials of 1864–1917]. Leningrad: Lenizdat.
43. Vestnik prava. (1906) V.D. Spasovich (Nekrolog) [V.D. Spasovich (Obituary)]. *Vestnik prava*. 10. pp. 488–491.
44. Pravo. (1903) Tomskoe yuridicheskoe obshchestvo [Tomsk Legal Society]. *Pravo*. 8 June.

45. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) 28 August.
46. Markov, A.N. (1913) *Pravila advokatskoy professii v Rossii. Opyt sistematizatsii postanovleniy sovetov prisyazhnykh poverennykh po voprosam professional'noy etiki* [Rules of the profession of defense lawyer in Russia. Experience in the systematization of decisions of boards of sworn attorneys on professional ethics]. Moscow: Tipografiya O.L. Somovoy.
47. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky and sworn attorneys in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 152–159. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/20
48. Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Justice. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za vtoroy god. S 18 maya 1912 g. po 18 maya 1913 g.* [Report of the Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Justice for the second year. From May 18, 1912 to May 18, 1913]. Omsk: Irtysh.
49. Zvyagin, S.P. (2014) Professional and socio-political activity of Irkutsk attorney M.S. Stravinsky during World War I and the Civil War (1914–1919). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 (59). pp. 186–193. (In Russian).
50. Shakherova, S.L. & Vishnevskiy, V.G. (2004) Stravinskiy Mechislav Stanislavovich [Mechislav Stanislavovich Stravinsky]. In: Vishnevskiy, V.G. (ed.) *Administrativno-sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. v litsakh i dokumentakh: Materialy k entsiklopedii* [Administrative and judicial system of Eastern Siberia of the late 19th – early 20th centuries in persons and documents: Materials for the encyclopedia]. Irkutsk: Izdanie OAO "Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1 imeni V.M. Posokhina".
51. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 42. List 1. File 307. (In Russian).
52. Zabaykal'skaya nov'. (1912) Khronika [The chronicle]. *Zabaykal'skaya nov'*. 8 April.
53. Arsen'ev, K.K. (1875) *Zametki o russkoy advokature. Obzor deyatel'nosti Sankt-Peterburgskogo soveta prisyazhnykh poverennykh za 1866–74 gg.* [Notes on the Russian Bar Association. Overview of the activities of the St. Petersburg Council of Attorneys for 1866–74]. St. Petersburg: Tipografiya V. Demakova.
54. Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Judges. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za 1913 g. God tretyi* [Report of the Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Justice for 1913. Year Three]. Omsk: Irtysh.
55. Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Judges. (1915) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za 1914 g. God chetyerty* [Report of the Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Justice for 1913. Year Four]. Omsk: Irtysh.
56. Krest'yannikov, E.A. (2015) Feminization of the legal profession and the laws of the Russian Empire. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 6. pp. 44–49. (In Russian).
57. Albisetti, J.C. (2000) Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870–1925. *Journal of Social History*. 4. pp. 825–857.
58. *Sibirskaya zhizn'*. (1912) [In gazet] [[From newspapers]]. *Sibirskaya zhizn'*. 4 February.
59. Zabaykal'skaya nov'. (1912) Po Sibiri [In Siberia]. *Zabaykal'skaya nov'*. 21 January.
60. Krasnoyarskiy vestnik. (1912) Korrespondentsii [Correspondence]. *Krasnoyarskiy vestnik*. 18 August.
61. State Archive of Omsk Oblast. Fund 190. List 1. File 188. (In Russian).
62. Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Judges. (1914) *Otchet soveta prisyazhnykh poverennykh pri Omskoy sudebnoy palate za pervyy god. S 18 maya 1911 g. po 18 maya 1912 g.* [Report of the Board of Sworn Attorneys of the District of the Omsk Chamber of Justice for the first year. From May 18, 1911 to May 18, 1912]. Omsk: Irtysh.
63. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 531. File 203. (In Russian).
64. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 20 August.
65. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 29 August.

Received: 18 February 2018

К ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-е гг.

На основе архивных документов, опубликованных в книге «История движения студенческих строительных отрядов Томской области (1963–2004)», периодической печати, рассматриваются особенности развития и создания студенческих строительных отрядов Томской области, оценивается роль отрядного движения, его значимость в студенческой среде, в экономике страны. Также рассматривается становление студенческих строительных отрядов как специального института, занимавшегося воспитанием студентов.

Ключевые слова: Томский университет; студенческие отряды; студенты; строительные отряды.

В настоящее время наша страна вновь переживает период экономической и социальной модернизации, которая осуществляется в условиях жесткого противостояния со странами Запада. Вновь требуется мобилизация всех сил страны, чтобы сохранить ее суверенитет и безопасность. Сейчас активно поддерживаются различные студенческие движения, направленные на воспитание патриотизма молодежи. Актуальным является изучение опыта организаций студенческих объединений, который был накоплен в высших учебных заведениях России. Одним из интереснейших опытов мобилизации усилий молодежи страны является формирование студенческих строительных отрядов в советское время. Есть опыт исследования истории строительных отрядов в отдельных регионах страны [1–4]. Необходимо отметить, что их история применительно к томским вузам изучена слабо. Цель статьи – привлечь внимание общественности к истории студенческих строительных отрядов в Томске.

Участие студентов и учащихся в сельскохозяйственных работах было обычной практикой в советские времена. Известно также, что этот добровольно-принудительный труд в итоге привел к рождению мощного молодежного движения – студенческих отрядов, сначала целинных, затем – строительных. Этот феномен советских времен сейчас переживает второе рождение, строительные отряды вновь стали формой выражения социальной активности российского студенчества. В настоящей статье автор останавливается на некоторых страничках истории студенческих строительных отрядов Томска в 1960-е гг., когда движение только зарождалось.

С 1956 г. начинают свое движение целинные студенческие отряды, которые задавали тон всему отрядному движению области. Спустя некоторое время начали появляться строительные отряды, отряды летней физической математической школы и другие объединения.

Первое судьбоносное изменение в статусе студенческих отрядов ТГУ было принято в 1958 г., когда в Казахстане студенческие отряды собирали урожай. По итогам работы бюро Восточно-Казахстанского обкома ЛКСМК отметило выдающиеся результаты работы томичей, а комиссару отряда – студентке Историко-филологического факультета Томского университета Л.А. Голишевой была выдана грамота в знак признания ее заслуг в сборе урожая [5]. Спустя 6 лет 12 февраля 1964 г. на заседании бюро Томского

обкома ВЛКСМ «Об утверждении областного штаба студенческих строительных отрядов» было принято важное решение о создании и утверждении Томского областного штаба студенческих отрядов при обкоме ВЛКСМ. Командиром штаба был назначен Ю. Ларинцев из Томского инженерно-строительного института (ТИСИ) [6. С. 27].

Со временем студенческие отряды увеличивали свое влияние в студенческой среде и было огромным счастьем для любого учащегося попасть в ряды тружеников той или иной смены. Бывали случаи, когда отряды не могли принять всех студентов по причине маленького набора, или же наоборот – слишком большого количества студентов, которые желали попасть в строительные отряды ТГУ.

Бывали и необычные отряды, которые изначально формировались на общественных началах. Так, из справки № 13 главного врача студенческой плавучей поликлиники Б. Малофеева стало известно, что в том же 1964 г. группа из 13 студентов направилась из Томска в Каргасок. В чем заключалась работа плавучей бригады? Ее участниками обслуживались тяжелобольные на дому, по возможности проводились различные процедуры: внутривенные вливания, физраствор подкожно, промывание желудка и т.д. Этот вид общественной благотворительной инициативы в будущем создавал организационную и кадровую базу для формирования новых студенческих отрядов для так называемых плавучих поликлиник: со своей символикой, гимном, формой, излюбленными песнями у костра после рабочего дня и своим знаменем отряда.

1964 г. был особым в истории студенческих отрядов ТГУ, Томска и области. Студент С. Ломакин возглавил первый в истории ТГУ студенческий строительный отряд только из студентов университета, который отправился в Казахстан. «За год до этого ездил каменщиком с отрядом, состоявшим из студентов всех вузов Томска» – вспоминает С. Ломакин [7. С. 112–114]. Александр Иванович Данилов, на тот момент ректор Томского государственного университета, принимал активное участие в работе студенческих отрядов, он интересовался: «Кто начальник штаба, комиссар, главный инженер? С каких факультетов? Поедет ли врач?». Заинтересованность высшего руководства говорит о том, что организации студенческих отрядов в ТГУ придавали исключительно большое значение. Как позже вспоминал автор книги «Избранное», роль ректора в этом была ключевая.

Отряд не подвел: «... в этом году наш студенческий отряд занял 1-е место среди всех отрядов СССР (более 54 тысяч студентов из 142 вузов). Мы освоили 304 тысячи рублей капиталовложений, каждый студент за 2,5 месяца сделал среднюю годовую выработку рабочего-строителя». Итогом этого года стало торжественное награждение, которое проходило в Москве. С. Ломакин вспоминал: «6 декабря 1963 г. во Дворце съездов из рук секретаря ЦК ВЛКСМ Бориса Пастухова и маршала Семена Буденного я получил знамя. В честь командиров студенческих строительных отрядов (ССО) был дан большой концерт». Это очередной раз подчеркивает значимость студенческих отрядов для страны, их профессиональную пригодность, высокие результаты, студенческий дух братства и умение отвечать за итоговый результат.

Знаменательной датой для студенческих отрядов Томска стал 1966 г., когда состоялся Всесоюзный слет ССО, где был принят единый для всех отрядов устав. В том же году в Томской области появились новые отряды, которые занимались сбором урожая, ремонтом в общежитиях, выездом для лечения больных в труднодоступные уголки области. Перечислим только несколько известных отрядов: «Урюпинский», «Заветы Ильича», «Андреевский», «Зимняя целина» и другие [8].

Однако в студенческом движении Томской области не всегда все было гладко. В решении заседания Томского бюро обкома КПСС «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов» вменялось обязать парткомы, партбюро и ректораты вузов осуществлять повседневный контроль за формированием студенческих отрядов и бригад, обеспечить назначение руководителями отрядов и бригад лучших коммунистов и комсомольцев, направляя в необходимых случаях на эту работу преподавателей и аспирантов. Практически каждого студента могли привлечь для нужд студенческого движения. Отряды, изначально ставившие перед собой цель вовлечения в движение лучших из лучших студентов, начали превращаться в массовую организацию по использованию молодежного ресурса. Летом 1967 г. численность всех студенческих отрядов Томска превысила 4 тыс. человек, а в 1970 г. эта цифра составила более 5 тыс. [6. С. 66].

Начало 1969 г. ознаменовалось существенными изменениями в политическом и идеологическом сознании студентов. Дело в том, что студенческие строительные отряды переживали своего рода «перерождение» в специальный институт, который занимался не столько трудовым, сколько политическим воспитанием студентов. Это можно проследить по протоколу № 32

заседания Томского бюро обкома КПСС. В этом протоколе «О повышении роли строительных отрядов в трудовом и политическом воспитании студентов» студенческие отряды Томской области назывались «средством трудового и политического воспитания студенческой молодежи» [6. С. 66–67]. Число студентов, желающих поучаствовать в трудовой смене, увеличилось до 7,5 тыс. человек [Там же. С. 67].

Участников студотрядов старались всемерно поощрять. Так, студенту Цимбалисту Илье Тимофеевичу за особые заслуги перед отрядным движением была предоставлена половина оплаты стоимости туристической путевки в Японию. [9. Л. 44]. Для отрядного движения это был уникальный случай – еще ни один томский студент до этого не ездил в страну восходящего солнца.

Особого внимания заслуживает положение об организации студенческих отрядов «Об областном, краевом, республиканском штабе студенческих строительных отрядов». Решение за № 39 было принято на конференции областной комсомольской организации 4 октября 1969 г. Оно имело важные последствия для всего студенческого движения области. Положение включало в себя 5 основных подпунктов: основные задачи областного, краевого, республиканского штаба студенческих штабов; формы областного, краевого, республиканского штаба студенческих отрядов; состав областного, краевого, республиканского штаба; структура аппарата областного, краевого, республиканского штаба; организационно-финансовые вопросы [10. Л. 5–12]. Пункты положения формулировали основные идеи руководства комсомолом строительных студенческих отрядов: непосредственное практическое руководство формированием и подготовкой студенческих отрядов; мобилизация студенческих отрядов на выполнение принятых производственных программ; дальнейшее развитие и постоянное совершенствование работы студенческих отрядов. Работа предполагала регулярное проведение заседаний, распределение работы отрядов по заявкам хозяйств и ведомств. Программа-положение максимально отвечала требованиям времени и заставляла отряды еще больше мобилизоваться на решение народнохозяйственных задач.

Таким образом студенческие отряды в 1960-е гг. прошли большой путь от создания первых объединений во время хозяйственных работ до общественного признания их значения на всесоюзном уровне. Движение студенческих строительных отрядов приобрело массовый размах, стало традицией нового поколения студенчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Присутко В.А. Исторический опыт советского государства и общества по вовлечению студенческой и учащейся молодежи в решение народно-хозяйственных задач посредством студенческих строительных отрядов. 1959–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 28 с.
2. Яровикова В.А. Трудовые и социальные инициативы учащейся молодежи Алтайского края в 1950–1980-е гг. (на примере движения студенческих отрядов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 23 с.
3. Бурахина О.А. Студенческие строительные отряды Тамбовской области: исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 170 с.
4. Клинов В.Ю. Ленинградские студенческие строительные отряды на завершающем этапе истории советского государства. 1978–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 241 с.
5. Почетная грамота Областного комитета ЛКСМК «Бюро Восточно-казахстанского обкома ЛКМСК – награждает Голишеву Любовь – студентку Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева за умелое руководство отрядом студентов, работавших в совхозе «Передовой» Уланского района на уборке урожая 1958 года» // Из личного архива Э.И. Черняка.

6. История движения студенческих строительных отрядов Томской области (1963–2004) : сборник документов и материалов / отв. ред. А.А. Фрицлер. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005, 390 с.
7. Ломакин С. Избранное. Т. 1. Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2011. 358 с.
8. Никифорова Э.А. Начало движения студенческих строительных отрядов в Томске // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов X Международной молодежной научной конференции (Томск, 16–18 апреля 2014 г.). Томск, 2014. Вып. 10, т. 1. С. 75–79.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 608. Оп. 40. Д. 13.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 608. Оп. 40. Д. 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 февраля 2018 г.

ON THE HISTORY OF THE MOVEMENT OF TOMSK OBLAST STUDENT CONSTRUCTION TEAMS IN THE 1960S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 87–89.

DOI: 10.17223/15617793/433/11

Elina A. Nikiforova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elina.nikiforova@gmail.com

Keywords: Tomsk university; student teams; students; construction teams.

The present article discusses the plot of the social life of Tomsk in the late 1950s and early 1970s, connected with the emergence of the movement of student construction teams. The generalization of the experience of organizing student associations, which was accumulated in higher educational institutions of Russia, is now in demand in connection with the new mobilization of the intellectual and organizational potential of youth to solve the country's tasks of modernization. Despite the fact that in Tomsk student teams appeared among the first in the USSR, their history has been studied extremely poorly. Except the collection of documents and memoirs, there is practically no information about it. The aim of the article is to draw public attention to the history of student construction teams in Tomsk. The author notes that the participation of students and pupils in agricultural work was common practice in Soviet times. This voluntary and forced labor eventually led to the emergence of a powerful youth movement – student teams. At first, they developed virgin lands, later they took part in construction works. In the article, the author dwells on some pages of the early history of the student construction teams of Tomsk, when the movement was just beginning. Since 1956, student teams for virgin lands development appeared, then construction teams, detachments of the summer physics and mathematics school and other associations were organized. In the 1960s, the student movement turned into a mass movement. Heads of Tomsk universities paid considerable attention to its development. The author demonstrates this fact on the example of the position of A.I. Danilov, the rector of Tomsk State University. The leaders of the Komsomol organizations of the region also saw the nonprofessional student movement as a powerful tool of labor and ideological-patriotic education of the youth and headed it. Party and economic leaders hastened to take advantage of the labor resources of the student movement. Student construction teams were reorganized in a special institution, which dealt not so much with labor but with the political education of students. The author proves this with the content of Protocol 32 of the meeting of the Tomsk Bureau of the Regional Committee of the CPSU in 1969. In this protocol “On increasing the role of construction teams in the labor and political education of students”, student teams of Tomsk Oblast were called a “tool for labor and political education of student youth”. The number of students wishing to participate in the labor shift increased from several hundred enthusiasts in the late 1950s up to 7.5 thousand people. The author comes to a conclusion that student teams in Tomsk in the 1960s developed from the establishment of first associations during general labor activities to the public recognition of their significance as a means of utilizing the labor and organizational potential of the youth, an indispensable means of political education of students. The movement of student construction teams has acquired a massive scale, it has become a tradition of the new generation of students.

REFERENCES

1. Pristupko, V.A. (1998) *Istoricheskiy opyt sovetskogo gosudarstva i obshchestva po vovlecheniyu studencheskoy uchashcheysha molodezhi v reshenie narodno-khozyaystvennykh zadach posredstvom studencheskikh stroitel'nykh otryadov. 1959–1990 gg.* [The historical experience of the Soviet state and society in involving students and pupils in solving national economic problems through student construction teams. 1959–1990]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
2. Yarovikova, V.A. (2017) *Trudovye i sotsial'nye initsiativy uchashcheysha molodezhi Altayskogo kraya v 1950–1980-e gg. (na primere dvizheniya studencheskikh otryadov)* [Labor and social initiatives of students of Altai Krai in the 1950s–1980s (on example of the movement of student teams)]. Abstract of History Cand. Dis. Barnaul.
3. Burakhina, O.A. (2006) *Studencheskie stroitel'nye otryady Tambovskoy oblasti: istoricheskiy opyt* [Student construction teams of Tambov Oblast: historical experience]. History Cand. Dis. Tambov.
4. Klimov, V.Yu. (2002) *Leningradskie studencheskie stroitel'nye otryady na zavershayushchem etape istorii sovetskogo gosudarstva. 1978–1991 gg.* [Leningrad student construction teams at the final stage of the history of the Soviet state. 1978–1991]. History Cand. Dis. St. Petersburg.
5. Personal Archive of E.I. Chernyak. (1958) *Pochetnaya gramota Oblastnogo komiteta LKSMK “Byuro Vostochno-kazakhstanskogo obkoma LKSMK – nagrazhdeta Golishhev Lyubov” – studentku Tomskogo gosudarstvennogo universitet im. V.V. Kuybysheva za umeloe rukovodstvo otryadom studentov, rabotavshikh v sovkoze “Perekovoy” Ulanskogo rayona na uborke urozhaya 1958 goda* [Honorary Diploma of the Regional Committee of the Lenin Communist Youth Union of Kazakhstan “Bureau of the East Kazakhstan Regional Committee of the Lenin Communist Youth Union of Kazakhstan awards Lyubov Golisheva, a student of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev for the skillful management of a student team that worked at the state farm “Perekovoy” of the Ulan district on harvesting in 1958”].
6. Fritsler, A.A. (ed.) (2005) *Istoriya dvizheniya studencheskikh stroitel'nykh otryadov Tomskoy oblasti (1963–2004): sbornik dokumentov i materialov* [History of the movement of student construction teams of Tomsk Oblast (1963–2004): documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Lomakin, S. (2011) *Izbrannoe* [Selected works]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo “Vektor Buk”.
8. Nikiforova, E.A. (2014) [The formation of the movement of student construction teams in Tomsk]. *Voprosy istorii, mezdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Issues of history, international relations and document studies]. Proceedings of the 10th International Youth Conference. Tomsk. 16–18 April 2014. Is. 10(1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 75–79. (In Russian).
9. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 608. List 40. File 13. (In Russian).
10. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 608. List 40. File 8. (In Russian).

Received: 16 February 2018

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЖИЛИЩА «ТУРА» У ХАКАСОВ

Рассматривается проблема происхождения и развития автохтонных жилищ срубных конструкций у хакасов. Данная тема является малоисследованной в хакасской этнографической науке. Результаты исследования на основе приведенного письменного, этнографического, археологического материала позволяют считать срубные деревянные однокамерные отапливаемые жилища хакасов типа «тура» и многоугольные юрты без чердачной крыши и с земляным полом – автохтонными как для хакасов, так и для некоторых коренных народов Саяно-Алтая. Время бытования таких жилищ у хакасов прослеживается в период XVIII в.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинский край; традиционные жилища народов Саяно-Алтая; «тура»; срубная юрта; жилища тагарского населения; хакасы; русские.

В проблемных вопросах развития и эволюции традиционных жилищ народов Саяно-Алтая особое место занимает вопрос автохтонности и архаичности происхождений жилищ срубных деревянных конструкций. Проблема существования и развития срубной техники строительства у хакасов на сегодняшний момент времени актуальна в силу своей хронологической неопределенности возникновения.

Цель статьи: на примере этнографических и археологических данных рассмотреть проблему времени возникновения и развития жилища *тура* в материальной культуре хакасов.

Задачи исследования: выявить конструктивные особенности жилища типа *тура*, определить время перехода коренных народов Саяно-Алтая к жилищам подобного типа, сопоставить археологические данные по жилищам срубных конструкций тагарского населения с этнографическими данными по жилищам срубного типа у хакасов.

Этнографической базой, содержащей сведения о жилищах срубного типа, являются материалы из путешествий и экспедиций в Хакасско-Минусинском крае (далее – ХМК) и сопредельных территорий. В 1741 г. от низовьев до верхнего течения Чулымса в рамках экспедиции проехал И. Фишер, который оставил описания жилищ чулымских татар¹, живших в зимних и летних юртах, а некоторые, наподобие русских, уже в черных избах, имеющих окна из свиного или бычьего пузыря, иногда закрытые куском льда [1. С. 171]. И.Г. Георги, описывая образ жизни чулымских татар, называет их зимние жилища «избы». Характеризуя «всегдашние зимние деревни и подвижные летние юрты», он отмечает, что «деревни» состоят обыкновенно из одного только семейства, «почему большая половина деревень их малы, однако в иных есть больше ста, а в одной при Чулыме лежащей из 240 душ». Зимнее и летнее жилище он сравнивает с жилищами барабинских татар². Зимнее жилище сооружалось из тонкого строевого леса, имело сени, отверстие в потолке³. Стены жилища делали «наискось или покато»⁴, а для утепления снаружи они заваливались землей. Около изб строили чуланы (видимо, кладовые. – Е.П.) и «клевы» (помещение для скота. – Е.П.). «Летние юрты» покрывались берестой. Скромная утварь жилища изготавливалась в основном из дерева, коры или кожи. [2. С. 144–145]. Н.Н. Козьмин, ссылаясь на П.С. Палласа, отмечает

строительство кызыльцами в XVIII в. изб примитивного типа – в виде ящика из тонких бревен. Аналогичные упоминания имеются у князя Кострова относительно качинцев. Зависимость имущественной дифференциации коренных жителей от типа жилищ отмечал также губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, описывая низкие, плохо прикрытые срубы, с бедной обстановкой внутри. Жилища эти служили зимним вариантом жилищ для бедных аборигенов [3. С. 123]. Н.Н. Козьмин делает вывод, опираясь на свидетельства П.С. Палласа, путешествовавшего в регионе, что из-за близкого расположения богатых автохтонов к русским властям они имели построенные дома русского типа, но это имело, по его мнению, показной характер, а не показательный (т.е. дающий основание для выводов. – Е.П.) [Там же. С. 169]. Этнограф Николай Костров в середине XIX в. отмечал наличие у кызыльских татар деревянных юрт (рис. 1), которым он дает привычную для русской материальной культуры номинацию дом [4. С. 15]. Вероятно, предположить, что данная номинация возникла на основе уже бытавшего в языке хакасов слова, имевшего в их быту реальное воплощение в виде жилища срубной конструкции.

В истории развития традиционных жилищ хакасов к середине XIX в. происходит исчезновение войлочной и берестяной юрты⁵, что приводит к появлению переходной формы рубленной бревенчатой юрты – окруженной конической дощатой, без корьевого покрытия или же жерdevой, крытой поверх корой лиственницы или березы [6. С. 28–29]. Описывая домашний быт кызыльцев, как приобретший черты русского крестьянского быта, Л.П. Потапов пишет, что многоугольные юрты встречались редко и только как летнее жилище, а их строительство прекратилось уже с половины XIX в. [7. С. 193]. Позднее переходные формы юрт исчезают у всех хакасов совсем, что обычно связывается с влиянием русской культуры и переходом от скотоводства и охоты к земледельческому быту, основанному на оседлости. Изменение быта привело к потребности обладания новым жилищем – *турой*, которое первоначально встречалось на зимниках у баев, что отвечало характеристике престижности их владения, а позднее стало распространяться повсеместно и массово. Распространение *туры* влекло заимствование новой техники строительства – врубке по углам горизонтально положенных бревен друг в друга [6. С. 29].

Рис.1. Юрта Марии Тюдешевой. Аал Перевозное Аскизский район Республика Хакасия. Сентябрь 1984 г.
(рисунок художника Н. Учкиной из личного архива А.И. Поселянина)

В хакасском языке появление номинации «*tura*⁶» обычно связывается с первыми домами срубной конструкции, заимствованными из русского быта. Данная особенность отражена в преданиях бельтыров, которые свидетельствуют о времени появления «*tury*». В одном из преданий повествуется о сыне Коркияка, которого звали Турачак (от слова «*tura*» – домик). Это был человек, который родился в доме, чем и объясняется происхождение его имени. От предка Кан Сюлю до Турачака насчитывалось одиннадцать колен, и девять колен со времени признания над собой власти Белого царя. Значит, по расчетам Ю.А. Шибаевой, появление дома у бельтыр датируется концом XVIII в. [6. С. 4]. Слово «*tura*» использовалось в хакасском языке для наименований острогов и городов в регионе и в целом для Сибири: Сойан-турс – Саянский острог (1718 г.), Арбыйт-турс – форпост Арбаты (1758 г.) Том-турс – г. Томск (1604 г.), Аба-турс – Кузнецк (1618 г.); для названий деревень: Тес-турс – д. Тесь (Минусинский р-н), Афбан-турс – с. Абаканская (первое поселение русских в ХМК); для особенностей географических мест региона: Турс Хол – лог со скалами в виде домов, Туралың аас – крепостной склон в центре горного массива Б. Оглахты [9. С. 16–17, 26, 108, 126, 134, 139]. Деревянные постройки в сравнении с переносной юртой соответствовали характеристике укрепленного постоянного здания, что отражено в языке. Приведенные факты, конечно, отражают зависимость применения слова *tura* от уже бытующих материальных объектов строительной практики русского зодчества, но объясняют бытование термина отчасти, как и время его появления.

Этнограф Ю.А. Шибаева, изучавшая историю хакасского жилища, переходными формами к современному дому русского типа считала землянки-зимники «чир-иб» и рубленые юрты с земляным полом и купо-

лообразной корьевой крышей. У сагайцев в таежной части Аскизского района землянки⁷ имели вид небольших избушек с земляным полом. Стены были бревенчатые, уложенные горизонтально из бревен, укрепленных в угловые столбы, или были рубленными. Стены жилища были поставлены прямо на землю. Крыша делалась из досок, засыпанных сверху землей. Очагом служил «соол» с трубой, установленный в северо-восточном углу и имеющий открытую спереди устье. Окна землянки были из бычьего пузьря. Эти землянки представляли наземные постройки и были таковыми условно, им Ю.А. Шибаева дает определение, что это «скорее дома (*tura*) с земляным полом и примитивным очагом» [6. С. 7–8]. Позднее появление дощатых полов в деревянных жилищах связывается именно с влиянием русской культуры. Изготовление срубных жилищ в таежной части региона требовало учета природно-географических условий местности, что во многом определяло типологию такого деревянного жилища, а его распространение было обусловлено традициями не только русского деревянного зодчества.

Существование специальной терминологии и бытование плотницких инструментов у аборигенного населения региона свидетельствует о сложившейся традиции деревянного домостроения: «Тартхы» – скобель для снятия коры с дерева, «Адылза» – тесло, «Иег» – пила, «Толаткы» – долото, «Кире» – пила лучковая [8. С. 115, 177, 321, 597, 642]. При изготовлении деревянных юрт хакасами использовался вид топорика «курук», которым ранее, до появления русского топора, велась вся плотничья работа. Этот топорик применяли при заготовке досок, когда раскалывали им дерево на 2–3 доски вдоль, таким образом заготавливая с его помощью дранье для покрытия крыш. На момент сбора полевых материалов (середи-

на ХХ в.) его использование было отмечено в таежных районах Таштыпского района [6. С. 31]. Использование хакасами специальных плотницких инструментов для обработки древесины, сохранившихся в период массового распространения жилищ традиционного русского типа, также позволяет нам говорить о дорусской традиции деревообработки хакасов в таежных районах ХМК, что подтверждает мысль об автохтонности их срубных жилищ.

Таким образом, не имея достаточно четких этнографических данных о бытении жилищ срубного типа, типичных для хакасов, все же можно констатировать, что в их восприятии наименование «тура» было им близко по причине подобности собственных квадратных срубных жилищ традиционным жилищам русского населения. Отсюда и перенос части конструктивных и функциональных признаков *туры* на жилища срубного типа, например, срубных многоугольных юрт. Для жилища типа «тура» к исконным местным особенностям можно отнести следующие черты: возможность частичного углубления постройки в землю, небольшой размер и квадратность сруба, его малая высота и однокамерность, отсутствие потолка, плоское покрытие-накат, кровля из бересты и земли (дерна), рубка в охряпку и без паза вдоль бревна, неровные торцы бревен (работа без пилы), внутренняя промазка глиной пазов стен и самих стен, малое окно-два (изначально – их отсутствие), земляной или выстланый плахами пол, нары или лавки вдоль стен, чувал сбоку от двери [10. С. 15].

Этнографы и ряд других специалистов склонны считать, что деревянные жилища хакасов и в целом народов Саяно-Алтая есть влияние русской культуры домостроительства. Мнение, что срубные дома хакасов появились с середины XVIII в. под влиянием русского народного зодчества [11. С. 33], является устоявшимся. «Почвой» для его существования является отсутствие упоминаний в исторических источниках о явно выраженных срубных деревянных жилищах автохтонов ХМК и стереотип восприятия их кочевого образа жизни в связи с жизнью в юрте.

Для территории ХМК, ставшей местом проникновения сюда ученых с первой четверти XVIII в., подобное восприятие может быть объяснимо их интересами. Традиционные жилища хакасов – юрты – стали для прибывших в регион путешественников и исследователей преимущественно распространенным маркером этнической культуры коренного населения⁸. Можно предположить, что жилища аборигенов срубных конструкций, видимо имевших распространение в пред- и таежной части, как правило, не попадавших во внимание путешественников-исследователей⁹, в связи со спецификой пролегания как основных маршрутов¹⁰, так и нахождением основной части населения в степи, не вызывали у них должного внимания по причине схожести с деревянными домами представителей пришлых славянских и иных культур. Тогда и сейчас устоявшееся мнение об основном традиционном жилище хакасов – юрте и ее преобладании – укреплялось спецификой этнических контактов в пределах традиционного безлесного ареала территории

расселения этноса и специфике его хозяйствования. Однако природно-географические особенности ХМК, резко-континентальный климат, природные условия таежных мест региона не могли не привести к появлению срубных деревянных жилищ.

Проблемам изучения истории жилищ коренных народов Саяно-Алтая посвящены работы: Н.Н. Харузина [13], А.А. Попова [14], С.А. Вайнштейна [15], Е.М. Тощакова [16. С. 63–124], С.Н. Тихонова [17], З.П. Соколова [18], В.Я. Бутанаева [19. С. 69–80]. В ряде этих работ выражено мнение, что более правильной представляется концепция об автохтонном и архаичном происхождении деревянного жилища у многих народов Южной Сибири. В пользу данной концепции свидетельствует язык. Так, на примере языка западных бурят, в котором отсутствует лексика, связанная с войлочным жилищем, а термины, обозначающие части деревянной юрты, имеют мало общего с терминами, имеющими отношение к деревянному жилищу, делается вывод об автохтонности деревянного жилища. Термины, относящиеся исключительно к деревянному жилищу, это подтверждают: «тура» – изба, «соол», «оөор» – пол, «ноин модон» – матица, «хана» – стены дома [20. С. 305]. Еще К.В. Вяткина, исследуя сходство ряда черт материальной культуры у западных бурят и южных алтайцев и задаваясь вопросом их появления, обратила внимание на внешнее сходство конструктивных особенностей традиционных жилищ этих этносов. Временем перехода к многоугольной срубной форме жилища в среде народов Саяно-Алтая (бурят, хакасов, алтайцев) она считает период сокращения пастищ и переход на оседлость [21. С. 23]. Появление срубных жилищ могло произойти задолго до знакомства с русской строительной культурой. Так, З.П. Соколова деревянную юрту бурят относит к группе автохтонных срубных сооружений, свойственных культуре народов Южной Сибири в целом [18. С. 141]. Е.М. Тощакова, С.Н. Тихонов жилища бревенчатого срубного типа у алтайцев также считали традиционными (в значении автохтонных) для этих народов [16. С. 108–109; 17. С. 60]. Таким образом, данные факты позволяют нам говорить об автохтонности срубных юрт в целом для коренных этносов Саяно-Алтая, а представление об определяющем влиянии русского деревянного зодчества на строительную культуру аборигенного населения региона требует своего пересмотра. На наш взгляд, деревянное срубное зодчество у автохтонов имеет в регионе еще более древнюю традицию, уходящую своими корнями в археологическое прошлое региона.

Обращение к наиболее консервативной похоронно-поминальной части традиционно культуры коренного населения ХМК позволяет принять во внимание сведения о срубных конструкциях ряда погребений хакасов. Они есть вариант воплощения в могильных сооружениях конструктивных элементов реальных жилищ этнографического периода, а владение техникой возведения конструкций из дерева (срубного типа) воплощено в срубе (доме мертвых), устанавливаемых на могилах погребений коренных жителей региона [22. С. 181] (рис. 2).

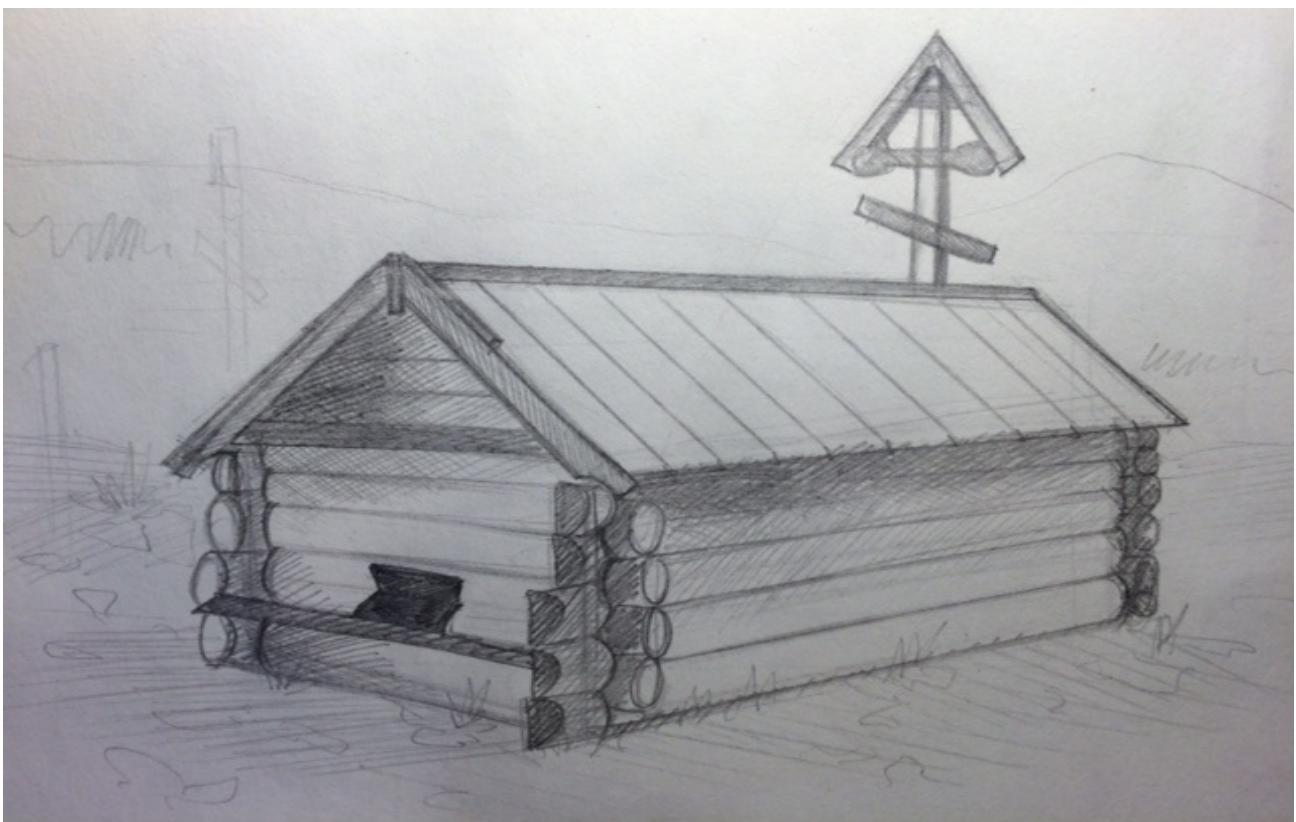

Рис. 2. Надмогильная постройка сагайцев улуса «Базинская Бея» (рисунок В.Е Прищепа)

В последующие эпохи у хакасов дома мертвых, в которых согласно представлениям обитала душа погребенного, в традиционном народном сознании ассоциировались с реальными постройками. Так, у бельтыр в XIX в. Н.Ф. Катановым была записана легенда о существовании чудского народа, курганы которых являлись их жилищами, державшимися на подпорах. Когда выросла белая береза, то чудский народ сказал: «Родился Белый Царь (т.е. русский царь). Чем нам жить с ним, лучше наложим на себя руки!» С этими словами чудский народ подрубал подпоры своих жилищ и был задавлен в них под весом землей, которая была на крышах [23. С. 56]. Некоторые черты обряда захоронения умершего человека у койбалов имитировали черты курганных сооружений: могилу умершего после засыпания землей обкладывали с боков каменными кучами [Там же. С. 70]. Погребальные сооружения таким образом в уменьшенном виде повторяли конструкцию современных им жилищ, причем типа тура.

Исследователями отмечено, что надмогильные сооружения в обрядовой практике тюрков Саяно-Алтая ассоциируются с домом, жильем человека в ином мире. Поэтому, например, верховские шорцы внутри погребальной камеры ставили сруб или сооружали жердяной помост, низовские шорцы аналогичный сруб с плоской крышей ставили над могильным холмом [24. С. 127]. Восприятие и ассоциация с жилыми постройками надмогильных сооружений этносов Саяно-Алтая выступает явлением общим для них.

В отечественной археологической науке сложилось устоявшееся мнение, что в основе архитектуры погребальных сооружений лежит традиция домостроения [25. С. 59; 26. С. 56; 27. С. 215; 28. С. 215; 29.

С. 27–28; 30. С. 13; 31. С. 28–30]. Найдки погребальных археологических срубных конструкций – яркий пример и свидетельство этому.

Уникальный памятник региональной наскальной культуры тагарского времени – Боярские писаницы – свидетельствуют об общности материальной и духовной культуры, сложившейся в регионе ко времени его создания (II в. до н.э. – первая половина I тыс. н. э. [32. С. 96]. В числе изображений на Писаницах одно из особых мест занимают деревянные срубные дома (рис. 3). Проблеме интерпретации типологически разных жилищ Боярских писаниц и их сопоставлению с похожими традиционными жилищами хакасов посвящена наша работа [33].

Жилища явно срубного типа на петроглифах сопоставимы с известными типами срубных построек аборигенного населения этнографического периода. В.Г. Карцов отмечал, что у жилищ на Боярских писаницах концы фасадных стропил выступают вверх и перекрещиваются, что напоминает избушки на могилах сагайцев. Качинцы могилы покойников обкладывали плитами, а богатые делали деревянные голбчики (надмогильные памятники в виде срубов) и ставили кресты или простые столбики в зависимости от того, был умерший крещен при жизни или нет [34. С. 112].

Как и у хакасов, в изготовлении жилища представителями тагарской культуры отмечено широкое использование дерева: для кровли – коры деревьев, для остова и срубных конструкций – в основном лиственницы. Существование жилищ срубной конструкции в эпоху тагарской культуры вполне может быть обусловлено высоким уровнем развития деревообработки. Древние горные выработки тагарцев, обильно

представленные в Минусинской котловине, свидетельствуют о большой роли и распространенности

металлоизделий из бронзы, меди и не ранее III в. до н.э. из железа в быту тагарцев [35. С. 139].

Рис. 3. Малая Боярская писаница. Жилище срубного типа (фото автора; без масштаба)

Развитая деревообработка позволяла им строить срубные деревянные сооружения. В отношении срубных жилищ мы можем сказать это менее убедительно (исходя из малого количества сохранившихся срубов тагарских жилищ¹¹). Однако деревянные конструкции погребальных камер в виде срубов, рубленых «в лапу», «в обло», горбыль, и изготовление тонких досок – являются свидетельством высокого профессионализма в деревообработке. Применение в технологии строительства топоров бронзовых, проушных (плоскообушных и фигуранообушных) [36. С. 131] осуществлялось как для погребальных сооружений, так и для изготовления жилых домов.

Бытовые памятники тагарской культуры в настоящее время археологами изучены слабо, а обнаруженные археологами поселения и исследованные ими жилища с хозяйственными постройками немногочисленны. Эти причины, а также наземный характер жилищ, с одной стороны, не позволяют в полной мере реконструировать облик тагарского жилища (в том числе и срубного). Но, с другой стороны, позволяют одним из типов построек наземного срубного типа, конструктивно напоминающих устройство деревянных поминальных сооружений, считать срубные деревянные жилища [37; 38. С. 96; 39; 10].

Отмеченное сходство конструкций жилищ и погребальных сооружений в Сибири [18. С. 184; 40. С. 16–17, 48] закономерно подтверждает мысль о том, что если погребальные сооружения отличаются сложностью конструкции, то вполне и более вероятно, что подобные конструкции могли быть использованы или повторялись в реальных постройках этого населения. Например, изготовление бревенчатого сруба методом «в лапу», «в обло» практиковалось древними тагар-

цами при захоронениях своих соплеменников. Э.Б. Вадецкая предполагает, что гробницы тагарцев изготавливались по типу жилых домов тагарцев: «Это были полуzemлянки, стены которых укреплены тонкими бревешками, поставленными вплотную друг к другу... Вплотную к тыну ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. Яму закрывали несколькими накатами бревен, поверх них берестой, иногда плитками и всегда брикетами дерна. Покойников клади на пол, а в случае особенно большого числа укладывали или рассаживали на полати из досок или бревен, вставленных в щели между нижними венцами сруба. Полати – лежаки устраивали с двух или трех сторон сруба» [41. С. 70]. Погребальные камеры могли быть имитацией жилищ, вплоть до воссоздания его внутренней интерьера, поэтому маловероятно, что такая сложная техника изготовления погребальных конструкций в виде «домов» в гробницах у тагарцев не была востребована при реальном изготовлении жилищ. Поэтому многочисленность погребальных камер срубного типа с полами и перекрытиями позволяет утверждать об явно устойчивой традиции деревянного строительства рубежа середины I тыс. до н.э.

Имеющаяся совокупность из данных археологических и этнографических материалов, наскальных изображений с большей долей вероятности позволяет реконструировать жилища срубного типа, представленных на писаницах. У народов Саяно-Алтая хронологически бытование деревянных домов отмечено на Алтае – пазырыкская культура [27. С. 56; 42. С. 257; 43. С. 37, 45], Тыве и Северо-Западной Монголии – юкская культура [40. С. 16–17, 48], в Хакасии, в рассматриваемой нами тагарской культуре (VIII–II вв. до н.э.). Привлечение данных археологии в подтверждение срубной конструкций этих жилищ происходит

через обращение к погребальным конструкциям сооружений. По мнению И.Л. Кызласова, обращение к ним с учетом стадиальности присущего им символизма вполне сопоставимо для раннего железного века, когда жилище воспроизводилось в конструкции могил, а курганные постройки воссоздавали облик Вселенной [44. С. 96].

Используемые нами этнографические материалы по культуре хакасов для возможностей сопоставления материала по типам, конструктивным и пространственным особенностям жилищ и образа жизни рассматриваемых народов Хакасско-Минусинской котловины этнографических и археологических эпох, обусловлено схожестью условий их образа жизни в Минусинской котловине. В этой связи сопоставление основных типов жилищ и схожесть хозяйственной деятельности представляется для нас возможными и вполне закономерно обусловленными. Жилище, как наиболее устойчивая сфера материальной культуры, позволяет нам сопоставлять жилые постройки тагарской культуры (срубного типа) с конструкциями известных этнографических типов жилищ коренных народов Саяно-Алтая, в частности, для чулымских татар, кызыльцев, качинцев, белтыр, сагайцев.

Анализ ареала этнографических аналогий жилищ типа «тура» у народов Саяно-Алтая и специфика срубных конструкций всех археологических культур

раннего железного века Саяно-Алтайского нагорья (пазырыкской на Горном Алтае, уюкской в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии, тагарской в Хакасско-Минусинской котловине) свидетельствуют об актуальности данной проблемы¹² и необходимости дальнейшего изучения генезиса жилища *тура* в системе традиционного жизнеобеспечения.

Таким образом, развитие и существование жилища типа «тура» у хакасов имело место в районах таежной местности, но по причине отсутствия прямых упоминаний в источниках не было известно. Жилища срубных конструкций типа многоугольных однокамерных юрт или *тура*, как у русского населения, но без чердачной крыши и с земляным полом (как правило) следует считать автохтонным для хакасов. Начало влияния русского деревянного зодчества на развитие в дальнейшем хакасского жилища типа «тура» хронологически соответствует периоду XVIII в. и заключается в изменении, в последующем времени, архитектурных форм этого жилища. Данное влияние в конструктивном отношении отразилось на генезисе традиционного жилища хакасов, что в процессе исторического развития в регионе привело к изменению устройства крыши, полов, планиграфии, системы освещения и отопления и в конечном итоге исторического развития привело к бытованию домов русского типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потомки мелецких татар. Тюрский народ, название происходит от реки Чулым (приток Оби). Позднее в большей степени ассимилировались с хакасами и русскими.

² Коренное тюркоязычное население Барабинской степи части междууречья Оби и Иртыша.

³ Описывая зимние жилище барабинских татар, И.Г. Георги упоминает отверстие в потолке и дает его функциональное применение, которое заключается в «исходении пара», для освещения жилища, но также «сколько для того, чтобы в случае великих метелей из хижины вылезать на двор сим отверстием и опростиывать (очищать, освобождать от снега. – Е.П.) двери» [2. С. 114].

⁴ «Покато» – в значении наклона, например в сторону сужения крыши. Если с вариантом изготовления стен жилищ «покато» более понятно, то вариант «наискось», видимо, следует соотнести с характеристикой жилища, в котором количество стен более четырех. Принимая во внимание такой вариант трактовки, следует воспринимать данное жилище, как жилище, у которого остав имел многогранную форму.

⁵ Данный период времени следует считать временем появления бревенчатой юрты у кызыльцев. У качинцев переход состоялся во второй трети XIX в., в это же самое время и у сагайцев, белтыр, койбал, позднее у шорцев [5. С. 114–115; 6. С. 29].

⁶ «Тура» в значении – здание, дом, изба. «Улас тура» – пятистенный дом [8. С. 677]. Ю.А. Шибаева, считая тура общехакасским названием дома, возводит это слово от глагола «турапа» (общетюркский термин) – стоять.

⁷ Имели номинации: «чир тура», «кічіг тура» или «чир иб» [6. С. 7].

⁸ Путешественников обычно в новых местах поражает то, что является для них незнакомым и необычным, например, белые юрты, покрытые сверху бересковой корой. Географ-путешественник П.А. Чихачев писал, что юрты качинцев: «приятно поражали издалека, имели радостный и свежий вид». Он приводит данные о количестве юрт (4541) и изб (267) на общее число жителей (19722), что составляет на одно жилище около четырех человек [12. С. 207].

⁹ Путешествовавший П.А. Чихачёв в 1842 г. по маршруту из Барнаула через Хакасско-Минусинский край упоминает о хижинах, построенных наподобие русских изб в районе р. Джебаш [12. С. 202]. Причем в контексте не понятно, возникли ли они под влиянием русской культуры или нет.

¹⁰ Маршруты П.С. Палласа, И.Г. Гмелина пролегали по ХМК от устья р. Абакан (вблизи г. Минусинска), но в отличие от них П.А. Чихачёв, например, путешествовал в регионе от верховьев р. Абакан (таежная часть).

¹¹ К югу от г. Красноярска были найдены остатки деревянного рубленого дома 4×4 с остатками тагарской керамики. Устройство кровли, как наиболее сложноподдающейся реконструкции части жилища, наряду с его параметрами и планиграфией, к сожалению, проследить не удалось [36. С. 167].

¹² И.Л. Кызласов, использовавший археологические данные отмечал, что жилище «тура» относится еще к дотюркскому южносибирскому типу построек [10. С. 15]. На наш взгляд, отмеченные нами: срубные традиции погребальных камер археологических культур Саяно-Алтая, изображения жилищ срубного вида на петроглифах Бояр, немногочисленные останки жилищ срубного типа тагарского населения региона свидетельствуют о традиции бытования срубных жилых построек типа *тура*. Эта традиция археологических эпох могла войти в культуру хакасов, о чем свидетельствует анализ приведенного нами в статье материала, что еще раз укрепляет предположение об автохтонности жилища *тура*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакасское книжное издательство, 1957. 308 с.
2. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других нерещенного еще происхождения северных сибирских. СПб. : Имперская АН, 1799. 246 с.

3. Козьмин Н.Н. Избранные труды : Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. Абакан : «Журналист», 2010. 311 с.
4. Костров Н. Кизильские татары. Казань, 1853. 36 с.
5. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск : Типография Енисейского губернского управления, 1898. 213 с.
6. Шибаева Ю.А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ, Рук. Фонд № 352. 140 с.
7. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан : Хакасское областное государственное изд-во, 1952. 220 с.
8. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
9. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан : УПП «Хакасия», 1995. 268 с.
10. Кызласов И.Л. Пратюрские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва–Самара, 2005. 96 с.
11. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 88 с.
12. Чихарёв П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. 360 с.
13. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народов России. М. : Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1896. 132 с.
14. Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л. : Изд-во АН СССР. 1961. С. 131–226.
15. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. № 4. 1976. С. 42–62.
16. Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.
17. Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. С. 55–64.
18. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М. : Изд.-полигр. агентство «ТриЛ», 1998. 284 с.
19. Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрок Хонгорая. Абакан : ООО «Журналист». 2014. 316 с.
20. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
21. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л. : Наука, 1969. 218 с.
22. Карцов В.Г. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай // УЗ ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. 1960. С. 169–181.
23. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-литография Императорского Казанского университета, 1897. 104 с.
24. Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1989. 189 с.
25. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
26. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1948. 73 с.
27. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
28. Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // Советская археология. 1956. Т. 26. С. 204–230.
29. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
30. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.
31. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 232 с.
32. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М. : ИА РАН, 2011. 382 с.
33. Прищепа Е.В. Сопоставление изображений жилищ Боярских писаниц с особенностями традиционных жилищ и образом жизни населения Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX веках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 108–116.
34. Карапанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Живая старина–III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX – начало XX века). Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010. С. 101–126.
35. Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С. Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. 224 с.
36. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири : матер. и исслед. по археологии. Вып. 9. М.–Л. : АН СССР, 1949. 364 с.
37. Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
38. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
39. Абсалаимов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 34–42.
40. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
41. Вадецкая Э.Б. Имитации мертвых для продления их жизни // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. I. С. 66–80.
42. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
43. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 282 с.
44. Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2009. С. 95–130.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

ON THE GENESIS OF THE KHAKASS DWELLING “TURA”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 90–98.

DOI: 10.17223/15617793/433/12

Yevgeny V. Prischepa, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: pri-evg@mail.ru

Keywords: Khakass-Minusinsk region; traditional dwellings of the Sayan-Altai peoples; “tura”; log yurt; dwellings of the Tagar population; Khakass; Russians.

The article is devoted to the issue of the genesis of autochthonic types of dwellings of the indigenous people of the Khakass-Minusinsk region – the Khakass. The established opinion about the borrowing of the log type of dwelling from the alien Russian population and its distribution in Southern Siberian peoples' culture is crucial in Russian ethnography. The historically prevailing nomadic life style which led to the distribution of a yurt as the basic type of dwelling, and lack of direct evidence of the existence of dwellings of a stationary log type is the reason for the domination of this opinion. However, the diverse natural and climatic conditions of the Khakass-Minusinsk region had to lead to the development of dwellings of a wooden type, in particular their distribution in taiga areas of the natives' accommodation. The author comes to an idea that lack of data in travelers' descriptions about such types of dwellings was caused by routes of expeditions that excluded areas of their existence, and interest first of all in yurts as the more

widespread type of dwellings in the steppe part of the region. Since the beginning of the 18th century the construction of Cossack forts and the subsequent distribution of log huts of a Russian type in the region led to the use of the word “tura” to designate these constructions. The word already existed in the Khakass culture and was habitual for them because of the similarity of their traditional autochthonic dwellings to the new objects of material culture of the people who arrived in the region. The author believes that a log construction, a single-chambered carcass, a lack of a garret roof, earthen (or board) floors, the heating system of a chuval (“sool”) type should be considered as typical features of the Khakass autochthonic dwelling of a tura type. The building of such dwelling assumed using special carpenter’s tools, one of which was the Khakass small axe “kuruk”. The Khakass funeral log constructions, which in the majority of their features repeated the construction of real dwellings of a tura type, testify to the existence of log autochthonic dwellings as well. This corresponds to the common tradition for all indigenous ethnic groups of the Sayan-Altai. The author considers that dwellings of a log type of peoples of archaeological eras of the early Iron Age are also similar to the Khakass log dwellings, and historically similar characteristics of a way of life, economic activities and climatic conditions of the region contributed to their distribution among peoples living during different eras in the Khakass-Minusinsk region. The author comes to a conclusion that the Khakass log wooden single-chambered heated dwellings of a “tura” type and polygonal yurts, without a garret roof and with an earthen floor must be considered autochthonic both for the Khakass and for all indigenous peoples of the Sayan-Altai. The materials given in the article on the basis of sources on wooden architecture – archaeological, ethnographic and written ones – allow chronological dating of the existence of such dwellings in the region to the period of the 18th century.

REFERENCES

1. Potapov, L.P. (1957) *Proiskhozhdenie i formirovaniye khakasskoy narodnosti* [Origin and formation of the Khakass people]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel’stvo.
2. Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhda i prochikh dostopamyatnostey* [Description of all peoples inhabiting the Russian state, as well as their everyday rituals, faiths, traditions, dwellings, clothes and other memoria]. Pt. II. St. Petersburg: Imperskaya AN.
3. Koz’miin, N.N. (2010) *Izbrannye trudy: Khakasy. Tuba. Knyaz’ Irenak. D.A. Klements i istoriko-etnograficheskie issledovaniya v Minusinskem krae* [Selected works: The Khakass. Tuba. Prince Irenak. D.A. Klements and historical and ethnographic studies in the Minusinsk region]. Abakan: “Zhurnalista”.
4. Kostrov, N. (1853) *Kizil’skie tatary* [The Kizil Tatars]. Kazan: V tipografii Gubernskogo pravleniya.
5. Kuznetsova, A.A. (1898) *Zhilishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev* [Dwellings, clothes and food of the Minusinsk and Achinsk non-Russians]. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo upravleniya.
6. Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Manuscript Fund 352. Shibaeva, Yu.A. (n.d.) *Khakasskoe zhilishche* [The Khakass dwelling].
7. Potapov, L.P. (1952) *Kratkie ocherki istorii i etnografii khakasov (XVII–XIX vv.)* [Brief essays on the history and ethnography of the Khakass (17th–19th centuries)]. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izd-vo.
8. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar’* [A Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
9. Butanaev, V.Ya. (1995) *Toponimicheskiy slovar’ Khakassko-Minusinskogo kraya* [A toponymic dictionary of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: UPP “Khakasiya”.
10. Kyzlasov, I.L. (2005) *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey* [Proto-Turk dwellings. A survey of Sayan-Altai antiquities]. Moscow; Samara: Ofort.
11. Patachakov, K.M. (1982) *Ocherki material’noy kul’tury khakasov* [Essays on the material culture of the Khakass]. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izd-va.
12. Chikharev, P.A. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyy Altay* [A journey to the Eastern Altai]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va “Nauka”.
13. Kharuzin, N. (1896) *Istoriya razvitiya zhilishcha u kochevykh i polukochevykh turkskikh i mongol’skikh narodov Rossii* [The history of the development of the dwellings of the nomadic and semi-nomadic Turkic and Mongolian peoples of Russia]. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson.
14. Popov, A.A. (1961) *Zhilishche* [Dwelling]. In: Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
15. Vaynshteyn, S.I. (1976) Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Problems of the history of the dwelling of the steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya etnografia*. 4. pp. 42–62.
16. Toshchakova, E.M. (1978) *Traditsionnye cherty narodnoy kul’tury altaytsev (XIX– nachalo XX v.)* [Traditional features of the national culture of the Altaians (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
17. Tikhonov, S.N. (1984) Traditsionnye zhilishcha altaytsev [Traditional dwellings of the Altaians]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
18. Sokolova, Z.P. (1998) *Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii)* [The dwelling of the peoples of Siberia (experience of typology)]. Moscow: Izd.-poligr. agenstvo “TriL”.
19. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [Weekdays and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan: OOO “Zhurnalista”.
20. Sodnompilova, M.M. (2009) *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatelnosti mongol’skikh narodov* [The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
21. Vyatkina, K.V. (1969) *Ocherki kul’tury i byta buryat* [Essays on the culture and life of the Buryat]. Leningrad: Nauka.
22. Kartsov, V.G. (1960) Nekotorye osobennosti mogil’nykh sooruzhenii i obryada pogrebeniya v tagarskikh kurganakh bliz ulusa Sagay [Some peculiarities of grave constructions and burial rites in the Tagar mounds near the Sagai ulus]. *UZ KhakNIIYAlI*. VIII. pp. 169–181.
23. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskii okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896, in the Minusinsk District of the Yenisei Province]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
24. Kimeev, V.M. (1989) *Shortsy. Kto oni? Etnograficheskie ocherki* [The Shors. Who are they? Ethnographic essays]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo.
25. Gryaznov, M.P. (1950) *Pervyy Pazyrykskiy kurgan* [The first Pazyryk mound]. Leningrad: Gos. Ermitazh.
26. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan* [The second Pazyryk mound]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.
27. Rudenko, S.I. (1960) *Kul’tura naseleniya Tsentral’nogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of the population of Central Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Semenov, S.A. (1956) *Obrabotka dereva na drevnem Altae* [Wood processing in the ancient Altai]. *Sovetskaya arkheologiya*. 26. pp. 204–230.
29. Kubarev, V.D. (1991) *Kurgany Yustyda* [Mounds of the Yustyt]. Novosibirsk: Nauka.
30. Polos’mak, N.V. (1994) “*Stereogushchie zoloto grify*” (*Ak-Alakhinskie kurgany*) [“Vultures watching the gold” (Ak-Alakha mounds)]. Novosibirsk: Nauka.

31. Myl'nikov, V.P. (1999) *Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoy kul'tury* [Wood processing by representatives of the Pazyryk culture]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
32. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2011) *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Treasures of rock art of North and Central Asia]. Moscow: IA RAS.
33. Prishchepa, E.V. (2017) Comparison of dwellings depicted in boyar petroglyphs with traditional dwellings of the Khakass-Minusinsk region locals and their way of life in 18th–20th centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория, филология – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 16(3). pp. 108–116. (In Russian).
34. Karatanov, I. (2010) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. In: Burov, V.F. (ed.) *Zhivaya starina–III. Kniga dlya chteniya po istoricheskому kraevedeniyu (XIX – nachalo XX veka)* [Living Antiquity–III. A book for reading on historical regional studies (19th – early 20th centuries)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo.
35. Gotlib, A.I., Zubkov, V.S., Poselyanin, A.I. & Khudyakov, Yu.S. (2003) *Arkeologiya Khakassko-Minusinskogo kraja* [Archeology of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Khakass State University.
36. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri: mater. i issled. po arkheologii* [Ancient history of Southern Siberia: materials and studies on archeology]. Is. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.
37. Martynov, A.I. (1973) Novye materialy o tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh [New materials on Tagar-Tashtyk settlements and dwellings]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 163–173.
38. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Naukas.
39. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 9. pp. 34–42.
40. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
41. Vadetskaya, E.B. (2007) Imitatsii mertvykh dlya prodleniya ikh zhizni [Imitations of the dead for the extension of their life]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospekte* [The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospect]. Is. 1. Barnaul: Azbuka.
42. Polos'mak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukok* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
43. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (the Chuya and the Ursul burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
44. Kyzlasov, I.L. (2009) Novye poiski v altaistike. II. Arkheologicheskie razrabotki [New searches in the Altai studies. II. Archaeological developments]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University.

Received: 28 January 2018

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУРГУТСКОГО РЕЧНОГО ПОРТА В 1965–1975 ГГ.

Исследуются количественные и качественные изменения кадрового состава Сургутского речного порта в первые 10 лет деятельности предприятия. Анализируя укомплектованность штата, уровень подготовки персонала, условия жизни рабочих, автор выявляет основные проблемы кадрового обеспечения и способы их разрешения. Им вводятся в научный оборот ранее неисследованные источники по деятельности Сургутского речного порта, такие как «Эксплуатационные отчеты за навигацию 1965–1975 гг.».

Ключевые слова: речной транспорт; речной порт; кадровый состав; эксплуатационный отчет; жилищное строительство; движение кадров; квалификация кадров.

Середина 1960-х гг. – время открытия на территории Тюменского Севера богатейших природных запасов нефти и газа и начало их активного промышленного освоения. В соответствии с постановлениями Совета министров СССР от 19 мая 1962 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» и от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» [1. С. 68–71, 87–90] началось развитие инфраструктуры края, строительство широкого спектра промышленно-хозяйственных и жилищных объектов в районах проведения геологоразведочных работ [2. С. 57].

Ключевую роль в этом процессе играл речной транспорт: обилие судоходных рек и неразвитое состояние других видов транспорта делало его безальтернативным средством перевозки грузов в Западной Сибири. Значительный рост объемов перевозок речным транспортом привел к активному освоению и развитию водных путей, обновлению флота и кадрового состава, строительству и модернизации пристаний и речных портов, увеличению их пропускной способности.

Одним из наглядных результатов промышленного освоения Севера можно считать Сургутский речной порт, созданный по приказу МРФ РСФСР № 163 от 17 ноября 1964 г. на базе пристани «Сургут» 1 января 1965 г. По воспоминаниям П.А. Мунарева, Сургутский речной порт к моменту своего основания «портом» являлся лишь на бумаге, представляя собой «пристань с единственной палубной баржой у берега, осуществлявшей роль пассажирского причала, а для выгрузки грузов использовалась естественная линия берега» [3. С. 85]. Сургутский речной порт ещё не мог в полной мере справиться с постоянно увеличившимся объемом грузов [4. С. 59], однако приданье ему официального статуса «порта» повлекло за собой не только повышенную нагрузку и ответственность, но и его комплексную модернизацию, предполагающую увеличение технических мощностей и строительство жилой и хозяйственной инфраструктуры [5. Л. 73]. Благодаря этому уже к началу 1970-х гг. Сургутский речной порт по праву стал самым крупным в Среднем Приобье и имел исключительно важное значение для доставки грузов предприятиям нефтегазовой промышленности [6. С. 284]. Например, если в 1966 г. в Сургутский речной

порт прибыло грузов на 230 тыс. т, то в 1970 г. – 1 015 тыс. т, то есть в 4,9 раза больше [7. Л. 24].

Однако до того времени коллективу Сургутского речного порта пришлось преодолеть первые десять лет напряженной работы. Поскольку основой любого предприятия является не только материально-техническое, но прежде всего кадровое обеспечение, что было особо подчеркнуто на XXIII съезде КПСС [8. Л. 35], именно вопрос развития и соответствующей подготовки квалифицированных работников оказывал серьезное влияние на повышение эффективности работы Сургутского речного порта в условиях освоения Севера. В этой связи необходимо выявить основные изменения кадрового состава предприятия и влияющие на этот процесс факторы. Одним из основных источников для проведения исследования стали ежегодные эксплуатационные отчеты за навигационные периоды, хранящиеся ныне в архивном отделе ООО «Сургутский речной порт», практически не вводимые ранее в научный оборот.

Стоит сразу отметить, что использование годовых эксплуатационных отчетов осложнено периодическими изменениями формы отчетности, происходившими за время деятельности предприятия. В документах менялся ряд показателей. Так, если из годовых отчетов о работе с кадрами с 1965 до 1968 г. можно было получить сведения о штате сотрудников речного порта, то с 1969 по 1975 г. такой показатель больше не встречается, и его можно косвенно выявить лишь за 1973 г. (табл. 1).

Заявленный штат предприятия отражает потребность в числе сотрудников, необходимых для достижения максимальной эффективности в работе. По данным, представленным в табл. 1, самый низкий показатель укомплектованности Сургутского речного порта кадрами приходится на 1965 г. – 62.83% от требуемого количества [9. Л. 9–12]. Причины дефицита кадров заключались в том, что 1965 г. – время самой первой навигации Сургутского речного порта в своем новом качестве. В последующие годы уровень укомплектованности штата достиг приемлемого уровня и варьировался от 86.88 до 94.44%. Одной из главных причин этого можно считать высокую текучесть кадров, причины которой будут рассмотрены далее.

Несмотря на периодические колебания в кадровом составе речников, на протяжении изучаемого периода наблюдается его неуклонный рост, особенно с 1970 г., когда происходит комплексная модернизация речного

порта и улучшение жилищных и социальных условий его работников.

Эффективность работы сотрудников определяется не только их требуемым количеством, но и их уровнем квалификации. К сожалению, до 1970 г. отсутствуют сведения о повышении уровня квалификации среди персонала, но при этом число заново обученных работников ежегодно росло, что подтверждают

данные табл. 2. Достигалось это путем проведения регулярных курсовых мероприятий и семинаров силами самого речного порта. Однако данный подход, хотя и позволял заполнить кадровую нишу работников массовых профессий, проблему с недостатком квалифицированных кадров решить все же не мог. По этой причине уже с 1967 г. некоторых служащих порта начинают отправлять на курсы ДОСААФ [10. Л. 59].

Таблица 1
Динамика численности работников Сургутского речного порта (1965–1975 гг.)¹

Год	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Штат	269	303	320	296,5	н/д	н/д	н/д	н/д	723	н/д	н/д
По факту	169	280	278	280	267	313	373	491	618	н/д	735
Укомплектованность (%)	62,83	92,41	86,88	94,44	н/д	н/д	н/д	н/д	85,48	н/д	н/д

Таблица 2
Рост профессионального уровня речников Сургутского речного порта (1965–1975 гг.)

Год	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Заново обученные	35	48	75	62	н/д	52	62	68	80	87	80
Повысившие квалификацию	–	–	–	–	н/д	40	12	3	222	н/д	105

Приказы МРФ РСФСР № 21 от 19 февраля 1973 г. и приказ № 143 от 13 сентября 1973 г., а также модернизация Сургутского порта в начале 1970-х задали более серьезные стандарты качества для работников речного флота. По этой причине с 1970 г. работа по подготовке кадров значительно улучшается и приводит не только к увеличению количества подготовленных заново рабочих, но и повышавших свою квалификацию. Особенно примечателен в этом отношении 1973 г.: число повышавших квалификацию сотрудников более чем в четыре раза превышало число соответствующих сотрудников за предыдущие три года. В 1970-е гг., хотя и продолжается обучение персонала силами порта, все чаще принимаются решения по обучению служащих за его пределами в специальных

учреждениях, таких как учкомбинат Главтюменнефтегазстроя, Омское речное училище, Тобольское СРЗ, Сургутское ДОСААФ и др. [11. Л. 116].

О повышенной потребности речного порта в высококвалифицированных кадрах свидетельствуют и данные табл. 3: число служащих, имеющих высшее образование, ежегодно увеличивалось, превысив в 1972 г. более чем в пять раз показатели 1966 г.

Таким образом, можно отметить, что за рассматриваемый период рост образовательного и технического уровня работников сургутского речного порта отвечал требованиям совершенствования его материально-технического обеспечения, что являлось надежной основой повышения производительности труда и эффективности работы сургутских речников [12. Л. 127].

Таблица 3
Уровень образования кадрового состава Сургутского речного порта (1965–1975 гг.)

Год	н/д	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
Высшее	н/д	8	16	17	н/д	23	37	46
Среднее	н/д	35	6	20	н/д	21	28	37

Подготовка кадров являлась важным, но далеко не единственным условием формирования стабильности трудовых коллективов. Во многих отношениях она характеризовалась большой подвижностью персонала. Движение кадров определялось рядом причин: выбывание по старости, болезни или смерти, прихода на работу нового поколения рабочих и служащих и др. На движение кадров оказывали влияние такие факторы, как перевод в связи с производственной необходимости трудающихся с одного предприятия на другое, направление на учебу, призыв в вооруженные силы и некоторые другие. Но самое большое влияние на сменяемость кадров среди них оказывала так называемая текучесть которая была связана либо с уходом работников по собственному желанию, либо с увольнением за нарушение трудовой дисциплины. Текущесть кадров обычно определяется как «процентное соотношение численности уволенных по собственному желанию или

за нарушение трудовой дисциплины за определенный период времени к среднесписочной численности персонала за этот же период» [13. С. 13].

Преодоление или хотя бы замедление темпов текучести кадров являлись объектом усилий со стороны руководства и рядовых работников трудовых коллективов. Текущесть кадров связывалась с большими затратами как прямого, так и косвенного характера, направленными на преодоление спада производства из-за нехватки рабочих и служащих: это и расходы на подготовку новых кадров, слабая производительность труда вновь пришедших, но не имеющих навыков работы на речном транспорте работников и др. [14. С. 81].

Относительно Сургутского речного порта можно сказать, что на протяжении изучаемого периода его неизменной чертой как раз и являлась высокая текучесть кадров, наглядно представленная в табл. 4.

Таблица 4

Движение кадров в Сургутском речном порту за 1965–1972 гг.

Год	1965	1966	1967	1968	1970	1971	1972
Прибыло (всего)	182	260	181	84	189	278	441
Выбыло (всего)	110	172	135	117	136	218	238
Прирост персонала	72	80	46	-33	53	60	203
Выбыло (по категориям)							
По личным причинам	76	110	106	43	79	50	14
За нарушение дисциплины	12	8	7	2	8	16	25
Из-за сезонной работы	н/д	н/д	27	63	20	116	159
В армию	12	7	3	5	—	10	7
На пенсию	-	3	2	4	1	2	2
На учебу	1	1	2	н/д	н/д	н/д	н/д
Др. причины	9	43	15	63	27	24	31

Данные таблицы свидетельствуют о том, что с 1965 по 1972 г. число уволенных составляло 2/3 от числа вновь принятых сотрудников, а в 1968 г. даже превышало цифры их приема. Большая текучесть кадров отрицательноказывалась на работе порта, поскольку на смену обученным квалифицированным кадрам приходили новые люди, которых вновь требовалось обучать [15. Л. 96].

Важной составной частью исследуемой проблемы является выявление причин высокой текучести кадров. Анализ данных табл. 4 показывает, что больше всего сотрудников уходило либо по личным причинам, либо по причине сезонности работы. Сезонность работы была характерна не только для речных портов, но и в целом для речного флота. В навигационные сроки в связи с ростом объема работ традиционно привлекался значительный контингент сотрудников, не имеющих особой квалификации: грузчиков, матросов, помощников кочегаров и т.д. С окончанием же

навигации сезонные рабочие увольнялись [14. Л. 48]. Таким образом, наличие сезонных рабочих на речных предприятиях можно считать нормой. Заметное увеличение числа сезонных рабочих в 1971–1972 гг. может говорить также об увеличении объемов работы порта, для покрытия которых, например, в 1972 г. потребовалось на 69,18% больше сезонных рабочих, чем за 1967, 1968, 1970 гг. вместе взятые.

Более серьезные причины текучести кадров характеризует графа ухода по личным причинам, поскольку к ней относится, прежде всего, неудовлетворенность рабочими условиями труда, отсутствием жилья, низкой заработной платой и многими другими факторами, позволяющими оценить эффективность работы Сургутского речного порта с точки зрения его сотрудников. Процентное соотношение уволенных по личным причинам из общего числа уволенных за каждый год рассматриваемого периода представлено в табл. 5.

Таблица 5

Соотношение выбывших рабочих по личным причинам по сравнению с общим количеством работников Сургутского речного порта (1965–1972 гг.)

Год	1965	1966	1967	1968	1970	1971	1972
Выбыло по личным причинам	69,09%	63,95%	78,52%	36,75%	58,09	22,94%	5,88%

Из таблицы следует, что за первые годы деятельности Сургутского речного порта удельный вес работников, уходивших с предприятия по личным причинам, был очень высок, что явно говорит о недовольстве рабочих предлагаемыми руководством порта условиями. Ситуация начала меняться с 1968 г., а особенно – с 1971–1972 гг., когда процент уволившихся по личным причинам резко пошел на спад, достигнув 5,88%. Это свидетельствует о том, что руководство речного порта всерьез взялось за улучшение для рабочих условий жизни и труда.

Для выяснения того, какой фактор среди личных причин увольнения речников был решающим, следует обратиться к эксплуатационным отчетам за 1965, 1967, 1968, 1975 гг. Главной причиной высокой текучести кадров в них признавалась нерешенность жилищного вопроса, включающего в себя низкие темпы строительства жилья, недостаток жилой площади для размещения работников предприятия, неблагоустроенность территории поселка речников и др. Например, в 1968 г. не было обеспечено квартирами около 47 семей. Даже в 1975 г. было обеспечено жильем

всего лишь 65 человек, в то время как не имело постоянной жилплощади 195. Неудовлетворительные жилищно-бытовые условия оказывались не только на текучести кадров, но и на качестве работы речников, нередко приводящей к аварийным ситуациям [8. Л. 23].

На протяжении рассматриваемого периода вопрос жилищного строительства и благоустройства ежегодно ставился руководством порта на повестку дня. Тем не менее в отчетах за 1965–1968 гг. отмечалось, что темпы строительства и ввода в эксплуатацию жилья находятся на низком уровне, территория слабо благоустроена, не хватает продовольственных магазинов и товаров [10. Л. 61]. Строительство жилфонда ежегодно срывалось: например, за 1968 г. вместо введения 888 кв. м. жилья было введено в эксплуатацию только 568 кв. м. [16. Л. 86]

В 1970 г. началось активное строительство порта и производственных мощностей, была решена проблема с нехваткой магазинов и товаров первой необходимости. Хотя за этот год план ввода жилья был реализован на 100%, темпы жилищно-бытового строитель-

ства все равно были довольно низкими, в связи с чем большая часть работников оставалась без квартир [7. Л. 71]. С этого года также активизировалось благоустройство поселка речников, в частности, были построены теплотрасса, тротуар, общежитие на 83 места, детский сад [Там же. Л. 58].

В период с 1971 по 1975 г. из отчетов пропадают упоминания о нехватке жилищного фонда, что говорит о том, что острота данной проблемы заметно смягчилась. Были значительно увеличены темпы строительства и благоустройства микрорайонов речников по улицам Озерной и Сосновой [15. Л. 108]. В дополнение к 8- квартирным и 12-квартирным домам начинаются строиться 66- и 100-квартирные жилые дома [17. Л. 130]. В 1972 г. было завершено благоустройство поселка речников по улице Сосновой, а в 1973 – поселка речников по улице Озерной [11. Л. 84]. К этому времени было обустроено уличное освещение, проведено лесонасаждение, введены в эксплуатацию котельная, водопровод, теплотрасса и многие другие объекты. Таким образом, в исследуемый период проблема текучести кадров в целом не была полностью разрешена ввиду большого числа сезонных рабочих. Вместе с тем число увольнений по личным причинам к концу изучаемого периода значительно сократилось, причиной чему было решение вопроса нехватки жилищного фонда.

Подводя итоги изучения кадрового состава Сургутского речного порта, следует отметить, что в

первые годы своей деятельности он испытывал заметный дефицит кадров как массовых профессий, так и высококвалифицированных. Главной причиной этого являлась очевидная нехватка жилья и отсутствие приемлемых бытовых условий. Активное решение этих проблем началось в ходе комплексной модернизации речного порта в 1970-х гг. В это время увеличиваются темпы жилищного строительства, развития инфраструктуры и благоустройства речного поселка, благодаря чему уже к 1972 г. число уволившихся сотрудников по личным причинам упало до 5,88%, а проблема нехватки жилья потеряла свою былую остроту и перестала упоминаться в эксплуатационных отчетах. За исследуемый период не только возросло число работников предприятия, но и значительно повысились их квалификация и уровень образования. Все это говорит о том, что большинство выявленных кадровых проблем к концу исследуемого периода если не исчезло окончательно, то во многом утратило прежнюю актуальность. А поскольку именно от качества кадрового состава зависит эффективность деятельности любого предприятия, Сургутский речной порт сумел за первые самые трудные десять лет своего функционирования не только обеспечить своим работникам достойные условия жизни и труда, но и заложил прочную основу своего будущего экономического успеха, став в 1970-х гг. самым крупным во всем Среднем Приобье.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Все таблицы составлены по данным эксплуатационных отчетов Сургутского речного порта за навигацию 1965–1975 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М. : Политиздат, 1968. Т. 5.
2. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс : история становления. В 2 ч. Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. Ч. 1.
3. Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя). Изд. 2-е. Сургут : Сургутская типография, 2008.
4. Прищепа А.И. История Сургута. ХХ век. Вторая половина. Сургут : Диорит, 2005.
5. Сургутский городской архив. Ф. 217. Оп. 19. Д. 10. Л. 73.
6. Курдин В.А., Саратов В.Ф. Речной транспорт в 1946–1985 годах. М. : Транспорт, 1987.
7. Эксплуатационный отчет за навигацию 1970 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
8. Эксплуатационный отчет за навигацию 1966 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
9. Эксплуатационный отчет за навигацию 1965 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
10. Эксплуатационный отчет за навигацию 1967 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
11. Эксплуатационный отчет за навигацию 1973 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
12. Эксплуатационный отчет за навигацию 1975 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
13. Антосенков Е.Т., Мищенко В.Т. Текущесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1971.
14. Шимко А.М. Речной транспорт Западной Сибири в 1946–1960 гг. (тенденции социально-экономического развития). Новосибирск : НГАВТ, 2002.
15. Эксплуатационный отчет за навигацию 1971 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
16. Эксплуатационный отчет за навигацию 1968 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».
17. Эксплуатационный отчет за навигацию 1972 года // Архивный отдел ООО «Сургутский речной порт».

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2018 г.

STAFF COMPOSITION OF THE SURGUT RIVER PORT IN 1965–1975

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 99–103.

DOI: 10.17223/15617793/433/13

Bogdan V. Proskuryakov, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: talos397@mail.ru

Keywords: river transport; river port; staff composition; operational report; housing construction; staff movement; staff qualifications.

The article examines the quantitative and qualitative changes in the staff composition of the Surgut River Port for the first 10 years of the enterprise's work: from the time of its foundation on January 1, 1965, to the phase of its comprehensive modernization in the early 1970s, which led not only to an increase in technical capacity, but also to the construction of the residential and economic infrastructure. The mid-1960s was the time of discovery of the richest resources of oil and gas on the

territory of the Tyumen North and their active industrial development. A key role in this process was played by river transport because of the abundance of navigable rivers and the undeveloped state of other modes of transport. A significant increase in the volume of transportation by river transport led to the active development of waterways, the renewal of the fleet and personnel, the construction and modernization of quays and river ports, and the increase in their carrying capacity. The author has introduced into the scientific use previously unexplored sources on the activities of the Surgut River Port (operational reports for the navigation of 1965–1975). The analysis of the staff composition, staff training level, working conditions and life of the workers on the basis of the documents made it possible to identify the main problems of the staff composition of the Surgut River Port and ways to resolve them. In the first years of its activities, the port did not have a sufficiently powerful financial, personnel and industrial base. It experienced a noticeable shortage of personnel, both in mass professions and in highly skilled ones. This was due, above all, to the high turnover of the staff: workers, qualified but dissatisfied with living and working conditions, quitted their jobs and were replaced by inexperienced newcomers, who again had to be trained, which was a waste of money and time. In addition, most of the staff were not provided with housing, as housing construction went at an extremely slow pace. An active solution to these problems began during the comprehensive modernization of the river port in the 1970s. Houses were built, the infrastructure was developed, the river village was improved, due to which by 1972 the problem of housing shortage lost its former acuteness. Improvement of the material and technical base of the port increased the required level of competence of the workers, which generally had a positive effect on the efficiency of the enterprise. All this indicates that most of the identified personnel problems by the end of the research period lost their former relevance. Thus, the Surgut River Port managed not only to provide its employees with decent living and working conditions during the first ten years of hard work, but also laid a solid foundation for its future economic success, becoming the largest enterprise in the entire Middle Ob area in the 1970s.

REFERENCES

1. Chernenko, K.U. & Smiryukov, M.S. (eds) (1968) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the party and the government on economic issues]. Vol. 5. Moscow: Politizdat.
2. Koleva, G.Yu. (2005) *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya. V 2 ch.* [West-Siberian oil and gas complex: the history of formation. In 2 parts]. Pt. 1. Tyumen': Tyumen State Oil and Gas University.
3. Munarev, P.A. (2008) *Tak bylo, tak nachinalos' (zapiski predsedatelya)* [It was so, it began like this (notes of the chairman)]. 2nd ed. Surgut: Surgutskaya tipografia.
4. Prishchepa, A.I. (2005) *Istoriya Surguta. XX vek. Vtoraya polovina* [History of Surgut. The twentieth century. Second half]. Surgut: Diorit.
5. Surgut City Archive. Fund 217. List 19. File 10. P. 73. (In Russian).
6. Kурдин, В.А. & Саратов, В.Ф. (1987) *Rechnoy transport v 1946–1985 godakh* [River transport in 1946–1985]. Moscow: Transport.
7. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1970 goda* [Operating report for navigation in 1970].
8. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1966 goda* [Operating report for navigation in 1966].
9. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1965 goda* [Operating report for navigation in 1965].
10. Archive Department of Surgut River Port, LLC. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1967 goda* [Operating report for navigation in 1967].
11. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1973 goda* [Operating report for navigation in 1973].
12. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1975 goda* [Operating report for navigation in 1975].
13. Antosenkov, E.T. & Mishchenko, V.T. (1971) *Tekuchest' kadrov v promyshlennosti i puti ee sokrashcheniya* [The turnover of workers in industry and ways to reduce it]. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izd-vo.
14. Shimko, A.M. (2002) *Rechnoy transport Zapadnoy Sibiri v 1946–1960 gg. (tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [River transport of Western Siberia in 1946–1960 (trends of socio-economic development)]. Novosibirsk: NGAVT.
15. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1971 goda* [Operating report for navigation in 1971].
16. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1968 goda* [Operating report for navigation in 1968].
17. Archive Department of Surgut River Port, LLC. *Ekspluatatsionnyy otchet za navigatsiyu 1972 goda* [Operating report for navigation in 1972].

Received: 14 March 2018

ДОМАШНИЕ АЛТАРИ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМЕ

В контексте современных изменений вьетнамского общества рассматривается один из атрибутов традиционного культа предков – алтарь. Приведена классификация алтарей, распространённых во Вьетнаме. Домашние алтари рассмотрены с точки зрения их формы, семантики, расположения и функций. Приведены варианты отступления от норм размещения домашних алтарей, обусловленные современными условиями жизни вьетнамцев. Изучение алтарей является одним из инструментов познания вьетнамского общества и трансформаций его традиционной культуры.

Ключевые слова: Вьетнам; культ предков; алтарь.

История тесных политических и экономических связей России (СССР) и Вьетнама насчитывает более шестидесяти лет (эпизодические контакты до XX столетия можно не принимать во внимание). Отечественные учёные в основном сосредоточили своё внимание на изучении истории Вьетнама, преимущественно на его древнем периоде и истории XX в. Что же касается современного Вьетнама, то он в большинстве случаев рассматривается в контексте политических и экономических процессов. Исследований по культуре и религии гораздо меньше. Например, место культа предков в культуре современного Вьетнама и тем более отдельных его атрибутов изучено слабо. Поэтому при изучении данного вопроса авторы ссылаются на публикации вьетнамских исследователей, а также на свои наблюдения, сделанные во время многочисленных поездок во Вьетнам (Ханой, Хошимин, Дананг, Хайфон, Вунгтау и другие города).

Культ предков – религия (культурно-этическая система), призванная формировать и укреплять социальную систему, основанную на идеале семьи, на идеи о том, что семья – есть основа общества, основа мироздания.

Рассматривать культа предков необходимо в контексте системы родства соответствующего общества, так как он призван формировать и поддерживать ее устойчивость в условиях новых вызовов. Любые изменения в системе родства непременно отразятся в религиозных представлениях, обрядах, атрибутике, и наоборот. Одним из таких атрибутов культа предков является алтарь, присутствующий в жизни каждой вьетнамской семьи. Взглянув на алтарь в доме, можно многое узнать о семье: о её материальном благосостоянии, социальном положении, приоритетах, о недавней смерти члена семьи, о вероисповедании. Однако, изучать домашние алтари вьетнамцев необходимо в контексте изменений в современном обществе. Подтверждением важного места алтаря предков в социальных отношениях является то, что он не является «застывшим» пережитком прошлого, а представляет собой реально функционирующий элемент современной вьетнамской семьи.

Вьетнамские домашние алтари – воплощение традиции культа предков. Однако сегодня нередко в них можно видеть влияние других религий, например, христианства или буддизма, в зависимости от семьи, территориальных особенностей (провинция, город, деревня, район). В то же время алтари устанавливаются в домах и тех, кто не относит себя к верующим

людям. Именно поэтому культа предков не признан во Вьетнаме религией на официальном уровне, а установка такого алтаря и поклонение перед ним воспринимается как дань уважения предкам, а не религиозный обряд. Официально культа предков во Вьетнаме не считается религией, поэтому в статистических сводках нет информации о количестве верующих в него. Но фактически назвать верующими можно 100% населения.

Алтари в современном Вьетнаме расположены повсеместно, не только в храмах и пагодах, но и в домах, магазинах, банках, на улицах, и, разумеется, у любых захоронений и т.п. Под алтарём в данном случае мы понимаем специально оборудованное место для поклонения, совершения обрядов и подношений предкам, различным божествам или духам. Внешний вид (дизайн) может значительно отличаться. Общим для всех алтарей является чаша для сожжения благовоний (ароматических палочек), чаша или столик для подношений (еда, деньги и др., в зависимости от типа алтаря и ситуации) и источник света (свечи, электрическая лампа и др.) [1].

Алтари во Вьетнаме можно классифицировать по месту их расположения – дом, место работы, храм, захоронение, улица. По религиозной принадлежности – народные верования, культа предков, буддизм, христианство и другие и объекту поклонения – ближайшие предки, герои народа, духи и божества различных пантеонов. В любом случае мы столкнёмся с некоторыми сложностями, так как религиозные взгляды вьетнамцев синкретичны. Народные верования вьетов и других пятидесяти трёх народов Вьетнама (всего во Вьетнаме насчитывается 54 народа) переплетаются с культом предков и буддизмом, а порой и христианством.

Если классифицировать алтари по принципу принадлежности к религии, то это будет верно только для храмовых алтарей, где за соблюдением канонов следят служители храмов. Однако алтари, расположенные в домах вьетнамцев-христиан (что не типично для представителей этой религии в европейских странах), носят синкретичный характер. Они являются явным наследием культа предков, но при этом на самом алтаре располагаются предметы христианского поклонения (распятие или скульптура девы Марии), а структура алтаря, как правило, копирует структуру алтаря культа предков. Одновременно здесь могут быть расположены фотографии ближайших предков, что характерно для вьетнамских семейных алтарей.

Алтари, посвящённые предкам, имеют черты характерные для буддийских алтарей, а алтари в домах буддистов, помимо буддийской символики, вобралы в себя традиции народных верований и культа предков вьетнамцев [1].

Нам представляется более чёткой классификация, основанная на выделении места расположения алтаря и объекта поклонения. Таким образом, мы выделили следующие типы алтарей во Вьетнаме:

1. Храмовые: буддийские (в пагодах), христианские (в христианских храмах), посвящённые общим предкам вьетнамцев (Хунг Вьонгам), посвящённые героям/покровителям, историческим личностям (в храмах, посвящённым им), родовые (в родовых храмах/на захоронениях).

2. Домашние: семейные (посвящённые ближайшим предкам 1–2 поколения), посвященные Небу, посвященные Земле (иногда располагаются за пределами дома, но на его придомовой территории, часто этот тип алтаря совмещён с алтарём Небу или Богу богатства), посвященные Богу богатства (могут размещаться в офисах, магазинах и т.п.).

3. Уличные, посвящены различным местным божествам, духам и т.п.

Серьёзные отличия в традициях представителей разных частей одной страны – довольно частое явление для стран Азии. Это же касается и Вьетнама, где нередко можно заметить отличия в традициях, обычаях и языке северян и южан, а также жителей центральной части страны. Что касается отличий в установке и устройстве алтарей, то чаще всего они связаны с традициями конкретной семьи и её материальными возможностями, а также ценностными ориентациями членов семьи.

Выбор места для алтаря можно совершить с помощью специалиста по фэн-шуй или представителя какого-либо храма, можно выбрать место согласно особой семейной традиции, а если дела в семье стали идти плохо, то нередко алтарь перемещается в другое место уже независимо от традиций и советов специалистов. Домашний семейный алтарь может быть посвящён только предкам семьи по мужской линии (традиционно), или предкам обоих супругов; на нём могут одновременно располагаться чаши (для ароматических палочек) для поклонения предкам и Будде. Сам алтарь может быть маленьким и занимать не более 0,5 м². Для экономии пространства в доме он может быть расположен на шкафу или специальной полке под потолком; в других случаях алтарь может занимать целую комнату в доме. Поэтому остановимся на том общем, что характерно для большинства вьетнамцев в их отношении к домашним алтарям и их устройству.

Семейный алтарь (рис. 1) посвящается ближайшим предкам (1–2 поколения), т.е. родителям и иногда дедушкам и бабушкам главы семьи (т.е. того, кто устанавливает алтарь и проводит ритуалы). Эти алтари, хотя и являются проявлением традиционного культа предков, испытали на себе сильное влияние буддизма. Алтарь в данном случае символизирует «Чистое Небо», где пересекаются 3 уровня мироздания: верхний – где обитают Боги, средний – мир людей и нижний – мир умерших [2. С. 77–82].

«Правильное» расположение алтаря в комнате является спорным вопросом. Встречаются прямо противоположные мнения: одни считают, что принципы размещения должны опираться на вьетнамские традиции, другие – на буддийские, даосские или конфуцианские, т.е. на имеющие китайское происхождение.

Основных подходов в расположении семейных алтарей четыре. Первый – алтарь должен быть направлен на юг (располагаться у северной стены) [3]. Существует два объяснения этому правилу: первое основано на буддийской традиции, согласно которой южное направление символизирует творчество и жизнь. Второе ссылается на фразу из древних китайских текстов, ставшую поговоркой во Вьетнаме: «thánh nhân nam diên nhi thính thiên hạ» («святые мудрецы смотрели на юг и слушали народ») [4. С. 82]. Таким образом, расположение алтаря на северной стене дома означает проявление уважения предкам, подчёркивает их благородство и святость в глазах потомков.

Второй подход – алтарь должен быть направлен на запад (т.е. располагаться у восточной стены) [1. С. 82]. Такое расположение алтаря обосновывается принципом инь-янъ. Считается, что такое местоположение алтаря является наиболее удобным для духов и поэтому они будут всегда с потомками.

Третий подход определяется тем, что в наше время место алтаря могут выбирать в зависимости от даты рождения главы семьи, т.к. каждому астрологическому знаку соответствует определённая сторона света. Для определения «правильного» местоположения алтаря обращаются к специалистам.

Четвёртый подход можно обозначить как «целеполагание», если хозяин стремится к богатству, то алтарь располагается в комнате слева по направлению дома; если желает здоровья, то справа по направлению дома.

Есть общие правила. Но иногда и они нарушаются. Как правило, это связано с планировкой дома или квартиры. Во-первых, семейный алтарь размещается в доме (не во дворе, не на крыше и т.п.). Объясняется это смысловым наполнением семейного алтаря. Дом воспринимается как основа семьи. Алтарь – это место, где собираются все родственники (живые и умершие). Во-вторых, не устанавливают алтарь в прихожей, так как это место считается шумным. Место для алтаря должно быть спокойным, чтобы не беспокоить духов предков. В-третьих, алтарь не располагается на открытом месте (т.е. за алтарём или над ним не должно быть окон, дверей или вентиляции). Объясняется это тем, что на алтарь не должны попадать прямые солнечные лучи и ветер, так как они приносят энергию жизни («живую энергию»), в то время, как алтарь – место, предназначенное для душ умерших предков. Считается, что в этом случае члены семьи будут чувствовать постоянное беспокойство, их будут преследовать неудачи на работе. В-четвёртых, рядом с алтарём не должны располагаться тяжёлые или острые предметы (углы, шкафы и т.п.) – это связано с защитой алтаря от негативной энергии. Считается, что в результате такого расположения алтаря члены семьи будут испытывать постоянное давление, которое будет проявляться в виде головной боли и хронической усталости.

Рис. 1. Семейный алтарь

Рис. 2. Там шон на семейном алтаре

Рис. 3. Алтарь Небу в ресторане г. Дананг (фото автора)

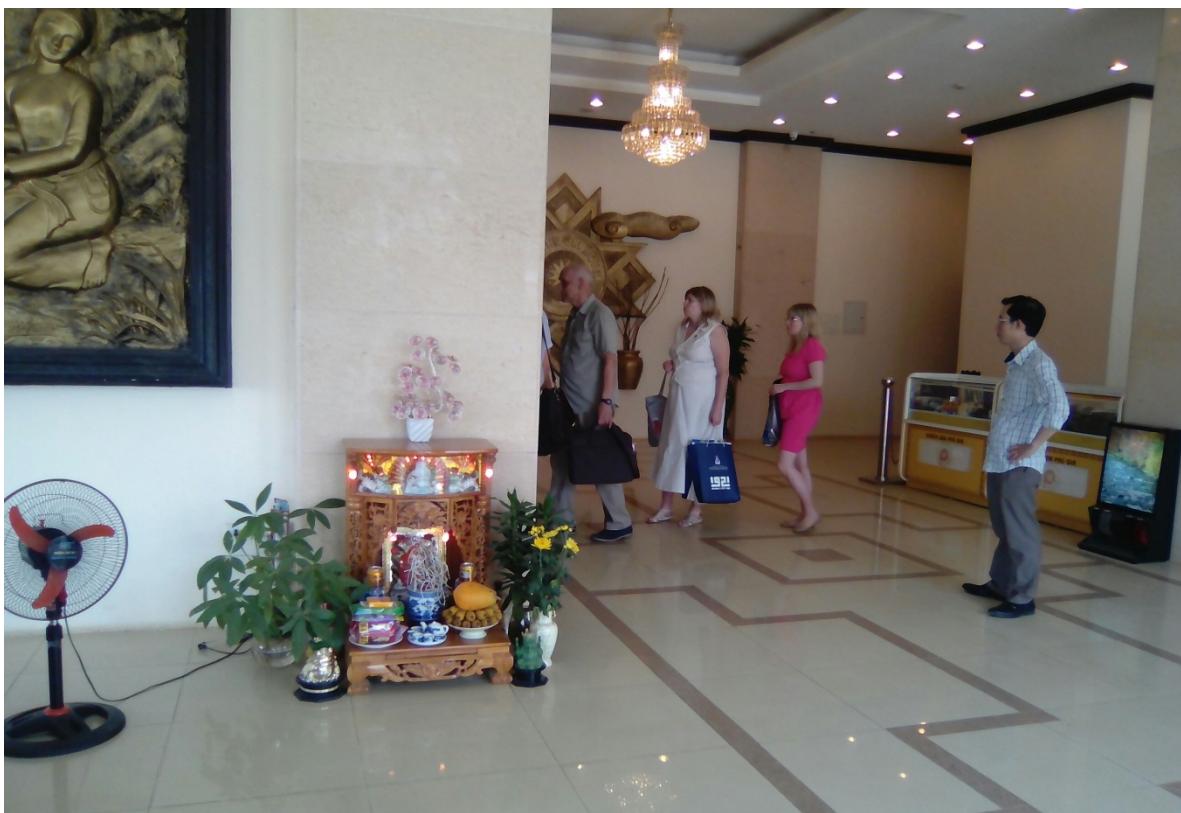

Рис. 4. Алтарь Богу Богатства в гостинице г. Хоабинь (фото автора)

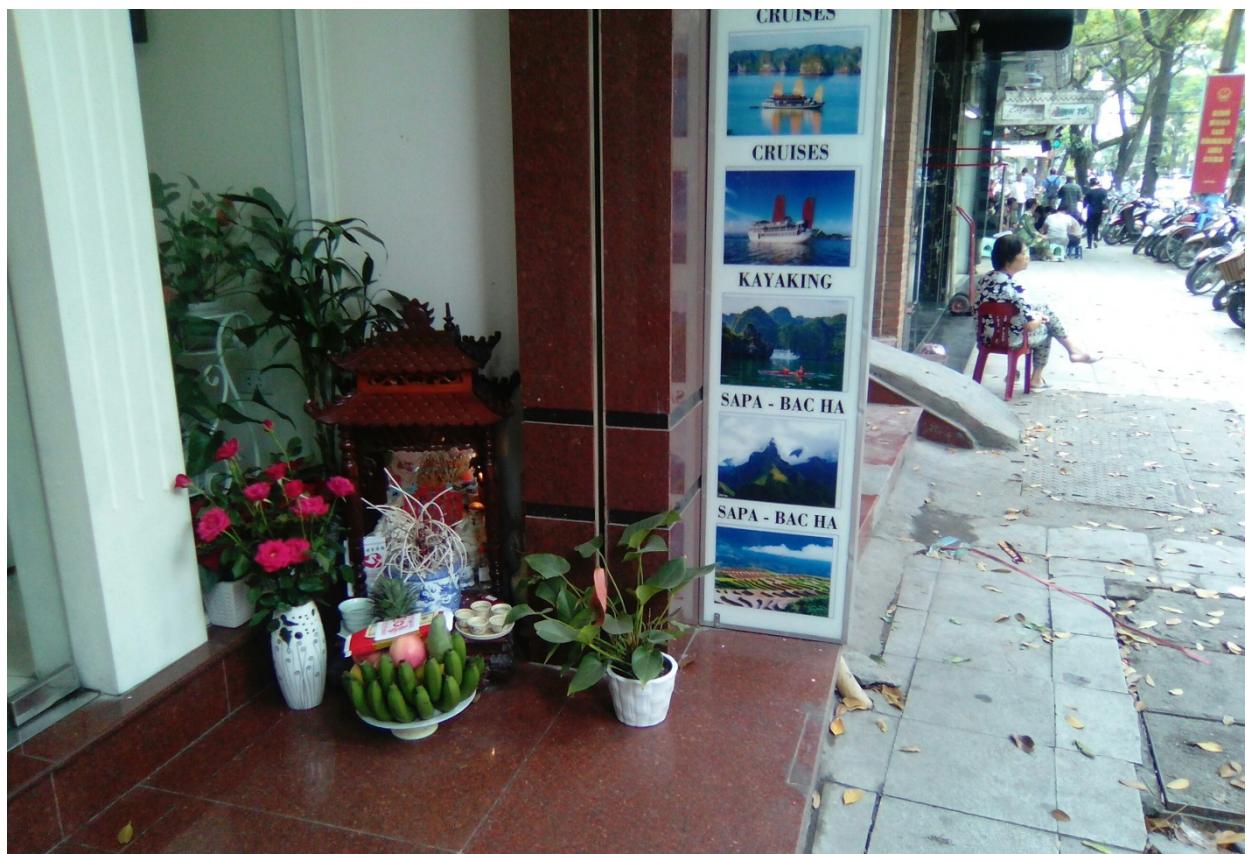

Рис. 5. Алтарь Богу Богатства в турагентстве г. Ханой (фото автора)

Рис. 6. Алтарь Богу Богатства в магазине г. Хой Ан (фото автора)

В современных условиях это правило нередко нарушается, так как планировка квартир и домов не всегда позволяет выполнить данное правило. В-пятых, алтарь должен быть размещён максимально далеко от душа, туалета, кровати молодожёнов и других «нечистых» мест (учитывается пространство на этаже размещения алтаря и над ним). Следовать такому правилу в многоквартирном доме почти невозможно, да и в плотно расположенных частных домах также очень сложно. И наконец, в-шестых, обычно, даже если в доме было больше одного этажа, алтарь располагали на первом этаже, так как традиционный вьетнамский дом строился из дерева, второй этаж считался неустойчивым и шумным, поэтому не подходил для размещения алтаря. Сейчас дома во Вьетнаме строятся из бетона, кирпичей и металлоконструкций. Поэтому верхние этажи, по своим характеристикам, не уступают нижним. В современных частных городских домах рекомендуется располагать алтарь предков на верхнем этаже, чтобы над ним не было ничего кроме крыши и неба.

Располагать алтарь на первом этаже современного дома не рекомендуется и потому, что там, как

правило, находится гостиная – шумное место, где собираются гости и вся семья. Кроме того, двери современных домов обычно выходят прямо на улицу, и алтарь, установленный на первом этаже, будет сразу же виден прохожим. Традиционный вьетнамский дом имел перед входом небольшую, огороженную забором и воротами территорию (сад), а также веранду, которые защищали гостиную от посторонних взглядов.

На семейных алтарях размещают следующие символические предметы (рис. 1):

- две лампы – свечи или электрические светильники. Они находятся в двух крайних углах алтаря и символизируют солнце (слева) и луну (справа);

- чаша для ароматических палочек устанавливается в центре. По одной версии – это символ звёзд, а по другой – «дом духов предков». Обычно чаша для палочек одна, но их может быть три. В этом случае каждая из чаш посвящается отдельному покровителю, в том числе это может быть Будда или другое божество, а не только предки;

- в центре чаши для ароматических палочек обычно устанавливается опора для спиральных благово-

ний, которая представляет собой палочку красного цвета, иногда с надписью «счастье». Эта палочка символизирует ось Космоса, которая соединяет верхний и нижний уровень мироздания и является путём передачи жизни (движения жизненной энергии);

– по центру, сразу за чашей для благовоний располагается «там шон» (подставка с тремя ступенями, рис. 2.) – символ соединения между Небом и Землей и передачи жизни с верхнего уровня на нижний. На «там шон» часто ставят 3 чашки с чистой водой (не с вином и не с чаем);

– за «там шон» чаще всего размещается курильница с тремя ножками (более поздний вариант – курильница с четырьмя ножками) в виде единорога, символизирующего верхний уровень мироздания (Небо или предков, чистоту и мудрость). Его цель контролировать душу того, кто молится перед алтарём;

– слева от курильницы располагается пустая ваза (ее можно использовать только для новогодних цветов);

– справа от курильницы находится тарелка для фруктов. Обычно на ней 5 видов фруктов, символизирующих богатство, уважение, долголетие, здоровье, мир. Или, по другой версии, 5 направлений мира, из которых богатство приходит в дом (восток, запад, север, юг и центр).

На алтарь в качестве жертвы кладут цветы, чай (упаковку, не напиток), рис, свечи, фрукты. Не принято класть мясо. Однако подношения могут отличаться в зависимости от традиции семьи или конкретной местности.

В отличие от семейного алтаря предков, алтари Небу, Земле и различным божествам не обязательны и устанавливаются не во всех домах, хотя встречаются довольно часто.

Алтарь Небу (*Bàn thờ Trời*) явление редкое, более распространённое на юге Вьетнама. Располагается как можно выше (может находиться и на крыше дома). Но чаще всего алтарь Небу устанавливается вне дома на его придомовой территории. В этом случае алтарь будет установлен на столбе высотой около 1,5 метров (рис. 3). Как правило, сам алтарь представляет собой небольшой квадратный столик (со сторонами не менее 0,4 м). Традиционно в качестве материала для алтаря используется дерево. В зависимости от состоятельности семьи и степени почитания ими Неба, алтарь может быть более сложным, например, с резной крышей или из бетона с отделкой из керамики.

На алтаре Неба ставится чаша для палочек и чаша для воды. Первого и пятнадцатого числа каждого лунного месяца на алтарь устанавливают подношения в виде риса, соли и фруктов. На юге Вьетнама считается, что молиться перед алтарём Неба нужно ежедневно на закате дня. На севере ритуалы у алтаря Неба могут проводить дважды в месяц – первого и пятнадцатого числа.

Алтарь Богу богатства встречается очень часто, и обязательно в каждом доме, где ведётся свой бизнес (рис. 4–6). Прежде всего, стоит уточнить о каком божестве идёт речь. Ông Địa (Онг Диа – «Господин Земли») – божество из пантеона вьетнамских народных верований. Его изображают как весёлого толстяка с

веером. На Юге его почитают как божество Земли, он помогает крестьянам и помимо урожая приносит счастье и богатство в дом. Так как от результата работы крестьянина и урожайности земли зависит благосостояние семьи, считается, что Онг Диа приносит достаток, хотя непосредственно за богатство отвечает другой Бог.

Можно сказать, что Господин Земли приглашает Бога богатства в дом. Поэтому алтарь Богу богатства может быть либо совмещён с алтарём Онг Диа, либо полностью посвящён Онг Диа, при этом обращаться к нему будут именно за богатством. Отметим, что южане не считают Онг Диа полноценным Богом, это следует из его имени – «Онг» переводится как «господин» или «дедушка». Поэтому, в случае, если люди молятся Онг Диа, приносят ему подношения, а дела идут плохо, они могут выбросить его статую в мусор или реку. На Севере и в Центре Вьетнама отношение к Онг Диа более почтительное, здесь его могут называть «*Thần Đất*» (Тхан Дат – «Бог Земли»).

Другим божеством, для которого могут установить алтарь, является *Thần Tài* (Тхан Тай – «Бог Богатства») – божество из китайского пантеона. Это тот самый Бог, которого может пригласить Онг Диа. Тхан Тай отвечает за материальные блага, доходы семьи и накопления. В отличие от Онг Диа, он не имеет непосредственного отношения к счастью. Изображается он в китайском стиле, в богатой яркой одежде.

Есть и третье божество, которого можно встретить на алтаре, посвящённом богатству – Ông Lộc (Онг Лок – «Господин богатства»). Это Бог китайского пантеона, известный как один из трёх богов счастья (Бог богатства, Бог долголетия и Бог плодородия). В случае, если семья выбрала его своим покровителем в вопросах богатства, то на алтаре будут размещены все три бога счастья.

Алтарь Бога богатства можно увидеть практически в каждом магазине, банке или офисе, т.е. в помещениях, где зарабатывают деньги. Он размещается на первом этаже в углу у входа в помещение, а иногда даже за пределами здания. Его «не нужно ставить в красивое или почётное место, как алтарь предков» [4. С. 106–107]. В отличие от семейного алтаря, алтарь Богу богатства не прячут в тихое место. Нередко можно видеть, что он стоит на самом видном месте, привлекая внимание прохожих. Главный принцип его размещения – «ближе к Земле».

Есть и ещё одна причина, почему алтарь Бога богатства чаще всего располагают в углу у входа в дом. Согласно некоторым китайским легендам Бог богатства обитает возле мусора. Во вьетнамском доме мусор, как правило, складывают возле входа. Иногда это божество может представляться как нищий, живущий на помойке. Именно в углу у входа в дом кормят нищих и здесь же принято располагать алтарь Бога богатства.

Вьетнамский учёный Минь Дыонг описывает Алтарь Бога богатства следующим образом: он не должен быть большим. Достаточно небольшого алтарного столика красного цвета, обрамлённого золотой краской. На алтаре должна быть размещена табличка с надписью «Бог богатства». Перед табличкой ставится чаша с палочками, два маленьких светильника,

чашка для воды, вино и тарелка для фруктов и других продуктов [4].

Это описание можно дополнить лишь тем, что на современных алтарях Бога богатства чаще всего стоят фигурки божества, заменяющие табличку. На этих алтарях можно увидеть самые разнообразные жертвы. Они могут зависеть от предпочтений семьи или от рода деятельности жертвователя: еда, алкоголь, сигареты, деньги, практически любые вещи. Такому алтарю внимание уделяется ежедневно. Из личных наблюдений авторов следует, что по утрам перед началом работы хозяин молится и приносит жертвы Богу богатства.

Минь Дыонг иначе описывает поклонение Богу богатства в своей книге: «Во время вечерней молитвы

в пагоде хозяин ставит палочки на алтарь, при этом молиться не обязательно. Главное – помолиться перед алтарём Бога богатства 1 и 15 числа каждого лунного месяца, а также в Новый год и во время других семейных событий (свадьба, поминки, дни рождения и т.д.)» [4. С. 106–107].

Рассмотренные варианты домашних алтарей вьетнамцев свидетельствуют не только об их разнообразии и самобытности, но позволяют понять многослойную семантику культа предков. Выделение алтарей как самостоятельного предмета изучения позволяет выявить культурные особенности отдельных районов страны, понять внутренние мотивы людей, распознать доминирующие религиозные и культурные течения в современном Вьетнаме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полевые материалы авторов (Ханой, Хайфонг, Хоабинь, Хатинь, Дананг, Хоимин, Вунгтау; 2007–2016 гг.).
2. Nguen Hai Ninh. Vai net ve ban tho to tien cua nguoi Viet (Некоторые особенности алтарей предком у Вьетов) // Tap chi di san van hoa. 2005. So 1 (10). P. 77–82.
3. Yen Son, Nguyen Duc Ba. Doi dieu tim hieu ve ban tho gia tien (Некоторые знания об алтарях предков) // The government committee for religious affairs. URL: <http://btgcp.gov.vn/Popup.aspx/vi/66/0/cid=240/nid=3646/tempid=1#> (дата обращения: 04.01.2017).
4. Minh Duong. Nghi le dan gian. Nghi le tho cung (Народные ритуалы. Ритуалы поклонения). Thoi Dai, 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2017 г.

HOME ALTARS IN MODERN VIETNAM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 104–110.

DOI: 10.17223/15617793/433/14

Kam N. Pham, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Farnkn@tpu.ru

Andrey V. Faerman, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andrey2010@mail.ru

Keywords: Vietnam; ancestor worship; altar.

Ancestor worship is a kind of religion which forms and edifies the social system based on a family ideal, on the idea that family is a fundamental principle of society and the Universe. The paper discusses a problem understudied in Vietnamese ethnography: the altars of ancestor worship. The authors used Vietnamese sources and personal observations materials. It is important to note that the traditions and rituals in different families can differ greatly, that is why this issue requires further study. The altar of ancestor worship occupies an important place in social relations of Vietnam. It is not preserved in aspic but it is a really functioning element of a modern Vietnamese family. Any changes in the kinship system will have an impact on religious beliefs, ceremonies, attributes, and vice versa. Studying Vietnamese altars, we can find influence of other religions, for example, Christianity or Buddhism, depending on a family and local features. At the same time altars can be used in houses of irreligious people. The problem is considered in the context of changes in modern Vietnamese society. The interdependence of kinship and social structure with ancestor worship suggests that changes in the Vietnamese society affected ancestor worship and the forms of home altars. The authors introduce a Vietnamese altars classification, based on their location and the object of worship: temple altars, home altars, outdoor altars. They carefully consider home altars for ancestors, for the God of Wealth and for Heaven. They describe the structure of altars, the meaning of altars attributes and their location. They give examples of deviations from altar installation rules and analyze reasons for them. A family altar is the main altar of Vietnamese ancestor worship which you can see in each Vietnamese house. The analysis of its location and structure help us to understand people who installed it. An altar for the God of Wealth is widely used; its architecture is different. The distribution of this type of altars shows us a certain stage of Vietnamese society development. An altar for Heaven is less popular and requires more attention. The authors described altars as a source to study Vietnamese society. Making altars a separate subject of research reveals cultural characteristics of different country areas, shows intrinsic motives of the people and identifies the dominant religious and cultural currents in modern Vietnam.

REFERENCES

1. Field materials of the authors (Hanoi, Haiphong, Hoabin, Hatin, Danang, Hoimin, Vung Tau, 2007–2016).
2. Nguen Hai Ninh. (2005) Vai net ve ban tho to tien cua nguoi Viet [Some features of the altars of the ancestor of the Vietnamese]. *Tap chi di san van hoa*. 1 (10). pp. 77–82. (In Vietnamese).
3. Yen Son, Nguyen Duc Ba. (n.d.) Doi dieu tim hieu ve ban tho gia tien [Some knowledge about the altars of the ancestors]. *The Government Committee for Religious Affairs*. [Online] Available from: <http://btgcp.gov.vn/Popup.aspx/vi/66/0/cid=240/nid=3646/tempid=1#>. (Accessed: 04.01.2017).
4. Minh Duong. (2010) Nghi le dan gian. Nghi le tho cung [Folk rituals. Rituals of worship]. Thoi Dai.

Received: 27 November 2017

УДК 378.14

Р.Г. Черданцева, А.Д. Моисеенко

**РУКОВОДИТЕЛИ КАФЕДРЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ВКЛАД А.Я. КУЗНЕЦОВА, Н.Н. БИЯЗИ И Б.С. ГАНЖИ
В РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Описывается история кафедры, методической работы по физическому воспитанию А.Я. Кузнецова, Н.Н. Биязи и Б.С. Ганжи в Томском государственном университете. На основе анализа архивных документов, материалов периодической печати, документальных публикаций описывается методика проведения занятий со студентами по военной и физической подготовке. Кузнецов, Биязи и Ганжа внесли существенный вклад в физическое развитие будущих специалистов, содействовали подготовке резервов для армии.

Ключевые слова: Томский государственный университет; физическая культура; кафедра физического воспитания; студенты; история Сибири; Кузнецов; Биязи; Ганжа; методика преподавания.

Гражданская война вызвала коренные изменения материально-бытовых условий. Наркомпрос РСФСР наряду с мерами, направленными на улучшение материального положения студентов, упорядочения их быта, условий занятий и медицинского обслуживания, предложил введение обязательных занятий по физической культуре.

Инициатива организации занятий по физической культуре осложнялась материально-бытовыми факторами. Материальные условия жизни студентов оставляли желать лучшего. Вот, что, например, писала томская газета «Красное знамя» в заметке «Еще о нуждах студенчества»: «... перебиваясь с хлеба на квас, ведет студент свое жалкое, подчас полускотское существование, заболевает часто желудочными болезнями, ревматизмом, простытает вечно и к концу высшей школы получается из человека, когда-то здорового, сильного, жизнерадостного <...> растративший свою молодую жизнь на учебу и борьбу с головой и, поэтому неспособный в жизни по выходе из высшей школы проявить ни интенсивности, ни энергии в хозяйственной работе страны, ни даже жажды этой работы по специальности, к которой он когда-то стремился... Он может только «устраиваться» в жизни на теплые местечки, улучшать свою личную жизнь, нисколько не заботясь об обязанностях гражданина... В конечном итоге страдает от этого государство» [1].

В середине 1920-х гг. материально-бытовые условия студентов оставляли желать лучшего. Все это отрицательным образомказывалось на их физическом развитии. В связи с введением в 1927 г. занятий по допризывной военной подготовке распоряжением начальника Военно-санитарного управления Сибирского военного округа от 3 декабря 1926 г. предписывалось провести медицинское освидетельствование студентов ТГУ. Результаты выявили неудовлетворительное физическое состояние подавляющей части студентов. В целом по СССР средний процент годных к строевой службе колебался в пределах 60% [2. С. 28–29]. Ввиду полученных результатов, необходимо подчеркнуть, что руководителям важно было обратить внимание на укрепление физического развития студенчества «путем улучшения общих условий stu-

денческого труда и быта, улучшения питания, жилищных условий, широкого проведения физической культуры и гигиенического режима дня...» [3. С. 193].

Военный руководитель ТГУ А.Н. Кузнецов и сменивший его Н.Н. Биязи, ссылаясь на полученные инструкции из СибВО, поставили перед правлением университета вопрос о введении занятий по физической культуре.

Первым военным руководителем Томского государственного университета приказом Реввоенсовета СССР № 670 от 4 ноября 1926 г. был назначен корпусной врач Александр Яковлевич Кузнецов [2. С. 491]. Кузнецов родился 17 (30) апреля 1892 в с. Перники Покровского уезда Владимирской губернии (ныне п. Заречный Собинского района Владимирской области). По окончании учительской семинарии Я.С. Кузнецов переехал в с. Перники, где работал учителем. В 1896 г. он участвовал в переписи населения в качестве переписчика [4]. В 1911 г. А.Я. Кузнецов поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1916 г. В 1918 г. Кузнецов вступил в Красную Армию [2. С. 491–493]. В ноябре 1926 г. А.Я. Кузнецов становится военруком Томского университета. В 1927 г. он обратился вправление ТГУ с предложением «широкого развертывания физкультуры среди студентов». В докладной записке он предложил несколько вариантов вовлечения студентов в занятия физкультурой. В качестве программы-максимум А.Н. Кузнецов предлагал ввести физкультуру в ТГУ «как обязательный предмет», для чего, по его мнению, необходимо было оборудовать «гимнастический зал со всем спортивным инвентарем». Второй вариант предусматривал участие широких масс студентов в работе спортивных секций. Для реализации этих предложений, помимо спортивного инвентаря, требовалось оборудование гимнастического зала в университете. Третий вариант включал «массовые спортивные игры на открытом воздухе и зимние виды спорта – лыжи и коньки». К каждому из вариантов Кузнецовым была составлена подробная смета расходов [5. Л. 3–6].

В результате обсуждения правление университета остановилось на первом варианте, постановив внести в смету 1928/29 бюджетного года соответствующие

суммы на организацию физкультуры в ТГУ. Преемником Кузнецова (с 1928 г.) стал Н.Н. Биязи, который сыграл значительную роль в спортивной жизни университета и города в целом.

Николай Николаевич Биязи родился 2 апреля 1893 г. в Одессе. Биязи был потомком переселенцев из Италии. Биязи окончил Одесскую гимназию и театральное училище. В Санкт-Петербург он переехал в 1912 г.

19 августа 1914 г. Н.Н. Биязи был призван на военную службу в батальон лейб-гвардии Преображенского полка. За храбрость, проявленную в боях, был награжден Солдатским Георгиевским крестом 4 степени и в 1916 г. направлен в Павловское военное училище на курсы краткосрочной подготовки прапорщиков. После их окончания он был оставлен в училище инструктором и вскоре получил чин подпоручика. В дни Октябрьской революции 1917 г. Биязи перешел на сторону советской власти.

С приходом Биязи на должность военного руководителя преподавание военных дисциплин в ТГУ получило новый научный импульс. Значительный акцент в подготовке студентов был сделан на физическую подготовку. Биязи стал инициатором систематических занятий студентов физической культурой и спортом. Перед правлением университета им был поставлен вопрос о введении обязательных занятий по физической культуре. В то же время Биязи обратил внимание правления университета на то, что ни Наркомпросом РСФСР, ни правлением ТГУ средств на оплату труда преподавателей и приобретение спортивного инвентаря не было выделено. В подробном плане не были отведены часы для занятий физкультурой. Проведение занятий по физкультуре было организовано уже во втором семестре 1928–1929 гг. Биязи была введена физзарядка под наблюдением инструктора.

С приходом нового ректора – профессора Д.В. Горфина, Н.Н. Биязи была оказана поддержка в организации занятий по физическому воспитанию и оборудованию мест для занятий. Ректор отвел под спортзал большое помещение на первом этаже главного корпуса, а в коридоре полуподвального помещения установили тир для стрельбы из малокалиберной винтовки и пистолетов. Позади главного корпуса на пустыре было оборудовано поле для гандбола. Этую игру Биязи ввел в Томске впервые. В ТГУ была создана мужская и женская команды. Баскетбольные и волейбольные команды университета успешно выступали на городских соревнованиях. Получил развитие и настольный теннис. Чемпионат города был выигран студентом ТГУ Ситниковым. В 1929 г. под руководством Биязи в ТГУ были сформированы мужская и женская хоккейные команды, причем женская появилась в Томске впервые. Также была подготовлена отличная стрелковая команда, которая заняла первое место в городе, и слава о ней распространялась далеко за пределами Томска. Студенты, как и прежде, увлекались конькобежным спортом и лыжами.

Сам Биязи был очень увлечен спортом. Он занимался футболом, боксом, гимнастикой, стрельбой, парусным и велосипедным спортом, был участником

первого в России матча по регби. В спортивной коллекции наград Биязи более 70 дипломов и медалей за личные достоинства и победы, тренируемых им футбольных, баскетбольных, волейбольных и хоккейных команд.

Что касается организации занятий по физкультуре, то из-за ограниченности средств и невозможности перестраивать учебный план численность одной группы занимавшихся в среднем составила около 50 человек. Двухчасовые занятия в группах давались некоторым студентам с трудом. Их вели 2 преподавателя – Макаров и Гуляев, которые были приглашены из Артшколы [6. Л. 9]. Занятия проводились по программам, присланым из управления вузами при Наркомпрос РСФСР. Они касались проведения занятий в женской группе и спецгруппе, сформированной из студентов с ослабленным физическим здоровьем. Методика преподавания предусматривала и военный элемент. Занятия проводились в физкультурном зале и на воздухе. Посещаемость составила 85%. В большинстве своем студенты положительно относились к занятиям по физкультуре [Там же. Л. 9 об.].

Большое внимание уделялось работе спортивных кружков и секций, их инициаторами выступали студенческие профсоюзы. Весной 1927 г. при студенческом общежитии (ул. Белинского, 7) была открыта физкультурная база. Однако ее спортивный инвентарь оставлял желать лучшего. В должности инструктора и одновременно заведующего базой состоял А. Петкевич [7. Л. 12–13].

Н.Н. Биязи в отчете от 7 мая 1929 г. предложил ряд мер для улучшения физкультурной работы в вузе. Он ходатайствовал перед правлением университета о выделении средств на физкультурную работу, приобретение спортивного инвентаря и оборудования спортзала, а также предложил решить вопрос о зарплате преподавателей [8. С. 178].

Начиная со второго семестра 1928/29 учебного года занятия физической культурой начали внедряться в учебный процесс. Они также занимали важную роль в допризывной подготовке. Как следствие проведения данных мероприятий, в 1930-х гг. в составе университета была создана кафедра физической культуры. 11 июня 1938 г. было издано постановление Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, в котором содержались положения о введении обязательной ежедневной физкультурной зарядки в студенческих общежитиях. Всем вузам предписывалось обеспечить в общежитиях оборудование специальных мест для этих занятий как в летнее, так и в зимнее время. Для проведения зарядки в общежитиях использовались, кроме преподавателей, силы физкультурного актива под руководством кафедры физкультуры вузов в следующем порядке: 160 часов на первом и втором курсах, 60 часов на третьем.

Основой программы обязательного курса по физической культуре в высших учебных заведениях являлась подготовка и сдача студентами испытаний по комплексу ГТО 1 ступени на первом курсе, испытаний по гимнастике, легкой атлетике, лыжам и штыко-

вому бою в пределах комплекса ГТО 2 ступени на втором курсе, в дальнейшем – усовершенствование в отдельных видах спорта.

В постановлении учитывалась необходимость роста научной и педагогической квалификации, и в соответствии с этим предписывалось создание специальной кафедры физической культуры (в том числе и в Томском университете). При этих кафедрах утверждалась должность заведующего кафедрой физкультуры вместо должности старшего преподавателя.

Преподавание физической культуры включалось в расписание студентов в последние часы занятий, и по окончании семестра вводился обязательный зачет по физкультуре.

Всесоюзный комитет по делам высшей школы и Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК СССР предоставил ректорам вузов ответственность за физическое воспитание студенчества, за правильную организацию занятий, регулярное проведение врачебного контроля, а также выполнение студентами определенных зачетных требований.

Университет не располагал обустроенным гимнастическим залом, лыжная база была слишком мала, не хватало инвентаря. В преддверии войны физическому воспитанию, как и военной подготовке, являвшимися органической частью всей советской воспитательной системы подготовки будущих специалистов, стало придаватьсь большое значение.

Первым заведующим кафедрой физического воспитания стал выпускник курсов по подготовке инструкторов физкультуры Борис Сергеевич Ганжа. Он родился 22 апреля 1904 г. в Полтаве в семье преподавателя гимнастики. Ганжа обучался в Полтавском, а затем в Вольском кадетском корпусе. При отступлении Белой армии в сентябре 1918 г. Ганжа вместе с другими воспитанниками и преподавателями оказался в Иркутске, где продолжил обучение в 5-м Иркутском училище. Позже, гражданская война добралась и до этого сибирского города. С приходом Красной армии Б.С. Ганжа поступил добровольцем в 11-й советский полк 5-й Красной Армии.

В 1922 г. Б.С. Ганжа поступил в 5-ю Томскую военно-инженерную школу, где проучился до ее расформирования весной следующего года. Ему было предложено продолжить обучение в Военно-инженерной школе в Киеве либо демобилизоваться в связи с малым возрастом. В итоге он выбрал демобилизацию.

Начиная с 1922 г. Б.С. Ганжа руководил гимнастическими выступлениями воспитанников детских домов и томских средних школ на Площади Революции, преподавал физкультуру в спортивном клубе томских коммунальщиков (1923–1926 гг.), а также в ряде средних школ, в Томском эксплуатационном техникуме (1927–1930). Во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге он в составе 61-го Осинского стрелкового полка участвовал в боях за Маньчжурию. Вернувшись в Томск, в 1930–1932 гг. Б.С. Ганжа становится ответственным руководителем физкультуры в Томском мукомольно-элеваторном институте, избирается председателем месткома этого вуза [9. Л. 29–31].

25 ноября 1932 г. Б.С. Ганжа, на основании до-кладной записки военного руководителя ТГУ Н.И. Невского приказом директора назначается ответственным руководителем по физической культуре университета [10. Л. 200]. В 1933 г. он прошел Высшую военную подготовку и получил звание командира взвода.

В приказе № 192 от 1936 г. по ТГУ говорилось: «Совещание при проректоре по учебной части в составе представителей кафедры физкультуры, деканов и инспекции обсудило проведение физкультуры в ТГУ в 1936–1937 гг.» В результате было установлено наличие значительных недостатков в работе кафедры физкультуры, деканов, дирекции в деле осуществления задач физического воспитания студенчества, которое являлась частью всей воспитательной системы будущих советских специалистов. Главным стремлением являлось закаливание тела, подготовка к труду и обороне, но данные стремления не всегда выполнялись. Работа по физическому воспитанию проводилась без постоянного врачебного контроля. Помещение спортзала было небольшим и не удовлетворяло необходимым требованиям. Наблюдался также недостаток спортивного инвентаря. Посещаемость занятий по физкультуре студенчеством не стояла на должной высоте. Со стороны работников кафедры имели место случаи формального подхода к оценке успеваемости студентов по физкультуре. Деканы недостаточно уделяли внимание постановке физического воспитания студентов и не оказывали кафедре необходимой помощи в этом деле. В преподавании физического куль-туры имели место значительные недостатки: сухость преподавания, формализм, пропуски занятий отдельными преподавателями, неумение заинтересовать студенчество и привить ему желание к физкультурным занятиям. Кафедра не развернула научно-методическую работу. Кружковыми занятиями была охвачена незначительная часть студенчества.

В целях устранения указанных недостатков предлагалось кафедре физкультуры, студенчеству и физкультурному активу обсудить вопрос об улучшении работы по физическому воспитанию студентов и наметить конкретный план работы в этом направлении. В дальнейшем предусматривалось проведение научно-методических совещаний при кафедре, привлекая к участию в них преподавателей физкультуры других вузов города. Заведующему кафедрой Б.С. Ганже предстояло в недельный срок подыскать кандидатуру физкультурного врача, а также организовать осенний медосмотр всех студентов, а сами занятия проводить под постоянным врачебным контролем.

Б.С. Ганже предписывалось наметить конкретный план развертывания внешкольной физкультурной работы на основе широкой самодеятельности и вовлечения массы студенчества в эти кружки, сохранив платных преподавателей – тренеров по тем кружкам, которые действительно без этого не могут обойтись.

Б.С. Ганжа принимал активное участие в работе краевых методических совещаний и был командирован в Москву на Всесоюзные конференции по методике преподавания физической культуры. По совместительству в 1927–1933 гг. Б.С. Ганжа работал ме-

тодистом в Томском окружном совете физической культуры.

Свою деятельность Б.С. Ганжа начал с того, что резко раскритиковал систему постановки физической подготовки в университете. В 1933 г. в университетской многотиражной газете «За качество кадров» была опубликована его заметка: «Физкультуре – максимум внимания». В ней он сформулировал свою точку зрения на физическую подготовку советского студенчества. Б.С. Ганжа обратил внимание на то, что посещаемость занятий по физической культуре в ТГУ была «ниже всякой критики». Так, например, имелись группы, «которые в течение первого полугодия ни разу не явились на занятия по физической культуре», а ряд групп «не являются на занятия по целым месяцам». По словам Ганжи, наблюдались «случаи, когда заведующие отделениями забывают включить в расписание физическую культуру». Слабо велась подготовка значков ГТО. В университете, отметил Ганжа, «нет ни одной четко работающей секции». Обратил он внимание и на слабое материальное оснащение занятий физической культурой: «Материальная база, – писал Ганжа, – недостаточна. Имеющийся гимнастический зал служит образцом того, каким зал не должен быть. Лыжная база недостаточна». Все это, по его мнению, не способствовало занятиям физкультурой и оказывало негативное влияние на поднятие удельного веса «физической культуры в системе коммунистического воспитания, как фактора оздоровления и подготовки студентов к труду и обороне» [11].

Будучи ответственным за физкультуру, Б.С. Ганжа много занимался подготовкой университетских спортсменов к участию в различного рода соревнованиях. Так, в феврале 1933 г. он являлся одним из организаторов межвузовской спартакиады, проходившей в Томске с 1 февраля по 30 марта [Там же]. В 1934 г. Б.С. Ганжа отвечал за подготовку студенческой команды ТГУ к Всероссийской спартакиаде Наркомпроса РСФСР. Команда ТГУ, состоявшая из 18 человек (братья В. и Л. Яхонтовы, О. Чечурова, Еременко, Абрамова, Топоров, Айзин, Нечаева и Шаповалов и др.), 11 февраля выехала в Москву [12]. Спортсмены ТГУ выступили успешно, заняв 1-е общекомандное место

[13. Л. 27]. В 1935 г. Б.С. Ганжа входил в состав оргкомитета по подготовке к проведению зимней спартакиады ТГУ (15–25 декабря 1935 г.) [14].

В январе 1937 г. Ганжа со студенческой командой гимнастов выезжал на межнаркоматские соревнования, которые проходили в Москве, а в феврале 1938 г. руководил командой лыжников на отборочных соревнованиях Наркомпроса РСФСР в Москве [15. Л. 3–5].

Вместе с тем работа Б.С. Ганжи подвергалась критике со стороны дирекции ТГУ. В приказе по ТГУ, датированном 15 октября 1937 г., отмечалось, что работа по физическому воспитанию в ТГУ проводилась без постоянного врачебного контроля, помещение спортзала не удовлетворяло требованиям, ощущалась нехватка спортивного инвентаря. Оставляла желать лучшего и посещаемость занятий по физкультуре студентами.

Одной из главных особенностей развития физической культуры в Томском государственном университете являлось практически самостоятельное создание материальной базы спорта и фанатический энтузиазм, проявленный студентами и преподавателями. С именами А.Я. Кузнецова, Н.Н. Биязи и Б.С. Ганжи связано начало регулярных занятий по физической культуре в Томском государственном университете. Значительный вклад был внесен ими и в развитие методик преподавания занятий, создание основ материальной базы; они рассматривали физкультуру как важное средство в деле военной подготовки и спортивного воспитания. В целом же стоит отметить, что во время работы А.Я. Кузнецова, Н.Н. Биязи и Б.С. Ганжи было проведено множество спортивно-массовых мероприятий, которые приобщали студентов к активным занятиям физкультурой. Этому способствовали и создаваемые в университете спортивные кружки и секции. Работа, проведенная А.Я. Кузнецовым, Н.Н. Биязи и Б.С. Ганжа, свидетельствует о «необходимости самого серьёзного отношения к укреплению физического развития студенчества путём улучшения общих условий студенческого труда и быта, улучшения питания, жилищных условий», широкого внедрения физической культуры в студенческие массы, что необходимо было осуществить на деле в самый ближайший срок [3. С. 193].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красное знамя. 1924. 5 янв.
2. Голиков В.И. В едином строю: История военной кафедры, факультета военного обучения Томского государственного университета (1926–2006) / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2006.
3. Булаев И.М. Материалы к характеристике физического развития студентов ТГУ // Известия Томского государственного университета. Т. 84. 1929. С. 169–193.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1960.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1499.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 367.
7. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 391.
8. Черданцева Р.Г., Борисов Д.В. История организации занятий по физической культуре в Томском государственном университете в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 353. С. 176–178.
9. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 688.
10. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1758.
11. Физкультуре – максимум внимания // За качество кадров. 1933. 20 февраля.
12. Физкультура // За качество кадров. 1935. 23 февраля.
13. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1834.
14. Внутривузовская спартакиада // За качество кадров. 1935. 1 ноября.
15. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 688.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

HEADS OF THE DEPARTMENT OF PHYSICAL EDUCATION OF TOMSK STATE UNIVERSITY. THE CONTRIBUTION OF ANDREY YA. KUZNETSOV, NIKOLAY N. BIYAZI AND BORIS S. GANZHA TO THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 111–115.

DOI: 10.17223/15617793/433/15

Raisa G. Cherdantseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ffk@mail.tsu.ru

Arseniy D. Moiseenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Keywords: Tomsk State University; physical education; department of physical education; students; history of Siberia; Kuznetsov; Biyazi; Ganzha; methods of teaching.

The article is devoted to the history of the methodological work on physical education of Andrey Ya. Kuznetsov, Nikolay N. Biyazi and Boris S. Ganzha at Tomsk State University (TSU). Methodology for the military and physical training of students is described on the basis of the analysis of archival documents, periodical press materials, documentary publications and articles of heads of the department. Kuznetsov, Biyazi and Ganzha made a significant contribution to the physical development of future specialists; besides, they promoted preparation of the reserves for the army. The aim of this investigation is to consider changes in tendencies of physical education teaching at TSU. The first military head of the Tomsk State University was Andrey Kuznetsov. He initiated the introduction of physical training at TSU. He worked to improve the material and household conditions of students life. Nikolay Biyazi became the head of the Military Department in 1928, and he was in charge of physical education. With Biyazi's appointment, the teaching of military disciplines became more scientific and effective at TSU. Physical training gained importance in students' education. Biyazi introduced systematic classes of physical education and sports for students. He raised the question of the introduction of mandatory physical training before TSU Administration. Subsequently, this action improved the material-technical base for sports development at the university. In the 1928–29 fiscal year, the corresponding amounts of money for the organization of physical education were assigned at TSU. The methodology of teaching included a military element. Classes were held not only in the gym but also in the open air. Attendance rates were 85%. Most students approved physical education classes. The consequence of these events was the foundation of the Department of Physical Education at the end of the 1930s. However, the conditions for the organization of students' physical education classes were extremely difficult during the first steps of the department's work. Boris Ganzha, a graduate of the physical education instructor training program, became the first head of the Department of Physical Education. He participated actively in the regional methodological meetings on physical education. However, the work of Ganzha was criticized by TSU Administration because there was no medical supervision, the condition of the gym did not meet the requirements, there was not enough sports equipment. In addition, students often missed classes. In general, it should be noted that, despite all the difficulties, while Kuznetsov, Biyazi and Ganzha worked at TSU, many sports events were held, which influenced the development of sports at the university and in the city. The methodology of teaching changed with the development of new ideological orientations and the improvement of the material-technological base of the university.

REFERENCES

1. *Krasnoe znamya*. (1924) 5 January.
2. Golikov, V.I. (2006) *Vedinom stroyu: Istoryya voennoy kafedry, fakul'teta voennogo obucheniya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (1926–2006)* [In a single row: History of the Military Department, the Faculty of Military Training of Tomsk State University (1926–2006)]. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. Bulaev, I.M. (1929) Materialy k kharakteristike fizicheskogo razvitiya studentov TGU [Materials to the description of the physical development of students of TSU]. *Izvestiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 84. pp. 169–193.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1960. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1499. (In Russian).
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 367. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 391. (In Russian).
8. Cherdantseva, R.G. & Borisov, D.V. (2012) The history of organizing physical training classes at Tomsk State University in 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 176–178. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 15. File 688. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1758. (In Russian).
11. Za kachestvo kadrov. (1933) Fizkul'ture – maksimum vnimaniya [Maximum attention to physical education]. *Za kachestvo kadrov*. 20 February.
12. Za kachestvo kadrov. (1935) Fizkul'tura [Physical education]. *Za kachestvo kadrov*. 23 February.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1834. (In Russian).
14. Za kachestvo kadrov. (1935) Vnutrivuzovskaya spartakiada [Intra-university sports day]. *Za kachestvo kadrov*. 1 November.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 15. File 688. (In Russian).

Received: 10 February 2018

КТО ГОЛОСОВАЛ ЗА НСДАП?: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Исследуется проблема социального состава избирателей НСДАП в период 1928–1933 гг. Рассматриваются концепции классового подхода в определении избирателей национал-социалистов, проблемы возрастного, гендерного и конфессионального деления в преференциях избирателей, а также роли повышения явки избирателей и перетекание электората между партиями в качестве факторов электорального успеха нацистов. Значимость проблематики заключается в дальнейших возможных заключениях о причинах головокружительного взлета национал-социалистического движения и прихода нацистов к власти.

Ключевые слова: социальная база НСДАП; выборы в Веймарской республике; приход нацистов к власти; электоральная история Германии.

Проблема социальной базы национал-социалистов конца 20-х – начала 30-х гг., выраженной в поддержке избирателей на выборах Веймарской республики, представляет один из самых дискутируемых комплексов вопросов с начала 30-х гг. XX в. и до сегодняшнего дня. Значимость этой проблематики определяется возможностью ответить на вопрос о росте влияния национал-социалистического движения в Веймарском обществе и его причинах, что в итоге лежит в основании проблемы прихода нацистов к власти и падения Республики. Современные исследования показывают, что попытки объяснить успех Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) на выборах 1928–1933 гг. особенностями классового, половозрастного и конфессионального голосования требуют серьезного пересмотра [1. С. 118–149].

Самыми первыми попытками объяснить причины успехов НСДАП стали два конкурирующих подхода: 1) национал-социалисты смогли создать партию «*Volkspartei*» («*catchall party*») – партию всего народа, т.е. избиратели которой охватывали все слои и социальные группы населения Веймарской республики; 2) ключевым в успехах нацистов стал классовый подход: за НСДАП голосовал исключительно средний класс («*Mittelstandspartei*»). Эти подходы зародились в начале 30-х гг. и равнозначно существуют по сей день. При этом, классовый принцип был характерен не только для советской, но и для западной историографии 40–80-х гг. XX в., а также для части современных отечественных и западных исследований [2. С. 3, 68–69, 71–73, 77, 80; 3. С. 152, 172, 179–180; 4. С. 70–71, 205; 5. С. 136; 6. Р. 416–417; 7. Р. 445]. Серьезный пересмотр «теории среднего класса» в пользу «*Volkspartei*» начал происходить среди историков, социологов и политологов США и Западной Европы только в первой половине 1980-х гг. и продолжается и сегодня [8. Р. 35; 9. Р. 141–142; 10. Р. 2–3; 11. Р. 55] (подробно историографию см.: [12]).

Не найдя решения вопроса в классовом делении избирателей, это решение все больше стало переноситься в область религиозного, возрастного и гендерного деления избирателей Веймарской республики. Самая распространенная точка зрения в историографии – НСДАП одержала победу благодаря поддержке протестантских регионов Германии [13. Р. 123; 14. Р. 38–40; 15. Р. 48] (см. также: [8. Р. 25, 26]). (При этом считает-

ся, что католическое население стабильно отказывало в электоральной поддержке вплоть до 1933 г. (см. напр.: [16. Р. 114, 117, 120; 17. Р. 382]). Одной из самых влиятельных точек зрения стало утверждение, что молодое поколение немцев и их участие в голосовании на выборах 1930–1932 гг. определило результат выборов в пользу национал-социалистов [3. С. 162, 170; 5. С. 226; 10. Р. 2–3; 18. Р. 246; 13. Р. 121; 19; 20. С. 17]. Большая группа исследователей считает, что решающее значение в победе национал-социалисты получили благодаря результатам голосования женщин Веймарской республики, при этом выводы о предпочтениях женского электората кардинально расходятся [20. С. 23; 21. Р. 85; 22. Р. 126; 23. Р. 143; 24. Р. 91–98; 25. Р. 23–24; 26. Р. 16; 27. Р. 5].

Таким образом, комплекс вопросов о голосовании больших социальных групп Веймарской республики, по признаку религиозного, возрастного и гендерного деления, в связи с проблемой успехов нацистской партии на выборах 1928–1933 гг., требует внимательного рассмотрения.

По мнению Ганса Найссера (исследователя нач. 30-х гг.), за Национал-социалистическую партию голосовали от четверти до половины молодого электората в возрасте от 20 до 25 лет [28. С. 658–659]. Генрих Штрифлер указал на большое пополнение молодых избирателей в период второй половины 1920-х – начала 30-х гг., что, по его мнению, существенно повлияло на результаты голосования на выборах [20. С. 17]. Эти положения прочно утвердились в историографии как зарубежной, так и отечественной.

Если обратиться к данным самого же Штрифлера, то бросается в глаза, что в группе от 20 до 30 лет количественный рост избирателей между 1925 и 1933 гг. составил 0,85 млн [20. С. 17]. Если принять во внимание, что общее количество избирателей за тот же период выросло более чем на 3 млн, то этот показатель не представляется столь значительным, чтобы говорить о существенном его влиянии на изменение результатов выборов в поздней Веймарской республике. Кроме того, следует принять во внимание, что молодежь значительно менее активно участвовала в выборах, чем избиратели в возрасте от 35 до 65 лет [20. С. 18].

Таким образом, если вести речь о перераспределении голосов в пользу НСДАП, то главное влияние на результаты было вызвано тем, что избиратели от

20 до 30 лет и те, что перешли в следующие возрастные группы, в массе своей, проявляли схожее электоральное поведение. Следует обратить внимание не на слабо голосующую группу до 30, а связать ее с более старшим поколением и вести речь о возрастных группах избирателей от 20 до 35 лет или даже до 40 лет и учесть, что именно группы от 30 до 40 лет демонстрировали разительно более высокую явку на выборах.

Г. Штрифлер в 1946 г. пришел к выводу о существовании взаимосвязи между активностью избирателей и количеством голосов, поданных за НСДАП [Там же. С. 23]. Это заключение было принято как данность в дальнейшей историографии [29], и только в последние десятилетия стал складываться и другой подход: повышение явки избирателей стало серьезным источником роста рейтинга НСДАП только в 1933 г. [30. Р. 218, 220].

Действительно, на выборах в рейхстаг в 1930 г., которые вошли в историю невероятным скачком уровня поддержки немецкими избирателями национал-социалистического движения – в 8 раз, была зафиксирована самая высокая явка на выборы Веймарской республики после 1919 г. – 82% (на предыдущих в мае 1928 г. явка составила 75,6%). На следующих выборах в июле 1932 г. явка снова побила рекорды и стала самой высокой за всю историю Веймарской республики – 84%, а нацисты удвоили свой результат 1930 г. Через четыре месяца (выборы в рейхстаг ноября 1932 г.) произошло снижение уровня явки до 80,6%, а нацисты потеряли 2 млн голосов [1. С. 237; 31]. Эта же динамика была характерна и для выборов в ландтаги 1928–32 гг. [Там же. С. 265–273; 31; 32. С. 342; 33. С. 265].

Перепроверка расчетов Г. Штрифлера по общему количеству неопределившихся избирателей (к которым были отнесены и те, кто не принял участие в выборах, и те, чьи бюллетени оказались недействительными – т.е. разница между общим количеством зарегистрированных избирателей в стране и общим количеством зафиксированных голосов за различные партии) привела к некоторым корректировкам. Так, между выборами 1928 и 1930 гг. количество избирателей, чьи голоса никому не достались, уменьшилось по Штрифлеру на 2,9 млн человек, мы получили значение в 2,5 млн голосов. Еще на 0,9 млн уменьшилось количество непроголосовавших на выборах в июле 1932 г. в сравнении с 1930 г.; в наших расчетах эта цифра составила 0,64 млн. В ноябре 1932 г. по сравнению с июлем количество действительных бюллетеней уменьшилось, с точки зрения Штрифлера, на 1,6 млн; корректировка здесь незначительная – 40 тыс. избирателей, а получающаяся цифра разницы в действительных бюллетенях – 1,56 млн (сводные таблицы результатов см.: [1. С. 264]).

В любом случае между выборами 1928 и июльскими 1932 г. произошел рост голосующих чуть более чем на 3 млн избирателей, затем новый рост неопределившихся избирателей (неявка + недействительные бюллетени) на выборах ноября 1932 г. и новое падение на 3,5 млн на мартовских выборах 1933 г. [1. С. 264]. При этом количество голосов избирателей,

приобретенных НСДАП между выборами 1928 и июлем 1932 гг., выросло почти на 13 млн, а приобретенных Коммунистической партией Германии (КПГ) – на 2 млн. На фоне такого роста цифра в 3 млн дополнительных избирателей, которые уходили к этим партиям, не кажется столь значительной: увеличение явки на выборах дало всего лишь около 20% от общего роста рейтинга НСДАП и КПГ [Там же. С. 230]. Прямую зависимость от явки продемонстрировало падение рейтинга НСДАП на ноябрьских выборах 1932 г.: снижение количества голосов избирателей на 2 млн при понижении явки почти на 1,6 млн избирателей (при этом коммунисты прирастили 700 тыс. голосов). Новое повышение явки на выборах в марте 1933 г. по сравнению с ноябрьскими 1932 г. выборами в рейхстаг на 3,5 млн коррелируют с приростом голосов за НСДАП на 5,5 млн.

Таким образом, можно сделать два вывода. Во-первых, явка оказывала некоторое влияние на результаты НСДАП и КПГ, но не столь значительное в общем росте рейтинга этих партий. Во-вторых, для НСДАП изменение явки стало сказываться при пиковых значениях, – когда рейтинг партии достиг на июльских выборах 1932 г. почти 14 млн голосов избирателей; только с этого момента понижение или повышение явки напрямую влияло на результат партии.

Таким образом, повышение явки (за счет ранее не голосовавших избирателей, которые не ходили на выборы или которые только вошли в избирательный ценз) не могло быть единственным, более того – самым значимым способом приобретения голосов избирателей для НСДАП. Более значимую роль сыграл процесс перетекания голосов избирателей от других партий.

Впервые проблемами исследования гендерного голосования в Веймарской республике заинтересовались еще современники: так, первые аналитические публикации появились уже в конце 20-х гг. XX в. [34; 35]. Сразу после войны, когда исследовательская мысль начала активно искать причины победы национал-социалистов на выборах в Германии, появились две знаковые работы – Генриха Штрифлера (1946 г.), где затрагиваются проблемы электоральных предпочтений мужского и женского населения Веймарской республики [20. С. 18, 21] и специальная работа, посвященная гендерному голосованию Габриэля Бремме (1956 г.) [36]. Интерес к данной проблематике вновь повысился в 80–90-х гг. XX в., когда Хелен Баак дополнила данные и выводы указанных исследований [37–39].

Выводы исследований за прошедшее уже почти столетие по результатам гендерного голосования в Веймарской республике существенно разнятся, несмотря на то, что основываются они на одних и тех же данных. Расчеты и их интерпретация привели в том числе к двум абсолютно противоположным точкам зрения на преференции женского избирателей Германии 20-х – 30-х гг. XX в. с позиции предпочтительного или негативного отношения в голосовании за НСДАП [22. Р. 126; 23. Р. 143; 24. Р. 91–98; 25. Р. 23–24; 26. Р. 16].

Г. Штрифлер пришел к выводам, что данные раздельного голосования, которое проводилось в Веймар-

ской республике на части избирательных участков, за период 1921–1932 гг. говорят о том, что для социал-демократов и национал-социалистов доля мужских и женских голосов в бюллетенях делилась примерно поровну, среди избирателей Коммунистической партии Германии было примерно 40% женских голосов и 60% мужских. Наиболее охотно, с точки зрения исследователя, женский избирательный округ голосовал за партию Центра и Баварскую народную партию (БНП, BVP), в бюллетенях которых значилось 60% избирателей-женщин и 40% избирателей-мужчин [20. S. 21]. Такие выводы подтверждаются и данными по раздельному голосованию в различных городах, которые приводит Г. Бремме [36. S. 74]. При этом сам Г. Бремме считал, что женщины Веймарской республики действительно более охотно голосовали и за партию Центра, и за консервативные правые партии, менее охотно – за левые партии и категорически отказывались голосовать за радикальные партии (НСДАП и КПГ) [Там же. S. 68]. Г. Бремме утверждал, что доля женских голосов в бюллетенях НСДАП и КПГ на всех выборах 1920–1930 гг. была существенно меньше, чем доля мужских голосов, и только на выборах в рейхstag в 1932 г. женский избирательный округ стал активно голосовать за национал-социалистов. СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), по мнению Бремме, на протяжении всей истории Веймарской республики поддерживалась больше избирателями-мужчинами [Там же. S. 39, 65, 71, 73]. Эти выводы оказали самое большое влияние на последующих исследователей [38. Р. 289–310; 39. Р.183].

Что касается данных по раздельному голосованию в Веймарской республике, необходимо помнить, что максимальный свод данных представляет выборы в рейхstag 1928 г. и составляет примерно одну пятую часть всех действительных бюллетеней, причем распределаются они неравномерно и покрывают небольшую территорию Германии, что естественным образом вызывает вопрос о степени репрезентативности этих данных с точки зрения возможности переноса их результатов на общий результат по стране. Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что: 1) на выборах в рейхstag в мае и декабре 1924 г., в 1928 и 1930 гг. голоса избирателей мужчин и женщин распределялись примерно поровну для партий НСДАП, СДПГ и ННП (Немецкая народная партия); 2) существенно больше женских голосов чем мужских уходило партии Центра; 3) для Немецкой национальной народной партии (НННП) о подобном превалировании можно рассуждать до выборов 1924 г. включительно, но его точно не было в последующие избирательные кампании; 4) существенный перевес действительных бюллетеней избирателей-мужчин над бюллетенями с женскими голосами существовал во всех избирательных кампаниях 20-х – начала 30-х гг. для КПГ [36. S. 243, 246, 247, 250, 251; 39. Р. 166]. Нет никаких оснований считать, что на выборах в рейхstag 1932 г. произошли какие-то принципиальные изменения.

Следует также принимать во внимание, что при той явке избирателей, которая наблюдалась на выборах с 1930 по 1933 г. (81–88%), некоторые расхождения в избирательных предпочтениях, рассмотренные выше, значительно нивелировались. Принципиально

важным для понимания избирательных процессов и настроений в Веймарском обществе представляется разница в голосовании мужчин и женщин за две радикальные партии – НСДАП и КПГ, чья борьба и рост влияния на избирателей оказали влияние на весь ход истории Веймарской республики, особенно в ее последние годы.

Важным фактором исследователи считают разницу в явке. Так, Г. Бремме утверждал, что молодые мужчины до 25 лет менее активно принимали участие в выборах, чем их сверстницы, и самая большая разница наблюдается в группе 20–21 год [36. S. 28–29]. Г. Штифлер эти отклонения считал несущественными [20. S. 17]. Следует учитывать, что в группе от 20 до 25 лет женский избирательный округ проявлял большую активность на выборах, но в группах выше 25 лет мужской избирательный округ давал более высокую явку [36. S. 29]. Если взять большие возрастные группы, то среди избирателей от 21 до 50 лет мужчины незначительно превышали женскую долю, но в группе от 50 лет и выше разница становится весьма существенной. Так, например, в сохранившихся данных раздельного голосования для выборов в рейхstag Германии 1924 г. действительных бюллетеней, заполненных избирателями-мужчинами, было больше: в группе от 21 до 25 лет – 2–5%, от 50 до 60 лет – 9%, от 60 до 70 лет – 12%, свыше 70 лет – более 20% [Там же. S. 41]. Однако при всем этом в целом по стране разница в «мужских» и «женских» бюллетенях составила лишь 6,4% [Там же. S. 41].

Подытоживая, можно заключить, что различные предпочтения мужского и женского избирательного округа могли оказывать некоторое влияние на общие результаты выборов. Самым существенным следует признать то, что в голосах президентской партии Центра было больше женских голосов, чем мужских (в соотношении 60 на 40%), а у КПГ проявлялся обратный результат – 60% мужских на 40% женских голосов, в то время как две другие главные партии – СДПГ (на протяжении всей Веймарской истории) и НСДАП (ставшей главной партией в последний год республики) – собирали в равных пропорциях 50 на 50 голосов мужского и женского избирательного округа. Одним из значимых факторов для избирательных процессов поздней Веймарской республики можно считать различия в гендерном голосовании за радикальные партии – НСДАП и КПГ.

Германия – страна, где протестантское население существенно превалировало над католическим. По данным 1925 г., которые ориентировались на перепись 1910 г., но новый состав территории Германии, определенный Версальским договором, в стране проживало 38 117 295 протестантов, 19 322 041 католик, 538 909 иудеев, 472 108 представителей других вероисповеданий и атеистов. 12 земель представляли исключительно протестантское население (где доля католиков и представителей других вероисповеданий была крайне мала): Саксония, Тюрингия, Ангальт, Бранденбург, Вальдек, Липпе, Мекленбург-Стрелиц, Мекленбург-Шверин, Шаумбург-Липпе, Гамбург, Бремен и Любек. Еще 6 земель представляли собой территории смешанного проживания. В считающейся католиче-

ской Баварии проживали 4 865 373 католика и 2 014 876 протестантов (соотношение 2,4 к 1). В протестантской Пруссии проживали 23 373 553 протестанта и 11 511 113 католиков (соотношение 2 к 1), а также 688 тыс. представителей других конфессий и атеистов. Население Бадена находилось в соотношении 1,5 к 1 католиков и протестантов: 1 271 015 первых и 826 364 вторых (католическо-протестантский регион). Протестантско-католическими можно считать Вюртемберг (соотношение 2 к 1: 1 671 183 протестанта и 739 995 католиков), Гессен (соотношение 2 к 1: 848 004 протестанта и 397 549 католиков) и Ольденбург (соотношение 3,5 к 1: 371 650 протестантов и 107 508 католиков) (*Statistisches Jahrbuch*, 1926, S. 5).

Если обратиться к электоральному картографированию, то среди неудачных земель в голосовании для НСДАП были протестантско-католический Вюртемберг (соотношение 2 к 1), протестантские Бремен и Гамбург и католическая Бавария. Сверхуспешными были 14 избирательных округов, среди которых католическо-протестантский Баден (соотношение 1,5 к 1), протестантско-католические Гессен (соотношение 2 к 1) и Ольденбург (соотношение 3,5 к 1). Протестантско-католическая Пруссия (соотношение 2 к 1) давала средний результат по стране. К этому необходимо вспомнить, что в католических Вюртемберге и Баварии были традиционно сильны позиции партии Центра и Баварской народной партии соответственно. В Гамбурге и Бремене в связи с их промышленным состоянием и огромным количеством представителей рабочего класса были традиционно сильны позиции СДПГ и КПГ, кроме того, в Бремене была высокая доля электората НННП, который не удавалось перетянуть в пользу НСДАП [1. С. 129, 245, 248, 250, 252–255, 258, 259]. Это говорит о том, что религиозный принцип в голосовании за НСДАП выглядит крайне сомнительным.

Удачными для КПГ электоральными округами были протестантско-католическая Пруссия (соотношение 2 к 1), протестантские Саксония, Тюрингия и Гамбург. Наиболее неудачными для КПГ были протестантско-католические Гессен (соотношение 2 к 1) и Ольденбург (соотношение 3,5 к 1), протестантские Вальдек и Любек. Для СДПГ сверхнеудачными были католическая Бавария, католическо-протестантский Баден (соотношение 1,5 к 1), протестантский Вальдек, протестантско-католические Пруссия (соотношение 2 к 1), Вюртемберг (соотношение 2 к 1) и Ольденбург (соотношение 3,5 к 1) [Там же. С. 129, 246, 248, 251, 252–255, 259]. Таким образом, для левых партий выявить «религиозный фактор» в голосовании не представляется возможным.

БНП была партией Баварской и, соответственно, имела здесь почти весь свой электорат. Стабильное количество голосов обеспечивалось нацеленностью партии на католический электорат. Для партии Центра

наиболее удачные электоральные результаты дали католическо-протестантский Баден (соотношение 1,5 к 1), протестантско-католические Пруссия (соотношение 2 к 1), Вюртемберг (соотношение 2 к 1), Гессен (соотношение 2 к 1) и Ольденбург (соотношение 3,5 к 1) [1. С. 105–108]. Партия Центра действительно получала больше «католических голосов».

НННП имела значительный успех в протестантских Бремене, Мекленбург-Стрелице и Мекленбург-Шверине [Там же. С. 105–108]. Пример НННП может свидетельствовать о большей склонности протестантских регионов к крайне правым партиям, но проблема в том, что НННП не уступила НСДАП этот электорат.

На выборах в рейхстаг 1924, 1928 и 1930 гг. партия Центра и БНП собирали значительно больше голосов женского электората, чем мужского, и избыточный вес женских голосов был главным образом в католических местностях (Бавария, Кельн, Хаген и др.) [36. S. 69, 70]. То есть «католические голоса» делились неравномерно по гендерному принципу, и недостающая часть «мужских голосов» должна была кому-то уйти. Среди наиболее вероятных адресатов – НСДАП. Тогда можно принять предложение Юргена Фальтера и Хелен Боак, что на выборах 1932 г. НСДАП собирала одинаковое число голосов или чуть больше женских, чем мужских голосов, в протестантских округах и несколько меньше женских, чем мужских голосов, в католических регионах [21. Р. 82; 38. Р. 289–310; 40. S. 82]. Однако все это приводит нас к выводу, что при голосовании за НСДАП фактор религиозной принадлежности не имел решающего значения.

Итак, наше исследование приводит к выводам, что голоса молодых избирателей в возрасте 20–30 лет не могли играть решающей роли в успехах НСДАП, также как и рост явки на выборах, и это твердо устоявшееся в историографии положение необходимо пересмотреть. С точки зрения религиозной или гендерной принадлежности никакой диспропорции в среде избирателей НСДАП не наблюдается, так что факторы принадлежности избирателя НСДАП к протестантской или католической конфессии, мужскому или женскому полу не могут рассматриваться как решающие в росте голосов на выборах за национал-социалистов. Фактор религиозной принадлежности (протестант – католик) играл роль в определении электората партии Центра и Баварской народной партии, но не имел решающего значения при голосовании за НСДАП. Фактор женских голосов играл роль для Баварской народной партии и Компартии Германии, но не играл особой роли в формировании электората НСДАП. Логика дальнейшего исследования подсказывает, что рост голосов за НСДАП происходил во всех группах избирателей без значительной диспропорции (т.е. решающей роли одной из групп), где значительную роль сыграл процесс перетекания голосов избирателей от других партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М. : ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
2. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. 323 с.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е. доп. М. : Наука, 1989. 352 с.
4. Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М. : Вече, 2004. 384 с.

5. Pyre B. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии: пер. с нем. М. : Мысль, 1985. 320 с.
6. Carsten F.L. Interpretations of Fascism // *Fascism: a Reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography* / Ed. by W Lauquer. Harmondsworth: Penguin, 1979.
7. Payne S.G. *A History of Fascism: 1914–1945*. University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
8. Falter J.W. How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany* / Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 9–45.
9. Madden P. *The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party*. 1919–1933. Peter Lang, 2007. P. 141–152.
10. Mühlberger D. *The social bases of Nazism, 1919–1933*. Cambridge University Press, 2003. 95 p.
11. Mühlberger D. The Sociology of the NSDAP: the Question of Working Class Support // Mühlberger D., Madden P. *The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party*. 1919–1933. Peter Lang, 2007. P. 53–78.
12. Шульц Э.Э. Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. Социология. 2014. № 2. С. 61–72.
13. Fischer C. *The Rise of the Nazis*. Second Edition. Manchester University Press, 2002. 211 p.
14. Hamilton R.J. *Who Voted for Hitler?* NJ : Princeton University Press, 1982. 664 p.
15. Mason T.W. *Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community, 1918–1939*. Berg, 1993. 434 p.
16. Falter J.W. The economics crisis of the 1930's // *Politics and Political Change: A Journal of Interdisciplinary History Reader* / Ed by R.I. Rotberg. MIT Press, 2001. P. 99–130.
17. Falter J.W. The Social Bases of Political Cleavages in the Weimar Republic, 1919–1933 // *Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives* / Ed. by Larry Eugene Jones, James Retallack. Cambridge University Press, 1992. P. 371–398.
18. Briggs A., Clavin P. *Modern Europe, 1789 Present*. Pearson Education, 2003. 458 p.
19. Mitchel O.C. *Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929–1939)*. Burgess Publishing Company, 1972. 110 p.
20. Striefler H. *Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen*. Düsseldorf: Wende-Verlag W. Hägemann, 1946. 65 S.
21. Boak H. Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter // *Working towards the Führer* / Ed. by A. MacElligott and T. Kirk. Manchester University Press, 2003. P. 68–92.
22. Caplan J. *The Rise of National Socialism 1919–1933* // *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945* / Ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 117–139.
23. Lipset S.M. *Political Man: the social bases of politics*. N.Y. : Doubleday & Company, Inc., 1960. 432 p.
24. Nazis and Fascists in Europe, 1918–1945 / Ed. by John Weiss. Quadrangle Books, 1969. 241 p.
25. Thomas K. *Women in Nazi Germany*. London : V. Gollancz, 1943. 102 p.
26. Stephenson J. *Women in Nazi Germany*. Routledge, 2014. 232 p.
27. Sneeringer J. *Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany*. University of North Carolina Press, 2002. 365 p.
28. Neisser H. *Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses* // *Die Arbeit*. 1930. 7. S. 654–659.
29. Шульц Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928–33 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. Социология. 2015. № 1. С. 42–53.
30. Falter J.W. *The National Socialist Mobilisation of New Voters: 1928–1933* // *The Formation of the Nazi Constituency 1919–1933* / Ed. by Thom as Childers. Routledge, 2014. P. 202–231.
31. Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html (дата обращения: 19.06.2017).
32. Deutsche Geschicte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik / Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a. M. : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993. S. 342.
33. Möller H. *Weimar: die unvollendete Demokratie*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990.
34. Hartwig. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen // *Allgemeines Statistisches Archiv*. 1928. 17. S. 497–512.
35. Hartwig. Das Frauenwahlrecht in der Statistik // Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft. 1931. 21. S. 167–182.
36. Bremme G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 330 p.
37. Boak H.L. Women in Weimar Germany. The «Frauenfrage» and the Female Vote // *Social Change and Political Development in Weimar Germany* / Ed. by R. Bessel and E.J. Feuchtwanger. London : Croom Helm, 1981. P. 155–173.
38. Boak H.L. «Our Last Hope»: Women's Votes for Hitler A Reappraisal // *German Studies Review*. 1989. Vol. 12, No. 2. P. 289–310.
39. Boak H. National Socialism and Working-Class Women // *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany* / Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 163–188.
40. Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S. *Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933*. München : Beck, 1986. 251 s.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

WHO VOTED FOR NSDAP?: ON THE PROBLEM OF THE SOCIAL BASE OF NATIONAL SOCIALISTS IN THE WEIMAR REPUBLIC

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 116–121.

DOI: 10.17223/15617793/433/16

Eduard E. Shults, Center for Political and Social Technologies (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuapl@yandex.ru

Keywords: social base of NSDAP; elections in the Weimar Republic; arrival of Nazis to power; electoral history of Germany.

The article is devoted to the problem of the social composition of voters for NSDAP in 1928–1933. The author considers the concepts of a class approach in identifying voters of National Socialists, problems of age, gender and confessional division in voters' preferences and roles of an increase in the voter turnout and voters' shifting between the parties as factors of the Nazis' success. The importance of the problem of the NSDAP support by various social groups in the Weimar Republic elections consists in further possible conclusions about the reasons of an incredible rise of the National Socialist Movement and, generally, about the reasons of the Nazis' arrival to power. Today, any question raised in this regard cannot be considered as solved and causes heated arguments among researchers. The author comes to conclusions that the factor of religious affiliation played a role in decisions of the Zentrum Party and the Bavarian People's Party voters, but it was not crucial in the voting for NSDAP. The factor of female votes played a role for the Bavarian People's Party and the Communist Party of Germany, but not for NSDAP. Neither votes of young people aged 20–30 nor the growth of voting turnout could play a crucial role in the success of NSDAP. Voting turnout influenced the results for NSDAP and KPD, but not greatly in the general growth of these parties' ratings. For NSDAP, it began to make a difference at peak values, when the rating of the party reached nearly 14 million votes in the elections in July, 1932; only from this point a decrease or an increase in voting turnout directly influenced the party's results. Thus, an increase in voting turnout (at the expense of previous non-voters who

did not go to elections or only received the right to vote) could not be the only and the most significant way of acquiring votes for NSDAP. The different preferences of male and female voters in the Weimar Republic exerted some impact on the general election results; the most essential was that there were more female than male votes (60 % and 40 % respectively) for the Zentrum Party, while KPD showed an opposite result: 60% of female and 40% of male votes. The two other main parties – SPD (throughout all Weimar history) and NSDAP (which became the main party in the last year of the republic) – collected equal proportions of votes. “Catholic votes” were divided unevenly by the gender principle. NSDAP collected equally or slightly more female votes in Protestant districts and slightly more male votes in Catholic regions. However, the divergence in these figures, especially at extremely high turnout, does not seem considerable, especially in the context of their crucial importance for the NSDAP victory. Generally, the analysis of preferences of Catholic and Protestant voters leads to a conclusion that during the voting for NSDAP the factor of religious affiliation was not crucial. The logic of further research prompts that votes for NSDAP grew in all groups of voters without a considerable disproportion (i.e. a crucial role of one of the groups); a significant role was played by the voters’ shift from other parties.

REFERENCES

1. Shul'ts, E.E. (2016) *Ot Veymarskoy respubliky k Tret'emu reyku: Elektoral'naya istoriya Germanii 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [From the Weimar Republic to the Third Reich: The electoral history of Germany in the 1920s and early 1930s]. Moscow: LENAND.
2. Anikeev, A.A., Kol'ga, G.I. & Pukhovskaya, N.E. (2001) *NSDAP: ideologiya, struktura i funktsii* [NSDAP: ideology, structure and functions]. Stavropol: Stavropol State University.
3. Galkin, A.A. (1989) *Germanskiy fashizm* [German fascism]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
4. Gintsberg, L.I. (2004) *Ranniyaya istoriya natsizma. Bor'ba za vlast'* [An early history of Nazism. Struggle for power]. Moscow: Veche.
5. Ruge, B. (1985) *Kak Hitler prishel k vlasti: germanskiy fashizm i monopolii* [How Hitler came to power: German fascism and monopoly]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
6. Carsten, F.L. (1979) Interpretations of Fascism. In: Lauquer, W. (ed.) *Fascism: a Reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography*. Harmondsworth: Penguin.
7. Payne, S.G. (1995) *A History of Fascism: 1914–1945*. University of Wisconsin Press.
8. Falter, J.W. (1996) How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? In: Fischer, C. (ed.) *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany*. Bergahn Books.
9. Madden, P. (2007) *The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933*. Peter Lang. pp. 141–152.
10. Mühlberger, D. (2003) *The social bases of Nazism, 1919–1933*. Cambridge University Press.
11. Mühlberger, D. (2007) The Sociology of the NSDAP: the Question of Working Class Support. In: Mühlberger D. & Madden, P. *The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933*. Peter Lang.
12. Shul'ts, E.E. (2014) Sociology of Nazism: the basic approaches of the historiography. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2. pp. 61–72. (In Russian).
13. Fischer, C. (2002) *The Rise of the Nazis*. Second Edition. Manchester University Press.
14. Hamilton, R.J. (1982) *Who Voted for Hitler?* NJ: Princeton University Press.
15. Mason, T.W. (1993) *Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community, 1918–1939*. Oxford: Berg Publishers.
16. Falter, J.W. (2001) The economics crisis of the 1930s. In: Rotberg, R.I. (ed.) *Politics and Political Change: A Journal of Interdisciplinary History Reader*. The MIT Press.
17. Falter, J.W. (1992) The Social Bases of Political Cleavages in the Weimar Republic, 1919–1933. In: Jones, L.E. & Retallack, J. (eds) *Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives*. Cambridge University Press.
18. Briggs, A. & Clavin, P. (2003) *Modern Europe, 1789 Present*. Pearson Education.
19. Mitchel, O.C. (1972) *Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929–1939)*. Burgess Publishing Company.
20. Striefler, H. (1946) *Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen* [German elections in pictures and numbers]. Düsseldorf: Wende-Verlag W. Hagemann.
21. Boak, H. (2003) Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter. In: MacElligott, A. & Kirk, T. (eds) *Working towards the Führer*. Manchester University Press.
22. Caplan, J. (1992) The Rise of National Socialism 1919–1933. In: Martel, G. (ed.) *Modern Germany Reconsidered: 1870–1945*. Taylor & Francis.
23. Lipset, S.M. (1960) *Political Man: the social bases of politics*. N.Y.: Doubleday & Company, Inc.
24. Weiss, J. (ed.) (1969) *Nazis and Fascists in Europe, 1918–1945*. Quadrangle Books.
25. Thomas, K. (1943) *Women in Nazi Germany*. London: V. Gollancz.
26. Stephenson, J. (2014) *Women in Nazi Germany*. Routledge.
27. Sneeringer, J. (2002) *Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany*. University of North Carolina Press.
28. Neisser, N. (1930) Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses [Social statistical analysis of the election result]. *Die Arbeit*. 7. pp. 654–659.
29. Shul'ts, E.E. (2015) The social base of NSDAP: reasons for Nazis success in 1928–1933 elections. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1. pp. 42–53. (In Russian).
30. Falter, J.W. (2014) The National Socialist Mobilisation of New Voters: 1928–1933. Childers, T. (ed.) *The Formation of the Nazi Constituency 1919–1933*. Routledge.
31. Gonschior.de. (n.d.) *Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich* [Reichstag elections 1919–1933. The German empire]. [Online] Available from: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html. (Accessed: 19.06.2017).
32. Michalka, W. (ed.) (1993) *Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik* [German History 1933–1945: Documents on domestic and foreign policy]. Frankfurt: Fischer-Taschenbuch-Verlag. pp. 342.
33. Möller, H. (1990) *Weimar: die unvollendete Demokratie* [Weimar: the unfinished democracy]. Munch: Deutscher Taschenbuch Verlag.
34. Allgemeines Statistisches Archiv. 1928. 17. pp. 497–512. Hartwig. (1928) *Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen* [How the women in the German Reich make use of their political suffrage].
35. Hartwig (1931) Das Frauenwahlrecht in der Statistik [The Women's Suffrage in Statistics]. *Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft*. 21. pp. 167–182.
36. Bremme, G. (1956) *Die politische Rolle der Frau in Deutschland* [The political role of women in Germany]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
37. Boak, H.L. (1981) Women in Weimar Germany. The “Frauenfrage” and the Female Vote. In: Bessel, R. & Feuchtwanger, E.J. (eds) *Social Change and Political Development in Weimar Germany*. London: Croom Helm.
38. Boak, H.L. (1989) “Our Last Hope”: Women's Votes for Hitler. A Reappraisal. *German Studies Review*. 12(2). pp. 289–310.
39. Boak, H. (1996) National Socialism and Working-Class Women. In: Fischer, C. (ed.) *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany*. Bergahn Books.
40. Falter, J.W., Lindenberger, T. & Schumann, S. (1986) *Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933* [Elections and votes in the Weimar Republic: materials on voting behavior, 1919–1933]. Munich: Beck.

Received: 20 February 2018

ИТОГИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АВСТРАЛИИ

Выявляются причины уязвимости австралийской экономики, как основного итога индустриального развития Австралии. В ходе исследования, пользуясь аналитическим методом, рассматривая материалы, в основе которых лежат статистические отчеты министерств торговли и промышленности Австралийского Союза, данные Бюро статистики Австралии, информационные публикации Австралийской телерадиовещательной корпорации и т.п., автор приходит к выводу о том, что проблема зависимости Австралии от сырьевого экспорта и, как следствие, экономической нестабильности заключается прежде всего в несостоятельности страны в научно-технологической сфере.

Ключевые слова: экономика Австралии; экспорт Австралии; инновационный бизнес Австралии; инновационная система Австралии; постиндустриальная экономика; торговые партнеры Австралии; научно-технологическое развитие Австралии.

Опыт перехода Австралийского Союза от индустриального типа экономики к экономике знаний чрезвычайно важен, так как перед Россией стоит такой же выбор. Ресурсозависимый тип экономик обеих стран, невысокие темпы инновационного развития обуславливают актуальность темы исследования.

Материал статьи основан на анализе правительственные документов Австралийского Союза (отчетах Министерства торговли Австралийского Союза и Министерства промышленности, инноваций и науки), Бюро статистики Австралии (ABS), информационных материалах Австралийской телерадиовещательной корпорации (ABC), трудах российских исследователей, изучающих регион Австралии и Океании – старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук Н.С. Скоробогатых, кандидат филологических наук А.С. Петровской, профессора, доктора экономических наук В.Я. Архипова и доцента кафедры мировой экономики и международного бизнеса Финансового университета при правительстве Российской Федерации, кандидата экономических наук В.Н. Мироновой.

На основании изученных источников и научной литературы возникает вопрос – с каким багажом австралийское правительство подошло к моменту выбора стратегии перехода к постиндустриальному типу экономики? Этот вопрос мало изучен.

Австралия к середине 2010-х гг. представляет собой сильную державу с высоким уровнем стабильной экономики – за годы мировых кризисов второй половины XX – начала XXI в. австралийская экономика не знала спадов. Безработица в Австралии на достаточно низком уровне (в среднем от 4 до 5%) [1]. Высокий уровень жизни населения подтверждается тем, что Австралия является одной из ведущих стран по уровню качества жизни, став лидером в этой области в 2014 г. [2]. И в настоящее время Австралия занимает прочное и стабильное положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

История Австралийского Союза начиная с окончания Второй мировой войны показывает, что, несмотря на смену правительства и какая политическая партия у власти – либералы или лейбористы, основными задачами правительства всегда являлось достижение высокого уровня благосостояния народа, а также укрепление позиций в регионе.

Эти цели поставлены правительством Австралии еще в конце 40-х гг. XX в., когда были заложены ос-

новы общественного порядка, «который принято называть государством всеобщего благоденствия» [3]. Сутью его является создание максимально удобного и комфортного жизненного уровня для большинства граждан страны. Этот тезис очень важен, так как он является определяющим в политическом курсе австралийского правительства даже сегодня.

Открытие месторождений полезных ископаемых – нефти, газа, черного угля, руды и т.д. в середине XX в. приводит к тому, что Австралию признают «кладовой мира» [4] и в стране начинается так называемый «минеральный бум». Кроме того, в Австралии со второй половины XX в. продолжает активно развиваться сельское хозяйство и животноводство.

Данные из табл. 1 показывают, что основа экспортта Австралии – железная руда, уголь, газ, шерсть, золото и др. Но стоит обратить внимание – образовательные и туристические услуги занимают в австралийском экспорте одни из ведущих позиций [3. Р. 39].

В настоящее время крупнейшим двусторонним торговым партнером Австралии является Китай. В 2014 г. 23% всего торгового оборота Австралии было связано с этой страной, что в совокупности составило 152,5 млрд австрал. долл. [5. Р. 14]. Китай является основным потребителем австралийских минеральных ресурсов – железной руды, угля, золота, меди, шерсти и хлопка. В.Я. Архипов ставит вопрос о том, является ли Австралия «сырьевым придатком Китая?» [6]. Ответ, на мой взгляд, очевиден, если взять во внимание события последних лет; наглядной иллюстрацией могут служить диаграммы рис. 1 и 2, показывающие динамику развития двусторонних торговых отношений Австралии с ее ведущими партнерами в экспорте и импорте.

Япония – второй по значимости торговый партнер Австралии, объем товарооборота с этой страной составил в 2014 г. 10,5% (70,3 млрд австрал. долл.). На третьем месте – США, объем товарооборота с которой – 60,4 млрд австрал. долл., что составило 9% всего товарооборота Австралии [5. Р. 14].

Резкое падение цен на минеральные ресурсы, и в частности на железную руду, уголь, нефть и газ, в 2014 г. вызвало не только глобальные финансовые убытки в десятки миллиардов долларов (в табл. 2 приведена динамика изменения цен на экспортируемые товары и услуги Австралии с 2014 по 2015 г.), но и потерю порядка 50 тыс. рабочих мест в секторе

горнодобывающей промышленности Австралии. Работу потеряли даже высококвалифицированные ин-

женеры. Для сравнения – население Австралии в 2015 г. насчитывало около 24 млн человек [8].

Таблица 1
10 из 25 ведущих экспортных товаров и услуг Австралийского Союза в 2014 г.

10 ведущих товаров и услуг, экспортруемых Австралией 2012–2014 гг. (млрд австрал. долл.)						
Рейтинг	Наименование	2012	2013	2014	Рост, % 2013 / 2014	
1	Железная руда	54,447	69,492	66,005	-5,0	
2	Уголь	41,273	39,805	37,999	-4,5	
3	Газ	13,416	14,602	17,760	21,6	
4	Образовательные услуги	14,525	15,010	17,037	13,5	
5	Туристические услуги	12,118	13,164	14,227	8,1	
6	Золото	15,526	13,898	13,460	-3,2	
7	Нефть	10,988	9,016	10,586	17,4	
8	Говядина	4,754	5,695	7,751	36,1	
9	Алюминий	5,273	5,904	6,321	7,1	
10	Пшеница	6,531	6,085	5,920	-2,7	

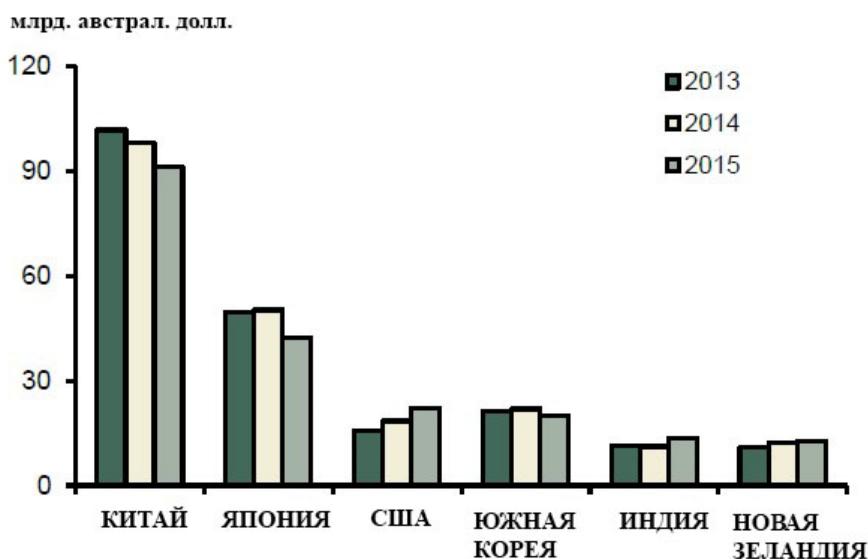

Рис. 1. Пять ведущих стран – партнеров Австралийского Союза в экспорте [7. Р. 6]

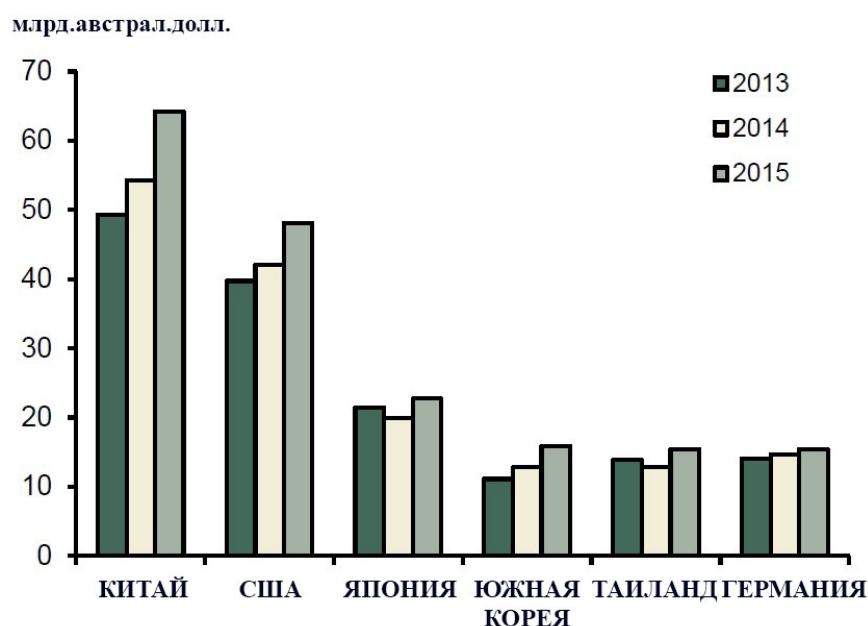

Рис. 2. Пять ведущих стран – партнеров Австралийского Союза в импорте [7. Р. 6]

Падение цен на полезные ископаемые в 2015 г. [7. Р. 29]

10 ведущих товаров и услуг, экспортруемых Австралией 2014–2015 гг. (млрд австрал. долл.)				
Рейтинг	Наименование	2014	2015	Рост, % 2014 / 2015
1	Железная руда	66,008	49,060	-25,7
2	Уголь	37,999	37,031	-2,5
3	Образовательные услуги	17,037	18,801	10,4
4	Газ	17,743	16,456	-7,3
5	Туристические услуги	14,187	15,943	12,4
6	Золото	13,460	14,500	7,7
7	Говядина	7,751	9,296	19,9
8	Алюминий	6,336	7,493	18,3
9	Нефть	10,564	6,036	-42,9
10	Пшеница	5,920	5,814	-1,8

Ориентация политики правительства Австралийского Союза на развитие экспорта минеральных ресурсов и сельскохозяйственной продукции привело к тому, что страна стала отставать от других развитых государств в сфере научно-технологического развития.

Австралия является страной – участницей Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР. В ОЭСР в настоящее время входит 35 государств, большинство из которых страны Евросоюза [9]. Условиями членства в организации является высокоразвитая экономика страны, приверженность демократии и развитая рыночная экономика. Австралия участник ОЭСР с 1971 г. и правительство страны во многом ориентируется на показатели, которые демонстрирует страна относительно других участников организации.

Данные, отраженные в исследовании «Australian Innovation System Report 2014», показывают, что основные предприятия-экспортеры Австралии далеки от инноваций и занимают невысокие места среди предприятий стран ОЭСР. Государство вынуждено направлять до 66% инвестиций в исследования и разработки, которые относятся к крупным предприятиям Австралии, продукция которых составляет около 95% австралийского экспорта. При этом Австралия занимает 21-е место из 32-х среди стран ОЭСР по показателям доли инновационных предприятий и находится значительно ниже таких стран-экспортеров природных ресурсов, как Бразилия и Южная Африка [10. Р. 2].

В отличие от крупных фирм, австралийский малый бизнес находится на более высокой ступени в ранжировании инновационных достижений среди стран ОЭСР. Австралийские малые и средние предприятия занимают 5-е место из 29 среди развитых стран в контексте пропорции инновационного бизнеса. Однако доход этих предприятий составляет 5% экспортного оборота Австралии [Там же. Р. 2].

В результате развитие австралийской науки было ориентировано на обеспечение добывающей и обрабатывающей промышленности, а также тяжелого машиностроения. И к середине 2010-х гг. Австралия представляет собой страну, поставляющую природные ресурсы и сельскохозяйственную продукцию.

Вопрос о научно-технологическом развитии Австралийского Союза не раз поднимался в парламенте страны за последние тридцать лет. Но все преобразования были направлены преимущественно в сектор промышленных НИОКР.

Новый ориентир австралийского правительства в сложившейся ситуации – стимулирование развития инновационной системы. Премьер-министр Малcolm Тернбулл в декабре 2015 г. объявил о начале реализации Национальной программы развития инноваций и науки с бюджетом в 1,1 млрд австрал. долл. [11. Р. 1]. Программа рассчитана на четыре года и ее цель – развитие наукоемкого бизнеса и инновационных разработок. Премьер-министр подчеркивал, что страна должна осуществить переход от сырьевого бума, «который может когда-то закончиться, к буму идей, который не закончится никогда» [12]. Задачей программы, как заявил премьер-министр, является, прежде всего, построение диверсифицированной экономики и развитие наукоемкого бизнеса.

Стоит отметить, что именно в Австралии университеты тесно связаны с деловыми кругами. Оказывая научную и инновационную поддержку предприятиям, особенно малому и среднему бизнесу, австралийские вузы готовят для них квалифицированные кадры.

Каждый австралийский вуз имеет структуру, направленную на сотрудничество с промышленными предприятиями и фирмами, как малыми, так и средними. Формы взаимодействия университетов и компаний весьма разнообразны. Это могут быть как совместные исследовательские программы, или исследовательский заказ от предприятия, так и студенческие стажировки в фирмах, предоставление офисных помещений, менторская помощь со стороны успешных предпринимателей и т.д.

В развитии наукоемких предприятий, в частности стартапов индустрии, австралийское правительство видит не только перспективы экономического роста, выход на мировые рынки и признание Австралии мировым сообществом конкурентоспособной страной в сфере инновационного бизнеса, но и создание новых рабочих мест для населения страны.

Опыт перехода Австралии от индустриального развития к постиндустриальному важен для изучения, так как перед нашей страной сейчас стоит такой же выбор.

События последних нескольких лет показали уязвимость австралийской экономики, зависимой от экспорта сырья. Резкое снижение цен на минеральные ресурсы привело к негативным последствиям в финансовой и социальной сферах жизни населения Австралии. Но рост экспорта образовательных услуг, активная роль австралийских университетов в разви-

тии бизнеса, правительственные программы и гранты в сфере инновационного развития говорят о позитив-

ных результатах политики австралийского правительства в области перехода к экономике знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vacancies, Overtime and Unemployment Benefit Recipients / Australian Economic Statistics 1949–1950 to 1996–1997. URL: <http://www.rba.gov.au/statistics/frequency/occ-paper-8.html> (access date: 01.04.2017).
2. Better Life Index 2014. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (OECD). URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2014_data-00704-en (access date: 01.04.2017).
3. Скоробогатых Н.С. История Австралии XX век. М. : 2015. 240 с.
4. Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М. : Вост. лит., 2007. 251 с.
5. Composition Of Trade Australia 2014. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2014.pdf> (access date: 01.04.2017).
6. Архипов В.Я. Австралия – сырьевой придаток Китая? // Азия и Африка сегодня. 2010. № 2. С. 15–16.
7. Composition Of Trade Australia 2015. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2015.pdf> (access date: 01.04.2017).
8. Mining industry to lose 50,000 more jobs as boom comes to an end: NAB future. URL: <http://www.abc.net.au/news/2016-06-10/mining-boom-halfway-down-the-mining-cliff/7500700> (access date: 01.04.2017).
9. Members and partners OECD. URL: <http://www.oecd.org/about/membersandpartners> (access date: 01.04.2017).
10. Australian Innovation System Report 2014. URL: <http://www.industry.gov.au/Office-of-the-Chief-Economist/Publications/Documents/Australian-Innovation-System/Australian-Innovation-System-Report-2014.pdf> (access date: 01.04.2017).
11. National Innovation and Science Agenda Report. URL: <http://www.innovation.gov.au/system/files/case-study/National%20Innovation%20and%20Science%20Agenda%20-%20Report.pdf> (access date: 01.04.2017).
12. Innovation statement: PM Malcolm Turnbull calls for 'ideas boom' as he unveils \$1b vision for Australia's future. URL: [http://www.abc.net.au/news/2015-12-07/pm-malcolm-turnbull-unveils-\\$1-billion-innovation-program/7006952](http://www.abc.net.au/news/2015-12-07/pm-malcolm-turnbull-unveils-$1-billion-innovation-program/7006952) (access date: 01.04.2017).
13. Composition Of Trade Australia 2013-14. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf> (access date: 01.04.2017).
14. Миронова В.Н. Основные направления инновационного развития экономики Австралии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. С. 433–441.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 октября 2017 г.

THE RESULTS OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF AUSTRALIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 122–126.

DOI: 10.17223/15617793/433/17

Marina V. Shusharina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marina.metel@gmail.com

Keywords: Australian economy; Australian export; innovative business of Australia; Australian innovation system; postindustrial economy; trading partners of Australia; scientific and technological development of Australia.

The article is devoted to the vulnerability of the Australian economy, which is considered as the main result of the industrial development of Australia. This article aims at identifying the causes of this vulnerability, and suggests the possibility to overcome the dependence of the Australian economy on the export of natural resources. This aim is planned to be achieved through investigating the impact of the Australian export and resource-dependent economy on the post-industrial development of Australia. The author puts forward a hypothesis that the main source of the vulnerability of the Australian economy is its resource dependence. The author has used the analytical technique. Statistical reports of the Department of Foreign Affairs and Trade and the Department of Industry of Australia, data from the ABS and ABC, the research of the staff of the Institute of Oriental Studies of Russia are the material of the study. It consists in analyzing the key factors influencing the current economic and social landscape of the post-industrial development of Australia. One of the main factors is the “mineral boom”, which was the reason for the growth and stability of the Australian economy in the second half of the twentieth century. The “mineral boom” is the discovery of the largest deposits of mineral resources in Australia. According to the author, its result was that modern Australia became a hostage of its main economic partners, primarily China. In 2014, 23 % of the total Australian turnover was associated with China. China is the main consumer of iron ore, coal, gold, etc. China’s refusal from the purchase of Australian raw materials can lead to an enormous financial and social damage for Australia. As an argument, the author cites the falling prices for mineral resources in 2014, which led to a sharp increase in unemployment (about 50 thousand jobs were lost in the mining sector of Australia). This is one of the most important reasons for the country to reconsider the policy in the field of innovation development. An important result of the industrial development of Australia is a fairly low level of innovative enterprises relative to OECD. Australia ranked 21st among the 32 OECD countries in terms of the share of innovative enterprises. The author stresses that the backwardness of Australia in the innovative development is a brake not only for scientific and technological development, but also may cause a significant economic damage. The author concludes that the dependence of the Australian economy on commodity exports is not only the main result, but also the main problem of the industrial development of Australia. The backwardness of the country in the scientific and technological sphere, the export orientation on raw materials will lead to economic imbalance and social instability in the future. A way out of the situation for Australia is to stimulate its innovative system by implementing a national strategy, the National Innovation and Science Agenda, with a budget of A\$1.1 billion.

REFERENCES

1. Reserve Bank of Australia. (c. 1997) Vacancies, Overtime and Unemployment Benefit Recipients. In: *Australian Economic Statistics 1949–1950 to 1996–1997*. [Online] Available from: <http://www.rba.gov.au/statistics/frequency/occ-paper-8.html>. (Accessed: 01.04.2017).
2. OECD. (2014) *Better Life Index 2014*. [Online] Available from: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2014_data-00704-en. (Accessed: 01.04.2017).
3. Скоробогатых Н.С. (2015) *Istoriya Avstralii XX vek* [History of Australia. The twentieth century]. Moscow: IOS RAS.
4. Петриковская А.С. (2007) *Kul'tura Avstralii XIX–XX vv.* [Culture of Australia of the 19th–20th centuries]. Moscow: Вост. лит.
5. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (2014) *Composition of Trade Australia 2014*. [Online] Available from: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2014.pdf>. (Accessed: 01.04.2017).

6. Arkhipov, V.Ya. (2010) Avstraliya – syr'evoy pridatok Kitaya? [Is Australia a raw material appendage of China?]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 2. pp. 15–16.
7. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (2015) *Composition of Trade Australia 2015*. [Online] Available from: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2015.pdf>. (Accessed: 01.04.2017).
8. Abc.net.au. (2016) *Mining industry to lose 50,000 more jobs as boom comes to an end: NAB future*. [Online] Available from: <http://www.abc.net.au/news/2016-06-10/mining-boom-halfway-down-the-mining-cliff/7500700>. (Accessed: 01.04.2017).
9. OECD. (n.d.) *Members and partners OECD*. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/about/membersandpartners>. (Accessed: 01.04.2017).
10. Australian Government. Department of Industry, Innovation and Science. (2014) *Australian Innovation System Report 2014*. [Online] Available from: <http://www.industry.gov.au/Office-of-the-Chief-Economist/Publications/Documents/Australian-Innovation-System/Australian-Innovation-System-Report-2014.pdf>. (Accessed: 01.04.2017).
11. Australian Government. Department of Industry, Innovation and Science. (2015) *National Innovation and Science Agenda Report*. [Online] Available from: <http://www.innovation.gov.au/system/files/case-study/National%20Innovation%20and%20Science%20Agenda%20-%20Report.pdf>. (Accessed: 01.04.2017).
12. Abc.net.au. (2015) *Innovation statement: PM Malcolm Turnbull calls for 'ideas boom' as he unveils \$1b vision for Australia's future*. [Online] Available from: [http://www.abc.net.au/news/2015-12-07/pm-malcolm-turnbull-unveils-\\$1-billion-innovation-program/7006952](http://www.abc.net.au/news/2015-12-07/pm-malcolm-turnbull-unveils-$1-billion-innovation-program/7006952). (Accessed: 01.04.2017).
13. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (2014) *Composition of Trade Australia 2013–14*. [Online] Available from: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf>. (Accessed: 01.04.2017).
14. Mironova, V.N. (2015) Trends of innovative economic development of Australia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2–2. pp. 433–441.

Received: 06 October 2017

ПЕДАГОГИКА

УДК 615.47:621.865.8:616-009.2

Е.А. Баранова, Ю.П. Бредихина, А.В. Кабачкова,
Ю.Г. Калинникова, В.К. Пашков

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РОБОТИЗИРОВАННОЙ МЕХАНОТЕРАПИИ С ЭЛЕМЕНТАМИ БИОУПРАВЛЕНИЯ И ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННЫХ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Работа выполнена за счет проекта ВИУ ИСГТ ТПУ 108/2017 «Люди и технологии».

В настоящее время двигательная адаптация и восстановление утраченных двигательных функций в более короткие сроки является важной экономической задачей. Реабилитация пациентов с нарушением двигательных функций – это трудоемкий, длительный и многоэтапный процесс, требующий колоссальных сил инструктора, самого пациента и его окружения. Поэтому применение автоматизированной техники позволяет повысить интенсивность проводимой терапии и качество тренировок по сравнению с классической лечебной гимнастикой без привлечения дополнительных средств. Сегодня в разных странах мира производится широкий спектр реабилитационных аппаратов – от простейших приспособлений, некоторые из которых можно сделать самому, до сложнейших диагностических и роботизированных комплексов, использующих последние достижения науки и техники

Ключевые слова: двигательная адаптация; роботизированная механотерапия; биоуправление; роботизированный тренажер; пассивная вертикализация; вертикалайзатор.

Реабилитация пациентов – это трудоемкий, длительный и многоэтапный процесс, включающий в себя множество составляющих (эрготерапию, кинезиотерапию, курсы массажа, лечебную физическую культуру, занятия с психологом, логопедом, лечение у невропатолога и пр.) и требующий колоссальных сил инструктора, самого пациента и его окружения [1]. Отчасти поэтому реабилитация – весьма дорогостоящая услуга и для многих труднодоступная.

Безусловно, восстановление утраченных функций в более сжатые сроки является экономически оправданным, что обуславливает появление новых методов, подходов и технологий в области медицинской реабилитологии [2], основанных на результатах научных исследований. В настоящее время в реабилитационных целях все шире используются аппаратные воздействия с проведением роботизированной механотерапии [3]. Такие приборы механически изменяют подвижность суставов и состояние мышц конечностей и туловища, действуя по определенной программе, при этом используется биологическая обратная связь, и зачастую применяется игровая или виртуальная среда [2].

Преимуществом робототерапии является более высокое качество тренировок по сравнению с классической лечебной гимнастикой за счёт большей их длительности, точности повторяющихся циклических движений, постоянной программы тренировок, наличия инструментов оценки успешности проводимых занятий с возможностью демонстрации пациенту. Кроме того, применение автоматизированной техники позволяет повысить интенсивность проводимой терапии без привлечения дополнительного персонала [4, 5]. Таким образом, это экономически оправдывает затраты на приобретение приборов роботизированной механотерапии, хотя зачастую такие специализированные тренажеры являются импортным и дорогим оборудованием.

Цель исследования: проанализировать и обобщить современные подходы к роботизированной механотерапии с элементами биоуправления и телемедицины, направленные на восстановление утраченных двигательных функций.

Сегодня в разных странах мира производится широкий спектр реабилитационных аппаратов – от простейших приспособлений, некоторые из которых можно сделать самому, до сложнейших диагностических и роботизированных комплексов, использующих последние достижения науки и техники [30]. Среди зарубежных компаний, занимающихся разработкой и выпуском комплексов для роботизированной механотерапии, стоит выделить такие, как *Biodex Medical Systems*, *Cybex* и *Ekso Bionics* (все – США), *Nosota* (Швейцария), *Motorika* и *ReWalk Robotics* (Израиль), *Cyberdyne HAL* (Япония). При этом компании *Ekso Bionics* (США), *ReWalk Robotics* (Израиль) и *Cyberdyne HAL* (Япония) занимаются производством роботизированных экзоскелетов. На отечественном рынке можно выделить компанию ЭкзоАтлет (Россия), которая занимается разработкой и производством медицинского экзоскелета (был представлен на выставке российских робототехнических изделий «Роботы в России на RoboTrends.ru» в 2017 г.). А также НВП Орбита (Россия), выпускающая серию роботизированных тренажеров ОРМЕД.

Сравнительная характеристика аппаратов для роботизированной механотерапии

Среди существующих аппаратов роботизированной механотерапии, которые используются в мировой практике для посттравматической реабилитации, стоит выделить Artromot (Германия); Kinetec (Франция); Fisiotek (Италия); ОРМЕД-Flex (Россия); LegTutor (Израиль); Biodex Medical Systems (США), CONTREX (Германия) и Lokomat (Швейцария). Стоимость

указанных приборов варьирует от 10 млн до 399 млн долларов США и выше, в зависимости от опционального содержания.

Линия аппаратов *Artromot* (производитель ORMED, Германия) – это специализированные CPM-тренажеры (*continuous passive motion, CPM*), предназначенные для продолжительной пассивной разработки того или иного сустава, например, для восстановления коленного сустава предназначен *Artromot K1*. Существуют разновидности модели, предназначенные для разработки лодыжки и голеностопного сустава (*Artromot SP3*), а также для специфического воздействия на тазобедренный сустав (*Artromot K3* и *Artromot K4*) [6]. Рассмотрим подробнее тренажер *Artromot K1*. Прибор является универсальным для правой и левой конечности. Доступны модели класса *standard* и *comfort*. Среди преимуществ этого тренажера отмечают его компактность, простоту в использовании (управление с использованием ручного пульта и интуитивно понятной навигацией) и возможность лечения детей в возрасте от 6 лет [7]. Так как периартикулярные ткани разрабатываются циклически, отмечается полнейшая релаксация мышц, что позволяет избавлять пациента от болезненных ощущений (в том числе предусмотрен разогревающий режим работы) [8]. При составлении программы реабилитации с использованием данного тренажера индивидуально подбирается скорость, амплитуда, частота и степень нагрузки (сохранение показателей лечения и регулируемых показателей для каждого пациента доступно при использовании запоминающей чип-карты). Так, для коленного сустава возможно пассивное сгибание-разгибание в пределах -10° – 0° – 125° , для тазобедренного – 0° – 15° – 100° [7, 9]. Стоит отметить, что модель *Artromot SP3* позволяет проводить дорсальное / плантарное сгибание в пределах -40° – 0° – 60° и инверсию / эверсию стопы – -40° – 0° – 20° [10]. Многочисленными исследованиями доказана высокая эффективность использования *Artromot K1* для посттравматической реабилитации пациентов, а также профилактики контрактур различного генеза [11–13].

Специализированное оборудование для реабилитации опорно-двигательного аппарата компании *Kinetec* (Франция) аналогично *Artromot* предназначено для CPM-терапии тазобедренного и коленного суставов. Прибор является универсальным для правой и левой конечности с возможностью вовлечения в работу голеностопного, коленного и тазобедренного суставов. Различные модели *Kinetec™ Spectra™* обладают такими преимуществами, как компактность и простота в использовании (управление с использованием ручного пульта и интуитивно понятной навигацией). При составлении программы реабилитации с использованием данного тренажера индивидуально подбирается скорость, амплитуда, частота и степень нагрузки (сохранение показателей лечения, регулируемых показателей для каждого пациента и всего прогресса терапии доступно при использовании версии *Spectra DC (Data Capture)*), в том числе есть возможность настройки пределов болевых ощущений, которые обеспечиваются встроенными датчиками боли. *Data Capture* – это уникальное программное обеспечение

Kinetec для управления и обработки данных терапии [14]. Тренажер может быть использован для пациентов ростом от 112 см до 206 см. Для коленного сустава возможно пассивное сгибание-разгибание в пределах -3° – 130° , для тазобедренного – 8° – 80° , при этом в голеностопном суставе допустимо плантарное / дорсальное сгибание в пределах -40° – 30° и инверсия / эверсия стопы – -30° – 30° [15]. Преимущественным решением *Kinetec Performa knee CPM* является возможность подключения миостимулятора [16].

Линия аппаратов *Fisiotek* от компании *Rime* (Италия) также предназначена для пассивной разработки суставов конечностей. Прибор является универсальным для правой и левой конечности с возможностью вовлечения в работу голеностопного, коленного и тазобедренного суставов (зависит от модели). Тренажер обладает такими преимуществами, как компактность и простота в использовании (управление с использованием ручного пульта и интуитивно понятной навигацией). Наряду с этим для *Fisiotek 2000* есть дополнительные принадлежности, позволяющие проводить реабилитацию пациентов с длиной нижних конечностей менее 73 см. При составлении программы реабилитации с использованием данного тренажера индивидуально подбирается скорость, амплитуда, частота и степень нагрузки (сохранение регулируемых показателей для каждого пациента доступно при использовании карт памяти в моделях *2000GS* и *2000TS*). Для коленного сустава возможно пассивное сгибание-разгибание в пределах -5° (0°)– 110° , для тазобедренного – 10° – 70° , для голеностопного – 20° – 40° (диапазон амплитуды зависит от модели, а использование дополнительных принадлежностей позволяет увеличить амплитуду движения в тазобедренном суставе до 135°) [17].

Среди отечественных аналогичных разработок стоит выделить тренажер для пассивного воздействия на колено и бедро марки *ОРМЕД-Flex* от научно-внедренческого предприятия «Орбита» (Россия). Прибор также является универсальным для правой и левой конечности с возможностью вовлечения в работу коленного и тазобедренного суставов. Среди преимуществ этого тренажера отмечают его компактность, простоту в использовании (управление с использованием ручного пульта и интуитивно понятной навигацией) и более низкую стоимость по сравнению с зарубежными аналогами (примерно в 4 раза дешевле). Тренажер позволяет индивидуально подбирать скорость, амплитуду, частоту и степень нагрузки (предусмотрено несколько уровней и режимов работы). Для коленного сустава допустимо пассивное сгибание-разгибание в пределах -10° – 120° , для тазобедренного – 7° – 115° [18]. Согласно руководству по эксплуатации (2016) тренажер относится к профессиональному, коммерческому классам применения и предназначен для использования в спортивных и оздоровительных клубах, косметологических кабинетах, учебных заведениях, гостиницах и клубах [19]. При этом в литературе встречаются положительные результаты клинических исследований и, как следствие, рекомендации к использованию в медицинской практике [20].

Аппараты линии *LegTutor* от производителя Meditouch (Израиль) в отличие от тренажеров *Ar-tromot*, *Kinetec*, *Fisiotek* и *ОРМЕД-Flex* представляют собой ортез со встроенными оптическими датчиками и реабилитационное программное обеспечение. Технология восстановления функциональных двигательных навыков происходит за счет активных (произведенных самим пациентом) повторяющихся упражнений в сочетании с расширенной обратной связью, отображающей состояние контролируемой функции на экране при помощи компьютерных игр. Аппарат линии *LegTutor* имеет амплитудные ограничители, которые сужают динамический диапазон разгибания и сгибания в коленном суставе, благодаря чему есть возможность дозировки физической нагрузки за счет настройки угла движения, скорости и чувствительности под конкретного пациента. Допустимо сгибание-разгибание в коленном и тазобедренном суставе, а также отведение-приведение и вращение в тазобедренном суставе. Благодаря настройке динамического диапазона и наличию многочисленных параметров настроек упражнения уровень сложности игры настраивается под функциональные возможности пациента, тем самым мотивируя пациента к многократному повторению упражнений и в конечном счете получению максимального эффекта от лечения [21].

Мультисуставный комплекс «System 4» от компании *Biodex Medical Systems* (США) представляет собой роботизированный мультисуставный комплекс, укомплектованный тележкой для размещения приспособлений и набором приспособлений для работы с тазобедренным, коленным, плечевым, локтевым суставами, с голеностопом и запястьем (общая занимаемая площадь $6,5 \text{ м}^2$) [22]. Комплекс позволяет проводить мобилизацию суставов в направлениях сгибание-разгибание, отведение-приведение и ротация, что необходимо для полноценного восстановления утраченной двигательной функции как у взрослых, так у детей. *Biodex Medical Systems* позволяет реализовывать пассивный (с изменением скорости в широком диапазоне как для преодоления естественного рефлекса растяжения, так и в дальнейшем активной помощи в движении), изометрический (для развития статической силы мышц, если движение вызывает боль), изокинетический (универсальный режим тестирования, с возможностью изменения скорости в широком диапазоне) и изотонический режимы (возможность работы в формате концентрик / концентрик, эксцентрик / концентрик и концентрик / эксцентрик), режим контролируемого увеличения диапазона движения с обратной связью, реактивный эксцентрический режим. При этом комплекс оценивает такие показатели, как диапазон движения в суставе, максимальная сила мышц, угол и время максимальной силы, ускорение-торможение, суммарная работа (выносливость), коэффициент агонист / антагонист, коэффициент стабильности работы сустава и пр. Система предлагается в двух модификациях *System 4 PRO* и *System 4 Quick Set* [23].

CON-TREX (Physiomed, Германия) представляет собой роботизированный биомеханический диагностический тренажерный комплекс с биологической

обратной связью, рекомендованный к использованию для детей старше 11 лет. В комплексе реализованы уникальные технологии, такие как «тренировка в условиях невесомости» (активная компенсация силы тяжести) и баллистический режим (тренировка с естественными скоростями по всей амплитуде движения даже для очень слабых пациентов). Комплекс разделен на несколько модулей и позволяет проводить диагностику и тренировку для всех основных суставов верхних и нижних конечностей в изолированных и смешанных движениях; комплексные движения нижних конечностей в унилатеральном, билатеральном или поочередном режимах; разгибание и сгибание туловища стоя; мелкие моторные и комплексные повседневные движения. *CON-TREX* включает возможность работы в таких режимах, как изокинетический (классический и баллистический), изотонический (классический и баллистический), изометрический, СРМ, комбинированный (концентрическое / срм, срм / концентрическое, эксцентрическое / срм, срм / эксцентрическое) и свободный (свободно определяемые шаблоны движения (например, ходьба)) [24].

Lokomat (Hocoma, Швейцария) представляет собой роботизированный ортез, выполняющий физиологические движения нижних конечностей у пациентов с нарушениями функции ходьбы (общая занимаемая площадь $12,6 \text{ м}^2$ при весе комплекса около 850 кг) [25]. *Lokomat* комбинирует функциональную локомоторную терапию с мотивацией и оценкой состояния пациента посредством расширенных инструментов обратной связи и виртуальной реальности, что устанавливает новые стандарты в роботизированной реабилитации. Например, модуль FreeD позволяет выполнять боковые движения и поперечные вращения таза, а пациенты могут полностью перенести вес на ногу и тем самым активировать постуральные мышцы и улучшить баланс [26].

Сравнительная характеристика вертикализаторов

Еще одна важная группа средств технической реабилитации – вертикализаторы, применяемые для пассивной вертикализации пациента. Выделяют различные типы вертикализаторов:

1) по опоре:

– переднеопорные (пациент опирается на живот; наиболее популярный и часто использующийся в настоящий момент);

– заднеопорные (пациент фиксируется на опоре под спину и постепенно поднимается из положения лежа; как правило, используется для пациентов с серьезными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, а также не способным самостоятельно держать голову);

– универсальные или многоуровневые (при различной настройке можно переводить из одного положения в другое, пациент может сидеть, стоять, лежать и занимать положение полустоя);

2) по возможности перемещения:

– статичные (пациент не может самостоятельно передвигаться, находясь в устройстве);

– мобильные (пациент может передвигаться, находясь в устройстве в положении стоя, при этом есть

возможность тренировать мышцы ног при совершении движений руками) [31].

Среди существующих аппаратов вертикализации, которые используются для посттравматической реабилитации, стоит выделить аппараты фирм: *Rifton* (США), *Altimate Medical* (США), *Nosota* (Швейцария), *AKCESMED ПАРАМОБИЛЬ* (Польша), *PHYSIOMED Elektromedizin AG* (Германия), *SHIFU OCEAN Fumagalli* (Италия), Геркулес (Россия), *Taneta* (Литва) и пр. Стоимость указанных приборов варьирует от 2 млн 280 тыс. до 20 млн долларов США и выше, в зависимости от опционального содержания.

Rifton (США) является первой фирмой, разработавшей мобильный вертикализатор. Стоимость устройств колеблется от 11 млн до 43 млн долларов США. Например, ТранСтендер (*Rifton*) разработан для людей с нарушенной координацией движений головы и плечевого пояса, опорно-двигательного аппарата и повреждениями спинного мозга. Он подходит для пациентов любого возраста, так как имеет четыре размера. В отличие от ортопостатического стола, данное устройство позволяет вертикализировать пациентов даже с выраженным контрактурами и деформациями, не опорными стопами, при вывихах бедер (благодаря большому количеству регулируемых во всех плоскостях поддержек и комфортным широким ремням-фиксаторам) [32, 33].

Модульная конструкция *EasyStand EVOLV GLIDER ADULT Altimate Medical* (США) делает его универсальной стоячей рамкой, которая оснащена оригинальной системой ремней-фиксаторов и приводом для вертикального положения пациента прямо из коляски. Применение вертикализатора рассчитано на довольно активных пациентов, вес которых не превышает 159 кг, а рост – 152–195 см [34, 35].

Erigo (*Nosota*, Швейцария) – это стол-вертикализатор с интегрированным роботизированным ортопедическим устройством и синхронизированной функциональной электростимуляцией, позволяющим одновременно проводить три вида терапии:

- вертикализацию пациента (от 0 до 90°);
- интенсивную циклическую двигательную терапию в виде пассивных динамических движений нижних конечностей (от 0 до 80 шагов в минуту);
- стимуляцию опорной нагрузки.

Максимальный вес пациента – 135 кг, регулируемый диапазон движения 0–45° (симметричный / асимметричный), а регулируемый угол растяжения тазобедренного сустава 0°–10°. *Erigo* доступен как в стандартной (*ErigoBasic*) [36], так и в расширенной версии (*ErigoPro*) [37]. С помощью *ErigoPro* стимуляция пациента может быть дополнительно усиlena синхронной функциональной электрической стимуляцией [37].

Аппараты *AKCESMED* (Польша) позволяют родителям садить и ставить детей в правильном положении и быстро его изменять без дополнительного ортопедического оборудования. Ребенок может занять правильное положение сидя для приема пищи, учебы или игр. Взрослые благодаря этому устройству могут принимать пассивное положение стоя, выполнять упражнения и перемещаться при помощи близ-

ких [38]. Например, статично-динамично-реабилитационный вертикализатор *AKCESMED ПАРАМОБИЛЬ* (Польша) обеспечивает пассивную вертикализацию (от 0° до 90°) на начальных этапах реабилитации. Выпускается в 4 размерах [39].

PHYSIOMED Elektromedizin AG (Германия) производит кровать-вертикализатор *ANYMOV* с интегрированным роботизированным устройством, позволяющим проводить интенсивную моторную терапию в остром периоде и на ранних этапах реабилитации [40]. Кровать состоит из четырех секций, что позволяет осуществлять движение в любом направлении:

- вертикализация пациента с углом наклона стола от 0° до 85°;
- интенсивная двигательная терапия;
- циклическая нагрузка на нижние конечности;
- активная и пассивная нагрузка на нижние конечности;
- встроенная система электромиографии для функциональной оценки работы мышц;
- полный контроль и управление интенсивностью и скоростью движения робота;
- стандартизация терапевтических мероприятий и базы данных, благодаря встроенному программному обеспечению;
- плавное, безопасное и бесшумное движение с помощью 13 электродвигателей [41].

SHIFU OCEAN (*Fumagalli*, Италия) – это вертикализатор комбинированного типа для фиксации ребенка с детским церебральным параличом в вертикальном положении (с наклоном вперед или с наклоном назад). Устройство оснащено подголовником и абдуктором с регулировкой по высоте и глубине установки, а также фиксатором таза. Выпускается в трех размерах [42].

X-TEND (*Fumagalli*, Италия) позволяет постепенно уменьшать угол наклона от 50° до вертикального положения, плавно увеличивая нагрузку на нижние конечности. Инновация *X-TEND* – сохранение физиологического центра отведения ног (угол отведения – 24°), благодаря которому головка бедра поддерживаются в правильном положении в вертлужной впадине, при этом верхние конечности ребенка остаются полностью свободными [43].

Российский завод спортивного оборудования «Геркулес» выпускает кровать-вертикализатор с гидравлическим приводом, который позволяет перемещать тело пациента из горизонтальной плоскости в практически вертикальную (75°). Подъем осуществляется посредством гидравлического элемента с ручным приводом [44].

Заключение. Производство комплексов, предназначенных для роботизированной механотерапии, без сомнений, относится к высокотехнологичному (или наукоемкому) производству по ряду показателей: наукоемкость (отношение затрат на НИОКР к объему выпуска продукции превышает 3,5% [27]), сложность изделия, конкурентоспособность, участие высококвалифицированного труда и пр. При этом спрос на такую продукцию только растет, что подтверждается заинтересованностью государства развивать отечественное высокотехнологич-

ное оборудование, в том числе в системе здравоохранения [28]. Само производство представляет собой часть высокотехнологичного комплекса, который в функциональном отношении состоит из шести блоков различных предприятий и / или организаций (научные, научно-производственные, образовательные, инфраструктурные, управленические, социальные) [29]. Современные подходы к роботизированной механотерапии с элементами биоуправления и телемедицины, направленные на восстановление утраченных двигательных функций, наряду с конкурентными преимуществами имеют и ряд ограничений.

Так, сравнительный анализ функциональных возможностей этих тренажеров и тренажерных комплексов позволил выявить ряд ограничений для их широкого использования. В первую очередь стоит отметить большую стоимость роботизированных мультисуставных комплексов, а также необходимость оборудования специализированных помещений для их размещения (например, *Biodex Medical Systems* или *Lokomat*). Экономически доступные тренажеры стоимостью до 17 млн долларов США, отличающиеся доступностью и простотой использования, предназначены для формирования «плоских» движений, что лишь частично отражает анатомо-физиологические характеристики движения в суставах. Например, отсутствует возможность проведения вращений. Стоит отметить отсутствие возможности спаренной работы двух устройств для задей-

ствования здоровой конечности в процессе восстановления, возможности одновременного использования дополнительных факторов физиотерапии, способствующих восстановлению функций (например, теплопечение или вибротерапия), а также возможности использования телеметрии и телемедицины.

Аналогичный анализ функциональных возможностей вертикализаторов и мобильных комплексов также позволил выявить ряд ограничений. Безусловно, роботизированные мультисуставные вертикализаторы имеют большую стоимость, включая дорогостоящее обслуживание (например, *PHYSIOMED Elektromedizin AG* или *Erigo*). Экономически доступные вертикализаторы чаще всего предназначены для реабилитации детей. Они малоразмерны и перемещают тело в пространстве в диапазоне от 0° до 90° и не снабжены дополнительными функционалами. Отсутствует дополнительная возможность изменения положения тела, например перевод в положение сидя. Чаще всего вертикализаторы направлены на реабилитацию нижних конечностей, в то время как верхние конечности не вовлечены. Мультифункциональные комплексы для реабилитации как верхних, так и нижних конечностей одновременно требуют отдельного помещения, а также приобретения дополнительных модулей, что еще больше увеличивает их стоимость. Отсутствие простого интерфейса также осложняет использование этих комплексов в домашних условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Физическая реабилитация / под ред. С.Н. Попова. М. : Academia, 2013. 304 с.
2. Восстановление подвижности конечностей при помощи роботизированной механотерапии // GIDMED.COM. URL: <http://gidmed.com/novosti/robotizirovannaja-mehanoterapija.html> (дата обращения: 25.04.2017).
3. Макарова М.Р. и др. Современные аспекты аппаратных методов реабилитации неврологических больных // Академический журнал Западной Сибири. 2013. Т. 9, № 3 (46). С. 60–61.
4. Нурманова Ш.А Роботизированная механизированная нейрореабилитация // Нейрохирургия и неврология Казахстана. 2013. № 1 (30). С. 3–6.
5. Даминов В.Д. Роботизированная механотерапия в нейрореабилитации // Вестник АГИУВ. 2013. № 3. С. 85–90.
6. Восстановление двигательной активности суставов с помощью аппаратов Артромот // OsteoCure.ru. URL: <http://osteocure.ru/tovar/apparat-artromot.html> (дата обращения: 25.04.2017).
7. Аппарат ARTROMOT-K1 // ORMED. URL: <http://www.ormed.com.ru/artromotk1.htm> (дата обращения: 25.04.2017).
8. ARTROMOT K1 (аппарат для разработки коленного и тазобедренного суставов) // ОРТОПЕНТ. URL: <https://www.ortorent.ru/product/artromot-k1> (дата обращения: 25.04.2017).
9. Руководство по применению ARTROMOT-K4 (начиная с серийного номера 10000 и выше). Germany, 2007. 31 с.
10. ARTROMOT® – семинар по CPM (продолжительная пассивная разработка суставов) // База данных hnu.docdat.com. URL: <http://hnu.docdat.com/docs/index-189546.html> (дата обращения: 25.04.2017).
11. Бухарин В.А., Крысиюк О.Б., Слухай С.И. Применение современных методов реабилитации при переломах нижних конечностей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 3 (109). С. 43–45.
12. Подгорная О.В. и др. Возможности реабилитации детей с травмами конечностей после оперативного лечения // Доктор.Ру. 2015. № 15–16 (116–117). С. 77–80.
13. Емельянова М.А., Маркаров Г.С. Эффективность применения Артромота при переломах костей голени в нижней трети после оперативного лечения по данным электромиографии // Лечебная физическая культура: достижения и перспективы развития : материалы V Всероссий. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2016. С. 112–114.
14. Kinetec™ Spectra™ // МедКонтакт. URL: http://www.medkontakt.spb.ru/_catalog/rehabilitation/passivnaya-razrabotka-sustavov/1072/ (дата обращения: 25.04.2017).
15. Kinetec Performa knee CPM // BEKA. URL: <http://www.beka.ru/ru/katalog/passivnaya-razrabotka-sustavov-/kinetec-performa-knee-cpm/> (дата обращения: 25.04.2017).
16. Тренажеры для пассивной разработки суставов Kinetec // Национальный исследовательский центр здоровья детей. URL: <http://www.kdcenter.ru/rbt/content/trenazhery-dlya-passivnoj-razrabotki-sustavov-kinetec> (дата обращения: 25.04.2017).
17. Fisiotek 2000: Оборудование для физиотерапии и реабилитации. URL: <http://octomed.ru/details/Fisiotek-2000-rimec/> (дата обращения: 25.04.2017).
18. Аппарат для роботизированной механотерапии нижних конечностей модель Flex 01 для коленного и тазобедренного суставов // ORMED. URL: <http://www.ormed.ru/flex> (дата обращения: 25.04.2017).
19. Тренажер для пассивного воздействия на колено и бедро марки «ОРМЕД-FLEX» : руководство по эксплуатации. Уфа, 2016. 28 с.
20. Гиниятуллин М.Н. Высокотехнологичная реабилитация пациентов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата посредством CPM-терапии // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2016. № 6 (138). С. 43–47.
21. LegTutor // Медицина и новые технологии. URL: <http://www.mednt.ru/catalog/reabilitacionnoe-oborudovanie/tutor/legtutor/> (дата обращения: 25.04.2017).

22. SYSTEM 4 PRO // Медиум Плюс : оборудование для восстановительного лечения, спортивной медицины и SPA. URL: http://www.mediumplus.ru/item_66.htm (дата обращения: 13.10.2017).
23. Комплекс механо-терапевтический мультистуловый System 4 PRO // УТБ Ресурс. URL: <http://utbresurs.com.ua/component/k2/mehanoterapevticheskij-kompleks-system-4-pro.html> (дата обращения: 13.10.2017).
24. Система CON-TREX // KELEANZ Medical. URL: <http://www.keleanz.ru/catalog/39/186/> (дата обращения: 13.10.2017).
25. Lokomat®Nanos // МедКонтакт. URL: <http://www.medkontakt.spb.ru/catalog/reabilitation/vosstanovlenie-navykov-khodby/1034/> (дата обращения: 13.10.2017).
26. Lokomat®Pro // БЕКА. URL: <http://www.beka.ru/ru/katalog/vosstanovlenie-navykov-khodby/lokomat-pro/> (дата обращения: 13.10.2017).
27. Энфенджян Т.А. Высокотехнологичный комплекс и обеспечение экономической безопасности России // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 440.
28. Будущее здравоохранения за высокотехнологичным отечественным производством // Медицинский алфавит. 2010. Т. 2, № 19. С. 4–5.
29. Многогрешнов А.И., Самохвалова С.М. Высокотехнологичный продукт и высокотехнологичное производство в практике современного менеджмента // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 2, № 11. С. 715–717.
30. Основные производители реабилитационных тренажеров // Спортивные тренажеры. URL: <https://sportivnyetrenajery.ru/osnovnye-proizvoditeli-reabilitacionnyh-trenajerov-1.html> (дата обращения: 13.10.2017).
31. Вертикализаторы // Rehabmedical. URL: <https://rehabmedical.ru/katalog/vertikalizatory> (дата обращения: 22.10.2017).
32. Rifton Prone Standers // Rifton. URL: <https://www.rifton.com/products/standers/supine-standers> (дата обращения: 22.10.2017).
33. Вертикализатор мобильный Рифтон // Rehabmedical. URL: <https://rehabmedical.ru/katalog/vertikalizatory/vertikalizator-mobilnyj-rifton> (дата обращения: 22.10.2017).
34. EasyStand Evolv Glider Adult™ // DOCMEDRU. URL: <http://dokmed.ru/vertikalizatory/evolv-glider%E2%84%A2> (дата обращения: 22.10.2017).
35. EasyStand Evolv // EasyStand. URL: <https://easystand.com/product/mobile-2> (дата обращения: 22.10.2017).
36. Стол-вертикализатор ErigoBasic // БЕКА. URL: <http://www.beka.ru/ru/katalog/rannyyaya-aktivizatsiya-i-vertikalizatsiya/erigo/> (дата обращения: 22.10.2017).
37. Линия продуктов Erigo // Erigo ® URL: <https://www.hocoma.com/us/solutions/erigo/technical-data-sheet/> (дата обращения: 22.10.2017).
38. Изделия // Akces-med. URL: <http://ru.akces-med.com/product/> (дата обращения: 22.10.2017).
39. Многофункциональный вертикализатор ПАРАМОБИЛЬ // Akces-med. URL: <http://akces-med.ru/product/mnogofunktionalnyj-vertikalizator-paramobil/> (дата обращения: 22.10.2017).
40. Physiomed Elektromedizin AG (Германия) // PHYSIOMED. URL: <http://urlid.ru/b6be> (дата обращения: 22.10.2017).
41. Кровать-вертикализатор ANYMOV // Медицинские партнеры. URL: <http://www.mpamed.ru/fizioterapiya-i-reabilitatsiya/physiomed/593-anymov.htm> (дата обращения: 22.10.2017).
42. Вертикализатор для детей с ДЦП «SHIFU OCEAN» Fumagalli // Aura-med. URL: https://au-med.ru/xodunki/dly-detei-s-dcp/shifu_ocean (дата обращения: 22.10.2017).
43. Вертикализатор X-TEND Fumagalli // Сеть медицинских магазинов Доброта.ru. URL: https://www.dobrota.ru/shop/UID_401_vertikalizator_xtend_fumagalli.html (дата обращения: 22.10.2017).
44. Вертикализатор мобильный A-5041 HERCULES научно-производственное объединение. URL: <https://royal-sport.ru/trenazhery/trenazhery-dlja-invalidov/parapodiumy-i-vertikalizatory/vertikalizator-mobilnyj-5041> (дата обращения: 22.10.2017).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 декабря 2017 г.

MODERN APPROACHES TO ROBOTIC MECHANOTHERAPY WITH ELEMENTS OF BIO-MANAGEMENT AND TELEMEDICINE FOR THE RESTORATION OF LOST MOTOR FUNCTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 127–134.

DOI: 10.17223/15617793/433/18

Elena A. Baranova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena4408@yandex.ru

Yulia P. Bredikhina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: u2000@yandex.ru

Anastasia V. Kabachkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avkabachkova@gmail.com

Yulia G. Kalinnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kalinnikova@gmail.com

Vyacheslav K. Pashkov, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pashkovvk@tpu.ru

Keywords: motor adaptation; robotized mechanotherapy; biofeedback; robotic simulator; passive verticalization; verticalizer.

At present, motor adaptation and restoration of lost motor functions in a shorter period is an important economic task. Rehabilitation of patients with impaired motor functions is a time-consuming, lengthy and multi-stage process that requires the colossal powers of the instructor, the patient and their environment. Therefore, the use of automated technology can increase the intensity of the therapy and the quality of training in comparison with the classical curative gymnastics without attracting additional funds. Today, a wide range of rehabilitation devices is being manufactured in different countries of the world – from the simplest devices to the most complex diagnostic and robotic complexes using the latest achievements of science and technology. The production of robotic mechanotherapy complexes, without a doubt, is a science-intensive and high-tech production. Unfortunately, for today, the demand for such products is only growing. Modern approaches to robotic mechanotherapy with elements of biocontrol and telemedicine aimed at restoring lost motor functions, along with competitive advantages, have a number of limitations. Thus, a comparative analysis of the functional capabilities of these simulators has shown a number of limitations for their wide application. First, the high cost of robotic multi-joint complexes, as well as the need for specially equipped premises for their placement, is worth noting. Cost-effective simulators costing up to \$ 17 million differ in accessibility and ease of use, but they are intended for the formation of “flat” movements, which only partially reflects the anatomical and physiological characteristics of motion in the joints, since there is no possibility of rotations. There is no possibility of two devices working for the use of a healthy limb in the process of recovery, there is no possibility of simultaneous use of additional factors of physiotherapy that contribute to the restoration of functions (for example, heat therapy or vibration therapy), and there is no possibility to use telemetry and telemedicine technologies. A similar analysis of the functionality of verticalizers and mobile complexes has also revealed a number of limitations. Undoubtedly, robotic multi-joint verticalizers have a high cost and expensive maintenance. Economically accessible verticalizers are most often intended for the rehabilitation of children. They are small in size and move the body in space in a range from 0 to 90 degrees and are not equipped with additional functions. Most often verticalizers are aimed at rehabilitation of the lower extremities, and the upper limbs are not involved. Multi-functional complexes for the rehabilitation of upper and lower limbs simultaneously require a separate room, as well as the purchase of additional modules, which further increases their cost. The lack of a simple interface also complicates the use of these complexes

at home. However, the undoubted advantage of robot therapy is a higher quality of training than classical gymnastics due to their longer duration, the accuracy of repetitive cyclic movements, the constant training program, the availability of tools for assessing the success of the sessions with the possibility of demonstrating to the patient, etc.

REFERENCES

1. Popov, S.N. (ed.) (2013) *Fizicheskaya reabilitatsiya* [Physical rehabilitation]. Moscow: Academia.
2. GIDMED.COM. (n.d.) *Vosstanovlenie podvizhnosti konechnostey pri pomoshchi robotizirovannoy mehanoterapii* [Restoration of limb mobility with the help of robotic mechanotherapy]. [Online] Available from: <http://gidmed.com/novosti/robotizirovannaja-mehanoterapija.html>. (Accessed: 25.04.2017).
3. Makarova, M.R. et al. (2013) Sovremennye aspekty apparatnykh metodov reabilitatsii nevrologicheskikh bol'nykh [Modern aspects of apparatus methods of rehabilitation of neurological patients]. *Akademicheskiy zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 9:3 (46), pp. 60–61.
4. Nurmanova, Sh.A. (2013) Robotizirovannaya mekhanizirovannaya neyroreabilitatsiya [Robotic mechanized neurorehabilitation]. *Neyrokhirurgiya i nevrologiya Kazakhstana*. 1 (30). pp. 3–6.
5. Daminov, V.D. (2013) Robotizirovannaya mekhanoterapiya v neyroreabilitatsii [Robotic mechanotherapy in neurorehabilitation]. *Vestnik AGIUV*. 3. pp. 85–90.
6. OsteoCure.ru. (n.d.) *Vosstanovlenie dvigatel'noy aktivnosti sostavov s pomoshch'yu apparatov Artromot* [Restoration of motor activity of joints with the help of Artromot devices]. [Online] Available from: <http://osteocure.ru/tovar/apparat-artromot.html>. (Accessed: 25.04.2017).
7. ORMED. (n.d.) *Apparat ARTROMOT-K1* [ARTROMOT-K1 device]. [Online] Available from: <http://www.ormed.com.ru/artromotk1.htm>. (Accessed: 25.04.2017).
8. ORTORENT. (n.d.) *ARTROMOT K1* (apparat dlya razrabotki kolenogo i tazobedrennogo sostavov) [ARTROMOT K1 (device for developing the knee and hip joints)]. [Online] Available from: <https://www.ortorent.ru/product/artromot-k1>. (Accessed: 25.04.2017).
9. Anon. (2007) *Rukovodstvo po primeneniyu ARTROMOT-K4 (nachinaya s seriyogo nomera 10000 i vyshе)* [Manual on the use of ARTROMOT-K4 (starting with serial number 10,000 and above)]. Germany: [s.n.].
10. Hnu.docdat.com. (n.d.) *ARTROMOT® – seminar po SRM (prodolzhitel'naya passivnaya razrabortka sostavov)* [ARTROMOT® – workshop on CPM (continuous passive motion)]. [Online] Available from: <http://hnu.docdat.com/docs/index-189546.html>. (Accessed: 25.04.2017).
11. Bukharin, V.A., Krysyuk, O.B. & Slukhay, S.I. (2014) Applications of the modern methods of rehabilitation at fractures of the bottom extremities. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 3 (109). pp. 43–45. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.03.109.p43-45
12. Podgornaya, O.V. et al. (2015) Vozmozhnosti reabilitatsii detey s travmami konechnostey posle operativnogo lecheniya [The possibilities of rehabilitation of children with limb injuries after surgical treatment]. *Doktor.Ru*. 15–16 (116–117). pp. 77–80.
13. Emel'yanova, M.A. & Markarov, G.S. (2016) [Efficacy of the use of Artromot in fractures of the lower leg bones in the lower third after surgical treatment according to electromyography]. *Lechebnaya fizicheskaya kul'tura: dostizheniya i perspektivy razvitiya* [Medical physical culture: achievements and development prospects]. Proceedings of the 5th all-Russian Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 112–114. (In Russian).
14. MedKontakt. (n.d.) *Kinetec™ Spectra™*. [Online] Available from: http://www.medkontakt.spb.ru/_catalog/rehabilitation/passivnaya-razrabortka-sustavov/1072/. (Accessed: 25.04.2017). (In Russian).
15. BEKA. (n.d.) *Kinetec Performa knee CPM*. [Online] Available from: <http://www.beka.ru/ru/katalog/passivnaya-razrabortka-sustavov-/kinetec-performa-knee-cpm/>. (Accessed: 25.04.2017).
16. National Research Center for Children's Health. (n.d.) *Trenazhery dlya passivnoy razrabortki sostavov Kinetec* [Kinetec simulators for passive joint development]. [Online] Available from: <http://www.kdcenter.ru/rbt/content/trenazhery-dlya-passivnoj-razrabortki-sustavov-kinetec>. (Accessed: 25.04.2017).
17. Octomed.ru. (n.d.) *Fisiotek 2000: Oborudovanie dlya fizioterapii i reabilitatsii* [Fisiotek 2000: Equipment for physiotherapy and rehabilitation]. [Online] Available from: <http://octomed.ru/details/Fisiotek-2000-rimec/>. (Accessed: 25.04.2017).
18. ORMED. (n.d.) *Apparat dlya robotizirovannoy mehanoterapii nizhnikh konechnostey model' Flex 01 dlya kolenogo i tazobedrennogo sostavov* [Device for robotic mechanotherapy of lower extremities model Flex 01 for knee and hip joints]. [Online] Available from: <http://www.ormed.ru/flex>. (Accessed: 25.04.2017).
19. Anon. (2016) *Trenazher dlya passivnogo vozdeystviya na koleno i bedro marki "ORMED-FLEX": rukovodstvo po ekspluatatsii* [The "ORMED-FLEX" simulator for passive influence on the knee and the hip: instruction manual]. Ufa: [s.n.].
20. Giniyatullin, M.N. (2016) *Vysokotekhnologichnaya reabilitatsiya patsientov s zabolевaniyami oporno-dvigatel'nogo apparata posredstvom SRM-terapii* [High-tech rehabilitation of patients with diseases of the musculoskeletal system through CPM-therapy]. *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina*. 6 (138). pp. 43–47.
21. Mednt.ru. (n.d.) *LegTutor*. [Online] Available from: <http://www.mednt.ru/catalog/reabilitacionnoe-oborudovanie/tutor/legtutor/>. (Accessed: 25.04.2017). (In Russian).
22. Medium Plyus. (n.d.) *SYSTEM 4 PRO*. [Online] Available from: http://www.mediumplus.ru/item_66.htm. (Accessed: 13.10.2017). (In Russian).
23. UTB Resurs. (n.d.) *Kompleks mekhano-terapeuticheskij mul'tisustavnyy System 4 PRO* [System 4 PRO: a mechanic-therapeutic multi-joint complex]. [Online] Available from: <http://utbresurs.com.ua/component/k2/mehano-terapeuticheskij-kompleks-system-4-pro.html>. (Accessed: 13.10.2017).
24. KELEANZ Medical. (n.d.) *Sistema CON-TREX* [CON-TREX system]. [Online] Available from: <http://www.keleanz.ru/catalog/39/186/>. (Accessed: 13.10.2017).
25. MedKontakt. (n.d.) *Lokomat®Nanos*. [Online] Available from: http://www.medkontakte.spb.ru/_catalog/rehabilitation/vosstanovlenie-navykov-khodby/1034/. (Accessed: 13.10.2017). (In Russian).
26. BEKA. (n.d.) *Lokomat®Pro*. [Online] Available from: <http://www.beka.ru/ru/katalog/vosstanovlenie-navykov-khodby/lokomat-pro/>. (Accessed: 13.10.2017). (In Russian).
27. Enfendzhyan, T.A. (2009) *Vysokotekhnologichnyy kompleks i obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii* [High-tech complex and ensuring economic security of Russia]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 4. pp. 440.
28. Meditsinskiy alfavit. (2010) Budushchee zdravookhraneniya za vysokotekhnologichnym otechestvennym proizvodstvom [The future of health care belong to high-tech Russian products]. *Meditinskii alfavit*. 2(19). pp. 4–5.
29. Mnogogreshnov, A.I. & Samokhalova, S.M. (2015) high-technology product and high-technology industries in the modern management practice. *Aktual'nye problemy aviatii i kosmonavtiki*. 2(11). pp. 715–717. (In Russian).
30. Sportivnye trenazhery. (n.d.) *Osnovnye proizvoditeli reabilitatsionnykh trenazherov* [The main manufacturers of rehabilitation simulators]. [Online] Available from: <https://sportivnyetrenajery.ru/osnovnye-proizvoditeli-reabilitacionnyh-trenajerov-1.html>. (Accessed: 13.10.2017).
31. Rehabmedical. (n.d.) *Vertikalizatory* [Verticalizers]. [Online] Available from: <https://rehabmedical.ru/katalog/vertikalizatory>. (Accessed: 22.10.2017).
32. Rifton. (n.d.) *Rifton Prone Stander*. [Online] Available from: <https://www.rifton.com/products/standers/supine-standers>. (Accessed: 22.10.2017).
33. Rehabmedical. (n.d.) *Vertikalizator mobil'nyy Rifton* [Rifton mobile verticalizer]. [Online] Available from: <https://rehabmedical.ru/katalog/vertikalizatory/vertikalizator-mobilnyj-rifton>. (Accessed: 22.10.2017).
34. DOCMEDRU. (n.d.) *EasyStand Evolv Glider Adult™*. [Online] Available from: <http://dokmed.ru/vertikalizatory/evolv-glider%2E2%84%A2>. (Accessed: 22.10.2017). (In Russian).

35. EasyStand. (n.d.) *EasyStand Evolv*. [Online] Available from: <https://easystand.com/product/mobile-2>. (Accessed: 22.10.2017).
36. BEKA. (n.d.) *Stol-vertikalizator ErgoBasic* [ErgoBasic verticalizer table]. [Online] Available from: <http://www.beka.ru/ru/katalog/rannyaya-aktivizatsiya-i-vertikalizatsiya/erigo/>. (Accessed: 22.10.2017).
37. Ergo ®. (n.d.) *Liniya produktov Ergo* [Ergo product line]. [Online] Available from: <https://www.hocoma.com/us/solutions/ergo/technical-data-sheet/>. (Accessed: 22.10.2017).
38. Akces-med. (n.d.) *Izdeliya* [Products]. [Online] Available from: <http://ru.akces-med.com/product/>. (Accessed: 22.10.2017).
39. Akces-med. (n.d.) *Mnogofunktional'nyy vertikalizator PARAMOBIL*” [PARAMOBIL multifunctional verticalizer]. [Online] Available from: <http://akces-med.ru/product/mnogofunktionalnyj-vertikalizator-paramobil/>. (Accessed: 22.10.2017).
40. PHYSIOMED. (n.d.) *Physiomed Elektromedizin AG (Germaniya)* [Physiomed Elektromedizin AG (Germany)]. [Online] Available from: <http://urlid.ru/b6be>. (Accessed: 22.10.2017).
41. Mpamed.ru. (n.d.) *Krovat'-vertikalizator ANYMOV* [ANYMOV verticalizer bed]. [Online] Available from: <http://www.mpamed.ru/fizioterapiya-i-reabilitatsiya/physiomed/593-anymov.htm>. (Accessed: 22.10.2017).
42. Aura-med. (n.d.) *Vertikalizator dlya detey s DTsP “SHIFU OCEAN” Fumagalli* [SHIFU OCEAN Fumagalli verticalizer for children with cerebral palsy]. [Online] Available from: https://au-med.ru/xodunki/dly-detei-s-dcp/shifu_ocean. (Accessed: 22.10.2017).
43. Dobrota.ru. (n.d.) *Vertikalizator X-TEND Fumagalli* [X-TEND Fumagalli verticalizer]. [Online] Available from: https://www.dobrota.ru/shop/UID_401_vertikalizator_xtend_fumagalli.html. (Accessed: 22.10.2017).
44. HERCULES. (n.d.) *Vertikalizator mobil'nyy A-5041* [A-5041 mobile verticalizer]. [Online] Available from: <https://royalsport.ru/trenazhery/trenazhery-dlya-invalidov/parapodiumy-i-vertikalizatory/vertikalizator-mobilnyj-5041>. (Accessed: 22.10.2017).

Received: 05 December 2017

СВЯЗЬ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Работа выполнена при поддержке РНФ (грант № 17-78-20198).

Представлены результаты систематического обзора исследований связи структурного и процессуального качества образовательной среды с когнитивным, эмоционально-личностным и регуляторным развитием детей дошкольного возраста. Обнаружено значительное количество свидетельств в пользу того, что качество образовательной среды выступает существенным фактором в психическом развитии детей. В статье продемонстрировано, что более эффективными процедурами статистического анализа в изучении связи качества образовательной среды с психическим развитием детей оказываются регрессионные и дисперсионные процедуры анализа, по сравнению с корреляционными.

Ключевые слова: ECERS-R; CLASS; Эмоциональная поддержка; Организация группы; Методическая поддержка; качество образовательной среды; дошкольный возраст.

Введение

Вопросы качества образования приобрели в современных исследованиях статус самостоятельного направления [1–3]. Только за последние десять лет опубликовано более двухсот работ, посвященных изучению различных параметров качества образования в дошкольном учреждении. Достаточно интенсивно развивается практика оценки качества образовательной среды и в России [4, 5].

Многочисленные исследования показали, что именно в дошкольном возрасте происходит активное развитие когнитивных и регуляторных функций, эмоционально-личностных особенностей и отношений ребенка со сверстниками [5–7]. Однако задача понимания того, как именно соотносится качество образовательной среды дошкольного учреждения с психическим развитием ребенка сохраняет свою актуальность. Данная работа направлена на то, чтобы восполнить этот пробел и представить систематический обзор публикаций о взаимосвязи качества образовательной среды детского сада и психического развития детей дошкольного возраста.

В современной исследовательской практике выделяются два компонента качества образовательной среды: структурное и процессуальное [3]. Структурное качество оценивается через индикаторы, легко поддающиеся квантификации (количество детей в группе, уровень профессионального образования и стаж работы воспитателей). Процессуальное качество более трудоемко в оценке, поскольку оно заключает в себе характеристики процессов взаимодействия воспитателя с детьми. В данном случае рассматриваются не количественные показатели, а качественные. Например, оцениваются степень отзывчивости педагога, используемые им средства развития мыслительных навыков у детей, уважение чувств и пожеланий детей, общая атмосфера в группе. Оценка структурного качества обладает высокой надежностью и согласованностью, что выступает основной причиной частого его использования в целях регуляции дошкольного образования. При этом структурное качество влияет на эффективность образовательного процесса косвенно, в отличие от процессуального качества [8].

Например, в случае более оптимального соотношения количества педагогов и детей есть вероятность, что воспитатель будет демонстрировать более высокий уровень качества взаимодействия с детьми, чем при менее удачном соотношении. У воспитателя появится больше возможностей для организации обсуждений, развития детских идей, поддержки каждого ребенка в образовательном процессе, но он может и не воспользоваться появившимися у него возможностями. Так, для получения комплексной оценки образовательной среды, целесообразным является обследование как структурного, так и процессуального качества среды.

Данная работа направлена на анализ связи процессуального и структурного качества образовательной среды с психическим развитием детей дошкольного возраста. В статье представлены результаты систематического обзора исследований связи когнитивного, эмоционально-личностного и регуляторного развития детей с качеством образовательной среды. В работе анализируются связи психического развития детей с общим показателем методики ECERS-R и не рассматриваются связи с ее частными шкалами. Анализ связей психического развития детей с показателями методики CLASS осуществляется для трех частных шкал: Эмоциональная поддержка, Методическая поддержка и Организация группы.

Систематический обзор исследований связи психического развития детей дошкольного возраста с качеством образовательной среды

Выборка

Выборку систематического обзора составили отдельные выборки анализируемых исследований. Возраст детей, принявших участие в рассматриваемых исследованиях, составляет от 3 до 7 лет.

Методы оценки качества образовательной среды

Early Childhood Environment Rating Scale-Revised (ECERS-R) [9] и Classroom Assessment Scoring System (CASS) [10] являются наиболее популярными инструментами оценки качества образовательной среды

[8, 11, 12]. ECERS-R позволяет получить глобальную оценку качества среды, которая высчитывается из оценок отдельных областей оценивания: Пространство и его обустройство, Присмотр и уход за детьми, Речь и мышление, Виды активности, Детская активность, Взаимодействие, Структурирование программы, Родители и персонал. CLASS разработан для более детальной оценки процессов взаимодействия педагога и детей и включает в себя три параметра: Эмоциональная поддержка, Организация группы, Методическая поддержка. Параметр Эмоциональная поддержка позволяет оценить успешность создания педагогом эмоционально комфортной атмосферы, в которой чувства, идеи и проблемы детей воспринимаются с уважением. Параметр Организация группы направлена на оценку эффективности используемых педагогом воспитательных стратегий, а также организации воспитателем учебного процесса. Параметр Методическая поддержка позволяет оценить педагогические средства, используемые воспитателем, для формирования у детей мыслительных и языковых навыков и становления понятий. Таким образом, методика ECERS-R в большей мере предоставляет информацию о структурном компоненте качества образовательной среды, а методика CLASS – о процессуальном.

Методы диагностики психического развития детей

В обзор включены исследования когнитивного, эмоционально-личностного и регуляторного развития дошкольников. Среди проявлений когнитивного развития исследователи фиксировали объем активного и пассивного словарного запаса, фонологический слух [13], знание ребенком букв, чтение слов и предложений, развитие начальных математических представлений и решение простых математических задач [14, 15]. По линии эмоционально-личностного развития в исследованиях оценивались особенности взаимодействия детей со сверстниками, умение вступать в кооперацию [16, 17], наличие и степень выраженности поведенческих, эмоциональных проблем [18, 19]. Регуляторные функции были представлены в исследованиях через оценивание их основных компонентов: рабочей памяти (зрительной и слухоречевой), гибкости внимания и сдерживающего контроля [20–26].

Дизайн исследований и стратегия поиска статей

В обзор были включены исследования связи качества образовательной среды с показателями психического развития детей, изданные в период с 1997 по 2017 г. Нас интересовали те исследования, в которых были применены немодифицированные методики оценки качества образовательной среды (ECERS-R, CLASS), а также стандартизованные диагностические инструменты оценки психического развития детей (подробно описаны в разделе «Методы диагностики психического развития детей»). Кроме того, в процессе отбора работ мы ориентировались на соотношение количества педагогов и детей в исследуемых группах детских садов. Так, в обзор не были включены работы, выборку которых составили группы, где

на десять детей приходилось три и более воспитателей. В отборе исследовательских работ мы учитывали численность групп. В обзор не были включены исследования, в выборку которых были включены группы детских садов, численность которых не достигала 13 детей или превышала 26.

Отдельным условием отбора корреляционных работ в обзор было использование в них метода корреляции Пирсона для анализа данных. Основанием данного условия выступила необходимость обеспечения однородности используемых для сопоставления результатов исследований. Всего нами было найдено 22 корреляционных исследования связи качества образовательной среды с показателями когнитивного, эмоционально-личностного и регуляторного развития детей, изданных в период с 1997 по 2016 г. Из них удовлетворило установленным критериям включения в обзор корреляционных исследований 9 работ [31–39]. В большинстве из них для оценки качества образовательной среды была использована методика ECERS-R [31–37], в остальных – методика CLASS [38, 39]. В систематический обзор также были включены исследования, в которых для анализа рассматриваемых связей авторами были применены процедуры регрессионного и дисперсионного анализа данных. Всего было найдено 23 полнотекстовых работы, изданные в период с 1997 по 2017 г. Из них удовлетворило установленным критериям отбора, связанным с соотношением количества педагогов и детей, а также численностью групп, 11 исследований [32, 33, 35, 40–47]. Всего данный обзор включает рассмотрение 20 исследований связи качества образовательной среды с показателями психического развития детей, изданных за последние 20 лет.

Результаты

Связь образовательной среды и когнитивного развития

В табл. 1 представлены результаты обзора корреляционных исследований связи общей оценки по методике ECERS-R с когнитивным развитием детей. Статистически значимая связь была обнаружена на уровне тенденции в трех из рассмотренных исследований [31, 34, 37]. Согласно данным Peisner-Feinberg E., воспитанники детских садов с высоким качеством образовательной среды обладают более широким словарным запасом и успешнее решают простые математические задачи [31]. Результаты исследования Pinto A., проведенного на португальской выборке, свидетельствуют о том, что воспитанники высококачественных групп имеют более высокие показатели в тестах на понимание устной речи и использование экспрессивных средств речи, чем воспитанники групп с низким общим показателем по методике ECERS-R [34]. В исследовании Abreu-Lima I. была обнаружена связь между общей оценкой методики ECERS-R и развитием представлений дошкольников о книгах и текстах [37]. Дети, имевшие опыт посещения групп детских садов с более высоким качеством образовательной среды, демонстрировали более развернутое представление об устройстве и содержании книг.

Например, они знали и могли показать больше элементов книги (обложку книги, ее страницы, содержа-

ние, текст, иллюстрации), чем дети, посещавшие группы с низким качеством среды.

Связь общей оценки по методике ECERS-R с показателями когнитивного развития

Таблица 1

Методика	Исследование	r-Pearson	Выборка	
PPVT - Vocabulary Test [13]	Peisner-Feinberg 1997	0,15**	546	◆
	Howes 2008	0,12	1790	◆
	Jeon 2010	0,17	138	◆
	Abreu-Lima 2012	0,04	215	◆
		0,12	2689	◆
WJ - Letter Word ID [15]	Peisner-Feinberg 1997	-0,02	546	◆
	Howes 2008	-0,03	1803	◆
		-0,03	2349	◆
Griffiths Mental Development Scales Hearing and speech subscale [27]	Pinto 2013	0,20*	95	◆
Concept About Print task [28]	Pinto 2013	0,13	95	◆
	Abreu-Lima 2012	0,22**	215	◆
		0,17	310	◆
WJ-R math [15]	Peisner-Feinberg 1997	0,13*	546	◆
Number identification [12]	Abreu-Lima 2012	0,08	60	◆
General Cognitive Ability [29]	Hall 2013	0,02	2862	◆
				5706

Примечания. Уровень статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < .05$ и ** – $p < .01$, в остальных случаях коэффициенты корреляции статистически незначимы; в последнем столбце представлено графическое отображение положения коэффициента корреляции в диапазоне от –1 до 1, где вертикальная ось соответствует отсутствию связи; более светлые ромбы отображают значение средней тенденции связи по однородным показателям развития.

Два исследования [35, 43] были посвящены анализу возможностей дошкольного образования в минимизации рисков когнитивного развития детей из неблагополучных семей. Под рисками исследователи понимали угрозы развития, связанные с финансовым достатком семьи, образованием родителей и со здоровьем ребенка. Для оценки качества среды был использован ECERS-R. Результаты свидетельствуют о том, что дети из неблагополучных семей в высококачественных дошкольных учреждениях получают необходимую защиту от рисков, но при условии регулярного посещения. Так, дети из неблагополучных семей, регулярно посещающие детский сад, имеют более высокие достижения в когнитивном развитии, чем дети из данной группы риска, редко или вовсе не посещающие детский сад. По мнению авторов исследования, образовательную среду следует рассматривать как фактор, оказывающий существенное влияние на когнитивное развитие дошкольников.

Исследовательский коллектив во главе с Burchinal M. и коллеги поставили перед собой цель выяснить, каково влияние качества образовательной среды на

когнитивное и коммуникативное развитие дошкольников [40]. В исследовании приняли участие 1 307 детей 4–5 лет, посещавших в течение года детские сады трех типов: с низким, средним и высоким качеством образовательной среды (по ECERS-R). Комплексная оценка психического развития детей была произведена в начале и в конце учебного года. Результаты анализа полученных данных свидетельствуют о том, что качество образовательной среды выступило статистически значимым предиктором речевого развития и академических успехов детей. Дети, получившие опыт длительного посещения детского сада с высоким или средним качеством образовательной среды, к моменту финальной диагностики имели меньше поведенческих проблем и более высокие показатели речевого развития, чтения и счета, чем воспитанники групп с низким качеством образовательной среды.

Howes C. с коллегами также анализировали влияние качества образовательной среды на формирование готовности к школьному обучению у детей [32]. В своем исследовании они использовали оба инструмента:

CLASS и ECERS-R. В исследовании участвовали 2 800 детей 3–4 лет. К показателям готовности к школьному обучению исследователи отнесли способность к восприятию и пониманию дошкольником устной речи, знание букв (чтение), решение простых арифметических задач и способность понимать и принимать социальные правила. Исследователи обнаружили, что воспитанники групп, в которых отмечается позитивная атмосфера и применяются дискуссионные методы в ведении занятий, имеют более богатый словарный запас и начальные навыки чтения, по сравнению с детьми из детских садов, где педагог редко организовывал групповые обсуждения, дискуссии. При этом исследователи отмечают, что ни один показатель качества образовательной среды не оказался связан с успехами детей в математическом развитии.

Данные крупных американских исследований (NCEDL, SWEEP) были объединены в проекте Curby T. и коллег для совместного анализа развития детей, включенных в группы с различными уровнями качества образовательные среды [43]. Среди групп детских садов были выделены типы с максимально низкими и высокими оценками CLASS, а также три типа, соответствующих максимальной оценке по каждому из параметров. В исследовании приняли участие 2 028 детей. Исследователями были проанализированы данные по развитию речи, чтения, начальных математических представлений у воспитанников детских садов каждого типа. В результате были обнаружены статистически значимые различия между результатами детей, посещавших детские сады с максимально высокими и низкими оценками CLASS. Воспитанники детских садов с высокими оценками существенно лучшеправляются с решением простых математических задач, а также имеют более развитую речь по сравнению с воспитанниками групп с низкими оценками.

Лонгитюдное исследование Peisner-Feinberg E. и коллег было направлено на анализ связи качества образовательной среды с траекториями когнитивного и социального развития детей [41]. В течение трех лет исследовательская группа наблюдала за 399 детьми с 5 до 8 лет. Финальное психологическое обследование было проведено на момент окончания детьми второго класса школьного обучения. Для получения общей оценки качества образовательной среды в исследовании были использованы шкалы ECERS-R. Согласно результатам исследования опыт дошкольного образования оказывает долгосрочный эффект на когнитивное и социальное развитие детей. Так, вплоть до второго класса обучения у детей, посещавших детские сады с различным качеством образовательной среды, наблюдаются значимые различия в результатах речевого развития и академических успехах. Те дети, которые посещали группы с высоким качеством среды, имеют существенно более богатый словарный запас, интерес к познавательной деятельности и когнитивные достижения.

Связь образовательной среды и эмоционально-личностного развития детей

В табл. 2 представлены результаты обзора корреляционных исследований связи общей оценки по ме-

тодике ECERS-R с эмоционально-личностным развитием детей. Статистически значимая связь на уровне тенденции была обнаружена лишь в одном исследовании [33]: воспитанники групп с высоким качеством образовательной среды легче вступают во взаимодействие с другими детьми, чем дети из групп с низким качеством среды. В исследованиях не было обнаружено статистически значимых связей между полным показателем методики ECERS-R и наличием выраженной поведенческих проблем у детей [31, 32]; коммуникативным развитием детей [31–34, 37].

Анализ связи качества образовательной среды с эмоционально-личностным развитием и поведенческими проблемами был осуществлен в работе Broekhuizen M. и коллег [44]. В исследовании приняли участие 1 013 детей, дважды проходивших психологическую диагностику: при поступлении в детский сад и на момент перехода в первый класс. Сопоставление групповых дисперсий детей, получивших различный опыт дошкольного образования, убедительно свидетельствовало о влиянии качества образовательной среды на траектории развития детей. Так, дети, посещавшие группы с высокими оценками методики CLASS по параметрам Эмоциональная поддержка и Организация в группе, демонстрируют более высокий уровень эмоционально-личностного развития и реже страдают от поведенческих проблем, чем дети из низкокачественных групп. Дизайн проведенного исследования позволяет не только зафиксировать связи, но также и утверждать, что оценки CLASS по параметрам Эмоциональная поддержка и Организация в группе выступают мощными предикторами эмоционально-личностного развития.

Аналогичное исследование, но с применением ECERS-R, было проведено Hall J. и коллегами [35]. В исследовании приняли участие 2 587 детей от 3 до 5 лет. Несколько лет исследователи наблюдали за их когнитивным и эмоционально-личностным развитием. В результате применения процедур регрессионного анализа они обнаружили, что как глобальная оценка ECERS-R, так и некоторые ее шкалы, рассматриваемые отдельно, выступают статистически значимыми факторами развития. Общая оценка ECERS-R и оценка по шкале Речь и мышление являются предикторами развития способности детей к кооперации друг с другом. Шкала Взаимодействие выступает мощным фактором сразу для нескольких линий психического развития дошкольников: развитие математических представлений, независимость поведения, способность концентрироваться на самостоятельной деятельности, способность вступать в кооперацию и взаимодействовать с другими детьми.

Clawson C. и Luze G. изучали эмоционально-личностное поведенческое развитие детей, посещавших детские сады с различными уровнями качества образовательной среды [42]. В исследовании приняли участие 60 детей от 4 до 5 лет. С помощью ECERS-R группы были разделены на три типа по уровню качества среды. Были получены сведения о наличии и степени выраженности у детей поведенческих проблем, депрессии, тревожности, агрессивности. Результаты свидетельствуют о том, что у

детей из групп с высоким и средним уровнем качества среды проблемы поведенческого и эмоцио-

нально-личностного характера встречаются реже, чем у воспитанников групп с низким качеством.

Таблица 2

Связь общей оценки по методике ECERS-R с показателями эмоционально-личностного развития

Методика	Исследование	r-Pearson	Выборка	
Problem behaviors (CBI) [16]	Peisner-Feinberg 1997	0,02	546	◆
	Howes 2008	0,02	2042	◆
		0,02	2588	◆
Sociability (CBI) [16]	Peisner-Feinberg 1997	0,01	546	◆
	Pinto 2013	0,07	95	◆
	Abreu-Lima 2012	0,14	215	◆
		0,09	856	◆
Social competence Scale [17]	Howes 2008	0,00	2044	◆
Adaptive Social Behavior (CSBQ) [19]	Hall 2013	0,00	2862	◆
Antisocial Behavior (CSBQ) [19]	Hall 2013	0,00	2862	◆
Aggression problems (DECA-C) [21]	Marzouk 2016	0,08	141	◆
Emotional control (DECA-C) [21]	Marzouk 2016	0,08	141	◆
Depression problems (DECA-C) [21]	Marzouk 2016	0,06	141	◆
Social Skills Rating System [18]	Jeon 2010	0,23*	138	◆
				6159

Примечания. Уровень статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < .05$ и ** – $p < .01$, в остальных случаях коэффициенты корреляции статистически незначимы; в последнем столбце представлено графическое отображение положения коэффициента корреляции в диапазоне от –1 до 1, где вертикальная ось соответствует отсутствию связи; более светлые ромбы отображают значение средней тенденции связи по однородным показателям развития.

В описанном раннее проекте Curby T. нашло подтверждение предположение исследователей о связи качества среды с коммуникативным развитием детей [43]. Воспитанники детских садов с высокой оценкой по параметру Эмоциональная поддержка (CLASS) продемонстрировали более высокие результаты развития социальной компетентности, чем остальные дети. Они увереннее вступали во взаимодействие с другими детьми, поддерживали отношения кооперации.

Hyun-Joo J. с коллегами проанализировали влияние образовательной среды на формирование готовности детей к школьному обучению [33]. В выборку были включены 138 детей 5-летнего возраста. При помощи ECERS-R группы были разделены на три типа: с высокими, средними и низкими оценками ECERS-R. В рассматриваемом исследовании оценка качества образовательной среды выступила предиктором только эмоционально-личностного развития детей: дети из групп с низкой оценкой ECERS-R испытывали сложности в процессе взаимодействия со сверстниками, но не с освоением учебного материала.

Связь образовательной среды и развития регуляторных функций

В табл. 3 представлены результаты обзора корреляционных исследований связи общей оценки по методике ECERS-R с развитием регуляторных функций. Ни в одном из четырех исследований статистически значимых связей между развитием регуляторных функций и качеством образовательной среды обнаружено не было.

Далее в табл. 4 и 5 представлены результаты обзора корреляционных исследований связи показателей CLASS (Эмоциональная поддержка и Методическая поддержка) с уровнем развития регуляторных функций.

В исследовании Duval S. были выявлены связи на уровне тенденции между CLASS (Эмоциональная поддержка) и результатами оценки рабочей памяти и торможения [39]. Дети, посещавшие группы детских садов с более высокими оценками по параметру Эмоциональная поддержка (CLASS), продемонстрировали более высокие показатели развития слуховой рабочей памяти и торможения, чем дети, имевшие опыт посещения групп с низким качеством образовательной среды.

Таблица 3

Связь общей оценки по методике ECERS-R с показателями развития регуляторных функций

Методика	Исследование	r-Pearson	Выборка	
Cognitive attention (CBI) [16]	Peisner-Feinberg 1997	0,03	546	
	Abreu-Lima 2012	0,08	215	
		0,06	761	
Self-Regulation (CSBQ) [19]	Hall 2013	0,06	2862	
Self-regulation (DECA-C) [21]	Marzouk 2016	0,10	141	
				3979

Примечания. Уровень статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < .05$ и ** – $p < .01$, в остальных случаях коэффициенты корреляции статистически незначимы; в последнем столбце представлено графическое отображение положения коэффициента корреляции в диапазоне от –1 до 1, где вертикальная ось соответствует отсутствию связи; более светлые ромбы отображают значение средней тенденции связи по однородным показателям развития.

Таблица 4

Связь показателя Эмоциональная поддержка методики CLASS и регуляторных функций

Методика	Исследование	r-Pearson	Выборка	
Self-regulation composite [23]	Rimm-Kaufman 2009	0,00	172	
Balance Beam [23]	Rimm-Kaufman 2009	0,05	172	
Pencil Tap [23]	Rimm-Kaufman 2009	0,02	172	
Forward and Backward Digit Span [24]	Duval 2016	0,22*	118	
The Day–Night task [25]	Duval 2016	0,21*	118	
NEPSY-II Statue subtest [30]	Duval 2016	0,08	118	
DCCS [26]	Duval 2016	0,16	118	
Tower [22]	Duval 2016	-0,02	118	
				290

Примечания. Уровень статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < .05$ и ** – $p < .01$, в остальных случаях коэффициенты корреляции статистически незначимы; в последнем столбце представлено графическое отображение положения коэффициента корреляции в диапазоне от –1 до 1, где вертикальная ось соответствует отсутствию связи; более светлые ромбы отображают значение средней тенденции связи по однородным показателям развития.

Между оценкой CLASS по параметру Организация группы и развитием регуляторных функций у воспитанников статистически значимых связей не было обнаружено ни в одном из рассматриваемых исследований [38, 39].

Исследовательская группа Weiland C. представила результаты исследования связи качества образовательной среды с развитием речи и регуляторных функций [46]. В исследовании приняло участие 414 детей в возрасте 4–5 лет, у которых был оценен уровень развития компонентов регуляторных функций (сдерживающий контроль, память и переключение). Для оценки качества образовательной среды были использованы инструменты ECERS-R и CLASS. В результате применения процедур корреляционного анализа не было обнаружено связей между качеством образовательной среды и показателями речевого и регуляторного развития детей. Однако при применении процедуры регрессионного анализа были обнаружены значимые предикторы формирования у детей сдерживающего контроля –

параметры CLASS Эмоциональная поддержка и Организация группы. Оказалось, что сдерживающий контроль лучше развит у детей из групп с низкими и высокими оценками CLASS. При средних оценках CLASS дети демонстрируют наиболее низкий уровень развития сдерживающего контроля. Схожие результаты были получены в исследовании Bodrova E. и коллег [45]. Авторы предполагают, что высокое качество образовательной среды стимулирует развитие компонентов регуляторных функций благодаря тому, что педагоги стимулируют развитие выбора и рефлексии у детей. Авторы не предприняли попытки объяснить, по каким причинам уровень развития регуляторных функций высок не только у воспитанников групп с высокими оценками CLASS, но также и групп с низкими оценками.

Namge B. и коллеги провели крупномасштабное исследование связи процессуального качества с развитием регуляторных функций [47]. Для оценки процессуального качества была использована методика CLASS. В исследовании приняли участие воспитан-

ники 325 групп детских садов США. Общая совокупность выборки составила 1 407 детей в возрасте от 4 до 5 лет. Обследование регуляторных функций было

проведено дважды (в начале и конце учебного года). Оно включало в себя оценку двух компонентов регуляторных функций (торможение и рабочая память).

Таблица 5

Методика	Исследование	r-Pearson	Выборка	
Self-regulation composite [23]	Rimm-Kaufman 2009	-0,07	172	
Balance Beam [23]	Rimm-Kaufman 2009	-0,04	172	
Pencil Tap [23]	Rimm-Kaufman 2009	0,08	172	
Forward and Backward Digit Span [24]	Duval 2016	-0,04	118	
The Day–Night task [25]	Duval 2016	0,03	118	
NEPSY-II Statue subtest [30]	Duval 2016	0,02	118	
DCCS [26]	Duval 2016	0,04	118	

290

Примечания. Уровень статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < .05$ и ** – $p < .01$, в остальных случаях коэффициенты корреляции статистически незначимы; в последнем столбце представлено графическое отображение положения коэффициента корреляции в диапазоне от –1 до 1, где вертикальная ось соответствует отсутствию связи; более светлые ромбы отображают значение средней тенденции связи по однородным показателям развития.

Как и предполагали исследователи, дети из групп с высокой оценкой по шкале Методическая поддержка демонстрировали более высокие результаты в прохождении тестов на рабочую память, чем дети из групп, в которых оценки были низкие. В группах с высокими оценками по шкале Организация класса воспитанники продемонстрировали более высокие результаты при решении задач на торможение, чем дети из групп с низкой оценкой по данной шкале.

Обсуждение результатов

Нами был проведен обзор 20 исследований, направленных на анализ связи качества образовательной среды и психического развития детей дошкольного возраста. В статье рассмотрены связи между общей оценкой по методике ECERS-R и тремя шкалами методики CLASS (Эмоциональная поддержка, Методическая поддержка и Организация группы) с результатами детей в когнитивном, эмоционально-личностном и регуляторном развитии. Результаты анализа исследований по каждому из перечисленных направлений психического развития представлены в виде обобщенного обзора корреляционных исследований и в виде систематического обзора исследований с использованием дисперсионных и регрессионных процедур анализа данных.

Обзор 9 корреляционных исследований не выявил значимых связей между качеством образовательной среды и психическим развитием детей. Лишь в нескольких исследованиях были обнаружены статистически значимые связи на уровне тенденций [31, 34, 37]. Так, положительная, но слабая корреляционная связь была обнаружена в исследовании когнитивного развития детей Peisner-Feinberg E.: воспитанники дет-

ских садов с высоким качеством образовательной среды обладают более широким словарным запасом и успешнее решают простые математические задачи. Huiп-Joo J. и коллеги обнаружили связь между высоким качеством образовательной среды с развитием у детей навыков сотрудничества с другими детьми. В исследованиях связи регуляторных функций и качества образовательной среды статистически значимые связи были обнаружены только в отношении показателя Эмоциональная поддержка методики CLASS. Так, исследовательская группа во главе с Duval выявила связь между оценкой CLASS по данному параметру с результатами развития рабочей памяти и торможения у детей. Развитие математических навыков и представлений в некоторых исследованиях оказалось связано со средой, а в некоторых – нет. Несогласованность полученных результатов, возможно, связана с использованием в работах различных диагностических инструментов оценки развития математических навыков и представлений у детей.

Авторы исследований предлагают несколько возможных объяснений того, почему в корреляционных исследованиях не было обнаружено значимых связей между качеством образовательной среды и психическим развитием детей. Первое, весьма радикальное – результаты развития дошкольников действительно не связаны с качеством образовательной среды, поскольку вклад домашнего окружения ребенка является более значимым [33]. Второе объяснение исходит из предположения о недостаточной эффективности инструментов оценки качества образовательной среды и недостаточным контролем побочных переменных [34]. Иное возможное объяснение затрагивает способ анализа данных: в исследованиях анализируется связь между общей оценкой качества среды и показателями

психического развития детей. Общая оценка включает в себя все оцениваемые параметры, которые могут оказывать разное влияние на детское развитие. В связи с этим более интересным представляется анализ связей отдельных шкал с показателями детского развития. Последнее заключается в возможной низкой эффективности применения корреляционных процедур обработки данных ввиду нелинейности рассматриваемых отношений [46]. В качестве более адекватных средств анализа данных мы предлагаем рассматривать дисперсионные и регрессионные процедуры, об эффективности которых свидетельствуют результаты систематического обзора.

В обзоре 11 исследований, проведенных с использованием регрессионных и дисперсионных процедур анализа данных, нами было зафиксировано большое количество связей между качеством образовательной среды и показателями психического развития детей. В большинстве рассмотренных исследований обнаружены схожие результаты, свидетельствующие о том, что дети с опытом длительного посещения детского сада с высокой оценкой по методикам ECERS-R или CLASS имеют меньше поведенческих проблем и более высокие показатели речевого развития, чтения и счета, чем воспитанники групп с низким качеством образовательной среды. Методика CLASS, в отличие от ECERS-R, выступает предиктором также и для развития регуляторных функций. В нескольких исследованиях с применением методик CLASS и ECERS-R уровень развития регуляторных функций у детей был связан только с параметрами CLASS.

В качестве ограничений данного обзора выступают сравнительно небольшое количество анализируемых источников. Кроме того, в данной работе не было учтено возможное влияние на психическое развитие детей таких моделирующих переменных, как социально-экономический статус и национальные особенности семей, принимавших участие в рассмотренных исследованиях; фактор возрастной гомогенности групп детских садов; культурные и социальные особенности регионов, в которых были проведены исследования (Европа, Латинская Америка, США, Азия и др.). Не во всех рассматриваемых нами исследованиях данные факторы были учтены. Отдельно следует отметить и то, что нами были проанализированы связи психического развития детей с общей оценкой методики ECERS-R, а не с ее частными шкалами, что в ряде случаев может существенно занижать показатели

возможных эффектов развития, в отличие от использования частных показателей методики. К тому же разные показатели среды, оцениваемые методикой ECERS-R, могут оказывать разное влияние на развитие психических функций дошкольников. Эту идею подтверждают исследования, в которых анализировались связи отдельных шкал методики CLASS и было показано, что уровень организации работы в группе не имеет связей с когнитивным развитием дошкольников, а также нелинейно связан с развитием сдерживающего контроля. Подобных исследований, в которых бы анализировались связи отдельных характеристик среды с показателями психического развития детей, сравнительно мало, а имеющиеся данные зачастую противоречивы. Таким образом, данная проблематика требует дальнейшего изучения и уточнения выявленных в зарубежных исследованиях взаимосвязей на российской выборке.

Заключение

Результаты обзора корреляционных исследований позволили обнаружить лишь связи на уровне тенденции между структурным и процессуальным компонентами качества образовательной среды с показателями когнитивного, регуляторного и эмоционально-личностного развития детей дошкольного возраста. В то время как исследования с использованием регрессионных и дисперсионных процедур анализа данных убедительно показывают, что оценка качества образовательной среды обладает прогностическими возможностями в отношении психического развития детей. В ряде исследований обнаружено, что когнитивное и эмоционально-личностное развитие детей осуществляется более интенсивно в группах с высокими оценками по методикам CLASS и ECERS-R, чем в группах с низкими и средними оценками. Развитие регуляторных функций связано с процессуальным компонентом качества образовательной среды, оцениваемым методикой CLASS. В рассмотренных исследованиях не было выявлено связи оценки по методике ECERS-R с показателями развития регуляторных функций у детей.

В итоге отметим, что аналогичных исследований связи качества дошкольного образования с показателями психического развития детей в России пока не проводилось. Данная область исследований требует дальнейшей проработки и уточнения взаимосвязей на российской выборке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pianta R., Burchinal M., Barnett E., Thornburg K. Preschool in the United States: What we know, what we need to know, and implications for policy and research // Psychological Science in the Public Interest. 2009. Vol. 10. P. 49–88.
2. Burchinal M., Kainz K., Cai Y. How well do our measures of quality predict child outcomes? A meta-analysis and coordinated analysis of data from large-scale studies of early childhood settings // Quality measurement in early childhood settings. Baltimore, MD : Brooks. 2011.
3. Camilli G., Vargas S., Ryan S., Barnett W. Meta-analysis of the effects of early education interventions on cognitive and social development // Teachers College Record. 2010. P. 579–620.
4. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Оценка качества дошкольного образования: зарубежный опыт // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2011. № 3. С. 22–31.
5. Шиян О.А. Новые представления о качестве дошкольного образования и механизмы его поддержки: международный контекст // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. № 5. С. 68–78.
6. Выготский Л.С. Детская психология. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М. : Педагогика, 1984. 432 с.
7. Эльконин Д.Б. Детская психология : учеб. пособие. М. : Академия, 2006. 384 с.
8. NICHD Early Child Care Research Network. Child-care structure process outcome: direct and indirect effects of child-care quality on young children's development // Psychol Sci. 2002. P. 199–206.

9. Harms T., Clifford R.M., Cryer D. Early Childhood Environment Rating Scale (ECERS-R) Revised Editio. N.Y., 2015.
10. Pianta R., LaParo K., Hamre B. Classroom Assessment Scoring System PreK manual // Baltimore, MD : Brookes. 2008.
11. Tietze W., Cryer D., Bairrao J., Palacios J., Wetzel G. Comparisons of observed process quality in early child care and education programs in five countries // Early Childhood Research Quarterly. 1996. Vol. 11 (4). P. 447–475.
12. Henry G., Henderson L., Ponder B., Gordon C., Mashburn A., Rickman D. Report of the findings from the early childhood study // Georgia State University, School of Policy Studies. 2003.
13. Dunn L.M., Dunn L.M. Peabody Picture Vocabulary Test – third edition // Circle Pines, MN: American Guidance Service. 1997.
14. Elliot C.D., Smith P., McCulloch K. British Ability Scales second edition (BAS II) // Windsor, UK: NFER-NELSON. 1996.
15. Woodcock-Johnson III Tests of Achievement. Itasca, IL: The Riverside Publishing Company.
16. Schaefer E.S., Edgerton M., Aaronson M. Classroom behavior inventory // Unpublished rating scale. 1978.
17. Kohn M., Rosman B.L. A social competence scale and symptom checklist for the preschool child. Factor dimensions, their cross-instrument generality and longitudinal persistence // Developmental Psychology. 1972. Vol. 6. P. 430–444.
18. Gresham F.M., Elliott S.N. Social Skills Rating System. Circle Pines. MN: American Guidance Service, 1990.
19. Sammons P., Sylva K., Melhuish E.C., Siraj-Blatchford I., Taggart B., Elliot K. The Effective Provision of Pre-school Education Project (EPPE) // Technical Paper 8b: Measuring the impact of pre-school on children's socio-behavioural development over the pre-school period. London: University of London, 2003. P. 23–24.
20. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology. 2000. Vol. 41. P. 49–100.
21. LeBuffe P.A., Naglieri J.A. Devereux early childhood assessment clinical form (DECA-C). Lewisville, NC: Kaplan Press, 2003.
22. Kaller C.P., Unterrainer J.M., Rahm B., Halsband U. The impact of problem structure on planning: Insights from the Tower of London task // Cognitive Brain Research. 2004. Vol. 20. P. 462–472.
23. Smith-Donald R., Raver C.C., Hayes T., Richardson B. Preliminary construct and concurrent validity of the Preschool Self-Regulation Assessment (PRSA) for field-based research // Early Childhood Research Quarterly. 2007. Vol. 22. P. 173–187.
24. Carlson S.M. Developmentally sensitive measures of executive function in preschool children // Developmental Neuropsychology. 2005. Vol. 28. P. 595–616.
25. Gerstadt C., Hong Y., Diamond A. The relationship between cognition and action: Performance of children 3–7 years old on a stroop-like day-night test // Cognition. 1994. Vol. 53. P. 129–153.
26. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A method of assessing executive function in children // Nature Protocols. 2006. Vol. 1. P. 297–301.
27. Griffiths R. As Escalas Griffiths adaptadas ao Português: Versão parcial para investigac, ão (The Griffiths Scales adapted to Portuguese: Partial version for research purposes) // Laboratório de Fala, Faculdade de Psicologia e de Ciências da Educac, ão da Universidade do Porto, 1996.
28. Clay M. Segue-me, lua: Adaptac, ão portuguesa (Follow me, moon: Portuguese version) // Centro de Psicologia, Universidade do Porto, Portugal, 2003.
29. Wechsler D. Wechsler intelligence scale for children fourth edition. San Antonio : Pearson, 2003.
30. Korkman M., Kirk, U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
31. Peisner-Feinberg E.S., Burchinal M.R. Relations between preschool children, child care experiences, and concurrent development: The Cost, Quality, and Outcomes Study // Merrill-Palmer Quarterly. 1997. Vol. 43. P. 451–477.
32. Howes C., Burchinal M., Pianta R., Bryant D., Early D., Clifford R. et al. Ready to learn? Children's pre-academic achievement in pre-kindergarten programs // Early Childhood Research Quarterly. 2008. P. 27–50.
33. Jeon H., Langill C., Peterson C., Luze G., Carta J., Atwater J. Children's Individual Experiences in Early Care and Education: Relations With Overall Classroom Quality and Children's School Readiness // Early Education and Development. 2010. Vol. 21. P. 912–939.
34. Pinto A.I., Pessanha M., Aguiar C. Effects of home environment and center-based child care quality on children's language, communication, and literacy outcomes // Early Childhood Research Quarterly. 2013. Vol. 28. P. 94–101.
35. Hall J., Sylva K., Sammons P., Melhuish E., Siraj-Blatchford I., Taggart B. Can preschool protect young children's cognitive and social development? Variation by center quality and duration of attendance // School Effectiveness and School Improvement: An International Journal of Research, Policy and Practice. 2013. P. 155–176.
36. Hemdan M., Marzouk M. The association between preschool classroom quality and children's social-emotional problems // Early Child Development and Care. 2016. P. 1302–1315.
37. Abreu-Lima I., Leal T., Cadima J., Gamelas A. Predicting child outcomes from preschool quality in Portugal // Euro Psychological Education. 2013. P. 390–420.
38. Rimm-Kaufman S.E., Curby T.W., Grimm K.J., Nathanson, L., Brock L. The contribution of children's self-regulation and classroom quality to children's adaptive behaviors in the kindergarten classroom // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45. P. 958–972.
39. Duval S., Bouchard C., Pagé P., Hamel C. Quality of classroom interactions in kindergarten and executive functions among five year-old children // Cogent Education. 2016. Vol. 3. P. 120–129.
40. Burchinal M., Peisner-Feinberg E., Bryant M., Clifford R. Children's Social and Cognitive Development and Child-Care Quality: Testing for Differential Associations Related to Poverty, Gender, or Ethnicity // Applied Developmental Science. 2000. P. 149–165.
41. Peisner-Feinburg E.S., Burchinal M.R., Clifford R.M., Culkin M.L., Howes C., Kagan S.L., Yazejian N. The relation of preschool child-care quality to children's cognitive and social developmental trajectories through second grade // Child Development. 2001. Vol. 72 (5). P. 1534–1554.
42. Clawson C., Luze G. Individual experiences of children with and without disabilities in early childhood settings // Topics in Early Childhood Special Education. 2008. Vol. 28 (3). P. 132–147.
43. Curby T.W., LoCasale-Crouch J., Konold T.R., Pianta C.R., Howes C., Burchinal M., Bryant D., Clifford R., Early D., Barbarin O. The Relations of Observed Pre-K Classroom Quality Profiles to Children's Achievement and Social Competence // Early Education and Development. 2009. Vol. 20 (2). P. 346–372.
44. Broekhuizen M.L., van Aken M.A.G., Dubas J.S., Mulder H., Leseman P.P.M. Individual differences in effects of child care quality: The role of child affective self-regulation and gender // Infant Behavior and Development. 2015. Vol. 40. P. 216–230.
45. Bodrova E., Leong D.J. Self-regulation as a key to school readiness: How early childhood teachers can promote this critical competency // Critical issues in early childhood professional development. 2006. 5th ed. P. 203–224.
46. Weiland C., Ulvestad K., Sachse J., Yoshikawa H. Associations between classroom quality and children's vocabulary and executive functions skills in an urban public prekindergarten program // Early Childhood Research Quarterly. 2013. Vol. 28. P. 199–209.
47. Hamre B., Hatfield B., Pianta R., Jamil F. Evidence for general and domain-specific elements of teacher-child interactions: associations with preschool children's development // Child Development. 2014. Vol. 85. P. 1257–1274.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 7 мая 2018 г.

CONNECTION BETWEEN THE CLASSROOM QUALITY OF A PRE-SCHOOL INSTITUTION AND CHILDREN'S OUTCOMES: A THEORETIC OVERVIEW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 135–145.

DOI: 10.17223/15617793/433/19

Margarita N. Gavrilova, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: margaret.martynenko@gmail.com

Alexandr N. Veraksa, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: veraksa@yandex.ru

Daria A. Bukhalenkova, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Keywords: ECERS-R; CLASS; emotional support; instructional support; classroom organization; classroom quality; preschool age.

The paper presents a systematic review of studies of the connection between preschool children outcomes and the quality of the classroom educational environment. The ECERS-R and CLASS tools were used in these studies for the quality assessment of the educational environment. The ECERS-R provides a global assessment of the environmental quality, which is calculated on the basis of individual areas of assessment: Space and Its Arrangement, Child Care and Supervision, Speech and Thinking, Activities, Children's Activity, Interaction, Program Structuring, Parents and Staff. The CLASS is developed for a more detailed assessment of teacher-child interactions and includes three parameters: Emotional Support, Classroom Organization and Instructional Support. Thus, the ECERS-R provides information on the structural component of the quality of the educational environment to a greater extent, whereas the CLASS provides information on the process component. The review included 20 studies that examined the relationship between the indicators of children's mental development with a general assessment using the ECERS-R and three scales of the CLASS. The results of the research analysis are presented in the form of a generalized review of correlation studies and a systematic review of studies using dispersion and regression procedures for data analysis. The review of correlation studies made it possible to find links at the level of the tendency between structural and process components of educational quality with indicators of cognitive, executive functions and emotional-personal development of preschool children. While studies using regression and dispersion procedures of data analysis convincingly show that the quality evaluation of the educational environment has predictive capabilities for the mental development of children, several studies have found that children's cognitive and emotional-personal development is more intensive in groups with higher scores on the CLASS and ECERS-R, than in groups with low and average ratings. The development of executive functions is related to the procedural component of the quality of the educational environment, as assessed by the CLASS. In the reviewed studies, there was no correlation between the ECERS-R assessment and the development of children's executive functions. This review can be useful for researchers of the quality of preschool education in Russia, since it presents systematic results of foreign studies and information on the effectiveness of methods they use. The study of the connection between the quality of the educational environment and the successes of the mental development of preschool children requires a further study using the Russian sampling.

REFERENCES

1. Pianta, R., Burchinal, M., Barnett, E. & Thornburg, K. (2009) Preschool in the United States: What we know, what we need to know, and implications for policy and research. *Psychological Science in the Public Interest*. 10. pp. 49–88.
2. Burchinal, M., Kainz, K. & Cai, Y. (2011) How well do our measures of quality predict child outcomes? A meta-analysis and coordinated analysis of data from large-scale studies of early childhood settings. In: Zaslow, M. et al. (eds) *Quality measurement in early childhood settings*. Baltimore, MD: Brooks.
3. Camilli, G., Vargas, S., Ryan, S. & Barnett, W. (2010) Meta-analysis of the effects of early education interventions on cognitive and social development. *Teachers College Record*. 112(3). pp. 579–620.
4. Veraksa, N.E. & Veraksa, A.N. (2011) Otsenka kachestva doshkol'nogo obrazovaniya: zarubezhnyy opyt [Quality assessment of preschool education: foreign experience]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*. 3. pp. 22–31.
5. Shiyan, O.A. (2013) Novye predstavleniya o kachestve doshkol'nogo obrazovaniya i mekhanizmy ego podderzhki: mezhdunarodnyy kontekst [New ideas about the quality of preschool education and the mechanisms of its support: the international context]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*. 5. pp. 68–78.
6. Vygotskiy, L.S. (1984) *Detskaya psichologiya. Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Child psychology. Collected Works: in 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
7. El'konin, D.B. (2006) *Detskaya psichologiya* [Child psychology]. Moscow: Akademiya.
8. NICHD Early Child Care Research Network. (2002) Child-care structure process outcome: direct and indirect effects of child-care quality on young children's development. *Psychol Sci*. 13 (3). pp. 199–206. DOI: 10.1111/1467-9280.00438
9. Harms, T., Clifford, R.M. & Cryer, D. (2015) *Early Childhood Environment Rating Scale (ECERS-R)*. Revised Edition. N.Y.: Teachers College Press.
10. Pianta, R., LaParo, K. & Hamre, B. (2008) *Classroom Assessment Scoring System PreK manual*. Baltimore, MD: Brookes.
11. Tietze, W. et al. (1996) Comparisons of observed process quality in early child care and education programs in five countries. *Early Childhood Research Quarterly*. 11 (4). pp. 447–475.
12. Henry, G. et al. (2003) *Report of the findings from the early childhood study*. Georgia State University, School of Policy Studies.
13. Dunn, L.M. & Dunn, L.M. (1997) *Peabody Picture Vocabulary Test – third edition*. Circle Pines, MN: American Guidance Service.
14. Elliot, C.D., Smith, P. & McCulloch, K. (1996) *British Ability Scales second edition (BAS II)*. Windsor, UK: NFER-NELSON.
15. Riverside Publishing Company. (2001) *Woodcock-Johnson III Tests of Achievement*. Itasca, IL: The Riverside Publishing Company.
16. Schaefer, E.S., Edgerton, M. & Aaronson, M. (1978) *Classroom behavior inventory*. Unpublished Rating Scale.
17. Kohn, M. & Rosman, B.L. (1972) A social competence scale and symptom checklist for the preschool child. Factor dimensions, their cross-instrument generality and longitudinal persistence. *Developmental Psychology*. 6. pp. 430–444.
18. Gresham, F.M. & Elliott, S.N. (1990) *Social Skills Rating System*. Circle Pines, MN: American Guidance Service.
19. Sammons, P. et al. (2003) The Effective Provision of Pre-School Education Project (EPPE). In: *Technical Paper 8b: Measuring the impact of pre-school on children's socio-behavioural development over the pre-school period*. London: University of London.
20. Miyake, A. et al. (2000) The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*. 41. pp. 49–100.
21. LeBuffe, P.A. & Naglieri, J.A. (2003) *Devereux Early Childhood Assessment Clinical Form (DECA-C)*. Lewisville, NC: Kaplan Press.
22. Kaller, C.P., Unterrainer, J.M., Rahm, B. & Halsband, U. (2004) The impact of problem structure on planning: Insights from the Tower of London task. *Cognitive Brain Research*. 20. pp. 462–472. DOI: 10.1016/j.cogbrainres.2004.04.002
23. Smith-Donald, R., Raver, C.C., Hayes, T. & Richardson, B. (2007) Preliminary construct and concurrent validity of the Preschool Self-Regulation Assessment (PRSA) for field-based research. *Early Childhood Research Quarterly*. 22. pp. 173–187.

24. Carlson, S.M. (2005) Developmentally sensitive measures of executive function in preschool children. *Developmental Neuropsychology*. 28. pp. 595–616.
25. Gerstadt, C., Hong, Y. & Diamond, A. (1994) The relationship between cognition and action: Performance of children 3–7 years old on a stroop-like day-night test. *Cognition*. 53. pp. 129–153.
26. Zelazo, P.D. (2006) The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A method of assessing executive function in children. *Nature Protocols*. 1. pp. 297–301. DOI: 10.1038/nprot.2006.46
27. Griffiths, R. (1996) *As Escalas Griffiths adaptadas ao Português: Versão parcial para investigac. ão (The Griffiths Scales adapted to Portuguese: Partial version for research purposes)*. Speech Laboratory, Faculty of Psychology and Educational Sciences of the University of Porto.
28. Clay, M. (2003) Segue-me, lua: Adaptac, ão portuguesa (Follow me, moon: Portuguese version). Psychology Center, University of Porto, Portugal.
29. Wechsler, D. (2003) *Wechsler intelligence scale for children*. 4th edition. San Antonio: Pearson.
30. Korkman, M., Kirk, U. & Kemp, S.L. (2007) *NEPSY II. Administrative manual*. San Antonio, TX: Psychological Corporation.
31. Peisner-Feinberg, E.S. & Burchinal, M.R. (1997) Relations between preschool children, child care experiences, and concurrent development: The Cost, Quality, and Outcomes Study. *Merrill-Palmer Quarterly*. 43. pp. 451–477.
32. Howes, C. et al. (2008) Ready to learn? Children's pre-academic achievement in pre-kindergarten programs. *Early Childhood Research Quarterly*. 23 (1). pp. 27–50.
33. Jeon, H. et al. (2010) Children's Individual Experiences in Early Care and Education: Relations With Overall Classroom Quality and Children's School Readiness. *Early Education and Development*. 21. pp. 912–939.
34. Pinto, A.I., Pessanha, M. & Aguiar, C. (2013) Effects of home environment and center-based child care quality on children's language, communication, and literacy outcomes. *Early Childhood Research Quarterly*. 28. pp. 94–101.
35. Hall, J. et al. (2013) Can preschool protect young children's cognitive and social development? Variation by center quality and duration of attendance. *School Effectiveness and School Improvement: An International Journal of Research, Policy and Practice*. 24(24). pp. 155–176. DOI: 10.1080/09243453.2012.749793
36. Hemdan, M. & Marzouk, M. (2016) The association between preschool classroom quality and children's social-emotional problems. *Early Child Development and Care*. 186(8). pp. 1302–1315. DOI: 10.1080/03004430.2015.1092140
37. Abreu-Lima, I., Leal, T., Cadima, J. & Gamelas, A. (2013) Predicting child outcomes from preschool quality in Portugal. *Euro Psychological Education*. 28(2). pp. 390–420. DOI: 10.1007/s10212-012-0120-y
38. Rimm-Kaufman, S.E. et al. (2009) The contribution of children's self-regulation and classroom quality to children's adaptive behaviors in the kindergarten classroom. *Developmental Psychology*. 45(4). pp. 958–972. DOI: 10.1037/a0015861
39. Duval, S., Bouchard, C., Pagé, P. & Hamel, C. (2016) Quality of classroom interactions in kindergarten and executive functions among five year-old children. *Cogent Education*. 3:1. pp. 120–129. DOI: 10.1080/2331186X.2016.1207909
40. Burchinal, M., Peisner-Feinberg, E., Bryant, M. & Clifford, R. (2000) Children's Social and Cognitive Development and Child-Care Quality: Testing for Differential Associations Related to Poverty, Gender, or Ethnicity. *Applied Developmental Science*. 4:3. pp. 149–165. DOI: 10.1207/S1532480XADS0403_4
41. Peisner-Feinberg, E.S. et al. (2001) The relation of preschool child-care quality to children's cognitive and social developmental trajectories through second grade. *Child Development*. 72 (5). pp. 1534–1554.
42. Clawson, C. & Luze, G. (2008) Individual experiences of children with and without disabilities in early childhood settings. *Topics in Early Childhood Special Education*. 28 (3). pp. 132–147. DOI: 10.1177/0271121407311482
43. Curby, T.W. et al. (2009) The Relations of Observed Pre-K Classroom Quality Profiles to Children's Achievement and Social Competence. *Early Education and Development*. 20 (2). pp. 346–372.
44. Broekhuizen, M.L. et al. (2015) Individual differences in effects of child care quality: The role of child affective self-regulation and gender. *Infant Behavior and Development*. 40. pp. 216–230.
45. Bodrova, E. & Leong, D.J. (2006) Self-regulation as a key to school readiness: How early childhood teachers can promote this critical competency. In: Zaslow, M. & Martinez-Beck, I. (eds) *Critical issues in early childhood professional development*. 5th ed. Baltimore, MD: US: Paul H Brookes Publishing.
46. Weiland, C., Ulvestad, K., Sachs, J. & Yoshikawa, H. (2013) Associations between classroom quality and children's vocabulary and executive functions skills in an urban public prekindergarten program. *Early Childhood Research Quarterly*. 28. pp. 199–209.
47. Hamre, B., Hatfield, B., Pianta, R. & Jamil, F. (2014) Evidence for general and domain-specific elements of teacher-child interactions: associations with preschool children's development. *Child Development*. 85. pp. 1257–1274.

Received: 07 May 2018

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ В САМООЦЕНКЕ «ЗАБОТА О СЕБЕ»: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт «заботы о себе» рассмотрен в современных жизненных и образовательных реалиях. Использованы методики, позволяющие выявлять корреляцию связи проблематики «заботы о себе» с личностным развитием студентов. Выявлена противоречивость позиций испытуемых, оказавшихся в антрополого-педагогической реалиях доступности знаний вне целеполагания контекста заботы о себе и о других. Обоснован педагогический аспект актуальности «заботы о себе» в теории и практике высшего образования, развития асертивности личности, избирательности студентов.

Ключевые слова: «забота о себе»; личность студентов; асертивность личности; асертивное поведение; избирательность.

Дар напрасный, дар случайный
Жизнь, зачем ты мне дана?

А.С. Пушкин

Динамичные социокультурные трансформации свидетельствуют об активно протекающих изменениях антрополого-педагогической реальности, требующих концептуальных и эмпирических исследований меняющегося человека в меняющемся мире, в культуре и образовании. Понятийно-категориальный аппарат современных наук обогащается методологическими, теоретическими и технологическими понятиями («инновационное общество», «инновационный потенциал личности», «инновационная личность», «инновационная деятельность»), непосредственно и опосредованно сопряженными с инновациями в педагогическом процессе и его исследовании. Установлено: «попытки реализации стратегии инновационного развития показали, что ожидаемое ускорение не происходит по причине отсутствия у людей готовности к инновационному поведению». Воспитание инновационно активной личности становится сегодня одной из основных целей не только школьной системы, но и высшего, последипломного и непрерывного образования», – отмечает Э.В. Галажинский [1].

Мы связываем развитие инновационно активной личности с практикой «заботы о себе» в ответ на антропологические вызовы, связанные с отказом от многих традиционных форм отношений человеческого существования. Современным студентам, в отличие от предшественников, доступны разнообразные источники знаний, но, собирая огромные цифровые массивы, ставят ли они перед собой задачу – овладевать умением работать с получаемыми данными, быть в них избирательными, творчески использовать сначала в образовательной практике, затем генерировать в профессиональной деятельности. Эта новая и перспективная область научно-педагогических исследований ориентирует на разработку вопросов теории и практики «заботы о себе» студентов (и преподавателей), вовлеченных в социокультурную динамику образования, все более ориентированного на личностный, персонализированный подход к обучению в вузе. Цифровая трансформация открывает новые методы и технологии расширения и углубления жизненно-го и образовательного опыта студентов, включая их творчество. В то же время нарастают и педагогические риски, обусловленные традицией академической

жизни – преобладание репродуктивного характера познания и прогнозируемых результатов за счет получения знаний в готовом виде от преподавателя, поддерживаемой асимметрией общения «преподаватель – студент».

Полагая, что использование инноваций в жизни, культуре и образовании ставит новые проблемы, их решение видим в современном университете, актуализируя проблемы теории и практики «заботы о себе». Тогда встают вопросы: нужно ли заботиться о себе, можно ли заботиться о других, не умея заботиться о себе? Как сделать благо для других, не прояснив феномен «заботы о себе»? Относим эти вопросы к важнейшим в современном образовании (не только в высшем), связываем ответы на них, прежде всего, с преодолением незнания сущности, смысла и содержания феномена «заботы о себе». И тогда достижением необходимого понимания механизмов развития способности и готовности владеть собой, чтобы помогать другим. В целом это путь преодоления бесцельности собственного существования, отвечающей на вопрос о жизни, которая дана как «дар напрасный и случайный». Вряд ли стоит подчеркивать великую роль образования и педагогов, начиная с философов Античности, вводивших в мир познания, в котором очевиден путь к себе. В XXI в. стало особенно актуально знание о самом себе, о механизмах заботы о себе, о корреляции с заботой о других. Отсутствие этих знаний свидетельствует о невежестве образованного человека, в котором он существует, не приобретая сущности. В эпоху глубоких социокультурных трансформаций, значимых изменений антропологической реальности в ситуации доступности знаний это не только актуализируется, но становится решаемым по сравнению с предшественниками, большинство из которых на протяжении жизни оказалось в недоступности знаний, источников информации, их ограниченности. Относим концепт «заботы о себе» к числу насущных не только для философской антропологии, но педагогики и персонологии, исследующих ключевые понятия человеческого бытия, связанные с этическим и экзистенциальным измерениями.

Методология и методики исследования. Сосредоточив свое внимание на понимании растущего и

взрослеющего человека в феномене «заботы о себе» как предмета педагогического исследования, мы обратились к истокам – античной практике. Начиная с Сократа и Платона философия и педагогика ориентировали на главный предмет заботы о себе – о душе («самое само» человека), направляющей тело [2]. В таком контексте практика заботы о себе неизбежно ведет к заботе о других. Согласно Сократу, самопознание открывает возможности отличить истину от лжи, познать то, как и зачем взаимодействовать с другими. Обнаружив истоки методологического подхода к исследованию последствий мощных социокультурных и образовательных трансформаций, мы акцентировали внимание на «заботе о себе» как образовательной практике, носящей антропологический характер в целеполагании, содержании, технологиях и результатах образовательного процесса. Научное и практическое осмысление феномена «заботы о себе» требует радикального изменения мышления о человеке, его сущности и существовании.

Некоторые названные выше вопросы парадигмы «заботы о себе» проанализировал М. Фуко в «критической онтологии нас самих» и показал, что история субъекта убеждает в потенциале и реалиях «делания» человеком самого себя, используя техники развития себя, соответствующие той или иной культуре. Они кем-то заданы на основе существующего уровня знания / незнания в реальной практике свободы. Модус «притяжательной самости» (Self, soi) организует активность человека, духовная же практика предполагает заботу о себе. М. Фуко описывал определенный образ человека, осознающего свое существование как задачу самого себя делающего, проявляющего заботу о себе для самого себя, и тогда он вознагражден [3].

В противном случае невежество (у Сенеки – состояние душевного нездоровья человека). Незддоровое состояние души опасно стихийным влиянием извне, препятствием в целеполагании, нахождении смысла жизни, организации собственной воли, поиска средств достижения потребностей и желаний. В данном контексте возникают вопросы о том, кто поможет обнаружить проблему «заботы о себе», с какого возраста ставить смыслозненные вопросы, чтобы искать ответа на них? В Античности это был удел философов, выполнявших миссию педагогов, призывавших к свободному диалогу, преодолевающему состояние невежества человека и общества на основе анализа повседневности жизненных ситуаций. Как в Античности, так и в настоящее время в диалоге открывается «забота о себе», она становится самоцелью «Я» в понимании универсальных ценностей жизни и роли культуры, образования в становлении «культуры себя», в понимании себя как носителя традиционной и инновационной культуры (М.Н. Дудина, 2014; Т.Б. Загоруля, 2016; В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, 2009; А.В. Толстых, 2000; А.В. Хуторской, 2005).

Чтобы состоялось открытие каждым проблемы «заботы о себе», акцентируем внимание на воздействии на человека двух объективных факторов, их называет Г.И. Петрова. Они связаны с понятием о человеке, сформировавшемся в конкретную историческую эпоху философско-антропологического стиля

мышления. Философ пишет о двойственности ситуации: «образование конструирует человека, но оно само находится под влиянием конструирующих его факторов. Имеет ли в таком случае он какие-то возможности для самостановления как самоконструирования? Насколько он активен в своем становлении?» [4. С. 131]. Ответы на эти вопросы автор связывает с процессом образования, ориентированного на поиск умения жить в свободе, проявляя постоянную «заботу о себе», самостоятельно искать «свой собственный стержень», для созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. «Создай самого себя» – так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа «Познай самого себя» [Там же. С. 133].

Итак, актуализация («модернизация») концепта «заботы о себе» приводит к тезису «заботься о себе, создавай себя». Тогда сможешь заботиться о других, направлять в общественной практике свои мысли и дела, свое поведение и общение. В данном контексте возникает вопрос: с какого возраста? Современная психодидактика на него ответила исследованиями Л.С. Выготского и его сторонников (А.Р. Лuria, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков). С ранних детских лет, если «обучение забегает вперед развития», то «ведет развитие за собой» из «зоны актуального в зону ближайшего развития» [5. С. 246–247]. Следовательно, надо учить заботиться о себе, понимать собственную ценность как личности, имеющей огромный потенциал развития на основе возникновения возрастных новообразований. Их пронизывает «забота о себе», о своем теле, разуме и душе. Тело дано, сознание и душа развиваются; это моя жизнь, которую творю сам, забота о себе – это забота о своей жизни от начала до конца. За меня ее никто не проживет, как и никто не ответит на многочисленные вопросы, связанные с заботой уже не только о себе, но и о других – в семье, школе, среди сверстников, в социуме.

К сожалению, на протяжении длительного исторического времени концепт «заботы о себе» не был предметом теоретических дискуссий и практик, оказался в области забвения и умолчания до недавнего времени. «Забота о себе» привлекает современных исследователей не только своими истоками, но и антропологической, психолого-педагогической идеей, востребованной эпохой постмодернизма. В то же время нами установлено, что понимание «заботы о себе» связано с устойчивыми эгоистическими представлениями о пренебрежении к другим, с коннотацией ущемления их прав за счет поддержания собственного благополучия любыми средствами. Это обусловлено многовековой российской ментальностью, традицией направленности воспитания в семье и в социуме на других («жила бы страна родная и нет других забот», «прежде думай о родине, а потом о себе»). В то же время наблюдается динамика этих представлений в плане утверждения «здорового эгоизма», необходимости защищать свои права («имею право!») и дальше – о продуктивном и необходимом для современного человека качестве личности, имеющей интенции самоактуализации, саморазвития и саморе-

ализации, а также потенции для этого, наконец, посредиции – реально достижимое. Менее продуктивна ситуация, когда нет цели и желания ее достигать, нет веры в себя, раскрывающего свой потенциал в деятельности и созидательном общении, поэтому нет достижений. Стремиться достигать, казалось бы, недостижаемое путем упорного труда, учебы, активного участия в многочисленных и разнообразных конкурсах, проектах, социальных акциях, которыми изобилует современная жизнь, означает самоактуализироваться, саморазвиваться, самоконструироваться. Значит становиться все более уверенным в себе, асертивным. Смысл «заботы о себе» как творческой практики приобретается в процессе обучения, если возникают вопросы о мире и о себе в нем: «я, как все», «я, как некоторые», «я, как Я». В ответе на них приходят выводы о своем сходстве с другими и отличии от других, об адаптивности и идентичности личности. В современном динамичном мире изобилия и легкой доступности знаний должно возникать желание их постигать, поддерживать свои интересы и потребности, творчески развивать способности, надежно ориентируясь во всем многообразии жизни, уметь быть избирательным.

Эти векторы познания задают критерии концептуального измерения: «я мыслю, я существую» Декарта и «я стыжусь, я существую» Вл.С. Соловьева, выделившего концепты стыда, жалости и благоговения в качестве основных, исчерпывающих область «возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» [6. С. 137]. Рискнем предложить формулы – критерии успешного существования, значит, и заботы о себе: «Я стыжусь, я существую»; «Я сочувствую, я существую»; «Я благоговою, я существую». Все они в нравственной самооценке, проходя «среду отвлеченного сознания», выходят в «новой форме совести». Отмечая, что в русском языке слова «совесть» и «стыд» часто употребляются в качестве синонимов (стыдно – совестно), философ пишет: «Стыд и совесть говорят разным языком и по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: это не добро, это недолжно, это недостойно» [6. С. 138]. Подчеркнем, что «оправдание добра» в познавательном измерении «заботы о себе» претерпело значимую социокультурную трансформацию. Однако первичные данные нравственности, корень, из которого вырастают нравственные отношения, есть «реакция духовной природы против грозящего ей подавления и поглощения со стороны низших сил – плотской похоти, эгоизма и диких страстей». Соловьев продолжает: «Способность к такой реакции в человеке делает его существом нравственным; но, оставаясь неопределенной в своей силе и объеме, она не может сама по себе обосновывать нравственный порядок в человеке... Между тем разум человека, так же прирожденный ему, как и нравственные чувства, изначально предъявляет и к нравственной сфере свое требование всеобщности и необходимости» [6. С. 140]. От первичных основ нравственности происходит переход к этическим принципам: «...подчиняй плоть духу, насколько это нужно для его достоинства и независимости.

Имея окончательно уповаemoю целью быть полным господином физических сил своей и общей природы, ближайшею, обязательную своею целью ставъ: не быть по крайней мере закабаленным слугой бунтующей материи, или хаоса (курсив Вл.С. Соловьева) [Там же. С. 150].

Наш опыт показывает, что необходимое содержание и современные дидактические инновационные технологии позволяют положительно ответить на вопрос Г. Гегеля о возможностях образования («для-себя-бытие»), если оно обращено к насущному для каждого человека вопросу о смысле жизни («жизнь, зачем ты мне дана?»), динамике ценностей и выбора себя в них. В противном случае – невежество и бесцельность, дезориентация в истинных ценностях, недовольство собой и окружающими, отсутствие желания развиваться и продвигаться по жизни без депрессии и уныния. В целом непонимание, для чего не по своей воле «однажды был заброшен» в этот мир (М. Хайдеггер), как оказался порой в экстремальных ситуациях, требующих ответа на вопросы: «Что делать?» «Зачем жить?», «Как жить?». Они пронизаны проблемой «заботы о себе».

В ситуации экзистенциального выбора (не самого с рождения: человек родился, существует, а существа еще нет) остается лишь сожалеть о пробелах в образовании, обошедших стороной проблему «заботы о себе», известную в истории философской мысли как античную практику. Вопрос о здоровье и благополучии человека – это «личное дело каждого»? Какова роль воспитания и самовоспитания в решении этого вопроса? Можно ли согласиться с Платоном, утверждавшим, что необходимость во врачах и судьях свидетельствует о плохом воспитании, о распущенности граждан. Обращение за помощью к врачам позорно, как и необходимость прибегать к помощи судей: человек, не способный самостоятельно заботиться о своем здоровье, так же как и тот, кто не в силах сам разобраться в вопросах справедливости, позорит самого себя, считал Платон [2. С. 172].

Проводя работу, мы следовали определению понятия, сформулированного С.С. Хоружием: «забота о себе» как стратегия человеческого существования, охватывающая социальные и культурные измерения и «имеющая своим стержнем, ядром некоторую практику себя, так что сама она также принадлежит к разряду практик себя» [7. С. 91]. Приведенное определение ориентирует на развитие асертивной личности, для которой характерно стремление свободно формировать свое мнение, открыто выражать себя, доверяя другим, самостоятельно регулировать собственное поведение. Понимая асертивность (анг. assert – утверждать, отстаивать, assertiveness) как системообразующее свойство личности, мы говорим о необходимости адекватного воспитания на всех ступенях непрерывного образования, являющегося важнейшим общественным ресурсом [8]. Этому способствует систематическое использование инновационных дидактических технологий, как правило, диалогичных по своей сущности и назначению, сократический и герменевтический диалог в поиске убедительных доводов и опровержения, SWOT-анализ, «Шесть шляп

мышления» Э. де Бено, Позиционное обучение Н. Вераксы, прием неоконченного рассказа, составление и решение кейсов, проектная технология [9]. Они ориентированы на становление и развитие в образовании инновационно активной личности, реализующей себя в ассоциативном поведении.

Испытуемые и методика опроса. Исходя из приведенного понимания «заботы о себе», использовали педагогический инструментарий, позволяющий измерять в самооценке некоторые базовые структуры личности и ее идентичности: заботу о своей жизни, своем существовании, отвечая на вопросы о своем существе. Полагая, что самооценка начинается с проявления внимания к себе и отражается в анализе своих растущих потребностей, интересов, мотивов деятельности и общения; своего интеллекта, речи (в которой «проговаривается» человек любого возраста), отражающей мышление, его эмоции и чувства (самый правдивый язык), в целом деятельность, общение как достигаемый результат «здесь и сейчас». Адекватность самооценки проецирует новое состояние, связанное с повышением уровня притязаний к себе и другим как возможный созидательный результат. Инструментарий составили две методики, предполагающие самооценку студентов: 1) созданный нами Опросник «забота о себе»; 2) тест уверенности в себе Мануэля Дж. Смита («имею право!») [10].

Решая задачу исследования студентов университета самооценки «забота о себе», акцентировали внимание на понятии рефлексия (лат. reflexio – обращение назад) как процессе самопознания субъектом своего внутреннего психического состояния на основе принимаемых критериев оценки. И предложили испытуемым Опросник, включающий три категории «заботы о себе» – тело, разум, душа. Составляя Опросник, руководствовались рекомендациями по разработке тестов [11], при этом имели в виду прагматическую валидизацию (практическую эффективность и значимость, полезность), не ставя задачи его психометрической проверки, связанной с теоретической валидацией. Разработанный нами Опросник включал 14 заданий на самооценку студентов – 7 вопросов закрытого типа (предложены варианты выбора ответов) и 7 открытого типа, где предполагаются ответы испытуемых и обрабатываются с помощью контент-анализа. Так были получены количественные и качественные результаты. При анализе меры различия использовали U-критерий Манна-Уитни, непараметрический статистический критерий для сравнения двух независимых выборок по уровню признака, измеренного количественно [12].

Остановимся конкретно на результатах эмпирического исследования, проведенного среди студентов Уральского федерального университета: 4-й курс бакалавриата факультета культурологии и искусствоведения – 13 чел.; 1-й курс магистратуры филологического факультета – 29 чел.; 1-й курс магистратуры исторического факультета – 11 чел., а также 28 работающих педагогов г. Екатеринбурга (Детская школа искусств № 12), взятых для сравнения. Всего 81 чел.

Результаты. Анализ ответов испытуемых показал следующее. Концепт «заботы о себе» признается

как личное дело каждого (32 чел.), как результат правильного самовоспитания (27 чел.), целенаправленного воспитания (22 чел.). Здесь не нашли значимых различий между группами студентов и учителей ($U = 623,5$), между группами студентов и бакалавров ($U = 243,5$), также не наблюдается значимых различий между ответами в группах бакалавров и учителей, магистров и учителей ($U = 161$ и $U = 462,5$ соответственно). Лишь немногие испытуемые (5 чел.) согласны с утверждением Платона, считавшим постыдным обращение к врачам. Из предложенных определений понятия «забота о себе» большинство испытуемых связывают его с эгоистической направленностью – 36 чел.; с заботой о других – 19 чел. (из них 13 педагогов); с собственным развитием (17 чел., из них 8 педагогов). В качестве «стратегии человеческого существования, ядром которой является практика себя, так что сама она также принадлежит к разряду практик себя» – 7 чел. Как и в первом вопросе, значимых различий между полученными ответами мы не обнаружили. Критерий U при анализе данных в группах студентов и учителей составил 731, в группах бакалавров и студентов – 253, бакалавров и учителей – 181, магистров и учителей – 548.

Также уточнили, насколько респонденты согласны с утверждением о том, что забота о себе является заботой о других. Были предложены 3 варианта ответа: «да», «нет», «частично является». Здесь мы получили значимые различия в ответах студентов (бакалавров и магистров) по сравнению с учителями, которые гораздо чаще были согласны с предложенным утверждением ($U = 484$ при $p \leq 0,01$). Значимые различия подтверждены также при сравнении групп магистров и учителей ($U = 347$ при $p \leq 0,01$). В то же время значимых отличий при сравнении групп бакалавров – культурологов и учителей ($U = 137$), бакалавров и магистров ($U = 227$) – не обнаружили.

Приведем результаты ранжирования по степени важности для студентов следующих положений. 1. С чего начинается «забота о себе»: с критики себя – 37 чел., с вопрошания о себе – 25, с «делания себя» – 19 чел. 2. Направленность «заботы о себе»: на свой разум – 38 чел., на свое тело – 22, на свою душу – 21 чел. 3. Самооценка студентами значимости заботы о себе: мой разум – 36 чел., мое тело – 20, моя душа – 25 чел.

Результаты контент-анализа предпочтений студентов (ответы на закрытые вопросы, также в рейтинге) представлены в таблице.

Анализируя результаты ответов на вопрос «какую книгу хотели бы прочитать?», выявили следующие: «Имя розы» У. Эко, «Человек дождя» Леоноры Флейшер, «Мактуб» Коэльо Пауло, «Братья Карамазовы», «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Где ты?» Марка Леви, стихи А. Дементьева, В. Высоцкого и др.

Из фильмов, которые хотели бы посмотреть, названы «Легенда о Коловрате», «Темная башня», «Планета обезьян», «Клаустрофия», «Обет молчания», «Сингулярность», «Ликан», «Стеклянный замок» и др. В задании дописать предложенный текст: «каждый человек может заботиться о себе и помогать себе, если...», преобладают ответы: «лю-

бит себя»; «находится в гармонии со своим разумом»; «адекватно оценивает себя»; «осознает свою самоценность»; «не будет забывать о других»; «имеет волю и разум» и пр. По поводу заветных желаний студенты писали: «коррекция фигуры»; «похудеть»; «иметь здоровый желудочно-кишечный тракт»;

«жить вблизи природы»; «повидать как можно больше стран»; «успешно работать в будущем»; «быть эрудированным, быть умиротворенным»; «иметь чистый разум и спокойную душу»; «знать, что с моими близкими будет все благополучно, верить, что жизнь прекрасна и удивительна».

Результаты контент-анализа ранговых предпочтений студентов (закрытые вопросы)

Категория предпочтений	Наименование и ранг предпочтений	Доля категории, %
Для тела	1) физическая культура (бег, ходьба, велосипед, плавание, гимнастика, йога, коньки, лыжи, сноуборд), меньше пользоваться гаджетами	30
	2) правильное питание (регулярное питание, здоровая и полезная пища), не переедать, ограничить сладкое	
	3) регулярное и достаточное потребление воды	
	4) здоровый регулярный сон	
	5) своевременное освобождение от негативных эмоций	
Для разума	1) чтение	42
	2) изучение иностранных языков	
	3) чтение религиозной литературы, святоотеческой литературы	
	4) овладеть разнообразной деятельностью (научное исследование, танцы, восточные танцы, игра на музыкальных инструментах – на гитаре, саксофоне, фотографировать, рисовать, вышивать, вязать)	
	5) самоанализ	
Для души	1) общение с интересными людьми, хорошая музыка	28
	2) общение с Богом	
	3) овладение духовными практиками, медитация	
	4) путешествия	
	5) волонтерская работа, благотворительность	

Анализируя полученные результаты, пришли к выводу о том, что вопросы «заботы о себе» актуальны для студентов и продуктивны в рефлексии о своем физическом, психическом и социальном здоровье. При этом 65% испытуемых полагают, что после заполнения предложенного опросника будут больше заботиться о себе, и 35% из них считают, что это будет и заботой о близких родственниках.

Также большой эмпирический материал был получен с помощью теста «Имею право!» М.Дж. Смита. В частности, с 10 утверждениями (я имею право оценивать собственное поведение, мысли и эмоции и отвечать за их последствия; я имею право изменить свое мнение, я имею право ошибаться и отвечать за свои ошибки; я имею право сказать: «я не знаю»; я имею право быть независимым от доброжелательности остальных и от их хорошего отношения ко мне (и др.)) в группах испытуемых студентов-культурологов, филологов, историков и педагогов более 57% согласны полностью с половиной утверждений, есть студенты, разделяющие 70–80–90% утверждений.

Вывод. Анализируя результаты тестирования, пришли к выводу о нарастании у студентов интереса к себе как личности и стремлении приобретать свойства ассертивности, «конструироваться» и реализоваться в ассертивном поведении. Этот вывод коррелирует с результатами Опросника, выявляет непосредственную зависимость «заботы о себе» с вопрошанием о себе, с

критикой себя, «деланием» себя, с заветными желаниями, с пониманием того, что современный человек заявляет о своих правах, умении их отстаивать, однако, не в ущерб другим, заботясь о других далеких и близких людях. Полученные данные ориентируют на организацию университетской среды, развитие корпоративной культуры вуза в условиях необходимой психолого-педагогической и социальной фасилитации студентов в практике «заботы о себе». Это перспективный для педагогики и психологии концепт, ориентирующий на разработку методологии, теории и практики в образовании с использованием этико-экзистенциальных критериев человека как открытой возможности.

Благодарности. Выражаю искреннюю благодарность коллегам кафедры философии Томского государственного университета, актуализировавших проблему теории и практики «заботы о себе» в организации и проведении Международной научной конференции «"Забота о себе" как образовательная практика современного классического университета», 24–25 ноября 2017 г. Решение названной проблемы ориентирует на поиск педагогических средств раскрытия потенциала современного университета для поддержки и сопровождения студенческой идентичности как способа проявления комплементарного единства классических и современных характеристик студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Галажинский Э.В. Справка. Инновационный потенциал личности: содержание, структура, пути развития. URL: http://www.raop.ru/content/Otdelenie_psichologii_i_fiziologii.2011.06.15.Spravka.pdf (дата обращения: 12.09.2017).
- Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 79–421.
- Фуко Мишель. Забота о себе. 1984. URL: <http://www.rulit.me/books/istoriya-seksualnosti-iii-zabota-o-sebe-read-194946->

4. Петрова Г.И. Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник ТГПУ. 2013. № 12 (140). С. 131–133.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 2.
6. Соловьев Вл.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
7. Хоружий С.С. Античная забота о себе и практика исихазма: компаративный анализ (заметки на полях «Герменевтики субъекта» Фуко) // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 89–102.
8. Дудина М.Н. Асертивное поведение в этико-педагогическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. № 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4 (132). С. 163–170.
9. Дудина М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 152 с.
10. Смит Мануэль Дж. Тренинг уверенности в себе. СПб. : Речь, 2001. 203 с. (Сер. Психологический тренинг).
11. Батурина Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов: часть II // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология. 2009. Вып. 7, № 42 (175). С. 11–25.
12. U-критерий Манна-Уитни. URL: <http://statistica.ru/local-portals/medicine/u-kriteriy-manna-uitni/>.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 января 2018 г.

A MODERN STUDENT IN THE SELF-EVALUATION “CARING FOR ONESELF”: RESULTS OF AN EMPIRICAL RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 146–151.

DOI: 10.17223/15617793/433/20

Margarita N. Dudina, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mndudina@yandex.ru

Keywords: “care for oneself”; personality of students; assertiveness of person; assertive behavior; selectiveness.

The concept “caring for oneself” is considered in the context of modern life and education. The aim is to reveal the respondents’ attitude to the idea of “caring for oneself”, which has arisen in ancient culture and is essential in the anthropological and pedagogical reality of postmodernism. The education of the “innovatively active personality” (E.V. Galazhinsky) is associated with the practice of “caring for oneself”. This is the theoretical novelty and practical significance of posing and solving questions of students’ and teachers’ “caring for oneself”. The inconsistency of the positions of the subjects outside the goal-setting of the context of “caring for oneself” and for others for the development of the assertiveness of the individual is revealed. The origins of the methodology in the ancient practice of Socrates and Plato; its scientific and practical comprehension in the critical ontology of M. Foucault focused on the need for dialogue in education to understand the universal values of life and the “culture of oneself”, the ability to live in freedom, to realize personal uniqueness. The toolkit includes a questionnaire created by the author (three categories of “caring for oneself”: body, mind, soul) and Manuel J. Smith’s assertiveness test (“I have the right!”). Quantitative and qualitative results were obtained, the Mann-Whitney U test was used. Respondents amounted to 81 people: students (bachelors and masters) and 28 teachers. The analysis of the answers showed that the concept “caring for oneself” is recognized as a private matter of every person (32), as a result of correct self-education (27), of purposeful education (22). No significant differences were found between groups of students and teachers ($U = 623.5$), between groups of masters and bachelors ($U = 243.5$). From the proposed definitions of the concept “caring for oneself”, the majority (36) associated it with an egoistic orientation; 19 people (13 of them are teachers) with care for others; 17, including 8 teachers, with their own development. Respondents agree with the statement that “caring for oneself” is a problem of care for others. Significant differences are also confirmed when comparing groups of masters and teachers ($U = 347$, at $p \leq 0.01$). The empirical material obtained with the help of Smith’s test “I have the right!” showed that 57% agree completely with half of the statements, there are students who share 70% – 80% – 90% of the statements. The data obtained focus on the organization of the university environment, the development of the corporate culture of the university in the conditions of psychological, pedagogical and social facilitation of students in the practice of “caring for oneself”.

REFERENCES

1. Galazhinsky, E. V. (2011) *Spravka. Innovatsionnyy potentsial lichnosti: soderzhanie, struktura, puti razvitiya* [Information report. Innovative potential of the individual: content, structure, ways of development]. [Online] Available from: http://www.raop.ru/content/Otdelenie_psichologii_i_fiziologii.2011.06.15.Spravka.pdf. (Accessed: 12.09.2017).
2. Plato. (1994) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Latin. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 79–421.
3. Foucault, M. (1984) *Zabota o sebe* [Care of the Self]. Translated from French. [Online] Available from: <http://www.rulit.me/books/istoriya-seksualnosti-iii-zabota-o-sebe-read-194946>.
4. Petrova, G.I. (2013) Sovremennyy konstruktivistskiy otvet v reshenii klassicheskoy pedagogiko-antropologicheskoy problemy “zaboty o sebe” [Modern constructivist answer in solving the classical pedagogical-anthropological problem of “caring for oneself”]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 12 (140). pp. 131–133.
5. Vygotskiy, L.S. (1982) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. In: Davydov, V.V. (ed.) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
6. Solov'ev, VI.S. (2012) *Opravdanie dobra* [Justification of Good]. Moscow: Int-ru russkoy tsivilizatsii; Algoritm.
7. Khoruzhij, S.S. (2016) Antichnaya zabora o sebe i praktika isikhazma: komparativnyy analiz (zametki na polyakh “Germenevtiki sub”ekta” Fuko) [Ancient self-care and the practice of Hesychasm: a comparative analysis (notes on the fields of Foucault’s “Hermeneutics of the Subject”)]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 89–102.
8. Dudina, M.N. (2014) Assertive characteristics of the students: questions of theory and practice regarding to the study of the value-semantic aspect. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. № 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 4 (132). pp. 163–170. (In Russian).
9. Dudina, M.N. (2015) *Didaktika vysshey shkoly: ot traditsiy k innovatsiyam* [Higher education didactics: from traditions to innovations]. Ekaterinburg: Ural State University.
10. Smith, M.J. (2001) *Trening uverennosti v sebe* [Assertiveness Test]. Translated from English. St. Petersburg: Rech'.
11. Baturin, N.A. & Mel'nikova, N.N. (2009) Technology of test development: Part II. *Vestn. YuUrGU. Ser. Psichologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series “Psychology”*. 7:42 (175). pp. 11–25. (In Russian).
12. Statistica.ru. (n.d.) *U-kriteriy Manna-Uitni* [Mann-Whitney U test]. [Online] Available from: <http://statistica.ru/local-portals/medicine/u-kriteriy-manna-uitni/>.

Received: 17 January 2018

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАНИИ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Рассматривается влияние цифровых трансформаций в образовании и здравоохранении на процесс формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения. Представлены выявленные автором педагогические закономерности и принципы, которые являются основой для реализации научно обоснованного управления процессом формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в рамках дополнительного профессионального образования с учетом современного уровня развития общества.

Ключевые слова: информационная компетентность; специалисты здравоохранения; цифровые трансформации; дополнительное профессиональное образование.

9 мая 2017 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина № 203 была принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.». Принятая Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [1]. В целях реализации Стратегии 28 июля 2017 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2], в которой обосновано, что данные в цифровой форме становятся ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан и обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет.

В указанных документах обозначено, что все отрасли экономики в настоящее время претерпевают значительные изменения или трансформации под действием цифровизации, возникают кардинально новые потребности, требующие создания системы управления исследованиями и разработками. Введен термин «объекты критической информационной инфраструктуры». Информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети в сферах образования и здравоохранения отнесены к объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

К одним из ключевых направлений повышения конкурентоспособности во всех областях экономики относится подготовка квалифицированных кадров в сфере информационных и коммуникационных технологий. При этом отмечена недостаточная численность кадров и недостаточное соответствие образовательных программ нуждам цифровой экономики в образовательном процессе всех уровней образования в области информационных технологий.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» показано, что в настоящее время изменяется повседневная жизнь человека, производ-

ственные отношения, структура экономики и образования, возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. В отрасли здравоохранения, являющейся одной из важнейших отраслей развития цифровой экономики, также возникают изменения, или цифровые трансформации. Одними из основных сквозных цифровых технологий, которые выделены в Программе, являются: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Указанные технологии могут успешно применяться в медицине только в том случае, когда выполняются два условия: специалисты здравоохранения осведомлены об их существовании и обладают достаточной компетентностью для их внедрения в лечебный и диагностический процесс.

Таким образом, является актуальной задача выявления и изучения педагогических закономерностей и принципов формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях цифровой трансформации процессов в образовании и здравоохранении.

Под информационной компетентностью специалистов здравоохранения нами понимается комплексная неделимая структура, объединяющая и интегрирующая показатели учения (знания, умения, навыки), психологические особенности личности, потенциальные способности, мотивацию, ценностные установки личности, ответственность и предвидение результатов своих действий, проявляемые в процессе использования цифровой техники и технологий для решения любых возникающих на практике задач, в том числе в условиях неопределенности, в целях обеспечения медицинской помощи населению, сохранения и повышения его уровня жизни [3. С. 24].

В настоящее время существует три пути освоения специалистами здравоохранения информационных технологий:

- система государственного дополнительного повышения квалификации врачей. Согласно приказу Министерства здравоохранения России «Об утвер-

ждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путём обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях» [4] после окончания вуза необходимость прохождения работниками повышения квалификации, профессиональной переподготовки и стажировки устанавливается работодателем, но она должна осуществляться не реже одного раза в пять лет в течение всей трудовой деятельности;

– специализированные разовые занятия, проводимые производителями высокотехнологичного медицинского оборудования или программных продуктов для обучения работе с конкретным продуктом;

– самообразование. В настоящее время, при наличии базовой подготовки в области применения информационных технологий в здравоохранении, мотивации и свободном доступе к информации, самообразование является продуктивным видом образования взрослых людей.

В данной работе будут представлены результаты, полученные автором в рамках преподавания информационных технологий на циклах дополнительного профессионального образования специалистов здравоохранения.

Педагогические закономерности отражают основные устойчивые повторяющиеся связи и отношения, возникающие между компонентами педагогической системы. Образование является важнейшей подсистемой общества, поэтому педагогические закономерности возникают и трансформируются в процессе развития общества.

Педагогические закономерности объясняют текущее состояние рассматриваемой системы, появление новых фактов и событий. Выявление закономерностей формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях цифровой трансформации процессов в образовании и здравоохранении необходимо для определения на их основе рекомендаций и требований для достижения результата оптимальным способом с учетом современного уровня развития общества. Поскольку педагогические закономерности являются базой для осуществления прогнозирования развития системы учебного процесса, появляется возможность реализации научно обоснованного управления процессом формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в рамках дополнительного профессионального образования.

Мы солидарны с мнением В.И. Загвязинского [5] о том, что каждый принцип регулирует разрешение конкретных противоречий, возникающих в процессе обучения. Противоречия в обучении могут возникнуть в случае опережающего развития науки и техники, приводящего к несоответствию традиционных представлений и взглядов на процесс обучения современным условиям.

В Программе цифровой экономии указано, что одни из основных направлений развития отечественных информационных технологий в настоящее время являются:

– обработка больших объемов данных;

– искусственный интеллект;

– проведение цифровой идентификации и аутентификации объектов и субъектов информационного обмена;

– облачные технологии;

– информационная безопасность.

Формирование информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях развития цифровой экономики требует постоянного изменения содержания и методов обучения, которые должны включать в себя перечисленные выше технологии и направления. Таким образом, вопрос выявления противоречий в обучении можно отнести к актуальной задаче педагогики.

Представим выявленные нами педагогические закономерности и принципы, актуальные в условиях процессов цифровых трансформаций в образовании и в здравоохранении.

1. Формирование информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях развития цифровой экономики является оптимальным в случае соответствия содержания, подходов и методов обучения современному уровню развития технологий и науки.

Принципами, соответствующими данной закономерности, являются:

– принцип научности: в процессе проведения занятий необходимо руководствоваться только научно установленными и доказанными в процессе практического опыта данными и фактами. Принцип научности в процессе формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения особенно важен по сравнению с другими областями. Это вызвано спецификой медицины: безусловно, необходимо максимально быстро внедрять современные достижения науки в практическую медицину, однако все внедряемые достижения должны быть неоднократно исследованы и обоснованы.

Абсолютное большинство профессиональной информации получается специалистами здравоохранения из сети Интернет, не предоставляющей никаких гарантий ее истинности. Поэтому на занятиях по медицинской информатике необходимо обучать методам и приемам распознавания достоверной информации, пропагандировать критический взгляд на информацию, получаемую посредством сети Интернет. Сформированный грамотный и критический подход к использованию информации с точки зрения ее достоверности будет способствовать формированию компетентных специалистов, способных самостоятельно решать профессиональные задания в области применения информационных технологий в здравоохранении;

– принцип связи теории с практикой: применение данного принципа в процессе формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения способствует обобщению личного профессионального опыта практической медицинской деятельности, связанной с применением информационных технологий в здравоохранении, с совокупностью приобретаемых на занятиях теоретических знаний.

Слушатели циклов дополнительного профессионального образования ориентированы на получение знаний, умений, навыков, которые можно будет применять в своей профессиональной области сразу после завершения обучения. Данная особенность характерна для профессионального обучения взрослых высококвалифицированных специалистов. Поэтому в качестве конкретно-научной методологии нами выбран андрагогический подход, позволяющий учитывать возрастные особенности восприятия информации, ориентацию на практическую значимость получаемых знаний, различие в потребностях специалистов здравоохранения, представляющих медицинские организации, от крупных федеральных центров до сельских врачебных амбулаторий, в областях информационных технологий.

В условиях развития цифровой экономики особую важность приобретает организация связи теории с законодательной практикой. Причиной этого является то, что особенностью здравоохранения является обязательное законодательное подтверждение возможности использования практически любых информационных технологий или устройств.

Отличительной чертой процесса организации здравоохранения является отнесение к персональным данным пациента или к профессиональной медицинской тайне любой информации, касающейся лечебно-диагностических мероприятий. Ранее подобная информация хранилась и передавалась только в бумажном варианте, подписывалась врачом и имела печать медицинского учреждения. Доступ к данным имели только пациент как владелец персональных данных или медицинские работники.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» регламентируется трансформация существующего документооборота к электронному виду. При переходе на цифровую обработку информации возникает проблема, связанная с тем, что информация может стать доступной третьим лицам: сотрудникам, вводящим данные в систему, техническим работникам и любым другим, получившим доступ к компьютеру.

29 июня 2017 г., через месяц после принятия Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, был принят Федеральный закон № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», предусматривающий внесение дополнений и изменений в законодательные документы, регламентирующие процессы в здравоохранении, которые в настоящий момент подвергаются цифровой трансформации: электронный документооборот, внесение персональных данных в базу данных медицинского учреждения при регистрации пациента, обмен сведениями, содержащими персональные данные.

В соответствии с данным Законом стало возможным «выдавать медицинские заключения, справки, рецепты на лекарственные препараты и медицинские изделия на бумажном носителе и (или) с согласия пациента или его законного представителя в форме электронных документов с использованием усилен-

ной квалифицированной электронной подписи медицинского работника в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти» [6]. Впервые законодательно закрепился статус телемедицинских технологий и дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента.

Таким образом, необходимо обучать слушателей циклов дополнительного профессионального образования тому, что полученные теоретические знания или возникшие идеи по внедрению информационных технологий в здравоохранение необходимо сочетать не только с практикой в общем понимании, но и с законодательной практикой, актуальной в данный момент.

2. Представление об объективном уровне сформированности информационной компетентности специалистов здравоохранения возможно получить при реализации комплексного оценивания составляющих информационной компетентности, принимая во внимание существующие между ними связи и отношения.

Принципами, соответствующими данной закономерности, являются принципы целостного изучения педагогического явления и разработки педагогических методик на основе аналитики данных.

Компоненты и составляющие компонентов информационной компетентности, сложного и многоуровневого понятия, не могут изучаться изолированно друг от друга или от внешней среды. Целью анализа данных педагогического мониторинга является получение достоверной и объективной информации для управления педагогическим процессом.

Педагогические данные характеризуются нетривиальными зависимостями и разнородностью (включают в себя количественные показатели учения и качественные показатели свойств личности), поэтому нами предложено для проведения анализа данных использование OLAP технологий совместно с интеллектуальными средствами анализа данных, широко применяемыми аналитиками в финансово-экономических областях [7]. При организации учебного процесса на циклах дополнительного профессионального образования специалистов здравоохранения нами применялся на конкретно-научном уровне методология кибернетический подход, позволяющий преобразовывать массивы разнородных данных педагогического мониторинга в систематизированную информацию и рекомендации и разрабатывать, на основе интеллектуального анализа полученных результатов, качественные рекомендации по дальнейшему проведению обучения и осуществлению педагогического управления.

Приведенные примеры демонстрируют процессы цифровой трансформации в образовании: мы интегрируем сквозные цифровые технологии, выделенные в Программе цифровой экономики (в данном случае интеллектуальный анализ данных), в конкретную педагогическую технологию в рамках осуществления профессиональной подготовки специалистов здравоохранения.

3. К факторам формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения относится овладение технологической культурой взаимо-

действия с современными цифровыми программно-аппаратными медицинскими комплексами и профессиональной информацией, способами ее анализа, синтеза и интеллектуального обобщения.

Принципами, соответствующими данной закономерности, являются:

– принцип изучения явления в изменении, развитии.

Данный принцип является основным в профессиональной деятельности врача, в его основе лежит принцип диалектики: суть исследуемого явления или качества можно понять и измерить только во взаимосвязи с другими процессами, в развитии и противоречиях.

Уровень информационной компетентности специалиста здравоохранения не имеет фиксированного значения в течение длительного времени. Информационные технологии совершаются с такой скоростью, что без самостоятельной подготовки, выражющейся в постоянном целенаправленном ознакомлении с изменениями и достижениями в области основных направлений развития отечественных информационных систем, обозначенных в Программе цифровой экономики, таких как обработка больших объемов данных, искусственный интеллект, проведение цифровой идентификации и аутентификации объектов или облачные технологии, специалист здравоохранения становится менее компетентным в своей профессиональной области, поскольку в основе нового высокотехнологичного медицинского оборудования лежат указанные технологии;

– принцип профессиональной целесообразности определяет выбор содержания, методов, и форм учебного процесса, принимая во внимание особенности здравоохранения для оптимального формирования профессионально значимых качеств и знаний врача. Работа с профессиональной информацией и оборудованием в здравоохранении отличается от работы с программно-аппаратными комплексами в других профессиональных областях и, тем более, от бытового использования компьютеров и программ. Это можно обосновать наличием требований надежности к техническому оборудованию и программным продуктам, требованиям к передаче медицинских данных только с использованием специализированных протоколов, необходимости законодательного утверждения использования цифровой техники и технологий.

Поэтому после окончания обучения специалист здравоохранения должен обладать знаниями и навыками определения критерии выбора высокотехнологичного оборудования и программ с учетом профессиональной целесообразности.

4. Проведение аналитической деятельности, которая предшествует осуществлению любых преобразований информации, и определение несоответствия между планируемым и имеющимся результатом позволяют предвидеть возникновение противоречий и проблем и способствуют выработке рекомендаций для будущей работы специалистов здравоохранения с медицинскими данными и профессиональным цифровым оборудованием.

Принципами, соответствующими данной закономерности, являются:

– принцип систематичности и последовательности способствует приданию системного характера учеб-

ной деятельности, тому, что полученные теоретические знания, умения и практические навыки будут доведены до уровня системности в сознании обучающихся.

Принцип систематичности и последовательности имеет большое значение в процессе формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения, поскольку предпосылкой продуктивного самообразования в будущем могут являться только основательно усвоенные знания;

– принцип сознательности и самостоятельности обучения предполагает формирование обоснованного самостоятельного мышления и осмысливания необходимости получения знаний, умений и навыков для решения профессиональных задач, связанных с применением информационных технологий.

Реальная педагогическая практика показала эффективность построения учебного процесса в андрогинской среде на основе принципа сознательности и самостоятельности обучения, которые выражаются самодисциплиной и внутренней интеллектуальной собранностью. Практическая реализация данного принципа предполагает: осознание целей и задач обучения, его необходимости и видение перспектив, обоснование связи получаемой информации с имеющимся опытом и знаниями;

– принцип опережающего образования позволяет реализовывать формирование информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях цифровой трансформации, характеризующейся повышением уровня сложности и качественными изменениями информационных технологий и медицинского оборудования. Становится возможным прогнозировать знания и умения специалистов здравоохранения, которые будут актуальны и востребованы в течение длительного времени после прохождения обучения.

В.И. Соколов подобному принципу опережения дал название «опережение снизу» – в данном случае содержание образования отталкивается от текущего уровня развития технологий и включает в себя информацию, которая с большой долей вероятности окажется необходима в будущем [8. С. 140]. Принципом «опережения сверху» в данной работе назван принцип, который предполагает опережение не конкретных теоретических знаний или навыков работы, а характеристик личности, позволяющих обучаемому успешно адаптироваться в будущем (Б.М. Бим-Бад), реализовывать имеющиеся теоретические знания в специализированной профессиональной деятельности (В. Горшенин) и творчески подходить к решению задач (Л.В. Занина).

При формировании информационной компетентности специалистов здравоохранения, определенной нами как комплексная структура, объединяющая показатели учения и личностные характеристики, опережающее образование должно включать в себя опережение при разработке содержания и опережение при формировании личностных характеристик специалистов здравоохранения. Главным ограничением должно служить следующее утверждение: рассматриваемые на занятиях перспективные информационные

технологии не могут противоречить принципам научности. Рассматриваться и обсуждаться может информация, основанная на научно доказанных фактах. В настоящий момент, в условиях развития цифровой экономики, можно привести в качестве примера изучение технологии блокчейн, появление которой ставят в один ряд с изобретениями, меняющими жизнь человечества. Законность использования данной технологии в медицине закреплена законодательно. Именно данная технология лежит в основе создания цифровых медицинских карт, реализации электронного документооборота с защищенной передачей персональных данных пациента, подтверждением подлинности передаваемых документов медицинскими и фармацевтическими учреждениями.

5. Информационная компетентность специалистов здравоохранения выражается в навыках и умении взаимодействовать с пациентами и коллегами в процессе выполнения профессиональных заданий с использованием средств телекоммуникации.

Принципами, соответствующими данной закономерности, являются:

– принцип интерактивности обучения предполагает реализацию диалога между всеми его участниками и ведет к сотрудничеству и решению общих значимых для всех задач.

Для успешной реализации данного принципа необходимо создание и проведение деловых игр и кейсов, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности специалистов здравоохранения, связанной с применением информационных технологий и средств коммуникации в медицине.

Необходимость данного принципа объясняется внедрением в практику здравоохранения интерактивных форм коммуникации медицинских работников с пациентами и коллегами благодаря развитию технологий теле- и кибермедицины;

– принцип фасилитации нами реализуется совместно с принципом интерактивности. Это позволяет осуществлять продуктивную подготовку обучающихся благодаря стилю деятельности и качествам личности педагога. Применяя принцип фасилитации, преподаватель способен формировать у слушателей циклов дополнительного профессионального образования умение мыслить, рассуждать и находить новые грани

проблем в знакомой ситуации, занимая позицию не «над», а «вместе» с обучаемыми [9. С. 950], создавать эмоциональный тон учебного процесса, инициировать и поддерживать мотивацию к получению новых знаний, налаживать контакт с каждым специалистом здравоохранения.

Выводы

1. В настоящее время все отрасли деятельности человека претерпевают значительные изменения или трансформации под действием цифровизации. Информационные системы в сферах образования и здравоохранения отнесены к объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Подготовка квалифицированных кадров в сфере информационных и коммуникационных технологий является одним из ключевых направлений повышения конкурентоспособности во всех областях экономики.

2. Формирование информационной компетентности специалистов здравоохранения в условиях развития цифровой экономики требует постоянного изменения содержания и методов обучения. Выявление закономерностей формирования информационной компетентности в условиях цифровой трансформации процессов в образовании и здравоохранении необходимо для определения на их основе рекомендаций и требований для достижения результата оптимальным способом с учетом современного уровня развития общества.

3. Выявленные педагогические закономерности являются базой для реализации научно обоснованного управления процессом формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения в рамках дополнительного профессионального образования.

4. Каждый педагогический принцип регулирует разрешение противоречий, возникающих в процессе обучения в случае несоответствия традиционных представлений и взглядов на процесс обучения современным условиям развития общества и технологий. Поэтому выявление педагогических принципов и противоречий в обучении является актуальной задачей педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г.
2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 г.
3. Овсяницкая Л.Ю. Построение и реализация юниарной модели информационной компетентности специалистов здравоохранения. М. : Пере, 2016. 172 с.
4. Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путём обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях : Приказ Министерства здравоохранения России от 3 августа 2012 г. № 66-н.
5. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования. М. : Педагогика, 1982. 158 с.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: Федеральный закон № 242-ФЗ от 29 июня 2017 г.
7. Овсяницкая Л.Ю. Технологические основы формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения на основе интеллектуального анализа данных педагогического мониторинга. М. : Пере, 2016. 180 с.
8. Соколов В.И. К вопросу о предмете исследования опережающего и открытого образования взрослых // Человек и образование. 2009. № 1. С. 140–146.
9. Татаренкова И.А., Кибец В.Н. Преподаватель как фасилитатор инновационного образовательного процесса в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 950.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 июля 2018 г.

PEDAGOGICAL REGULARITIES AND PRINCIPLES OF HEALTH PROFESSIONALS' INFORMATION COMPETENCE FORMATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF PROCESSES IN EDUCATION AND HEALTHCARE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 152–157.

DOI: 10.17223/15617793/433/21

Larisa Yu. Ovsyanitskaya, Financial University under the Government of Russian Federation, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: larovs@rambler.ru

Keywords: health professionals; digital transformations; advanced professional education.

The influence of digital transformations in education and health care on the formation of information competence of health care professionals within the framework of additional professional education is considered. It is shown that at present all branches of human activity undergo significant changes or transformations under the influence of digitalization. On July 28, 2017, by the order of the Government of the Russian Federation, the Digital Economy of the Russian Federation program was approved, in which it is justified that data in a digital form become the key factor of production in all spheres of social and economic activity, which increases the country's competitiveness, the quality of citizens' life and ensures economic growth and national sovereignty. Information systems in the spheres of education and public health are classified as objects of the critical information infrastructure of the Russian Federation. It is analyzed that the training of qualified personnel in the field of information and communication technologies is one of the key directions for increasing competitiveness in all areas of the economy. The article proves that the formation of the information competence of health professionals in the conditions of digital economy development requires a constant change in the content, methods and forms of training. Identification of regularities of health professionals' information competence formation in the conditions of digital transformation of processes in education and health care is necessary to determine on their basis recommendations and requirements for achieving the result in an optimal way, taking into account the current level of society development. In the article, the pedagogical regularities and principles of health professionals' information competence formation the author revealed are presented. It is substantiated that each pedagogical principle regulates the resolution of contradictions arising in the learning process in case of the inconsistency between traditional ideas and views on the process of teaching and modern conditions of society and technology development. Therefore, the identification of pedagogical principles and contradictions in teaching is an urgent task of pedagogy. It is proved that pedagogical regularities and principles are the basis for the implementation of scientifically based management of the process of health professionals' information competence formation in the context of advanced professional education.

REFERENCES

1. Strategy of the Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017. (In Russian).
2. Program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-p of July 28, 2017. (In Russian).
3. Ovsyanitskaya, L.Yu. (2016) *Postroenie i realizatsiya yuniarnoy modeli informatsionnoy kompetentnosti spetsialistov zdravookhraneniya* [Construction and implementation of the uniar information health competence information model]. Moscow: Pero.
4. On the approval of the procedure and terms for improvement by medical workers and pharmaceutical workers of professional knowledge and skills through training in additional professional educational programs in educational and scientific organizations: Order of the Ministry of Health of Russia No. 66-n of August 3, 2012. (In Russian).
5. Zagvyazinskiy, V.I. (1982) *Metodologiya i metodika didakticheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of didactic research]. Moscow: Pedagogika.
6. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Application of Information Technologies in the Field of Health Protection: Federal Law No. 242-FZ of June 29, 2017. (In Russian).
7. Ovsyanitskaya, L.Yu. (2016) *Tekhnologicheskie osnovy formirovaniya informatsionnoy kompetentnosti spetsialistov zdravookhraneniya na osnove intellektual'nogo analiza dannykh pedagogicheskogo monitoringa* [Technological basis for the formation of information competence of health professionals on the basis of intellectual data analysis of pedagogical monitoring]. Moscow: Pero.
8. Sokolov, V.I. (2009) K voprosu o predmete issledovaniya operezhayushchego i otkrytogo obrazovaniya v zroslykh [On the subject of the study of advanced and open education for adults]. *Chelovek i obrazovanie*. 1. pp. 140–146.
9. Tatarenkova, I.A. & Kibets, V.N. (2015) Prepodavatel' kak fasilitator innovatsionnogo obrazovatel'nogo protsessa v vuze [The teacher as a facilitator of the innovative educational process at the university]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1.

Received: 14 July 2018

РЕФОРМИРОВАНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проводится анализ реформирования негосударственного сектора образования в контексте человеческого капитала в Российской Федерации. Выделяется мобильность негосударственного вуза как базовое условие развития человеческого капитала. Представлены основные отличия частной высшей школы от государственных вузов в отечественной системе образования. Раскрывается потенциал негосударственного вуза для развития человеческого капитала в России. Предложены пути развития негосударственных вузов с целью повышения конкурентоспособности в образовательном пространстве.

Ключевые слова: негосударственный сектор образования; частная высшая школа; мобильность негосударственного вуза; человеческий капитал; инновационные технологии.

Начало XXI в. характеризуется переменами не только в политической и экономической жизни страны, но и в целом трансформацией всех социальных институтов. Произошедшие изменения, как в самом институте образования, так и на рынке труда, являющимся одним из основных потребителей образовательных услуг, представили новый феномен российской образовательной политики – негосударственный сектор образования. Сегодня негосударственный сектор образования является неотъемлемой частью системы отечественного образования, способствуя ее развитию и выполняя важнейшие общегосударственные задачи:

- предоставляет возможность получить образование значительной части молодежи, не поступившей на бюджетные места в государственные вузы;
- является базой для инноваций;
- привлекает дополнительные инвестиции в сферу образования со стороны граждан, предпринимателей, зарубежных образовательных фондов и организаций.

За небольшой период своего существования сектор негосударственного образования показал себя мобильным, осваивающим незанятые ниши на современном рынке труда, апробирующим инновационные формы и методы образования. Однако весьма закономерно возникает вопрос, в чем же проявляется мобильность негосударственного вуза? Общеизвестно, что частное образование управляемое рынком. Негосударственные вузы в нашей стране, находясь в наименее выгодном положении по сравнению с государственной высшей школой, вынуждены реагировать на малейшие изменения на рынке труда в целях конкурентоспособности образовательного учреждения. При построении своего образовательного маршрута негосударственный вуз в первую очередь учитывает не только заказ государства и потребности граждан, но и отслеживает малейшие инновационные изменения в образовательном пространстве. Немаловажную роль играют и требования работодателей, заинтересованных в специалистах, обученных с учетом потребностей определенного предприятия в конкретном регионе. В качестве примера можно привести такие вузы, как Международный университет, Международная академия маркетинга и менеджмента и др. [1], создавшие первыми программы подготовки государственных служащих.

Большинство частных вузов более мобильны в получении первого и второго высшего образования од-

новременно. Несомненно, это возможно и в государственных вузах, однако в силу своей громоздкой структуры они не столь мобильны, как частная школа, реагирующая на малейшие изменения рынка труда и позволяющая своим выпускникам получать два образования одновременно. В данном случае мобильность негосударственного вуза проявляется в составлении переходных учебных планов и введении дополнительных курсов.

Глобальная конкуренция национальных систем образования, их качества и получаемого на выходе результата в виде компетентных высококвалифицированных специалистов привела к необходимости внедрения инновационных технологий обучения в образовательный процесс частной высшей школы. Основные инновации в негосударственном вузе направлены на совершенствование системы управления и структуры, а также формирование оптимально сбалансированного коллектива, включая студенческую составляющую, повышение эффективности и результативности учебного процесса, создание и постоянное совершенствование учебно-материальной базы. Одним из инновационных подходов является внедрение дистанционного обучения. Не секрет, что многие ведущие мировые вузы уже активно действуют в этой сфере. Например, такие всемирно известные частные университеты, как Гарвард и Стэнфорд, уже используют эту форму обучения на целом ряде своих специальностей.

Отличительной особенностью частных вузов, по нашему мнению, является интеграция с зарубежными университетами. По оценке В.А. Зернова, многие негосударственные вузы имеют интересные предложения от известных университетов о создании их филиалов и представительств в нашей стране. Международная направленность частной высшей школы связана со вступлением России в единое образовательное пространство, предполагающее готовность к изменениям и координации усилий по сближению национальных политик в области образования, к оценке, подтверждающей качество осуществления образовательного процесса в вузе, и, таким образом, вызывает необходимость усиления внимания к профессионально ориентированному обучению студентов. При отсутствии поддержки негосударственных вузов со стороны государства – это реальный путь получения вполне конкурентоспособного образовательного продукта [2. С. 10] и привлечения более широкого круга абитуриентов.

Немаловажно для развития негосударственных вузов и их повышения конкурентоспособности тесное сотрудничество со сферой бизнеса. Как справедливо отмечает Г.А. Лукичев [3], сегодня одной из важнейших задач высшего образования является формирование у студентов «пригодности к трудуоустройству». Многие отечественные негосударственные вузы имеют службу трудуоустройства, предоставляющую старшекурсникам и выпускникам возможность выбора вакансии и повышения квалификации после окончания университета. Положительным моментом частной высшей школы является и то, что она отдает предпочтение преподавателям, имеющим значительный практический опыт по своей специальности и одновременно являющимся руководителями крупных компаний [4. С. 124].

Обучение в негосударственных вузах отличается, в первую очередь, индивидуальным и личностно-ориентированным подходами, поскольку поступающие на первый курс студенты имеют, как правило, разноуровневую подготовку по различным дисциплинам. При реализации личностно-ориентированного подхода важны два момента [5. С. 427]: в центре образовательного процесса находится сам обучаемый; учебный процесс подразумевает организацию и управление учебной деятельностью в сотрудничестве с преподавателем. Использование вышеперечисленных подходов в образовательном процессе возможно благодаря мобильной структуре негосударственного вуза и не очень большого количества обучающихся в группе. Исследователь В.Г. Попов отмечает, что если в госуниверситетах на одного профессора может приходиться в среднем до 60 студентов, то в частных вузах это число, как правило, в 6 раз меньше [4. С. 124].

Большинство негосударственных вузов особое внимание уделяют работе со школами [6. С. 30]. Согласно мнению В.А. Зернова [7. С. 178], в частной высшей школе особое место в обеспечении качественного набора студентов отведено системе довузовской подготовки, которая ориентируется не столько на подготовку учащихся средних общеобразовательных учреждений к поступлению в вуз, сколько на подготовку к самому обучению в вузе. В ряде негосударственных вузов в системе довузовской подготовки будущим студентам предоставлена возможность определить сферу их профессиональных предпочтений, пройти раннюю профориентацию, а в итоге – осознанный выбор будущей профессии.

Таким образом, комплексное воздействие многочисленных факторов, таких как переход к рыночным отношениям, возрастание образовательных потребностей населения, демократизация общества, способствовали развитию частной высшей школы и ее институционализации в современном российском обществе. Сегодня практически в каждом регионе нашей страны имеются развитые негосударственные вузы, обладающие достаточной материально-технической базой, показывающие конкурентоспособные результаты как в учебной, так и в научно-инновационной деятельности [2. С. 4]. Многие частные вузы сегодня успешно конкурируют с государственными. Так, из

30 российских вузов четыре негосударственных (Европейский университет в Санкт-Петербурге, РосНОУ, Сколтех и Российская экономическая школа) включены в международный рейтинг QS (2013 г.) [2].

Однако, несмотря на вышеперечисленные преимущества негосударственной высшей школы, она в настоящее время так не получила в России полной легитимации своей деятельности (как, например, во многих зарубежных странах). Дискуссионный характер проблемы развития негосударственных вузов в России стал еще более острым после принятия нового закона «Об образовании в РФ». Неоднократно высказывались мнения, что негосударственное образование не является общественно необходимым и не должно получать государственной поддержки в своем развитии. Показательно в этой связи мнение известного ученого И.М. Ильинского. В своей работе «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации» он отмечает: «Не может быть так, чтобы российская экономика была рыночной и в ней абсолютно доминировала частная собственность, а система образования при этом оставалась вне зоны рыночных отношений и в ней абсолютно господствовала государственная школа, осуществлялся тотальный государственный контроль за деятельностью и развитием школ и вузов» (цит по: [8. С. 47]).

Рассматривая основные отличия частной высшей школы от государственных вузов, весьма очевидно, что негосударственные вузы – не только новый феномен образовательной политики, но и новое вполне закономерное явление рыночной экономики:

- государственные вузы учреждаются государством и получают дотации из муниципального бюджета, в то время как негосударственные вузы финансово самостоятельны и учреждаются обществом. Государственная высшая школа в классическом варианте выполняет заказ государства, находясь между требованиями общественной эффективности и необходимостью формирования полноценной личности. Негосударственные вузы выполняют заказ общества, осуществляя права родителей и педагогическое право независимых субъектов образования, способствуя тем самым становлению гражданского общества;

- государственная высшая школа обычно предоставляет бюджетные места для абитуриентов, набравших более высокие баллы на вступительных экзаменах, в отличие от негосударственных;

- государственные вузы являются «государственными образовательными учреждениями», негосударственные – «негосударственными образовательными учреждениями», что влечет за собой правоприменительные различия (Зернов, Ильинский);

- государственные вузы в нашей стране дают классическое образование с упором на традиции и теорию, тогда как частная высшая школа больше внимания уделяет инновациям. Большинство негосударственных вузов нацелены на «практико-ориентированный» подход в обучении, в связи с чем акцент делается на гуманитарной подготовке и ее составляющей;

- частная высшая школа часто выполняет роль «социального моста» или «социального лифта» по

отношению к определенным категориям населения, работая в основном на формирующийся «средний класс» (по мнению Всемирного банка, это «материально удовлетворенное большинство населения»). Наиболее показательным является стремление этой категории населения к получению высшего образования в негосударственном секторе образования [9. С. 38]. В негосударственном вузе студенты вкладывают деньги в свое обучение, т.е. осуществляется «адресное вложение средств в человеческий капитал».

Возникают некоторые сложности и при трудоустройстве выпускников негосударственных вузов. По нашему мнению, это не что иное, как проявление стереотипа нашего общества, порождающее своеобразный замкнутый круг. Предубеждения поддерживаются работодателями, которые вследствие этого при выборе потенциального работника ориентируются на государственные вузы; меньшая конкурентоспособность выпускников негосударственных вузов на рынке труда еще больше подпитывает сформировавшиеся стереотипы. Между тем, как показывает опыт многих ведущих стран с развитой системой негосударственного сектора образования (США, Японии, Республики Корея, Австралии и др.), развитие конкуренции в системе образования оказывает весьма благотворное воздействие на состояние не только образовательного сектора, но и экономического сектора государства.

Сегодня весьма очевидна тенденция к сокращению негосударственных вузов в нашей стране. Если в 2012 г. в России насчитывалось 650 негосударственных вузов (что составляло почти половину общего количества вузов РФ), в которых обучалось более полутора миллиона студентов, то сегодня, при практически не изменявшемся количестве государственных вузов, количество негосударственных вузов начало резко снижаться [9. С. 36]. Как полагает большинство, наметившиеся тенденции ведут непосредственно к повышению качества образовательных услуг. Однако вопрос о факторах, определивших этот процесс, остается дискуссионным. Эмпирические исследования присутствия феномена негосударственного образования в общественном сознании показали, что его наиболее значимые признаки – саморегуляция; ориентация на местные потребности; практичность, уникальность и непостоянство форм [10]. Негосударственное образование в РФ выполняет важнейшую миссию в образовательном процессе, имея огромный потенциал, заключающийся в следующем:

- фактор приближения образовательных услуг к месту жительства, что чрезвычайно актуально в условиях низкой мобильности населения;
- опережающее по отношению к государственным вузам «освоение» специальностей и отдельных дисциплин, востребованных на этапе перехода к рыночной экономике и интеграции в мировую экономическую систему;
- перенос в сферу российского высшего образования инновационных технологий, зарекомендовавших себя в зарубежных вузах;
- возможность более гибко подходить к вопросам оплаты обучения благодаря мобильной системе

управления и распоряжения административными помещениями.

Базовыми категориями частной высшей школы являются приватность, проявление свободы и индивидуализации форм цивилизационного развития. Заслуживает внимания и замечание Ю. Рубина о том, что на сегодняшний день деление вузов на «государственные» и «негосударственные» не способствует здоровой конкуренции в образовании и является анахроничным, отражающим государственно-монополистическую ментальность его приверженцев [11]. В самом деле, существенным является качество образовательных услуг, а не принадлежность вуза. Практически во всех постсоциалистических странах приняты и реализованы программы поддержки негосударственного сектора. В европейских странах поддержка развития негосударственного сектора идет по линии квотирования сектора (т.е. определенная часть ресурсов выделяется негосударственному сектору). Например, в Польше в начале 90-х гг. прошлого столетия на государственном уровне была принята программа поддержки негосударственного сектора с годовым бюджетом, составляющим 15–16% от всех расходов на поддержку высшего образования. Затем процессы поддержки негосударственного сектора были существенно усилены.

Участие государства в сфере высшего отечественно-го негосударственного образования заключается в правовом регулировании их деятельности, в частности выдаче лицензий на право вести образовательную деятельность по программам высшего профессионального образования и их аккредитации. Россия – одна из немногих стран, в которых существует государственный документ об образовании. Среди большинства других стран распространилась практика, когда вузы местного подчинения выдают муниципальные дипломы. А остальные – негосударственные и частные – имеют свой собственный документ, за который несут полную ответственность и который иногда котируется выше любого диплома государственного образца, как, например, происходит с дипломами известных американских университетов Гарварда, Стэнфорда, Йелья, Кембриджа и т.д.

Однако в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. заявлено: «Необходимо обеспечить равные условия доступа государственных и негосударственных организаций, предоставляющих качественные образовательные услуги, к образовательной инфраструктуре и государственному и муниципальному финансированию» [12].

Сегодня негосударственный вуз как инновационное явление в образовательном пространстве России должен иметь не только имидж, но также миссию и тактику. Высшая частная все активнее выполняет целый ряд важнейших социальных функций, в числе которых [13. С. 128]:

- 1) диверсификационная, под которой следует понимать способность негосударственных вузов существенно расширять возможности личности в получении образования, обеспечении свободы и разнообразия выбора на рынке образовательных услуг;
- 2) инновационная, предполагающая реализацию комплекса мер по повышению качества образования

и его инновационного характера (внедрение дистанционного обучения, сетевое взаимодействие, базовые кафедры на предприятиях);

3) конкурентная, т.е. содействие развитию конкурентных отношений в сфере высшего образования (в связи с данной функцией представляется неподъемным отметить, что отдельные негосударственные вузы, успешно прошедшие аккредитацию, оказались способными составить конкуренцию даже государственным высшим учебным заведениям);

4) интеграционная, означающая укрепление прямых и обратных связей между образовательной системой, рынком труда, властными структурами и гражданским обществом;

5) кадрово-воспроизводственная, обеспечивающая закрепление в образовательно-научной сфере перспективных кадров за счет новых форм мотивации.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что негосударственные вузы в большей степени, нежели государственные, свободны в определении оплаты труда и предоставлении социальных гарантий своим работникам. В условиях нехватки профессорско-преподавательского состава, характерного сегодня как для государственной высшей школы, так и для частной, была избрана стратегия нивелирования дефицита. Негосударственные вузы, используя практику совмещения, привлекают, таким образом, к проведению лекционных занятий крупных известных ученых, имеющих большой педагогический опыт, предоставляя им большую свободу в определении содержания учебных курсов, возможность реализации интересующей их тематики научных исследований, более высокий уровень оплаты труда.

Одной из главных задач позиционирования вузов на рынке образовательных услуг является обоснование способа достижения ими конкурентных преимуществ. Существенное значение также имеет понимание специфики обеспечения и оценки конкурентоспособности вуза. Конкурентоспособность вуза представляет собой комплексную характеристику высшей школы за определенный период времени в условиях конкретного рынка, отражающую превосходство перед конкурентами по ряду таких показателей, как финансово-экономические, маркетинговые, материально-технические, кадровые и др. Сегодня с целью повышения конкурентоспособности негосударственных вузов существуют следующие пути развития [2]:

– мобильность в предоставлении получить высшее профессиональное образование. Многие частные вузы составляют учебные планы таким образом, чтобы студенты могли получать первое и одновременно второе образование;

– дополнительное образование. Эта ниша во многих странах (особенно постсоциалистических) занята именно негосударственными вузами. В нашей стране есть все предпосылки для более активного развития негосударственного сектора в этой области;

– корпоративные университеты. Уже сейчас более 20 вузов являются составными частями крупных корпораций;

– внедрение современных технологий – опережающее по сравнению с государственными вузами. Конкурентная среда заставляет негосударственные вузы создавать УМК более высокого качества, использовать электронное обучение;

– тесное взаимодействие с бизнесом и создание частных вузов мирового уровня. Отсутствие реального равноправия государственных и негосударственных вузов сдерживает этот процесс, а реализация положений нового закона об образовании позволит его запустить;

– развитие среднего профорганизации в учебных заведениях при вузах. Многие негосударственные вузы имеют свои колледжи и школы, что позволяет внедрять современные разработки и иметь реальную подпитку от среднего образования;

– интеграция с зарубежными университетами. Многие негосударственные вузы имеют интересные предложения от известных университетов о создании их филиалов и представительств в нашей стране. При отсутствии поддержки со стороны государства это реальный путь получения вполне конкурентоспособного образовательного продукта.

– интеграция и объединение вузов с целью создания консорциумов, холдингов как более конкурентоспособных типов организаций. Негосударственный сектор образования должен следовать тренду государственных вузов на укрупнение и повышение конкурентоспособности как на отечественном, так и на мировом уровне, с тем чтобы вузы превращались в кластеры постиндустриальной экономики. Опыт показывает, что большинство вузов топовой части ведущих мировых рейтингов – это образовательные консорциумы (холдинги). Наиболее яркий пример – Стэнфорд, объединяющий собственно вуз и большое количество научно-исследовательских центров.

Являясь одним из наиболее значимых участников процесса развития человеческого капитала, государство оказывает непосредственное воздействие на процесс образования путем разработки и реализации государственной социально-экономической политики [14]. Сокращение частной высшей школы, в первую очередь, может привести к резкому снижению квалификации персонала, а соответственно, к экономической конкурентоспособности России на мировом рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татарченко О. «Молодо, зелено». URL: http://www.kariera.orc.ru/0809-99/Almam_058.html
2. Зернов В.А. Негосударственные вузы России: современное состояние, тенденции, перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 3–11.
3. Лукичев Г.А. Высшее образование и парадигма труда // Высшее образование сегодня. 2005. С. 30–34.
4. Попов В.Г. Регулирование негосударственного сектора: проблемы и решения // Экономическое возрождение России. 2011. № 27 (Т. 1). С. 17–27.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос., 2004. 384 с.

6. Матиас Б. Перемены в системе российского образования: советское наследие – период перестройки – советское наследие – развитие с 1990 по 1991 г. – перспективы до 2010 г. // Модернизация образования в условиях глобализации : материалы круглого стола «Университет и гуманитарные проблемы региона», 14–15 сентября 2005 года / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 21–31.
7. Зернов В.А. и др. Негосударственная высшая школа России: становление, состояние, перспективы развития. М. : Университетская книга, 2009. 388 с.
8. Ильинский И.М. Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М. : Изд-во Моск. гуманит. ин-та, 2004. 351 с.
9. Мухаметзянова В.Г. и др. Становление и развитие негосударственного вуза как субъекта образовательной деятельности (на примере университета управления «ТИСБИ») // Образование и саморазвитие. 2014. № 3 (41). С. 36–40.
10. Добрянский И. Негосударственное образование как социокультурный феномен // Высшее образование в России. 2007. № 6. С. 83–85.
11. Рубин Ю. Теория конкуренции и задачи повышения конкурентоспособности российского образования // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 26–43.
12. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://base.garant.ru/194365/>
13. Сычев А.В. Негосударственные вузы в условиях современной России: тенденции развития, критериальные признаки, научный потенциал // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 128–130.
14. Цигулева О.В., Малкова И.Ю. Высшее образование и человеческий капитал: сравнительный контекст // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 5. С. 126–132.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 июня 2018 г.

REFORMING THE NON-STATE EDUCATION SECTOR IN THE CONTEXT OF HUMAN CAPITAL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 158–163.

DOI: 10.17223/15617793/433/22

Olesya V. Tsiguleva, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olsiguleva@yandex.ru
Irina Yu. Malkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ua

Keywords: non-state education sector; private higher education; private higher school's mobility; human capital; innovative technology.

The aim of the article is to analyze the current state of the domestic non-state higher school in the context of human capital formation. To solve the problems, the following theoretical methods were used: analysis of philosophical, psychological, pedagogical, psychological, sociological literature; historical and methodological analysis (including studies of documents, concepts, provisions); systematization of Russian and foreign experience of human capital formation. The analysis of theoretical sources showed that being in the least advantageous position compared to public universities; private higher education is forced to respond to the slightest changes in the labor market, in order to improve its competitiveness. Building their educational routes, non-state universities not only take into account citizens' needs and orders, but also monitor the slightest innovative changes in the educational space. Requirements of employers interested in specialists trained to meet needs of a particular enterprise in a particular region play an important role. One of the main tasks in positioning universities in educational services market is studying the way to achieve their competitive advantage. In order to increase the competitiveness of non-state universities, the following ways are proposed in the article: mobility in providing higher education: many private universities make curricula so that students can simultaneously obtain first and second higher education; supplementary education: this niche in many countries (especially post-socialist) is occupied by non-state universities, Russia has all prerequisites for a more active private sector development in this sphere; corporate universities: more than 20 universities are part of large corporations today; modern technologies introduction is advanced compared to public universities; competitive environment forces non-state higher education institutions to create teaching materials of higher quality, to use e-learning; close interaction with business and establishment of private universities of world level: the lack of real equality of state and private universities hinders this process, and the implementation of the provisions of the new law on education will allow it to run; development of secondary vocational education under universities: many private universities have their colleges and schools, which allows to introduce modern developments and to have real supply from secondary education; integration with foreign universities: many private universities have interesting offers from famous universities to establish branches and representative offices in Russia. It is concluded that the reduction of private higher education can lead to a sharp decrease in personnel skills and consequently in Russia's economic competitiveness in the world market.

REFERENCES

1. Tatarchenko, O. (1999) "Molodo, zeleno" [“Young, green”]. [Online] Available from: <http://www.kariera.orc.ru/0809-99/Almam058.html>.
2. Zernov, V.A. (2013) Non-governmental higher educational establishments of Russia: modern state, tendencies and perspectives. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 3–11. (In Russian).
3. Lukichev, G.A. (2005) Vysshee obrazovaniye i rynok truda: novaya paradigma vzaimodeystviya [Higher education and the labor market: a new interaction paradigm]. *Vysshee obrazovanie segodnya*. 6. pp. 30–34.
4. Popov, V.G. (2011) Regulirovanie negosudarstvennogo sektora: problemy i resheniya [Regulation of the non-state sector: problems and solutions]. *Ekonomicheskoe vozrozhdeniya Rossii*. 27 (1). pp. 17–27.
5. Zimnyaya, I.A. (2004) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow: Logos.
6. Matias, B. (2005) [Changes in the Russian education system: the Soviet legacy – the period of perestroika – the Soviet legacy – development from 1990 to 1991 – prospects until 2010]. *Modernizatsiya obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: materialy kruglogo stola “Universitet i gumanitarnye problemy regiona”* [Modernization of education in the context of globalization: materials of the round table “University and humanitarian problems of the region”]. 14–15 September 2005. Tyumen: Tyumen State University. pp. 21–31. (In Russian).
7. Zernov, V.A. et al. (2009) *Negosudarstvennaya vysshaya shkola Rossii: stanovlenie, sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Non-state higher school of Russia: formation, state, development prospects]. Moscow: Universitetskaya kniga.
8. Il'inskiy, I.M. (2004) *Negosudarstvennye vuzy Rossii: opyt samoidentifikatsii* [Non-state universities in Russia: the experience of self-identification]. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. in-ta.

9. Mukhametzyanova, V.G. et al. (2014) Stanovlenie i razvitiye negosudarstvennogo vuza kak sub'ekta obrazovatel'noy deyatel'nosti (na primere universiteta upravleniya "TISBI") [Formation and development of non-state university as a subject of educational activities (on the example of the University of Management "TISBI")]. *Obrazovanie i samorazvitiye*. 3 (41). pp. 36–40.
10. Dobryanskiy, I. (2007) Negosudarstvennoe obrazovanie kak sotsiokul'turnyy fenomen [Non-state education as a sociocultural phenomenon]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 83–85.
11. Rubin, Yu. (2007) Teoriya konkurentnosti i zadachi povysheniya konkurentospособности rossiyskogo obrazovaniya [The theory of competition and the tasks of increasing the competitiveness of Russian education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 26–43.
12. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/194365/>. (In Russian).
13. Sychev, A.V. (2014) Private higher schools in the conditions of contemporary Russia: development trends, criteria features, research potential. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 128–130. (In Russian).
14. Tsiguleva, O.V. & Malkova, I.Yu. (2015) Higher education and human capital in Russia and abroad: a comparative context. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 5. pp. 126–132. (In Russian).

Received: 11 June 2018

ПРАВО

УДК 349.2/349.3

Д.В. Агаев

ОТНОШЕНИЯ ПО ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНОМУ СТРАХОВАНИЮ КАК ОБЪЕКТ «СКРЫТОЙ КОНКУРЕНЦИИ» ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ТРУДОВОГО ПРАВА

Рассматривается поиск оптимальной модели взаимодействия трудового и социально-обеспечительного законодательства в условиях межотраслевого регулирования отношений по обязательному социальному страхованию. На основе анализа нормативных правовых актов, актуальных примеров из правоприменительной практики делается вывод о необходимости более четкого разграничения предметов регулирования указанных правовых отраслей и совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: правовая коллизия; конкуренция; социальное страхование; трудовое законодательство; социальное обеспечение; санкционированное правоприменение.

Поиск модели эффективного взаимодействия трудового и социально-обеспечительного законодательства России имеет давнюю историю, но тем не менее окончательно не завершен и в настоящее время. Причину этому, как представляется, нужно искать в сохранении определенной инерции мышления в доктринах трудового права и ее известном влиянии на нормотворческую сферу, где трудовому законодательству до сих пор отводится координирующая роль в отношении отдельных элементов системы социального обеспечения. Однако этот подход вряд ли можно считать обоснованным, поскольку он давно не отражает *status quo* применительно к соотношению этих двух отраслей права. Поэтому цель настоящей работы с учетом традиционной методологии правового исследования состоит в определении такой модели взаимодействия социально-обеспечительного и трудового законодательства, которая бы адекватно отражала современные тенденции их развития в теоретическом смысле и была бы результативной главным образом с позиции правореализационной практики.

Известно, что в советский период в специальной литературе были распространены противоположные мнения о соотношении указанных правовых отраслей. Согласно первому из них, доминировавшему долгое время и оставившему серьезный след в юридической теории и практике, трудовое право интегрировало отношения по социальному обеспечению, вследствие чего трудовое правоотношение рассматривалось как синтез трудовых и социально-обеспечительных прав и обязанностей сторон [1. С. 7; 2. С. 159]. Подобная трактовка в определенный период времени была обоснована и имела нормативное подкрепление в трудовом законодательстве, где даже сформировалась традиция включения в кодексы целых разделов, регулирующих социально-обеспечительные отношения (в частности, главы XVII «О социальном страховании» КЗоТ РСФСР 1922 г. [3] и главы XVI «Государственное социальное страхование» КЗоТ РСФСР 1971 г. [4]).

Впоследствии возникло и получило достаточно широкое распространение другое теоретическое направление, суть которого сводилась к признанию

трудоправовой связи сторон в качестве лишь одной из многих предпосылок правоотношений в сфере социального обеспечения. При этом подчеркивалось, что право социального обеспечения своим происхождением и становлением в отечественной доктрине и правовой системе обязано именно трудовому праву, структурным элементом которого признавалось долгое время, выделившись впоследствии в самостоятельную и крупную отрасль права и законодательства [5–7].

В современной теории взят курс на последовательное размежевание этих отраслей, несмотря на их очевидную близость. В специальной литературе справедливо отмечается, что право социального обеспечения регулирует специфические общественные отношения, включающие более широкий круг связей и субъектов; имеет самостоятельный метод правового регулирования, где правоотношения возникают на основе фактического состава; для которого одновременно не свойственны ни юридическое равенство, ни подчинение сторон друг другу, а нормы этой отрасли не связаны с регламентацией процесса трудовой деятельности. В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что социальное обеспечение имеет намного более давнюю историю своего развития, чем это было принято считать в начале-середине XX в. в науке трудового права; оно возникло и функционирует как самобытное явление общественной жизни, базирующееся на уникальных идеологических и аксиологических установках [8; 9; 10]. Сегодня в доктрине права социального обеспечения также не подвергается сомнению, что отношения по обязательному социальному страхованию являются неотделимой частью предмета этой правовой отрасли, а регулирующие их нормы – органичным элементом ее системы [11. С. 3, 35–42]. В теоретическом смысле данный факт не требует дополнительных доказательств. В целом подтверждает этот вывод и действующее законодательство [12]. Тем не менее проблема межотраслевой корреляции применительно к отношениям по обязательному социальному страхованию сохраняет свою актуальность.

В советский период, как уже отмечалось, законодатель пытался активно вмешиваться в процесс регла-

ментации отношений по социальному обеспечению (социальному страхованию), используя КЗоТ РСФСР 1922 г., а затем и КЗоТ РСФСР 1971 г., хотя соответствующие положения этих законов были либо слишком абстрактными, либо просто дублировали нормы специального социально-обеспечительного законодательства. К середине 90-х гг. прошлого века многие нормативные положения КЗоТ РСФСР 1971 г. вовсевошли в диссонанс с формируемой на новых принципах системой обязательного социального страхования и стали порождать межотраслевые коллизии норм трудового, налогового права и права социального обеспечения. Примеров этому было немало.

Одной из краеугольных проблем в этом плане, в том числе, учитывая дальнейший вектор развития социально-обеспечительного законодательства, стала, например, темпоральная межотраслевая коллизия норм ст. 2, 236, 237 КЗоТ РСФСР 1971 г. и действовавших в этот же период в соответствующей редакции взаимосвязанных положений главы 24 НК РФ [13], Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования» [14] (ст. 1, 3, 4 в ред. Федерального закона от 01.01.1996 г. и от 30.10.2001 г.), Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [15] (пп. 2 п. 2 ст. 12, п. 2 ст. 20 в ред. Федерального закона от 21.07.1999 г.), Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в РФ» [16] (ст. 100 в ред. Федерального закона от 05.05.1997 и от 21.07.1997) и Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию от 12 ноября 1984 г. [17] (п. 68, 86).

Как известно, реализованная в течение нескольких последующих лет концепция обусловленности права на обеспечение по социальному страхованию (главным образом в рамках пенсионной реформы) фактической уплатой страховых взносов имела неприятный «побочный эффект» в виде переложения рисков неуплаты или неполной их уплаты непосредственно на застрахованных лиц. Положения же ч. 2 ст. 237 КЗоТ РСФСР 1971 г. о том, что неуплата работодателями взносов на государственное социальное страхование не лишает работников права на обеспечение за счет средств государственного социального страхования, оказались весьма неудобным наследием предшествующей правовой системы, выпадали из новой идеологии формирования прав на социальное обеспечение.

Утрата юридической силы КЗоТ РСФСР 1971 г. с 1 февраля 2002 г., казалось бы, поставила точку в этом вопросе.¹ Между тем, он возник вновь, став предметом специального рассмотрения Конституционным Судом РФ. В Постановлении от 10 июля 2007 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан

А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой» [18] Конституционный Суд РФ фактически интерпретировал и воспроизвел идею, заложенную в ч. 2 ст. 237 КЗоТ РСФСР 1971 г.², уже в новых условиях.

Какую же модель связи трудового и социально-обеспечительного законодательства и соответствующих отраслей права в современный период выбрал законодатель сегодня? Нужно заметить, что первоначальная редакция Трудового кодекса РФ [19] позволяла вполне однозначно говорить об отказе нормотворца от вмешательства трудового законодательства в регулирование социально-обеспечительных отношений. Модель, существовавшая вплоть до октября 2006 г., предполагала легальное разграничение сфер правового регулирования двух отраслей, а в самом ТК РФ и в настоящее время нет раздела, подобного тем, что содержались в КЗоТ 1922 и 1971 гг.

Однако в конце июня 2006 г. трудовое законодательство, как известно, подверглось очередной реформе [20], которая в контексте рассматриваемого вопроса радикально изменила позицию законодателя. Речь идет о содержании ст. 1 ТК РФ, расширившей предмет регулирования трудового права за счет включения в его орбиту отношений по «обязательному социальному страхованию в случаях, предусмотренных федеральными законами». В результате при соотношении этого положения с нормами ч. 3 и 4 ст. 5 ТК РФ возникла парадоксальная ситуация, при которой отношения по обязательному социальному страхованию вдруг утратили связь с предметом права социального обеспечения, а соответствующие законодательные акты в одночасье формально были отнесены к системе трудового законодательства.

Но что означал и чем был обусловлен этот поворот и, главное, улучшило ли это изменение что-либо в качественном аспекте состояния рассматриваемой нормативной системы? Названные преобразования в ст. 1 ТК РФ были проведены, надо сказать, без какой-либо веской причины. Интересным является тот факт, что по заключению профильного комитета Государственной Думы РФ целью законопроекта № 329663-3 было устранение в законе противоречий и неточностей, исключение возможности неоднозначного толкования правовых норм *без изменения положений концептуального характера* [21]. Отсутствие концептуальных изменений было отмечено Правительством РФ и Правовым управлением Аппарата Государственной Думы РФ. Однако согласиться с таким выводом по уже названным причинам нельзя. Очевидно, что изменение в ст. 1 ТК РФ носило именно фундаментальный характер, с потенциалом порождения неоднозначных правовых последствий, двусмыслинности, открывало пути к злоупотреблению правом субъектами правоотношений, а поэтому, как представляется, требовало предварительного глубокого теоретического осмысления. Ведь в доктрине обязательное социальное страхование традиционно рассматривается в качестве одной из организационно-правовых форм отношений в сфере социального обеспечения и элемента предмета этой правовой отрасли. Нельзя забывать и о том, что обязательное социальное страхование относится не только к работе

ющим лицам, но также охватывает отношения по обязательному пенсионному и медицинскому страхованию граждан. Конечно, вполне возможным виделось развитие темы допустимости смежного регулирования в конкретных случаях применительно к этой группе отношений. Однако широкой и открытой научной дискуссии в средствах массовой информации на этот счет не произошло, хотя, как было указано в отзыве Правительства РФ на законопроект, в его подготовке принимали участие представители официальных органов, Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, специалисты в сфере трудового права, практические работники.

Как бы то ни было, актуальная позиция законодателя состоит в том, что формально законодательство об обязательном социальном страховании должно находиться в «подчинении» ТК РФ (ч. 3 и 4 ст. 5 ТК РФ). В этом смысле возникает целый ряд проблем теоретического и прикладного характера. Если обратиться к содержанию ТК РФ, то оказывается, что нормы, так или иначе связанные с системой обязательного социального страхования, (ч. 4 ст. 61, 183, 184, 255, 256 ТК РФ), имеют свойство отсылочных нормативных положений (оперативных норм), т.е. не имеют собственно регулятивного значения, а лишь ориентируют правоприменителя к специальным законодательным актам. Действительно ли указанные специальные законы настолько наполнены нормами трудового права, что могут считаться органичным элементом трудового законодательства?

При системном анализе норм абз. 10 ч. 2 ст. 1, ч. 3 и 4 ст. 5 ТК РФ в соотношении с положениями законодательства об обязательном социальном страховании оказывается, что выбранная нормотворцем модель заключает в себе глубинный и неустранимый дефект при имеющемся технико-юридическом оснащении нормативных правовых актов. Дело в том, что если за ТК РФ признать верховенство в соответствующих случаях перед законами об обязательном социальном страховании, то первый и главный вывод заключается в возможности регламентации отношений по обязательному социальному страхованию в договорном порядке (коллективным договором или соглашением, трудовым договором), поскольку обратное означало бы недопустимое ограничение прав субъектов трудового права (ст. 9 ТК РФ). Однако ни один специальный закон в сфере обязательного социального страхования, как известно, такой возможности не предусматривает. В частности, при определении величины средней заработной платы для исчисления страховых пособий применяются специальные правила [22]. Между тем, учитывая положения ст. 9, 41, 45, абз. 10 ч. 2 ст. 57 ТК РФ в соотношении с ч. 6 ст. 139 ТК РФ, у субъектов реализации права может возникнуть иллюзия возможности иного регулирования соответствующего вопроса, но именно в договорном порядке, что, конечно, невозможно с точки зрения законодательства об обязательном социальном страховании.

Можно привести пример потенциальной межотраслевой коллизии при соотношении норм ст. 227

ТК РФ, абзаца 4–6, 10 ч. 1 ст. 3 и ст. 5 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [23]. Речь идет о несогласованности понятийного аппарата этих законодательных актов с точки зрения правил грамматики русского языка, что требует специальных пояснений.

В настоящее время ориентиры в сфере русского языка в Российской Федерации, включая его использование в нормотворческой деятельности, заданы Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» [24] и принятым на его основании Приказом Минобрнауки России от 8 июня 2009 г. № 195 «О списках грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [25]. Однако вопросы грамматической пунктуации продолжают регламентироваться «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (утв. АН СССР, Минвузом СССР, Минпросом РСФСР) [26], что подтверждается судебной практикой [27].

В абз. 4–6 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ содержится дефиниция застрахованного лица, которая представлена в виде сложноподчиненного предложения. Используя положения § 130–135 Правил русской орфографии и пунктуации в целях грамматического и логического толкования указанных норм, можно прийти к заключению, что абзацы 5 и 6 ч. 1 ст. 3 этого Закона оказываются независимыми друг от друга подчиненными предложениями, по-разному раскрывающими смысл главного термина – «застрахованный». Стало быть, Закон предусматривает два определения одного понятия? Интересно, что если обратиться к содержанию абз. 3 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [28], то в нем также фиксируется две отдельные друг от друга группы застрахованных лиц. Итак, застрахованным может считаться: 1) физическое лицо, подлежащее обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с положениями п. 1 ст. 5 Закона, и 2) физическое лицо, получившее повреждение здоровья вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, подтвержденное в установленном порядке и повлекшее утрату профессиональной трудоспособности.

Какое же следствие может иметь подобная ситуация с точки зрения соотношения норм ТК РФ и Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ для правоприменительной практики? Принимая во внимание нормы абз. 10 ч. 2 ст. 1 и ч. 3, 4 ст. 5 ТК РФ, а также ст. 227 ТК РФ можно прийти к заключению о том, что

к числу застрахованных лиц по обязательному социальному страхованию нужно относить не только субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ. Помимо работников, это могут быть *иные лица, участвующие в производственной деятельности работодателя*, которые пострадали от несчастных случаев на производстве (обучающиеся по ученическому договору или проходящие практику на производстве, лица, привлекаемые в установленном порядке к выполнению общественно-полезных работ и др.) и перечислены в ч. 2 ст. 227 ТК РФ. Другими словами, в таком случае субъектный состав подлежащих обеспечению по обязательному социальному страхованию оказывается намного шире, чем это представлено в Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ. Более того, содержащееся в ст. 3 указанного Закона определение несчастного случая на производстве явно диссонирует с признаками этого явления, перечисленными в ст. 227 ТК РФ. Нужно ли говорить о том, в какой хаос может быть ввергнута правоприменительная практика в случае использования существующего формального подхода при соотношении норм двух отраслей права?

Существуют и другие примеры дисфункциональности при взаимодействии норм права социального обеспечения, трудового и налогового права, однако формат настоящей статьи не позволяет исследовать все эмпирические данные на этот счет. В рассматриваемом контексте речь может идти, в частности, об обоснованности правил установления и взимания страховых взносов на обязательное социальное страхование в соотношении с условиями обеспечения по страховым случаям, включая сохраняющееся пока льготное пенсионное обеспечение страховыми пенсиями. Актуален также вопрос о принципиальном сохранении существующей системы тарифов страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [29], которая в целом (если не считать скидок (надбавок) к тарифу) реализуется без учета результатов специальной оценки условий труда [30]. Во всяком случае, наличие реальных или потенциальных коллизионных проблем предполагает существование развитой системы коллизионного регулирования и соответствующего правового инструментария, включая выбор модели соотношения норм двух самостоятельных отраслей права. Но в настоящее время говорить об этом преждевременно. Имеющихся в ТК РФ и тем более в законах сферы социального обеспечения коллизионных норм, очевидно, недостаточно, чтобы обеспечить эффективное технико-юридическое регулирование в контексте рассматриваемой проблемы. Вытекающий из ст. 5 ТК РФ принцип *primus inter pares* не в полной мере применим даже для отраслевого законодательства. В этом смысле достаточно привести пример с Законом о специальной оценке условий труда [30], который был принят как самостоятельный нормативный правовой акт (специальный закон) при отсутствии, однако, формального закрепления в ТК РФ коллизионной конструкции *lex specialis derogat legi generali*. Такая формула реализована только внутри самого Кодекса применительно к

особенностям регулирования труда отдельных категорий работников (ст. 251–252 ТК РФ).

Известно, что законодательные акты нередко имеют межотраслевой характер и содержат в себе нормы разных отраслей права. Законы системы обязательного социального страхования в этом смысле не являются исключением. Их положения, действительно, могут содержать в себе указания на отдельные юридические факты, субъектов, отчасти понятийный аппарат трудового права, которые, как правило, в качестве предпосылок, дополнительных факторов имеют значение для осуществления обязательного социального страхования. Но этого, очевидно, мало для констатации отраслевой принадлежности законодательного акта. Так, отношения по обязательному социальному страхованию, как и гражданско-правовые, одновременно имеют имущественный и перераспределительный характер [11. С. 40–41]. Означает ли это, что их нужно немедленно включить в систему гражданского права? Разумеется, нет, ибо только внешнее сходство объектов познания не может быть достаточным основанием для подобных решений. Обязательное социальное страхование со всеми его разновидностями (включая пенсионное и медицинское) представляет собой несравненно более обширную и сложную систему общественных отношений, средств и инструментов правового воздействия, чем это представлено и предполагается в исследуемом нормативном положении ст. 1 ТК РФ. Ведь получателем обеспечения в обязательном социальном страховании может быть далеко не только работник, а, например, договорный метод установления материальных прав и обязанностей сторон в этой системе вообще не применим. Поэтому, полагаем, недопустимо использовать такую схему, при которой целая группа общественных отношений искусственно включается в орбиту хотя и смежной, но совершенно иной правовой отрасли с другими субъектами, целями и задачами, иным механизмом правового регулирования.

При таких, казалось бы, очевидных выводах становится совершенно непонятным, какую цель преследовал законодатель, вводя в 2006 г. абз. 10 в ч. 2 ст. 1 ТК РФ. Ведь кроме вероятных коллизий и рассогласованности правового регулирования подобное творчество ничему не способствует, тем более что это не имело и не имеет никакого практического значения. Думается, нужно признать ошибочными указанные преобразования закона и вернуться к первоначальной редакции ч. 2 ст. 1 ТК РФ (т.е. до 30 июня 2006 г.) во избежание возникновения и нарастания правоприменимых проблем.

Учитывая, однако, что речь идет о регулировании смежных общественных отношений указанными отраслями права, целесообразно нормативное закрепление модели так называемого санкционированного (разрешенного) правоприменения. Этот способ реализован, в частности, в административном [31] и уголовно-исполнительном (ч. 3 ст. 28, ч. 6 ст. 40, ст. 60.8, ч. 2 ст. 103, ч. 1 ст. 104 УИК РФ) законодательстве России. Он представляет собой ограничение на применение норм смежной отрасли без прямого указания на такую возможность в законе (например, трудового права к отношениям, связанным со служебной дея-

тельностью правоохранительных служащих, или с трудом лиц, осужденных к уголовным наказаниям) как антипод субсидиарному правоприменению (применению смежного законодательства по умолчанию).

Известные трудности в этом смысле создает отсутствие единого кодифицированного акта в сфере социального обеспечения, но для нормативной реализации указанной модели можно использовать другие механизмы. Одним из путей, полагаем, может стать модификация оперативных норм в базовых законах системы социального обеспечения. Например, целесообразно дополнить ст. 2 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» нормой следующего содержания: «Иные федеральные законы и нормативные правовые акты Российской Федерации применяются к отношениям в системе обязательного социального страхования только в случаях, если это прямо установлено федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования». Такое положение станет нормативным препятствием для

необоснованного и излишнего вторжения, в частности, трудового права в иную, обособленную от него правовую отрасль, а также предотвратит возникновение межотраслевых коллизий.

Законодатель при осуществлении правового регулирования должен предусматривать и обеспечивать единообразное понимание правовых норм всеми субъектами реализации права. Различное толкование в силу неочевидности, двусмысленности закона всегда означает наличие аномалии, дефекта, заложенного в механизм правового регулирования. Это особенно важно в тех случаях, когда касается установления гарантий для огромного числа граждан России в области труда и социального обеспечения, что при определенных обстоятельствах может иметь масштабные негативные социальные последствия. Думается, в ходе дальнейшей работы по совершенствованию трудового и социально-обеспечительного законодательства вопросу оптимизации сочетания и взаимодействия этих отраслей должно уделяться больше внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует сказать, что названная коллизия и сегодня может способствовать возникновению правоприменимых трудностей при исчислении страхового стажа и определении величины индивидуального пенсионного коэффициента для страховых пенсий. Эта ситуация требует дополнительного анализа в контексте правовой позиции об обеспечении преемственности правового регулирования, выраженной Конституционным Судом РФ в Определении от 5 ноября 2002 г. № 320-О «По жалобе гражданина Спесивцева Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «а» части первой статьи 12 и статьи 133.1 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в Российской Федерации»» (С3 РФ. 2003. № 5. Ст. 500).

² Однако в связи очередным изменением законодательного регулирования пенсионного обеспечения и вступлением в силу с 1 января 2015 г. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (С3 РФ. 2013. № 52 (часть 1). Ст. 6965), вероятно, наступает новый этап в развитии названной проблемы, поскольку нормы ст. 11 этого Закона еще не подвергались специальному анализу Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции РФ, как это было сделано в отношении ст. 10 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (С3 РФ. 2001. № 52 (часть 1). Ст. 4920.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 336 с.
2. Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М. : Наука. 1977. 310 с.
3. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 ноября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
4. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 декабря 1971 г. // Ведомости Верховного Суда РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
5. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М. : Юрид. лит. 1974. 304 с.
6. Иванова Р.И., Тарасова В.А. Предмет и метод советского права социального обеспечения. М. : Изд-во МГУ. 1983. 167 с.
7. Шайхатдинов В.Ш. Теория социального обеспечения. Юридический анализ / науч. ред. М.В. Молодцов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 143 с.
8. Аракчеев В.С. Теоретические и практические вопросы общей части права социального обеспечения. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2001. 135 с.
9. Миронова Т.К. Право и социальная защита. М. : Права человека. 2006. 336 с.
10. Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М. : ЗАО Юстицинформ, 2008. 600 с.
11. Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. СПб., 2003. 362 с.
12. Об основах обязательного социального страхования : Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3686.
13. Налоговый кодекс РФ (часть 2) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2000) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14. Ст. 1401.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3686.
16. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.
17. Об утверждении Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию и внесении изменений в Инструкцию ВЦСПС и Наркомздрава СССР о порядке выдачи застрахованным больничных листков: Постановление Президиума ВЦСПС от 12 ноября 1984 г. № 13-6 // Библиотека «Российской газеты». 1995. № 4.
18. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 29. Ст. 3744.
19. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
20. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. Ст. 2878.
21. СОЗД ГАС «Законотворчество» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2017. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/329663-3> (дата обращения: 19.12.2017).
22. Об утверждении Положения об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай вре-

- менной нетрудоспособности и в связи с материинством: Постановление Правительства РФ от 15 июня 2007 г. № 375 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 25. Ст. 3042.
23. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803.
 24. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 48. Ст. 5042.
 25. Российская газета. 2009. 21 августа (№ 156).
 26. Правила русской орфографии и пунктуации. М. : Учпедгиз, 1956.
 27. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 26 июня 2017 г. // ГАС «Правосудие». М., 2006–2018. URL: https://promyshleny-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=103843516&delo_id=1540005 (дата обращения: 28.02.2018).
 28. Российская газета. 2011. 18 марта (№ 57).
 29. О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2006 год: Федеральный закон от 22 декабря 2005 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 52 (1 ч.). Ст. 5592.
 30. О специальной оценке условий труда: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (часть 1). Ст. 6991.
 31. Вопросы прохождения военной службы: Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 (ст. 32) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 мая 2018 г.

COMPULSORY SOCIAL INSURANCE RELATIONSHIPS AS THE OBJECT OF “LATENT COMPETITION” OF SOCIAL SECURITY LAW AND LABOUR LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 164–170.

DOI: 10.17223/15617793/433/23

Dmitry V. Agashev, Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol, Russian Federation). E-mail: agajur@outlook.com

Keywords: conflict of laws; competition; social insurance; labour legislation; social security; authorised law enforcement.

The article aims to find an effective model of legal regulation of compulsory social insurance matters as an object of regulation for proper interconnection of labor law and social security law. The study is based on public sources: provisions of labor regulatory acts along with acts of social security legislation, practices of the Constitutional Court of Russian Federation, general jurisdiction courts and specialists' reviews in the aforementioned areas of law. Dialectical and historical methods along with observation and description were used as the basic scientific techniques of the study. In addition, special juridical approaches such as comparative law analysis, formal legal method and method of legal modeling were applied. It has been found that the organic link of labor law and social security law determines interbranch competition in the relationship of compulsory social insurance, but the modern legal doctrine is based on the dissociation of these areas of law. This article proves that immanent properties of compulsory social insurance relationship define them as an inseparable part of social security law. Consequently, rules governing such matters belong to social security legislation as well. The study provides a critical outlook on the legislator's inconsistency towards repeatedly changed communication models of the considered branches of law. The negative results of this approach are presented on the examples from the court practice. It was noted that amendments of 2006 to Art. 1 of the Labor Code of the Russian Federation on the expansion of the subject of labor law by inclusion of the compulsory social insurance relationship did not improve the quality of the legislative system in question, but created potential law collisions. The article argues the lack of reason of the mentioned amendments to labor law; models of conflict situations and the consequences of their development are given. As a result, a number of conclusions are made. In particular, it is necessary to ensure a consistent distinction of labor law and social security law at the legislative level by excluding compulsory social insurance matters from Art. 1 of the Labor Code of the Russian Federation. Application of the model of permitted law enforcement, which implies limitations on the regulations of an associated area of law without explicit indication of such a possibility in a special law, is justified. In this article, specific modifications of social and security legislation are proposed, which provide regulatory obstacles to the emergence of law interbranch collisions.

REFERENCES

1. Aleksandrov, N.G. (1948) *Trudovoe pravootnoshenie* [Labor relationship]. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR.
2. Gintsburg, L.Ya. (1977) *Sotsialisticheskoe trudovoe pravootnoshenie* [Socialist labor relationship]. Moscow: Nauka.
3. Sobranie uzakoneniya RSFSR. (1922) Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 9 novembra 1922 g. [The Code of Labor Law of the RSFSR of November 9, 1922]. *Sobranie uzakoneniya RSFSR*. 70. Art. 903.
4. Vedomosti Verkhovnogo Suda RSFSR. (1971) Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 9 dekabrya 1971 g. [The Code of Labor Law of the RSFSR of December 9, 1971]. *Vedomosti Verkhovnogo Suda RSFSR*. 50. Art. 1007.
5. Andreev, V.S. (1974) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR* [Social security law in the USSR]. Moscow: Yurid. lit.
6. Ivanova, R.I. & Tarasova, V.A. (1983) *Predmet i metod sovetskogo prava sotsial'nogo obespecheniya* [The subject and method of Soviet social security law]. Moscow: Moscow State University.
7. Shaykhatalin, V.Sh. (1982) *Teoriya sotsial'nogo obespecheniya. Yuridicheskiy analiz* [Social security theory. Legal analysis]. Saratov: Saratov State University.
8. Arakcheev, V.S. (2001) *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy obshchey chasti prava sotsial'nogo obespecheniya* [Theoretical and practical issues of the general part of social security law]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Mironova, T.K. (2006) *Pravo i sotsial'naya zashchita* [Law and social protection]. Moscow: Prava cheloveka.
10. Lushnikova, M.V. & Lushnikov, A.M. (2008) *Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya* [A course of social security law]. Moscow: ZAO Yustitsinform.
11. Fedorova, M.Yu. (2003) *Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya sotsial'nogo strakhovaniya* [Theoretical problems of the legal regulation of social insurance]. Law Dr. Dis. St. Petersburg.
12. Russian Federation. (1999) Ob osnovakh obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya: Federal'nyy zakon ot 16 iyulya 1999 g. № 165-FZ [On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance: Federal Law No. 165-FZ of July 16, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 29. Art. 3686.
13. Russian Federation. (2000) Nalogovyy kodeks RF (chast' 2) ot 05 avgusta 2000 g. № 117-FZ (red. ot 29.12.2000) [Tax Code of the Russian Federation (Part 2) No. 117-FZ of August 5, 2000 (ed. of 29.12.2000)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3340.

14. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (1996) 14. Art. 1401.
15. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (1999) 29. Art. 3686.
16. *Vedomosti SND i VS RSFSR*. (1990) 27. Art. 351.
17. Biblioteka "Rossiyskoy gazety". (1995) Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke obespecheniya posobiyami po gosudarstvennomu sotsial'nomu strakhovaniyu i vnesenii izmeneniy v Instruktsiyu VTsSPS i Narkomzdrava SSSR o poryadke vyдачи zastrakhovanym bol'nichnykh listkov: Postanovlenie Prezidiuma VTsSPS ot 12 noyabrya 1984 g. № 13-6 [On the approval of the regulations on the procedure for providing benefits for state social insurance and introducing changes to the Instruction of the All-Union Central Council of Trade Unions and the USSR People's Commissariat for Healthcare on the procedure for issuing sick leaves to the insured: Decree of the Presidium of the All-Union Central Council of Trade Unions No. 13-6 of November 12, 1984]. *Biblioteka "Rossiyskoy gazety"*. 4.
18. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2007) 29. Art. 3744.
19. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2002) 1 (Pt. 1). Art. 3.
20. Russian Federation. (2006) O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii, priznani ne deystvuyushchimi na territorii Rossiyskoy Federatsii nekotorykh normativnykh pravovykh aktov SSSR i utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniyi zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 30 iyunya 2006 g. № 90-FZ [On the amendments to the Labor Code of the Russian Federation, the recognition of certain normative legal acts of the USSR not in effect on the territory of the Russian Federation, and certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation having lost their force: Federal Law No. 90-FZ of June 30, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 2878.
21. Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2017) SOZD GAS "Zakonotvorchestvo" [The system of ensuring legislative activity of the state automated system "Lawmaking"]. [Online] Available from: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/329663-3>. (Accessed: 19.12.2017).
22. Russian Federation. (2007) Ob utverzhdenii Polozheniya ob osobennostyakh poryadka ischisleniya posobiy po vremennoy netrudosposobnosti, po beremennosti i rodam, ezhemesyachnogo posobiya po ukhodu za rebenkom grazhdanam, podlezhashchim obyazatel'nomu sotsial'nomu strakhovaniyu na sluchay vremennoy netrudosposobnosti i v svyazi s materinstvom: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 iyunya 2007 g. № 375 [On the approval of the regulations on the specifics of the procedure for calculating the benefits for temporary disability, for pregnancy and childbirth, the monthly allowance for the care of the child for citizens subject to compulsory social insurance in case of temporary disability and in connection with maternity: Decree of the Government of the Russian Federation No. 375 of June 15, 2007]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 25. Art. 3042.
23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (1998) 31. Art. 3803.
24. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2006) 48. Art. 5042.
25. *Rossiyskaya gazeta*. (2009) 21 August. 156.
26. Barkhudarov, S.G. et al. (1956) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii* [Russian spelling and punctuation rules]. Moscow: Uchpedgiz.
27. Pravosudie. (2017) *Reshenie Promyshlennogo rayonnogo suda g. Samary ot 26 iyunya 2017 g.* [Decision of the Industrial District Court of Samara of June 26, 2017]. [Online] Available from: https://promyshlenny--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=103843516&delo_id=1540005. (Accessed: 28.02.2018).
28. *Rossiyskaya gazeta*. (2011) 18 March. 57.
29. Russian Federation. (2005) O strakhovykh tarifakh na obyazatel'noe sotsial'noe strakhovanie ot neschastnykh sluchaev na proizvodstve i professional'nykh zabolеваний на 2006 god: Federal'nyy zakon ot 22 dekabrya 2005 g. № 179-FZ [On insurance rates for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases for 2006: Federal Law No. 179-FZ of December 22, 2005]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (Pt. 1). Art. 5592.
30. Russian Federation. (2013) O spetsial'noy otsenke usloviy truda: Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 426-FZ [On a special assessment of working conditions: Federal Law No. 426-FZ of December 28, 2013]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (Pt. 1). Art. 6991.
31. Russian Federation. (1999) Voprosy prokhozhdeniya voennoy sluzhby: *Ukaz Prezidenta RF* ot 16 sentyabrya 1999 g. № 1237 (st. 32) [Questions of military service: Presidential Decree No. 1237 (Article 32) of September 16, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 38. Art. 4534.

Received: 20 May 2018

УДК 343.91, 343.953

H.B. Ахмедшина

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПРИЧИННОСТИ СЕРИЙНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Раскрывается алгоритм оценки исследовательской ценности отдельных теорий причинности серийных преступлений. Несмотря на то, что рассматриваемые теории обладают и теоретической, и практической значимостью, каждая из них имеет сильные и слабые аспекты. Результатом проведенного исследования выступил анализ целесообразности применения социальных и психологических теорий причинности к серийным преступлениям.

Ключевые слова: серийный преступник; серийный убийца; теории причинности; социальный фактор преступности; психологический фактор преступности.

Детерминантами преступного поведения традиционно называют комплекс биологических, социальных и психологических факторов. Рассмотреть все три группы факторов в рамках одной теории, имеющей практическую ценность, невозможно. Дело в том, что чем менее однообразен круг явлений, подлежащих исследованию, тем более абстрактны выводы, получаемые исследователем. Классическим примером является философское познание, исследующее весьма широкий круг явлений в рамках конкретного исследования и, как следствие, обладающее крайне мизерной практико-прикладной ценностью.

К группе социальных теорий причинности серийных преступлений следует отнести феминистическую теорию, теорию субкультур, и теорию мифа.

Содержательный анализ феминистической теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. К феминистическим теориям применительно к различным областям знания в нашей стране традиционно относятся очень скептично. Это обусловлено и предвзятостью исследователей феминистического толка [1. С. 111], и их порой некоторой научной недобросовестностью. Тем не менее применительно к серийным преступлениям данная теория вполне может быть применена.

Изменяющееся индустриальное общество породило новое восприятие традиционных социальных явлений. Явление преступности также было предложено пересмотреть в рамках так называемой критической (радикальной) криминологии. Радикальная криминология характеризуется крайне критическим отношением к классическим теориям преступности, к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям, что конечно не рационально, а также активным использованием эмпирики, что без сомнения позитивно. В критической криминологии Правонарушитель позиционируется как двойная жертва – общества и закона. «Вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине» [2. С. 227]. Логика рассматриваемых исследователей в том, что если преступление – это то, что нарушает закон, то «в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон» [3. С. 97].

Одним из направлений критической криминологии является феминистическая теория преступности, в которой выделяются два основных подхода. Либеральный феминизм утверждает, что причина преступности в особенностях социализации, связанных с полом. Радикальный феминизм утверждает – причина преступности в том, что «преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать» [4. С. 149–202; 5. С. 10]. Неудивительно, что радикальные феминистки, например, не признают понятия «насилие в семье», заменяя его на единственно возможное, по их мнению, «насилие против женщин».

Исследования 2011 г. показали, что числу исследований, которые нашли подтверждение феминистской теории (гендерное неравенство коррелировало или способствовало насилию против женщин), противостояло примерно такое же число исследований, которые опровергли эту теорию (высокое гендерное равенство, напротив, способствовало совершению насилия над женщинами) [1. С. 113].

Конечно феминистическая криминология не может быть признана абсурдной полностью, необходимо помнить о результивности исследований женской преступности, однако идеологическая ангажированность данного направления не должна быть забыта.

Больше идеологии, чем ученые, не всегда адекватные как исследователи, феминистки тем не менее совершили правильно отметили крайнюю степень дисбаланса частоты встречаемости среди серийных преступников представителей разного пола. Женщины – серийные преступники явление, хотя не уникальное, но достаточно нераспространенное.

Учитывая все сказанное, становится ясной позиция исследователей феминистического направления о том, что «серийные убийцы в основном женоненавистнические мужчины, которые отыгрывают (своевственные им – прим. авт.) общественные гендерные отношения в крайней форме» [6. С. 2]. Уменьшая степень доминирования мужчин в обычной жизни, мы предотвращаем проявление этого доминирования в крайних формах в виде серийных преступлений.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, объективно неадекватен, так как преисполнен агрессивности. Системообразующим

является незапланированность, стихийность события преступления, слабая организация его, широкий диапазон особенностей (внешних и личностных) жертв, отсутствие усилий по сокрытию следов преступления. Преступником будут предприняты действия, направленные на игнорирование личности жертвы – отказ от вступления в диалог, отказ от контакта глазами и пр.

Теоретическая состоятельность и ценность. Феминистический подход в отношении серийных преступников характеризуется уверенностью в том, что «сексуальное принуждение мотивируется силой, не похотью» [7. С. 124]. Однако проведенные исследования, как ранее уже неоднократно говорилось, подтверждают статистическую взаимосвязь между серийными преступлениями и сексуальной составляющей личности. В целом же концепция понимания преступности, базирующаяся исключительно на идеи «вины» не человека, а большой группы лиц (общества, представителей определенного пола, нации, улицы), слишком сомнительна, исходя из современной (от древних времен до сегодняшнего дня) науки о преступлении.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является ярко выраженной объяснительной теорией. Область её применения лежит разве что в разработках содержания и алгоритмов воздействия на сознание обывателей, с выраженными системами либеральных ценностей.

Эмпирическая состоятельность. Феминистические теории опираются на малооспоримое утверждение о том, что «в последнее десятилетие количество женщин в тюрьме почти удвоилось, но их участие в преступлении по-прежнему минимально по сравнению с мужчинами» [8. С. 135]. Особенно данная статистика характерно для серийных преступников, в среде которых количество мужчин неизмеримо больше количества женщин. Поэтому с этой позиции рассматриваемая теория может быть признана эмпирически состоятельной. Однако утверждение о том, что «мужчины сексуально не возбуждаются от насилия как такового» [7. С. 76] не нашло эмпирического подтверждения, а наоборот противоречит всем имеющимся на данный момент результатам исследований.

Сильные стороны теории. К ним относятся исчерпываемость объяснения, простота и однозначность.

Слабые стороны теории. Происходят из её односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором, тем более социальным (гендер), да еще и явно недостаточно изученным). Спорность гендерного миропонимания чужда отечественной правовой науке с её выраженной рациональностью и стремлением к объективности. Вероятно, что в будущем сторонники феминистической теории найдут для неё дополнительное обоснование, хотя бы для экстремальных феноменов, под который вполне подходит личность серийного преступника.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как рассматриваемая теория поднимает вопрос о сексизме, дискриминации, существующих в сфере

науки и уголовной политики, и призывает ученых и практиков прилагать усилия для минимизации этих проявлений. А так как для современного либерального общества крайне значимо понизить ценность основной производственной единицы современного общества (как правило европеоида, мужчины, 30–40 лет, состоящего в браке, гетеросексуального, имеющего детей, с приверженностью к традиционным видам религиозного мировосприятия), феминистические теории за рубежом активно насаждаются в науке и начинают распространяться у нас. Доктринальная ангажированность выражена слабо, особенно в нашей стране.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние этой теории – на уровне большого количества заявлений и лозунгов, декларативных, слабосистематизированных. Однако имеются перспективы, если авторы перестанут ограничиваться декларативными выпадами ненаучного характера.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории субкультур.

Содержание теории. Традиционно говоря о теории субкультур, исследователи имеют в виду такое объяснение причин преступности, в котором основным движущим фактором выступает наличие социальных страт, обладающих системой общественного поведения и ценностей, существующих отдельно от господствующей системы поведения и ценностей и являющихся все же частью этой центральной системы.

Действительно, как показывает анализ, определенные группы лиц склонны к совершению значительной части всех преступлений. Так,

– «в Великобритании, например, чернокожие составляют лишь 2,8 процента всех граждан <...> 9 процентов всех арестованных лиц» [9. С. 143, 145];

– «менее чем 2 процента населения классифицируются как представители афро-カリбского происхождения, составляя 12 процентов мужчин-заключенных и 19 процентов женщин-заключенных» [8. С. 178];

– традиционно «около 7 процентов популяции являются привычными преступниками, и они составляли 61 процентов всех деликвентов» [10. С. 210; 11. С. 47].

Учитывая, что «криминология оказывается в самоналоженном научном карантине, когда приходит понимание возможной связи между расой и поведением» [9. С. 137], исследования в этом направлении сегодня малоперспективны.

В целом «либеральная культурная теория предполагает, что преступление является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе» [8. С. 172]. Однако связь серийных преступлений с социокультурными или экономическими факторами не выявлена. Наоборот, подавляющее большинство серийных преступников – представители белой расы, среди которых достаточное количество экономически не бедствующих лиц.

Между тем, если рассматривать субкультуру не в социальном и экономическом, а исключительно в цивилизационном аспекте, данная теория может объяснить феномен серийных преступлений, как и любую форму асоциального поведения [12. С. 242].

Субкультурные группы делят часть элементов с господствующей культурной традицией (цивилизацией),

сохраняя и собственные нормы поведения и ценности. Сегодня официальная культура пропагандирует, хотя бы формально, монотеистические нравственные ценности (идеи добра). Однако параллельно с официальной культурой в современном обществе давно и прочно сложилась культура зла, культура «оборотней», например, предполагающая активный интерес обывателей к творчеству (живопись, графика) серийных преступников, выдаваемого за элемент культуры [13. С. 8].

Агрессия, как одна из системообразующих идей современного общества конкуренции и потребления, в значительной степени предопределяет мировосприятие и поведение обычных граждан. Рост преступности, уровня семейного насилия, социальной агрессивности, агрессивности сексуальной – явления одного порядка и следствие избыточного уровня агрессии, свойственного современности. Серийные преступления, как и террористические акты, выступают конечным результатом развития «культуры оборотней», конечным уровнем морального ослушания, исходящего из эгоистических интересов [14. С. 28].

Необходимо также учесть, что современная система образования, в том числе и отечественная последних двух десятилетий, не способствует интенсивному росту интеллекта популяции, что усиливает неспособность сопротивляться агрессивным установкам, а значит, предопределяет рост преступности [8. С. 57; 15. С. 62], в том числе, естественно, и серийной.

«59,7% опрошенных студентов заявили, что способны совершить агрессивное противоправное действие» [Там же. С. 119]. Заявили, не скрывая и без стеснения. Всё это вписывается в рамки последней разновидности теории субкультуры, выдвинутой М. Фольфгангом и Ф. Ферракути в 1967 г. и получившей название теории насилия, в рамках которой представители субкультуры идентифицируют себя с насилием, не являющихся для них ни запретным, ни вызывающим ощущение вины.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным носителем негативной морали, базирующейся на отрицании монотеистической идеи добра. Это человек, исповедывающий философию сверхчеловека и презирающий жертвы своих преступлений. Системообразующим является фактор нанесения большого количества побоев, усилия преступника направлены на подчинение жертвы. Лица, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках теории субкультур, не склонны к сокрытию своей жизненной философии и асоциальности образа жизни.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат не социальные и экономические, а культурные условия существования человека [12. С. 242], опираются на философские взгляды подавляющего большинства религий. Выбор правильной и неправильной морали составляет одно из системообразующих прав человека в таких религиях, как христианство, зороастризм, ислам, а следовательно, природа этого выбора изучается уже давно.

Иным аспектом теоретической ценности рассматриваемой теории является распространенное и нашедшее широкое подтверждение в различных научных теориях положение о влиянии на конкретного человека внешних условий, в которых он существует. Культура же общества является одним из таких базовых элементов, формирующих реальность человеческого существования.

Учитывая длительную историю человечества, имеющего богатый опыт осмысливания проблем выбора между добром и злом, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточной.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений теории субкультур применительно к серийным преступлениям позволит лицу, производящему расследование, оценить социальную опасность подозреваемого посредством анализа его морально-эстетических взглядов и интересов, которые выявляются в процессе наблюдения или проведения следственных действий. Эти же свойства личности послужат фрагментами поискового профиля неизвестного преступника.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует обособленная группа серийных преступников, исповедывающих философию силы, сверхчеловека, философию агрессии, в том числе сексуальной. Так, например, «Банди (Теодор Банди – от авт.) утверждал, что насильтвенная порнография начала медленно формировать его смутные фантазии и предопределила конкретные идеи и действия» [16. С. 119]. Маскулинность образа серийного преступника выдерживается значительным количеством представителей этой криминальной группы.

Сильные стороны теории. К преимуществам теории относятся: исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории. Проистекают из неоднозначности феномена культуры, сложности оценки ее влияния как процесса не разового, а растянутого во времени, характеризующегося различной интенсивностью и многообразием форм проявлений. Не способствует широкому признанию также отсутствие в рассматриваемой теории причинности серийных преступлений материального носителя, её слабой связи с естественнонаучными областями знания, а следовательно, частая голословность утверждений, порой прячущаяся за неоднозначными статистическими данными.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как не предполагает существование реального виноватого (конкретного лица, или властной структуры), что автоматически переносит вину на государство. Обвинение современной культуры в «некультурности» – одна из любимых тем общественных деятелей и медийных субъектов, не предполагающих производство выводов. Доктринальная ангажированность низка, так как в условиях современного индустриального общества крайне непопулярна идея цензуры агрессивности в СМИ и художественных произ-

ведениях. Исключением является практика формальных локальных запретов на излишнюю агрессивную атрибутику в культурных произведениях (возрастные рейтинги, ретуширование произведений, абсурдная социальная реклама на фоне окружающей агрессии).

Учитывая же, что культура есть отображение экономических процессов, как-то корректировать первое без коррекции второго невозможно, а корректировать экономические процессы в целях достижения второстепенных задач нереально.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние теории – на уровне многократного повторения общеизвестных фактов, которое ввиду политической и доктринальной ангажированности не предполагает дальнейших серьезных перспектив развития.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории мифа.

Содержание теории. В рамках многообразия подходов данной теории просто не может не быть. Пусть она, на поверхностный взгляд, имеет некоторый конспирологический оттенок, но целесообразность ее существования предельно высока.

Идеология любого государства встраивает в себя блок отношения к преступности, от непримиримого в тоталитарных государствах [17. С. 87], до крайне либерального в современных индустриально развитых государствах. В последнем случае наблюдается фактическое существование двух систем правосудия – для элиты и её окружения и для остальных граждан. В отечественной науке, например, принято рассматривая феномен коррупции, приписывать его детерминанты или текущей власти, или обществу (нации) в целом. Без сомнения, данные утверждения не имеют под собой никакой основы. Феномен коррупции является естественным и распространенным во всех индустриально развитых государствах, просто в некоторых с ним борются эпизодически в рамках информационных кампаний (КНР), а в либеральных (Европа, Северная Америка, Россия) только создают видимость борьбы. Борьба с преступностью в современном индустриальном государстве подрывает её экономический базис, так как сфера борьбы с преступностью тесно интегрирована в экономику её государства.

Доказательством фактического отсутствия намерений борьбы с преступностью является феномен ротационной пенитенциарной системы. Ротационная пенитенциарная система предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально развитых демократий, начиная с начала XX в. Прежде всего, перед данной пенитенциарной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме, тем самым решая ряд подзадач. К числу данных подзадач относятся: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве, обеспечение рабочих мест в пенитенциарной системе для законопослушных граждан, внедрение в социум центробежных идей, формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности, создание образа внутреннего врага у обывателя. Задачи кары и исправления перед данной системой de facto не стоят, впрочем, как и постулиру-

емые задачи защиты прав и свобод. Основная задача рассматриваемой системы предельно утилитарна – поддержание преступности на таком уровне (как правило, достаточно высоком), который бы отвлекал от критичного восприятия деятельности власти. Справедливости ради отметим, что данная мысль высказана нами далеко не первыми, но обычно отечественные авторы относят её только к реалиям нашей страны [18. С. 3], что ошибочно.

На данный момент в обществе активно, хотя порой и опосредованно, формируется и поддерживается страх перед двумя разновидностями преступности – террористической и серийной. И если терроризм как реальная угроза стал рекламироваться в СМИ достаточно недавно, то создание страха перед серийными преступниками, прежде всего серийными сексуальными убийцами, насчитывает уже больше века.

Суть рассматриваемой теории в том, что серийные преступления как однородная самостоятельная группа не существуют. На самом деле серийные преступления представлены криминальными действиями разрозненных психически неадекватных людей, действия которых СМИ пытаются подать как уникальные и однородные по своей зловещей природе. В реальности же «серийный убийца» просто «сумасшедший», цель пиара которого испугать обывателя. Переключение внимание обывателя на выдуманную уникальную угрозу – прием старинный, но в случае с серийными преступниками особо эффективен в силу непонятности, кровавости и непредсказуемости. Неудивительно, что показатель деятельности правоохранительных органов для населения очень часто связан с возможностью противодействия серийным преступникам.

Если предположить, что серийные преступники психически неадекватны, то становится понятной та степень чуждости, неадекватности и неестественности уровня агрессии, наблюдалемого в серийных преступлениях. Идея о психической неадекватности не противоречит предположение о том, что лица, ошибочно принимаемые за серийных преступников, являются разновидностью адреналиновых наркоманов, зафиксированных на адреналиновых выплесках в процессе полового акта [19. С. 56].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, объективно неадекватен, так как обладает труднопонимаемой для психически адекватного человека логикой. Системообразующим является незапланированность, стихийность события преступления, слабая организация его, широкий диапазон особенностей (внешних и личностных) жертв, отсутствие усилий по скрытию следов преступления. Также ярким маркером данной личности будут выступать действия, не доведенные до конца, интенсивные хаотические перемещения по месту преступления, отсутствие проявлений единого замысла.

Теоретическая состоятельность и ценность. Рассматриваемая теория фактически является исследовательским аутсайдером ввиду её кажущейся конспирологической природы. С одной стороны, не мо-

жет сложная организация (власть) не иметь скрытых рычагов управления ситуацией (населением). Утверждать обратное просто смешно. С другой стороны, ведение исследований в данном направлении по умолчанию непатриотично как минимум. Для криминологов данная теория интересна как феномен возникновения исследовательских мифов. Мифология давно стала объектом научного исследования в медицине (новые «смертельные» болезни), истории (новое прочтение исторических реалий), экономике (денежная эмиссия и экономические «законы»), политологии (криптократическое устройство власти). Неудивительно, что криминология не стала исключением и многие мифы подлежат научному рассмотрению.

Практическая ценность и область применения. Будучи подтвержденной, данная теория предопределяет целесообразность привлечения к расследованию «серийных» преступлений специалистов-психиатров, а судебная практика по серийным преступлениям должна быть переориентирована в плоскость медикаментозного излечения.

Эмпирическая состоятельность. Такова совершенно не подтверждается при анализе всей совокупности серийных преступников различных видов как единого целого. Слишком различаются особенности личности отдельных серийных преступников, слишком неоднородная выборка. Не может реально существовать феномен, столь сильно варьирующийся на уровне частностей конкретных случаев. Одновременно с этим именно данная теория объясняет тот факт, что подавляющее большинство серийных преступлений зафиксированы на территории США, государства, в котором наиболее развита система информационного подавления как отдельной личности, так и населения в целом. Сам же феномен серийных преступлений сегодня в основном характерен для индустриальных государств с выраженной «демократической» составляющей, характеризующейся такой же степенью информационной «свободы». Доказательством состоятельности данной теории применительно к нашей стране будет крайне высокая частота встречаемости серийных преступников в Ростовской области, в которой, напомним, практико-исследовательская мысль действительно ориентирована на практическое противодействие серийным преступлениям в форме штата специальных аналитиков, специальных отделов в научно-исследовательских учреждениях, активной системы мониторинга серийной преступности и иным факторам.

Сильные стороны теории. К таким относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории. Проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Отметим, что рассматриваемая теория также может быть объективна лишь частично, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества серийных преступников, феномен которых искусственно «раздут» с ранее перечисленными целями.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка ввиду некоторой экстремальности данной теории, так как противоречит самой идее благости власти в государстве и объективности только её позитивного отношения к населению. О доктринальной ангажированности говорить сложно, ввиду того, что рассматриваемый вариант выходит за рамки привычных представлений.

Современное состояние и перспективы развития. Находятся на уровне постановки научной проблемы, без реальных перспектив развития.

К группе личностных теорий причинности серийных преступлений следует отнести теорию личностного разрушения (психотравмы) и теорию эволюции.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории личностного разрушения (психотравмы).

Содержание теории. Теория личностного разрушения базируется на положение о том, что серийные преступления есть попытка преступника заново пережить психотравмирующую ситуацию.

Серийные преступники в своей криминальной деятельности руководствуются фантазиями [19. С. 53], в которых они, как правило, мстят кому-либо за собственные проблемы, обиды или неудачи. Таким образом, мы наблюдаем в акте убийства месть иным субъектам, реализуя которую преступник стремится заново пережить психотравмирующие обстоятельства и решить проблемную ситуацию если не с выгодой для себя, то хотя бы минимизируя негативные последствия для своей личности.

Имея проблемы с чувством собственного достоинства, серийные преступники склонны транслировать вину за это на других лиц [20. С. 178], что часто предопределяет возникновение у серийного преступника ряда психических отклонений в виде психопатий или социопатии. Именно «в нарушении механизма саморегуляции существенную роль играют психические и личностные аномалии, не исключающие вменяемости» [21. С. 95]. Неудивительно, что ряд серийных преступлений, таким образом, представляют из себя крайнюю степень парафилического континуума [22. С. 6]. Гармонично вписывается в рассматриваемую теорию и склонность серийных преступников на начальном этапе становления криминальной личности мучать животных [23. С. 251].

Сторонники рассматриваемой теории полагают, что логическая цепочка «психотравма – стресс – тревожность – фантазии – срыв» является системообразующей в природе поведения серийного преступника.

Учитывая взаимосвязь роста непатологических психических аномалий с процессами социальной нестабильности, к рассматриваемой теории примыкает одноименная теория. Теория социальной нестабильности исходит из постулата о социальной нестабильности как причине девиантного поведения и традиционно «исповедуется» социальными работниками. Согласно этому постулату преступники «являются продуктом бедной социально-экономической среды и обращаются к преступлению в связи с необходимостью» [11. С. 47]. Неудивительно, что подобное мнение исследователи относят и к серийным преступникам [24. С. 161].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, склонен к самоутверждению за счет унижений жертв, в силу испытанных проблем в детстве. Системообразующим является фактор направленности усилий прежде всего на прижизненное унижение жертвы. Преступник с данной формой становления выбирает слабую жертву, представляя из себя выраженного невротика с невысокой социальной адаптацией.

Теоретическая состоятельность и ценность. Идея психотравмы является традиционной для объяснения человеческого поведения, начиная с работ З. Фрейда, поэтому теоретическая состоятельность данной теории очень высока. Одновременно с этим теория базируется еще и на социальной составляющей как одной из базовых, что предопределяет комплексность рассмотрения проблемы.

Методологически рассматриваемая теория базируется на биографическом методе исследования, состоящим из сбора и обобщений сведений о фактах из жизни обвиняемого в хронологическом порядке. Данный метод позволяет интерпретировать жизнь обвиняемого как единый процесс, изучаемый как на уровне всего жизненного пути обвиняемого, так и его отдельного периода [26. С. 167–171; С. 54].

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория исходит из того, что следствием психотравмы выступает ряд специфических фантазий у преступника. «Фантазия является движущим элементом в жизни серийного убийцы. Элементы фантазии наблюдаются на месте преступления и внутри самого убийства» [19. С. 57]. Фантазии очень жестко определяют неизменность преступного поведения серийного преступника в выборе жертвы, способа, места преступления и т.д. [27. С. 23], что предопределяет саму возможность составления психологического профиля неизвестного серийного преступника. Биографические факты, установленные исследователями, становятся поисковыми приметами неизвестного серийного преступника, предопределяя общие контуры его личности, что крайне важно при составлении его психологического профиля.

Эмпирическая состоятельность. Статистически установлено, что для серийных преступников в высокой степени характерно наличие психологических травм. Часто данные травмы достигают уровня, определяющего личностное разрушение и постоянно переживаются у субъектов как в обычной, так и в криминальной жизни.

Сильные стороны теории. К ним относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота, объективная высокая проверяемость.

Слабые стороны теории. Проистекают из неопределенности степени психотравмы как условия формирования личности серийного преступника. Отсутствие типологического подхода в современных криминологических исследованиях приводит к тому, что исследователю крайне сложно объяснить, почему, например, для одного развод родителей системообра-

зующая трагедия, а для другого – негативный биографический факт. Дополнительной слабостью теории является проблемность определения интенсивности психологической травмы и её источника в каждом конкретном случае. В целом анализ статистической информации показывает явно неадекватную частоту встречаемости ряда биографических фактов в жизни серийных преступников.

Так, в отношении Д. Дамера исследователи указывают на обстоятельства, встречающиеся в обычной жизни очень часто и уникальными не являющимися. «В отличие от большинства серийных убийц, которые по большей части <...> рабочий класс, Дамеры происходили из комфортабельного среднего класса. Но его родители постоянноссорились. Он, очевидно, страдал от глубокого чувства неуверенности и неполноценности, отчасти потому, что ему казалось, что родители предпочитают ему младшего брата Дэйва» [28. С. 268].

Отметим также, что ряд ученых недооценивают значимость психологического фактора как системообразующего, утверждая, что «с позиций только чистой психологии загадку их (серийных убийц – от авторов) феномена во всей его полноте, степени сложности и противоречивости вряд ли можно объяснить надлежащим образом» [29. С. 56].

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность средняя, так как снимает часть вины с преступника, перекладывая её на его окружение. Таким образом, одна из задач радикальной криминологии выполнена, преступное событие имеет место, а вина с преступника переложена на иной субъект. Доктринальная ангажированность высока, так как отрицает фактически «вину» государства, переводя генезис становления серийного преступника на уровень случайного события. Одновременно с этим, ввиду стихийности возникновения каждого конкретного случая, снимает «вину» с властных структур за отсутствие профилактики серийных преступлений.

Современное состояние и перспективы развития. На сегодняшний день наиболее признанная теория, нашедшая большое количество сторонников; активно развивается в наши дни и имеет серьезные перспективы развития.

Содержательный анализ эволюционной теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. В основе эволюционного подхода лежит идея, что психические закономерности, обусловившие поведение серийных преступников, являются не проявлением их дегенеративности, а являются отражением специфического эволюционных изменений психики. Эволюционность изменений не говорит об их правильности, желательности, а свидетельствует о некоей оптимизации психического потенциала, пусть и крайне нетрадиционной.

Эволюционный феномен (феномен «маски нормальности») серийного преступника нами объясняется тем, что особенности его психики позволяют сбросить весь груз бессознательного напряжения в одновлевом акте, что приводит к исчезновению предпосылок функционирования механизмов защиты психики. Серийный убийца не притворяется нормальным человеком, после совершения преступления, лишенный груза

неосознаваемого психического напряжения, он представляет собой образец психически здорового, абсолютно уравновешенного человека. Самоактуализация в процессе убийства, в данном случае, есть форма балансировки психики, а под «маской нормальности» серийного преступника предопределяется состояние психической стабильности, возникающее вследствие однократного выброса бессознательной энергии.

К рассматриваемой теории прилегает одноименная теория, популярная среди зарубежных исследователей. В рамках данной теории ввиду различных причин в сознании серийных преступников четко просматривается, что они «развились на более высокую ступень по сравнению с остальным человечеством, потому что они не только признают необходимость в устраниении более слабой части общества, но и потому, что у них есть сила, мужество и храбрость, чтобы осуществить такой акт» [19. С. 203]. Осознание себя своеобразными спартанцами-аристократами, долг которых заключается в периодическом прореживании илотов-обывателей, предопределяет крайне специфическую жизненную философию преступника, уникальную даже среди представителей криминального мира. Одной из особенностей рассматриваемого мировосприятия является формирование такого личностного свойства, как патологическая лживость. Так, «в то время как большинство серийных убийц не заслуживают доверия и часто лгут относительно их преступлений, то эволюционный тип серийного хищника лжет о каждом аспекте своей жизни» [19. С. 205].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать момент охоты за жертвой, её незаметное преследование. Без сомнения, для преступника рассматриваемого типа актуальным является пост-преступное переживание произошедшего, что обуславливает высокую привязанность преступника к трофеям преступления и коллекционированию источников о преступном событии (газетных статей, интернет-обзоров, интервью с экспертами). В обычной жизни преступник рассматриваемого типа высокосоциализирован, часто достигающий достаточных статусных успехов в обществе.

Теоретическая состоятельность и ценность. Высокая теоретическая ценность предопределена уникальностью подхода, в основе которого лежит психологическое знание. Само понимание серийного преступника как уникального образования предопределяет понимание, что обычными психическими механизмами его поведение объяснено быть не может [19. С. 142]. Человеку в здравом уме не понять логику, которой руководствуется лицо с шизоидальным расстройством психики. Так и при исследовании серийных преступников необходимо понимать системообразующие элементы их мировосприятия.

Так как «маска нормальности» вполне может являться следствием психологической травмы, можно говорить о системности рассматриваемого феномена. Четкие логические переходы можно выявить, сравнивая эволюционную теорию и теорию R-комплекса.

Надо сказать, что рассматриваемая теория очень сочетается со многими рассматриваемыми в текущем параграфе подходами. Учитывая сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория не является объяснительной, так как раскрывает модели поведения серийного преступника во время преступного события и в его обычной жизни. Прикладная ценность понимания состоит в том, что серийный преступник в своей обычной не-криминальной жизни является достойным членом сообщества и традиционно вызывает мало подозрений на первоначальном этапе расследования серийных преступлений или в период расследования первых преступных событий начала серии.

Знание природы механизма «маски нормальности» поможет как прогностически, так и ретроспективно выявить в поведении предполагаемого преступника периоды синусоидного изменения уровня социальной адаптированности. Сравнивая рамки этих периодов и даты преступных событий, можно получить основание для выдвижения версии о причастности к серии преступлений анализируемого лица.

Эмпирическая состоятельность. Как показывает практика расследования серийных преступлений, серии могут тянуться годами, безотносительно страны, культуры и моши правоохранительных органов. Нельзя проблему расследования серийных преступлений списывать только на неочевидность серийных преступлений и цепочки случайностей. Рассматриваемая теория объясняет сложности расследования высоким психическим потенциалом серийного преступника. Таким образом, эмпирическая состоятельность эволюционной теории достаточно высока.

Сильные стороны теории. Относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, однозначность.

Слабые стороны теории. Происходят из её односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективно ограниченной группы серийных преступников. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность действия механизмов неосознанной психической защиты в прикладных правовых исследованиях.

Политическая и доктринальная ангажированность. Сам факт превосходства, хотя бы в чем-то, представителя криминального мира над законопослушным гражданином неприятен и обывателям, и исследователям, что делает политическую ангажированность невысокой. Политическая ангажированность дополнительно понижается, так как вина в преступном событии полностью лежит на преступнике, что противоречит либеральной традиции мировосприятия. Доктринальная ангажированность в принципе не выражена, так как теория достаточно нейтральна относительно основных доктринальных постулатов права.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние, перспективы развития рассматриваемой теории – на уровне постановки научной проблемы, с значительными перспективами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысова А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социс: Социологические исследования. 2012. № 4. С. 110–117.
2. Einstadter W., Henry S. Criminological theory: an analysis of its underlying assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995. 358 p.
3. Новые направления в социологической теории. М. : Прогресс, 1978. 392 с.
4. Pontell H. Social deviance: readings in theory and research. Prentice Hall, Upper Saddle River, 1999. P. 149–202
5. Mills L.G. The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings. NY : Springer Publishing Company, 1998. 296 p.
6. Godwin G.M. Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior. NY : CRC Press, 2000. 344 p.
7. Thornhill R., Palmer C.P. A natural history of rape. Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. 272 p.
8. Theories of crime / ed. by Marsh I. NY : Routledge, 2006. 205 p.
9. Wright J.P. Inconvenient truths: science, race, and crime / Contemporary biosocial criminality / edited by Anthony Walsh and Kevin M. Beaver. NY : Routledge, 2009. P. 137–153.
10. DeLisi M. Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality / Contemporary biosocial criminality / ed. by Anthony Walsh and Kevin M. Beaver. NY : Routledge, 2009. P. 209–224.
11. Trier T.A. Criminal enterprise investigation. Boca Raton : CRC Press, 2017. 215 p.
12. Cederman L.E. Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency / Order, conflict, and violence / ed. by S. N. Kalyvas, I. Shapiro, T. Masoud. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. P. 242–270.
13. Morrall P. Murder and society. Atrium, John Wiley & Sons Ltd, 2006. 208 p.
14. Conflicts of law and morality / ed. by T. Honore, J. Raz Oxford : Oxford University Press, 1987. 400 p.
15. Стариков Ю.В. Стилевые детерминанты противоправного агрессивного поведения личности : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2004. 156 с.
16. Vronsky P. Serial killers: the method and madness of monsters. NY : Berkley books, 2004. 412 p.
17. Старков О.В. Криминальная субкультура. М. : Волтер Клуб, 2010. 240 с.
18. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории. Историко-публицистическое повествование. М., 1993. 72 с.
19. Kurtz Ch.J., Hunter R.D. Dark truths: modern theories of serial murder. London, Virgin Books Ltd, 2004. 229 p.
20. Philbin T., Philbin M. The killer book of true crime: incredible stories, facts and trivia from the world of murder and mayhem. NY : Sourcebooks, 2007. 344 p.
21. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.
22. Purell C.E. The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide. NY : Elsevier Inc, 2006. 173 p.
23. Davis C.A. Sadistic killers: profiles of pathological predators. Chichester, Summersdale Publishers, 2007. 352 p.
24. Prins H. Offenders, deviants or patients? 2-nd ed. NY : Herschel Prins, 1995. 332 p.
25. Юань В.Л. Сравнительный анализ подходов к определению объема изучения личности преступника: дискуссия и пути её решения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 167–171
26. Откидач А.О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / под ред. А.Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
27. Eterno J.A., Roberson C. The detective's handbook. NY : CRC Press, 2015. 380 p.
28. Wilson C. Serial killer investigations. Chichester : Summersdale Publishers, 2007. 320 p.
29. Корма В.Д., Образцов В.А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах (научная основа и практика). М. : Юрлитинформ, 2015. 184 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 июня 2018 г.

ANALYSIS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL THEORIES OF THE CAUSALITY OF SERIAL CRIMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 171–179.

DOI: 10.17223/15617793/433/24

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Keywords: serial criminal; serial killer; causality theory; social factor of crime; psychological factor of crime.

The article reveals the algorithm for evaluating the research value of individual causality theories of serial crimes. Despite the fact that the theories under consideration have both theoretical and practical significance, each of them has strong and weak aspects. Analysis of these aspects was the aim of the study. The result of the study was an analysis of the advisability of applying social and psychological theories of causality to serial crimes. In the conducted research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis and system-structural one. The following private-science methods were used in the study: biographical, statistical, comparative-historical analyses and expert evaluation. Among the factors useful for determining the value of the theory of causality of serial crimes, the following criteria of analysis were assigned: the content of the theory; the typical image of a serial criminal, resulting from the content of the theory; theoretical consistency and value; practical value and scope; empirical validity; strengths of the theory; weaknesses of the theory; political and doctrinal bias; current state and development prospects. These criteria were used in the content analysis of a group of social and psychological theories of the causality of serial crimes. This group includes such well-known social theories as the feminist theory, the theory of subcultures, the theory of myth, and such psychological theories as the theory of personal destruction (psychotrauma) and the theory of evolution. The feminist theory explains the criminal behavior of serial criminals as the absolutization of the spirit of aggressiveness inherent in men. The theory of subcultures emphasizes the existence of social strata possessing a system of social behavior and values that exists separately from the dominant system of behavior and values. The theory of myth develops the thesis about the conspiratorial nature of separating serial crime as a method of social control of the population. The theory of personal destruction (psychotrauma) presupposes the existence in the structure of the psyche of a serial criminal of the destructive effects of psychotrauma obtained in childhood, as a rule. The theory of evolution is based on the idea that the behavior of serial criminals is not a manifestation of their degeneracy, but reflects specific evolutionary changes in the psyche. One of the main ideas is the thesis about the targeting of each theory of causality of serial crimes.

REFERENCES

1. Lysova, A.V. (2012) On the limits of radical feminist theory in explaining intra-family violence. *Sotsis: Sotsiologicheskie issledovaniya – Socis: Sociological Studies*. 4. pp. 110–117. (In Russian).
2. Einstadter, W. & Henry, S. (1995) *Criminological theory: an analysis of its underlying assumption*. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers.
3. Osipov, G.V. (ed.) (1978) *Novye napravleniya v sotsiologicheskoy teorii* [New directions in the sociological theory]. Moscow: Progress.
4. Pontell, H. (1999) *Social deviance: readings in theory and research*. Prentice Hall: Upper Saddle River. pp. 149–202
5. Mills, L.G. (1998) *The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings*. NY: Springer Publishing Company.
6. Godwin, G.M. (2000) *Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior*. NY: CRC Press.
7. Thornhill, R. & Palmer, C.P. (2000) *A natural history of rape*. Cambridge, MA: The MIT Press.
8. Marsh, I. (ed.) (2006) *Theories of crime*. NY: Routledge.
9. Wright, J.P. (2009) Inconvenient truths: science, race, and crime. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. NY: Routledge.
10. DeLisi, M. (2009) Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and career criminality. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. NY: Routledge.
11. Trier, T.A. (2017) *Criminal enterprise investigation*. Boca Raton: CRC Press.
12. Cederman, L.E. (2008) Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency. In: Kalyvas, S.N., Shapiro, I. & Masoud, T. (eds) *Order, conflict, and violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Morrall, P. (2006) *Murder and society*. Atrium: John Wiley & Sons Ltd.
14. Honore, T. & Raz, J. (eds) (1987) *Conflicts of law and morality*. Oxford: Oxford University Press.
15. Starshikov, Yu.V. (2004) *Stilevye determinyenty protivopravnogo agressivnogo povedeniya lichnosti* [Stylistic determinants of unlawful aggressive behavior of a person]. Psychology Cand. Dis. Sochi.
16. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. NY: Berkley Books.
17. Starkov, O.V. (2010) *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Moscow: Volter Klub.
18. Anisimkov, V.M. (1993) *Tyuremnaya obshchina: "vekhi" istorii. Istoriko-publitsisticheskoe povestvovanie* [The prison community: "milestones" of history. Historical and journalistic narration]. Moscow: Otechestvo.
19. Kurtz, Ch.J. & Hunter, R.D. (2004) *Dark truths: modern theories of serial murder*. London, Virgin Books Ltd.
20. Philbin, T. & Philbin, M. (2007) *The killer book of true crime: incredible stories, facts and trivia from the world of murder and mayhem*. NY: Sourcebooks.
21. Ratinova, N.A. (1998) *Samoregulyatsiya povedeniya pri sovershenii agressivno-nasil'stvennykh prestupleniy* [Self-regulation of behavior in the commission of aggressive violent crimes]. Psychology Cand. Dis. Moscow.
22. Purcell, C.E. (2006) *The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide*. NY: Elsevier Inc.
23. Davis, C.A. (2007) *Sadistic killers: profiles of pathological predators*. Chichester: Summersdale Publishers.
24. Prins, H. (1995) *Offenders, deviants or patients?* 2nd ed. NY: Herschel Prins.
25. Yuan, V.L. (2017) The comparative analysis of approaches to determining the scope of studying a criminal's personality: the problem and ways to solve it. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 167–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/25
26. Otkidach, A.O. (2013) *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstviu* [The study of the identity of the accused at the preliminary investigation]. Moscow: Yurlitinform.
27. Eterno, J.A. & Roberson, S. (2015) *The detective's handbook*. NY: CRC Press.
28. Wilson, C. (2007) *Serial killer investigations*. Chichester: Summersdale Publishers.
29. Korma, V.D. & Obraztsov, V.A. (2015) *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriynykh ubiyствakh (nauchnaya osnova i praktika)* [Forensic recognition in cases of serial killings (scientific basis and practice)]. Moscow: Yurlitinform.

Received: 15 June 2018

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СТАТУС СУДЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается содержание конституционного принципа независимости судей, имеющего основополагающее значение для осуществления правосудия и обеспечения конституционно-правового статуса судей. Анализируются предусмотренные законом гарантии его реализации. Подвергается критической оценке содержание ч. 1 ст. 9 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», по мнению авторов, не вполне соответствующее правилам юридической техники. Обосновывается необходимость внесения изменений в указанную норму.

Ключевые слова: Конституция РФ; принцип независимости судей; конституционно-правовой статус судей; гарантии независимости судей.

Конституция РФ является основой правовой системы и всех возникающих на территории России отношений, в ней отражены правовые основы, которыми обеспечивается статус судьи в Российской Федерации с тем, чтобы гарантировать осуществление правосудия независимым и беспристрастным судом. При этом ст. 48 Конституции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а исходя из содержания ст. 18 Конституции, именно человек, его права и свободы являются непосредственно действующими, именно они определяют смысл, содержание и применение законов.

Во многих международно-правовых актах декларируется право человека на справедливое судебное разбирательство. В частности, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека сказано: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». Согласно п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, «Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Поэтому одним из необходимых элементов права граждан на справедливое правосудие является обеспечение судейской независимости. Отсюда следует важность реального обеспечения независимости судей как одной из составляющих права каждого гражданина на доступ к справедливому правосудию, а принцип независимости судей обоснованно относится к основополагающим началам осуществления правосудия [1. С. 8].

В юридической литературе научная правовая категория «независимость судей» исследуется в различных аспектах: 1) как конституционный принцип реализации судебной власти; 2) как принцип осуществления правосудия; 3) как принцип, обеспечивающий правовой статус судьи; 4) как средство и гарантия обеспечения права граждан на судебную защиту, справедливое и беспристрастное правосудие [2. С. 213]. Исходя из этого, конституционный принцип независимости судей относится и к принципам судо-

устройства, и к принципам, на которых основан конституционно-правовой статус судей.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, суть конституционного принципа независимости судей традиционно сводится к стремлению создания таких условий их деятельности, благодаря которым рассмотрение дел и принятие решений судьями осуществлялось бы исключительно на основе Конституции, федерального закона и своего внутреннего убеждения. Подчинение судей исключительно Конституции и закону является не только гарантией независимости судей от противоправных влияний, но и гарантией для граждан, вовлеченных в сферу судопроизводства, от произвола при отправлении правосудия со стороны самого судьи. Как в этой связи подчеркивается учеными, «позиция судьи должна восходить к Конституции, она содержательно определяется императивом прав человека, обеспечение непосредственного действия которых Конституция напрямую связывает с правосудием» [3].

Тем не менее подчинение судьи закону не является абсолютным во всех без исключения случаях: суд должен применять только те законы, которые, впервые, соответствует Конституции РФ и международным нормам, и, во-вторых, признаны судом приемлемыми с точки зрения права. В этом, по мнению Т.Г. Морщаковой, находит выражение не только независимость судебной власти от законодательной, но и правомочие судов на осуществление судебного контроля за содержанием применяемых законов: судья при разрешении конкретного дела должен убедиться, что подлежащая применению норма права не противоречит конституционному регулированию (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Лишь при условии соответствия закона Конституции судьи вправе и обязаны ему следовать [4. С. 48].

Л.В. Шеломанова, утверждая о наличии в действующем законодательстве отдельных норм, препятствующих независимости судей, подвергает критике ч. 3 ст. 1 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о Прокуратуре РФ). По мнению автора, указанная норма может являться юридическим средством влияния прокуроров на независимость судей, что граничит с неконституционным вмешательством в деятельность по осуществлению правосудия. Для устранения подобного положения необходимо ч. 3 ст. 1 Закона о Прокуратуре РФ до-

полнить словами «при наличии достаточных оснований полагать». Лишь в этом случае прокуроры имеют право опротестования судебных приговоров, решений, постановлений и определений при их противоречии закону [5. С. 21–22].

На наш взгляд, такое дополнение не внесет в законодательство ничего нового, чего оно не содержало до сих пор. Во-первых, согласно ч. 1 ст. 1 Закона о Прокуратуре РФ, именно прокуроры осуществляют от имени государства надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Во-вторых, основанным на Конституции процессуальным законодательством предусмотрен пересмотр судебных актов в порядке надзора. В-третьих, такой пересмотр невозможен без предусмотренных законом оснований. В частности, в представлении прокуроров, как акте их реагирования на судебное решение, должны быть приведены доводы, свидетельствующие о наличии оснований (п. 7 ч. 1 ст. 308.2 АПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ), по которым они считают решение суда неправильным (п. 4 ч. 1 ст. 322 ГПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 299 КАС РФ). И наконец, наделение прокуроров полномочиями по рассмотрению жалоб на судебные решения основано на положениях Конституции РФ, в соответствии с которыми право граждан на обращение – это важное конституционно-правовое средство их защиты, которое относится к одним из основных прав и свобод. При этом, как свидетельствует практика Конституционного Суда РФ, право граждан на защиту является правом абсолютным, не подлежащим ограничению.

Независимость судей, как отмечает сама Л.В. Шеломанова, необходима в обществе ровно настолько, насколько этого требует конституционная компетенция судов и задача эффективности ее реализации [6. С. 5]. Поэтому независимость судей – не самоцель, а условие обеспечения справедливости правосудия. Как подчеркивается учеными, конституционные цели и задачи российского правосудия заключаются в эффективном обеспечении судебной защиты во всех случаях, когда она требуется, и для реализации этих целей принцип независимости судей имеет подчиненное отношение [7. С. 31].

Тем не менее если предназначение органов прокуратуры – обеспечение единства и укрепление законности, то предназначением судебной власти является реализация одной из основных функций государства – защиты права. Следовательно, именно судебная власть в лице судей выступает как главный механизм государства закона и именно ей принадлежит определяющая роль в утверждении принципа верховенства права.

По мнению О.И. Маминой, осуществление истинно независимого правосудия зависит от реализации основных составляющих принципа независимости судей, к которым относятся: 1) независимость судей от органов законодательной и исполнительной власти, 2) независимость судей от так называемой «власти судебной вертикали» и 3) беспристрастность судьи – как форма личностного проявления независимости [8. С. 122]. В той связи можно выделить две стороны независимости судей: объективную (внешнюю) и субъек-

тивную (внутреннюю), которые являются взаимосвязанными и взаимно влияющими друг на друга. Выражение объективной стороны проявляется, прежде всего, в организации власти в правовом государстве на основе демократического принципа разделения властей, предполагающем запрет иных органов власти на вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия, а также в предъявляемых к судьям и к организации их деятельности законодательных требованиях. Субъективная сторона независимости судей полностью зависит от личностных качеств носителя судебной власти. Взаимовлияние названных сторон судебской независимости отражается в следующем.

Во-первых, смысл законодательного запрета для судей быть представителем каких бы то ни было государственных или общественных структур, занимать в них какие-либо должности, принадлежать к каким-либо движениям и политическим партиям заключается в обеспечении для судей возможности иметь исключительно правовую субъективно независимую внутреннюю позицию, свободную от постороннего влияния и политических пристрастий. Позиция судьи должна отвечать требованиям Конституции и закона и не может зависеть от чьей-либо воли. Поэтому если опосредованные предметом рассматриваемого правового спора политические интересы соответствуют конституционным принципам и ее ценностным началам, то суд посредством своих решений объективно может становиться проводником такого «политического», а по сути – конституционно-правового вектора развития государства и общества [3].

Во-вторых, независимость судей обеспечивается законодательным требованием недопустимости вмешательства в их профессиональную деятельность (ст. 10 РФ «О статусе судей в Российской Федерации» – далее Закон о статусе судей). Любое нарушение этого запрета преследуется по закону. Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом. Никто не вправе прямо или косвенно вмешиваться в профессиональную деятельность судьи, не вправе давать ему какие-либо указания по находящимся в его производстве делам. В свою очередь, сам судья не только не может такие указания запрашивать, но и обязан отвергнуть их в случае получения.

В-третьих, предусмотренные законом процедурные условия принятия судебных решений и вынесения приговоров призваны исключить возможность воздействия (давления, угроз, внушения и т.д.) на судей как извне, так и внутри судебского сообщества. Последнее касается независимости судей от судебной вертикали: широко обсуждаемой в настоящее время и требующей самостоятельного исследования и разрешения проблеме взаимоотношений между судьями и председателями судов. В частности, Н.С. Гаспарян, анализируя основные причины, по которым реализация принципа независимости судей является недостаточной, указывает на явную гипертрофированность роли председателей судов. Исходя из действующего

законодательства, – подчеркивает автор, – невмешательство руководителя суда в работу судей только подразумевается, тем не менее ни одним федеральным законом не предусмотрена специальная правовая норма, содержащая запрет на такое вмешательство [9].

И наконец, к аспектам внутренней (личностной) стороны независимости судьи, наличие которых дает ему моральное право на принятие решений и чувство уверенности в их безупречности, относятся профессиональная компетентность, высокая нравственность и опытность в применении права. Наличие указанных качеств, определяющих внутреннюю независимость судьи, по мнению многих авторов, является решающим, поскольку принцип независимости является конституционным требованием, адресуемым прежде всего к судье как носителю судебной власти, поэтому имеет личностную характеристику, и никакие гарантии независимости работать не будут, если сам носитель судебной власти не обладает принципиальностью и высокими нравственными качествами [10. С. 8].

Закрепленные в Конституции РФ основы правового статуса судей имеют учредительный характер, которым обеспечиваются исходные начала развития отраслевого законодательства. В Законе о статусе судей (ч. 1 ст. 9) закреплена система гарантий судебской независимости, которая обеспечивается:

- предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия: запретом под угрозой ответственности чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия;
- установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи;
 - правом судьи на отставку;
 - неприкосновенностью судьи;
 - системой органов судебского сообщества;
- предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Проведенный анализ данной нормы позволил сделать вывод о том, что ее содержание не вполне соответствует правилам юридической техники, согласно которым при формулировании правовых предписаний необходимо не только следовать логике изложения текста, но и соблюдать требования конкретности, краткости, компактности и сокращения до минимума дублирования нормативного материала, касающегося одного и того же вопроса. Такой вывод основан на следующем.

Прежде всего, включенный в перечень гарантий установленный порядок приостановления и прекращения полномочий судьи полностью поглощается содержанием конституционного института несменяемости судей. Потому если следовать использованной логике изложения нормативного материала, следовало бы раскрыть также и содержание института неприкосновенности судьи. Но законодатель не сделал этого, ограничившись лишь его назвианием. С этих же позиций не усматривается оснований для выделения в качестве самостоятельной гарантии независимости права судьи на отставку. Кроме этого, по обоснованному мнению Л.В. Шеломановой, приостановление и прекращение судебских полномочий является ис-

ключением из общего правила несменяемости судей, в ущерб которому подобные формулировки неоправданно смещают акцент в сторону возможности лишения судебских полномочий. Поэтому, на наш взгляд, стоит согласиться с выводом ученого, что достаточным было бы закрепление вместо двух гарантит одной – гарантии несменяемости судьи, поскольку и порядок приостановления и прекращения полномочий, и право судьи на отставку охватываются этой гарантией [5. С. 15].

Что касается такой гарантии, как система органов судебского сообщества, то необходимость самого ее включения в содержание ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей представляется сомнительной, что следует из анализа полномочий органов судебского сообщества. Как отмечает Г.Т. Ермошин, в общем виде их можно свести к четырем группам полномочий: 1) формирование судебского корпуса; 2) оценка профессиональной деятельности судей и регулирование процедуры их карьерного роста; 3) привлечение судей к ответственности за нарушение требований, предъявляемых к статусу судьи, и положений кодекса профессиональной этики; 4) нормативно-правовое регулирование организации деятельности судебного сегмента государственной власти и статуса судьи [11. С. 77].

Представляется, что отнюдь не все полномочия органов судебского сообщества призваны служить гарантией независимости судей, а некоторые из них следует признать дублирующими положения, уже предусмотренные комментируемой нормой. В частности, третья группа полномочий относится к установленному законом порядку приостановления и прекращения полномочий судьи и, как уже отмечалось, полностью поглощается институтом несменяемости судей.

К четвертой группе полномочий органов судебского сообщества ученые относят следующие: полномочия Совета судей РФ по утверждению Типовых правил внутреннего распорядка судов, Перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, Порядка и условий определения для судей выслуги лет; применение к судьям мер поощрения и взыскания, рассмотрение и согласование порядка оказания материальной помощи судьям и др.; полномочия Высшей квалификационной коллегии судей по утверждению Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей; полномочия по регулированию внутренней жизни судебского сообщества, принятие Всероссийским съездом судей Кодекса судебской этики [11. С. 80].

Нетрудно заметить, что указанные полномочия в большей степени отражают самостоятельность функционирования судебной власти, самоуправление судебского сообщества, нежели независимость судей.

Безусловно, принцип независимости судей является одним из важнейших условий реализации самостоятельности судебной власти, поскольку направлен на обеспечение беспристрастного и справедливого осуществления правосудия. Тем не менее необоснованно отождествление понятия «самостоятельность судебной власти», отражающего специфику ее взаимодей-

ствия с иными ветвями власти, и понятия «независимость», поскольку последнее относится исключительно к статусу судей [12. С. 124]. На необходимость разграничения данных понятий обращает внимание Г.Т. Ермошин, который, указывая на единство их цели – гарантирование основанного на законе объективного, независимого и беспристрастного рассмотрения любого правового конфликта, подчеркивает принципиальное различие организационно-правовых механизмов их обеспечения [11. С. 78]. Исходя из этого, на наш взгляд, включение в ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей такой гарантии, как система органов судебского сообщества, также не отвечает правилам юридической техники. В данном случае речь идет о нарушении правила точности, которое заключается в достижении наиболее полного соответствия мысли законодателя и ее воплощения в нормативной формулировке, поскольку отождествление в одной норме самостоятельности органов судебной власти и независимости судей свидетельствует об отсутствии такого соответствия.

Что, на наш взгляд, является действительно важным в функционировании сообщества судей и должно найти отдельное и самостоятельное отражение в ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей, так это полномочие органов судебского сообщества по профессиональному отбору претендентов на судебные должности, поскольку необходимой гарантией независимости судей, обеспечивающей осуществление правосудия на должном профессиональном уровне, является назначение на должность судей достойных кандидатов. В этой связи в юридической литературе обоснованно указывается, что независимость представляет собой характеристику уровня самосознания личности конкретного судьи, которая проявляется как формируемое в процессе воспитания личностное качество. Государственные и организационно-правовые гарантии защиты судьи от давления извне, являясь внешними мерами воздействия, могут поддержать это качество и способствовать независимости судьи, но при изначальном отсутствии обрести независимость невозможно [13. С. 456].

Система отбора и назначения на должность судей, как гарантия их независимости, предусмотрена положениями Конституции РФ (в ст. 119 и в ст. 128 соответственно), но, к сожалению, не нашла отражения в ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей. Если в первой конституционной норме определены минимальные стандарты для кандидата в судью – цензы по возрасту, образованию и опыту, предполагающие внутреннюю способность кандидата к самостоятельным решениям и выработке независимой позиции, то вторая регулирует такую процедуру назначения на должность судьи, которой обеспечивается исключение зависимости от иных органов власти. Так, Конституцией РФ предусмотрена процедура назначения судей федеральных судов Президентом РФ, а судей высших судов страны – по представлению Президента РФ Советом Федерации Федерального Собрания РФ (ст. 83 п. «е»). Принцип назначения судей главой государства, по мнению Л.В. Головко, должен означать легитимацию максимальной степени независимости судебских функций не принимавшей ни малейшего участия в

подборе кандидатов в судьи высшей политической властью, избранной народом [14. С. 161]. В дальнейшем ни Президент, ни Совет Федерации, ни любые иные органы, не относящиеся к органам судебского сообщества, не обладают полномочиями по влиянию на судейскую карьеру или удалению судьи с должности, поэтому такая процедура назначения судей должна рассматриваться как гарантия их независимости. Представляется, что система отбора и назначения на должность судей, реализуемая при непосредственном участии органов судебского сообщества, должна найти самостоятельное закрепление в ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей в качестве одной из гарантий независимости судьи.

Кроме этого, в юридической литературе справедливо отмечается неразрывная связь закрепления гарантий принципа независимости судей с требованиями, предъявляемыми к самим судьям и к их деятельности. Не вызывает сомнения, что смысл закрепленных в ст. 3 Закона о статусе судей предъявляемых к судьям требований заключается в исключении факторов, способных повлиять на надлежащее исполнение ими должностных обязанностей, вызвать сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности. Как справедливо отмечает Г.Т. Ермошин, независимость является сутью статуса судьи, при этом речь должна идти об обеспечении независимости судьи именно как личности [15. С. 90]. На наш взгляд, обоснованность приведенного утверждения подтверждает тот факт, что ч. 1 комментируемой статьи практически повторяет содержание конституционной нормы, закрепляющей принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ). Закрепленные же в ч. 3 ст. 3 Закона о статусе судей ограничения для судей на определенные виды деятельности отражают принцип несовместимости, поскольку выполнение судьей таких функций несовместимо с его статусом.

Очевидно, что независимость судей гарантируется как определенными преимуществами по сравнению с общим конституционным статусом личности (несменяемость, неприкословенность), так и требованиями и ограничениями, устанавливаемыми для судей, нарушение которых влечет утрату статуса судьи.

На основании изложенного, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в ч. 1 ст. 9 Закона о статусе судей «Гарантии независимости судей», которая, на наш взгляд, должна иметь следующую формулировку:

«1. Независимость судьи обеспечивается:

- предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия: запретом под угрозой ответственности чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия;
- несменяемостью судьи;
- неприкословенностью судьи;
- системой отбора и назначения на должность судьи;
- требованиями, предъявляемыми к судье;
- предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу».

В приведенном перечне к гаранциям, направленным на обеспечение конституционно-правового статуса судьи, следует относить несменяемость и

неприкосновенность судьи; систему отбора и назначения на должность судьи и требования, предъявляемые к судье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анишина В.И., Гаджиев Г.А. Самостоятельность судебной власти // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
2. Остапенко Е.П. Правовой статус судьи и эффективность правосудия // Общество и право. 2010. № 5 (32).
3. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2018 // СПС КонсультантПлюс.
4. Морщакова Т.Г. Конституционные основы судебной власти. М. : ГУ-ВШЭ Факультет права, 2005.
5. Шеломанова Л.В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
6. Шеломанова Л.В. Понятие и сущность категории «независимость судей» в конституционном праве России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7.
7. Анишина В.И. Дискреционные полномочия судов как гаранция самостоятельности и эффективности судебной власти // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
8. Мамина О.И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.
9. Гаспарян Н.С. Почему российский суд зависим // СПС Консультант Плюс.
10. Анишина В.И., Гаджиев Г.А. Самостоятельность судебной власти // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
11. Ермощин Г.Т. Полномочия органов судебного сообщества в обеспечении конституционных принципов самостоятельности органов судебной власти и независимости судьи. Российский и зарубежный опыт // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: Вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). 2014. № 1(4). С. 77–82.
12. Калинин В.Н. Судебная власть в Российской Федерации: тенденции и перспективы развития // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2 (3).
13. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В.В. Ершова. М. : Юристъ, 2006.
14. Головко Л.В. Построение независимой судебной власти: стратегический подход // Вопросы правоведения. 2010. № 3.
15. Ермощин Г.Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июля 2018 г.

GUARANTEES OF INDEPENDENCE ENSURING THE STATUS OF A JUDGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 180–185.

DOI: 10.17223/15617793/433/25

Svetlana V. Kornakova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Irina A. Shcherbakova, Prosecutor's Office of Oktyabrsky District of Irkutsk (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: low-ira@mail.ru

Keywords: Constitution of the Russian Federation; principle of independence of judges; constitutional legal status of judges; guarantees of independence of judges.

The article deals with the content of the constitutional principle of irremovability of judges, which is fundamental for the implementation of justice and ensures the constitutional and legal status of judges. The author analyzes the views of researchers on ensuring the implementation of the principle of independence of judges by the current legislation, the main components of which are: (1) independence of judges from the legislative and executive authorities, (2) independence of judges from the “power of the judicial vertical” and (3) impartiality of judges as a form of personal manifestation of independence. It is emphasized that the principle of the independence of judges is a constitutional requirement addressed primarily to the judge as the bearer of the judiciary; therefore, it is the determining one. The content of Part 1 of Article 9 of the law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation”, which does not fully comply with the rules of legal technology: brevity, compactness, accuracy and lack of duplication of regulatory material, is critically evaluated. The analysis of the content of this rule and the positions of researchers on this issue allowed to draw the following conclusions: (1) it is sufficient to fix the guarantee of irremovability of judges instead of the two guarantees (the order of suspension and termination of powers and the right of a judge to resign) covered by this guarantee; (2) the content of the guarantee of the system of bodies of the judicial community reflects the independence of the judiciary, the self-government of the judicial community rather than the independence of judges; (3) there is a need to include the system of selection and appointment to the post of judge, which are provided for in Articles 119 and 128 of the Constitution of the Russian Federation, in the list of guarantees of the independence of judges; (4) there is a need to include the requirements for a judge in the list of guarantees of the independence of judges, since it is obvious that the independence of judges is guaranteed by certain advantages over the general constitutional status of the individual (irremovability, inviolability) and the requirements and restrictions imposed on judges, the violation of which entails the loss of the status of a judge. In the article, a conclusion is made about the need for changes to Part 1, Article 9 of the Constitution of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation”. The following wording is proposed: “1. The independence of the judge is ensured by the legal procedure for the administration of justice: prohibition of interference in the administration of justice under threat of responsibility; by the irremovability of the judge; by the inviolability of the judge; by the system of selection and appointment to the position of the judge; by requirements for the judge; by providing the judge, at the expense of the state, with material and social security corresponding to their high status”. In the list, the guarantees aimed at ensuring the constitutional and legal status of a judge should include the irremovability and inviolability of the judge; the system of selection and appointment of a judge and the requirements for a judge.

REFERENCES

1. Anishina, V.I. & Gadzhiev, G.A. (2006) Samostoyatel'nost' sudebnoy vlasti [Independence of the judiciary]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6.
2. Ostapenko, E.P. (2010) Pravovoy status sud'i i effektivnost' pravosudiya [The legal status of a judge and the effectiveness of justice]. *Obshchestvo i pravo*. 5 (32).

3. Bondar, N.S. & Dzhagaryan, A.A. (2018) *Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu* [Justice: orientation to the Constitution]. Moscow: NORMA, INFRA-M.
4. Morshchakova, T.G. (2005) *KonstitutSIONnye osnovy sudebnoy vlasti* [The constitutional foundations of the judiciary]. Moscow: HSE Faculty of Law.
5. Shelomanova, L.V. (2003) *Nezavisimost' sudey kak konstitutSIONnyy printsip pravosudiya* [Judge's independence as a constitutional principle of justice]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
6. Shelomanova, L.V. (2012) Pomyatie i sushchnost' kategorii "nezavisimost' sudey" v konstitutSIONnom prave Rossii [The concept and essence of the category "independence of judges" in the constitutional law of Russia]. *KonstitutSIONnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 7.
7. Anishina, V.I. (2007) DiskretSIONnye polnomochiya sudov kak garantija samostoyatel'nosti i effektivnosti sudebnoy vlasti [Discretionary powers of courts as a guarantee of independence and effectiveness of the judiciary]. *KonstitutSIONnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 8.
8. Mamina, O.I. (2007) *Pravosudie v mekhanizme pravovogo gosudarstva: kontseptsii i real'nost'* [Justice in the mechanism of a legal state: concepts and reality]. Law Cand. Dis. Tambov.
9. Gasparyan, N.S. (2012) *Pochemu rossiyskiy sud zavisim* [Why the Russian court is dependent]. Moscow: SPS Konsul'tant Plyus.
10. Anishina, V.I. & Gadzhiev, G.A. (2006) Samostoyatel'nost' sudebnoy vlasti [Independence of the judiciary]. *Obshchestvennye nauki i sovremen-nost'*. 6.
11. Ermoshin, G.T. (2014) Authorities of judicial court society for guarantee of constitutional principles of court power organs independence and judge independence. Russian and foreign experience. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: Voprosy teorii i praktiki (Seriya "Yuridicheskie nauki")*. 1 (4). pp. 77–82. (In Russian).
12. Kalinin, V.N. (2016) Sudebnaya vlast' v rossiyskoy federatsii: tendentsii i perspektivy razvitiya [Judicial power in the Russian Federation: trends and development prospects]. *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya*. 2 (3).
13. Ershov, V.V. (ed.) (2006) *Samostoyatel'nost' i nezavisimost' sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii* [Independence of the judiciary of the Russian Federation]. Moscow: Yurist".
14. Golovko, L.V. (2010) Postroenie nezavisimoy sudebnoy vlasti: strategicheskiy podkhod [Forming an independent judiciary: a strategic approach]. *Voprosy pravovedeniya*. 3.
15. Ermoshin, G.T. (2013) Sovremennaya kontseptsiya statusa sud'i v Rossiyskoy Federatsii [The modern concept of the status of a judge in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8.

Received: 17 July 2018

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Рассматриваются теоретические основы конституционной репрезентации как правового института, проблемы идентификации политического представительства в современной науке конституционного права, соотношение методологических, нормативных основ института публичного политического представительства в конституционной юриспруденции, вопросы совершенствования конституционной репрезентации в политико-правовой практике России.

Ключевые слова: конституционная репрезентация; публичное политическое представительство; республиканизм; парламентаризм; политическая ответственность; принцип народного суверенитета.

Конституционная репрезентация как правовой институт и право на публичное политическое представительство.

В современной науке российского конституционного права (в контексте сравнительного конституционализма и юридической компаративистики) заслуживает внимания проблема формирования и совершенствования конституционной репрезентации (или конституционного представительства). Термин «конституционная репрезентация» («конституционное представительство») пока не занял самостоятельного исследовательского положения в научных работах, т.к. российская научная правовая традиция оперирует привычными и характерными для школ государства и конституционализма понятиями «народное представительство», «представительство в конституционном праве», «право на народное представительство». В данной работе обосновывается научное и политико-правовое значение концепта конституционной репрезентации для развития и совершенствования различных форм публичного политического представительства в России, рассматривается влияние теории республиканизма на систему публичного политического представительства, на перспективы формирования многоуровневого конституционализма в российской юриспруденции и практике территориальной организации государства. Концепция конституционной репрезентации как правового института призвана объяснить возможности расширения политического участия граждан на федеральном, региональном и муниципальном уровнях организации публичной власти, а также раскрыть формы публичного политического представительства в территориальной структуре Российской Федерации. На каждом уровне организации публичной власти следует признавать и гарантировать права граждан на конституционную репрезентацию (конституционное представительство) в системе выборных (не только коллегиальных) органов публичной власти. Такое право на конституционную репрезентацию (конституционное представительство) рассматривается в работе как гарантия реализации принципа народного суверенитета не только на федеральном уровне, но и на региональном и муниципальном уровнях организации публичной власти.

В науке конституционного права разрабатывались теории народного, политического и публичного представительства различными учеными, исходя из разных взглядов и достижений общественных наук. Фундаментальный труд Б.Н. Чичерина «О народном представительстве» посвящен целой гамме проблемных вопросов, связанных с формированием и функционированием представительных учреждений и доктрины представительства к началу XX в. (существо и свойства, виды народного представительства, историческое развитие представительных учреждений в Европе, а также условия работы народного представительства и причины, задерживающие введение народного представительства) [1]. В России, не имевшей к началу XX в. конституции и общенационального парламента, особенно актуальными были проблемы преодоления причин и условий (о которых писал Б.Н. Чичерин), которые задерживали создание общенационального народного представительства [1. С. 796–809].

В 2016 г. Россия отметила 110 лет со дня возникновения и функционирования общенационального представительства и института парламентских представительных учреждений. Проблемы, поставленные в науке конституционного права и рожденные практикой деятельности Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX в., периодом работы системы советских представительных учреждений, переходным и современным этапом взаимодействия представительных органов государственной власти и местного самоуправления на федеральном, региональном и муниципальном уровне, сохраняют дискуссионность правовой природы и юридического содержания публичного политического представительства.

Среди современных проблем института народного представительства интерес представляют научные подходы к обоснованию права на народное представительство в российском конституционном праве [2]. В некоторых исследованиях о представительстве и политическом символизме отождествляется парламентаризм и представительство в парламенте [3. С. 5–11]. Автор исследования в этом случае исходит из существования парламентаризма в России более 20 лет после принятия Конституции РФ 1993 г., что является конституционной иллюзией, т.к. конституци-

онный текст закрепляет не систему парламентаризма, а только некоторые элементы парламентской системы, которые в практике политического представительства функционируют в рамках модели президентско-парламентского правления с доминированием главы государства в системе органов государственной власти. В других исследованиях обосновано отмечается, что факт существования парламента в системе органов государственной власти не означает существование подлинного парламентаризма [4]. И такой подход оправдан, так как парламентаризм существует странах с парламентской республикой, парламентской монархией, элементы парламентаризма находят конституционное закрепление и отражаются в политической практике президентско-парламентских и парламентско-президентских систем (например, Франция V Республики, Россия после введения Конституции РФ 1993 г.).

Важным в понимании природы публичного представительства в целом и народного представительства в частности является его взаимосвязь с принципами политического многообразия и многопартийности. Такая взаимосвязь показывает, что публичное представительство имеет двойственную природу: политическую и правовую одновременно. Подобная двойственность предполагает и наличие юридических связей между гражданами и их представителями в выборных органах государственной власти и органах местного самоуправления, и политического характера осуществления публичной власти в представительных органах.

Политико-правовая природа публичного представительства включает проблему разграничения и одновременно установления взаимосвязей между конституционными принципами политического разнообразия и многопартийности. Следует поддержать позицию тех ученых, которые видят различия между понятиями «политическое разнообразие» и «многопартийность». Конституционное значение и содержание политического многообразия значительно шире, чем понятие многопартийности. Согласно ч. 3 ст. 13 Конституции РФ политическое многообразие терминологически (и значит по своему значению) отделено от многопартийности и реализуется в установленных Конституцией РФ самостоятельных организационных формах. Среди них – осуществление права на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ). Оно позволяет учитывать индивидуально-коллективное волеизъявление граждан, которое происходит путем доведения своего политического мнения до сведения других участников публичного мероприятия, уяснения их политической позиции и выработки единой политической платформы [5. С. 77]. Политическое многообразие создает социально-политическую основу для публичного представительства. Многопартийность как конституционный принцип призван содействовать конкурентной политической среде при формировании и функционировании публичного представительства.

Политическое многообразие и принцип многопартийности конституционно взаимосвязаны с принципом народного суверенитета, обеспечивают при его реализации многообразие политических взглядов,

социальный состав и политическое вовлечение в ходе формирования и деятельности публичного политического представительства.

В конституционном праве проблема формирования представительных органов государства и органов местного самоуправления занимает ведущее положение в системе общественно-политических и государственно-правовых отношений. По мнению С.А. Авакьяна, вопросы представительства в органах публичной власти необходимо рассматривать комплексно, с позиций организационных, социальных и персоналистских начал [6. С. 20–30]. Институт представительства в коллегиальных выборных органах государственной власти следует развивать в контексте формирования конституционно-правовых основ парламентаризма [7. С. 3–19]. Современная деятельность народного представительства, по мнению других ученых, должна осуществляться в системе нравственных координат и основываться не на партийных возвратах и принципах, а на духовно-культурных, национальных традициях [8. С. 11–16]. Публичная деятельность представительных и иных выборных органов должна соединяться с этикой депутатской деятельности и морально-этическими обязательствами исполнения предвыборных обещаний.

В ходе анализа развития теоретических представлений о юридическом содержании публичного представительства в исследованиях отмечается, что процесс формирования концепции публичного представительства в современном конституционном праве России не завершен [9. С. 509].

Следует отметить, что проблемы публичного политического представительства заслуживают внимания ученых и в контексте институционального обоснования в качестве специального института конституционной презентации (представительства).

Представительная система органов публичной власти (к которой могут быть отнесены выборные органы государственной власти и выборные органы местного самоуправления) предполагает использование института публичного политического представительства, который основывается на определенной природе мандата (депутата, выборного должностного лица), норме представительства и доктрине, процедурах ответственности выборных должностных лиц перед избирателями.

Круг отмеченных вопросов регулируется в основном нормами конституционного права (даже если считать избирательное право подотраслью конституционного права), хотя смежные вопросы юридической ответственности депутатов, иных выборных должностных лиц включаются в круг отношений, которые составляют предмет уголовного, уголовно-процессуального, административно-процессуального, финансового права.

Можно отметить, что в современном конституционном праве формируется *институт конституционной презентации*, сердцевину которого составляет политическое представительство или в более традиционной терминологии – народное представительство.

Институт конституционной презентации объединяет нормы конституционного и смежных отрас-

лей права, которыми регулируются общественные отношения в сфере формирования представительных и иных выборных органов государственной власти и местного самоуправления, осуществления мандата депутата, иного выборного должностного лица, обеспечения нормы представительства в публичном правовом пространстве, прав и обязанностей, социальных гарантий деятельности выборных должностных лиц, форм взаимодействия данных лиц с избирателями при осуществлении публичного политического представительства; оснований, процедур и видов ответственности (политической и юридической) выборных должностных лиц.

Институт конституционной репрезентации является комплексным по своей природе, объединяет нормы не только конституционного, но и некоторых смежных отраслей, включая уголовное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное, финансовое, трудовое право. Конституционная репрезентация как комплексное правовое образование требует разграничение в системе представительного правления и механизме работы института публичного политического представительства вопросов политической и юридической ответственности депутатов различного уровня и иных выборных должностных лиц. Следует признать и закрепить в законодательстве институты конституционно-политической и конституционно-правовой ответственности депутатов и иных выборных должностных лиц на федеральном, региональном и муниципальном уровне [10. С. 9–20].

В связи с тем, что наиболее многочисленными являются представительные органы государства и представительные органы муниципальных образований (по числу выборных должностных лиц), институт конституционной репрезентации формируется в смежной сфере с парламентским правом как более широким правовым образованием. Парламентское право признается подотраслью российского конституционного права, и институт конституционной репрезентации призван содействовать разработке парламентских форм ответственности и формированию публичного политического представительства с учетом территориальной организации Российского государства, проживания в избирательном округе кандидата в публичные политические представители граждан, знания проблем избирательного округа и выражения публичных (а не частных) интересов избирателей округа в коллегиальном выборном органе публичного представительства.

Вместе с тем институт конституционной репрезентации охватывает не только парламентские отношения, но и иные общественные отношения в сфере формирования и осуществления публичного политического представительства на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Как комплексный институт он включает в предмет своего регулирования отношения публичного политического представительства не только коллегиальных представительных органов, но и единоличных выборных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Можно констатировать наличие в институте конституционной репрезентации

таких элементов, как 1) публичное политическое представительство в общенациональном парламенте; 2) публичное политическое представительство главы государства; 3) публичное политическое представительство в региональных парламентах; 4) публичное политическое представительство выборных должностных лиц субъектов РФ (высших должностных лиц, но могут быть и иные); 5) публичное муниципальное представительство в представительных органах местного самоуправления; 6) публичное муниципальное представительство выборных должностных лиц местного самоуправления.

Заслуживает отдельного внимания обсуждение проблемы создания наднациональных представительных учреждений в рамках интеграционных отношений с участием Российской Федерации (например, в рамках Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза). Создание наднационального представительства (с учетом опыта Европейского союза) предполагает обсуждение вопросов природы (правовой и политической) института наднационального парламента. Представляется важным рассматривать такую природу с позиций как внутригосударственного конституционного права, так и с позиций международного права. В этом случае институт конституционной репрезентации может приобретать черты и элементы наднационального правового образования.

Институт конституционной репрезентации предполагает комплексное правовое регулирование своих основ и процедур реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Возможно обсуждение вопроса о разработке и принятии федерального закона о конституционной репрезентации (конституционном представительстве) в Российской Федерации.

Конституционная репрезентация (конституционное представительство) осуществляется через реализацию субъективных публичных прав, среди которых ключевое место занимает *право граждан* и иных лиц (в допускаемых законодательством и международными договорами случаях) на *публичное политическое представительство* в выборных органах государственной власти и органах местного самоуправления. Таким правом обладают как граждане всего государства – избирательный корпус в общенациональном масштабе, так и граждане, имеющие местожительство в публично-территориальных образованиях (субъектах Федерации, муниципальных образованиях и др.), в которых формируются и действуют выборные (представительные) органы государственной власти и местного самоуправления. Право на публичное политическое представительство на общенациональном уровне (общероссийском уровне) «работает» в случаях, предусмотренных законодательством, экстерриториально (например, в отношении выборов Президента РФ, депутатов парламента), если граждане проживают или находятся за пределами территории РФ.

Реализация данного права за пределами Российской Федерации основана на использовании гражданами активного избирательного права (в то время как использование пассивного избирательного права не допускается). Следовательно, право на публичное политическое представительство реализуется с огра-

ничениями, предполагающими возможность только политического голосования – политического волеизъявления в отношении кандидатов в выборные органы. Возможность делегировать своих представителей в выборные органы или выдвижение кандидатов от граждан с зарубежным местом пребывания и местом жительства действующим законодательством не предусматривается.

Право на публичное политическое представительство в условиях сложноорганизованной территориальной структуры государства с существованием трех основных уровней организации публичной власти и с действующими на этих уровнях выборными органами публичной власти предполагает многоуровневую систему института конституционной репрезентации (конституционного представительства) как отражение многоуровневого конституционализма в правовой и политической системе страны. Важно с позиций конституционного дизайна (конституционного проектирования) закреплять систему прав на публичное политическое представительство в текстах конституций (в Конституции РФ такое закрепление возможно в главах о Президенте РФ, Федеральном Собрании, а в отношении субъектов РФ в главе о федеративном устройстве, в отношении муниципальных образований – в главе о местном самоуправлении).

Конституционная демократия, публичное политическое представительство и президентализм. В современном понимании конституционализма как конституционной демократии политическое представительство играет заметную роль как для целей демократической легитимации органов публичной власти, так и для поиска форм согласования интересов различных социальных групп, общества, государства. Несмотря на имплицитное существование терминологического противоречия в выражении «конституционная демократия», в котором можно обнаружить элементы оксюморона (охумогон), концептуальная и практическая значимость этого понятия заключается в том, что оно объясняет взаимосвязь демократических форм политического волеизъявления и волеобразования в представительной системе правления и установленных конституционных ограничений для правителей, институциональные и организационные средства смены политических сил в отношениях правящая партия (партии) – оппозиционная партия (партии). Как отмечают исследователи, демократия предполагает политическую свободу, использование общественного самоуправления, сочетание форм прямого и представительного правления, децентрализацию и разделение властей, а также организованную многопартийность, при которой не допускается долговременное нахождение одних и тех же политических сил в качестве правящих и оппозиционных [11. С. 19–23; 12. С. 304].

Доктрина политического представительства была создана для объяснения и обоснования участия различных социальных слоев и классов общества в условиях невозможности реализации полной прямой демократии. Политическое представительство не всегда и не сразу стало сопричастно демократическим формам участия граждан в управлении делами государ-

ства. В течение длительного времени различные формы политического представительства основывались на сословных, классовых и значительных ценностных началах и ограничениях (в условиях сословно-представительской монархии европейских государств).

Российская юридическая наука стала осмысливать проблемы народного представительства, дискуссионный характер природы, структуры института публичного политического представительства в современной науке конституционного права только в начале XX в., опираясь на отечественный опыт общенациональных представительных учреждений. Россия сохраняет преемственность по отношению к позднему характеру возникновения современных представительных учреждений и поставленных проблем на рубеже XIX–XX столетий. Сомнения в необходимости и полезности народного представительства для России высказывались консервативными монархистами и почвенниками в ходе и после Великих реформ Александра II. М.Ф. Катков в 1881 г. выражал серьезные сомнения в необходимости представительства, отмечая, что «в каких бы размерах, силе и форме ни замышлять его, оно всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет более закрывать собой, нежели открывать народ с его нуждами» («Московские ведомости». 1881. № 119, 30 апреля). Такое представительство, по его мнению, «будет выражением не народа, а чуждых ему партий и неизбежно станет орудием их игры, которой так легко овладевает всякого рода интрига». Решение проблемы сближения с действующей власти народом он видел в создании правительства, свободного «от духа партий и достойное самодержавной власти Русского Царя, покрывающей народ в его целости». В этом он усматривал первый и истинный прогресс [13]. Современное восприятие должности главы государства (каким является Президент РФ) в одном из научных направлений конституционно-правовой науки и практики связывается с ее надпартийностью и политической нейтральностью. Должность главы государства выборная, с позиций доктрины публичного представительства отражает политическое участие различных групп избирателей в выборах и голосовании. Идея о том, что Президент – носитель мандата всей нации с политически нейтральной по отношению к партиям позицией, не нова в современном конституционном лексиконе, она парадоксальным образом сопричастна представлениям о роли самодержавного царя, «покрывающего народ в его целостности» и свободного «от духа партий».

Представители либеральной конституционной мысли (kadеты, либеральные государствоведы и конституционалисты) в дискуссии о теориях народного представительства обсуждали политическую, социологическую и юридическую теории, их связи с практикой функционирования современных представительных учреждений, опираясь и критически развивая конституционную мысль европейских ученых-правоведов. Политическая теория народного представительства отстаивала доктрину представительного мандата (взгляды Э.Й. Сийеса, А. Эсмена, Л. Дюги, в

России – научные позиции Б.Н. Чичерина, М.И. Свешникова, В.М. Гессена). По мнению В.М. Гессена, подвергшего критике данную теорию, представительный мандат не мог обеспечить действие мандатария от имени представляемого лица, так как, выйдя из границ поручения, он действует от своего имени [14. С. 132–133]. Однако признание правосубъектности народа (избирателей) позволяло трактовать публичное представительство в контексте не только общенациональных органов и интересов, но и региональных и местных представительных органов и имеющихся территориальных интересов. В *современной теории конституционной репрезентации* значимым идеальным каркасом выступает признание за гражданами (избирательным корпусом) права на публичное политическое представительство с учетом различий как представительных (выборных) органов публичной власти, так и необходимости институционализации различных территориальных (региональных, местных) интересов.

Социологическая теория народного представительства (в Германии Лоренц фон Штейн, Отто Майер) отстаивала взгляд на парламент как на орган представительства различных социальных интересов. Данная теория испытывала влияние социологии права и «юриспруденции интересов», представителями которой были Р. Фон Иеринг и сторонники «Тюбингенской школы» юриспруденции [15]. Проблема объяснения народного представительства с позиций социологической теории заключалась в том, что публичный интерес как общий интерес нации не мог быть механическим соединением множества различных интересов (даже частично совпадающих). Поэтому представительство интересов последовательные конституционалисты оспаривали и подобно С.А. Котляревскому считали, что оно находится в несомненном противоречии с идеей национального представительства, основанного на свободном мандате [16. С. 93]. Конституционная репрезентация в современном понимании не может игнорировать как социологическую теорию народного представительства, так и доктрину публичных интересов в юриспруденции. Представляется важным связывать систему конституционной репрезентации (систему конституционного представительства) с различиями в социальном составе представительных учреждений и иных выборных органов, действующих на различных территориальных уровнях в государстве, а также с необходимостью институционализировать через систему представительных и иных выборных органов публичной власти различные публичные интересы (общенациональные, региональные, муниципальные), которые обеспечивают «единство в многообразии» таких интересов.

Юридическая теория публичного представительства, основанная на доктрине государства как юридического лица, отстаивалась немецкими государство-ведами и юристами (особенно П. Лабандом и Г. Еллинеком). Георг Еллинек конструкцию государства как юридического лица развил в отношении института публичного представительства и связал с понятием государственного органа. По его мнению, представительство народа, хотя и сочетает признаки законного

представительства и представительства по уполномочию, в полной мере не является ни тем, ни другим. Отрицалась возможность применения императивного мандата в отношении депутатов парламента, т.к. компетенция народа не распространяется в отношении содержания правовых актов, принимаемых парламентом. Народ и парламент рассматривались как государственные органы: народ при формировании парламента действует как единое целое и приобретает правосубъектность, если он представлен в парламенте [17. С. 417–430]. В российском государствоведении концепция публичного представительства, основанная на доктрине юридического лица, признавалась В.М. Устиновым, К.Н. Соколовым, М.А. Рейнером. Конституционалист В.М. Гессен проводил развернутую критику юридической теории публичного представительства и отстаивал доктрину реального представительства в условиях фактического порядка думской монархии (период 1906 – февраль 1917 гг.), когда законодательством устанавливались квоты в парламенте – Государственной Думе (для чего избиратели делились на курии, их было четыре) [14. С. 187–196].

Современное значение юридической теории народного представительства для концепта конституционной репрезентации в условиях сложноорганизованной территории государства с множеством представительных и иных выборных органов публичной власти заключается в том, что устанавливаются публичные (конституционные и муниципальные) правоотношения между гражданами и их представителями в выборных органах. Публичные правоотношения возникают в связи с реализацией не только избирательных прав (активного и пассивного) в ходе формирования выборных органов публичной власти, но и в связи с реализацией самого права на публичное представительство граждан в различных публично-территориальных образованиях (на общенациональном, региональном и муниципальном уровнях), а также и на наднациональном уровне в случае создания межгосударственных представительных учреждений. Следовательно, юридическая теория позволяет обосновывать правосубъектность народа (избирательного корпуса) в целом, правосубъектность избирателей как публичных коллективов в границах отдельных регионов (субъектов Федерации), отдельных муниципальных образований.

Народное и политическое представительство является интегральной частью доктрины парламентаризма и системы парламентского правления в современных демократических государствах, отличающихся разнообразием конституционных форм правления. Связь (правовую и политическую) между народным представительством и формированием в России представительного правления отстаивали и развивали Н.И. Лазаревский, представители кадетского крыла в либерально-демократическом движении. По мнению Н.И. Лазаревского, только развитые формы народного представительства (как в условиях монархии, так и республики) приводили к появлению парламентаризма в политической практике европейских государств, который отсутствовал в России после создания Государственной Думы и реформирования Государствен-

ного Совета в начале XX в. [18. 179–252]. К.Н. Соколов, представивший в своем исследовании системный взгляд на отношения парламентаризма, считал возможным рассматривать эти отношения как правовые со значительным объемом политических практик, которые не всегда находили непосредственное отражение в конституционных текстах и нормах действующих конституций [19. С. 395–410]. Он утверждал, что «конституционные нормы, на которых покоится парламентский строй», в полной мере «нигде не получили формального признания в официальных юридических текстах» [19. С. 397]. Важно, чтобы парламентаризм признавался «правосознанием парламента» и «представляемой им страны». Только на почве общественно признанных правовых норм возникает правовая теория парламентаризма, объясняющая факт совпадения правосознания у всех участников конституционных отношений, складывающихся в государстве, функционирующем в рамках системы парламентаризма.

Не только парламентаризм, но и ни одна из современных конституционных форм правления (даже в условиях широкого использования форм прямой и электронной демократии) не может функционировать без института публичного политического представительства, не рискуя превратиться в различные ипостаси автократического или авторитарного правления. Политическое представительство становится народным в подлинном смысле слова, когда реально обеспечиваются политическое участие граждан (с различной социально-политической активностью) на различных территориальных уровнях организации демократического государства, интересы различных слоев и классов в системе представительного правления, в парламентской деятельности и деятельности главы государства, иных выборных органов публичной власти в территориальной структуре государства.

В современных исследованиях подчеркиваются различия между публичным и частным представительством и устанавливается юридическая связь между публично-правовым (политическим) представительством и выборами, которые, по мнению авторов, не всегда являются единственным основанием для представительной власти [20. С. 26–30]. Понимание концептуальных основ института конституционной репрезентации предполагает учет историко-правового наследия и развитие, творческое осмысление выработанных теорий публичного представительства в контексте достижений современной демократической теории и учения о репрезентации.

Представляется важным современные представления об институте конституционной репрезентации формировать на основе соединения нескольких концептов, отражающих современные формы демократической легитимации публичной власти, теорию республиканизма и воззрения на многоуровневый характер организации публичной власти в сложноорганизованных государствах с точки зрения их территориальной структуры. На наш взгляд, теории республиканизма, многоуровневого конституционализма и полиархии в системе представительных и иных выборных органов публичной власти в условиях политической конкуренции способны обеспечивать относи-

тельную устойчивость и эффективность института конституционной репрезентации (конституционного представительства) на различных территориальных уровнях организации публичной власти.

Доктрина республиканизма рассматривается в работах исследователей как альтернатива либеральным и коммунитаристским теориям. Идея республиканизма основывается на концепции свободы как «недоминирования» и часто противопоставляется негативному и позитивному пониманию свободы [21. С. 36–41]. Республиканизм и тезис о свободе как «недоминировании» содействуют развитию представлений о конституционной репрезентации, о публичном политическом представительстве со значительными гарантиями, обеспечивающими деятельность различных представительных и иных выборных органов публичной власти без подавляющего доминирования со стороны одного из них в территориальной структуре государства. Республиканизм позволяет расширять систему представительных и иных выборных органов публичной власти (как одновременно и гарантию устойчивости развития государства и активного политического участия граждан) и гарантировать публичное политическое представительство в различных территориальных сегментах государства на основе конституционного и законодательного разграничения предметов ведения и полномочий в условиях социально-политического многообразия.

Концепция многоуровневого конституционализма (термин и концептуальное осмысление предложены немецким исследователем Ингольфом Пернисом) [22, 23], хотя и формировалась в условиях конституционализации Европейского союза и отражает проблему множественности конституционных правопорядков в рамках наднационального правопорядка с чертами конституционного устройства, имеет более широкое значение. Требует обсуждения ее применимость и в сложноорганизованных территориальных государственных структурах, основанных на федеративных и наднациональных принципах организации. В частности, применительно к концепции конституционной репрезентации элементы сложноорганизованной конституционной системы требуют согласования при реализации учредительных прав и компетенции системой представительных и иных выборных органов публичной власти на различных территориальных уровнях государства. В частности, в России не решена проблема реализации учредительных полномочий региональных парламентов при инициативе поправок к Конституции РФ, тем более отсутствует возможность инициировать созыв Конституционного Собрания РФ, запускать возможность разработки проекта новой Конституции. На федеральном уровне (помимо Конституционного Собрания) народ как граждане и избиратели не вправе инициировать поправки к Конституции РФ, выдвигать предложения о проведении референдума РФ по проекту новой Конституции. С позиций многоуровневого конституционализма не согласованы принципы народного суверенитета в контексте обладания гражданами учредительными полномочиями и принцип публичного политического представительства для целей участия представитель-

ных и иных выборных органов государства в реализации инициатив в сфере конституционной модернизации страны. Поэтому заслуживает внимания концепция конституционного краудсорсинга в условиях многоуровневого конституционализма – новое измерение участия граждан в осуществлении учредительной власти и политического волеобразования [24. С. 62]. Применение термина «краудсорсинг» к сфере конституционного права и реализации учредительных прав гражданами и публичным представительством продуктивно в условиях использования современных информационных технологий.

Теория полиархий, представленная в работах Р. Даля [25], рассматривает проблему создания устойчивой конституционной и политической среды, в которой формируются режимы с оппозицией, позволяющей совершенствовать и развивать и среду, и сам режим. Разработанный им подход осмысливает сложные вопросы превращения политических режимов, не позволяющих оппонентам открыто, законно, организованно и свободно в условиях честной конкуренции выступать против действующего правительства («закрытые гегемонии»), в режимы, при которых оппозиция возможна и возможен приход ее к власти («полиархии») [25. С. 24–41]. Институт конституционной репрезентации может способствовать формированию устойчивой полиархии, обеспечивающей прогрессивное и динамическое развитие государства, если в системе представительных и иных выборных органов публичной власти работает сам принцип «полиархии» на различных территориальных уровнях государства (в федеральном парламенте, региональных парламентах, муниципальных представительных органах). Выборные органы публичной власти с политическим представительством различных социально-политических групп создают необходимую конституционную и политическую среду полиархического режима. Следовательно, конституционная репрезентация в сложных территориальных структурах государства может продуктивно работать без подавляющего доминирования одного из органов государства, когда поддерживается и институционализируется в системе представительных и иных выборных органов публичной власти политическое представительство, основанное на социально-политическом разнообразии с сохранением прав на оппозицию и права на превращение в правящее политическое представительство.

Современная теория народного представительства основывается на идее народного суверенитета, который реализуется через формы конституционной демократии [26. С. 22–23]. Однако открытым для обсуждения в современных научных дискуссиях остается вопрос о том, должны ли конституции закреплять принципы публичного представительства, а не обычные принципы избирательного права и процесса. В частности, исследования нормативного принципа измерения избирательных систем в современном мире показывают, что большей стабильностью обладают избирательные системы с конституционным закреплением своих принципов и вида нежели те, которые подвергаются только законодательному регулированию, а принцип пропорциональности находит отра-

жение в конституционном тексте гораздо чаще, чем мажоритарные избирательные системы [27. Р. 578–580]. Доктрина конституционной репрезентации предполагает установление на уровне конституций (федеральной, региональной, возможно «муниципальной», в качестве которой может выступать устав муниципального образования) гарантii и прав на публичное политическое представительство, действующих в различных территориальных структурах государства.

Исследования в области соотношения демократии и представительства (Ч. Пинелли) констатируют по-пулистские изменения в конституционной демократии, которая сохраняет напряженность между «демократической и либеральной опорой». Однако достижением современной конституционной демократии признается ее гибкость, функционирование в условиях постоянной корректировки правовых принципов и политических институтов, которые открыты для различных интерпретаций как учеными, так и политиками [28. Р. 6]. Представляется, что институт конституционной репрезентации в России должен быть открыт для конституционных изменений (в том числе через внесение поправок в Конституцию РФ), так и для инкорпорации новых правовых принципов и целей функционирования в условиях поиска баланса публичных интересов на трех уровнях организации публичной власти (федеральном, региональном, муниципальном).

Следует отметить, что к развитию в России конституционной репрезентации (конституционного представительства) следует подходить с учетом возможностей доктрины сравнительного конституционного дизайна [29. Р. 1–15], которая позволяет моделировать конституционно-правовые институты и конституционные положения в контексте повышения их эффективности и использования сравнительного и международного опыта, исторического контекста и потребностей развития в конкретном государстве.

В некоторых работах высказывается мнение, что народное представительство – это юридическая фикция, которая имеет положительные и негативные последствия, выполняет функцию нормативного, психологического, идеологического воздействия на общественные отношения, на чувства, сознание, действия людей [30. С. 22–27]. Юридическая конструкция современного политического представительства в России нуждается в совершенствовании как процедур, так и форм политического участия и демократического вовлечения граждан в управление делами государства.

Представительное правление зарождалось при доминирующем положении монарха (императора) в системе органов государственной власти и в современных государствах обеспечивает политическое представительство как в монархиях, так и в республиках. Республиканизм в системе представительного правления – более распространенная форма конституционной репрезентации в силу использования значительного числа демократических процедур политического вовлечения в управление делами государства.

В доктринальном плане как правовой и политический концепт институт политического представитель-

ства, реализуя современные формы политического вовлечения в управление делами государства, противостоит различным формам автократии, диктатуры и вождизма. Содействуя влиянию политических партий и общественных объединений на формирование представительных органов государства и органов местного самоуправления, институт политического представительства не исключает национального лидерства в политическом руководстве страны, распространяя свои доктринальные и институциональные основы на институт президентства как институт индивидуального публичного представительства нации с окрашенным политическим оттенком или достаточно нейтральным к чистой форме политического представительства. Следовательно, президент может быть как формой политического представительства нации с опорой на определенную политическую партию, так и формой индивидуального публичного представительства, стоящего над политическими интересами отдельных партий.

Исследование современных форм политического представительства опирается и на концепции политического лидерства главы государства, которые формировались в XIX в. и корректируются современной конституционной юриспруденцией и философией политики.

В частности, Бенжамен (Бенжамин) Констан использовал конструкцию «нейтральная власть» для политического обоснования королевской власти и возвышения по отношению к другим ветвям власти. Функция королевской власти – поддержание равновесия среди других ветвей власти [31. С. 39–40]. Идею нейтральной власти Б. Констан связывает с главой государства, который представлялся ему способным обеспечивать баланс между различными ветвями власти. Так, М. Краснов, анализируя взгляды русских государствоведов и конституционалистов на рубеже XIX–XX вв., отмечает тонкие различия в понимании слов «умирять» и «умерять» и считает возможным их употреблять для характеристики нейтральной власти главы государства [32. С. 61].

Обращаясь к современному опыту политического лидерства и работы института публичного представительства в лице главы государства, следует отметить реальную возможность президента страны дистанцироваться в условиях проведения избирательной кампании от конкретных политических партий как инициаторов выдвижения кандидатов на пост президента, при условии использования процедуры самовыдвижения как юридического механизма обеспечения и дистанцирования, и политической нейтральности. В Российской Федерации выборы Президента РФ в 2018 г. проходили с выдвижением действующего главы государства в качестве кандидата на пост Президента РФ через процедуры самовыдвижения. Тем самым действующий глава Российского государства обеспечил себе дистанцирование и некоторую политическую нейтральность в ходе избирательной кампании. Во многом такой подход восходит к идеям К. Шмитта, который допускал возможность конструирования положения республиканского президента государства в контексте концепта нейтральной власти [33].

С. 164]. Позиция немецкого ученого сопричастна контексту практики смешанной республики, которую ввела Веймарская конституция в Германии в 1919 г. Современная форма правления в России близка к смешанной республике с усиленной президентской властью, которая в конструкции политической нейтральности может найти выход из двойной политической ответственности правительства (перед нижней палатой парламента и перед главой государства) [34. С. 28–39]. Конструкция политической нейтральности института публичного представительства президента требует возложения политической ответственности за деятельность правительства на его руководителя (делегирования от президента главе правительства).

Следует согласиться с мнением исследователя о том, что в условиях *президенциализма* (с сильным главой государства в условиях президентской или смешанной республики) надпартийность (и в этом смысле нейтральность) президента остается политической иллюзией, особенно если президент еще на стадии выдвижения в качестве кандидата поддерживался определенной политической партией [32. С. 65]. Однако более важным в институте публичного представительства главы государства является реальная проблема сменяемости президента и его политической ответственности за деятельность правительства в случае, когда сам он некогда руководил политической партией, к которой принадлежит (и формально руководит) действующий председатель правительства.

Национальное политическое лидерство, выраженное в президенте страны, не может быть полностью нейтральным, т.к. глава государства определяет и для правительства, и для парламента основные направления внешней и внутренней политики государства. Важно, чтобы в институте президента сопрягались юридические и политические формы такого лидерства с ответственностью и опорой на парламентское или общеноциональное представительство (представительство всей нации). В отличие от президенциализма с доминирующим положением главы государства и проблемой политической ответственности правительства, парламентаризм как способ правления в классическом виде обеспечивает довольно эффективный контроль за исполнительной властью на общеноциональном уровне, хотя и не лишен недостатков в плане создания устойчивого парламентского большинства и стабильного по политическому составу правительства (кабинета министров). Развивая институт конституционного представительства в отношении выборного главы государства, возможно, более продуктивным будет разделение функции публичного представительства на стадии выдвижения кандидата, процедуры его избрания и на посту действующего Президента страны. Публичное представительство будет носить определенную политическую окраску, если кандидат на пост главы государства выдвигался от политической партии и при ее поддержке. Публичное представительство на посту действующего главы государства у такого кандидата не может быть политически нейтральным, однако глава государства обязан содействовать как гарант конституции поддержанию в пределах страны публичного представительства других

политических структур и сегментов общества. Если кандидат на пост главы государства (особенно действующий Президент, выступающий в качестве кандидата на новый срок) выдвигался в порядке самовыдвижения, он обладает «остаточной» политической окраской (исходя из его предшествующего политического членства и руководства партией), а не политической нейтральностью. Занимая пост Президента страны (как вновь избранный кандидат), такое лицо разделяет политическую ответственность за деятельность политической партии, которая поддерживала его на выборах (хотя он мог и не являться ее членом), и как гарант конституции обеспечивает функционирование публичного представительства в системе органов государства и местного самоуправления, поддерживая социально-политическое разнообразие на различных территориальных уровнях государства.

Политическое представительство в системе представительного правления и парламентаризм. Политическое представительство появилось значительно раньше современного парламентаризма, оно может существовать в государствах с различной степенью реализации демократических институтов правления. Функции политического представительства в западноевропейской правовой и политической культуре предшествовали функциям современного парламента (законодательной, бюджетной, контрольной, международной и др.). В одних государствах возникновение парламентаризма, как более развитой формы политического представительства, предшествовало широкому развитию институтов демократического правления (Великобритания, Турции, Индии), в других государствах (скандинавского региона) возникновение парламентаризма и развитие демократии и современных форм политического представительства протекало более или менее параллельно [35. С. 29].

По мнению современных исследователей, невозможно ограничивать парламентаризм исключительно демократическими ценностями, он «существовал и может существовать вне демократического политического режима» [36. С. 5–6]. Парламентаризм – это особая система государственного руководства, базирующаяся на разделении властей, представительности, законодательной и контрольной компетенции парламента [37. С. 9–13]. Система парламентаризма обоснованно связывается с реализацией некоторых (ограниченных) элементов принципа разделения властей, такая система функционирует в рамках «гибкой» модели разделения властей, характерной для парламентских монархий и парламентских республик современных демократических государств. А.М. Барнашов выделяет только две модели разделения властей: «гибкую» и «жесткую» [38. С. 67]. Конституционное развитие во второй половине XX в. привело к появлению «смешанной» модели разделения властей, например, во Франции (V Республика по Конституции 1958 г.) [34. С. 28–39].

Современный парламентаризм вырос из системы представительного правления, которая складывалась сначала в Великобритании, а затем в странах континентальной Европы в течение нескольких столетий. В качестве демократической системы правления парла-

ментаризм утвердился в современных государствах только в XX в., причем устойчивая демократическая традиция сформировалась во второй половине XX в. после Второй мировой войны. Дж. Стоарт Милль отмечал, что сущность представительного правления состоит в том, что весь народ, или значительная его доля посредством своих депутатов, избираемых периодически, держит в руках высшую власть контроля [39. С. 77]. Предназначение представительного правления Милль видел в том, чтобы представительное Собрание не управляло государством (к нему оно совершенно неспособно), а осуществляло наблюдение и контроль над правительством – отстраняло от должности людей, составляющих правительство, если они не заслуживают доверия или действия их не совпадают с желаниями нации [39. С. 95].

Парламентаризм в России как система правления не сформировался в качестве «работающего» конституционного-правового института, хотя проекты перехода к парламентской системе правления разрабатывались и предлагались применительно к монархическому этапу развития Российского государства (проект кадетов о переходе парламентской монархии) и в отношении современной российской республики (проект развития парламентских форм ответственности правительства в условиях полупрезидентской, полупарламентской республики).

В современной России с учетом развития института конституционной репрезентации, в государствах с различной конституционной формой правления существует проблема развития и эффективной реализации политического представительства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях осуществления публичной власти.

Невозможно обеспечить *принцип политического тождества* между парламентским учреждением и избирательным корпусом даже в условиях применения избирательной системы, сочетающей элементы мажоритарной системы относительного большинства и пропорционального представительства. Проблема реализации принципа политического тождества отмечалась в трудах К. Шмита как одно из свидетельств кризиса современного парламентаризма, как он понимался в начале XX в. [40].

Возможно минимизировать проблему достижения политического тождества за счет применения элементов системы панащирования, особенно на федеральном и региональном уровне при формировании представительных органов Федерации и ее субъектов. Система панащирования создает благоприятные условия для учета личных и профессиональных качеств отдельных депутатов как более приоритетных по сравнению с их партийной принадлежностью. Система панащирования, хотя и не исключает партийно-политического преобладания в системе выдвижения кандидатов в рамках партийных списков, но предполагает создание открытых списков с возможностью голосования за кандидатов, стоящих в различных партийных списках, если их деловые, личные, профессиональные качества делают их более достойными для избрания по отношению к их партийной принадлежности.

Помимо этого, особого внимания заслуживает совершенствование системы парламентских контрольных полномочий (как на федеральном, так и на региональном уровнях), в том числе расследовательских полномочий в отношении неправомерных действий должностных лиц федеральных и региональных органов исполнительной власти.

В субъектах РФ низкий уровень участия региональных парламентов в реализации мер ответственности в отношении высших должностных лиц субъектов РФ (иных должностных лиц) свидетельствует о недостаточной разработанности института конституционной репрезентации на региональном уровне [41. С. 28–30]. Следует предусмотреть более активную роль и значимые полномочия региональных парламентов в отношении расследования действий публичных должностных лиц (в том числе высшего должностного лица субъекта РФ), которые связаны с совершением правонарушений, в том числе выступающие в качестве основания для отрешения от должности по решению Президента РФ.

Институт конституционной репрезентации следует развивать в контексте усиления мер парламентской ответственности выборных публичных должностных лиц, действующих на федеральном и региональном уровнях организации власти.

Институт конституционной репрезентации предполагает совершенствование и осмысление конституционно-правового значения категории «народ». В современных исследованиях обоснован тезис о конституционно-правовом значении народа не только как совокупности ныне живущих граждан, но и как будущего поколения россиян, интересы которых подлежат учету при принятии политических решений в экономической и социальной сферах [42. С. 9–26]. По мнению Ю.И. Скуратова, для развития российского многонационального государства «необходимо формирование этнического (национального) субстрата». Однако такой субстрат – это нация в политическом смысле, активный участник политического вовлечения в процесс формирования института конституционной репрезентации и ответственности выборных должностных лиц на различных уровнях публичной власти.

Представляется правильным рассматривать понятие «нация» в двух аспектах. Во-первых, в гражданском и политическом смысле нация – это граждане, которые формируют выборные органы государственной власти, суды, органы местного самоуправления, управляют государством через эти органы, а также через политические партии и участвуют в создании законов. Во-вторых, в этническом смысле нация – это общность людей, объединенных одним языком, культурой, традициями, историей, экономикой и территорией [43. С. 190].

По мнению английского историка Дж. Хоскинга, выделяющего гражданский и этнический аспект национального сознания, оба аспекта национального самосознания русских серьезно пострадали от развития империи, и неразвитость национального сознания остается основным историческим бременем, которое не исчезло с распадом империи [44. С. 6–7]. Исходя из такого понимания, российский народ следует рассматривать как нацию в политическом аспекте. В современных исследованиях отмечается, что «Российская Федерация не является национальным государством русских – она относится к группе наднациональных государств и не закрепляет ни за русской нацией, ни за любым другим российским народом положения титульного этноса» [45. С. 27]. Суждение верное, однако перспективы формирования категории «наднациональное государство» (взамен советского государства) с учетом имеющегося в международной юриспруденции смысла данного термина весьма сомнительны, существует явная неопределенность его политического содержания. Категория «народ» в российском конституционном праве предполагает полигэтнический характер состава населения России. Такой полигэтнический и мультикультурный состав населения (да и граждан с правами на политическое участие в управление делами государства) не должен рассматриваться как препятствие на пути формирования российской нации в гражданском и политическом смысле. Российская нация как политическая нация определяет этнический и социальный состав граждан, обладающих правами на конституционную репрезентацию (конституционное представительство).

Признавая процесс формирования политической нации в качестве объективного исторического процесса, следует отметить возможность государственного воздействия на этот процесс (в частности, применения мер государственного регулирования). Политическая нация как концепт предполагает территориальную сферу своего политического действия и политического вовлечения. В этом смысле народ как политическая нация обладает правами в сфере политического участия не только на федеральном уровне, но и на региональном и муниципальном уровнях организаций и осуществления публичной власти. Следовательно, институт конституционной репрезентации предполагает юридические гарантии и эффективное использование прав на политическое участие народа на трех уровнях политического представительства и формирования выборных органов и выборных должностных лиц в системе органов публичной власти (федеральном, региональном, муниципальном).

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1899. XXIV. 810 с.
2. Масленникова С.В. Право граждан на народное представительство в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2001. 199 с.
3. Малинова О.Ю. Теория представительства и политический символизм парламента в российском контексте // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 5–11.
4. Варлен М.В. Эволюция российского парламентаризма: конституционно-правовой аспект // Lex Russica. 2013. Т. XCV, № 12. С. 1342–1353.
5. Филимонов Ю.В. Политические партии как основные носители идеологического и политического многообразия в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 75–80.

6. Авакян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.
7. Авакян С.А. Парламентаризм в России: идеи и решения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2006. № 2. С. 3–19.
8. Фадеев В.И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 11–16.
9. Филиппова Н.А. Юридическое содержание публичного представительства: доктринальные основы конституционного права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 509.
10. Кравец И.А. Российский конституционализм и ответственность: между правом и политикой // Проблемы права : международный научный журнал. 2005. № 1. С. 9–20.
11. Астафьев П.А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19–23.
12. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакян. М. : Норма, 2001. С. 304.
13. Катков М.Н. Конституция и представительство // Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». М., 1897. № 119 от 30-го апреля 1881 г. С. 213–214.
14. Гессен В.М. Основы конституционного права. Изд. 2-е. Петроград : Право, 1918. 437 с.
15. Иеринг Р. Интерес и право / пер. с нем. А. Борзенко. Ярославль : Тип. губерн. зем. управы, 1880. 286 с.
16. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / под ред. и с пред. В.А. Томинова. М. : Зерцало, 2004. 392 с.
17. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Изд. 2-е, испр. и доп. по второму немецкому изданию С.И. Гессен. СПб. : Изд-во Юридич. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1908. 599 с
18. Лазаревский Н. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство : сб. статей. 2-е изд. СПб., 1905. С. 179–252.
19. Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб. : Печатный труд, 1912. 432 с.
20. Арановский К.В., Князев С.Д. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 21–34.
21. Петтиг Ф. Республианизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковleva; предисл. А. Павлова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 488 с.
22. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? // Common Market Law Review. 1999. Vol. 36. P. 703–750.
23. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action // Columbia Journal of European Law. 2009. Vol. 15. P. 349–407.
24. Кравец И.А. Российский конституционализм и конституционный краудсорсинг: перспективы конституционной модернизации // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 58–64.
25. Даля Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Барапова. М. : Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
26. Фадеев В.И. Народное представительство. Ч. 1. Историко-теоретические корни : монография. М. : Проспект, 2015. 168 с.
27. Raabe J. Principles of representation throughout the world: Constitutional provisions and electoral systems // International Political Science Review. 2014. Vol. 36, Issue 5. P. 578–592. URL: <https://doi.org/10.1177/0192512114529985>
28. Pinelli C. The Populist Challenge to Constitutional Democracy // European Constitutional Law Review. 2011. Vol. 7, is. 1. P. 5–16. doi:10.1017/S1574019611100024
29. Ginsburg, Tom (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 393 p.
30. Ерыгина В.И. Народное представительство как юридическая фикция в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 22–27.
31. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм : пер. с фр. : сборник. М., 2000. С. 39–40.
32. Краснов М.А. «Нейтральная власть» Б. Констана и «президентский арбитраж» Ш. де Голля // Государство и право. 2017. № 6. С. 61.
33. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 164.
34. Кравец И.А. Российский республиканизм и проблема разделения властей // Право и политика. 2016. № 1. С. 28–39. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16285
35. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М., 2001. С. 29.
36. Пономарева В.В. О сущности парламентаризма: сквозь призму идеального и традиционного // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Вып. 1 / отв. ред. В.В. Пономарева. Красноярск, 2004. С. 5, 6.
37. Булаков О.Н. Бикамеральная структура парламента (практика и проблемы законотворчества) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 9–13.
38. Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988. С. 67.
39. Миль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. 263 с.
40. Шмитт К. Духово-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология : сборник: пер. с нем. М., 2000.
41. Кравец И.А. Функциональная легитимность, конституционализм и проблема эффективности публичной исполнительной власти в России: теоретические и практические аспекты // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти в России и зарубежных государствах / под ред. А.А. Ларичева. Петрозаводск : Карельский филиал РАНХиГС, 2017. С. 17–30.
42. Скуратов Ю.И. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) // Lex russica. 2017. № 10. С. 9–26.
43. Кравец И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка : монография. М. : РУСАЙНС, 2017. 336 с.
44. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н. Самуилова. Смоленск : «Русич», 2001. С. 6–7.
45. Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность (конституционно-правовой аспект взаимоотношений) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С. 27.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июля 2018 г.

CONSTITUTIONAL REPRESENTATION: PROBLEMS OF PUBLIC POLITICAL REPRESENTATION IDENTIFICATION AND IMPROVEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 186–198.

DOI: 10.17223/15617793/433/26

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: constitutional representation; public political representation; republicanism; parliamentarism; political responsibility; principle of popular sovereignty.

The article considers the theoretical foundations of constitutional representation as a legal institution, issues of identification of political representation in the modern science of constitutional law, the correlation of methodological and normative bases of public political representation in constitutional jurisprudence and issues of improving constitutional representation in the political and legal practice of Russia. The author explores the problem of legal identification of constitutional representation, demonstrates the relationship between constitutional democracy and “people’s representation”, “representation in constitutional law”, the “right to people’s representation”. He discusses the scientific approaches to understanding the nature and features of public political representation established by the Constitution of the Russian Federation in 1993. This article substantiates the scientific and legal-political significance of the concept of constitutional representation for the development and improvement of various forms of public political representation in Russia, examines the influence of the theory of Republicanism on the system of public political representation, the prospects for the formation of multi-level Constitutionalism in Russian jurisprudence and the practice of territorial organization of the state. The concept of constitutional representation (as a legal institution) is designed to explain the possibilities for expanding the political participation of citizens at the federal, regional and municipal levels of the organization of public authority, as well as to reveal the forms of public political representation in the territorial structure of the Russian state. The article uses the methods of comparative and systemic analysis, the method of constitutional design, concrete historical and formal legal methods of analysis. The author uncovers gaps and shortcomings in the current legislation in the sphere of constitutional representation and formulates the provisions for the improvement of constitutional legislation. Particular attention is paid to the dynamic possibilities, realities and prospects of the implementation of the right to constitutional representation as a guarantee of the implementation of the principle of people’s sovereignty, not only at the federal level, but also at the regional and municipal levels of the organization of public power. The study analyzes the theoretical basis, the origins of constitutional representation as well as the problem of the implementation of the forms of public political representation in Russia as the basis of the constitutional order of Russia.

REFERENCES

1. Chicherin, B.N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [On popular representation]. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina.
2. Maslennikova, S.V. (2001) *Pravo grazhdan na narodnoe predstavitel'stvo v Rossiiyskoy Federatsii* [The right of citizens to popular representation in the Russian Federation]. Law Cand. Dis. Moscow.
3. Malinova, O.Yu. (2014) The theory of representation and political symbolism of parliament in the Russian context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (27). pp. 5–11. (In Russian).
4. Varlen, M.V. (2013) Evolyutsiya rossiyskogo parlamentarizma: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Evolution of Russian parliamentarism: the constitutional and legal aspect]. *Lex Russica*. XCV(12). pp. 1342–1353.
5. Filimonov, Yu.V. (2011) Politicheskie partii kak osnovnye nositeli ideologicheskogo i politicheskogo mnogoobraziya v Rossiiyskoy Federatsii [Political parties as the main bearers of ideological and political diversity in the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 75–80.
6. Avak'yan, S.A. (2014) Publichnaya vlast' i predstavitel'stvo: organizatsionnye, sotsial'nye i personalistskie nachala (konstitutsionno-pravovoy vzglyad) [Public authority and representation: organizational, social and personalistic principles (a constitutional-legal perspective)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 20–30.
7. Avak'yan, S.A. (2006) Parlamentarizm v Rossii: idei i resheniya [Parliamentarism in Russia: ideas and solutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo – Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Law*. 2. pp. 3–19.
8. Fadeev, V.I. (2014) O dukhovno-nravstvennykh osnovakh narodnogo predstavitel'stva v Rossii [On the spiritual and moral foundations of people's representation in Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 11–16.
9. Filippova, N.A. (2011) Yuridicheskoe soderzhanie publichnogo predstavitel'stva: doktrinal'nye osnovy konstitutsionnogo prava [Legal content of public representation: the doctrinal foundations of constitutional law]. In: *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 11.
10. Kravets, I.A. (2005) Rossiyskiy konstitutsionalizm i otvetstvennost': mezhdu pravom i politikoy [Russian constitutionalism and responsibility: between law and politics]. *Problemy prava*. 1. pp. 9–20.
11. Astafichev, P.A. (2014) Demokratiya kak osnova doktriny konstitutsionalizma i konstitutsionnogo stroya sovremenennogo gosudarstva [Democracy as the basis of the doctrine of constitutionalism and the constitutional system of the modern state]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 7. pp. 19–23.
12. Avak'yan, S.A. (ed.) (2001) *Konstitutsionnoe pravo. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Constitutional law. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Norma. pp. 304.
13. Katkov, M.N. (1897) Konstitutsiya i predstavitel'stvo [The Constitution and representation]. In: *Sobranie peredovykh statey "Moskovskikh Vedomostey"* [Collection of editorial articles of Moskovskie Vedomosti]. Moscow: Izdanie S.P. Katkovoy. pp. 213–214.
14. Gessen, V.M. (1918) *Osnovy konstitutsionnogo prava* [The basics of constitutional law]. 2nd ed. Petrograd: Pravo.
15. Iering, R. (1880) *Interes i pravo* [Interest and Law]. Translated from German by A. Borzenko. Yaroslavl: Tip. gubern. zem. upravy.
16. Kotlyarevskiy, S.A. (2004) *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie predposyalki russkikh Osnovnykh Zakonov* [The constitutional state. Legal preconditions of the Russian fundamental laws]. Moscow: Zertsalo.
17. Ellinek, G. (1908) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state]. 2nd ed. St. Petersburg: Izd-vo Yuridich. knizh. magazina N.K. Martynova
18. Lazarevskiy, N. (1905) Narodnoe predstavitel'stvo i ego mesto v sisteme drugikh gosudarstvennykh ustavovleniy [Popular representation and its place in the system of other state institutions]. In: Gessen, I.V. & Kaminka, A.I. (eds) *Konstitutsionnoe gosudarstvo: sb. statey* [A constitutional state: articles]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestv. pol'za".
19. Sokolov, K.N. (1912) *Parlamentarizm. Opyt pravovoy teorii parlamentarnogo stroya* [Parliamentarism. The experience of the legal theory of the parliamentary system]. St. Petersburg: Pechatnyy trud.
20. Aranovskiy, K.V. & Knyazev, S.D. (2007) Politicheskoe predstavitel'stvo i vybory: publichno-pravovaya priroda i sootnoshenie [Political representation and elections: public law and relationships]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 16. pp. 21–34.
21. Pettit, Ph. (2016) *Respublikanism. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism. A Theory of Freedom and Government]. Translated from English by A. Yakovlev. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
22. Pernice, I. (1999) Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? *Common Market Law Review*. 36. pp. 703–750.
23. Pernice, I. (2009) The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action. *Columbia Journal of European Law*. 15. pp. 349–407.
24. Kravets, I.A. (2017) [Russian Constitutionalism and constitutional crowdsourcing: prospects for constitutional modernization]. *Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy* [Constitutional law: development results, problems and perspectives]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 58–64. (In Russian).

25. Dal, R.A. (2010) *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya* [Polyarchy: Participation and Opposition]. Translated from English by S. Denikina, V. Baranov. Moscow: HSE.
26. Fadeev, V.I. (2015) *Narodnoe predstavitel'stvo* [Popular representation]. Pt. 1. Moscow: Prospekt.
27. Raabe, J. (2014) Principles of representation throughout the world: Constitutional provisions and electoral systems. *International Political Science Review*. 36(5). pp. 578–592. DOI: 10.1177/0192512114529985
28. Pinelli, C. (2011) The Populist Challenge to Constitutional Democracy. *European Constitutional Law Review*. 7(1). pp. 5–16. DOI: 10.1017/S157401961100024
29. Ginsburg, T. (ed.) (2012) *Comparative Constitutional Design*. Cambridge University Press.
30. Erygina, V.I. (2018) Representation of the people as a legal fiction in constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 1. pp. 22–27. (In Russian).
31. Constant, B. (2000) Printsypry politiki, prigodnye dlya vsyakogo pravleniya [Principles of politics suitable for any government]. In: *Frantsuzskiy klassicheskiy liberalizm* [French classical liberalism]. Translated from French by M.M. Fedorova. Moscow: ROSSPEN.
32. Krasnov, M.A. (2017) “Neytral'naya vlast” B. Konstana i “prezidentskiy arbitrazh” Sh. de Gollya [“The Neutral Power” of B. Constant and the “Presidential Arbitration” by Ch. de Gaulle]. *Gosudarstvo i pravo*. 6.
33. Schmitt, K. (2010) *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form]. Translated from German by O.V. Kil'dyushov. Moscow: HSE.
34. Kravets, I.A. (2016) Rossiyskiy respublikanizm i problema razdeleniya vlastey [Russian Republicanism and the problem of separation of powers]. *Pravo i politika*. 1. pp. 28–39. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16285
35. Mogunova, M.A. (2001) *Skandinavskiy parlamentarizm: teoriya i praktika* [Scandinavian parliamentarism: theory and practice]. Moscow: RSUH.
36. Ponomareva, V.V. (2004) [On the essence of parliamentarism: through the prism of the ideal and the traditional]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava* [Topical issues of theory and history of state and law]. Is. 1. Krasnoyarsk: Yul KrasGU: RUMTSYuO. pp. 5–6. (In Russian).
37. Bulakov, O.N. (2006) Bikamerálnaya struktura parlamenta (praktika i problemy zakonotvorchestva) [Bi-chamber structure of the parliament (practice and problems of lawmaking)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 9. pp. 9–13.
38. Barnashov, A.M. (1988) *Teoriya razdeleniya vlastey: stanovlenie, razvitiye, primenenie* [The theory of separation of powers: formation, development, application]. Tomsk: Tomsk State University.
39. Mill, J.St. (1863) *Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii* [Reflections on representative government]. Translated from English. St. Petersburg: V tipografii Yuliya Andreevicha Bokrama.
40. Schmitt, K. (2000) Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennoego parlamentarizma [The spiritual-historical state of modern parliamentarism]. In: Schmitt, K. (ed.) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Translated from German by Yuriy Korinet. Moscow: KANON-press-Ts.
41. Kravets, I.A. (2017) *Funktional'naya legitimnost', konstitutsionalizm i problema effektivnosti publichnoy ispolnitel'noy vlasti v Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Functional legitimacy, constitutionalism and the problem of effectiveness of public executive power in Russia: theoretical and practical aspects]. In: Larichev, A.A. (ed.) *Konstitutsionno-pravovye problemy effektivnosti publichnoy vlasti v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh* [Constitutional and legal problems of effectiveness of public authority in Russia and foreign countries]. Petrozavodsk: Karel'skiy filial RANKhiGS.
42. Skuratov, Yu.I. (2017) The ‘people’ category in Russian constitutional law (Eurasian tradition and modernity). *Lex Russica*. 10. pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.009-026
43. Kravets, I.A. (2017) *Printsypry rossiyskogo konstitutsionalizma i konstitutsionalizatsiya pravovogo poryadka* [Principles of Russian constitutionalism and the constitutionalization of the legal order]. Moscow: RUSAYNS.
44. Hosking, G. (2001) *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: people and empire (1552–1917)]. Translated from English by S.N. Samuylov. Smolensk: “Rusich”, pp. 6–7.
45. Kokotov, A.N. (1995) *Russkaya natsiya i rossiyskaya gosudarstvennost'* (konstitutsionno-pravovoy aspekt vzaimootnosheniya) [Russian nation and Russian statehood (constitutional and legal aspect of relationships)]. Abstract of Law Dr. Dis. Ekaterinburg.

Received: 17 July 2018

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ОСОБО ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Анализируются статистические данные 2010–2017 гг. по Российской Федерации о наказаниях, назначаемых за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Динамика показателей фактической пенализации простого убийства свидетельствует о сформировавшейся тенденции к ужесточению назначаемых наказаний. Практика назначения наказания за убийство при квалифицирующих обстоятельствах характеризуется противоречивыми тенденциями.

Ключевые слова: преступления против жизни; убийство; простое убийство; квалифицированное убийство; наказание; назначение наказания.

Анализ практики применения уголовно-правовых санкций за особо тяжкие преступления против жизни, исчерпывающиеся в современном российском законодательстве простым убийством (ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ) и квалифицированным убийством (ч. 2 ст. 105 УК РФ), имеет особое значение. Оно не ограничивается достижением целей, которые обычно формулируются в рамках изучения практики назначения наказания за конкретные виды преступлений и заключаются в определении складывающихся тенденций и в установлении степени расхождения фактической и законодательной пенализации¹ тех или иных деяний, необходимом для решения вопроса о целесообразности совершенствования санкций. Этот анализ позволяет понять, насколько справедливой можно считать уголовно-правовую политику в целом, включая ее реализацию на законодательном уровне. Н.А. Лопашенко в связи с этим обоснованно отмечает: «Справедливость наказания за убийство – самое тяжкое преступление по действующему УК <...>, особенно важна для оценки справедливости всего уголовного закона» [1. С. 157].

В научной литературе последних лет встречаются различные оценки фактической пенализации особо тяжких преступлений против жизни. Так, А.В. Наумов делает вывод о том, что «практика назначения наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления является неоправданно мягкой и снисходительной к лицам, их совершившим» [2]. В исследованиях, которые направлены на выявление отрицательных последствий длительных сроков лишения свободы, напротив, говорится о необходимости либерализации не только практики назначения наказания, но и самого уголовного закона в части ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе – преступления против жизни. В частности, А.М. Смирнов указывает на потребность в сокращении «верхних пределов сроков лишения свободы, закрепленных в уголовном законодательстве Российской Федерации, в связи с тем, что они не соответствуют современным тенденциям развития отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политики, обладают повышенной степенью неэффективности» [3. С. 8].

Практика назначения наказания за простое и квалифицированное убийство в период действия УК РФ

1996 г. в том или ином объеме уже изучалась в теории уголовного права; при этом в качестве эмпирической базы научного анализа выступали приговоры по уголовным делам. К числу крупных исследований, посвященных этой проблеме, относятся работы В.Г. Татарникова [4] и Ю.А. Васильева [5]. Кроме того, анализ степени жесткости фактической пенализации применительно к особо тяжким преступлениям против жизни содержится и в ряде иных работ, в частности, в исследованиях Н.А. Лопашенко [1. С. 175–182], М.В. Бавсуны [6. С. 126–127], К.В. Калюжина [7. С. 19–22], В.А. Хохлова [8].

Санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за простое убийство, имеет широкие границы: минимальный предел – 6 лет лишения свободы, максимальный – 15 лет. Помимо основного наказания она содержит факультативное дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет, которое в первоначальной редакции ст. 105 УК РФ отсутствовало и было введено Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ [9].

В уголовно-правовой литературе приводятся различные данные о среднем назначенному наказании по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Так, Ю.А. Васильев, обобщавший практику назначения наказания за простое убийство на основании изучения 92 приговоров, вынесенных в период с 1997 по 2009 г. судами г. Москвы, Алтайского края, Омской, Новосибирской и Курганской областей, отмечает, что среднее наказание составляет 9 лет 1 месяц лишения свободы [5. С. 18]. По подсчетам Н.А. Лопашенко, произведенным на основе анализа 20 приговоров по ч. 1 ст. 105 УК РФ судов различных субъектов РФ, среднее значение наказания в виде лишения свободы составило 8,03 года [1. С. 181]. По результатам исследования М.В. Бавсуны средний срок лишения свободы,енный по ч. 1 ст. 105 УК РФ, равен 8,1 года [6. С. 127]. В.А. Хохлов на основе изучения 111 приговоров по ч. 1 ст. 105 УК РФ, вынесенных судами Алтайского края, Томской, Саратовской и Ярославской областей в 2010–2012 гг., сделал вывод о том, что среднее наказание за простое убийство равняется 8,22 года (8 лет 3 месяца) лишения свободы [8. С. 161–162]. Таким образом, оказывается, что среднее назначенное наказание не превышает верхней границы нижней трети санкций, что, действительно, может интерпретироваться как проявление чрезмерно мягкой карательной практики.

Однако изучение практики назначения наказания за то или иное преступление, в качестве эмпирической базы которого выступают приговоры судов, обычно в силу ограниченности выборки не дает полной картины фактической penaлизации данного преступления. Поэтому в процессе проведенного нами исследования были проанализированы статистические данные Судебного департамента при Верховном

Суде РФ о наказаниях, назначенных лицам, осужденным в Российской Федерации за простое убийство в 2010–2017 гг. (использовались формы отчетности 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» и 10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов»)². Полученные результаты представлены в следующих таблицах.

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [10–17])

Год	Всего осуждено	Лишние свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы
2010	9 775	9 613	162	0	0
2011	8 432	8 299	133	0	0
2012	7 569	7 432	136	1	0
2013	7 514	7 432	78	1	3
2014	7 300	7 233	66	1	0
2015	7 179	7 128	51	0	0
2016	6 942	6 899	41	1	1
2017	6 316	6 283	32	1	0
Всего	61 027	60 319	699	5	4

Из данных судебной статистики за последние 8 лет (2010–2017 гг.) следует, что при назначении наказания за простое убийство суды применяют не только лишение свободы на определенный срок, но – в исключительных случаях с учетом положений ст. 64 УК РФ – и другие виды наказаний, в частности, ограничение свободы и исправительные работы. Кроме того, часть лиц осуждается к лишению свободы условно: за указанный период с применением ст. 73 УК РФ к лишению свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ были осуждены 699 человек из 61 027 осужденных. Стоит подчеркнуть, что доля лиц, в отношении которых было применено условное осуждение к лишению свободы, для такого особо тяж-

кого преступления, как убийство, посягающего на самый ценный объект уголовно-правовой охраны – жизнь человека, является довольно значительной: по итогам восьми лет она составляет 1,15%. Однако сведения о применении условного осуждения к лишению свободы и иных видов наказания в немалой степени объясняются тем, что в статистике лиц, осужденных за убийство, отражены не только те, кто совершил оконченное преступление, но и лица, совершившие неоконченные убийства.

Удельный вес лиц, осужденных к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление, отражен в табл. 2.

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишние свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Ограничение свободы, %	Исправительные работы, %
2010	98,34	1,66	0	0
2011	98,42	1,58	0	0
2012	98,19	1,80	0,01	0
2013	98,91	1,04	0,01	0,4
2014	99,08	0,90	0,01	0
2015	99,29	0,71	0	0
2016	99,38	0,59	0,01	0,01
2017	99,47	0,51	0,02	0

Нельзя не заметить, что удельный вес применения условного осуждения к лишению свободы с 2013 г. постоянно снижался – с 1,8% в 2012 г. до 0,51% в 2017 г. Таким образом, за последние 5 лет он уменьшился более чем в 3 раза, что свидетельствует об усилении жесткости уголовной репрессии, а отнюдь не ее смягчении.

Сопоставление отраженных в отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации сроков реального лишения свободы, назначенных за убийство, предусмотренных ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, дает следующую картину (табл. 3 и 4).

Данные табл. 4 показывают, что наказания, назначаемые по ч. 1 ст. 105 УК РФ, преимущественно концентрируются в интервале, верхним пределом которого является 10 лет лишения свободы. На срок свыше 10 лет лишения свободы было осуждено от 7,45% (2011 г.) до 12,54% лиц (2017 г.), тогда как почти половина осужденных приговаривается к лишению свободы на срок в интервале свыше 5 до 8 лет включительно – от 43,73% (2016 г.) до 49,96% (2011 г.). Это подтверждает установленную в рамках локальных исследований мягкость наказаний, назначаемых за простое убийство и явно не соответствующих характеру и степени

общественной опасности преступления, которые определяются, прежде всего, особой ценностью объекта

посагательства (жизнь человека) и тяжестью общественно опасного последствия в виде смерти.

Таблица 3

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к лишению свободы на различные сроки (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3.1) [10–17])

Год	Всего осуждено к лишению свободы	Срок лишения свободы						
		До 1 года вкл.	свыше 1 до 2 лет вкл.	свыше 2 до 3 лет вкл.	свыше 3 до 5 лет вкл.	свыше 5 до 8 лет вкл.	свыше 8 до 10 лет вкл.	свыше 10 до 15 лет
2010	9 613	18		136	446	4 673	3 573	767
2011	8 299	9	16	78	407	4 146	3 025	618
2012	7 432	1	11	58	360	3 554	2 841	607
2013	7 432	8	15	48	319	3 579	2 834	629
2014	7 233	6	6	46	317	3 386	2 812	660
2015	7 128	6	8	56	255	3 217	2 836	750
2016	6 899	2	11	36	225	3 017	2 750	858
2017	6 283	8	4	39	223	2 792	2 429	788

Таблица 4

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление к лишению свободы (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Срок лишения свободы (%)							
	До 1 года вкл.	свыше 1 до 2 лет вкл.	свыше 2 до 3 лет вкл.	свыше 3 до 5 лет вкл.	свыше 5 до 8 лет вкл.	свыше 8 до 10 лет вкл.	свыше 10 до 15 лет	
2010	0,19		1,41		4,64	48,61	37,17	7,98
2011	0,11	0,19	0,94		4,90	49,96	36,45	7,45
2012	0,01	0,15	0,78		4,84	47,82	38,23	8,17
2013	0,11	0,20	0,65		4,29	48,16	38,13	8,46
2014	0,08	0,08	0,64		4,38	46,81	38,88	9,12
2015	0,08	0,11	0,79		3,58	45,13	39,79	10,52
2016	0,03	0,16	0,52		3,26	43,73	39,86	12,44
2017	0,13	0,06	0,62		3,55	44,44	38,66	12,54

В то же время из приведенных данных видно, что удельный вес лиц, осужденных к срокам лишения свободы, расположенным в определенных интервалах³, в динамике не является стабильным. Наибольшей устойчивостью характеризуется показатель удельного веса лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 8 до 10 лет включительно (с 2012 г. диапазон колебаний не превысил 1,7%, максимальный удельный вес – 39,86% в 2016 г.). Доля лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 10 лет, начиная с 2012 г. постоянно возрастала и к 2017 г. увеличилась почти в 1,7 раза (7,45% в 2011 г., 12,54% в 2017 г.). Одновременно заметно снижался удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 до 8 лет включительно (49,96% в 2011 г., 44,44% в 2017 г.), а также тех, кому назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 3 до 5 лет включительно (4,9% в 2011 г., 3,55% в 2017 г.). Однако, несмотря на то, что такая динамика отражает реальное ужесточение карательной практики, происходящее в последние годы, общей ситуации это не меняет: практическая пенализация простого убийства такова, что назначаемые наказания в основном локализуются в нижнем сегменте санкций и нередко опускаются ниже минимального предела⁴. В Российской Федерации, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, наказание ниже низшего предела с применением ст. 64 УК РФ было назначено по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2010 г. 346 лицам из 9 613 осужденных к лишению свободы (3,6%), в 2011 г. – 418 из 8 299 (5,04%), в 2012 г. – 423 из 7 432 (5,69%), в

2013 г. – 364 из 7 432 (4,90%), в 2014 г. – 310 из 7 233 (4,29%), в 2015 г. – 235 из 7 128 (3,3%), в 2016 г. – 193 из 6 899 (2,8%), в 2017 г. – 179 из 6 283 (2,69%). Таким образом, удельный вес наказания в виде лишения свободы ниже низшего предела находится в интервале от 2,69 до 5,69%, постепенно снижаясь.

Ужесточение уголовного наказания за простое убийство проявляется также в том, что возрастает доля лиц, к которым суд применяет не являющееся обязательным дополнительное наказание в виде ограничения свободы. Так, в 2010 г. оно было назначено 51 осужденному (0,53% от общего числа осужденных к лишению свободы), в 2011 г. – 226 (2,72%), в 2012 г. – 266 (3,6%), в 2013 г. – 289 (3,89%), в 2014 г. – 333 (4,6%), в 2015 г. – 397 (5,57%), в 2016 г. – 444 (6,44%), в 2017 г. – 502 лицам (7,99%).

Выявленная тенденция тяготения наказаний к нижнему сегменту санкций, фактически назначаемых за простое убийство, в гораздо меньшей степени выражена в практической пенализации квалифицированных убийств.

Санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ является альтернативной. В качестве вариантов основного наказания в ней называются: 1) лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет; 2) пожизненное лишение свободы; 3) смертная казнь. Если учесть, что смертная казнь в Российской Федерации, не будучи исключенной из системы наказаний и санкций статей Особенной части УК РФ, фактически не применяется, санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ содержит два альтернативных основных наказания – лишение свободы на определенный

срок и пожизненное лишение свободы. Применительно к лишению свободы на определенный срок законодатель предусматривает в качестве обязательного дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок от одного до двух лет.

Анализ судебной статистики показывает, что фактически при назначении наказания за убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации, применяется пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок и условное осуждение к лишению свободы (табл. 5 и 6). Безусловно, превалирует наказание в виде лишения свободы на определенный срок: удельный вес лиц,

осужденных к нему, в исследуемый период колебался незначительно – в интервале от 95,88% (2016 г.) до 97,28% (2015 г.). Пожизненное лишение свободы занимает в структуре назначенных наказаний от 2,26% (2010 г.) до 3,66% (2016 г.). Условное осуждение к лишению свободы не достигает 1%, а в отдельные годы близко к нулю (0,05% в 2015 г., 0,18% в 2017 г.). Тем не менее, за 8 лет исследуемого периода с применением ст. 73 УК РФ за квалифицированное убийство было осуждено 71 лицо (изучение приговоров по ч. 2 ст. 105 УК РФ показывает, что условное осуждение применяется в основном при назначении наказания за приготовление к убийству).

Таблица 5

**Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к различным видам наказания
(по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [10–17])**

Год	Всего осуждено	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы на определенный срок	Условное осуждение к лишению свободы
2010	2 659	60	2 584	15
2011	2 355	59	2 282	14
2012	1 896	52	1 829	15
2013	1 823	57	1 759	7
2014	1 945	55	1 883	7
2015	1 876	50	1 825	1
2016	1 967	72	1 886	9
2017	1 701	57	1 641	3
Всего	16 222	462	15 689	71

Таблица 6

**Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг.
к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление
(на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)**

Год	Пожизненное лишение свободы (%)	Лишение свободы на определенный срок (%)	Условное осуждение к лишению свободы (%)
2010	2,26	97,18	0,56
2011	2,51	96,90	0,59
2012	2,74	96,47	0,79
2013	3,13	96,49	0,38
2014	2,83	96,81	0,36
2015	2,67	97,28	0,05
2016	3,66	95,88	0,46
2017	3,35	96,47	0,18

Особый интерес представляет изучение сроков лишения свободы, применяемых при осуждении виновных за убийство при квалифицирующих обстоятельствах.

Среднее значение диапазона санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ (медиана) равно 14 годам лишения свободы. По результатам исследования М.В. Бавсуня среднее назначенное наказание по ч. 2 ст. 105 УК РФ составило 11,7 года [6. С. 127]. Н.А. Лопашенко, анализировавшая практику назначения наказания на основании приговоров, вынесенных по 33 преступлениям, называет больший показатель – 13,7 года [1. С. 181]. По данным Ю.А. Васильева средний срок лишения свободы, установленный по приговору суда за убийство, предусмотренный ч. 2 ст. 105 УК РФ, составил 12,85 лет [5. С. 19]. На первый взгляд, практика назначения наказания за квалифицированное убийство так же, как и за простое, является довольно мягкой.

Однако обращение к статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ дает воз-

можность составить более полное представление о сроках реального лишения свободы, назначаемых за убийство при квалифицирующих обстоятельствах, которое не вполне совпадает с результатами выборочных исследований. Соответствующие данные приведены в табл. 7 и 8.

Как видно из табл. 8, удельный вес лиц, осужденных по ч. 2 ст. 105 УК РФ к срокам лишения свободы, находящихся в верхнем сегменте санкции (свыше 15 лет лишения свободы), в общем числе лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, весьма значителен: он составляет от 25,9% (2011 г.) до 29,53% (2016 г.), тогда как доля лиц, осуждаемых за простое убийство к срокам лишения свободы, находящихся в верхнем сегменте санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ (свыше 10 лет лишения свободы), за исследуемые 8 лет не превышала 12,54%. Наиболее распространеными при назначении наказания за квалифицированное убийство являются сроки лишения свободы свыше 10 до 15 лет включительно (наибольший удельный вес в 2011 г. – 48,47%, наименьший в 2016 г. – 42,42%).

Таблица 7

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к лишению свободы на различные сроки (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3.1) [10–17])

Год	Всего осуждено к лишению свободы	Срок лишения свободы						
		до 1 года вкл.	свыше 1 до 2 лет вкл.	свыше 2 до 3 лет вкл.	свыше 3 до 5 лет вкл.	свыше 5 до 8 лет вкл.	свыше 8 до 10 лет вкл.	свыше 10 до 15 лет вкл.
2010	2 584	1		11	68	285	283	1 235
2011	2 282	1	1	8	56	245	274	1 106
2012	1 829	0	0	5	44	184	220	872
2013	1 759	0	0	4	31	194	184	839
2014	1 883	1	1	7	46	201	284	824
2015	1 825	1	1	4	36	197	288	783
2016	1 886	2	1	1	29	209	287	800
2017	1 641	0	4	2	33	173	280	704
								445

Таблица 8

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 105 УК РФ в 2010–2017 гг. к лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление к лишению свободы (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Срок лишения свободы, %							
	До 1 года вкл.	свыше 1 до 2 лет вкл.	свыше 2 до 3 лет вкл.	свыше 3 до 5 лет вкл.	свыше 5 до 8 лет вкл.	свыше 8 до 10 лет вкл.	свыше 10 до 15 лет вкл.	свыше 15 до 20 лет вкл.
2010	0,04		0,43		2,63	11,03	10,95	47,79
2011	0,04	0,04	0,35		2,45	10,74	12,01	48,47
2012	0	0	0,27		2,41	10,06	12,03	47,68
2013	0	0	0,23		1,76	11,03	10,46	47,70
2014	0,05	0,05	0,37		2,44	10,67	15,08	43,76
2015	0,05	0,05	0,22		1,97	10,79	15,78	42,9
2016	0,11	0,05	0,05		1,54	11,08	15,22	42,42
2017	0	0,24	0,12		2,01	10,54	17,06	42,9
								27,12

В то же время существенна доля лиц, которым при назначении наказания суд избирает минимальный предел санкции (8 лет лишения свободы) или срок лишения свободы ниже этого предела. В частности, относительно стабилен (10–11%) показатель удельного веса лиц, которым назначено наказание свыше 5 до 8 лет лишения свободы включительно.

Сопоставление динамических рядов удельного веса лиц, осужденных к лишению свободы в интервале свыше 8 до 10 лет включительно, и удельного веса лиц, осужденных к лишению свободы в интервале свыше 10 до 15 лет включительно, свидетельствует о том, что в 2011–2017 гг. эти показатели имели достаточно устойчивую разнородную динамику, изменяясь примерно на одинаковую величину: происходило увеличение доли осужденных к меньшему сроку лишения свободы (свыше 8 до 10 лет включительно) за счет уменьшения доли осужденных к большему сроку лишения свободы (свыше 10 до 15 лет включительно). В частности, доля лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 10 до 15 лет включительно, в общем числе осужденных к лишению свободы на определенный срок в 2011 г. составила 48,47% и в дальнейшем почти последовательно снижалась, опустившись в 2017 г. до 42,9%. Одновременно удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 8 до 10 лет включительно, также почти последовательно возрастал с 10,95% в 2010 г. до 17,06% в 2017 г. Таким образом, в этом плане можно говорить о некотором смягчении фактической наказуемости квалифицированных убийств.

Изучение практики назначения наказания за убийство, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, обяза-

тельный дополнительного наказания в виде ограничения свободы показывает, что в 2013–2017 гг. оно применяется примерно в 2/3 случаев.

Так, в 2011 г. ограничение свободы было назначено 744 осужденным (32,6% от общего числа осужденных к лишению свободы), в 2012 г. – 1 070 (58,5%), в 2013 г. – 1 140 (64,81%), в 2014 г. – 1 205 (63,99%), в 2015 г. – 1 182 (64,77%), в 2016 г. – 1 196 (63,41%), в 2017 г. – 1 089 лицам (66,36%). Неприменение обязательного дополнительного наказания к части осужденных объясняется не столько снимаемостью судов, сколько невозможностью его назначения по формальным основаниям (ч. 1 ст. 10 УК РФ) при вынесении приговоров в отношении лиц, совершивших преступление до введения этого наказания в санкцию ст. 105 УК РФ.

Проведенный анализ фактической пенализации особо тяжких преступлений против жизни позволяет сделать следующие выводы:

1. Практика назначения наказания за простое убийство и в некоторой части – за квалифицированное убийство характеризуется мягкостью избираемых мер, не соответствующей характеру и степени общественной опасности особо тяжких посягательств на жизнь, что проявляется: а) в относительной распространенности применения условного осуждения за убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ (в отдельные годы – до 1,8% от общего числа осужденных); б) в преимущественной локализации назначаемых за простое убийство наказаний в нижнем сегменте санкций и частом расположении их ниже ее минимального предела – 6 лет лишения свободы (до 2015 г. более половины осужденных к лишению свободы

приговаривались к срокам не свыше 8 лет); в) в значительной распространенности назначения наказания за квалифицированное убийство на уровне минимального предела санкции и ниже него (в любой год исследуемого периода удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы, которым было назначено наказание на срок не свыше 8 лет, в общем числе осужденных к этому виду наказания не опускался ниже 12%). В то же время важно отметить, что среди осужденных к лишению свободы за квалифицированное убийство высок удельный вес лиц, которым назначено наказание на срок свыше 15 лет; более того, он отличается устойчивостью и подвержен лишь небольшим колебаниям по годам (наименьший показатель – в 2011 г. – 25,9%, наибольший – в 2016 г. – 29,53%). Отсюда карательную практику, сложившуюся применительно к квалифицированным убийствам, нельзя однозначно оценить как излишне лояльную к правонарушителям. Ее характерной чертой является большой разброс назначаемых наказаний по срокам, когда при высокой доле лиц, осуждаемых к сверхдлительным срокам лишения свободы, немалый процент приходится и на лиц, которым назначается наказание не свыше минимального предела санкции.

2. Динамика показателей фактической пенализации простого убийства в 2010–2017 гг. свидетельствует о сформировавшейся тенденции к ужесточению назначаемых наказаний. Это выражается:

а) в резком сокращении удельного веса условного осуждения к лишению свободы;

б) в существенном возрастании среди осужденных к реальному лишению свободы доли лиц, которым назначено наказание на срок свыше 10 лет (7,45% в 2011 г., 12,54% в 2017 г.), при одновременном заметном снижении удельного веса лиц, осужденных к лишению свободы на срок в интервалах свыше 5 до 8 лет включительно и свыше 3 до 5 лет включительно;

в) в последовательном возрастании доли лиц, к которым суд применяет не являющееся обязательным дополнительное наказание в виде ограничения свободы (в 2011 г. 2,72% от общего числа осужденных к лишению свободы, в 2017 г. – 7,99%).

3. Динамика показателей фактической пенализации квалифицированного убийства в Российской Федерации в 2010–2017 гг. отражает противоречивые тенденции. С одной стороны, до единичных случаев сократилось применение условного осуждения и относительно стабильным, хотя и с некоторыми колебаниями, является удельный вес лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы (наибольший показатель – в 2016 г. – 3,66%, наименьший – в 2010 г. – 2,26%), а также лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 15 лет. С другой стороны, обнаруживается некоторое смягчение уголовной репрессии, поскольку происходит увеличение доли осужденных к лишению свободы на срок свыше 8 до 10 лет включительно за счет уменьшения доли осужденных к лишению свободы на срок свыше 10 до 15 лет включительно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В рамках данного исследования под пенализацией понимается не только установление наказания в законе, но и правоприменительная деятельность, связанная с его назначением.

² Здесь и далее при подсчете из общего числа осужденных были исключены лица, освобожденные по приговору суда от наказания по различным основаниям (в отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ они не учитываются в числе осужденных к отдельным видам наказания, но включены в общее число осужденных). Под лицами, которым назначено наказание в виде лишения свободы, в представленных далее таблицах понимаются только лица, осужденные к реальному отбыванию этого вида наказания; лица, условно осужденные к лишению свободы, учитываются отдельно.

³ При исследовании были взяты интервалы, используемые в статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁴ Избрание меры наказания в виде лишения свободы ниже минимального предела санкции не всегда является следствием применения ст. 64 УК РФ. В ряде случаев оно связано с применением других формальных ограничений, установленных УК РФ. В частности, в соответствии с ч. 6 УК РФ несовершеннолетним, совершившим особо тяжкие преступления, не может быть назначено наказание на срок свыше 10 лет лишения свободы; при этом низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину. В результате лицам, совершившим простые убийства в несовершеннолетнем возрасте, наказание назначается в пределах от 3 до 10 лет лишения свободы, а совершившим квалифицированные убийства – от 4 до 10 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопашенко Н.А. Убийства. М. : Юрлитинформ, 2013. 544 с.
2. Наумов А.В. Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10 (до-ступ из справочно-правовой системы «Гарант»).
3. Смирнов А.М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
4. Татарников В.Г. Индивидуализация наказания по отдельным категориям дел о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1998. 28 с.
5. Васильев Ю.А. Практика назначения наказания по делам об убийствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 23 с.
6. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 186 с.
7. Калюжин К.В. Восстановление социальной справедливости при назначении наказания за убийство (ст. 105 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 28 с.
8. Хохлов В.А. Практика назначения наказания за простое убийство // Правовая система общества: преемственность и модернизация : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 4–5 октября 2012 г. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 161–163.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ (ред. от 07 декабря 2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122882;fld=134;dst=100041;rnd=184768.06058127153664827;ts=01847683085511554963887>
10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837> (дата обращения: 16.06.2018).

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> (дата обращения: 16.06.2018).
12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 16.06.2018).
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 16.06.2018).
14. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 16.06.2018).
15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 16.06.2018).
16. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 16.06.2018).
17. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 16.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июля 2018 г.

THE PRACTICE OF IMPOSING PUNISHMENT FOR ESPECIALLY GRAVE CRIMES AGAINST LIFE IN THE RUSSIAN FEDERATION: STATUS AND TRENDS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 199–206.

DOI: 10.17223/15617793/433/27

Tatiana A. Plaksina, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: plaksinata@yandex.ru

Keywords: crimes against life; murder; murder without aggravating circumstances; aggravated murder; punishment; imposition of punishment.

The aim of the article is to assess the severity of criminal repression at the level of imposition of punishment with regard to especially grave crimes against life, as well as to identify trends in this area. The empirical basis of the study was data of statistical reports of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the penalties imposed on persons convicted in the Russian Federation under Part 1 and Part 2 of Article 105 of the RF Criminal Code in 2010–2017. The statistical method was used in the analysis. According to the results of the study, the author made the following conclusions: 1. The practice of punishing murder without aggravating circumstances is characterized by the leniency of the designated amounts of punishment. This is manifested in the relatively common use of suspended sentence rather than deprivation of liberty (in some years up to 1.8 % of the total number of convicted persons), as well as in the imposition of penalties in the form of real imprisonment in the lower segment of the sanction and frequently below its minimum limit – 6 years (until 2015, more than half of the convicted persons were persons who were sentenced to imprisonment for a term not exceeding 8 years). 2. Punitive practice in terms of sentencing for aggravated murder can not be assessed unambiguously. The imposition of punishment at the level of the minimum limit of the sanction and below it is considerably widespread (in each year of the studied period, the percentage of persons convicted to imprisonment for a period not exceeding 8 years did not fall below 12 % in the total number of persons sentenced to this type of punishment. At the same time, the percentage of persons who were sentenced to particularly long terms of imprisonment (more than 15 years) is high: the lowest value is 25.9 % (2011), the highest value is 29.53 % (2016)). 3. In 2010–2017, a trend towards tougher punishment for murder without aggravating circumstances was formed: (a) the percentage of suspended sentence rather than deprivation of liberty reduced drastically; (b) the proportion of persons sentenced to more than 10 years increased significantly among those convicted to real deprivation of liberty (7.45 % in 2011, 12.54 % in 2017), while the proportion of persons sentenced to imprisonment for more than 3 to 8 years reduced significantly; (c) the percentage of persons to whom additional punishment in the form of restriction of liberty is applied increased significantly (2.72 % of the total number of persons convicted to deprivation of liberty in 2011, 7.99 % in 2017). 4. The dynamics of indicators characterizing the sentencing for aggravated murder in 2010–2017 reflects contradictory trends. The use of suspended sentence was reduced to isolated cases. The percentage of persons sentenced to life imprisonment (the highest value is 3.66 % (2016), the lowest value is 2.26 % (2010)), as well as persons sentenced to particularly long terms of imprisonment (more than 15 years) is relatively stable. However, some easing of criminal repression is observed, as there is an increase in the percentage of prisoners sentenced to imprisonment for more than 8 to 10 years inclusive by reducing the percentage of prisoners sentenced to imprisonment for more than 10 to 15 years inclusive.

REFERENCES

1. Lopashenko, N.A. (2013) *Ubiystva* [Killings]. Moscow: Yurlitinform.
2. Naumov, A.V. (2013) *Puti reformirovaniya rossiyskogo ugovolovnogo zakonodatel'stva* [Ways of reforming the Russian criminal legislation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 10.
3. Smirnov, A.M. (2009) *Dlitel'nye sroki lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh muzhchin: ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty* [Long sentences of imprisonment in relation to convicted men: criminal law and penal aspects]. Abstract of Law Cand. Dis. Tambov.
4. Tatarnikov, V.G. (1998) *Individualizatsiya nakazaniya po otdel'nym kategoriyam del o tyazhikh i osoboro tyazhikh prestupleniyakh protiv lichnosti* [Individualization of punishment in certain categories of cases of grave and especially grave crimes against the person]. Abstract of Law Cand. Dis. Irkutsk.
5. Vasil'ev, Yu.A. (2011) *Praktika naznacheniya nakazaniya po delam ob ubiystvakh* [The practice of sentencing in murder cases]. Abstract of Law Cand. Dis. Omsk.
6. Bavsun, M.V. (2002) *Tselensoobraznost' v ugovolovnom prave* [Expediency in criminal law]. Law Cand. Dis. Omsk.
7. Kalyuzhin, K.V. (2013) *Vosstanovlenie sotsial'noy spravedlivosti pri naznachenii nakazaniya za ubiystvo (st. 105 UK RF)* [Restoration of social justice in sentencing for murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Abstract of Law Cand. Dis. Krasnodar.
8. Khokhlov, V.A. (2013) [The practice of sentencing for an uncomplicated murder]. *Pravovaya sistema obshchestva: preemstvennost' i modernizatsiya* [Legal system of society: continuity and modernization]. Proceedings of the all-Russian Conference. Barnaul. 4–5 October 2012. Barnaul: Altai State University. pp. 161–163. (In Russian).
9. Konsul'tantPlyus. (2011) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem v deystvie polozhenii Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o nakazanii v vide ograniceniya svobody*.

- Federal'nyy zakon ot 27 dekabrya 2009 g. № 377-FZ (red. ot 07 dekabrya 2011 g.)* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the enactment of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Executive Code of the Russian Federation on the punishment in the form of restriction of liberty: Federal Law No. 377-FZ of December 27, 2009 (ed. of December 7, 2011)]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122882;fld=134;dst=100041;rnd=184768.06058127153664827;ts=01847683085511554963887>.
10. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2010 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2010]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>. (Accessed: 16 June 2018).
 11. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2011 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2011]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272>. (Accessed: 16 June 2018).
 12. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2012 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2012]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>. (Accessed: 16 June 2018).
 13. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2013 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2013]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>. (Accessed: 16 June 2018).
 14. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2014]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>. (Accessed: 16 June 2018).
 15. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2015 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2015]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>. (Accessed: 16 June 2018).
 16. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2016]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>. (Accessed: 16 June 2018).
 17. Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 g.* [Summary statistics on the state of crime in Russia for 2017]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>. (Accessed: 16 June 2018).

Received: 05 July 2018

ВЫНУЖДЕННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА И (ИЛИ) НЕКОРРЕКТНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ, ТОЛКОВАНИЕ ИХ ПРИЗНАКОВ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 138.1 УК РФ)

Раскрывается «незаконность» оборота специальных технических средств через анализ действующих регулятивных норм, которые не восполняют неопределенность закрепленной в ст. 138.1 УК РФ нормы. Показаны пробельность, противоречивость рассматриваемой нормы и ее толкования регулятивному законодательству, частое отсутствие в приговорах доказательств некоторых признаков состава преступления. Предложены пути достижения определенности нормы, ее правового толкования.

Ключевые слова: незаконный оборот; специальные технические средства; лицензирование; индивидуальный предприниматель; признаки состава преступления; приговор.

Тенденцией нормоконтроля Конституционного Суда РФ последнего времени является, с одной стороны, частая констатация в его решениях вынужденной неопределенности норм уголовного права и перечисление аксиоматических положений, позволяющих определить признаки уголовно-правовой нормы, которые выводятся из толкования не только текста статьи закона, но и из объективных и субъективных признаков состава преступления, во взаимосвязи статей Общей и Особенной части, из взаимосвязи статей Особенной части между собой, с нормами других отраслей права¹ [1. С. 1090]. Международное право, практика Европейского Суда по правам человека, конституционалисты [2. С. 161–165, 197–202] и теоретики права критерий определенности толкуют примерно так же [3. С. 83–92]. В широком значении – закон должен быть ясным, непротиворечивым, доступным, стабильным, предсказуемым; и в узком – ясный, недвусмыслиенный, конкретный (формальные критерии допустимости ограничения прав человека) [4. С. 137]. С другой стороны, самым частым поводом для обращения граждан России в КС РФ называется несоблюдение критерия определенности средства ограничения прав человека.

По поводу несоответствия ст. 138.1 УК РФ Конституции РФ, ее неопределенности в узком и широком значении (непротиворечивость с нормами административного законодательства) уполномоченные и другие лица организаций, индивидуальные предприниматели и граждане неоднократно обращались в Конституционный Суд РФ (2009, 2011, 2014, 2016 и др.). В постановлении КС РФ 2011 г. [5] норма была признана соответствующей Конституции РФ, предложен ее конституционно-правовой смысл. В определении КС 2014 г. [6] только воспроизведена частично измененная итоговая формулировка названного постановления, хотя предмет жалобы был другой – несогласованность в системе действующего правового регулирования, т.е. нарушение критерия непротиворечивости норм УК РФ (ст. 138.1 УК РФ) и «стыковых» норм регулятивного законодательства. Да и субъекты жалобы в КС в 2011 г. и в 2014 г. разные (жалоба составлена недостаточно корректно).

В конце 2017 г. правоприменительная практика по ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного

получения информации», толкование объективных и субъективных признаков состава стали предметом особой критики в связи с уголовным преследованием курганского фермера за приобретение GPS-трекера для слежения за своим теленком и поручением в связи с этим главы государства Генеральной прокуратуре Российской Федерации² [7]. Впоследствии уголовное дело фермера было прекращено за отсутствием состава преступления [8]. Между тем число осужденных за последнее время по этой статье растет: если в 2016 г. было осуждено 228 человек, то в 2017 г. – 254 человека. Тогда как по ст. 138 УК, осужденные по которой нарушают (а не ставят в опасность нарушения, как это имеет место в ст. 138.1 УК РФ) конкретные конституционные права человека, соответственно, 42 и 48 осужденных [9].

В связи с изложенным небезынтересно выяснить, имеет ли место вынужденная неопределенность ст. 138.1 УК РФ и (или) некорректное закрепление и толкование признаков состава преступления. Конечной целью исследования является выявить пути достижения определенности нормы и конституционного ее толкования для предотвращения нарушения конституционных прав граждан от не всегда корректного ее применения. Задачи исследования в связи с этим следующие: раскрыть криминообразующий признак оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее – специальных технических средств), «незаконность»; преломить его содержание в других признаках состава преступления; проанализировать 35 решений различных судебных инстанций в отношении осужденных в 2013, 2014 гг.; 2016, 2017 гг. по ст. 138.1 УК РФ; данные статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ о лицах, осужденных по ст. 138 и 138.1 УК за 2016–2017 гг.; решения Конституционного Суда РФ, касающиеся рассматриваемых вопросов.

В названии и диспозиции статьи наиболее полно отражаются объективные признаки состава преступления. В названии ст. 138.1 УК РФ уголовно наказуемые действия обозначаются термином «оборот». Регулятивное законодательство не определяет его общее значение, как это имеет место, например, в ФЗ «Об оружии»³ [10]. В разных нормативных актах называются следующие конкретные действия со специаль-

ными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации: разработка, производство, **приобретение в целях продажи**, реализация, ввоз в РФ, вывоз из РФ. Диспозиция ст. 138.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за часть действий, входящих в понятие «оборот»: производство, приобретение и сбыт, приобретение, сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Термины «реализация», «продажа» и «сбыта» – отчасти совпадающие по значению⁴ [11].

Криминообразующим признаком действий, указанных и в названии статьи, и в диспозиции ст. 138.1 УК РФ, закон называет «незаконность». В общем виде незаконный оборот специальных технических средств можно сформулировать как оборот специальных технических средств, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации. Часто в исследованиях рассматриваемого состава, особенно в учебной литературе, этим и ограничивается характеристика этого признака объективной стороны состава преступления [12. С. 19]. Правоприменитель не всегда показывает, в чем выражалась незаконность действий со специальными техническими средствами: перечисляются все существующие нормы регулятивного законодательства, касающиеся оборота этих средств.

Между тем незаконность-законность оборота специальных технических средств определяется на основании множества неоднократно меняющихся, использующих разные термины для обозначения одного и того же понятия, в отношении разных действий со специальными техническими средствами нормативных актов разной юридической силы. Согласно действующему регулятивному законодательству РФ правовой режим оборота специальных технических средств зависит от: 1) субъекта: юридические лица, индивидуальные предприниматели, граждане; 2) конкретных действий, входящих в понятие «оборот»; 3) места оборота специальных технических средств: в пределах страны, при перемещении через границу РФ, ЕАЭС.

Что касается внутригосударственного оборота специальных технических средств, то их особенность детерминирует ограниченность оборота. Специальные технические средства предназначены (разработаны, приспособлены, запрограммированы) для негласного получения информации, поэтому возможно их использование для вмешательства в сферу частной жизни человека, в личное пространство без его согласия. Конституционный Суд РФ именно этими соображениями подтверждает конституционность **запрета на свободную реализацию** специальных технических средств, закрепленного в Указе Президента РФ [13], на **использование их** для проведения оперативно-розыскных мероприятий на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [14] и **необходимость лицензирования** деятельности по разработке, производству, **реализации**, приобретению **в целях продажи** специальных технических средств (ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»). Поэтому оборот их **ограничен**.

Ограничение экономических прав граждан как в виде лицензирования отдельных видов деятельно-

сти, так и в виде введения ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав (оборот и оборотоспособность – разные понятия) должно быть конституционно обоснованно [15. С. 70–150], введено законом или в установленном законом порядке (ст. 2 ГК, ст. 12 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»). Ограничение экономического пространства в виде лицензирования отдельных действий, входящих в понятие «оборот специальных средств», Конституционный Суд РФ обосновывает превентивной функцией, необходимой для защиты прав человека и обеспечения общественной безопасности. Согласно ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с последующими изменениями) разработка, производство, реализация и приобретение **в целях продажи специальных** технических средств, предназначенных для негласного получения информации, требуют лицензирования (ст. 12 ФЗ). Распространяется настоящий Федеральный закон на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 1 ФЗ)⁵ [16].

Порядок лицензирования деятельности по разработке, производству, реализации и **приобретению в целях продажи** специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, регламентируется Положением о лицензировании такой деятельности⁶ [17]. Оно также распространяется на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Отсюда **незаконность** действий, указанных в ст. 138.1 УК для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, означающих: 1) производство, 2) сбыт специальных технических средств и 3) приобретение их в целях **продажи** без лицензии. **Законными** являются производство, сбыт специальных технических средств юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями **с лицензией** и приобретение их **не для продажи**. Именно на этот момент (на противоречивость регулятивного – приобретение в целях продажи – и уголовного законодательства – любое приобретение) обращал внимание гражданин в жалобе в КС 2014 г.

Для каких же других целей индивидуальным предпринимателем или уполномоченным (другим) лицом организации, кроме не разрешенной без лицензии продажи, возможно приобретение специальных технических средств? Для любых или только для своих нужд (знать расположение коровы, ребенка)? Дальнейший анализ регулятивного законодательства позволяет заключить: не для любых, ибо «Конституция РФ в ч. 1 ст. 23 провозглашает право каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доблестного имени. В обеспечение данного фундаментального права Конституция Российской Федерации закрепляет и иные личные права, в том числе право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и право на неприкосновенность жилища, ограничение которых допускается только на основании судебного решения (ст. 23, ч. 2; ст. 25), а также устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации

о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24, ч. 1)» – констатирует Конституционный Суд РФ в п. 2 Постановления КС РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П [5].

Из этого следует, что **не допускается** (незаконно) приобретение специальных технических средств для сбора информации, **сопряженного с нарушением прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, частной жизни, на личную и семейную тайну иных лиц.** Это главная цель, смыслообразующая оборота специальных технических средств, указывающая на объект, показывающая общественную опасность действия, которая должна быть закреплена или в названии или в содержании диспозиции⁷ [18. С. 76], отражена в субъективных признаках.

Названные конституционные права подкрепляются системой гарантий при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Статья 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» [14] запрещает **проведение** оперативно-розыскных мероприятий («опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации) и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то настоящим Федеральным законом **физическими и юридическими лицами**. Исходя из преамбулы этого закона⁸ [14] и контекста ст. 6 запрещается использование специальных технических средств для проведения оперативно-розыскных мероприятий (а не любое использование).

Что касается Перечня видов продукции и отходов производства, **свободная реализация которых запрещена**, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 г. № 179 [13], то согласно п. 3 и 5 ст. 3 ГК РФ указы Президента Российской Федерации не должны противоречить Гражданскому Кодексу и иным законам. «В случае противоречия указа Президента Российской Федерации или постановления Правительства Российской Федерации настоящему Кодексу или иному закону применяется настоящий Кодекс или соответствующий закон». На необходимость проверки правоприменителем иерархии законов указал Конституционный Суд в своем постановлении от 06.12.2017 г. № 37-П⁹ [19].

Ни в каких других законах в пределах России не называются ни запрещенные действия со специальными техническими средствами, ни запрещенная смыслообразующая деятельности (для чего, ради чего

она осуществляется). Разрешенное в регулятивном законодательстве не может быть уголовно наказуемо. Это аргументировано доказано в юридической литературе начала текущего века [20. С. 189–282], неоднократно отмечалось Конституционным Судом РФ в своих решениях [21], некоторые положения которых воплощены [22] в примечаниях к статьям УК РФ (например, примечание 3 к ст. 200.1, примечание 2 к ст. 200.2 УК РФ).

Следовательно, не могут приобретаться юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями без лицензии специальные технические средства для продажи, для нарушения конституционных прав, в частности проведения оперативно-розыскной деятельности.

В связи с изложенным представляется отчасти не соответствующим современному регулятивному законодательству (ГК РФ, ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» п. 3.2 постановления КС РФ 2011 г.: «...Положение части третьей статьи 138 УК Российской Федерации в системном единстве с положениями федеральных законов "Об оперативно-розыскной деятельности" и "О лицензировании отдельных видов деятельности", а также изданными на их основе нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации предполагает наступление уголовной ответственности в случаях производства, сбыта **или приобретения** (выделено мной. – В. Плохова) всех видов специальных технических средств, которые предназначены (разработаны, приспособлены, запрограммированы) для негласного получения информации и свободный оборот которых запрещен, без соответствующей лицензии и не для нужд органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности» [5].

На рядовых граждан (не предпринимателей) закон о лицензировании не распространяется, значит, если не доказано, что гражданин собирался подслушивать, подсматривать или по-другому нарушать конституционные права, в том числе проводить оперативно-розыскные мероприятия или продавать специальные технические средства, то нет признаков этого состава. Кстати, автор жалобы в Конституционный Суд в 2014 г. М.В. Попов был признан виновным в покушении на совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, за оформление им заказа на приобретение в интернет-магазине замулированную под авторучку видеокамеру. Тогда как при схожих обстоятельствах в других судах были вынесены оправдательные приговоры [23], иногда – за отсутствием предмета преступления, или оставлен обвинительный приговор [24]. В описательной части приговора не доказывается и не усматривается цель продажи; не показаны специальные признаки субъекта.

В случае продажи или выставления объявления о продаже тоже не все однозначно. Дело в том, что на основании п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 № 381-ФЗ (с последующими изменениями) торговая деятельность признается видом предпринимательской дея-

тельности, связанной с приобретением и продажей товаров. И многое было бы конкретно, определенно, если бы было реализовано положение п. 5. ст. 1 этого закона, причем не менявшегося с 2009 г.: «Отношения, возникающие между хозяйствующими субъектами при осуществлении ими торговли товарами, ограниченными в обороте, порядок и условия их продажи регулируются федеральными законами об обороте таких товаров» [25]. Но общего закона об обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, нет до сих пор. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо доказывать наличие-отсутствие признаков предпринимательской деятельности (самостоятельность, наличие риска, цели-направления на систематическое получение прибыли (ст. 2 ГК РФ, не дохода, а прибыли), главным среди которых в юридической литературе называют цель. Не случайно в п. 3 ст. 2 ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» исключена розничная торговля как вид предпринимательской деятельности, ибо он связан «... с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Пленум Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части КоАП РФ» (абз. 4 ст. 13) уточняет особенности этого признака предпринимательской деятельности: «... само по себе отсутствие прибыли не влияет на квалификацию правонарушений, предусмотренных статьей 14.1 КоАП РФ, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом [26]. Нельзя не отметить также, что в исследованиях этой гражданско-правовой категории законодательное определение предпринимательской деятельности дополняется другими признаками [27. С. 197], многие вопросы по-прежнему дискуссионные [28. С. 41–42], в том числе в отношении признания одной сделки купли-продажи предпринимательской деятельностью [27. С. 192]. Постановление пленума ВС 2009 г. предусматривает такую возможность, но рекомендует доказывать признаки предпринимательской деятельности на основании фактических обстоятельств. «...Доказательствами, подтверждающими факт занятия указанными лицами деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, в частности, могут являться показания лиц, оплативших товары, работу, услуги, расписки в получении денежных средств, выписки из банковских счетов лица, привлекаемого к административной ответственности, акты передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг), если из указанных документов следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг), размещение рекламных объявлений, выявление образцов товаров в местах продажи, закупку товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений» (абз. 3 п. 13) [26].

Единственный нормативный акт, в котором четко предусмотрен запрет на ввоз и (или) вывоз физиче-

скими лицами специальных технических средств в качестве товаров для личного пользования, предусмотрен Положением о ввозе на таможенную территорию евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, и юридические лица могут ввозить-вывозить специальные технические средства при наличии лицензии (п. 11 этого положения)¹⁰ [29].

В других нормативных актах прямого запрета на ввоз-вывоз нет, лишь по-разному обозначается субъект. В ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается, что «ввоз в Российскую Федерацию и вывоз за ее пределы специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности **физическими и юридическими лицами** подлежат лицензированию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации» [14].

В Положении о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз в РФ и вывоз из РФ специальных технических средств **юридическими лицами** (только юридическими лицами) предполагает лицензирование, таможенное оформление и контроль¹¹ [30].

Хотя и этот недавно появившийся запрет, и лицензирование ввоза-вывоза специальных технических средств с точки зрения иерархии источников и сущности правовых отношений требуют обоснования правомерности ограничения экономических прав¹².

В связи с тем, что ч. 2 ст. 20.23 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение правил ввоза в РФ, вывоза из РФ, по мнению исследователей этого вопроса, при наличии лицензии, в диспозиции ст. 138.1 УК РФ не названы ввоз-вывоз как уголовно наказуемые действия, что нет и специальной статьи о контрабанде специальных технических средств, можно сделать вывод, что ввоз-вывоз входят в понятия «приобретение», «сбыт», если есть признаки предпринимательской деятельности, какими было выше обосновано.

Выявленное содержание криминообразующего признака «незаконность» позволяет конкретизировать признаки субъекта преступления: им может быть соответствующее лицо организации или физическое лицо, осуществляющее конкретные действия со специальными техническими средствами, позволяющие сделать вывод о предпринимательском характере действий, которые требуют лицензирования, рядовой гражданин. Ни в юридической литературе, ни в правоохранительной деятельности эти особые признаки субъекта не анализируются. Субъект характеризуется лаконично: физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Аксиоматично, что выявленное содержание объективных признаков должно найти отражение в содержании умысла, мотива как смыслообразующей дея-

тельности. Незаконность производства, приобретения и сбыта, приобретения в целях сбыта должна осознаваться виновным и для чего – нарушения прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, частной жизни, на личную и семейную тайну иных лиц.

Изучение судебной практики показало, что признак «незаконность» доказывается общей ссылкой на Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и положение о лицензировании [31] и даже Положение о ввозе в Россию и вывозе из России специальных технических средств и другие нормативные акты, не доказывая незаконность конкретных действий, тем более когда приобретение и сбыт вменяется в границах России [32]. В некоторых из них отмечается, что Закон о лицензировании и положение распространяется на граждан¹³ [33], тогда как и во время совершения преступления закон распространялся на индивидуальных предпринимателей, что, как было показано, не равно просто гражданину¹⁴ [34].

Что касается вменения конкретных действий со специальными техническими средствами, то судебная практика конца 2017 г. отличается от решений судов 2016 г., начала 2017 г. В решениях судов 2016 г., начала 2017 г. ст. 138.1 УК РФ часто вменялась только за попытку приобретения или приобретение, без доказательства цели продажи, т.е. предпринимательского характера сделки, на что указывает ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». В ноябре 2017 г. ст. 138.1 УК РФ вменялась за приобретение и сбыт, за редким исключением – только за приобретение. Эти два действия, совершенные со специальными техническими средствами, – купил-продал – нужны для доказательства цели – извлечение прибыли, что может свидетельствовать о предпринимательской деятельности, и тогда такая деятельность подлежит лицензированию, а занятие ею без лицензии может свидетельствовать о незаконности приобретения и сбыта специальных технических средств. Полагаем, что изменение практики связано с поручением Президента РФ Генеральной прокуратуре РФ.

Во всех приговорах в начале описательной части говорится о Конституционных правах граждан, которые будто бы нарушены, но ни в одном из них не доказывается их нарушение конкретными действиями виновных; осознанием виновным, что он ставит в опасность конституционные права граждан. Во многих приговорах конца 2017 г. доказывается корыстная цель, правда не расписывая ее толкование, и она не равна цели получения прибыли; игнорируется утвер-

ждение виновного о том, что приобретенные средства позволяют осуществлять контроль за поведением животных, малолетних и пожилых людей, транспортными средствами.

Иногда некорректно толкуется диспозиция статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации с альтернативными действиями: в отдельных приговорах вменяется совокупность за приобретение и сбыт в отношении двух специальных технических средств, приобретенных в одном магазине, в одно время и продавшего одно из них сотруднику при контрольной закупке, другое – сдавшего ему¹⁵ [32]. Такое применение нормы не связано с ее неопределенностью, но свидетельствует об игнорировании основ теории уголовного права.

Таким образом, из проведенного анализа действующего регулятивного и деликтного законодательства, судебной практики следует, что:

1) неопределенность нормы, закрепленной в ст. 138.1 УК РФ, не восполняется регулятивными нормами, ибо они многообразны, недостаточно четки, иногда противоречивы, не соответствуют современному гражданскому законодательству;

2) на довольно частое нарушение прав граждан в виде уголовного преследования и наказания повлияли и пробельность статьи УК (не обозначен непосредственный объект преступления), противоречивость нормы и ее толкование регулятивному законодательству, частое отсутствие в приговорах доказательств некоторых признаков состава преступления (например, содержание субъективных признаков).

Для достижения определенности нормы, содержащейся в ст. 138.1 УК РФ, правового толкования и применения ее необходимо:

1) принять ФЗ «Об обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», в котором дать определение основных понятий, четко прописать, какие действия и в отношении каких субъектов запрещены, разрешены при наличии лицензии и др.;

2) в ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» в качестве лицензируемой называть оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации;

3) в названии или диспозиции статьи указать на объект преступления;

4) при толковании и применении нормы показывать (доказывать) в каждом конкретном случае, какой закон нарушен, какими действиями, каким субъектом; (доказывать) отражение объективных признаков в содержании умысла, мотива (для чего, ради чего совершились действия).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти выводы были сделаны на основании изучения 76 определений Конституционного Суда РФ за 2016 г.

² Генеральной прокуратуре Российской Федерации проанализировать практику применения ст. 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении физических лиц и представить предложения по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на соблюдение интересов граждан, приобретающих, в том числе с использованием электронной торговли, бытовые технические устройства, имеющие признаки специальных технических средств, для негласного получения информации, но не предназначенные для этих целей. Пр-2713, п. 2. Срок исполнения – 15 марта 2018 г.

³ «Оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия (далее – оружие) – производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации».

⁴ Синонимы к слову «реализация», в том числе: сбыт, распродажа, продажа.

⁵ Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

⁶ Настоящее Положение определяет порядок лицензирования деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, осуществляющей юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

⁷ Из всех разновидностей объектов, выделяемых в литературе, только признаки непосредственного (обобщенного, видового, индивидуального) и дополнительного объектов, хотя и опосредованно, в обобщенном виде более или менее четко закрепляются в составе преступления. Признаки всех других объектов абстрактны, неточны, условны.

⁸ Настоящий Федеральный закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляющей на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

⁹ См. также постановление КС РФ о необходимости проверки правоприменителем иерархии законов.

¹⁰ Для оформления лицензии юридические лица и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (далее – заявители), представляют в уполномоченный орган государства-члена, на территории которого зарегистрирован заявител, документы и сведения, указанные в пп. 1–5 п. 10 Правил выдачи лицензий и разрешений на экспорт и (или) импорт товаров.

¹¹ Настоящее Положение устанавливает порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации юридическими лицами, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее именуются – специальные технические средства).

¹² В ст. 12 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» ввоз и вывоз специальных технических средств не предусмотрен как требующий лицензирования. Не названа в нем (ст. 1) и внешнеэкономическая деятельность, на которую этот закон не распространяется. В п. 2 ст. 12 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» указано, что «Положениями о лицензировании конкретных видов деятельности устанавливаются исчерпывающие перечни выполняемых работ, оказываемых услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, в случае, если указанные перечни не установлены федеральными законами» (в ред. Федерального закона от 14.10.2014 № 307-ФЗ). Тогда как в п. 3 ст. 12 этого закона указано, что введение лицензирования иных видов деятельности возможно только путем внесения изменений в предусмотренный настоящим Федеральным законом перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии.

¹³ «В неустановленное время, но не позднее ДД.ММ.ГГГГ, точная дата и время не установлены, в <адрес> у Гузитава А.А., не имеющего лицензии на продажу специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, возник преступный умысел на сбыт специального технического средства «<данные изъяты>, <данные изъяты>».

¹⁴ Решения судов на закрытие сайтов также произвольно толкуют регулятивное законодательство о лицензировании и запрете на проведение оперативно-розыскных действий с использованием для этих целей специальных технических средств.

¹⁵ «Признать И. В.П. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ, ст. 138.1 УК РФ...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Plokhova V.I. The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 7. С. 1090–1100.
2. Оганесян В.А. Принципы уголовного правосудия в международном праве. Эволюция и особенности имплементации. М. : NOTA BENE, 2011. 328 с.
3. Плохова В.И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 83–92.
4. Плохова В.И. Алгоритм оценки соответствия законов и правоприменительной деятельности условиям правомерного ограничения прав человека в уголовно-правовой сфере. Уголовное право: стратегия развития в 21 веке : матер. 14 Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 137–138.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
6. Определение КС РФ от 20.03.2014 г. № 587-О «Об Отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав положением статьи 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
7. Перечень поручений по итогам большой пресс-конференции Президента. Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам ежегодной пресс-конференции, состоявшейся 14 декабря 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/56520>
8. Вести. Ru. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2997808&cid=7>
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016, 2017 г. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения 24 июня 2018 г.).
10. Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (последняя ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679
11. Словарь синонимов. URL: <http://synonymonline.ru>
12. Усов Е.Г. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 1. С. 19.
13. Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 г. № 179. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345
14. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519
15. Данилова И.В. Конституционные основы ограничения прав и свобод в экономической сфере (на примере лицензирования) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 208 с.
16. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). URL: http://legalacts.ru/doc/99_FZ-o-licenzirovaniyu-otdelnyh-vidov-dejatelnosti/glava-1/statja-1
17. Положение о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, утвержденное постановлением правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128432/666362fd44272e7031a4ab0db23303efda9a3764
18. Плохова В.И. Признаки видового или непосредственного объекта закреплены в статье УК? // Вестник НГУ. Серия Право. 2015. № 4. С. 71–77.
19. По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 11 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова : постановление КС РФ от 06.12.2017 г. № 37-П. URL: www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx

20. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 307 с.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 УК РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
23. Апелляционный приговор от 04.04.2013 г. № 22-495/2013 судебной коллегии по уголовным делам суда Ямalo-Ненецкого автономного округа. URL: sudact.ru/regular/doc/INVlqfelZXYZ
24. Апелляционное постановление Рязанского областного суда 22-152/2014 от 13 марта 2014 г. № 22-152/2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp>
25. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ с последующими изменениями. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629
26. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части КоАП РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=125965&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.944804702648568#04655252316834664>
27. Лисица В.Н., Пархоменко С.В. Некоторые аспекты повышения эффективности уголовного закона в сфере экономики: разработка категориального аппарата // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 190–198.
28. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М. : Проспект, 2010. 432 с.
29. Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории... Приложение № 16 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/3ab2d4a8e759df97abe63977de391e1a59eb1461/
30. Положение о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102064888&rdk=&backlink=1>
31. Кировский районный суд г. Астрахани (Астраханская область) – г. Астрахань 16 ноября 2017 г. Дело № 1-573/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>
32. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 12 октября 2017 г. Дело № 1-325\2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>
33. Приговор № 1-410/2017 от 3 ноября 2017 г. по делу № 1-410/2017 Норильский городской суд (Красноярский край) – приговор_03 ноября 2017 г., Красноярский край город Норильск. Норильский городской суд Красноярского края. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>
34. Решение № 2-664/2017 2-664/2017~M-686/2017 M-686/2017 от 13 ноября 2017 г. по делу № 2-664/2017 Красноармейский городской суд (Саратовская область). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 августа 2018 г.

THE FORCED AMBIGUITY OF CRIMINAL LAW NORMS AND (OR) INCORRECT CONSOLIDATION, INTERPRETATION OF THEIR FEATURES (BASED ON ARTICLE 138.1 OF THE RF CRIMINAL CODE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 207–215.

DOI: 10.17223/15617793/433/28

Valentina I. Plokhova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: VPlohova@yandex.ru

Keywords: illegal turnover; special technical means; licensing; individual entrepreneur; components of crime; ruling.

The main aim of the research is to determine ways to make the norm described in Article 138.1 of the RF Criminal Code unambiguous, and make its interpretation based on the Constitution. In order to achieve this aim it is necessary: to determine the main feature of components of the crime, namely, the “illegality” of the turnover of special technical means that are used for surreptitious obtaining of information; to analyse its content with other features of components of the crime; to analyse 35 rulings of courts as for those convicted in 2013, 2014, 2016, 2017 under Art. 138.1 of the RF Criminal Code, statistical data of the Judicial Department at the RF Supreme Court about persons convicted under Art. 138 and 138.1 of the RF Criminal Code in 2016–2017, decisions of the RF Constitutional Court regarding issues that are considered. Analysis is made using systematical, comparative legal and statistical methods of research. As a result of the research, the following conclusions are made: 1. The ambiguity of the norm of Art. 138.1 of the RF Criminal Code cannot be reconciled by regulative norms because they are not clear enough and sometimes they even contradict the up-to-date civil legislation. 2. The reasons for fairly frequent violations of civil rights in the form of criminal conviction and punishment are the ambiguity of the article of the RF Criminal Code (the object of the crime is not formulated), the contradictory nature of the norm in its interpretation in regulative legislation, the frequent lack of proof of some features of components of the crime in court rulings. 3. In order to make the norm described in Art. 138.1 of the RF Criminal Code unambiguous, for its legal interpretation and application it is necessary: a) to enact the federal law “On Turnover of Special Technical Means Used for Surreptitious Obtaining of Information”, which defines the main terms, clearly names the actions and their subjects prohibited or allowed in case of licensing, etc.; b) to classify the turnover of special technical means used for surreptitious obtaining of information as an activity that needs to be licensed in the federal law “On Licensing of Specific Types of Activity”; c) to define the object of the crime in the title or the disposition of the article; d) to demonstrate (prove) in each case which law is violated, by what actions and by what subject; to prove objective features in criminal intent and motive due to which the actions were made in case of the interpretation and application of the norm.

REFERENCES

- Plokhova, V.I. (2017) The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 10(7). pp. 1090–1100. DOI: 10.17516/1997-1370-0118
- Oganesyan, V.A. (2011) *Printsyipy ugolovnogo pravosudiya v mezhdunarodnom prave. Evolyutsiya i osobennosti implementatsii* [Principles of criminal justice in international law. Evolution and features of implementation]. Moscow: NOTA BENE.
- Plokhova, V.I. (2014) Terms of legitimate restrictions of human rights and freedoms in criminal sphere. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4. pp. 83–92. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).83-92

4. Plokhova, V.I. (2017) [Algorithm for assessing the compliance of laws and law enforcement with the conditions of lawful restriction of human rights in the criminal law field]. *Ugolovnoe pravo strategiya razvitiya v 21 veke* [Criminal law development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 14 International Conference. 26–27 January 2017. Moscow: [s.n.]. pp. 137–138. (In Russian).
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 31 marta 2011 g. № 3-P gorod Sankt-Peterburg “po delu o proverke konstitutsionnosti chasti tret’ey stat’i 138 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan S.V. Kaporina, I.V. Korshuna i drugikh”* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of March 31, 2011, St. Petersburg “in the case on the verification of the constitutionality of Part three of Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens S.V. Kaporina, I.V. Korshun and others”]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *Opredelenie KS RF ot 20.03.2014 g. № 587-O “Ob Otkaze v prinyati k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Popova Maksima Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniem stat’i 138.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 587-O of March 20, 2014 “On the refusal to accept for consideration a complaint by citizen Maxim Vladimirovich Popov on violation of his constitutional rights by the provision of Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
7. Kremlin.ru (2017) *Perechen’ porucheniy po itogam bol’shoy press-konferentsii Prezidenta. Vladimir Putin utverdil perechen’ porucheniy po itogam ezhegodnoy press-konferentsii, sostoyavshesya 14 December 2017* [List of instructions on the results of the big press conference of the president. Vladimir Putin approved the list of instructions following the annual press conference held on December 14, 2017]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/56520>.
8. Vesti. Ru. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2997808&cid=7>.
9. The Site of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016, 2017 g. Forma № 10-a “Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestopleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”* [Summary statistical information on the criminal record in Russia for 2016, 2017. Form No. 10-a “Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>. (Accessed: 24 June 2018).
10. Consultant.ru. (1996) *Ob oruzhii: Federal’nyy zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ (poslednyaya red.)* [On weapons: Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 (latest ed.)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679.
11. *Dictionary of synonyms*. [Online] Available from: <http://synonymonline.ru>.
12. Usov, E.G. (2018) On the Issue of Crime Qualification under Art. 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Baikal Research Journal*. 9(1). pp. 19. (In Russian).
13. Consultant.ru. (1992) *Perechen’ vidov produktov i otkhodov proizvodstva, svobodnaya realizatsiya kotorykh zapreshchena. Utverzhden Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 22 fevralya 1992 g. № 179* [The list of types of products and production wastes, the free sale of which is prohibited. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 179 of February 22, 1992]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345.
14. Consultant.ru. (1995) *Ob operativno-rozysknuy deyatel’nosti: Federal’nyy zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ (poslednyaya red.)* [On the operational-search activities: Federal Law No. 144-FZ of 12.08.1995 (latest ed.)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519.
15. Danilova, I.V. (2014) *Konstitutionnye osnovy ograniceniya prav i svobod v ekonomicheskoy sfere (na primere litsenzirovaniya)* [Constitutional bases of restriction of rights and freedoms in the economic sphere (by the example of licensing)]. Law Cand. Dis. Moscow.
16. Legalacts.ru. (2018) *O litsenzirovaniyu otdel’nykh vidov deyatel’nosti: Federal’nyy zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ (red. ot 31.12.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018)* [On licensing of certain types of activities: Federal Law No. 99-FZ of 04.05.2011 (ed. of December 31, 2017) (as amended and supplemented, effective of 01.01.2018)]. [Online] Available from: http://legalacts.ru/doc/99_FZ-o-litsenzirovaniyu-otdelnyh-vidov-dejatelnosti/glava-1/statja-1.
17. Consultant.ru. (2012) *Polozhenie o litsenzirovaniyu deyatel’nosti po razrabotke, proizvodstvu, realizatsii i priobreteniyu v tselyakh prodazhi spetsial’nykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii, utverzhdennoe postanovleniem pravitel’stva RF ot 12 aprelya 2012 g. № 287* [Regulations on the licensing of activities for the development, production, sale and acquisition for selling of special technical equipment intended for surreptitious obtaining of information, approved by Government Decree No. 287 of April 12, 2012]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128432/666362fd44272e7031a4ab0db23303efda9a3764.
18. Plokhova, V.I. (2015) Priznaki vidovogo ili neposredstvennogo ob’ekta zakrepleny v stat’e UK? [Are signs of a specific or direct object enshrined in the article of the Criminal Code?]. *Vestnik NGU. Seriya Pravo*. 4. pp. 71–77.
19. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa trinadtsatogo stat’i 12 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i chasti 2 stat’i 13 i punkta 11 chasti 1 stat’i 29 Arbitrazhnogo protsessual’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.G. Zhukova: postanovlenie KS RF ot 06.12.2017 g. № 37-P* [In the case on the verification of the constitutionality of Paragraph 13 of Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation and Part 2 of Article 13 and Paragraph 11 of Part 1 of Article 29 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.G. Zhukov: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 37-P of December 6, 2017]. [Online] Available from: www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx.
20. Shishko, I.V. (2004) *Ekonomicheskie pravonarusheniya: Voprosy yuridicheskoy otsenki i otvetstvennosti* [Economic offenses: Issues of legal assessment and liability]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
21. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 maya 2008 g. № 8-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya ch. 1 st. 188 UK RF v svyazi s zhaloboy grazhdanki M.A. Aslamazyan”* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of May 27, 2008 “In the case of verification of constitutionality of the provision of Part 1 of Art. 188 of the RF Criminal Code in connection with the complaint of citizen M.A. Aslamazyan”]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
22. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 iyulya 2010 g. № 15-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya ch. 1 st. 188 UK RF, ch. 4 st. 4.5, ch. 1 st. 16.2 i ch. 2 st. 27.11 KoAP v svyazi s zhalobami grazhdan V.V. Batalova, L.N. Valuevoy, Z.Ya. Ganievoy, O.A. Krasnoy i I.V. Epova”* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P of July 13, 2010 “In the case of verification of constitutionality of the provision of Part 1 of Art. 188 of the RF Criminal Code, Part 4 of Art. 4.5, Part 1 of Art. 16.2 and Part 2 of Art. 27.11 of the RF Code of Administrative Offenses in connection with complaints of citizens V.V. Batalov, L.N. Valueva, Z.Ya. Ganieva, O.A. Krasnaya and I.V. Epov”]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
23. Sudact.ru. (2013) *Apellyatsionnyy prigovor ot 04.04. 2013 g. № 22-495/2013 sudebnoy kollegii po ugolovnym delam suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Appeal verdict No. 22-495/2013 of April 04, 2013 of the Judicial Board for Criminal Cases of the Yamal-Nenets Autonomous District Court]. [Online] Available from: sudact.ru/regular/doc/INVlqfeIWXYZ.
24. Sudact.ru. (2014) *Apellyatsionnoe postanovlenie Ryazanskogo oblastnogo suda 22-152/2014 ot 13 marta 2014 g.* [Appellate resolution of the Ryazan Regional Court No. 22-152/2014 of March 13, 2014]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCVNCmp12dp>.
25. Consultant.ru. (2009) *Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya torgovoy deyatel’nosti v Rossiyskoy Federatsii: Federal’nyy zakon ot 28.12.2009 № 381-FZ s posleduyushchimi izmeneniyami* [On the fundamentals of state regulation of trade activity in the Russian Federation: Federal Law No. 381-FZ of December 28, 2009, with subsequent amendments]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629.

26. Consultant.ru. (2006) *O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenenii Osobennoy chasti KoAP RF: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 oktyabrya 2006 g. № 18* [On some issues arising in the courts when applying the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18 of October 24, 2006]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=125965&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9448047026485686#04655252316834664>.
27. Lisitsa, V.N. & Parkhomenko, S.V. (2018) Some Aspects of Improving the Efficiency of Criminal Law in the Sphere of Economy: Developing the Categories. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12(2). pp. 190–198. (In Russian).
28. Belykh, V.S. (2010) *Pravovoe regulirovaniye predprinimatel'skoy deyatelnosti v Rossii* [Legal regulation of business activities in Russia]. Moscow: Prospekt.
29. Consultant.ru. (2015) *Polozhenie o vvoze na tamozhennyu territoriyu Evraziyskogo ekonomiceskogo soyuzu i vyvoze s tamozhennoy territorii... Prilozhenie № 16 k Resheniyu Kollegii Evraziyskoy ekonomiceskoy komissii ot 21 aprelya 2015 g. № 30* [Regulations on the importation into the customs territory of the Eurasian Economic Union and exportation from the customs territory . . . Appendix No. 16 to the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 30 of April 21, 2015]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/3ab2d4a8e759df97abe63977de391e1a59eb1461/.
30. Pravo.gov.ru. (2000) *Polozhenie o vvoze v Rossiyskayu Federatsiyu i vyvoze iz Rossiyskoy Federatsii spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii. Utverzhdeno postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 10 marta 2000 g. № 214* [Regulations on the importation into the Russian Federation and the exportation from the Russian Federation of special technical means intended for surreptitious obtaining of information. Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 214 of March 10, 2000]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102064888&rdk=&backlink=1>.
31. Sudact.ru. (2017) *Kirovskiy rayonnyy sud g. Astrakhan' (Astrakhanskaya oblast')* – g. Astrakhan' 16 noyabrya 2017 g. *Delo № 1-573/2017* [Kirovsky District Court of Astrakhan (Astrakhan Oblast) – Astrakhan, November 16, 2017. Case No. 1-573 / 2017]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>.
32. Sudact.ru. (2017) *Prigovor Leninskogo rayonnogo suda g. Orenburga ot 12 oktyabrya 2017 g. Delo № 1-325/2017* [Verdict of the Leninsky District Court of Orenburg of October 12, 2017. Case No. 1-325/2017]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>.
33. Sudact.ru. (2017) *Prigovor № 1-410/2017 ot 3 noyabrya 2017 g. po delu № 1-410/2017 Noril'skiy gorodskoy sud (Krasnoyarskiy kray)* [Verdict No. 1-410/2017 of November 3, 2017 in case No. 1-410/2017 of the Norilsk City Court (Krasnoyarsk Krai)]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>.
34. Sudact.ru. (2017) *Reshenie № 2-664/2017 2-664/2017~M-686/2017 M-686/2017 ot 13 noyabrya 2017 g. po delu № 2-664/2017 Krasnoarmeyskiy gorodskoy sud (Saratovskaya oblast')* [Decision No. 2-664/2017 2-664/2017~M-686/2017 M-686/2017 of November 13, 2017 in case No. 2-664/2017 of the Krasnoarmeysky City Court (Saratov Oblast)]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/MKCvNCmp12dp/>.

Received: 01 August 2018

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ УГОЛОВНОГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассмотрены изменения в нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за совершение преступлений «коррупционной направленности». В результате анализа авторами сделаны выводы о достоинствах и недостатках действующего уголовного законодательства в рассматриваемой сфере; обосновываются предложения по внесению дополнений и изменений, направленных на совершенствование уголовно-правового механизма предупреждения коррупции.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; предупреждение; должностное лицо в уголовном праве.

В соответствии с данными официальной статистики количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в последние пять лет снизилось практически в полтора раза (с 42 506 в 2013 г. до 29 634 в 2017 г.), а количество предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 290 (получение взятки) Уголовного кодекса России, в 2013 и 2017 гг. составило соответственно 6 366 и 2 461 [1].

Вместе с тем интерес к проблемам предупреждения коррупции, в том числе мерами уголовно-правового характера, не снижается. Во многом это связано с тем, что законодатель постоянно вносит изменения в нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений «коррупционной направленности». Однако законодательные новеллы далеко не всегда направлены на решение существующих проблем правового регулирования в рассматриваемой сфере [2. С. 104–110]. До настоящего времени так и остались неразрешенными вопросы, связанные с криминализацией незаконного обогащения публичных должностных лиц и взятки в форме нематериальных благ, с конфискацией имущества как видом уголовного наказания и другие.

Вносимые в Уголовный кодекс России изменения чаще порождают новые научные дискуссии и ставят очередные вопросы перед правоприменителем, решение которых в некоторых случаях осложняется предлагаемым Верховным Судом России толкованием рассматриваемых норм.

Учитывая, что изменения коснулись как норм Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса, обратимся к некоторым из них.

Проведенная законодателем работа выразилась в новеллах, которые условно можно разделить на те, которые носят так называемый технический характер, и те, которые носят содержательный характер. В свою очередь, технические новеллы связаны со следующими изменениями:

Во-первых, с введением в действие уголовного наказания в виде принудительных работ в санкциях коррупционных преступлений появилось указание на данный вид наказания (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ).

Во-вторых, с закреплением в гл. 23 УК РФ «зеркальных» составов преступлений тем, которые закреплены в гл. 30 УК РФ. К ним относится «Посредничество в коммерческом подкупе» (ст. 204.1)

и «Мелкий коммерческий подкуп» (ст. 204.2). Эти деяния были криминализированы Федеральным законом от 17 июня 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

В-третьих, с приведением уголовно-правовых антикоррупционных норм к потребностям правоприменительной практики и уточнением признаков составов рассматриваемых преступлений. Под такими изменениями мы понимаем дополнение диспозиций норм, предусмотренных ст. 290, 291 и 204 УК РФ и указанием на ситуации «...в том числе когда взятка (или предмет коммерческого подкупа) по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу» (Федеральный закон от 17 июня 2016 г. № 324-ФЗ).

В-четвертых, с приведением в соответствие с требованиями ратифицированных Российской Федерацией антикоррупционных конвенций: включение в число субъектов коррупционных преступлений иностранных должностных лиц, должностных лиц публичной международной организации, как они раскрываются в «Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», 1999, и в «Конвенции ООН против коррупции», 2003 (это любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия; под должностным лицом публичной международной организации понимается международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени, примечание № 2 к ст. 290 УК РФ).

Наибольший интерес представляют изменения, относящиеся к криминализации и касающиеся дифференциации уголовной ответственности и наказания за преступления коррупционной направленности.

Федеральным законом от 13.07.2015 № 265-ФЗ пункт 1 примечаний к ст. 285 Уголовного кодекса России после слов «государственных корпорациях», дополнить словами «государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федера-

ции, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям».

В самом общем виде изменения в понятие должно-го лица сформулированы в виде дополнений, которые в свою очередь носят бланкетный характер. Это обстоятельство требует обращения к регулятивным отраслям права, в которых раскрываются соответствующие понятия. С определением большинства используемых законодателем понятий трудностей не возникает.

Понятия «государственная компания, государственное и муниципальное унитарное предприятие, акционерное общество» раскрываются в Гражданском кодексе России и соответствующих федеральных законах («О некоммерческих организациях», «Об акционерных обществах»).

Иначе обстоит дело с понятием «контрольный пакет акций». Законодательного определения данного понятия нет. Единственное нормативное определение понятия «контрольный пакет акций» содержится в Указе Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества», далее – Временное положение). Пункт 1.1 (абз. 3) Временного положения гласит: «Здесь и далее под «контрольным пакетом акций» понимается любая форма участия в капитале предприятия, которая обеспечивает безусловное право принятия или отклонения определенных решений на общем собрании его участников (акционеров, пайщиков) и в его органах управления <*>». Решения о наличии контрольного пакета акций принимаются Государственным комитетом Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур и его территориальными органами (в настоящее время – Федеральная антимонопольная служба России) с учетом конкретных особенностей учредительных документов и структуры капитала предприятий.

Немаловажным является и тот факт, что к данному определению есть примечание со звездочкой (<*>), которое дословно звучит так: «В том числе наличие «Золотой акции», права вето, права непосредственно-го назначения директоров и т.п.».

Очевидно, что именно этими нормами до появления соответствующих разъяснений Пленума Верховного суда России будет руководствоваться правопри-менитель. Однако уже в первом приближении видно, что данное определение несет в себе коррупционные риски (неопределенность формулировок, возможность усомнения). Вместе с тем даже не специалисту в области корпоративного права ясно, что понятия «контрольный пакет акций», контроль над принятием решений, право вето, право непосредственного назна-чения директоров – не являются однозначными, имеют разную экономическую и правовую природу.

В связи с этим возникает вопрос, а были ли эти изменения в понятие должностного лица в уголовном праве предметом антикоррупционной экспертизы? Скорее всего – нет.

Государственные компании, государственные и муниципальные унитарные предприятия (их создание регулируется специальными федеральными за-конами) – это коммерческие организации, которые составляют так называемый государственный сектор экономики, форму непосредственного участия государства в предпринимательской и иной экономиче-ской деятельности.

Превращение руководителей коммерческих организаций в должностных лиц – это возврат к ситуа-ции, которая имела место до начала 90-х гг. прошлого века, когда существовал только один сектор эко-номики – государственный, а должностными лицами по уголовному законодательству РСФСР признавались руководители предприятий и общественных организаций. Принятие закона «О собственности» в 1991 г. и признание Конституцией России 1993 г. равенства всех форм собственности создало право-ые основы для появления новых субъектов хозяйственной деятельности – коммерческих организаций, а законы о приватизации стали инструментом раз-государствления экономики.

Необходимость участия государства в управлении коммерческими организациями (предприятиями) в целях обеспечения стратегических интересов, обороноспособности, безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан не вызывает сомнений.

В этой связи отметим, что выполнение лицами определенных функций (например, голосование на общем собрании акционерного общества, в котором государству принадлежит контрольный пакет акций, от имени государства; административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции в ПАО «Сбербанку», ПАО «Газпром», ОАО «Российские же-лезные дороги», ПАО «Аэрофлот – Российские авиа-линии»), не превращает их в представителей власти и лиц, реализующих полномочия публичной власти, а отношения, которым может быть причинен вред их неправомерными действиями, – в отношения, обес-печивающие интересы государственной службы и служ-бы в органах местного самоуправления.

Вместе с тем положительным моментом в этой но-велье является то, что криминализирована халатность «новых» должностных лиц, которые до этих измене-ний не несли уголовной ответственности за проявле-ние халатности в частном секторе (за исключением ответственности на основании общих норм о причинении вреда по неосторожности).

Федеральный закон от 17 июня 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Россий-ской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дифференцировал взятку на: мелкую, в значительном, крупном и особо крупном разме.

Мелким взяточничеством (мелким коммерческим подкупом) теперь признается получение взятки (ком-мерческого подкупа), дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

Согласно данным официальной уголовной стати-стики за 2017 г. (это первый полный год после появ-

ления рассматриваемой нормы) именно мелкое взяточничество вместе с мелким коммерческим подкупом составляют более половины всех «коррупционных преступлений, связанных со взяточничеством». Приведенная нами статистика на первый взгляд лишь подтверждает сложившийся стереотип о том, что слухи об общественной опасности коррупции преувеличены, а сама коррупция носит ярко выраженный низовой и бытовой характер.

Не вдаваясь в анализ общественной опасности и сущности коррупции, согласимся с теми авторами, которые полагают, что ее общественная опасность не определяется и не может зависеть от суммы взятки.

Законодатель пошел по пути криминализации стадии обнаружения умысла (Обещание или предложение посредничества в даче взятки и коммерческом подкупе). Несмотря на то, что появление этих норм – это имплементация требований антикоррупционных конвенций, данный этап (обнаружения умысла) не отнесен российским законодателем к неоконченному преступлению (ст. 29 УК РФ), а его закрепление входит в противоречие с доктринальным положением об ответственности только за действие (действие или бездействие), а не за мысли и намерения.

Для устранения вопросов, возникающих у право-применителей при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве (ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ) и об иных связанных с ними преступлениях, в том числе коррупционных, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Не останавливаемся на его анализе, так как он уже стал предметом многочисленных самостоятельных исследований. Вместе с тем, поддерживая обоснованную критику этого Постановления в специальной литературе [3. С. 60–65, 4. С. 25–30], полагаем, что вмешательство судебной власти в сферу законодательную вряд ли может быть обосновано потребностями практики и подкрепляться известной формулой «цель оправдывает средства» (как это имеет место в указании Верховного Суда России на квалификацию как оконченного получения взятки по частям, в том числе при значительном, крупном либо особо крупном размере) при получении лишь первой части взятки... при этом, не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению (см., пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда России).

Отметим и изменения санкций норм, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, которые в целом можно охарактеризовать как ужесточение и усиление репрессии.

Это выразилось в повышении верхних пределов наказаний в санкциях рассматриваемых статей, а также в праве суда (факультативно) назначать дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Положительно следует охарактеризовать учет законодателем криминологических реалий, выражавшихся в высокой доходности «торговли полномочиями публичной власти» и профессионализацию этой сферы деятельности. Известно, что важным средством предупреждения повторного совершения тождественных преступлений является специальный рецидив преступлений. Учитывая это, законодатель в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ предусмотрел ответственность за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, если эти деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей.

В этой связи возникает вопрос, почему такого же квалифицирующего признака нет в ст. 290 УК РФ? Или степень общественной опасности личности взяточникополучателя обратно пропорциональна размеру взятки: усиление ответственности связано с получением взятки в меньшем, чем значительный размер, в то время как «повышение аппетита» взяточникополучателя от мелкой до взятки в значительном и большем размере, такого учета за собой не влечет? Анализируемая законодательная конструкция может быть интерпретирована не иначе как призыв: «бери больше, кидай дальше!».

Кроме того, предупредительный потенциал этого нововведения легко может быть нивелирован (преодолен) практикой его применения. Например, при наличии предшествующей судимости по ч. 1 ст. 290 Уголовного кодекса России и изобличения лица в получении мелкой взятки, сопряженной с превышением должностных полномочий, виновное лицо с учетом требований статьи 69 УК РФ фактически может рассчитывать на безнаказанность за повторное проявление «коррупции в мелких размерах».

Не вполне логичным представляется решение законодателя в санкциях норм, предусматривающих ответственность за получение, дачу и посредничество во взяточничестве, дополнить их указанием на альтернативный способ расчета штрафа – в твердой денежной сумме (при сохранении кратного способа), в то время как в мелком взяточничестве – новой статье УК РФ – вообще нет упоминания о таком способе. Напрашивается вопрос: Забыли?

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Россия последовательно, но избирательно реализует требования международных стандартов в сфере противодействия коррупции. Наряду с криминализацией и совершенствованием норм, предусматривающих ответственность за проявление коррупции в частном секторе, криминализацией обещания посредничества во взяточничестве, так и не разрешенными остаются вопросы уголовной ответственности за незаконное обогащение, признания нематериальных благ взяткой и др.

Дифференциация ответственности за мелкое и «немелкое» взяточничество не только не отражает характер общественной опасности этого явления, напротив, может формировать неверное представление о сущности и содержании общественных отношений, взятых под уголовно-правовую охрану, дефор-

мировать представления о коррупции (и формах ее проявления) в сознании участников общественных отношений.

Изменения, внесенные в уголовный закон, носят противоречивый идеологico-правовой характер: на нормативном (уголовно-правовом) уровне происходит «загосударствление» частного сектора и смещение акцента с отношений в сфере публичной власти на отношения, в которых государство участвует в качестве субъекта экономической деятельности.

Таким образом, учитывая, что на высоком государственном уровне неэффективность ФГУПОв, ГУПов и МУПов уже давно не вызывает сомнений, налицо противоречивость и непоследовательность принимаемых решений.

До внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Верховный суд должен дать соответствующее разъяснение относительно понятия «контрольный пакет акций», например, в виде примечания к ст. 285 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портал правовой статистики. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 10.06.2018).
2. Прозументов Л.М., Карелин Д.В. Анализ нового антикоррупционного законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 104–110.
3. Елисеев С.А. Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 60–65
4. Яни П.С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 10. С. 25–30.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 июня 2018 г.

ON SOME CHANGES IN THE CRIMINAL ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 216–219.

DOI: 10.17223/15617793/433/29

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Dmitrii V. Kareljin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: corruption; bribery; prevention; official in criminal law.

The subject matter of the article is the analysis of new anti-corruption norms in the existing criminal legislation of Russia, and determination of the directions to improve the criminal legal mechanism for the prevention of corruption. Having analyzed the existing anti-corruption legislation, the authors came to a conclusion on merits and demerits of criminal legislation in the sphere of anti-corruption. According to official statistics both the number of registered corruption-related crimes and the number of previously investigated crimes provided for in Article 290 (bribe taking) of the Criminal Code of Russia in the last five years have fallen by one and a half times and two and a half times respectively. Moreover, there still is interest in the problems of corruption prevention including the measures of criminal and legal character. In many respects, this can be explained by the fact that legislators constantly introduce changes to the norms, which provide criminal liability for the commission of “corruption-related crimes”. These changes can conditionally be divided into those having a so-called technical character and those having a substantial character. When writing the article, the authors set the task to implement the analysis of changes of criminal rules of law in Russia in recent years; they used dialectic, formal and logical, comparative and legal methods. It is noted that along with criminalization and improvement of the norms providing for responsibility for manifestation of corruption in the private sector, criminalization of the promise of mediation in bribery, the questions of criminal liability for illegal enrichment, recognition of non-material benefits as a bribe, etc. remain unsolved. It is emphasized in the article that differentiation of responsibility for small and “non-small” bribery neither reflects the character of public danger of this phenomenon nor builds up a correct idea about the essence and content of public relations taken under criminal legal protection. The above mentioned differentiation can deform the concepts of corruption (and forms of its manifestation) in the consciousness of the participants of public relations. The authors conclude that the changes in the criminal law have a contradictory ideological and legal character: there is “governmentalization” of the private sector on the standard (criminal and legal) level and a shift of accent from the relations in the sphere of public power to the relations under which the state participates as a subject of economic activity.

REFERENCES

1. The portal of legal statistics. (n.d.) *General'naya Prokuratura Rossiyskoy Federatsii* [General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_chart. (Accessed: 10.06.2018).
2. Prozumentov, L.M. & Kareljin, D.V. (2009) Analysis of the new anti-corruption legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 104–110. (In Russian).
3. Eliseev, S.A. (2014) Some controversial problems of the Ruling of the Russian Federation Supreme Court Plenum No. 24 dated 09.07.2013 “On court practice in the bribery cases and other corruption crimes”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4 (14). pp. 60–65. (In Russian).
4. Yani, P.S. (2013) Novoe postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda o vzyatochnichestve [A new resolution of the Plenum of the Supreme Court on bribery]. *Zakonnost'*. 10. pp. 25–30.

Received: 26 June 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАШЕВ Дмитрий Владимирович — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь). E-mail: agajur@outlook.com

АХМЕДШИНА Наталия Владимировна — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: dana74@mail.ru

БАРАНОВА Елена Алексеевна — канд. мед. наук, ст. преподаватель отделения физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: elena4408@yandex.ru

БРЕДИХИНА Юлия Петровна — канд. мед. наук, доцент отделения физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: u2000@yandex.ru

БУХАЛЕНКОВА Дарья Алексеевна — мл. науч. сотр. кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

ВЕРАКСА Александр Николаевич — д-р психол. наук, член-корр. Российской академии образования, зав. кафедрой психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова E-mail: veraksa@yandex.ru

ГАВРИЛОВА Маргарита Николаевна — аспирант кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова E-mail: margaret.martynenko@gmail.com

ДАМАШЕК Лев Михайлович — д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail levdameshek@gmail.com

ДАМЕШЕК Ирина Львовна — д-р ист. наук, профессор кафедры истории и методики Иркутского государственного университета. E-mail dameshek@rambler.ru

ДУДИНА Маргарита Николаевна — д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: mndudidna@yandex.ru

ИППОЛИТОВ Владимир Александрович — канд. ист. наук, преподаватель Приборостроительного колледжа (г. Тамбов). E-mail: ladimir.ippolitov@mail.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна — канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КАЛИННИКОВА Юлия Геннадьевна — преподаватель кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: kalinnikova@gmail.com

КАРЕЛИН Дмитрий Владимирович — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

КИЛИН Алексей Павлович — канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственно-управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: Alexey.kilin@urfu.ru

КОРНАКОВА Светлана Викторовна — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

КРАВЕЦ Игорь Александрович — д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета. E-mail: kravigor@gmail.com

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович — д-р ист. наук, зав. лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Екатерина Валентиновна — аспирант, науч. сотр. отдела русской литература конца XIX – начала XX вв. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: katkuzl@mail.ru

ЛУШНИКОВА Галина Игоревна — д-р филол. наук, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялте. E-mail: lushgal@mail.ru

МАЛКОВА Ирина Юрьевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой управления образованием Томского государственного университета. E-mail: malkovo@yandex.ua

МАШАНЛО Тимур Евгеньевич – мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: mashanlote@gmail.com

МОИСЕЕНКО Арсений Дмитриевич – студент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

НИКИФОРОВА Элина Александровна – соискатель кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: elina.nikiforova@gmail.com

ОВСЯНИЦКАЯ Лариса Юрьевна – канд. техн. наук, доцент кафедры математики и информатики Челябинского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: larovs@rambler.ru

ОСАДЧАЯ Татьяна Юрьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялте. E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

ПАВЛОВИЧ Кристина Константиновна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

ПАШКОВ Вячеслав Константинович – профессор кафедры физической культуры Томского политехнического университета. E-mail: pashkovvk@tpu.ru

ПЛАКСИНА Татьяна Алексеевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: plaksinata@yandex.ru

ПЛОХОВА Валентина Ивановна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета. E-mail: VPlohova@yandex.ru

ПОЛУХИНА Яна Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета. E-mail: yanessa7@yandex.ru

ПРИЩЕПА Евгений Валерьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: pri-evg@mail.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

ПРОСКУРЯКОВ Богдан Викторович – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: talos397@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru

СЛЕЗИН Анатолий Анатольевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и философии Тамбовского государственного технического университета. E-mail: slezins@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Андрей Александрович – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкоznания и классической филологии, мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: stepanenkone@mail.ru

ТРОФИМОВА Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Тюменского государственного университета. E-mail: otrofim@rambler.ru

ФАЕРМАН Андрей Валериевич – специалист по учебно-методической работе отдела международной образовательной деятельности Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: andrey2010@mail.ru

ФАМ Кам Ньюнг – канд. хим. наук, ассистент междисциплинарной кафедры Томского политехнического университета. E-mail: Farnkn@tpu.ru

Цзин Тун – соискатель кафедры русского языка Тюменского государственного университета. E-mail: t.jing@yandex.ru

ЦИГУЛЕВА Олеся Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

ЧЕРДАНЦЕВА Раиса Геннадьевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: fflk@mail.tsu.ru

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, директор Центра политических и социальных технологий (г. Москва). E-mail: nuapl@yandex.ru

ШУШАРИНА Марина Вячеславовна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: marina.metel@gmail.com

ЩЕРБАКОВА Ирина Александровна – зам. прокурора прокуратуры Октябрьского р-на г. Иркутска. E-mail: low-ira@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 433. Август

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 августа 2018 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 28. Усл. печ. л. 26. Тираж 50 экз.
Заказ № 3472. Цена свободная.

Дата выхода в свет 9 ноября 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюор
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Карапур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-53-15-28; 8(382-2)-52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-53-15-28; 8(382-2)-52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru